СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLII, № 2.

НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА Ѳ. И. БУСЛАЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1887.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1887 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Собранныя здѣсь монографіи относятся къ началу шестидесятыхъ годовъ, за исключеніемъ одной небольшой, которая напечатана въ 1871 г. Какъ по научному методу и воззрѣніямъ, такъ и по матеріалу и пособіямъ, очень немногимъ отличаются онѣ отъ изданныхъ мною въ 1861 г. „Историческихъ Очерковъ", и какъ бы составляютъ ихъ продолженіе.

Съ тѣхъ поръ изученіе народности значительно расширилось въ объемѣ и содержаніи, и соотвѣтственно новымъ открытіямъ установились иныя точки зрѣнія, которыя привели ученыхъ къ новому методу въ разработкѣ матеріаловъ. Такъ называемая Гриммовская школа съ ея ученіемъ о самобытности народныхъ основъ миѳологіи, обычаевъ и сказаній, которое я проводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, должна была уступить мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ. Многое, что признавалось тогда за наслѣдственную собственность того или дру-

гаго народа, оказалось теперь случайнымъ заимствованіемъ, взятымъ извнѣ въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе объясняемыхъ историческими путями, по которымъ направлялись эти культурныя вліянія.

Чтобы издать вновь сочиненія, написанныя мною четверть столѣтія тому назадъ, надобно было не только восполнить ихъ новыми матеріалами и пособіями, но и постановить на другія основы, данныя новою теоріею.

Такая капитальная перестройка требовала многолѣтнихъ трудовъ, на которые у меня не хватало времени за другими спеціальными работами, да и вообще она была мнѣ уже не по силамъ, и я твердо рѣшился не издавать вновь такъ давно составленныхъ мною монографій по народной поэзіи.

Однако рѣшеніе мое было поколеблено лестнымъ для меня вниманіемъ Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, которое признало небезполезнымъ перепечатать мои изслѣдованья и безъ исправленій, въ видѣ матеріаловъ для исторіи науки по изученію старины и народности.

Будучи поощренъ такимъ авторитетнымъ для меня заключеніемъ, я нашелъ въ немъ достаточное оправданіе моей смѣлости напомнить новому поколѣнію ученыхъ о такихъ устарѣлыхъ работахъ, которыя слѣдовало бы въ новомъ изданіи значительно передѣлать.

Впрочемъ при самомъ печатаніи этого собранія я не могъ воздержаться отъ нѣсколькихъ исправленій и дополненій, которыя признаю за необходимое указать всѣ до одного, за исключеніемъ неизбѣжныхъ поправокъ въ слогѣ.

На стр. 144—145 о значеніи слова „богатырь“.

На стр. 410—413 два романса о Сидѣ въ переводѣ Жуковскаго.

На стр. 472 указаніе на одну миніатюру въ С.-Галльской Псалтыри.

На стр. 494—495 и 497—499 четыре народныхъ стиха съ ихъ объясненіями.

Сверхъ того въ разныхъ мѣстахъ исключены полемическія выходки, которыя имѣли нѣкоторый интересъ въ свое время, но теперь утратили всякое значеніе и въ новомъ изданіи только нарушали бы ровность и надлежащее спокойствіе въ изложеніи.

Остается присовокупить, гдѣ и когда были напечатаны вошедшія въ это собраніе монографіи:

Русскій богатырскій эпосъ въ Русскомъ Вѣстникѣ Каткова 1862 г.

Русскіе духовные стихи въ Русской Рѣчи графини Саліасъ 1861 г.

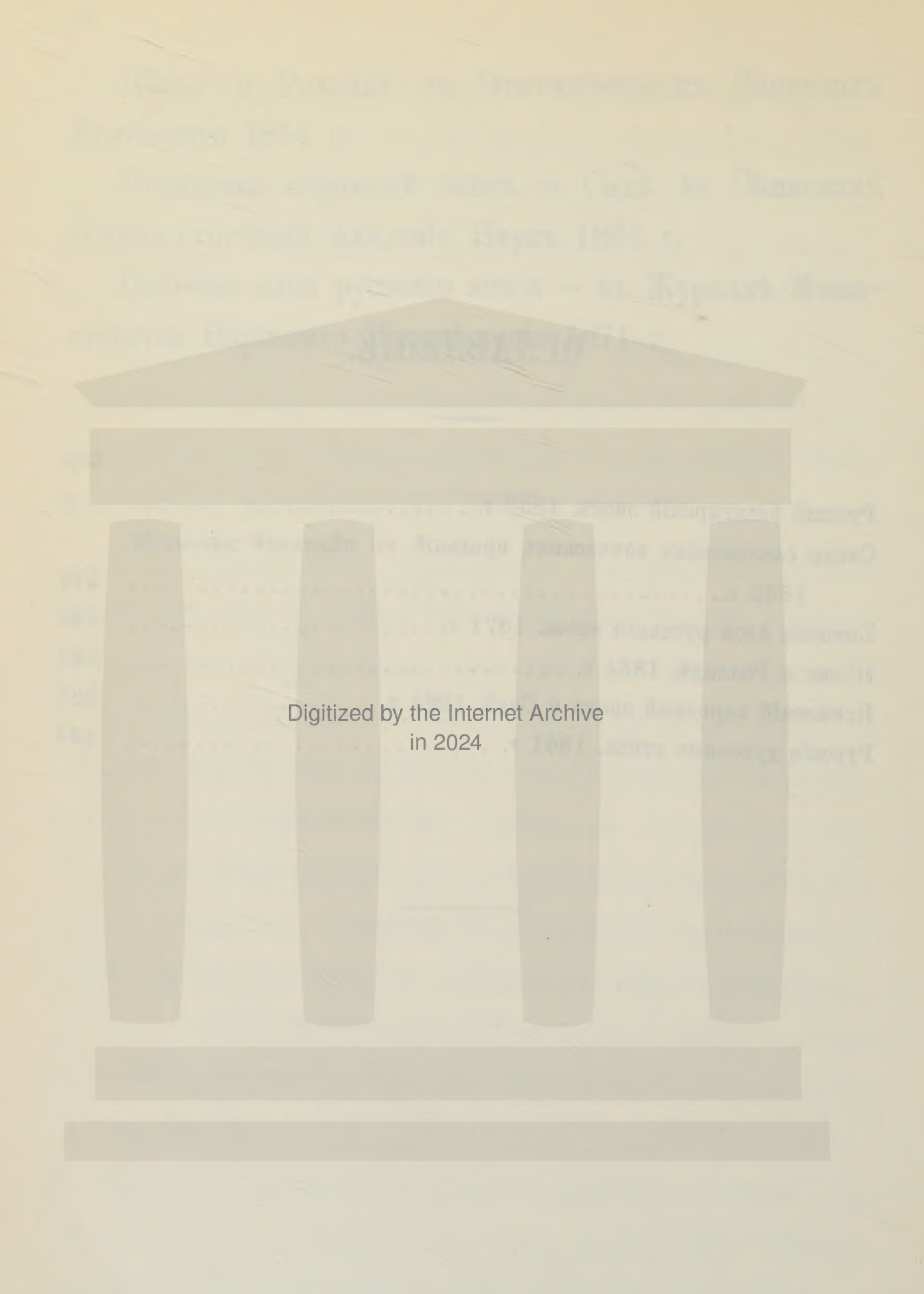
Слѣды славянскихъ эпическихъ преданій въ нѣмецкой миѳологіи — въ Филологическихъ Запискахъ Хованскаго 1862 г.

Пѣсня о Роландѣ въ Отечественныхъ Запискахъ Краевскаго 1864 г.

Испанскій народный эпосъ о Сидѣ въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ 1864 г.

Бытовые слои русскаго эпоса — въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1871 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКІЙ БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть I. Народныя былины, старины и побывальщины. Москва, 1861 г., въ 8 д.

Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Два выпуска. Москва, 1860—1861 г., въ 8 д.

Литература, служа выраженіемъ жизни народа, имѣетъ бо́льшее или меньшее значеніе по народу, которому принадлежитъ, то-есть, чѣмъ образованнѣе народъ, чѣмъ важнѣе его нравственное вліяніе на исторію человѣка, тѣмъ значительнѣе его литература. Потому литература классическихъ народовъ, Грековъ и Римлянъ, стала общимъ достояніемъ всего образованнаго міра. Въ такихъ литературахъ національные интересы до того тѣсно связаны съ общечеловѣческими, что составляютъ почти нераздѣльное цѣлое. Національныя идеи и образы, переданные Грекомъ въ Иліадѣ, стали для всѣхъ европейскихъ странъ обязательнымъ предметомъ общечеловѣческаго образованія.

Счастливъ тотъ народъ, который въ національныхъ основахъ своей литературы, вмѣстѣ съ любовію къ родинѣ, можетъ воспитывать въ себѣ всѣ высшія, общечеловѣческія стремленія, народъ, который, раскрывая свою національность, двигаетъ впередъ исторію человѣчества, и въ произведеніяхъ своихъ писателей съ гордостью указываетъ на высшую степень умственнаго и литературнаго развитія, какой только могъ достигнуть челов-

ческій разумъ въ ту или другую эпоху исторіи цивилизаціи. Послѣ классическихъ народовъ, эта счастливая доля доставалась, въ разныя времена, другимъ европейскимъ странамъ, поочередно, то нѣмецкимъ племенамъ, въ блистательномъ развитіи безыскуственнаго средневѣковаго эпоса, то Италіянцамъ и Испанцамъ въ художественномъ возсозданіи разныхъ средневѣковыхъ источниковъ письменной словесности, то Французамъ и Англичанамъ. И всякій разъ какъ заявляла та или другая нація свое умственное и литературное господство надъ прочими, ея писатели, ни сколько не теряя національнаго, мѣстнаго колорита, были для всей Европы представителями общечеловѣческаго образованія. Какъ въ первобытную эпоху броженія европейскихъ племенъ, скандинавскій и вообще нѣмецкій эпосъ служитъ для историка литературы мѣриломъ высшаго литературнаго развитія обновлявшейся тогда Европы, такъ потомъ искуственная поэзія трубадуровъ и труверовъ, возникшая на романской почвѣ, въ разныхъ странахъ, согласно мѣстнымъ условіямъ, достигала полнѣйшаго, по своему времени умственнаго и нравственнаго сознанія, то въ поэмѣ Данта, то во французскомъ романѣ *о Розѣ*, то въ повѣстяхъ Чаусера. Латинскій языкъ, принятый повсюду въ западныхъ странахъ, обобщалъ между ними идеи и сближалъ другъ съ другомъ народности, уже и безъ того тѣсно связанныя между собою интересами политическими и церковными. Какъ скоро возникало что замѣчательное въ одной изъ литературъ, тотчасъ же переводилось на другіе языки или передѣлывалось въ мастерскихъ подражаніяхъ. Такъ одинъ нѣмецкій священникъ переложилъ въ стихахъ французскую поэму объ Александрѣ Великомъ, Чаусеръ перевелъ французскій романъ *о Розѣ* и многія изъ своихъ повѣстей заимствовалъ у труверовъ[1]), а во Франціи сначала подражали Итальянцамъ, напримѣръ, въ *Сотнѣ Новыхъ Новеллъ*, въ *Гептамеронѣ*, потомъ Испанцамъ. Взаимность умственныхъ интересовъ вызывала на соревнованіе, и время отъ

[1]) См. Sandras. Etude sur G. Chaucer considéré comme imitateur des trouvères. Paris. 1859.

времени выдвигалась на первый планъ въ исторіи европейской цивилизаціи то одна, то другая литература. Такія произведенія, какъ романсы о Сидѣ, *Декамеронъ* Боккачіо, *Донъ-Кихотъ* Сервантеса, были не просто образчики разныхъ національностей, но послѣдовательныя ступени общечеловѣческаго развитія въ его литературномъ выраженіи; и чѣмъ сильнѣе отпечатлѣвались въ такихъ произведеніяхъ мѣстныя особенности, тѣмъ бо́льшія права заявляла національность на свое всемірное значеніе. Слѣдовательно, національность не только не противополагала себя общечеловѣческому, но съ нимъ совпадала, служа ему извѣстною ступенью на пути прогресса.

Нельзя того же сказать о племенахъ славянскихъ, не исключая и нашего отечества. Тихо и скромно шествуя въ концѣ общеевропейскаго движенія, славянскія племена никогда не были настолько сильны въ своей политической и нравственной жизни, чтобы могли наложить печать своего умственнаго авторитета на прочія европейскія націи. Литература русская, какъ и прочихъ нарѣчій, принадлежитъ къ тѣмъ скромнымъ явленіямъ, въ которыхъ національное еще не дошло до общечеловѣческаго, не могло еще стать обязательною нравственною силою, передъ которою преклонились бы прочіе образованные народы.

Только та національность полагаетъ прочныя для литературы основы, которая совпадаетъ въ своемъ развитіи съ исторіей цивилизаціи. Нѣмецкій народный эпосъ еще въ времена до-историческія пустилъ глубокіе корни въ сказаніяхъ и преданіяхъ не только нѣмецкихъ племенъ, но и романскихъ, какъ это явствуетъ въ поэмахъ о Карлѣ Великомъ и въ повѣстяхъ труверовъ. Темныя, до-историческія преданія кельтскаго эпоса оставили по себѣ слѣды въ поэмахъ изъ цикла Артурова, въ безыскусственныхъ народныхъ разсказахъ и искусственныхъ стихотворныхъ повѣстяхъ. На эпической основѣ родныхъ преданій нечувствительно стала возникать искусственность, въ связи съ просвѣщеніемъ, такъ рано начавшимъ распространяться изъ монастырскихъ стѣнъ по феодальнымъ замкамъ и городскимъ рынкамъ. Уже

въ X вѣкѣ, въ то время какъ благочестивая монахиня Гротсвита коротала свои келейные досуги сочиненіемъ латинскихъ драмъ по образцу Теренція, какой-то санъ-галльскій монахъ переложилъ въ латинскіе стихи одинъ изъ эпизодовъ народнаго нѣмецкаго эпоса о Вальтерѣ Аквитанскомъ. Неизвѣстный испанскій авторъ XII вѣка уже на столько былъ искусенъ въ литературѣ, что умѣлъ передѣлать на испанскомъ языкѣ въ искусственные стихи народныя пѣсни о Сидѣ. Въ этой передѣлкѣ уже замѣчаются слѣды французскаго вліянія[1]). Пѣвцы, скоморохи и разскащики, упражнявшіе свое искусство передъ грубыми баронами, исторически, послѣдовательно переносили поэтическое творчество отъ его народныхъ, эпическихъ начатковъ въ высшую, болѣе просвѣщенную сферу. Какъ въ скандинавской литературѣ, уже въ XIII вѣкѣ, къ эпическому матеріялу миѳологическихъ преданій присоединилось руководство къ искусственной поэзіи въ такъ-называемой *Новой Эддѣ* Снорра Стурлесона; такъ и поэты романскихъ племенъ подчинили свое воображеніе риторикѣ и піитикѣ, въ руководствахъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Веселой Науки (Gay Saber)*, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ скандинавской *Скальдѣ*, такому же піитическому руководству.

Искусственный стиль поэзіи не только не могъ заглушить національныхъ преданій, но даже способствовалъ ихъ сохраненію для будущихъ вѣковъ, перенося въ область литературы то, что̀, оставаясь между безграмотными, могло бы навсегда погибнуть, не закрѣпленное искусственнымъ стихомъ и письменами, могло бы исказиться, будучи случайно передаваемо изъ устъ въ уста. Потому, не смотря на быстрые успѣхи въ развитіи искусственныхъ литературныхъ формъ, древнѣйшія преданія нѣмецкаго эпоса о Зигфридѣ, Этцелѣ, Дитрихѣ, тянутся въ нѣмецкой литературѣ безпрерывно до самаго XVI вѣка[2]): такъ что литература

---

[1]) Damas Hinard, Poëme du Cid. Paris. 1858. Въ 4 д. Стр. XXXIV и слѣд.

[2]) См. Вильг. Гримма Die deutsche Heldensage 1829 г., гдѣ собраны по этому предмету свидѣтельства и указаны источники на разстояніи цѣлаго тысячелѣтія отъ половины VI до XVI вѣка включительно.

нѣмецкая проникнута была силой и свѣжестью національнаго эпоса даже въ ту эпоху, когда реформа Лютерова открывала новые пути въ исторіи цивилизаціи всей Европы.

До какой степени дороги были произведенія народнаго, безыскусственнаго слова для испанской литературы даже въ XV вѣкѣ, въ эпоху, когда стала она развивать въ себѣ элементы для самой цивилизованной, искусственной дѣятельности, — можно судить изъ того, что одинъ изъ знаменитыхъ писателей того вѣка, принадлежавшій къ высшей аристократіи, маркизъ Сантиллана, по желанію самого короля, донъ-Хуана II, собралъ народныя пословицы и составилъ изъ нихъ назидательную книгу, по примѣру притчей Соломоновыхъ, для чтенія наслѣднику престола, донъ-Энрику Кастильскому. Это собраніе пословицъ, по числу стиховъ, было названо *Сто Изреченій* (Centiloquio), и уже въ 1496 г. было напечатано. Въ слѣдующемъ, XVI столѣтіи, оно издавалось разъ девять или десять; такъ что созданіе простонароднаго мужицкаго типа, пошлаго, но изрекающаго мудрость въ пословицахъ, въ лицѣ Санчо-Пансы, не было внесеніемъ въ литературу забытыхъ, свѣжихъ элементовъ народности, а художественнымъ воспроизведеніемъ того что̀ уже пустило глубокіе корни въ искусственной, цивилизованной литературѣ.

Напротивъ того, на Руси искусственная литература и народный эпосъ уже съ древнѣйшихъ временъ рѣзко отдѣлились другъ отъ друга, вслѣдствіе бѣднаго и крайне односторонняго, клерикальнаго направленія нашей письменности. Въ XVI, и особенно въ XVII вѣкѣ, народный русскій эпосъ сталъ было заявлять нѣкоторыя права на вліяніе въ искусственной литературѣ, но не успѣлъ ее освѣжить; а внезапный разрывъ Петровской Руси съ національною стариною совсѣмъ уже отрѣзалъ новѣйшую нашу литературу отъ эпическихъ основъ русской національности.

Такимъ образомъ, на Руси совершалось то, чего не бывало ни въ одной изъ цивилизованныхъ европейскихъ странъ: явилась свѣтская литература, созданная изъ случайныхъ, кое-какъ и отовсюду нахватанныхъ, чуждыхъ намъ элементовъ. Русская народ-

ность стала не основою для этой колонизованной на Руси литературы, а мишенью, въ которую отъ времени до времени она направляла свои сатирическіе выстрѣлы, какъ въ дикое невѣжество, которое надобно искоренить въ конецъ. Было бы крайнею несправедливостью обвинять нашихъ писателей послѣднихъ ста лѣтъ въ ихъ анти-національномъ направленіи: они сознательно и честно поддерживали его, будучи постановлены насильственною реформой въ ложное и одностороннее отношеніе къ своей народности. Итакъ, не смотря на видимое присутствіе цивилизованныхъ, европейскихъ элементовъ въ нашей новой литературѣ, она представляетъ собою явленіе чудовищное, въ цивилизованныхъ странахъ не бывалое, потому что состоитъ не въ симпатическихъ, а во враждебныхъ отношеніяхъ къ народности, какъ пришлый завоеватель, который силою покоряетъ себѣ туземныя массы, какъ эгоистическій плантаторъ, который, игнорируя нравы и убѣжденія своихъ невольниковъ, позолачиваетъ ихъ цѣпи лоскомъ европейскаго комфорта.

Но если русская цивилизованная современность, по своему происхожденію и составу, такъ чужда народности, то почему же она въ теоріи противорѣчитъ самой себѣ, и стремится къ національнымъ идеямъ, то въ уваженіи къ свободѣ человѣческаго духа въ простомъ мужикѣ, то въ сентиментальномъ поклоненіи мірской сходкѣ, то въ заявленіи притязаній на ученую и поэтическую разработку русской народности и старины? Неужели это такая же мода на народность, занесенная къ намъ съ Запада, какъ заносилась мода на классицизмъ, сентиментальность, романтизмъ, гегелизмъ, и на другія направленія, сознательно и исторически возникавшія на Западѣ, и случайно, кое-какъ принимавшіяся у насъ на грубой, не приготовленной къ тому почвѣ?

И дѣйствительно, все чтò ни бралось къ намъ съ Запада, было только временною модою, досужимъ препровожденіемъ времени, мало оставлявшимъ по себѣ существенной пользы. Все это скользило только по поверхности русской жизни, не спускаясь въ глубину ея историческаго и бытоваго броженья.

То же самое должно сказать и о народности. Идея о ней последовательно, исторически развилась и образовалась на Западѣ, особенно въ Германіи, на основѣ такъ-называемаго романтизма, выдвинувшаго на общее вниманіе средневѣковую старину.

Направленіе это пришлось по сердцу славянскимъ племенамъ, особенно тѣмъ, которыя теряли свою національную самостоятельность подъ господствомъ нѣмецкимъ. Въ тридцатыхъ годахъ, особенно между Чехами, было возбуждено восторженное стремленіе къ изученію славянской народности. Во главѣ даровитыхъ и трудолюбивыхъ дѣятелей явился Шафарикъ, который далъ Славянамъ славянскую этнографію съ картою, побуждаемый политическою цѣлью показать всѣмъ родственнымъ племенамъ ихъ единство и сосѣдственное размѣщеніе, кое-гдѣ прерываемое черезполосными владѣніями Нѣмцевъ и другихъ чужаковъ. Сверхъ того, Шафарикъ далъ Славянамъ *Славянскія Древности*, въ которыхъ доказываетъ глубокую давность этихъ племенъ въ Европѣ и равныя съ Нѣмцами права ихъ на историческія судьбы Европы. Ученымъ изысканіямъ давали сильный толчокъ политическія идеи о возможной независимости Славянъ отъ чуждаго преобладанія. Многіе славянисты единственно только въ этихъ идеяхъ и почерпали себѣ вдохновеніе и силу для ученыхъ трудовъ. Теперь уже сама исторія доказала, что эти идеи не привели къ желаннымъ результатамъ, и славянскій энтузіазмъ въ разрабатываніи народности и старины не проявляется уже въ такой юношеской свѣжести и бодрости.

Западное ученіе о народности отразилось на Руси сначала въ такъ-называемомъ славянофильствѣ, которое, прилагая уже готовую чешскую программу къ чужеземной обстановкѣ русской жизни, съ ненавистію отнеслось ко всему нѣмецкому, предало Европу проклятію, открывая въ ней предсмертные симптомы конечнаго распаденія и тлѣнія, и съ юношескимъ увлеченіемъ облеклось въ мужицкій кафтанъ и мурмолку, предавъ себя разнымъ аскетическимъ подвигамъ по примѣру благочестивыхъ предковъ временъ Іоанна Грознаго.

Мы живемъ и дѣйствуемъ въ эпоху, когда уваженіе къ человѣческому достоинству вообще, независимо отъ сословныхъ и іерархическихъ преданій, даетъ новое направленіе и политикѣ, и философіи, и легкой литературѣ, направленіе, опредѣляемое національными и вообще этнографическими условіями страны. Филантропическія, коммунистическія и всякія другія утопіи наконецъ потеряли для основательно-мыслящихъ умовъ всякое реальное значеніе, въ виду высокихъ, истинно человѣколюбивыхъ цѣлей, направленныхъ къ умственному и матеріяльному благоденствію народныхъ массъ. Для однихъ дѣятелей, это необъятное поприще теоретическихъ изслѣдованій по народности, въ самомъ обширномъ ея значеніи, начиная отъ миѳологіи и религіи до мельчайшихъ условій быта семейнаго и домашняго; для другихъ — такое же широкое поприще практическихъ начинаній на пользу всѣмъ и каждому. Какъ бы различны ни казались съ перваго взгляда эти стремленія теоретиковъ и практиковъ, но въ существѣ своемъ они идутъ по одному направленію и ведутъ къ одной и той же цѣли, къ подчиненію эгоистической личности насущнымъ интересамъ народа, не только матеріяльнымъ, но и особенно духовнымъ. Заботливое собираніе и теоретическое изученіе народныхъ преданій, пѣсенъ, пословицъ, легендъ, не есть явленіе изолированнее отъ разнообразныхъ идей политическихъ и вообще практическихъ нашего времени: это одинъ изъ моментовъ той же дружной дѣятельности, которая освобождаетъ рабовъ отъ крѣпостнаго ярма, отнимаетъ у монополіи права обогащаться на счетъ бѣдствующихъ массъ, ниспровергаетъ застарѣлыя касты, и, распространяя повсемѣстно грамотность, отбираетъ у нихъ вѣковыя привилегіи на исключительную образованность, ведущую свое начало чуть ли не отъ миѳическихъ жрецовъ, хранившихъ подъ спудомъ свою таинственную премудрость для острастки профановъ.

Вращаясь въ водоворотѣ современныхъ вопросовъ, опредѣляемыхъ народностью, развлекая свое вниманіе иногда обыденною мелочью, и такимъ образомъ теряя нить ведущую къ главной

и единственной цѣли, едва ли кто можетъ указать, какіе результаты приноситъ и какіе можетъ современемъ принести у насъ на Руси это народное направленіе. Теперь можно, кажется, сказать только то, что, привыкши хватать западныя идеи наобумъ, и опрометчиво торопясь прикладывать ихъ какъ ни попало къ практикѣ, не переведши ихъ для себя въ сознательное, честное убѣжденіе, мы усвоиваемъ себѣ и это народное направленіе такъ же легкомысленно и поверхностно, какъ усвоивали прежде классицизмъ, романтизмъ и разныя философскія ученія. Чтобы честно и искренно посвящать себя на служеніе народу, надобно искренно любить его, и для того нужно коротко его знать: а между нѣмецкою образованностью Петровской Руси и простымъ народомъ, въ теченіе послѣднихъ полутораста лѣтъ, раскрылась такая глубокая трещина, которую не замажешь въ какіе-нибудь десятки годовъ сентиментальнымъ піэтетомъ къ народности, теоретически перенятымъ у другихъ, и размѣненнымъ на мелочь ради минутныхъ эгоистическихъ цѣлей той же образованной монополіи, противъ которой должно бы бороться это новое направленіе. Потому надобно опасаться, чтобы наша нѣмецкая образованность, вооруженная чиномъ и другими привилегіями, не отнеслась къ народности какъ къ выгодной добычѣ, и чтобъ изъ вопроса о нравственномъ и матеріяльномъ благосостояніи народныхъ массъ не сдѣлала для себя ловкой спекуляціи. По крайней мѣрѣ въ дѣлѣ просвѣщенія народа грамотностію нельзя не заподозрить корыстныхъ цѣлей со стороны просвѣтителей. Просвѣщеніе есть великое благо для народа. Кто первый и кто лучше, или по крайней мѣрѣ скорѣе, обучитъ простонародье грамотности, тому будетъ оно обязано благодарностью, и съ тѣмъ войдетъ оно въ болѣе искреннія, симпатическія отношенія. Эту практику знаютъ отлично русскіе раскольники и сектанты, и до сихъ поръ успѣшнѣе православнаго духовенства ею пользовались. Теперь и духовенство взялось за умъ, и, желая усвоить себѣ ту же ревность пропаганды, думаетъ попробовать свои силы на невоздѣланной почвѣ простонароднаго невѣжества. Добыча готова, но кому она до-

станется въ жертву — вотъ вопросъ, который не рѣшится безъ борьбы эгоистическихъ побужденій. Духовенству или свѣтскимъ людямъ будетъ обязано простонародье своею грамотностію? Дворянство ли, лишившись нѣкоторыхъ правъ матеріяльнаго преобладанія надъ русскимъ невѣжествомъ, возьметъ теперь его подъ свою умственную и нравственную опеку, или безпомѣстные авантюристы, вмѣсто рудниковъ Калифорніи, будутъ пробовать свое счастіе, производя педагогическіе опыты надъ своею меньшею братіей, и, какъ новые посланники свыше, будутъ своими грамотными мрежами уловлять добычу въ мутной водѣ невѣжества?

Впрочемъ, не отказывая инымъ просвѣтителямъ полуязыческаго простонародія въ совершенно безкорыстныхъ, честныхъ стремленіяхъ, все же для характеристики вопроса о народномъ направленіи образованныхъ умовъ на Руси не подлежитъ сомнѣнію, что они на первыхъ же порахъ относятся къ своей простонародной братіи вовсе не по-братски, а свысока, и не хотятъ къ ней снизойдти, и чѣмъ-нибудь отъ нея позаимствоваться, въ полной увѣренности, что всѣ народныя преданія и обычаи, вся застарѣлая народность — хламъ, который слѣдуетъ выбросить за окно. Но если просвѣтителямъ такъ противна русская народность, то могутъ ли они симпатично предлагать свои цивилизованныя услуги тѣмъ, кто въ теченіе вѣковъ и доселѣ свято хранитъ въ себѣ весь этотъ не нужный и противный хламъ, полагая въ немъ всю свою нравственную характеристику? Можно ли между такими учителями и такою школой допустить взаимное уваженіе, довѣріе и любовь, эти необходимыя условія всякаго правильнаго воспитанія?

Итакъ, кажется, съ достовѣрностью можно опредѣлить вопросъ о русской народности въ его современномъ состояніи такимъ образомъ: это не болѣе какъ распространеніе западныхъ идей и цивилизованныхъ удобствъ въ народныхъ массахъ. Русская народность, слѣдовательно, играетъ въ этомъ вопросѣ роль страдательную. Надобно избавить русскаго мужика отъ его убѣжденій, обычаевъ и привычекъ, надобно спасти его отъ тем-

ныхъ наважденій старины, и помощію грамотности отрѣшить его отъ всѣхъ основъ его національности, чтобы сдѣлать изъ него человѣка вообще, свѣжаго и чистаго отъ предразсудковъ, космополита, и потомъ дать ему новую жизнь, умственную, нравственную, политическую, религіозную.

Самая главная и существенная причина, почему на Руси плохо прививаются и едва ли скоро привьются, какъ слѣдуетъ, идеи о народности, состоитъ въ самой жизни русской, въ историческихъ и этнографическихъ условіяхъ нашего отечества. Понятно и совершенно законно у цивилизованныхъ народовъ западной Европы разумное стремленіе къ уясненію себѣ всѣхъ сокровищъ своей жизни, потому что ихъ отдѣльныя народности вели Европу по ступенямъ умственнаго и литературнаго развитія. Народность Француза или Англичанина обязательна не для Франціи или Англіи только, но и для всякаго образованнаго человѣка, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Напротивъ того, народы далеко отставшіе отъ другихъ въ цивилизаціи, но усердно за нею стремящіеся, до тѣхъ поръ будутъ отодвигать свою народность на задній планъ, пока не усвоятъ себѣ всего полезнаго и необходимаго что̀ сдѣлано уже цивилизованными націями. Безсмысленно предполагать, чтобы Татаринъ или Мордвинъ до того возгордились удобствами своей жалкой народности, что отказались бы отъ очевидныхъ выгодъ какого-нибудь заморскаго изобрѣтенія, приносящаго имъ очевидный барышъ. Конечно, легко какому-нибудь чтителю Востока, сидя въ дружескомъ кружкѣ, мечтать о чистотѣ и глубинѣ русскаго духа, и о колоссальномъ величіи нравственныхъ силъ русскаго мужика; понятно также, почему и кабинетный ученый, изслѣдователь русской литературы и исторіи, можетъ усердно хлопотать о рѣшеніи разныхъ вопросовъ по русской народности и старинѣ; но въ самой жизни, на практикѣ, волею или неволею, западное направленіе беретъ перевѣсъ. И русскій промышленникъ, хотя бы вчера изъ мужиковъ, едва умѣя читать, хочетъ улучшить свои промыслы по западнымъ образцамъ; и русскій купецъ, иногда мало отходящій своимъ

образованіемъ отъ мужика, мечтаетъ устроить свою торговлю на европейскій ладъ, если найдетъ въ томъ свои барыши; и русскій семинаристъ, готовя себя къ клерикальной карьерѣ, тихонько отъ наставниковъ спѣшитъ освѣжить свою забитую голову какою-нибудь новенькою книжицею съ западными соблазнами; и Русскій политикъ въ своихъ глубокомысленныхъ соображеніяхъ лелѣетъ смѣлые планы для преобразованія своего отечества на манеръ Англіи или Франціи; даже безусловный поклонникъ русской народности хвалится тѣмъ, что онъ любитъ свое родное такъ же искренно и сознательно, какъ Англичанинъ или Нѣмецъ.

Правда, что просвѣщенное вниманіе европейскихъ странъ къ своей народности отразилось и у насъ въ послѣднее время усерднымъ собираніемъ и изданіемъ пѣсенъ, поговорокъ, сказокъ и другихъ памятниковъ русской жизни. Наша ученая литература осталась и здѣсь вѣрна своему призванію — слѣдовать за интересами, возникающими въ образованной Европѣ. Но, говоря откровенно, возможно ли предполагать неподдѣльный, искренній восторгъ въ нашей такъ-называемой образованной публикѣ, при чтеніи какой нибудь изъ народныхъ пѣсенъ въ превосходномъ сборникѣ г. Рыбникова, означенномъ въ заглавіи этой монографіи? Сталъ ли этотъ сборникъ настольною, любимою книгой всякаго образованнаго человѣка, или вошелъ въ скромную библіотеку ученаго спеціалиста и литератора по профессіи? Въ «замѣткѣ», присовокупленной неизвѣстнымъ лицомъ въ концѣ этого сборника, между прочимъ сказано: «Во всякой литературѣ, сколько-нибудь сочувственной живому, не поддѣльному творчеству народа, появленіе сборниковъ, подобныхъ изданному нынѣ, составляетъ обыкновенно эпоху. Такъ было и у насъ послѣ отпечатанныхъ Калайдовичемъ *Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній:* надѣемся и теперь на то же». Напрасныя надежды! И сборникъ Калайдовича не произвелъ на Руси эпохи, а только внесъ новое и богатое содержаніе въ исторію народной словесности, образцы которой критикою сороковыхъ годовъ были признаны за безобразныя и безсмысленныя порожденія русскаго доморощеннаго

невѣжества. Сборникъ г. Рыбникова, дѣйствительно, составляетъ эпоху, — только не для общаго сознанія и интереса образованной публики, а для тѣхъ немногихъ спеціалистовъ, которые посвящаютъ себя изученію русской народности; потому что русская народность есть точно такая же на Руси спеціальность, какъ санскритскій языкъ или греческія древности. А между тѣмъ многія изъ пѣсенъ, изданныхъ г. Рыбниковымъ, такъ прекрасны, что самъ Пушкинъ преклонился бы передъ высоконаивною и классическою граціей, которую въ нихъ вдохнула простонародная фантазія. А между тѣмъ эти прекрасныя пѣсни доселѣ оглашаютъ русскую землю по всѣмъ концамъ ея, воспѣвая миѳическихъ богатырей и историческихъ героевъ нашего отечества; и внимательному, просвѣщенному слуху могли бы эти вѣковыя пѣсни такъ много внушить, могли бы пробудить въ умѣ столько полезныхъ идей, а въ сердцѣ столько любви къ родной землѣ, и особенно въ такую эпоху, когда коренное преобразованіе быта народнаго на нашихъ глазахъ полагаетъ новыя основы для будущихъ успѣховъ русской цивилизаціи! Но для того чтобы свободно и разумно предаться наивнымъ интересамъ народнаго быта, и безъ пристрастія, но съ должнымъ уваженіемъ, внести ихъ въ кругъ своихъ просвѣщенныхъ интересовъ, публика должна быть столько тверда и увѣрена въ своемъ образованіи, чтобъ не бояться компрометировать свою барскую чопорность мужицкими словами и понятіями, какъ этого не боится публика финляндская, искренно благоговѣющая передъ національными пѣснями своей *Калевалы*, или публика нѣмецкая, покровительствующая распространенію въ школьномъ обученіи народнаго эпоса и даже миѳической старины нѣмецкихъ племенъ, не имѣя никакихъ поводовъ заподазривать въ отсталости тѣхъ спеціалистовъ, которые заявляютъ права нѣмецкой старины въ современной образованности [1]).

---

[1]) Приватъ-доцентъ Берлинскаго университета, Маннгардтъ, извѣстный спеціальными изслѣдованіями по нѣмецкой миѳологіи, въ своемъ популярномъ

Но на Руси такого безпристрастнаго и спокойнаго отношенія къ своей старинѣ и народности нельзя ожидать не только отъ образованной толпы, даже отъ литераторовъ и ученыхъ. Періодъ антинаціональнаго преобладанія, начавшійся монгольскимъ игомъ и скрѣпленный въ XV и XVI вѣкахъ московскою политикой, и доселѣ еще не завершилъ круга своей дѣятельности. Надобно отдать полную справедливость политическому такту тѣхъ историковъ, которые, выбрасывая изъ русской исторіи татарскій періодъ, находятъ его результаты въ Московскомъ княжествѣ XV вѣка. Дѣйствительно, оба эти явленія совпадаютъ, точно такъ же, какъ и подчиненіе русской національности нравственнымъ и матеріяльнымъ силамъ Запада со временъ Петра Великаго, въ сущности, для сознанія народныхъ массъ, есть не что иное какъ только перенесеніе Золотой Орды временъ татарщины куда-то за море, откуда и доселѣ не перестаетъ русскій людъ чаять себѣ суда и порядка. Согласно этимъ вѣковымъ преданіямъ русской исторіи, и въ настоящее время образованный человѣкъ, литераторъ или ученый, относится къ русской народности, какъ пришлый Варягъ къ Кривичамъ и Чуди, или какъ миссіонеръ къ толпѣ дикарей, которыхъ желаетъ обратить въ крещеную вѣру. Слѣдовательно, русская народность и старина съ этой точки зрѣнія представляются только жалкимъ собраніемъ темныхъ предразсудковъ и суевѣрій, которыя должно только обличать, а не изслѣдовать ученымъ порядкомъ. Но для кого же ихъ обличать и съ какою цѣлію, когда простой народъ, хранитель этихъ предразсудковъ и суевѣрій, вовсе не знаетъ и существованія тѣхъ журналовъ и книгъ, въ которыхъ помѣщаются обличенія его невѣжества или ученые о немъ трактаты? Не значитъ ли донкихотствовать — сражаться съ суевѣріями и предразсудками

сочиненіи, изданномъ въ 1860 г., подъ названіемъ Die Götterwelt der deutsch. u. nordisch. Völker, указывая слѣды миѳологіи въ суевѣріяхъ, доселѣ господствующихъ въ быту нѣмецкаго народа, тѣмъ не менѣе, съ полнымъ уваженіемъ къ нѣмецкой старинѣ, вводитъ ее въ кругъ народнаго образованія, какъ существенный элементъ въ развитіи самопознанія и патріотизма.

простаго народа передъ публикою, которая давнымъ-давно уже имъ не вѣритъ? И не смѣшно ли такъ много заботиться о простомъ народѣ на словахъ, когда онъ самъ идетъ своею дорогой, и вовсе не хочетъ знать ни нашихъ обличеній, ни защитъ? И неужели не могутъ идти рука объ руку просвѣщеніе народа грамотностію и полезными свѣдѣніями, — и спокойное, чуждое всякихъ практическихъ тенденцій изученіе его старины, которая, конечно не чужда суевѣрій, какъ и старина и народность всѣхъ западныхъ странъ? Неужели вся исторія русской литературы, чуть ли не до нашихъ временъ, должна состоять только въ обличеніи невѣжества, суевѣрій и предразсудковъ? И зачѣмъ такъ рьяно бросаться съ обличеніями на то, что̀ уже и само собою, будучи показано съ настоящей точки зрѣнія, краснорѣчиво говоритъ за себя? Исходъ, какой получаетъ на Руси народное направленіе, кажется, объясняется *обличительнымъ* характеромъ современной журналистики и легкой литературы. Обличать въ тысячу разъ легче нежели изучать. Какъ мы кончили съ византійскимъ направленіемъ нашей старины? Вмѣсто того чтобъ изслѣдовать всѣ нити, связывающія нашу древнюю литературу съ византійскимъ востокомъ и латинскимъ западомъ, мы рѣшили дѣло свысока, какъ во время оно татарскіе баскаки рѣшали тяжбы между русскими властями, и какъ потомъ рѣшали судъ и расправу московскіе воеводы. Сказано, что вся византійщина — гниль и тлѣнъ, и это рѣшеніе сдано въ архивъ россійскаго просвѣщенія, прежде нежели на Руси выучились, какъ слѣдуетъ, греческой азбукѣ. Хотите ли вы серіозно изучать памятники русской архитектуры или иконописи, — тотчасъ возбуждаете подозрѣніе въ преступномъ поползновеніи рекомендовать въ назиданіе современнымъ живописцамъ какой-нибудь куріозный типъ съ собачьею или лошадиною головой. Отнесетесь ли вы серіозно, безъ балаганнаго гаерства, къ стариннымъ повѣріямъ и преданіямъ, — васъ ужь подозрѣваютъ, не вѣруете ли вы въ миѳическіе догматы, что земля основана на трехъ китахъ, и что громъ гремитъ отъ поѣздки по облакамъ Ильи Громовника.

Ясно, слѣдовательно, что обличители въ самой образованной публикѣ, даже въ литераторахъ и ученыхъ изслѣдователяхъ, предполагаютъ наклонность ко всѣмъ суевѣріямъ и предразсудкамъ, которыми богата всякая старина и народность. Отсюда само собою вытекаетъ, что заниматься изученіемъ старины и народности, не ограждая себя ежеминутно отъ суевѣрныхъ соблазновъ, вредно и безсмысленно, и что слѣдовательно опасно распространять въ публикѣ любовь къ родной національности, какъ къ предмету одуряющему. Нетерпѣливая рьяность обличителей даетъ разумѣть, что они еще не свыклись съ гуманными тенденціями, которыя они на себя взяли, и что еще живо чувствуютъ въ самихъ себѣ византійскую и татарскую основу, которая невольно проглядываетъ то въ деспотическихъ замашкахъ балаганнаго шутовства, то въ кочевомъ наѣздничествѣ противъ серіозныхъ занятій наукою, то въ ложномъ стыдѣ недоучившагося фата, чтобъ его не заподозрѣли въ доморощенныхъ грѣшкахъ русскаго суевѣрія.

Вотъ какъ скоро на Руси отживаетъ всякое направленіе, не оставляя по себѣ прочныхъ слѣдовъ въ общемъ сознаніи! Въ Германіи, во Франціи, только что еще принялись за неистощимо-богатую и плодотворную разработку національной старины, только что еще начинаютъ въ современной образованности вкореняться результаты ученыхъ изслѣдованій братьевъ Гриммовъ, Коммона, Шназе и сотни другихъ ученыхъ по народности и средне-вѣковой археологіи. А мы уже порѣшили всѣ вопросы по этимъ предметамъ, съ милою наивностью Простаковой, которая для своего Митрофанушки не видитъ никакого прока въ географіи, потому что эта наука не барская. И точно барское ли дѣло интересоваться мужицкими пѣснями, лубочною иконописью, всѣми этими раскольничьими сборниками, цвѣтниками и другою ветошью? И какая во всемъ этомъ польза для насущной практики, съ жизненной точки зрѣнія, въ которой новѣйшіе обличители вполнѣ сходятся съ положительными убѣжденіями смѣтливой родительницы Недоросля?

Впрочемъ, какъ бы легкомысленно ни смотрѣли въ настоящее время у насъ на народное направленіе въ изученіи литературы и искусства, нельзя сомнѣваться, что этому направленію предстоитъ болѣе счастливая будущность. Уже самое собираніе и изданіе памятниковъ по русской народности краснорѣчивѣе всякой полемики ниспровергаетъ чиновничью спѣсь обличителей, прикрывающихъ пустоту своихъ тенденцій филантропическими хлопотами о просвѣщеніи простонародья полезною практикой.

Въ настоящее время, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что лучшими сборниками народныхъ пѣсенъ и стиховъ литература обязана такъ-называемымъ славянофиламъ.

Можно не соглашаться съ этою партіей во мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, но относительно изданія памятниковъ народной поэзіи надобно отдать ей полную справедливость.

Полагая, что обнародованіе такихъ сборниковъ, какъ изданія Рыбникова и Кирѣевскаго, не должно пройдти безслѣдно въ русской литературѣ, мы рѣшились по этимъ сборникамъ предложить краткое *обозрѣніе русскаго богатырскаго эпоса*, конечно не въ тѣхъ мысляхъ, чтобы внести новые элементы въ сознаніе современной публики, но чтобы съ надлежащимъ вниманіемъ осмотрѣть факты, которые со временемъ должны занять первыя страницы въ исторіи русской литературы.

I.

Уже давно изслѣдователями русской народности чувствовался древнѣйшій титаническій періодъ въ послѣдовательномъ развитіи русскихъ богатырскихъ типовъ. Собранныя и обнародованныя г. Рыбниковымъ русскія былины о Святогорѣ, Сухманѣ и другихъ старшихъ богатыряхъ, предшествовавшихъ циклу Владиміра Красна-Солнышка, дали этому предположенію фактическую достовѣрность. Знаменитый славянофилъ, покойный К. С. Аксаковъ, просмотрѣвъ еще въ рукописи г. Рыбникова былину

о Святогорѣ, первый изъ нашихъ ученыхъ опредѣлительно указалъ отличіе богатырей старшихъ, или титаническихъ, отъ младшихъ, человѣкоподобныхъ, къ которымъ относятся Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и другіе витязи, окружающіе князя Владиміра. Разсказавъ о встрѣчѣ Ильи Муромца съ исполинскимъ силачомъ, лежащимъ на горѣ, Аксаковъ присовокупляетъ: «Образъ этого громаднаго богатыря, котораго обременила, одолѣла собственная сила, такъ что онъ сталъ неподвиженъ — весьма замѣчателенъ. Очевидно, что онъ *внѣ ряда богатырей*, къ которымъ принадлежитъ Илья-Муромецъ. Это *богатырь-стихія*. Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ слѣдовъ предшествующей эпохи, эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихіи.... Не ихъ ли должно разумѣть подъ *старшими богатырями*, которые, неизвѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ, смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю его поѣздку» [1]). Вотъ это мѣсто:

Старши богатыри дивуются:
«Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца!
У него поѣздка молодецкая,
Вся поступочка богатырская.»
(Кирѣевск. I, 78—81) [2]).

Ясно, что нашъ народный эпосъ отличаетъ эпохи въ развитіи богатырскихъ типовъ, называя какія-то сверхъестественныя личности богатырями *старшими;* ясно также, что эти старшіе богатыри отъ витязей цикла Владимірова отличаются громадною величиной и непомѣрною силой. Но всѣ ли они принадлежатъ къ существамъ стихійнымъ или нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ другое значеніе? Если это существа стихійныя, то въ какомъ отношеніи состоятъ они къ стихійнымъ божествамъ ранней миѳо-

[1]) См. Замѣтку Аксакова въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго.

[2]) Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, для удобства читателей, въ цитатахъ изъ пѣсенъ областной выговоръ измѣняю на общепринятый.

логической эпохи? Сами ли это боги? Тогда выраженіе русскихъ былинъ «старшіе богатыри» — не точное и не вѣрное, составившееся вслѣдствіе того, что народъ утратилъ сознаніе о своихъ богахъ. Или же это дѣйствительно богатыри въ смыслѣ древнихъ великановъ, уже потомковъ какого-нибудь титаническаго, стихійнаго божества? Къ такимъ великанамъ стихійнымъ русскій эпосъ не присоединилъ ли другихъ, позднѣйшихъ, составившихся въ воображеніи народномъ вслѣдствіе историческихъ столкновеній съ вражескими народами? Наконецъ, кромѣ великановъ, къ этой породѣ титанической не принадлежатъ ли и многія другія лица, въ которыхъ характеръ миѳическаго существа нѣсколько замаскированъ позднѣйшею обстановкою богатырей младшей эпохи? Въ такомъ случаѣ, и Волхъ Всеславичъ, и Дунай, даже самъ Илья Муромецъ, въ своихъ богатырскихъ типахъ представятъ намъ много такого что̀ больше принадлежитъ къ эпохѣ титанической, нежели къ позднѣйшей, богатырской; потому что эпосъ народный, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе многихъ вѣковъ, доходитъ до насъ преисполненный самыми странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами и другими несообразностями. Иногда, въ одномъ и томъ же лицѣ, какъ напримѣръ въ Ильѣ Муромцѣ, что̀ будетъ показано ниже, народный эпосъ смѣшиваетъ разновременныя и разнохарактерныя черты и бога Перуна, и Ильи пророка, и титаническаго Святогора, и лица историческаго, въ извѣстной мѣстной обстановкѣ. Еще больше надобно ожидать этой смѣси въ характерахъ богатырей старшихъ, относящихся къ ранней миѳологической эпохѣ. Забывая свою миѳологію, народъ даетъ большій просторъ своей фантазіи, и чтобъ имѣть точку опоры, переводитъ миѳическія существа на историческую почву.

Чѣмъ древнѣе миѳическія преданія русскаго народа, тѣмъ необходимѣе объяснять ихъ въ связи съ преданіями прочихъ славянскихъ нарѣчій, какъ общее достояніе всего славянскаго міра, предшествующее размѣщенію племенъ по разнымъ мѣстностямъ. Только этимъ путемъ можно опредѣлить первоначальное значеніе

титаническихъ существъ, называемыхъ въ нашихъ былинахъ старшими богатырями. Что же касается до перехода ихъ въ великановъ, представителей враждебныхъ народовъ, то для объясненія этого должно прибѣгнуть къ лѣтописямъ и другимъ историческимъ свидѣтельствамъ.

Итакъ, въ послѣдовательномъ развитіи такъ-называемыхъ старшихъ богатырей надобно отличать нѣсколько эпохъ, соотвѣтствующихъ переходу отъ древнѣйшихъ миѳологическихъ представленій къ смѣшаннымъ, темнымъ въ народѣ преданіямъ объ его раннихъ историческихъ судьбахъ, и наконецъ къ установившимся національнымъ типамъ богатырскаго эпоса цикла Владимірова.

Въ преданіи о старшихъ богатыряхъ русскій народъ сохранилъ память о древнѣйшихъ божествахъ своей миѳологіи. Собственныя имена, данныя этимъ богатырямъ въ разное время и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Нѣкоторыя имена, можетъ-быть, имѣютъ смыслъ миѳологическій, каковы: *Сухманъ*, *Святогоръ*, *Волхъ* или *Вольга*, *Тугаринъ Зміевичъ*, *Дунай*, *Донъ*, при женскомъ существѣ *Нѣпра* или *Днѣпра;* другія составились подъ вліяніемъ книжнымъ, какъ напримѣръ *Самсонъ* богатырь, можетъ-быть и *Полканъ*, или вообще подъ вліяніемъ позднѣйшей, церковной обстановки, какъ напримѣръ, *Идолище Поганое*, *Старчище Пилигримище;* другія заимствованы отъ названій народовъ, какъ *Волотъ Волотовичъ;* иные подъ своею новѣйшею формаціей скрываютъ древнѣйшія преданія о первобытныхъ судьбахъ Славянъ, какъ *Микула Селяниновичъ;* наконецъ цѣлый рядъ вѣрованій и миѳическихъ представленій, какъ древнѣйшій слой, вошелъ въ формацію героевъ даже младшей эпохи, такъ что въ самомъ Владимірѣ и въ Ильѣ Муромцѣ нельзя не замѣтить остатковъ древнѣйшей миѳической примѣси къ позднѣйшимъ чертамъ новаго богатырскаго типа.

Прежде нежели разберемъ въ подробности каждое изъ этихъ миѳическихъ существъ, должно упомянуть, что общее имъ на-

званіе: *Старшіе богатыри*, дано только по отношенію къ позднѣйшей эпохѣ, то-есть, исходя отъ понятія о богатыряхъ цикла Владимірова. Народъ только хотѣлъ заявить, что эти существа предшествуютъ богатырямъ Владиміра Красна-Солнышка, но что̀ они такое сами по себѣ, независимо отъ богатырей младшихъ, — неизвѣстно. Какъ существа стараго порядка вещей, они должны быть вытѣснены своими потомками, которые заступаютъ ихъ мѣсто или по наслѣдству, или вслѣдствіе побѣды надъ ними. Борьба съ дикими силами природы, со звѣрями и съ страшными вражескими народами, въ народномъ эпосѣ естественно перенесена была на борьбу съ миѳическими представителями стараго порядка вещей. Такимъ образомъ, первобытное божество, воплощаемое въ типѣ старшаго богатыря, нисходитъ до враждебнаго чудовища, или потому что божество стараго порядка вещей уже не годилось въ позднѣйшей обстановкѣ народнаго быта, или потому что стихійныя и титаническія существа древнѣйшей миѳологіи естественно казались въ послѣдствіи страшилами и чудовищами.

Этотъ переходъ отъ божества стихійнаго къ чудовищу въ титаническомъ типѣ старшаго богатыря съ наибольшею ясностію выражается въ сербскомъ миѳѣ о *дивахъ* и ихъ *дивскомъ старѣйшинѣ*, или начальникѣ [1]). Ихъ числомъ семьдесятъ, живутъ они на *Дивской* планинѣ (горѣ), въ пещерѣ, какъ циклопы, которыхъ нѣкогда посѣтилъ Одиссей. Нѣкто Іованъ, богатырь младшей породы, перебилъ всѣхъ семьдесятъ *дивовъ*, но *дивскій* старѣйшина, оставшись въ живыхъ, вошелъ въ любовь къ матери Іована, и чуть было не погубилъ его; но Іованъ восторжествовалъ и надъ нимъ. Какъ существо сверхестественное, *дивъ* извѣстенъ и въ древне-русскомъ эпосѣ. Слово о полку Игоревѣ знаетъ какого-то *дива*, который сидитъ на деревѣ, подобно Соловью-разбойнику, и велитъ послушать земли незнаемой, и который потомъ вергнулся на землю, когда наступила русскимъ воинамъ бѣда.

---

[1]) Вука Караджича, Сербск. пѣсни, кн. 2, № 8.

Въ сербскомъ миѳѣ о великанахъ *дивахъ* сохранилась память о первобытномъ поклоненіи индо-европейскихъ народовъ божеству неба и свѣта, потому что это слово непосредственно происходитъ отъ *див*, что̀ по-санскритски значитъ *свѣтить*, откуда названія бога свѣта и неба — у Грековъ Ζεύς (род. пад. Διός), у Римлянъ *Deus*, у Германцевъ *Tivas*, у Литовцевъ *Dewas*, и наконецъ въ Санскритѣ *Дѣва* (божество небесное)[1]).

Представленіе о *дивахъ* соотвѣтствовало у Славянъ быту кочевому и пастушескому. Когда они осѣлись на постоянныхъ жилищахъ, тогда свой домашній бытъ стали противополагать кочевью по лѣсамъ и степямъ, и все противоположное своему родному жилищу, называли *дивъимъ*, то-есть не покрытымъ домашнею кровлею, находящимся подъ открытымъ небомъ (sub divo или sub jove), наконецъ полевымъ и лѣснымъ вообще. Отсюда у Чеховъ прилагат. *divok*, въ смыслѣ не только дикаго, но и внѣшняго: *divoka strana*, въ противоположность внутренней, домашней[2]).

Диво, *дивовище*, въ смыслѣ чудовища, указываетъ на переходъ титаническаго существа къ страшилищу, будетъ ли то въ звѣриномъ видѣ, или въ человѣкообразномъ. Дивъ *Слова о полку Игоревѣ* стоитъ на рединѣ между этими значеніями. Даже сербскіе *дивы* въ упомянутомъ миѳѣ, потерявъ свое первобытное значеніе, могли быть понимаемы уже въ смыслѣ тѣхъ дикихъ великановъ, кочевниковъ, съ которыми дерутся наши богатыри младшей эпохи[3]).

Если въ замѣткѣ, приложенной къ сборнику г. Рыбникова, сказанное о богатырѣ *Суханѣ* или *Сухманѣ* можетъ быть оправдано въ грамматическомъ отношеніи, то эта личность первоначально имѣла смыслъ существа стихійнаго, состоящаго въ бли-

---

[1]) Корень *див* переходитъ въ существит. *дѣва* по закону поднятія звука *і* въ долгое *е* или въ *ѣ*. Отъ этого же корня происходятъ лат. *divus*, *dives*, *dies*, наше *день* и т. д.

[2]) Изъ формы *дивокій* сокращенно образовалось *дикій*.

[3]) Слич. у Маннгардта: «Bei den Slaven lebt das alte *dêva* (Gott) in der Benennung *diw* für Riese fort». Die Götterwelt. Стр. 57.

жайшей связи съ сербскими дивами. Это было божество солнца, или свѣта, огня (санскр. *сушман*, или *шушман* — огонь)[1]. Но, какъ увидимъ ниже, былина объ этомъ богатырѣ, записанная въ сборникѣ г. Рыбникова, противорѣчитъ этому значенію.

Гораздо правдоподобнѣе видѣть слѣдъ преданія о первобытныхъ миѳическихъ существахъ свѣта, или о *дивахъ* въ свидѣтельствѣ *Слова о полку Игоревѣ*, которое русскихъ витязей вообще называютъ *внуками Дажь-богъ*, то-есть, *бога солнца и огня.* А въ нашихъ лѣтописяхъ *Дажь-богъ* признается сыномъ *Сварога*, бога неба, то-есть, *Сварожичемъ.* По другимъ древне-русскимъ свидѣтельствамъ, подъ именемъ Сварожича наши предки чествовали огонь[2]. Итакъ отъ божества свѣта и огня русскій эпосъ ведетъ родъ нашихъ древнихъ витязей: они внуки свѣтоносныхъ предковъ, память о которыхъ сохранилась въ миѳическихъ титанахъ — дивахъ. Другими словами: Старшіе богатыри — дивы, младшіе — ихъ потомки, внуки Дажь-бога или Сварожича.

Преданіе о стихійныхъ божествахъ на Руси жило еще во всей свѣжести въ эпоху *Слова о полку Игоревѣ*, то-есть въ XII вѣкѣ. Какъ витязи назывались внуками солнца и огня, такъ вѣтры — внуками бога вѣтра, *Стрибога*[3]. Ярославна, горюя объ отсутствующемъ мужѣ, въ своемъ причитаньѣ обращается, какъ къ существамъ одушевленнымъ, не только къ вѣтру и солнцу, но и къ водѣ, въ ближайшемъ, болѣе наглядномъ представленіи ея, въ образѣ *Днѣпра Словутича*, какъ бы сына какого-то *Словуты.*

Если въ изданныхъ доселѣ былинахъ мало оставили по себѣ слѣдовъ стихійныя существа огня и свѣта, за то миѳическія пре-

---

[1]) Слова замѣтки въ Сборникѣ г. Рыбникова: «*Суханъ* или *Сухманъ* (санскр. *суш* или *шуш*, сохнуть, наше *суш-ить*, откуда причастная форма *суш-манъ*, сохнущій, изсушаемый и изсушающій, перешедшая въ названіе солнца и разныхъ стихій) носитъ на себѣ явныя слѣды происхожденія миѳическаго, до-историческаго». Стр. IX.

[2]) См. въ моей христоматіи столб. 520, 586, 605 и 606. — *Дажь* въ словѣ Дажь-богъ, отъ корня *даг*, что̀ по-санскр. значитъ горѣть; лит. *degu*—горю.

[3]) Отъ глагола *стрити*, откуда *стрѣла*, *стрѣлъ*, *пострѣлъ*, *стрѣха.* Слич. *застрѣть*, *застрянуть.*

данія о водѣ, и особенно о рѣкахъ, сохранились въ замѣчательной свѣжести. Русскій эпосъ еще помнитъ морскаго царя или бога водъ; онъ называется царь *Водяникъ*, а супруга его царица *Водяница*. Имъ приносятъ жертвы, опуская въ воду хлѣбъ съ солью, или же бросая живаго человѣка. Царь морской является во очію и покровительствуетъ тѣмъ, кто его чествуетъ. Когда онъ распляшется, взволнуется море и рѣки.

Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи новгородская былина о *Садкѣ*, богатомъ купцѣ [1]). Прежде онъ былъ бѣденъ, и кромѣ гуслей ничего не имѣлъ, а промышлялъ своею гудьбою на пирахъ, куда его нанимали. Разбогатѣлъ же онъ слѣдующимъ образомъ. Случилось, что нѣсколько дней сряду никуда его не приглашали на пиръ играть въ гусли. Соскучился Садко и пошелъ къ Ильмень-озеру:

Садился на бѣлъ горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера —

И поприветствовавъ Садка за утѣхи, которыя онъ ему доставилъ гудьбою на гусляхъ, въ благодарность далъ ему изъ Ильмень-озера кладъ, три рыбы золотыя-перья, на которыя можно скупить всѣ несмѣтныя богатства новгородскія. Садко закинулъ въ озеро неводъ, и вытащилъ это безцѣнное сокровище. Въ нашемъ эпосѣ соотвѣтствуетъ оно кладу *Нибелунговъ*, который прежде хранился въ водопадѣ у карлика Андвари, жившаго въ водѣ въ образѣ щуки; соотвѣтствуетъ также и финскому *Сампо*, сокровищу быта охотниковъ, моряковъ и земледѣльцевъ. Итакъ эти три рыбы золотыя-перья въ Ильмень-озерѣ не что̀ иное, какъ *Hort* или *Сампо* торговаго и промышленнаго Новагорода. До какой степени проникнутъ мѣстнымъ колоритомъ этотъ мотивъ въ былинѣ о Садкѣ, можно судить изъ того, что онъ не разъ встрѣ-

[1]) Рыбн. стр. 370 и слѣд.

чается, съ разными варіантами, въ мѣстныхъ легендахъ новгородскихъ. Такъ въ сказаніи объ Антоніи Римлянинѣ повѣствуется, какъ рыбаки вытащили сѣтьми изъ Волхова бочку съ драгоцѣнною церковною утварью, которую этотъ нѣмецкій выходецъ опустилъ въ море еще въ бытность свою въ Италіи, и которая сама собою, какъ чудесный кладъ, приплыла въ Новгородъ по Волхову.

Разбогатѣвши, Садко забылъ о благодѣяніи морскаго царя и пересталъ приносить ему жертву. За это надобно было его наказать. Потому однажды Садковъ корабль сталъ на морѣ и не трогался съ мѣста. Чтобъ ему двинуться и пойдти, надобно было бросить въ воду, въ жертву морскому царю, живаго человѣка. Жребій выпалъ Садку. Какъ знаменитому гудцу, ему даютъ гусли и спускаютъ на воду на доскѣ, на которой онъ и поплылъ по морю. Этотъ мотивъ о чудесномъ плаваньѣ на доскѣ, на плоту или даже на камнѣ — тоже одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ мѣстныхъ легендахъ новгородскихъ. Такъ тотъ же Антоній Римлянинъ будто бы на камнѣ приплылъ изъ Италіи подъ самый Новгородъ. Еще: когда Новгородцы, подозрѣвая архіепископа Іоанна въ развратной жизни, хотѣли его погубить, то посадили его на плотъ и пустили по Волхову; но плотъ чудодѣйственно пошелъ вверхъ противъ теченія, и самъ собою остановился близь Юрьева монастыря.

Такъ и Садко, съ гуслями въ рукахъ, поплылъ по волнамъ на дубовой доскѣ, и очутился въ палатахъ самого морскаго царя Водяника и супруги его Водяницы. Въ то время царь съ царицею спорили о томъ, *что на Руси дѣется:*

Булатъ ли дороже красна золота,
Али красно золото дороже булатъ-желѣза?

То-есть, вопросъ состоялъ въ томъ, произошелъ ли историческій переворотъ въ переходѣ древняго суроваго періода старшихъ богатырей въ періодъ богатырей младшихъ. Какое-нибудь титаническое существо изъ породы дикихъ великановъ, вѣроят-

но, предпочло бы безполезному золоту желѣзо. Но Садко, герой новаго порядка вещей, уже знаетъ цѣнность золота; потому что золотой кладъ уже добытъ между людьми, а съ нимъ вмѣстѣ роскошь и преступленіе. Итакъ Садко даетъ предпочтеніе золоту передъ желѣзомъ:

Дороже у насъ на Руси красно золото,
А булатъ-желѣзо катается
У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ.

Садко съ своими гуслями какъ разъ попалъ кстати къ царю Водянику. У него шелъ пиръ на радостяхъ. Онъ выдавалъ замужъ дочь свою любимую.

Во тыё во славно Окіянь-море.

Такъ поэтически, въ античной формѣ, народный эпосъ изображаетъ впаденіе рѣки въ море! Это царь Водяникъ выдаетъ замужъ куда-то за море, на чужую сторону, свою родную дочь.

Садко сталъ играть на гусляхъ. На пиру пошла пляска, и когда расплясался царь Водяникъ, синее море всколебалось, рѣки изъ береговъ выступили: топятъ корабли, губятъ православный людъ. Послѣ того, когда Садко охмѣлѣлъ и заснулъ, является ему во снѣ Никола Можайскій и велитъ изломать гусли звончатыя, чтобы не плясалъ морской царь и чтобы не гибли души народа православнаго. Сверхъ того, Никола даетъ Садку совѣтъ, чтобы онъ взялъ себѣ въ жены что̀ ни худшую изъ тридцати дочерей морскаго царя, когда тотъ будетъ ему предлагать на выборъ одну изъ нихъ, и чтобы женившись на ней былъ остороженъ, чтобъ и не дотрогивался до нея. Такъ Садко и сдѣлалъ, и женился на той изъ тридцати дочерей Водяника, которая была хуже всѣхъ. Легъ съ нею спать, а на утро ото сна пробуждался.

Онъ очутился подъ Новымъ Городомъ,
А лѣвая нога во Волхъ рѣкѣ.

Такимъ образомъ Садко, богатый гость, и женился на дочери Водяника, на Волховѣ рѣкѣ. Очень умѣстное для торговаго

Новагорода миѳическое преданіе, соотвѣтствующее позднѣйшему обряду, по которому венеціянскіе дожи обручались съ Адріатикою, бросая въ ея воды обручальное кольцо!

Прежде нежели сказать о Волховѣ, надобно обратиться къ другимъ рѣкамъ, и предварительно коснуться значенія рѣкъ вообще въ древнемъ бытѣ и въ вѣрованіяхъ Славянъ.

Миѳическія представленія свѣта, солнца, огня, неба, вѣтровъ, могутъ быть объяснены независимо отъ мѣстной обстановки тѣхъ племенъ, гдѣ эти представленія живутъ и развиваются. Иное дѣло съ рѣками и горами. Здѣсь общее представленіе о водѣ или возвышенности непремѣнно пріурочивается къ извѣстной мѣстности, а уже вмѣстѣ съ тѣмъ и къ индивидуальнымъ особенностямъ народнаго быта, состоящаго въ тѣсной связи съ условіями мѣстными.

Народный эпосъ воспѣваетъ миѳическія и героическія личности Дуная, Дона, Днѣпра и Днѣпры, или Нѣпры, Волхова, Смородины, не потому только что въ эпоху образованія поэтическихъ миѳовъ у Славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому что рѣки, и именно извѣстныя рѣки, давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту Славянъ. Дѣйствительно, въ раннюю эпоху своего миѳологическаго броженія, славянскія племена, разнося съ собою общія начала индоевропейской миѳологіи и еще во всей свѣжести возсоздавая миѳическія основы своего народнаго эпоса, разсѣялись по рѣкамъ. Рѣки были для нихъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Такимъ образомъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ, рѣки предлагали дорогу для кочевниковъ, а свои берега для осѣдлыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ.

Соображаясь съ бытомъ и представленіемъ славянскихъ племенъ, Несторъ описываетъ ихъ разселеніе по рѣкамъ. Сначала Славяне сѣли по Дунаю; оттуда пошли въ разныя стороны. Которые сѣли на Моравѣ, назвались Моравами; Ляхи сѣли на Вислѣ; Дреговичи между Припетью и Двиной; на Двинѣ, по

рѣчкѣ Полотѣ, Полочане; Радимичи на Сожѣ; Вятичи по Окѣ; Дулебы по Бугу; Тиверцы по Днѣстру; Новгородскіе Славяне на озерѣ Ильменѣ, то-есть, по Волхову; наконецъ Поляне по Днѣпру. Согласно рѣчному и береговому быту Славянъ, званіе перевощика было почетнымъ. Этимъ объясняется преданіе о томъ, что Кій былъ перевощикомъ на Днѣпрѣ, и можетъ-быть основаніе и названіе города Кіева произошло отъ перевознаго пункта. По крайней мѣрѣ еще во времена Нестора было въ памяти древнее обычное выраженіе: *на перевозъ на Кіевъ*. Другое преданіе, тоже приводимое Несторомъ, о томъ что Кій былъ князь, замѣчательно по сближенію днѣпровскаго Кіева съ дунайскимъ городищемъ Кіевцемъ, основаннымъ будто тѣмъ же Кіемъ.

Древнѣйшее лѣтописное преданіе о значительности званія перевощика доселѣ сохраняется въ народныхъ преданіяхъ. Доселѣ живетъ въ Псковской области преданіе, что вѣщая княгиня Ольга, изъ крестьянскаго званія, была перевощицею на рѣкѣ Великой [1]). Соловей-разбойникъ и вся семья его, какъ будетъ показано, отличались миѳическимъ характеромъ ранней эпохи; и замѣчательно, что старшая дочь этого чудовища была перевощицею на Дунаѣ-рѣкѣ [2]).

Разселяясь и садясь по рѣкамъ, Славяне давали имъ названія древнѣйшія, можетъ быть, вынесенныя изъ первобытной родины съ отдаленнаго Востока, и имѣвшія сначала нарицательное значеніе рѣки вообще, и потомъ уже получившія индивидуальный характеръ собственныхъ именъ. Такъ рѣки: *Сава*, *Драва*, *Одра*, или *Одеръ*, *Ра*, *Упа*, *Донъ*, *Дунай*, древнѣйшаго индо-европейскаго происхожденія, имѣютъ себѣ родственныя формы въ санскритѣ, въ смыслѣ воды или рѣки вообще; или же явственно происходятъ отъ древнѣйшихъ индо-европейскихъ корней, въ большей ясности сохранившихся въ санскритѣ. Племена, выселившіяся изъ общей Арійской родины въ Европу, вынесли съ

---

[1]) Якушкина Путевыя письма изъ Новг. и Псковск. губерн., стр. 155.
[2]) Сборн. Кирѣевск. I, 81.

собою общее индо-европейское имя рѣки вообще *дуни*[1]), и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у Осетинцевъ формы *дун* и *дон* означаютъ рѣку или воду вообще. Но потомъ у Славянъ *Донъ* получило смыслъ собственнаго имени, а форма *дун*, съ окончаніемъ *авъ*, именно *Дунавъ*, и потомъ *Дунай*, имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, какъ напримѣръ, поется въ одной польской пѣснѣ: *за ръками... за Дунаями*[2]).

Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племенъ, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи. По мѣрѣ того какъ нарицательныя имена *Донъ*, *Дунай*, *Днѣпръ*, означавшія рѣку вообще, стали болѣе и болѣе опредѣлять свой собственный, индивидуальный характеръ въ памяти и воображеніи славянскихъ племенъ, болѣе и болѣе оказывалась потребность оживить фантазіей эти отвлеченныя имена, придать имъ личную индивидуальность, то-есть, олицетворить въ опредѣленной формѣ человѣкообразнаго существа, съ отличительными признаками извѣстнаго героя или героини. Чтобы выдѣлить изъ общей массы безразличныхъ представленій опредѣленныя и точныя очертанія извѣстной рѣки, надобно было сблизить ее съ интересами личными, сблизить съ человѣческою личностію, и это сближеніе, условливаемое уже самымъ разселеніемъ славянскихъ племенъ, выразилось миѳами о происхожденіи Дуная, Дона и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ отъ человѣкообразныхъ существъ, въ которыхъ первоначально искало себѣ предмета для чествованія вѣрованіе въ стихійныя божества, и которыя потомъ перешли въ обыкновенныхъ героевъ народнаго

---

[1]) Въ формѣ *дуни*, *д* придыхательное, и притомъ *у* употребляется и долгое и краткое. Долгое сохранилось въ словѣ *Дунай;* краткое *у* перешло въ *о*, въ словѣ *Донъ*.

[2]) Значеніе и образованіе прочихъ, выше упомянутыхъ рѣкъ смотр. Pictet, Les origines Indo Européennes. 1859 г., ч. I, стр. 135 и слѣд. Названіе *ра я* произвожу отъ корня *р* или *ар*, откуда Санскр. *Арна* — рѣка, вода, нѣм. *rinnan* и т. д.

эпоса. Сверхъ того, миѳъ о происхожденіи и зависимости рѣкъ отъ морскаго царя, или Водяника, постоянно придавалъ этому олицетворенію оттѣнокъ миѳическаго характера.

Итакъ, по русскому эпосу[1]), рѣки Донъ и Днѣпръ будто бы произошли отъ *богатыря Дона* и его вѣщей супруги *Нѣпры Королевичны*, то-есть, *Днѣпры* (вмѣсто муж. р. *Днѣпръ*), которая отличалась воинственнымъ характеромъ, какъ сѣверная Валькирія, и мѣтко стрѣляла стрѣлою, какъ стрѣляютъ сербскія вилы. Дону досадно стало, что жена его похваляется, будто искуснѣе его стрѣляетъ. Рѣшено было между ними состязаться въ стрѣльбѣ на пиру у князя Владиміра. Нѣпра удивила всѣхъ своею мастерскою стрѣльбою. Тогда Донъ съ досады стрѣлилъ въ свою жену, и убилъ ее. Распластавъ убитую Нѣпру, онъ нашелъ въ ея утробѣ чудеснаго сына, по своей необычайности достойнаго своихъ полумиѳическихъ родителей. У него:

По колѣнъ-то ноженьки въ серебрѣ,
По локоть-то рученьки въ золотѣ,
А по косицамъ будто звѣздушки,
А назади будто свѣтелъ мѣсяцъ,
А спереди будто солнышко.

Въ отчаяніи, что такое чудесное существо, не будучи выношено въ утробѣ матери, должно было погибнуть, Донъ убилъ и себя.

Тутъ-то отъ нихъ протекала Донъ рѣка,
Отъ тыя отъ крови христіянскія,
Отъ христіянскія крови отъ напрасныя.

Эта былина должна быть дополнена тою существенною своею частію, въ которой надобно бы упомянуть, что рѣка Днѣпръ потекла отъ крови Днѣпры Королевичны.

Тоже разсказывается и о *Дунаѣ*, только вмѣсто Днѣпры, онъ женатъ на воинственной Настасьѣ Королевичнѣ, на сестрѣ Апраксѣевны, супруги князя Владиміра.

---

[1]) Рыбник., стр. 194—7.

Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай рѣка:
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекала рѣчка Настасья рѣка.

Иначе поется:

Исподъ эвтого сподъ мѣстечка
Протекали двѣ рѣченьки быстрыихъ,
И на двѣ струечки они расходилися,
И еще онѣ вмѣстѣ сходилися [1]).

Каково бы ни было первоначальное значеніе *Сухмана* богатыря, но былина, въ сборникѣ г. Рыбникова, даетъ ему смыслъ совершенно противоположный тому, какой можно бы ему дать на основаніи словопроизводства. Такъ же какъ Донъ и Дунай, этотъ богатырь даетъ начало рѣкѣ. Отъ крови изъ его ранъ протекла *Сухманъ-рѣка*, какъ онъ самъ умирая причиталъ:

Потеки Сухманъ-рѣка
Отъ моей отъ крови отъ горючія,
Отъ горючія крови отъ напрасныя [2]).

Происхожденіе рѣкъ отъ крови убитыхъ героевъ, или точнѣе великановъ, безъ сомнѣнія, основывается на древнѣйшихъ космогоническихъ преданіяхъ о происхожденіи воды вообще отъ крови. Всемірный потопъ, по скандинавскимъ сказаніямъ, разлился будто бы отъ крови убитаго титаническаго существа Имира, въ которой потонула вся древняя порода великановъ, кромѣ одного, спасшагося, подобно еврейскому Ною или индійскому Ману. Русскій стихъ о Егоріи Храбромъ, составленный изъ смѣси космогоническихъ преданій съ подробностями извѣстной церковной легенды, свидѣтельствуетъ намъ, что преданіе о кровавомъ потопѣ входило въ составъ нашего національнаго эпоса. Утверждая христіянскую вѣру, доѣзжалъ Егорій до даль-

---

[1]) Рыбник., стр. 186—194.
[2]) Рыбник., стр. 32.

няго царства Вавилонскаго, къ царицу Дектіанищу. Это было какое-то чудовище, въ родѣ змія, потому что

Зашипѣлъ онъ, злодѣй, по змѣиному,
Заревѣлъ по звѣриному.
Устрашился у Георгія богатырскій конь,
Палъ конь на сыру землю...
Вынималъ Георгій тугой лукъ,
Вскладывалъ калену стрѣлу,
Пускалъ злодѣю въ челюсти,
Отбивалъ легкое съ печенью,
Проливалъ кровь...
Одолѣла кровь Георгія бусурманская, окаянная;
Стоялъ онъ въ крови не по-колѣнъ, не по-поясъ,
А стоялъ онъ въ крови по бѣлы груди;
Вынимаетъ онъ копье долгомѣрное,
Ударилъ въ мать во сыру землю:
«Разступись, мать сыра земля!
Пожри кровь бусурманскую и окаянную!»
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Разступилася мать-сыра земля,
Пожрала кровь бусурманскую, окаянную [1]).

Если происхожденіе *Дуная*, *Дона* и *Днѣпра* русскій эпосъ объясняетъ только олицетвореніемъ, на основѣ миѳическаго вѣрованія о потопѣ и разлитіи рѣкъ отъ крови убитыхъ чудовищъ и титановъ, то сказаніе о происхожденіи рѣки Волхова имѣетъ всѣ признаки древняго миѳа, въ которомъ языческое чествованіе какого-то божества, впрочемъ называемаго въ преданіи Перуномъ, низводится до позднѣйшей демонологіи, и воплощается въ богатырской личности *Волха Сеславича* или *Всеславича*. Какъ существо титанической, древней породы, онъ былъ сыномъ змія [2]). Однажды нѣкоторая княжна, Марѳа Всеславьевна, гуляла по саду, и невзначай скочила съ камня на лютаго змѣя.

---

[1]) Варенцова, Сборникъ Русск. духовн. стиховъ, стр. 108—9.
[2]) Кирши Данилова Древн. Рос. Стих., стр. 45 и слѣд.

Обвивается лютый змѣй около чебота зеленъ сафьянъ,
Около чулочика шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.

Оттого княжна затяжелѣла и дитя родила. Это и былъ самъ Волхъ Всеславьевичъ. Какъ сынъ змія и существо необычайное, уже самымъ рожденьемъ своимъ на свѣтъ Божій, Волхъ производитъ великій переворотъ по всей землѣ:

Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индѣйское
А и синее море сколебалося
Для ради рожденія богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича:
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.

Своею сверхъестественною природой этотъ герой существенно отличался отъ богатырей младшихъ. Онъ былъ оборотень, существо вѣщее. Въ этомъ состояла его премудрость.

А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ золотые рога.

Сверхъ того, Волхъ обертывался горностаемъ, мурашикомъ, рыбою щукою, такъ что вся природа подчинялась его вѣщей силѣ; посредствомъ превращеній онъ былъ повсюду въ своей сферѣ, и въ лѣсу между звѣрями, и въ воздухѣ между птицами, и въ водѣ между рыбами.

Какъ отъ *Кія* образовалось прилагательное *Кіевъ*, такъ отъ *Волха*, названіе рѣки *Волховъ;* въ женскомъ родѣ *Волхова*, напримѣръ: «За тую за рѣченьку Волхову» въ Сборн. Рыбник.,

стр. 24; въ Лѣтописи Новгородской: «чрезъ Волхову рѣку», и даже въ среднемъ родѣ: «черезъ Волхово». Отсюда понятно, почему безъ нарушенія грамматическаго смысла Волховъ, въ женскомъ родѣ, то-есть, *рѣка Волхова*, могъ сдѣлаться невѣстою Садка богатаго гостя.

Мѣстное новгородское преданіе о Волхѣ было пріурочено къ мѣстечку *Перыня* или *Перунь*, а Волхъ сближенъ съ божествомъ Перуномъ. По сказанію въ старинныхъ хронографахъ[1]), Волхъ называется старшимъ сыномъ Словена. Отъ Словена будто бы получили названіе Славяне, а отъ Волхова, рѣка Волховъ, прежде называвшаяся Мутною. Какъ Днѣпръ былъ *Словутичъ*, то-есть, сынъ Словуты, такъ и другая столь же знаменитая въ древней Руси рѣка Волховъ былъ *Словеничъ*, сынъ Словена. Вѣроятно, оба эти названія, *Словута* или *Словутъ* и *Словенъ*, не что̀ иное, какъ видоизмѣненіе одного и того же имени миѳическаго героя, родоначальника славянскихъ племенъ, поселившихся на Руси.

Согласно приведенной выше былинѣ о Волхѣ оборотнѣ, и письменное сказаніе въ хронографѣ повѣствуетъ, что Волховъ былъ бѣсоугодный чародѣй, лютъ въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами претворялся въ различные образы, и въ лютаго звѣря крокодила; и залегалъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ, будто бы, тогда почиталъ его за Бога и называлъ его *Громомъ* или *Перуномъ*. И постановилъ этотъ окаянный чародѣй, ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго, городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, зовомомъ *Перыня*, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ. И баснословятъ о немъ невѣжды, говоря (вѣроятно въ какой-нибудь древней притчѣ): «въ боги сѣлъ». И былъ этотъ окаянный чародѣй удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ; и мечтаніями бѣсовскими несено было окаянное тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено

---

[1]) Смотр. мои Историч. Очерк. II, 8.

на берегъ противъ *Волховнаго* его городка, что нынѣ зовется Перыня. И со многимъ плачемъ отъ невѣждъ тутъ онъ былъ погребенъ, съ великою тризною поганскою, и могилу ссыпали надъ нимъ высокую, по обычаю язычниковъ. И по трехъ дняхъ послѣ того тризнища просыпалась земля, и пожрала мерзкое тѣло крокодилово, и могила просыпалась надъ нимъ на дно адское: «Иже и до нынѣ, яко же повѣдаютъ, знакъ ямы тоя стоитъ не наполняяся».

Крокодилъ, очевидно, литературная замѣна эпическаго змія, залегающаго рѣки. Въ мѣстномъ преданіи, доселѣ живущемъ у Новгородцевъ, это миѳическое существо называется *звѣрь-зміяка, Перюнъ*, то-есть Перунъ[1]). Будто бы этотъ звѣрь-зміяка жилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ скитъ *Перюньской*, то-есть Перынскій, или Перунскій. Каждую ночь звѣрь-зміяка ходилъ спать въ Ильмень къ *Волховской коровницѣ*. Перешелъ зміяка жить въ самый Новгородъ; но когда народъ крестился въ крещеную вѣру, зміяку Перюна бросили въ Волховъ. Зміяка поплылъ вверхъ по водѣ, и подплылъ къ старому своему жилью и взошелъ на берегъ. Князь Владиміръ опять велѣлъ его бросить въ рѣку, а на берегу на томъ мѣстѣ срубить церковь. Оттого церковь та назвалась Перюньскою, а потомъ и Скитъ Перюньскій.

Итакъ, очевидно, въ мѣстныхъ новгородскихъ преданіяхъ Перунъ смѣшивается съ стихійнымъ богатыремъ Волховомъ, и оба представляются въ чудовищной формѣ змія или звѣря-зміяки.

Потопленіе низверженныхъ истукановъ языческихъ боговъ въ рѣкахъ поддерживало древнія преданія о миѳическихъ рѣчныхъ божествахъ, и давало новые матеріялы для мѣстныхъ миѳовъ. Какъ древнее чудовище живетъ въ рѣкѣ и ее залегаетъ, такъ и брошенный истуканъ, въ видѣ живаго существа, плыветъ по волнамъ, выбирая мѣсто гдѣ бы пристать къ берегу. Такимъ образомъ новгородскому преданію вполнѣ соотвѣтствуетъ мѣстное кіевское, записанное еще Несторомъ, о томъ

---

[1]) Якушкина. Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній, стр. 118—119.

какъ низверженный истуканъ Перуна былъ брошенъ въ Днѣпръ, проплылъ пороги, и потомъ былъ выброшенъ на *рѣнь:* «И оттолѣ, говоритъ Несторъ, прослыла *Перуняна рѣнь*, какъ и до сего дня словетъ». Лѣт. I, 50. Итакъ, кіевская Перуняна рѣнь соотвѣтствуетъ Перыни новгородскихъ преданій.

Такъ какъ олицетвореніе въ эпическомъ стилѣ служитъ проводникомъ отъ миѳа къ внѣшнему, поэтическому украшенію, и такимъ образомъ становится обычною эпическою формой; то во многихъ случаяхъ очень трудно рѣшить, миѳическое ли вѣрованіе дало начало иному олицетворенію и обращенію къ рѣкѣ какъ къ существу живому, или же эпическое настроеніе фантазіи, воспитанное чудеснымъ, независимо отъ древняго вѣрованія, въ своихъ причудливыхъ образахъ безсознательно сходится съ представленіями древнѣйшихъ миѳовъ, основанныхъ на чествованіи воды и рѣкъ. Племенамъ, разселявшимся по рѣкамъ, такъ естественно было обращаться съ вопросомъ или съ мольбою къ рѣкѣ, на берегахъ которой они нашли себѣ надежный пріютъ и родную осѣдлость. Имъ кажется, что родная рѣка своими всплесками и неумолкаемымъ шелестомъ своихъ струй, сочувствуетъ ихъ заботамъ и готова помочь имъ. «Ай, Влтава! Что мутишь ты воду сребропѣнну? Или тебя всколыхала буря, нагнавши тучи на широкомъ небѣ, омывши вершины горъ зеленыхъ, размывши златопещаную глину?» Такъ начинаетъ Чехъ свою пѣсню о судѣ княжны Любуши надъ двумя братьями, которые вели тяжбу о наслѣдствѣ. Родная рѣка съ живѣйшимъ участіемъ отвѣчаетъ ему: «Какъ же бы я воды не мутила, когда ссорятся два родные брата о дѣдинѣ отчей, ссорятся круто между собою. Лютый Хрудошъ на рѣкѣ Отавѣ кривой, златоносной, и Стяглавъ храбрый на рѣкѣ Радбужѣ холодной, оба братья, оба Кленовичи, рода стараго, Тетвы Попелова, который пришелъ съ полками чеховыми въ эти богатыя волости черезъ три рѣки?» Слѣдуя національнымъ воззрѣніямъ, Влтава опредѣляетъ рѣками и переселеніе чешскихъ родовъ, и ихъ размѣщеніе. Родоначальникъ перешелъ съ своими полками черезъ три рѣки; враждую-

щіе братья поселились по рѣкамъ. Русская княжна Ярославна[1]), горюя о своемъ мужѣ, съ искреннею мольбой обращается къ Днѣпру Словутичу, чтобъ онъ прилелѣялъ къ ней ея мужа, чтобъ она не слала къ нему своихъ слезъ черезъ море. Когда ея супругъ, князь Игорь, спасается бѣгствомъ изъ плѣна отъ Половцевъ, рѣка Донецъ съ участіемъ говоритъ ему: «Княже Игорю! Не мало тебѣ величія, а Кончаку нелюбія, а Русской землѣ веселія!» Игорь отвѣчаетъ рѣкѣ: «О Донецъ! Не мало тебѣ величія, что лелѣялъ ты князя на своихъ волнахъ, постилалъ ты ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплою мглою подъ сѣнью зеленыхъ деревъ; стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернядьми на вѣтрахъ!» Какъ князь Игорь чувствуетъ свою судьбу связанною съ степными рѣками, во время своихъ воинскихъ набѣговъ; такъ и Садко Новгородскій гость съ благодарностію относится къ рѣкамъ, потому что онѣ на своихъ волнахъ лелѣятъ его торговыя суда[2]). Опуская въ Волгу, въ видѣ жертвы, хлѣбъ съ солью, Садко благодаритъ ее за то, что, разъѣзжая по ней, онъ ни разу не видалъ надъ собою никакой «притки» и скорби. Волга отвѣчаетъ ему человѣческимъ голосомъ, и посылаетъ съ нимъ поклонъ къ своему брату Ильмень-озеру. Когда Садко исполнилъ ея порученіе, Ильмень является ему въ видѣ удалаго добраго молодца, и спрашиваетъ: «Какъ же ты знаешь мою сестру Волгу рѣку?» — «А я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, отвѣчаетъ Садко: съ вершины знаю ее и до самаго устья, до Нижняго царства Астраханскаго». Какъ Садко чествуетъ Волгу и Ильмень-озеро, такъ Илья Муромецъ свою родную Оку. Отправляясь съ родины на богатырскіе подвиги, на прощаньи, опустилъ онъ корочку хлѣба по Окѣ рѣкѣ, за то что поила и кормила его, и взялъ съ собою въ ладонку горсть родной земли[3]).

Вотъ еще былина о какомъ-то безыменномъ героѣ.

---

[1]) См. Слово о полку Игоревѣ.

[2]) Кирши Данилова. Древн. Росс. Стих., стр. 266.

[3]) См. Замѣтку г. Даля въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго.

Ѣдетъ добрый молодецъ на чужую, дальню сторону [1]). Ему путь пересѣкаетъ рѣка Смородина. «А и ты мать, быстра рѣка Смородина! говоритъ молодецъ: Ты скажи мнѣ, быстрая рѣка, про броды конинные, про мосточки калиновы, про перевозы частые?» Отвѣчаетъ ему рѣка человѣческимъ голосомъ, душой красной дѣвицей, будто какая миѳическая перевощица, какъ та старшая дочь Соловья Разбойника: «Съ броду конинаго я беру по добру коню, съ перевозу по сѣдлу черкасскому, съ мосточку по удалому молодцу, а тебя, безвременнаго молодца, я и такъ пропущу». Проѣхалъ добрый молодецъ, самъ сталъ похваляться: «Вотъ, сказали про быстру рѣку Сомородину, что ни пѣшему, ни конному не пройдти, не проѣхать, а она хуже лужи дождевой!» Заслышавъ то, рѣка Смородина кричитъ ему вслѣдъ душой красной дѣвицей: «Безвременный ты молодецъ! Забылъ ты за быстрой рѣкой свои два ножа булатные: вѣдь на чужой сторонѣ это оборона великая!» Воротился молодецъ за рѣку, захватилъ свои ножи, и когда сталъ опять переѣзжать рѣку, не нашелъ ужь ни броду, ни перевозу, ни мостика. Такъ и поѣхалъ глубокими омутами. Ступилъ разъ, по черевъ конь утонулъ; ступилъ въ другорядь — по сѣделечко; ступилъ третью ступень — ужь и гривы не видать. Взмолился тогда добрый молодецъ рѣкѣ Смородинѣ; а она отвѣчала ему душой красной дѣвицей: «Не я тебя топлю, безвременный молодецъ, топитъ тебя твоя похвальба пагуба!» Такъ и утонулъ добрый молодецъ въ Смородинѣ рѣкѣ, которую та же пѣсня величаетъ и *Москвою-Смородиной*.

II.

Каковы бы ни были побудительныя причины къ созданію этихъ образовъ и сценъ, миѳическія ли, основанныя на старой памяти, или уже чисто фантастическія, не подкрѣпляемыя никакимъ вѣрованіемъ, все же это не холодная, отвлеченная алле-

[1]) Кирши Данилова, стр. 296—8.

горія, не случайная забава празднаго воображенія, а необходимая, типическая форма, въ которой выражаются тѣ же условія быта, какъ и въ миѳахъ о богатыряхъ-рѣкахъ, и о родственной связи ихъ съ стихійными божествами и чудовищами. Въ странѣ, бѣдной очертаніями природы, въ степной и лѣсистой, гдѣ взоръ свободно распространяется вдаль къ склоняющимся на равнину краямъ горизонта, не останавливаясь ни на одномъ возвышеніи, сколько-нибудь поражающемъ воображеніе, въ странѣ умѣренной, не отличающейся ни поразительною силою зноя, ни быстрыми переходами отъ жару къ холодамъ, изъ всѣхъ миѳическихъ преданій о стихійныхъ божествахъ могли удержаться, и даже получить мѣстное развитіе, только преданія о рѣкахъ. Для великановъ горъ не нашлось на Руси приличной обстановки; вѣтры, Стрибоговы внуки, проносясь по степямъ и лѣсистымъ равнинамъ, глухо терялись въ однообразномъ пространствѣ, потому что негдѣ было имъ остановиться, чтобы сгруппироваться въ великанскіе образы; нѣтъ на Руси ни глубокихъ пещеръ, гдѣ бы они пріютились, ни высокихъ горъ, изъ-за которыхъ они вырывались бы наружу. Самое море въ нашихъ пѣсняхъ называется только *синимъ;* потому что племена, заселившія Русь, забыли уже его безпріютную, волнующуюся пустыню, и вынесли съ собою только пріятное воспоминаніе о зеркальной поверхности водъ, въ которой отражается синее, безоблачное небо. Нашъ эпосъ хотя и знаетъ морскаго царя, но чествуетъ его только по отношенію къ рѣкамъ, чтобъ въ этомъ божествѣ дать имъ отца, потому даже низводитъ его до божества водъ вообще, называя его Водяникомъ, и давая ему въ супруги какую-то царицу Водяницу.

Миѳологія финскихъ и сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ рисуетъ воображенію титаническіе типы стихійныхъ божествъ воздуха, мороза, горной природы и морскаго тумана. Высокія горы и приморскія скалы издали обманываютъ взоръ своими прихотливыми формами, и мерещатся испуганному воображенію страшными исполинами. Они насылаютъ на смертныхъ морозъ и снѣгъ,

грозятъ своею массой подавить ихъ скромныя жилища, и, возвышаясь надъ туманною поверхностію моря, несокрушимо отражаютъ отъ себя удары вѣтровъ и морской бури. Понятно, слѣдовательно, почему сѣверный эпосъ наполненъ сказаніями о борьбѣ бога Тора съ великанами Турсами, стихійными существами горъ, мороза, инея и вѣтровъ. Самыя горы, по преданію сѣверной миѳологіи, не что̀ иное, какъ колоссальныя кости нѣкогда убитаго Имира, величайшаго изъ великановъ. Его брови были употреблены на ограду, которою, какъ горными хребтами, жилища Асовъ и Вановъ, а также и простыхъ смертныхъ, отдѣляются отъ враждебной области суровыхъ великановъ. Чтобы понять какъ различны были условія окружающей природы, въ которыхъ воспитывалась эпическая фантазія русскихъ Славянъ и сосѣднихъ съ ними Финновъ, занявшихъ горныя и приморскія страны, достаточно, напримѣръ, припомнить одинъ изъ космогоническихъ эпизодовъ финскаго эпоса *Ка́левалы*.

Въ началѣ временъ не было ни земли, ни солнца, ни луны, ни звѣздъ; были только воздухъ да вода. Въ пространныхъ жилищахъ воздуха обитала дѣвица *Ильматаръ* [1]), прекрасная и цѣломудренная. Разъ спустилась она съ воздушныхъ высотъ на море: тогда вдругъ поднялась съ востока буря, море взволновалось, и дѣвица Ильматаръ понеслась надъ морскою равниной. И зачала она тогда въ своей утробѣ сына отъ вѣтра, и такъ съ дѣтищемъ въ утробѣ носилась она въ безпредѣльномъ пространствѣ 700 лѣтъ: все не могла разрѣшиться отъ бремени. Въ жестокихъ мукахъ, окоченѣвши отъ холода, горько она раскаивалась тогда, что не осталась *дѣвою на воздухѣ*, и что спустилась на море, какъ *мать воды*. Въ утробѣ ея сидѣлъ не кто иной, какъ самъ *Вейнемейненъ*, герой и творецъ міра. Надоѣло Вейнемейнену сидѣть въ темной утробѣ своей матери, и онъ самъ себѣ проложилъ путь на свѣтъ. Родился онъ на морѣ, долго скитался по его поверхности, потомъ начинаетъ творить міръ. «Несется

---

[1]) Въ переводѣ значитъ: *дочь воздуха*.

онъ по морю, такъ поетъ руна [1]), гдѣ подниметъ голову — тамъ острова творитъ, куда рукою махнетъ — тамъ мысы, гдѣ ногою зацѣпитъ морское дно — тамъ рыбамъ ямы роетъ. Гдѣ земля къ землѣ приближается, тамъ назначаетъ мѣста для неводовъ. Гдѣ онъ остановится — тамъ утесы и скалы, и мели надъ водою, гдѣ разбиваются корабли и гибнутъ купцы». Тогда изъ земли Турьи прилетѣлъ орелъ, и паритъ въ воздухѣ, высматриваетъ, гдѣ бы свить себѣ гнѣздо. Вейнемейненъ, будто великанъ-утесъ, торчащій изъ моря, поднимаетъ свое колѣно въ видѣ «кочки, покрытой густою травой», и орелъ вьетъ на ней себѣ гнѣздо; потомъ снесъ онъ семь яицъ. Вейнемейненъ чувствуетъ, что колѣно его согрѣвается, онъ тряхнулъ имъ, и яйца падаютъ на дно моря и разбиваются. Изъ разбитыхъ яицъ Вейнемейненъ творитъ землю, солнце, луну и звѣзды, а самъ приговариваетъ вѣщія слова: «Будь, исподняя скорлупа, землею, а верхняя небомъ! Свѣтися, бѣлокъ, на небѣ солнцемъ, а ты, желтокъ, разгоняй ночную темноту луною! А что̀ осталось отъ яицъ, пусть пойдетъ на звѣзды!»

Громадные размѣры далекаго моря съ гигантскими утесами, надъ которыми въ видѣ дочери воздуха носятся тучи, и отъ морскихъ вѣтровъ зараждаютъ въ своей утробѣ творца міровъ — эти необъятныя размѣры эпической фантазіи Финновъ, вызванные самою природой, — въ эпосѣ славянскомъ, тоже соотвѣтственно условіямъ природы и быта, сокращаются въ умѣренныя формы рѣкъ съ крутыми, красными берегами. Всемірный змій-Океанъ сѣверной миѳологіи, охватывающій всю землю, въ эпосѣ русскомъ сжимается въ мелкія черты змія рѣчнаго или звѣря-зміяки, который вступаетъ въ связь съ какою-то Волховскою коровницей. Морскіе утесы смѣняются красными берегами, и самое слово *Berg*, то-есть гора — грамматически переходитъ въ форму *брегъ* или *берегъ*.

Очевидно, въ зависимости отъ условій природы и быта и отъ воззрѣній, воспитанныхъ миѳологіей и эпосомъ, надобно объя-

---

[1]) *Рунами* называются пѣсни и эпизоды Калевалы.

снять почему на Руси доселѣ во всей свѣжести живутъ въ народѣ преданія и сказанія о стихійныхъ существахъ, живущихъ въ рѣкахъ, то-есть о *русалкахъ*, между тѣмъ какъ *вилы*, свѣтлые геніи воздуха, существа горныя, вполнѣ соотвѣтствующія сѣвернымъ валькиріямъ, господствуютъ въ эпосѣ сербскомъ, который, оставивъ за вилами воздушныя жилища и воинственность валькирій, смягчилъ однако суровость этихъ приспѣшницъ богини Фреи, придавъ имъ граціозныя очертанія античнаго стиля. Въ воображеніи Болгаръ доселѣ живутъ вмѣстѣ и вилы подъ именемъ *самовилъ* и русалки подъ именемъ *самодивъ;* и, вѣроятно, послѣднее названіе имѣетъ много общаго съ упомянутыми выше великанами *дивами*, нѣкогда существами свѣтлыми и прекрасными.

Впрочемъ, несмотря на то, что въ эпосѣ русскомъ не могли господствовать представленія о великанахъ горъ, все же были и на Руси зачатки этихъ представленій, вынесенные изъ общей индо-европейскимъ народамъ арійской родины, а у другихъ Славянъ, при благопріятствовавшей обстановкѣ природы и быта, даже развились они, принявъ мѣстный, индивидуальный характеръ. Самыя названія нѣкоторыхъ горъ и скалъ свидѣтельствуютъ о древнемъ миѳическомъ ихъ значеніи у Славянъ. Такъ у Горенскаго мыса, близь Руяны, есть скала, имя ей *Божій Камень* (*бужь-камъ*, *buskahm*); близь Будешина двѣ горы своими названіями напоминаютъ дуализмъ *Зендавесты*, именно: *Бѣлый богъ* и *Черный богъ* [1]).

Преданіе о миѳическихъ представителяхъ горныхъ силъ русскій эпосъ сохраняетъ въ образѣ страшнаго колосса, *лежащаго* именно *на горѣ*. Объ этомъ повѣствуетъ одинъ изъ эпизодовъ эпоса объ Ильѣ Муромцѣ [2]). Однажды заслышалъ онъ, что есть на свѣтѣ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ, и который во всемъ мірѣ нашелъ только одну гору, могущую выдержать его силу и тяжесть. Ильѣ Муромцу захотѣлось

---

[1]) Слич. О вліян. христіанства на слав. яз., стр. 56.

[2]) Замѣтка Аксакова, въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго.

съ нимъ помѣряться. Пошелъ искать его, приходитъ къ горѣ, а на ней лежитъ громадный богатырь, *самъ какъ гора.* Илья наноситъ ему ударъ. «Никакъ зацѣпилъ я за сучокъ», говоритъ великанъ. Илья напрягши всю свою силу, повторяетъ ударъ. «Вѣрно я за камешекъ задѣлъ», говоритъ великанъ. Потомъ, оборотясь, онъ увидѣлъ Илью Муромца и воскликнулъ: «А! это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ! Меня и земля не держитъ. Нашелъ себѣ гору и лежу на ней».

Итакъ, этотъ великанъ будто сросся съ самою горой. Ему нѣтъ мѣста на всей землѣ, которая его не въ силахъ держать; а гора держитъ: ясно, что гора сильнѣе земли. Такія несообразности очень не рѣдки въ народныхъ преданіяхъ, но, что̀ особенно любопытно, иногда отлично объясняются они воззрѣніями и вѣрованіями первобытной эпохи зарожденія миѳовъ и языка. По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ блистательное подтвержденіе русскому миѳу находимъ въ одномъ изъ названій горы по-санскритски: *поддерживающая* или *держащая землю*[1]), такъ что гора, по этому названію, представляется какъ бы пьедесталомъ для какого-нибудь миѳическаго существа, и именно для богини земли или матери-сырой земли. Согласно этому воззрѣнію, русскій великанъ дѣйствительно нашелъ, что гора сильнѣе земли, и если она поддерживаетъ землю, точно такъ какъ древній Атласъ поддерживалъ небо, то поддержитъ и его.

Уже въ древнѣйшую эпоху Чехи также представляли себѣ миѳическаго великана лежащимъ на горѣ, или носимымъ горою, какъ это видно изъ древняго названія Исполиновыхъ горъ: *Кръконоша*, то-есть, несущая чешскаго героя *Крока*, отца княжны Любуши и ея двухъ миѳическихъ сестеръ, — или же несущая польскаго миѳическаго героя *Крако*, которому преданіе приписываетъ основаніе города Кракова.

---

[1]) *Бу-дара* (*б* и *д* придыхательные): сложено изъ *бу* — земля, *дара* — несущій или держащій.

Нѣкоторыя миѳическія существа ранней титанической породы, по русскому эпосу, происходятъ отъ горъ. Это явствуетъ изъ отечественнаго прозвища *Горыничъ*, *Горынчище*, *Горынинка*, то-есть рожденный или рожденная отъ *горы* или *Горыни*. Такъ миѳическій змій русскаго эпоса прозывается *Змій Горыничъ;* исполинская чародѣйка — *Баба-Горынянка*.

Арійскій прототипъ нашихъ *Горыничей* сохранился въ миѳическихъ герояхъ *Баргавасахъ*, дѣтяхъ *Бригу*, одного изъ первобытныхъ людей, созданныхъ Брамою (*праджапатис*). А *бригу* собственно значитъ гора, и отъ него отечественная форма *баргавасъ* — горыничъ [1]).

Слѣдуя древне-арійскимъ преданіямъ, сѣверная миѳологія признаетъ Тора, соотвѣтствующаго нашему Перуну, сыномъ Горы, то-есть Горыничемъ, потому что матерью его была Fiörgyn (гора); также и Фрея была Горынянка, отъ отца Fiörgynn (гора) [2]). Вообще сѣверные великаны горъ носятъ названія, происшедшія отъ слова *berg* (санскритски *бригу*, то-есть гора): то-есть они или самыя горы, или горыничи [3]).

Такъ какъ миѳы о титаническихъ существахъ состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ космогоническимъ ученіемъ о происхожденіи міра, стихій, растеній, металловъ; и такъ какъ названія предметовъ въ языкѣ часто соотвѣтствуютъ воззрѣніямъ, воспитаннымъ миѳологіею и бытомъ народа: то, говоря о горыничахъ, нельзя не упомянуть о санскритскомъ названіи желѣза *гіріджа*, что̀ слово въ слово значитъ: *рожденный отъ горы* [4]).

---

[1]) *Б* въ обоихъ словахъ придыхательное. Отъ санскритск. *бригу* происходятъ нѣм. *Berg* и наше *брегъ*, *берегъ*. Слич. Pictet, Les Origines Indo-europ. Стр. 125—127.

[2]) Скандин. *Fiörgyn* женск. рода и *Fiörgynn* муж. рода, имѣютъ при себѣ въ готскомъ *fairguni* — гора, средн. рода.

[3]) См. Вейнгольда. Die Riesen des Germanischen Mythus, въ Sitzungsberichte d. Philos.-historischen Classe d. Kais. Academie d. Wissenschaften. 1858 г. Февраль.

[4]) Сложено изъ *гірі* — гора и *джа* — рожденный. Ближе всѣхъ къ этому слову литовское *гележис*, съ обычнымъ переходомъ древнѣйшаго *р* въ позднѣйшее *л* и *і* въ *е*. Наше *желѣзо* есть смягченная форма литовской.

Дѣйствительно, космогоническій эпосъ внесъ въ свои эпизоды, какъ одинъ изъ существенныхъ моментовъ, миѳъ о происхожденіи металловъ вообще, и въ особенности желѣза. Согласно національнымъ воззрѣніямъ и условіямъ мѣстнымъ, въ наибольшей свѣжести этотъ миѳъ сохранился въ Финской *Ка́левалѣ*.

«Воздухъ всему мать, такъ разсказывалъ самъ Вейнемейненъ: вода старшая сестра[1]), желѣзо — младшій братъ, а средній между ними огонь. Укко[2]), творецъ всего, Богъ на небѣ, отдѣлилъ воду отъ воздуха, а отъ воды землю. Только не было желѣза. Тогда Укко, воздушный богъ, потеръ себѣ руки и приложилъ къ лѣвой колѣнкѣ: и родились оттого три прекрасныя дѣвицы, три матери металловъ[3]). Отъ желтаго молока первой родилось золото, отъ бѣлаго молока другой — серебро, а отъ чернаго молока третьей — желѣзо. Только что родилось на свѣтъ желѣзо, захотѣлось ему повидаться съ своимъ милымъ старшимъ братцемъ, съ огнемъ. Но огонь страшно ярится, забираетъ силы, хочетъ спалить несчастнаго, своего милаго братца желѣзо. Желѣзо бѣжитъ, спасается прыткимъ бѣгомъ отъ яростной силы (кулаковъ) огня, отъ злой пасти пламени. И спасается желѣзо въ зыбучихъ болотахъ, въ гремучихъ ручьяхъ, и на пологихъ скатахъ горъ, гдѣ несутъ яйца лебеди, гдѣ вьютъ себѣ гнѣзда гуси... Но по болотамъ рыщутъ волки, по степямъ ходятъ медвѣди: подъ ногами волка трясется болото, подъ лапами медвѣдя перегибается поле: желѣзо выходитъ наружу, гдѣ пробѣжитъ волкъ своими ногами, гдѣ ступитъ медвѣдь лапою. И родился Ильмариненъ (это вѣщій кузнецъ финскаго эпоса), родился и выросъ, на

---

[1]) Въ подлинникѣ, *братъ*.

[2]) Укко верховное божество, собственно *дѣдъ*.

[3]) Точно такъ и отъ колѣнъ Имира происходитъ первое на землѣ человѣкообразное существо, согласно индійскому миѳу о происхожденіи кастъ отъ головы, рукъ и ногъ Брамы. Слич. въ русскомъ стихѣ о *голубиной книгѣ:*

Завелось крестьянство православное,
Отъ того *колѣна* отъ Адамова. (Сборн. Варенцова, стр. 22.)

Слич. юридич. значеніе *колѣна* въ устройствѣ нѣмецкой семьи. Ia. Grimm, Deutsche Rechtaslth. Стр. 468. Старшій въ родѣ по-русски называется *колѣно*, откуда *колѣно* и *поколѣніе* въ смыслѣ рода-племени.

угольной горѣ родился, на угольномъ полѣ выросталъ, съ мѣднымъ молоткомъ въ рукѣ, съ клещами въ кулакѣ... Онъ собираетъ желѣзо, и, расковывая его на огнѣ, готовитъ оружіе и всякую утварь».

Огненный, летучій змій Горыничъ, или Горынчище, по русскому эпосу, живетъ въ пещерахъ и хранитъ драгоцѣнные металлы, такъ же какъ скандинавскій змій Фафниръ хранитъ роковой кладъ Нифлунговъ. Еще будучи въ молодыхъ лѣтахъ богатырь Добрыня Никитичъ [1]) пошелъ купаться на Израй рѣку. Струя подхватила Добрыню и унесла въ пещеры бѣлокаменныя къ лютому змію. Поразивъ змія и дѣтей его, Добрыня

Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
У лютаго змѣища Горынчища,
Нашелъ онъ много злата, серебра.

Остатокъ великановъ горной породы, во всей ясности, сохранилъ русскій эпосъ въ колоссальномъ типѣ *Святогора* [2]). Уже самое имя его указываетъ на связь съ *горою*. Живетъ онъ на *Святыхъ Горахъ*. Святыми называются онѣ, конечно, не въ христіянскомъ смыслѣ, такъ какъ и Русь получила свой эпитетъ *святая*, первоначально безъ всякаго отношенія къ *святости* православія, потому что безъ самыхъ пошлыхъ натяжекъ никоимъ образомъ нельзя объяснить этого эпитета съ исключительно-христіянской точки зрѣнія. Какъ упомянутаго выше исполина горы *земля не держитъ*, потому и лежитъ онъ на горѣ, такъ и о Святогорѣ говорятъ Ильѣ Муромцу калики перехожіе:

.... Не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ.

По одному варіянту Святогоръ и погибаетъ, какъ существо стихійное, хаотическое. Онъ хотѣлъ поднять *тягу земную*, но и его силы на то не хватило. Съ натуги

[1]) Кирши Данил., стр. 345 и слѣд.
[2]) Сборникъ Рыбник., стр. 33, 35.

По колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ:
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ.
Тутъ ему было и кончаніе.

То-есть, погрязшій по колѣна въ землю, Святогоръ на вѣки такъ и остался, и торчитъ изъ земли, будто скала.

Русскій миѳъ о превращеніи младшихъ богатырей въ камни или скалы, вѣроятно, первоначально относился къ великанамъ и богатырямъ породы старшей, или титанической. Въ послѣдствіи, когда и младшіе богатыри стали для народа стариною незапамятною, то и на нихъ онъ могъ перенести этотъ миѳъ, какъ на существа необычайныя. Слѣдственно, несмотря на то, что русскій эпосъ смѣшиваетъ разныя эпохи, и, не затрудняясь никакими анахронизмами, заставляетъ своихъ до-историческихъ богатырей быть современниками и Татаръ, и московскихъ царей, и Ермака, все же въ народѣ довольно ясно сознаніе о томъ, что богатырей давно уже на землѣ нѣтъ, что они жили когда-то въ первобытныя времена, при обстоятельствахъ совершенно иныхъ; что это были существа особенныя, вознесенныя изъ среды обыкновенныхъ смертныхъ, и своими личными качествами, своею сверхъестественною природою, и тою средой, въ которой дѣйствовали.

Этотъ важный моментъ въ исторіи русскаго эпоса, основанный на миѳѣ о великанахъ горныхъ и перенесенный на младшихъ богатырей, во всей ясности обозначился въ былинѣ о томъ, *отчего перевелись витязи на святой Руси*[1]).

Однажды богатыри младшей эпохи и Владимірова цикла собрались на Саѳатъ-рѣкѣ. Тутъ былъ Горденко Блудовичъ, Василій Казиміровичъ, Василій Буслаевичъ, Иванъ Гостиный Сынъ, Алеша Поповичъ, Добрыня Никитичъ и наконецъ самъ Илья Муромецъ. На этой рѣкѣ произошла у нихъ битва съ Татарами (обыкновенный анахронизмъ). Богатыри одержали блистатель-

[1]) Напечатана въ Сынѣ Отеч. 1856 г. № 26. Слич. мои Историч. Очерки II, стр. 13—14. Слогъ этой былины, очевидно, подновленъ.

ную побѣду, и возгордились до того что въ своей похвальбѣ рѣшились вызывать на бой *силу нездѣшнюю, небесную*, то-есть, сверхъестественную, съ точки зрѣнія, конечно, миѳологической. Только что вызвалъ Алеша Поповичъ силу нездѣшнюю, какъ явилось двое воителей, существа другаго міра, и храбро идутъ въ бой съ богатырями. Налетаетъ на нихъ Алеша Поповичъ, и со всего плеча разрубаетъ ихъ пополамъ, и къ великому удивленію, двое воителей не пали мертвыми, а только умножились: ихъ стало четверо, и живы всѣ. Налетѣлъ Добрыня Никитичъ, перерубилъ ихъ пополамъ, и опять стало ихъ вдвое больше, и живы всѣ. Бросился на чудесныхъ враговъ самъ Илья Муромецъ и еще разъ удвоилась сила нездѣшнихъ воиновъ. Тогда

Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть, рубить...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахались ихъ плеча могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугались могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры...
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ,
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣтъ,
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ...
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси.

Если подъ *нездѣшними* воителями, основываясь на выраженіи *сила небесная*, разумѣть ангеловъ, въ позднѣйшемъ, то-есть въ христіянскомъ смыслѣ; то возстаніе богатырей противъ нихъ, какъ страшное святотатство, и наказывается страшною казнью.

Но такое объясненіе противно смыслу и нравственному такту народнаго эпоса. Ничто въ характерѣ и дѣйствіяхъ нашихъ богатырей не заставляетъ предполагать въ нихъ святотатственнаго покушенія; потому что нигдѣ въ былинахъ они не выставляются врагами христіянскаго міра, и вообще русскій эпосъ избѣгаетъ всякаго враждебнаго столкновенія богатырей съ небесными силами, принимаемыми въ христіянскомъ смыслѣ. И зачѣмъ было христіянскимъ ангеламъ или святымъ вести бой на смерть и потомъ погубить всѣхъ этихъ богатырей, которыхъ такъ чествуетъ и лелѣетъ народная фантазія? Это не совмѣстно съ законами справедливости и возмездія, которыхъ народный эпосъ свято держится въ приложеніи къ судьбѣ своихъ любимыхъ героевъ. Сверхъ того, самъ Илья Муромецъ, по народнымъ вѣрованіямъ, причисленъ къ лику святыхъ: какъ же онъ будетъ виновникомъ святотатственнаго возстанія противъ небесныхъ силъ христіянскаго міра?

Народъ чувствовалъ эту неловкость, происходящую отъ обоюднаго смысла нездѣшней силы; потому въ варіянтѣ приведенной былины, изданномъ въ сборникѣ г. Рыбникова[1]), удвояются подъ ударами богатырей, не воители небесные, а *Татара*. А между тѣмъ, передъ этимъ чуднымъ явленіемъ, Илья Муромецъ только что возгордился, подумавъ:

«Еслибы была вся сила небесная,
Прирубили бы и всю силу небесную».
Разгорѣлись всѣ сердца богатырскія:
Разрубятъ Татарина единаго —
Сдѣлается два Татарина;
Разрубятъ два Татарина —
Сдѣлается четыре Татарина;
Умножилось *силы-войска поганаго*
Во эвтоемъ во полѣ во чистоемъ.
Рубилъ старый казакъ Илья Муромецъ
Этую силу поганую великую,
И пересѣлся старый казакъ Илья Муромецъ:

[1]) Стр. 119.

И *закаменѣвши конь* его богатырскій
На эвтоемъ полѣ на чистоемъ.

Итакъ, Илья Муромецъ является даже главнымъ виновникомъ этой борьбы, и самый конь его каменѣетъ. Но только съ точки зрѣнія миѳологической можно объяснить эту странную метаморфозу нездѣшней, свѣтлой силы въ поганую. Ясно, что въ борьбѣ нашихъ богатырей съ нездѣшними силами, надобно видѣть одну изъ тѣхъ миѳическихъ катастрофъ, которыя выражаетъ народная фантазія у разныхъ народовъ, то въ возстаніи Титановъ противъ олимпійскихъ боговъ, то въ погибели Турсовъ и Іотовъ — сѣверныхъ великановъ — отъ молота бога Тора, то наконецъ въ конечномъ истребленіи свѣтлыхъ божествъ сѣверной миѳологіи въ борьбѣ съ полчищами Суртура и съ чудовищнымъ отродьемъ злобнаго Локи.

Во всякомъ случаѣ, надобно полагать, что въ катастрофѣ нашихъ богатырей смѣшиваются двѣ эпохи: 1) первобытная — низверженіе великановъ древней хаотической эпохи подъ ударами богатырей и божествъ эпохи новой; и 2) позднѣйшая — гибель новыхъ божествъ и младшихъ богатырей, вытѣсняемыхъ изъ народнаго сознанія уже новѣйшими, историческими переворотами. Впрочемъ, первая эпоха сильнѣе наложила свою печать на судьбу нашихъ богатырей. Какъ сѣверные великаны, они превращаются въ камни, горы и утесы: а *превращеніе* на эпическомъ языкѣ часто имѣетъ смыслъ и уподобленія, ассимиляціи, тожества. Слѣдовательно, это просто великаны горъ, миѳическое олицетвореніе самыхъ горъ и утесовъ. Такое миѳическое превращеніе соотвѣтствуетъ космогоническому преданію о самомъ рожденіи людей изъ каменьевъ, которые, по греческому миѳу, Девкаліонъ и супруга его, соотвѣтствующіе семитическому Ною и индоевропейскому Ману, — бросали позадь себя, и изъ каждаго камня рождался человѣкъ.

Наконецъ миѳическое превращеніе въ послѣдствіи низводится до чародѣйскаго явленія, производимаго вѣщимъ словомъ. Такъ

одна вѣщая женщина оборачиваетъ камнемъ Потока или Потыка Михайлу Ивановича, а сама приговариваетъ:

Гдѣ былъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Тутъ стань бѣлъ горючъ камень.
А пройдетъ времечка три году,
И пройди сквозь матушку сыру землю [1].

То-есть, утесъ погрязъ въ землѣ, какъ Святогоръ въ приведенномъ выше эпизодѣ.

Титаническія, стихійныя существа въ исторіи народнаго эпоса заслоняютъ собою преданія о первобытныхъ хаотическихъ переворотахъ на землѣ, совершавшихся нѣкогда могуществомъ высшихъ, недовѣдомыхъ силъ. По этимъ преданіямъ, горы, лѣса, воды, въ хаотическомъ безпорядкѣ громоздились по землѣ, и какъ существа одушевленныя могли сдвигаться между собою и раздвигаться, по приказанію вѣщаго слова. Творецъ, устроитель земли Русской, Вейнемейненъ русскаго космогоническаго эпоса, подъ позднѣйшимъ именемъ Егорія Храбраго, ѣдетъ по Русской землѣ и —

Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтья по землѣ разстилалися;
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Святый Егорій глаголуетъ:
«Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
«Встаньте и разшатнитеся,
«Разшатнитеся, раскачнитеся...»
Наѣзжалъ Егорій на рѣки быстрыя,
На быстрыя, на текучія:
Нельзя Егорью проѣхати,
Нельзя Святому подумати.
«Ой вы еси, рѣки быстрыя!
«Рѣки быстрыя, текучія!
«Протеките вы, рѣки, по всей земли,
«По всей земли свято-Рускіей,

[1]) Рыбник., стр. 223.

«По крутымъ горамъ по высокіимъ,
«По темнымъ лѣсамъ по дремучіимъ...»
Наѣзжалъ на горы на толкучія
Гора съ горой столкнулася:
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій Святой проглаголывалъ·
«Вы горы, горы толкучія!
«Станьте вы, горы, по старому...» [1]).

Этой миѳической эпохѣ размѣщенія и установленія порядка и гармоніи между землей и водой соотвѣтствуетъ превращеніе стихійныхъ великановъ въ горы и рѣки. Эти миѳическія существа, одаренныя буйною силой, безъ всякой урядицы блуждали, сталкивались между собою въ титанической борьбѣ и не давали простору обыкновеннымъ смертнымъ. Но рано или поздно, законы природы должны были положить конецъ этому хаосу и неурядицѣ. Слагатели миѳовъ и космогоническихъ эпизодовъ были глубоко убѣждены, въ этомъ благотворномъ переворотѣ, потому что, хотя они и не довѣряли недовѣдомымъ силамъ природы, хотя страшились и благоговѣли передъ могуществомъ стихій, но все же видѣли, что горы и лѣса стоятъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, что рѣки, что̀ бы онѣ ни говорили своими плещущими струями, все же по установленному порядку, неизмѣнно текутъ въ своихъ крутыхъ берегахъ. Куда же дѣвались эти страшные для человѣка исполины, которымъ такъ привольно было блуждать въ первобытномъ хаосѣ? — Они превратились въ рѣки и горы, повѣствуетъ народный эпосъ и успокоиваетъ запуганное воображеніе, наглядно убѣждая, что отъ страшныхъ, сверхъестественныхъ силъ ничего больше не осталось, какъ грубая масса, въ которой онѣ навсегда улеглись.

III.

Увѣрившись въ безвредности неодушевленной природы, оградивъ себя отъ ея произвола убѣжденіемъ, что уже разъ окаме-

[1]) Г. Безсонова, Калѣки Перехожіе, стр. 449 и слѣд.

нѣвшіе богатыри не шевельнутся въ своихъ заматорѣвшихъ вѣками оковахъ, что Дунай Ивановичъ уже не соберетъ своей крови, превратившейся въ воду, и никогда не предстанетъ въ очію какъ существо человѣкообразное, все же воображеніе, воспитанное миѳическими страшилами, не скоро могло свыкнуться съ тою мыслію, что существа живыя, одаренныя произволомъ, для человѣка страшныя и непонятныя по своимъ дѣйствіямъ, что именно звѣри, птицы, и особенно змѣи, не одарены тою же разрушительною, сверхъестественною силой, отъ которой нѣкогда человѣкъ спасся въ эпоху гибели титановъ, и которая, по наслѣдству отъ этихъ чудовищъ, доселѣ еще пребываетъ въ животныхъ. Такимъ образомъ эпосъ о животныхъ (Thierfabel), въ своемъ древнѣйшемъ видѣ, составляетъ существенное дополненіе къ народной космогоніи.

Тотъ же русскій Вейнемейненъ, подъ видомъ Егорія[1], устрояя изъ хаоса землю Русскую

Наѣзжалъ... на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскучіихъ;
А пастятъ стадо три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы ро́дныя се́стрицы.
На нихъ тѣла яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковылъ трава...
Пріѣзжалъ Егорій къ птицамъ клевучіимъ,
Къ птицамъ клевучіимъ нагайщинамъ·
«Вы послушайте, птицы клевучіи,
«Птицы клевучіи, нагайщины!
«Разлетайтесь, пропустите Егорья Храбраго...»
Наѣзжалъ на змѣи на огненны:
Изъ рото́въ пыли́тъ огонь-по́ломя,
Изъ ушей дымъ столбомъ валитъ,
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.

По одному варіянту, Егорій велѣлъ имъ разсыпаться по сырой землѣ, «во мелкіе дробные череньица»; по другому — цѣлое

[1]) Безсонова, Калѣки Перехожіе. Стр. 451, 473, 438, 418.

стадо змѣиное замѣняетъ того змія исполина, въ крови котораго потонулъ было Егорій:

Вынималъ Егорій саблю острую,
Посѣкъ онъ, порубилъ стадо острое,
Стадо острое змѣиное;
Сталъ же Егорій во крови по бѣлую грудь;
Втыкаетъ Егорій свое скипетро
Во матерь во землю:
«О, матушка, сырая земля, разступися;
«На всѣ четыре страны раздвинься,
«На четыре страны, на четыре четверти,
«Ты пожри кровь змѣиную, проклятую!

Миѳическія преданія о чудовищныхъ зміяхъ и волкахъ и о превращеніи людей въ эти чудовища, у Славянъ восходятъ къ глубокой древности[1]). Народъ *Невры*, по свидѣтельству Геродота, жилъ въ странѣ, лежащей на сѣверо-западъ отъ истоковъ Днѣстра, то-есть въ странѣ, которая до позднѣйшаго времени въ польской исторіи извѣстна подъ именемъ земли *Нурской*. Первобытныя ихъ жилища были, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; но за сто лѣтъ до похода Даріева противъ *Скиѳовъ*, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же греческій историкъ, *они принуждены были змѣями, частію расплодившимися въ ихъ краѣ, частію же пришедшими къ нимъ изъ сѣверныхъ пустынь*, оставить свои прежнія жилища и искать пріюта у сосѣдняго и родственнаго племени, у Будиновъ. «Нравы ихъ, говоритъ Геродотъ, нѣсколько похожи на скиѳскіе; людей этихъ почитаютъ чародѣями. И точно, Скиѳы и Греки, жившіе въ Скиѳіи, разсказываютъ, что каждый изъ Невровъ разъ въ годъ оборачивается на нѣсколько дней въ волка, и потомъ опять принимаетъ свой прежній видъ». Скиѳы ли разумѣются подъ змѣями, которыя выгнали Невровъ, или что̀ другое соотвѣтствовавшее до-историческимъ переворотамъ и миѳологическимъ о нихъ представленіямъ, — во всякомъ

[1]) Шафарикъ, Славянскія Древности, въ переводѣ г. Бодянскаго. Т. I, кн. I. Стр. 322 и слѣд.

случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что какія-то племена оставили память о междоусобной борьбѣ, выразившейся преданіемъ о *Волкахъ-Неврахъ гонимыхъ змѣями.* Извѣстный срокъ пребыванія Невровъ въ волчьей шкурѣ, безъ сомнѣнія, назывался *Волчьимъ временемъ*, которое, судя по названіямъ мѣсяцевъ, у Славянъ, Литвы и Нѣмцевъ, простиралось отъ Ноября до Февраля включительно[1]); и, можетъ-быть, самое названіе зимняго времени, получившее свое начало отъ календарной системы, дало поводъ къ составленію миѳа о превращеніи Невровъ въ волковъ. Этотъ миѳъ, перешедшій въ вѣрованіе въ волколаковъ, или упировъ, или вампировъ, и доселѣ самый популярный въ землѣ Нурской и въ сосѣднихъ краяхъ, особенно на Волыни и въ Бѣлоруссіи. Вблизи къ этимъ странамъ нѣкогда обиталъ страшный и могущественный славянскій народъ, который, соотвѣтственно сказанію Геродота о превращеніи Невровъ въ волковъ, назывался *Волками* или *Лютичами*, потомками *Люта* или *Лютаго* (то-есть, тоже волка, по эпитету: *лютый*). Самый край, гдѣ жилъ этотъ народъ, именовался *Волкоміръ*, то-есть *Волчій міръ.* Миѳъ о превращеніи въ волка еще во всей свѣжести процвѣталъ на юго-западѣ Россіи во времена *Слова о полку Игоревѣ*, гдѣ между прочимъ о князѣ Всеславѣ говорится, что онъ «людямъ судилъ, князьямъ грады рядилъ, а самъ въ ночь *волкомъ рыскалъ*, великому Хорсу (богу) *волкомъ* путь перерыскивалъ».

Народы дикіе и воинственные, согласно вѣрованіямъ въ животныхъ, получали имена *Зміевъ*, *Волковъ*, *Лютыхъ Звѣрей* и особенно отъ своихъ сосѣдей, которымъ они были страшны. Миѳы о титанахъ давали этому вѣрованію большой просторъ; потому звѣрскіе враги представлялись испуганному воображенію великанами. Такъ тѣ же *Волки* или *Лютичи* иначе называются *Велетами* или *Волотами*; а слово *Волотъ* на бѣлорусскомъ

---

[1]) Февраль у Славянъ называется *Лютый* (по эпитету волка: *лютый звѣрь*), а у Басковъ *Волчій мѣсяцъ;* у Латышей *Wilku mehnesis* (волчій мѣсяцъ) — Декабрь, такъ же какъ и у Славянъ, *Волчій* или *Влченецъ*, между тѣмъ какъ у Нѣмцевъ въ старину Wolfmanêt — Ноябрь.

языкѣ издавна употреблялось въ смыслѣ исполина. Какъ стихійные богатыри превращаются въ горы и скалы, такъ и память о Волотахъ сохранилась въ *волоткахъ*, какъ кое-гдѣ на Руси называются древніе курганы.

Змій-богатырь, соединяющій въ себѣ свойства змія и великана, въ нашемъ эпосѣ воспѣвается подъ именемъ *Тугарина Зміевича*, то-есть сынъ змія [1]).

Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ саженъ,
Промежъ плечей косая сажень,
Промежду глазъ калена стрѣла.

Какъ великаны сѣвернаго эпоса, онъ отличается страшною прожорливостью:

По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ...
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра.

Тѣмъ же хвастается другое чудовище русскаго эпоса, *Идолъ* или *Идолище Поганое:*

Я вотъ по семи ведръ пива пью,
По семи пудъ хлѣба кушаю [2]).

По сказкамъ, этотъ Идолище появился въ Кіевѣ къ великому бѣдствію князя и жителей. «Голова у него съ пивной котелъ, во плечахъ-то коса сажень, промежъ бровей-то борозда со три пяди, промежъ ушей-то пройдетъ калена стрѣла; а ѣстъ-то онъ Идолище по цѣлу быку, а пьетъ-то онъ по пивному котлу» [3]).

Эпосъ, очевидно, сближаетъ этого исполина съ Тугаринымъ; потому Илья Муромецъ тѣми же словами осмѣиваетъ обжорство Идолища, какими Алеша Поповичъ — Тугарина:

У моего, сударя, батюшки,
Ѳедора попа Ростовскаго,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,

---

[1]) Кирш. Данил., стр. 183 и слѣд.
[2]) Рыбн., стр. 87.
[3]) Кирѣевск. I, стр. XV.

Забилася на поварню къ поварамъ,
Выпила чанъ браги прѣсныя,
Отъ того она лопнула, —
Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ:
Отъ меня Тугарину тоже будетъ.

Илья Муромецъ говоритъ Идолищу:

У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
У его была корова ѣдучая:
Она много пила-ѣла — лопнула.

Илья разсѣкъ Идолища пополамъ. Мѣсто этого чудовища иногда замѣняетъ *Полканъ Полкановичъ*, который съѣдалъ заразъ цѣлаго быка, а брагу пилъ онъ изъ котла, подымая его за уши, какъ изъ стопочки [1]).

Тугаринъ отличается отъ Идолища и Полкана Полкановича только тѣмъ, что, будучи змѣиной породы, летаетъ онъ на крыльяхъ по поднебесью.

Мѣстная кіевская сказка повѣствуетъ о томъ, какъ нѣкоторый змій обложилъ Кіевъ податью, взимая съ жителей себѣ въ жертву дѣвицъ, и какъ нѣкоторый силачъ Кожемяка избавилъ городъ отъ бѣдствія, умертвивъ змія. Съ тѣхъ поръ будто бы и прозвалось урочище *Кожемяки*, по мѣсту жительства того силача [2]). Въ лѣтописи Нестора Змій замѣненъ соотвѣтственнымъ ему въ эпосѣ лицомъ, великаномъ, Печенѣжиномъ, котораго будто бы поражаетъ тоже Кожемяка. Сказаніе это пріурочиваетъ Несторъ ко времени князя Владиміра и къ основанію города Переяславля (зане перея славу отрокъ-отъ).

Миѳъ о чудовищномъ змѣѣ въ разныхъ концахъ нашего отечества получилъ различныя мѣстныя видоизмѣненія. Кіевскому Змію, убитому Кожемякою, соотвѣтствуетъ Новгородскій Зміяка-Перунъ и крокодилъ Волховъ. Въ Муромѣ, на родинѣ Ильи Муромца, летучій Змій введенъ въ мѣстную легенду о Петрѣ и Февроніи. Змій летаетъ къ княгинѣ муромской и ведетъ съ нею

[1]) Замѣтка Даля въ Сборн. Кирѣевск. I, стр. XXXIV.
[2]) Кулиша, Записки о Южн. Росс. II, стр. 27.

любовную связь, принимая на себя видъ князя Павла, брата знаменитаго Петра. Петръ убиваетъ Змія, но отъ его крови весь покрывается струпьями. Крестьянская дѣвица Февронья его исцѣляетъ и выходитъ за него замужъ. Но особенно процвѣталъ миѳъ о чудовищномъ Зміи въ сосѣдней съ Муромомъ землѣ Рязанской, откуда былина ведетъ родъ Добрыни Никитича. Этотъ богатырь, какъ уже приведено выше, еще въ юности своей прославился искорененіемъ лютаго Змія Горынчища и всего его рода, освободивъ изъ его пещеры свою тетку, слѣдовательно сестру князя Владиміра.

Послѣ Змія, особеннаго вниманія въ нашемъ эпосѣ заслуживаетъ чудовище-великанъ *Соловей Разбойникъ.* Его натура какъ-то двоится: то онъ разбойникъ и залегаетъ дорогу, то онъ, какъ чудовище, шипитъ по змѣиному и зрявкаетъ по звѣриному; то онъ, какъ птица, гнѣздится въ гнѣздѣ на семи дубахъ, а семья его живетъ въ палатахъ на широкомъ дворѣ. Какъ существо отличное отъ прочихъ смертныхъ, онъ съ своею семьей составляетъ особую породу. Всѣ его дѣти на одно лицо. На вопросъ Ильи Муромца о причинѣ этого, Соловей отвѣчаетъ:

Я сына-то выращу, за него дочь отдамъ;
Дочку ту выращу, отдамъ за сына,
Чтобы Соловейкинъ родъ не переводился.

Дочери у него были вѣщія. Старшая изъ нихъ даже по имени своему носитъ характеръ чудовищный: она звалась *Невея*, по имени одной изъ двѣнадцати сестеръ лихорадокъ, которыя ходятъ по свѣту и мучатъ родъ людской. По другому варіянту старшая дочь его была перевощицею, какъ бы олицетвореніемъ рѣки Смородины, какъ ужь это было показано. Девять сыновей Соловья или девять зятьевъ, спасаясь отъ Ильи Муромца, обратились въ *вороновъ*, съ желѣзными клювами. Они какъ оборотни живутъ въ вороньихъ перьяхъ и понынѣ [1]).

---

[1]) Сборн. Кирѣевскаго, I, стр. 28, 37, 43, 81, 57. Тамъ же Замѣтка Даля, стр. XXXIII. — Сборн. Рыбник., стр. 57.

Русскій эпосъ приписываетъ Соловью разбойнику титаническую натуру, потому что разсказываетъ о немъ то же самое, что сербскій о дивскомъ старѣйшинѣ, въ пѣснѣ, на которую было указано по поводу миѳа о дивахъ. Какъ въ сербской пѣснѣ царица, прогнанная своимъ мужемъ, вмѣстѣ съ сыномъ Іованомъ попадаетъ къ дивамъ, и предаетъ своего сына дивскому старѣйшинѣ, съ которымъ вошла въ любовь; такъ и въ одной малорусской сказкѣ [1]) царица съ своимъ сыномъ бѣжитъ отъ своего мужа и, тайно отъ сына, заводитъ любовь съ Соловьемъ Разбойникомъ. Какъ сербская царица, чтобъ извести своего сына, по совѣту дивскаго старѣйшины, притворяется больною и проситъ сына, чтобъ онъ для исцѣленія ея добылъ ей яблокъ съ дерева, которое стережетъ лютый змій; такъ и малорусская героиня, притворившаяся больною, тоже по наущенію Соловья Разбойника, проситъ сына добыть ей сначала вишни-черешни изъ саду Яги-Бабы, потомъ воды изъ источника, который стерегутъ двѣнадцать зміевъ. И сербскій и малорусскій богатырь успѣшно выполняютъ задачу. Тогда тотъ и другой подвергаются одинаковому бѣдствію по коварству своихъ матерей: оба лишаются зрѣнія. Въ другихъ народныхъ сказкахъ мѣсто Соловья Разбойника и дивскаго старѣйшины замѣняетъ Змій [2]).

Сказанія о великанахъ-чудовищахъ въ русской лѣтописи трактуются только съ точки зрѣнія исторической. Это могущественные народы, съ которыми нѣкогда наши предки должны были вести борьбу. Какъ исполины русскаго эпоса перевелись на Святой Руси, превратившись въ камни и скалы, такъ и эти дикіе народы гибнутъ, не оставляя по себѣ ни племени, ни наслѣдія. Именно въ этомъ смыслѣ передается Несторомъ извѣстное сказаніе объ Обрахъ. Есть, говоритъ онъ, притча въ Руси, и до сего дни: «Погибоша аки Обре» — а *Обръ* у Славянъ [3]) зна-

[1]) Сказка о Соловьѣ Разбойникѣ и Слѣпомъ Царевичѣ въ Записк. о Южн. Рос. Кулиша. II, стр. 48.

[2]) Слич. въ 1-й части моихъ Историч. Очерковъ, въ главѣ о Славянск. Сказкахъ.

[3]) Чешск. *Обръ*, древне-польск. *Обржимъ*, потомъ *Ольбржимъ*.

читъ великанъ вообще. Согласно тому Несторъ свидѣтельствуетъ: «Быша бо Обре тѣломъ велици и умомъ горди». Мѣстная Дулѣбская сказка разсказываетъ, что, покоривъ Дулѣбовъ, они ихъ мучили, запрягая ихъ женъ въ телѣгу, по три, по четыре и по пяти.

Другая сказка, полянскаго или кіевскаго происхожденія, хотя не говоритъ прямо о великанахъ, но, въ общемъ европейскомъ эпосѣ, составляетъ эпизодъ о борьбѣ европейскихъ племенъ съ Гунами. Извѣстно, что Готѳы отличали себя оружіемъ отъ Гуновъ. Въ латинскомъ переложеніи пѣсни о Вальтерѣ (Аквитанскомъ) Готѳы дерутся мечами обоюдоострыми, а Гуны — саблями[1]). Мѣстная полянская сказка повѣствуетъ, что Поляне платили Козарамъ дань — *отъ дыма мечъ*. Козары, принесши мечи къ своему князю, говорили: «Вотъ нашли мы новую дань!» А на это бывшіе тутъ старцы сказали: «Не къ добру эта дань, княже! Мы доискались Полянъ оружіемъ объ одной сторонѣ, то-есть, саблями, а вотъ ихъ оружіе обоюдоостро, то-есть, мечъ. Они съ насъ будутъ брать дань, и съ иныхъ земель». Такъ и сбылось.

Печенѣги тоже саблями сражались. Когда Святославовъ воевода Претичъ заключилъ перемиріе съ печенѣжскимъ княземъ, то получилъ отъ него въ даръ коня, стрѣлы и *саблю;* а самъ ему подарилъ броню, щитъ и *мечъ*. Миѳъ о великанахъ былъ примѣняемъ къ Печенѣгамъ, какъ уже это упомянуто по случаю борьбы кожевника съ печенѣжскимъ великаномъ, соотвѣтствующимъ змію мѣстнаго сказанія кіевскаго.

Особенно знаменита была у насъ въ древности сказка объ единоборствѣ Мстислава Тмутораканскаго съ Касожскимъ княземъ Редедею, котораго Несторъ характеризуетъ великаномъ: «бѣ бо великъ и силенъ Редедя». Этимъ единоборствомъ должна была рѣшиться участь войны. Если одолѣетъ Мстиславъ, — возьметъ у Редеди его жену, дѣтей и все имѣніе; а если одо-

---

[1]) Jac. Grimm u. Schmeller, Lateinische Gedichte des X. und XI. Jahrh. Стр. 75.

лѣетъ Редедя, все заберетъ у Мстислава. Противники сцѣпились другъ съ другомъ не оружіемъ, а въ рукопашную. Когда Мстиславъ сталъ изнемогать, обратился съ мольбою къ Богородицѣ, обѣщаясь ей соорудить церковь, если одолѣетъ. Богородица помогла, и Мстиславъ построилъ во имя ея храмъ въ Тмуторакани. Уже въ XI вѣкѣ это сказаніе воспѣвалось въ пѣсняхъ, какъ свидѣтельствуетъ *Слово о полку Игоревѣ* о пѣвцѣ Боянѣ, который между прочимъ пѣлъ пѣсню храброму Мстиславу, «который зарѣзалъ Редедю передъ полками касожскими». Потому, можетъ-быть, позволительно видѣть больше нежели простую случайность въ сходствѣ одного эпизода изъ эпоса объ Ильѣ Муромцѣ съ этимъ древнимъ сказаніемъ, такъ рано усвоеннымъ въ народной поэзіи. Этотъ эпизодъ имѣетъ предметомъ единоборство муромскаго богатыря съ великаномъ Жидовиномъ [1]).

Сходилп молодцы рукопашкою;
Первой день водилися до вечера,
И темну ночь водились до бѣла свѣта;
Другой день водилися до вечера,
И темну ночку до бѣла свѣта;
Да и третей день водилися до вечера,
Тогда упалъ да на сѣру землю
Старой казакъ Илья Муромецъ —
Только молится Спасу съ Богородицей:
«Не дай меня поганому на поруганіе!
«Буду я служить до свѣту дò вѣку,
«За тѣ церкви за Божіи,
«За тую вѣру за крещеную!»

До позднѣйшихъ временъ страшные враги представлялись народной фантазіи въ видѣ чудовищныхъ великановъ. Въ сказкахъ Татары олицетворяются въ видѣ змія, который своимъ хоботомъ залегаетъ рѣки. Мѣстное смоленское сказаніе о витязѣ Меркуріи заставляетъ его бороться съ татарскимъ исполиномъ. Меркурія убиваетъ, по одной редакціи, сынъ этого исполина, по

---

[1]) Кирѣевск. I, стр. 53—54

другой — какой-то прекрасный воинъ, существо свѣтлое[1]). Это кажущееся противорѣчіе объясняется переходомъ свѣтлыхъ существъ, *дивовъ*, во враждебныхъ великановъ и чудовищъ.

Въ одной пѣснѣ позднѣйшаго склада[2]) какой-то русскій дворянинъ выходитъ въ бой съ великаномъ-чудовищемъ, которое называется *Чудо поганое:*

А Чудо поганое о трехъ рукахъ.

Дворянинъ прирубилъ у него *всѣ головы*. Но за Чудо вступаются *идолища* поганые и одолѣваютъ русскаго витязя.

Художественныя формы средневѣковаго стиля, византійскаго и романскаго, во многомъ объясняемыя миѳологіею и народнымъ эпосомъ, могли поддерживать въ творческой фантазіи наклонность къ чудовищнымъ и исполинскимъ образамъ. Какъ эпосъ воспѣвалъ необычайныхъ исполиновъ, будто бы предшествовавшихъ появленію обыкновенныхъ смертныхъ, такъ и живописныя и скульптурныя произведенія наивно отличали святыхъ отъ простыхъ людей исполинскимъ ростомъ. Эпосъ повѣствовалъ о борьбѣ богатырей съ зміями, лютыми звѣрьми и другими чудовищами: и суевѣрная фантазія находила подтвержденіе этимъ повѣствованіямъ въ чудовищныхъ сюжетахъ барельефовъ или прилѣповъ, которыми украшались храмы романскаго стиля. Изъ смѣси художественныхъ формъ этого чудовищнаго стиля съ преданіями народныхъ миѳовъ выходили новыя повѣрья и новые образы, въ которыхъ произведенія народной фантазіи оправдывались христіянскою легендой и средневѣковымъ ученіемъ о природѣ, распространявшимся въ сочиненіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ физіологовъ или бестіаріевъ. Потому, чуть ли не до эпохи Возрожденія и Реформаціи, народная миѳологія и эпосъ вносили свои элементы въ искусство и литературу, содѣйствуя живучести

[1]) Мои Историч. Очерки, II, 195.
[2]) Кирш. Данил., стр. 379.

темныхъ суевѣрій и предразсудковъ. Оторванный отъ своей первобытной миѳической основы, эпосъ не переставалъ однако возраждать новыя формы, питаясь легендами, демонологіей и вообще мечтательнымъ настроеніемъ умовъ, символическимъ и мистическимъ.

Позднѣйшая сказка объ основаніи Москвы[1]) состоитъ именно изъ этихъ смѣшенныхъ элементовъ. «Поѣхалъ князь великій Данило Ивановичъ изыскивать мѣста, гдѣ ему создать градъ престольный княженію своему. И взялъ съ собою Гречина, именемъ Василія, мудраго и вѣдающаго чему впередъ быть. И выѣхалъ съ нимъ въ островъ темный и непроходимый, а въ немъ болото великое и топкое. И посреди того болота увидѣлъ великій князь Данило Ивановичъ *звѣря превеликаго и пречуднаго, троеглаваго и краснаго*. И вопросилъ онъ Василія Гречина: что̀ есть видѣніе сего чуднаго звѣря? И сказалъ ему Василій Гречинъ: Великій княже! На семъ мѣстѣ созиждется градъ великъ и распространится царство треугольное, и въ немъ умножатся различныхъ ордъ люди: это прообразуетъ звѣрь сей троеглавый; различные же на немъ цвѣты — то есть: отъ всѣхъ странъ учнутъ въ немъ жить люди».

IV.

Малыя дѣти уже въ самомъ раннемъ возрастѣ своемъ перенимаютъ отъ взрослыхъ множество такихъ словъ и выраженій, которыхъ, по отвлеченности или по глубинѣ и обширности смысла, они вовсе не понимаютъ, и которымъ даютъ иной оборотъ, больше согласный съ ихъ дѣтскими взглядами и понятіями. Съ теченіемъ лѣтъ, опытность и сознаніе все больше и больше уясняютъ для развивающагося ума этотъ уже готовый запасъ воззрѣній и понятій, переданный ему отъ другихъ вмѣстѣ съ звуками роднаго языка. Какъ взрослые люди, по различію въ ступеняхъ образованія, имѣютъ не одинаковыя, больше или меньше

[1]) По сборнику XVII в., принадлежащему мнѣ.

ясныя понятія объ умственныхъ и нравственныхъ интересахъ; такъ въ дѣтяхъ, по мѣрѣ духовнаго развитія, уясняется и приводится въ сознаніе то, что̀ сначала было принято безсознательно.

Во многихъ отношеніяхъ то же можно сказать и о развитіи народностей. Замѣчательно близкое сродство словъ всѣхъ индоевропейскихъ языковъ въ наименованіи божества и существенныхъ предметовъ религіи и нравственности, понятій о бытѣ семейномъ и общественномъ, объ осѣдлости и земледѣліи, вполнѣ убѣждаетъ историка индо-европейскихъ народовъ, что Германцы, Литва, Славяне и другіе ихъ соплеменники, вышедшіе изъ общей Арійской родины съ племенами Индіи и древней Персіи, вынесли съ собою въ Европу зародыши понятій о благоустроенномъ бытѣ семейномъ и общественномъ, основанномъ на земледѣльческой осѣдлости, руководимомъ законами высшей правды и охраняемомъ богами. Лѣтописецъ Несторъ свидѣтельствуетъ, что древнѣйшія племена Славянскія, населившія Русь, имѣли уже *свои обычаи и законъ своихъ отцовъ и преданіе*, и что въ жизни семейной они отличали уже разныя степени родства, каковы *зять*, *деверь*, *сноха*, *свекровь* и т. д. Они даже кочевали и разселялись, группируясь *по родамъ*, то-есть въ массахъ, связанныхъ узами семейнаго родства. Переходя съ мѣста на мѣсто изъ далекой азіятской отчизны до роднаго Дуная и столь же потомъ родственныхъ береговъ Днѣпра и Ильменя, они конечно не имѣли времени постоянно упражняться въ землепашествѣ; однако, поселившись на осѣдлыхъ мѣстахъ, они не забыли первобытнаго, общаго всѣмъ индо-европейскимъ народамъ слова, для означенія трудовъ земледѣльца — именно: *орать*, то-есть, пахать, точно также какъ въ темную и трудную эпоху кочевья не забыли столь же общихъ всѣмъ народамъ терминовъ семейнаго родства, каковы: *мать*, *дочь*, *сынъ* и проч. [1]).

Несмотря однако на эту первобытность зародышей благоустроеннаго порядка въ каждой изъ европейскихъ народностей,

---

1) См. мою книгу: О вліяніи христіянства на славянскій языкъ. Стр. 132; Якова Гримма Geschichte d. deutschen Sprache. I, стр. 266, по изданію 1848 г.

миѳическія и эпическія преданія повѣствуютъ о временахъ мрака и ужаса, предшествовавшихъ мирной осѣдлости и плодотворному для успѣховъ просвѣщенія земледѣлію. Точно будто бы, въ теченіе многихъ вѣковъ хаотическаго броженія, нужно было, устоявши въ борьбѣ съ чудовищами и страшными, сверхъестественными силами, сохранить въ себѣ эти зародыши ранней цивилизаціи, на время затаивъ ихъ въ себѣ, и дать просторъ ихъ возрастанію только тогда, когда наступятъ для того благопріятныя времена. Нужны были опыты многихъ столѣтій, чтобы привести себѣ въ сознаніе тѣ идеи и воззрѣнія, которыя европейскія народности вынесли съ собою изъ своей азіятской родины, отдѣлившись нѣкогда отъ племенъ арійскихъ.

Эта блистательная эпоха пробужденнаго сознанія въ исторіи вѣрованій и поэтическихъ сказаній обозначается побѣдою новыхъ человѣкообразныхъ боговъ надъ чудовищами и стихійными силами стараго времени. Страшные великаны, Іоты и Турсы сѣверной космогоніи, прогнаны съ лица обитаемой человѣками земли, которая стала *серединою* всего міра, *жилищемъ въ серединѣ* (Мидгардъ), гдѣ мирная осѣдлость оградила себя стѣною отъ *внѣшнихъ странъ*, населенныхъ чудовищами, и великанами ранней эпохи (отъ *Утгарда* или *Аусгарда*). Сюда-то, въ огражденное отъ враговъ серединное жилище, въ эту апоѳеозу роднаго дома и родной земли, народность, окрѣпшая въ борьбѣ, принесла сокровища своей первобытной цивилизаціи, сколько успѣла она сберечь ихъ въ дальнемъ пути своего доисторическаго кочеванья. Теперь, оградивъ ихъ отъ расхищенія въ Мидгардѣ, какъ это сдѣлали сѣверныя германскія племена, перенесши ихъ за родной порогъ, какъ это было у Чеховъ, назвавшихъ свою осѣдлость *Прагою*, то-есть, порогомъ, или усѣвшись въ родномъ *гнѣздѣ*, какъ Ляхи въ своемъ *Гнѣзднѣ*, установившаяся и успокоившаяся народность, въ обезпеченіе себя отъ вражескихъ покушеній, вызвала изъ своихъ доисторическихъ преданій смутно носившійся въ воображеніи древнѣйшій образъ бога громовержца, покровителя семейной осѣдлости и земледѣлія, а вмѣстѣ съ тѣмъ гроз-

наго оберегателя новаго порядка вещей отъ вторженія грубой силы чудовищныхъ великановъ. Образъ этого божества постоянно мерещился воображенію европейскихъ кочевниковъ и прежде, въ смутныхъ воспоминаніяхъ объ индійскомъ Индрѣ; но онъ окончательно сложился въ опредѣленный національный типъ у классическихъ народовъ въ Зевсѣ, или Юпитерѣ, у Литвы и Славянъ въ *Перкунѣ*, или *Перунѣ*, у Нѣмцевъ въ *Торѣ*, *Тунарѣ* (Donner).

Миѳическое чествованіе земледѣлія выразилось въ древнѣйшихъ преданіяхъ о *чудесномъ происхожденіи плуга*. Если въ національности Скиѳовъ позволительно открывать нѣкоторые зародыши быта и нравовъ племенъ тевтоническихъ и литовско-славянскихъ, вынесенные изъ древней азіатской родины; то, говоря о переходѣ этихъ племенъ изъ быта кочеваго въ земледѣльческій и осѣдлый, необходимо начать съ скиѳскаго миѳа о небесной сохѣ[1]). Скиѳы-земледѣльцы вели свое происхожденіе отъ младшаго сына Солнца, который назывался *князь колесницы*, воза, телѣги, или точнѣе *кола* (какъ въ старину называли у насъ экипажъ на колесахъ). Скиѳское имя этого князя: kola-ksais — *коло-князь*, или ѣдущій на *колахъ*, какъ Тацитова Нерта, германская богиня земли, и какъ самъ Торъ. Только одинъ этотъ скиѳскій князь умѣлъ владѣть *сохою изъ горящаго золота, которая упала съ неба;* такъ что, когда другіе два его брата *князь-щитъ* (Hleipo-ksais) и *князь-стрѣла* (Arpo-ksais) захотѣли коснуться ея, то *обожгли себѣ руки*, потому что, какъ воины и кочевники, братья старшіе, то-есть, какъ поколѣніе старое, они еще не знали тайны земледѣлія, которая отъ самого неба была открыта поколѣнію младшему, въ лицѣ ихъ младшаго брата.

Первобытное преданіе о происхожденіи плуга въ русскихъ сказаніяхъ пріурочивается къ христіянскимъ именамъ Бориса и

---

[1]) См. статью г. Котляревскаго о книгѣ Бергманна: Les Scythes les ancêtres des peuples Germaniques et Slaves, въ Лѣтописяхъ Русской Литературы проф. Тихонравова, 1859, № 1.

Глѣба, или Космы и Даміана[1]). Будто бы чудовищный Змій опустошалъ нѣкогда Русскую землю. Въ умилостивительную жертву приносили ему по одному юношѣ изъ каждой семьи. Черезъ нѣкоторое время очередь дошла до царскаго сына. Онъ выданъ былъ Змію, но рѣшился, по наущенію самого ангела, спастись отъ чудовища бѣгствомъ. Настигаемый Зміемъ, онъ вдругъ увидѣлъ желѣзную кузницу, въ которой Борисъ и Глѣбъ (иначе: Косма и Даміанъ) *ковали первый плугъ для людей.* Юноша бросился въ кузницу, и желѣзная дверь за нимъ захлопнулась. Змій три раза лизнулъ дверь, а въ четвертый разъ просадилъ языкъ насквозь. Тогда эти вѣщіе кузнецы схватили раскаленными клещами Змія за языкъ, запрягли въ плугъ, изготовленный ими для людей, и провели по землѣ борозду, которая и доселѣ зовется *Зміевымъ Валомъ.* И такъ, огораживанье поля валомъ, въ знакъ собственности и осѣдлости, совпадаетъ въ эпическихъ преданіяхъ съ изобрѣтеніемъ плуга и съ самымъ началомъ земледѣлія.

Совпаденіе идей о паханьѣ сохою и объ огораживаніи осѣдлости отъ внѣшнихъ враговъ еще очевиднѣе въ великорусскомъ варіантѣ извѣстной кіевской, мѣстной сказки о Кузьмѣ Кожемякѣ, спасшемъ Кіевъ отъ лютаго Змія, и до позднѣйшихъ временъ оставившемъ по себѣ память въ Кіевскомъ урочищѣ *Кожемяки.* По кіевскому варіанту Кожемяка убиваетъ Змія въ бою, обматываясь смоляною коноплей. По великорусскому прибавляется слѣдующее. Одолѣваемый Кожемякою (Никитою), Змій сталъ его молить: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильнѣй насъ съ тобою въ свѣтѣ нѣтъ; *раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ поровну; ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой».* — Хорошо, сказалъ Кожемяка, *надо межу проложить.* Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, *запрягъ въ нее Змѣя, да и сталъ отъ Кіева межу пропахивать.* Такъ и раздѣлили они между собою всю землю отъ Кіева до моря, а какъ стали дѣлить море, Кожемяка и убилъ Змія и потопилъ его въ морѣ. (Аѳанас.

---

[1]) См. мои Историч. Очерки, II, 107.

Сказки, V, стр. 66). Также опахиваютъ бабы и дѣвки деревню отъ чумы, падежа и всякой лихой напасти; также сѣверные Асы отгородили себя отъ великановъ; наконецъ тѣ же преданія о Чортовомъ Валѣ встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ на западѣ.

Славяне, какъ народъ по преимуществу земледѣльческій, въ своихъ миѳахъ о древнѣйшихъ родоначальникахъ и князьяхъ чествуютъ бытъ земледѣльца [1]). Чешская княжна Любуша, вѣщая дѣва, дочь миѳическаго Крока, по желанію народа должна была выйдти за мужъ, чтобы въ своемъ супругѣ дать Чехамъ достойнаго воеводу. Вѣщая княжна сказала посламъ, какъ и гдѣ найдти для нея супруга: «Ступайте, говорила она, на *Бѣлую* рѣку (иначе: на *Бѣлину* рѣку), и тамъ, на полѣ *Стадицы*, найдете вы пахаря, пашущаго землю двумя пѣгими волами: онъ будетъ обѣдать на желѣзномъ столѣ; этотъ человѣкъ будетъ вашимъ правителемъ», а чтобъ узнать туда путь и самого пахаря, Любуша дала посламъ своего бѣлаго коня. Онъ привелъ пословъ къ сказанному мѣсту, и своимъ ржаніемъ указалъ на пахаря, будущаго владыку Чеховъ, и палъ передъ нимъ наземь. Пахарь назывался Премысломъ. Прежде нежели отправился съ послами, сталъ онъ обѣдать, положивъ на свою соху, на этотъ желѣзный столъ, *сыръ* и *хлѣбъ*, произведенія быта пастушескаго и земледѣльческаго, дары боговъ Волоса и Перуна, особенно чтимыхъ на Руси въ эпоху принятія христіянства. Быки же, которыми Премыслъ пахалъ, поднялись на воздухъ, и потомъ опустившись, скрылись въ расщелинѣ скалы, которая, принявъ быковъ, сомкнулась. Послы надѣли на Премысла княжеское одѣяніе; но онъ, въ знакъ своего крестьянскаго происхожденія взялъ съ собою свои *лапти*, которые, какъ національная драгоцѣнность, до позднѣйшаго времени свято хранились. Такъ и по польскому преданію, Пястъ въ лаптяхъ вступилъ на княжескій престолъ.

Въ миѳѣ о Премыслѣ, каково бы ни было собственно миѳологическое его значеніе, нельзя не видѣть слѣдовъ того древ-

---

[1]) См. мои Очерки, I, 371—2.

няго обычая, который до позднѣйшаго времени совершался въ Каринтіи при поставленіи новаго герцога, то-есть, воеводы или князя. Поставляемый долженъ былъ въ крестьянской одеждѣ выдти на лугъ, около крѣпости Св. Вита (Святовита). Тамъ на большомъ четвероугольномъ камнѣ сидя дожидался его поселянинъ, держа направо черную корову, а налѣво кобылу. Поставляемый герцогъ, по заведенному обряду, долженъ былъ у поселянина купить корову и кобылу, какъ бы въ символъ передачи власти надъ землею отъ поселянина. Послѣ того долженъ онъ былъ изъ шляпы испить воды.

Идеалъ миѳическаго пахаря русскій народный эпосъ знаетъ подъ именемъ *Микулы Селяниновича.* Это уже сынъ селянина, хозяина осѣдлой собственности, потому и прозывается *Селяниновичемъ;* что же касается до *Микулы* (или *Никулы*, т. е. Николая), то это имя, такъ же какъ *Илья*, имя великаго муромскаго героя, принадлежитъ уже позднѣйшей эпохѣ; оба эти имени подставныя, ими замѣнились изъ христіянскаго уже календаря какія-нибудь другія, болѣе согласныя съ содержаніемъ древнихъ былинъ, въ которыхъ воспѣваются ихъ подвиги. Также христіянскія, позднѣйшія имена, даны и тремъ вѣщимъ дѣвамъ, дочерямъ Селяниновича: Василиса, Настасья и Марья.

Микула Селяниновичъ является въ сношеніяхъ съ Святогоромъ и Волхомъ или Вольгòю, то-есть, съ богатырями старшими, съ лицами древнѣйшей титанической эпохи. Такъ и быть должно: въ этихъ сношеніяхъ надобно было наглядно показать переходъ отъ эпохи кочевой къ осѣдлой земледѣльческой, и дать предпочтеніе послѣдней передъ первою.

Намъ уже извѣстенъ сверхъестественный характеръ Волха или Вольгѝ, титаническій или стихійный. Въ послѣдствіи эпосъ придалъ ему позднѣйшее, уже историческое значеніе князя. Онъ отличается отъ обыкновенныхъ богатырей Владиміровыхъ своею княжескою самостоятельностію. Хотя и родился онъ въ Кіевѣ, но не сталъ спутникомъ князя Владиміра въ его дружинѣ, былъ независимымъ начальникомъ своей собственной дружины, въ ко-

торой насчитывалось до 29 богатырей. Именно на этой-то позднѣйшей, исторической ступени, титанъ и чудовище Волхъ, сынъ Змія, низводится до владѣтельнаго князя, племянника Владимірова.

Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ — Гурчевцемъ,
Вторымъ городомъ — Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольгà Святославговичь
Со своею дружинушкою хораброю,
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою [1]).

То-есть, поѣхалъ собирать дань, какъ нѣкогда Игорь ѣздилъ по Древлянской землѣ. Ѣдучи за получкою, Вольга

...Услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки [2]) по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольгà до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхать.

А не могутъ догнать этого необычайнаго ратая, потому что онъ —

Съ края въ край бороздки пометываетъ,
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать.

Наконецъ Вольгà достигаетъ ратая и проситъ его, чтобъ онъ ѣхалъ съ нимъ въ товарищахъ. Ратай вывернулъ изъ сохи свою соловую кобылку; имя ей *Обнеси-голова*, иначе Подыми-голова, потому что какъ поется въ былинѣ, «вздынула (т. е. подняла) она

---

[1]) Рыбник., 1, 18. 2, 1.
[2]) *Омѣшь* — желѣзный наконечникъ сохи.

голову подъ облаку» (подъ облака); и поѣхалъ этотъ ратай вмѣстѣ съ Вольгою, предварительно наказавши, чтобъ кто-нибудь изъ дружины этого князя выдернулъ изъ земли его сошку и забросилъ въ ракитовъ кустъ. Сначала бросились вытаскивать соху пять человѣкъ, но ничего не могутъ сдѣлать, потомъ бросилось десять человѣкъ, и также безуспѣшно; потомъ посылалъ Вольга всю свою дружину храбрую:

Опи сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.

Тогда —

Подъѣхалъ оратай оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Здѣсь очевидно необъятное могущество миѳическаго пахаря. Какъ тотъ скиѳскій князь только самъ можетъ приступиться къ небесной сохѣ, которая его старшимъ братьямъ жжетъ руки; такъ и русская соха не въ подъемъ совокупнымъ силамъ всей княжей дружины, а пахарь поднимаетъ ее одною рукой. Конечно, въ этой сценѣ можно бы видѣть аллегорію, подъ которою рисуются позднѣйшія отношенія земщины къ князьямъ и дружинѣ: но во-первыхъ, эпосъ не терпитъ и не знаетъ холодной, отвлеченной формы аллегоріи, какъ искусственной выдумки, а во-вторыхъ, другой варіантъ той же былины [1]) уже во всей опредѣлительности изображаетъ передъ нами миѳическій типъ ратая и миѳическую соху, которая, также какъ у Скиѳовъ, пала съ поднебесья и глубоко засѣла въ землю. Когда вся дружина не сладила съ сохою, подъѣзжаетъ къ ней самъ ратай.

---

[1]) Рыбник., 23.

А сошка была *позолочена*,
Омѣшики были булатныя, —
Къ этой ко сошкѣ подхаживалъ,
Этую сошку попихивалъ:
Какъ улетѣла та сошка къ подъ-облакамъ,
Пала сошка о сыру землю,
Ушла сошка до рычаговъ въ землю.
Тутъ-то обрядилъ свою сошку позолоченую,
Тыи-то омѣшки булатныя.

Итакъ, это такая же *золотая* соха, какъ и у Скиѳовъ. Сверхъ того, намъ ужь извѣстно, что почти тоже случилось и съ чешскимъ Премысломъ. Только не соха, а быки, которыми онъ пахалъ, поднялись къ облакамъ и потомъ пали на землю, скрывшись въ разщелинѣ. Вѣроятно быки поднимались вмѣстѣ съ *ярмомъ*. Если такъ; то созвѣздія *Яремъ* или *Ярмо* и *Плугъ* должны состоять въ связи съ миѳами о водвореніи земледѣльчества. Не забудемъ также, что и кобылка нашего пахаря воздымала свою голову къ облакамъ.

Въ русскихъ загадкахъ, согласно эпическимъ воззрѣніямъ, соха представляется какимъ-то чудовищемъ: «Баба Яга, вилами нога, весь міръ кормитъ, сама голодна», или соха съ бороною: «Три тулова, три головы, восемь ногъ, желѣзвый хвостъ, кованый носъ». Иначе соха же — это: «Черная корова все поле перепорола», или: «Летѣла пава, сѣла на припалѣ, разсыпала перья по всему полю» [1]).

Но возворотимся къ нашей былинѣ.

Ясно, что въ эпическихъ типахъ Вольгѝ и вѣщаго пахаря, мы имѣемъ дѣло не съ обыкновенными историческими личностями, но съ героями миѳическими, которыхъ основныя очертанія сложились въ древнѣйшую пору зарожденія самыхъ миѳовъ и ихъ эпическаго выраженія въ народной поэзіи. Обѣ эти личности — представители общечеловѣческихъ интересовъ въ ранній періодъ развитія европейскаго быта; и если обѣ онѣ вполнѣ на-

[1]) Даля. Пословицы. Стр. 1072.

родны на русской почвѣ, то это говоритъ только въ пользу той мысли, что и русская народность въ ея эпическихъ основахъ была когда-то въ уровень со всѣмъ, что̀ считалось у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ самымъ высшимъ и существеннымъ въ разсужденіи быта и успѣховъ ранней цивилизаціи.

Почтивъ въ вѣщемъ пахарѣ его великую силу, Вольга̀, какъ князь, который всегда дорожитъ своимъ княжимъ родомъ и своимъ отечествомъ, сталъ его спрашивать:

Ай же ты ратаю, ратаюшко!
Какъ-то тебя по имени зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отечеству?

Вмѣсто того чтобъ отвѣчать на вопросъ прямо, чудесный пахарь вводитъ своего собесѣдника въ сельскую обстановку своего крестьянскаго житья-бытья, какъ бы давая тѣмъ разумѣть князю, что простолюдинъ славится не громкими именами своихъ предковъ, а личнымъ своимъ достоинствомъ, своими честными трудами и личными гуманными отношеніями къ равнымъ себѣ:

Говоритъ ратай таковы слова:
«Ай же Вольга̀ Святославговичъ!
А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

Это одинъ изъ самыхъ изящнѣйшихъ мотивовъ эпической поэзіи, и вообще вся былина эта принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ европейскаго народнаго эпоса, и если уступаетъ пѣснямъ древней Эдды, то только потому развѣ, что древнѣйшія миѳическія имена и обстоятельства замѣняетъ позднѣйшими, по той простой причинѣ, что доселѣ еще живетъ въ устахъ народа.

По другому эпизоду Микула Селяниновичъ является хранителемъ *тяги земной*, которую онъ держитъ въ переметной су-

мочкѣ, то-есть, *тяги* всей великой силы матери земли. Какъ въ разсказанномъ эпизодѣ Селяниновичъ господствуетъ своимъ могуществомъ надъ Вольгою и всею его дружиной, такъ теперь увидимъ, что онъ сильнѣе самого Святогора, а Святогоръ былъ силы непомѣрной:

Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Кабы я *тяги* нашелъ,
Такъ я бы всю землю поднялъ![1])

Поѣхалъ Святогоръ путемъ дорогою, и видитъ: идетъ прохожій. Припустилъ за нимъ богатырь своего добраго коня, но никакъ догнать не можетъ. Прохожій все идетъ впереди, не только потому, что онъ, видно, сильнѣе и быстрѣе, но, вѣроятно, и потому, что идея, которой онъ служитъ представителемъ, далеко опережаетъ эпоху грубыхъ великановъ. Наконецъ, не сладивъ, Святогоръ проситъ его остановится. Прохожій пріостановился, снималъ съ плечъ сумочку и положилъ ее на сыру землю. «Чтò у тебя въ сумочкѣ?» спрашиваетъ Святогоръ-богатырь. «А вотъ, отвѣчаетъ прохожій: подыми съ земли, самъ увидишь!» Сошелъ Святогоръ съ коня, захватилъ сумочку одною рукой, не могъ и шевельнуть; сталъ поднимать обѣими руками.

Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

По другому варіанту этимъ дѣло не оканчивается. Микула Селяниновичъ увѣдомляетъ, что у него въ сумочкѣ *тяга земная*. Святогоръ его спрашиваетъ, какъ ему узнать о судьбѣ своей? Вѣщій пахарь посылаетъ его къ Сивернымъ горамъ, гдѣ подъ

---

[1]) Рыбник., 32, 39.

высокимъ деревомъ стоитъ кузница, а кузнецъ въ ней и скажетъ Святогору о судьбѣ его.

Мы уже другой разъ встрѣчаемъ кузницу въ миѳологическомъ эпосѣ русскомъ, и оба раза кузница или кузнецъ состоятъ въ связи то съ сохою, которую куютъ, то съ пахаремъ, который вмѣстѣ съ кузнецомъ господствуютъ надъ грубою силой древнихъ титановъ. Наши вѣщіе кузнецы, безъ сомнѣнія, состоятъ въ родствѣ съ эльфами, подземными карликами нѣмецкой миѳологіи. О вѣщемъ кузнецѣ Волундѣ (Виландъ) воспѣваетъ одна изъ пѣсенъ древней Эдды.

Пріѣзжаетъ Святогоръ въ кузницу. Кузнецъ куетъ *два тонкихъ волоса* — это онъ куетъ судьбину, кому на комъ жениться. По вѣщему указанію кузнеца, Святогоръ поѣхалъ добывать себѣ суженую. Онъ нашелъ ее спящею, и всю въ гноищѣ; ударилъ ее мечомъ по груди и уѣхалъ. А дѣвица отъ того удара исцѣлилась отъ гноища, и стала красавицею, на которой потомъ Святогоръ женится.

Объ отношеніи Святогора къ Ильѣ Муромцу будетъ сказано тогда, когда дойдетъ рѣчь до этого послѣдняго. А теперь надобно сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ, встрѣча Святогора съ спящею невѣстою напоминаетъ въ сѣверномъ эпосѣ эпизодъ о томъ, какъ Зигурдъ вывелъ изъ непробуднаго сна Валькирію Брингильду. Во-вторыхъ, о *кованьи тонкихъ волосъ кузнецомъ* необходимо сказать, что этотъ древнѣйшій мотивъ имѣетъ огромный интересъ въ исторіи германо-славянскаго эпоса. И если у насъ, по незрѣлости ученыхъ трудовъ, еще мало оцѣниваютъ сравнительный методъ въ изученіи индо-европейскихъ народностей и смотрятъ на него недовѣрчиво и подозрительно, вслѣдствіе малой подготовки къ его уразумѣнію: то можно быть вполнѣ увѣрену, что упомянутый мотивъ, ставъ извѣстенъ нѣмецкимъ ученымъ, непремѣнно вошелъ бы въ комментаріи нѣмецкаго миѳа о Зиѳѣ, супругѣ Громовника Тора.

Надобно знать, что злой Локи однажды обрѣзалъ прекрасныя косы Зиѳы, но чтобы спастись отъ страшнаго мщенія ея супруга,

озаботился сдѣлать ей новые волосы, заказавъ ихъ *выковать изъ золота* подземнымъ карликамъ-ковачамъ. Извѣстно, что эти золотыя косы Зифы — не иное что, какъ золотистыя нивы, которыхъ плодородіе зависитъ, такимъ образомъ, отъ божественной силы Торовой супруги. Такъ и нашъ вѣщій кузнецъ куетъ волосы, рѣшая судьбу семейной жизни, идея о которой, какъ извѣстно, выражается въ самомъ имени Зифы (*sippe* — миръ, согласіе, родство). Сверхъ того, слѣдуетъ здѣсь припомнить сербскую сказку о чудесномъ волосѣ, который будто бы найденъ былъ въ косѣ одной вѣщей дѣвы, и внутри котораго было *записано много знатныхъ дѣлъ, которыя совершались въ старыя времена отъ начала свѣта* [1]).

Итакъ, вѣщій пахарь Микула Селяниновичъ, и, какъ увидимъ дальше, весь его родъ-племя, въ послѣдовательномъ развитіи русскаго богатырскаго эпоса отодвигается къ ранней эпохѣ богатырей старшихъ, становится на ряду съ Святогоромъ, Самсономъ, также съ Вольгою, согласно чудовищному типу этого послѣдняго въ варіантахъ о Волхѣ. Но вотъ свидѣтельство самаго эпоса. Калики перехожіе, давшіе Ильѣ Муромцу силу (о чемъ будетъ рѣчь впереди), сами называютъ ему старшихъ, титаническихъ богатырей, запрещая ему вступать съ ними въ бой.

Бейся, ратися со всякимъ богатыремъ,
И со всею паленицею удалою;
А только не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
У него въ головѣ семь власовъ ангельскихъ.
Не бейся и *съ родомъ Микуловымъ:*
Его любитъ матушка сыра земля.
Не ходи еще на Вольгу Сеславича:
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью, мудростью [2]).

[1]) См. мои Очерки, I, 352.
[2]) Рыбник., 35.

То-есть, какъ вѣщій оборотень: въ томъ состояла его мудрость, какъ уже мы знаемъ изъ варіантовъ о Волхѣ-оборотнѣ.

Итакъ сама мать сыра земля любитъ Микулу Селяниновича и весь его родъ-племя. Указаніе драгоцѣнное! Въ немъ чувствуется еще дыханіе древнѣйшаго миѳа о любовномъ союзѣ богини земли съ богомъ, покровителемъ земледѣлія. Уже не отъ этой ли миѳической супруги родились у Микулы три его дочери, вѣщія дѣвы? Но это было такъ давно, что русскій эпосъ забылъ миѳическую генеалогію рода-племени Микулова, и героя съ подновленнымъ именемъ Микулы заставляетъ, въ память этого союза, носить только *тягу земную*, да еще въ переметной сумочкѣ.

V.

Титаническое существо Микулы Селяниновича отразилось по наслѣдству въ его вѣщихъ, сверхъестественныхъ дочеряхъ. Между тѣмъ какъ младшіе богатыри, окружающіе князя Владиміра, уже обыкновенные смертные, по своему происхожденію отъ обыкновенныхъ родителей, просто отъ людей, — ихъ жены и вообще дѣвы и женщины, входящія съ ними въ сношенія, по большей части отличаются миѳическимъ родомъ-племенемъ и вѣщею натурой. Мущина скорѣе заявляетъ свои права на историческую дѣятельность, и потому раньше выступаетъ въ памяти народа какъ лицо историческое, подчиненное извѣстнымъ условіямъ мѣста и времени. Герой ведетъ исторію впередъ, женщина остается назади съ своею домашнею стариной, съ своими родными преданіями, которыя на досугѣ ей удобнѣе хранить, не развлекаясь новизною смѣняющихъ другъ друга событій. Послѣдній отблескъ этой незапамятной старины народной эпосъ сохраняетъ въ сверхъестественныхъ, вѣщихъ дѣвахъ и женщинахъ, сопутствующихъ въ извѣстную эпоху историческимъ героямъ и младшимъ богатырямъ. Иногда условія быта даютъ бóльшее развитіе женскимъ характерамъ и въ эпосѣ историче-

скомъ, какъ это видно, напримѣръ, въ сѣверныхъ сагахъ; но вообще миѳическій эпосъ отдѣляется отъ историческаго борьбою героевъ съ героинями и побѣдою первыхъ надъ исключительнымъ преобладаніемъ послѣднихъ. Финская *Калевала* повѣствуетъ о борьбѣ божественныхъ героевъ Калевы съ вѣщею *хозяйкой* или госпожею Похьёлы, сѣверной страны, соотвѣтствующей мрачному жилищу великановъ скандинавскаго эпоса. Чехами нѣкогда управляла вѣщая княжна Любуша, дочь миѳическаго Крока, но подданные будто бы принудили ее отказаться отъ власти, не приличной женщинамъ, и передать ее въ руки пахаря Премысла. Тотъ же Премыслъ долженъ былъ окончательно утвердить права мущины на преобладаніе, покоривъ Власту съ ея дѣвичьимъ ополченіемъ, собравшимся въ *Дѣвинѣ*. Ту же мысль выражаетъ польскій эпосъ въ борьбѣ миѳической Ванды съ алеманскимъ княземъ, который плѣнился ея свѣтлою красотой и чествовалъ ее *богинею земли*, *воздуха* и *воды*.

Итакъ, женскіе типы древнѣйшаго народнаго эпоса отличаются величавымъ характеромъ. Это героини воинственныя; какъ богатыри, ѣздятъ онѣ на коняхъ и раскидываютъ себѣ въ полѣ палатку для отдыха отъ воинскихъ подвиговъ. Отлично владѣютъ оружіемъ и особенно мѣтко стрѣляютъ изъ лука. Многія изъ нихъ отличаются непомѣрною силою. Съ физическими качествами великановъ и старшихъ богатырей соединяютъ онѣ вѣщую силу слова, даръ предвѣдѣнья и премудрости. Сѣверныя Валькиріи, рѣшая судьбу битвы, вмѣстѣ съ тѣмъ поучаютъ героевъ въ познаніи рунъ, содержащихъ въ себѣ всю древнюю мудрость. Въ двухъ сестрахъ княжны Любуши чешскій эпосъ воспѣваетъ вѣщую силу прорицанія, знахарства и всякаго вѣдѣнія. Чешская же поэма, извѣстная подъ именемъ Суда Любуши, повѣствуетъ о вѣщихъ дѣвахъ суда, *выученныхъ вѣщбамъ:* во время суда, гдѣ онѣ должны были присутствовать, какъ древнія парки или сѣверныя норны, у одной въ рукахъ былъ мечъ, карающій кривду, у другой доски съ начертанною на нихъ правдою или закономъ.

Особенно блистаетъ своими героическими качествами дѣвица, еще не познавшая мужа; но, вышедши замужъ, часто теряетъ она свои сверхъестественныя силы и становится обыкновенною смертною. Въ своей дѣвственной гордости она признаетъ себѣ мужемъ только того, кто побѣдитъ ее въ воинскомъ поединкѣ. И теперь, въ свадебныхъ причитаньяхъ, невѣста, оплакивая свою дѣвичью красоту, вмѣстѣ съ нею оплакиваетъ и дѣвичью волю, которую, по народному обряду — женихъ съ своею дружиною покоряетъ себѣ вооруженною рукою.

Надобно полагать, что въ сверхъестественныхъ, вѣщихъ и свѣтлыхъ идеалахъ женскихъ народный эпосъ сохранилъ память о богиняхъ и полубогиняхъ эпохи миѳической. Въ эпосѣ сѣверномъ, по пѣснямъ древней Эдды, такія героини дѣйствительно еще входятъ въ кругъ сѣвернаго Олимпа. Онѣ — или богини изъ прекраснаго рода-племени Вановъ, или ихъ приспѣшницы, воинственныя валькиріи, первоначально существа стихійныя, какъ наши вилы, русалки, полудницы.

Впрочемъ, эпическая поэзія, всегда вѣрная дѣйствительности, не оставляетъ этихъ сверхъестественныхъ героинь въ туманномъ ореолѣ ихъ божественнаго величія, но придаетъ имъ краски народнаго быта, изображая въ нихъ то суровые нравы эпохи, то нѣжныя качества женственной натуры. Потому эти героини, вознесенныя надъ обыкновенными смертными, съ страшною физическою силою и съ вѣщею мудростью, возбуждающею благоговѣніе, соединяютъ въ себѣ женскую красоту, нѣжность любящаго сердца, преданность супружеской привязанности.

Высокая образующая сила эпоса состоитъ въ томъ, что онъ, за отсутствіемъ другихъ цивилизующихъ началъ, въ теченіе столѣтій можетъ питать въ народѣ грубомъ и неразвитомъ зародыши гуманныхъ идей и благородныхъ стремленій. Онъ подготовляетъ ту плодотворную почву, на которой, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, прочно и послѣдовательно возникаетъ истинная цивилизація; потому что, сопутствуя необозримымъ массамъ народа на скромномъ поприщѣ ихъ безвѣстнаго прозя-

банія, только онъ одинъ не перестаетъ поддерживать въ нихъ хотя бы и смутное сознаніе своего нравственнаго достоинства, сознаніе въ себѣ человѣческаго существа; тогда какъ всѣ другія цивилизующія средства, распространяемыя грамотностью и политикою, въ теченіе многихъ столѣтій, часто способствовали къ отупленію народныхъ массъ, съ тою цѣлью, чтобъ въ матеріяльномъ и нравственномъ порабощеніи ихъ открывать постоянные источники для корыстолюбивой монополіи.

Потому не въ одномъ только эстетическомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія всякаго мыслящаго человѣка то замѣчательное явленіе, что русскій народный эпосъ представляетъ намъ нѣсколько яркихъ образцовъ той высшей, идеальной натуры женской, которой общая характеристика предложена мною выше. И эти прекрасные образцы, то суровые и величавые, то нѣжные, чисто женственные, по преданію переходя изъ одного поколѣнія въ другое, дожили въ былинахъ и сказкахъ до нашихъ временъ, несмотря на педантство древнерусскихъ книжниковъ, не перестававшихъ въ теченіе столѣтій унижать темными подозрѣніями добрые нравы женщинъ; несмотря на грубую жизнь простонародія, столько вѣковъ коснѣвшаго безъ руководства свѣтской литературы, столь доступной всякому, и потому легко облагораживающей и очищающей нравы; несмотря наконецъ и на то, что на Руси вовсе не было общественной жизни, которая такъ способствуетъ образованію ума и сердца женщины.

Эти благородные типы женской натуры были созданы въ русскомъ эпосѣ тогда, когда народъ еще не успѣлъ подвергнуться ослабляющему вліянію восточнаго аскетизма и татарскихъ обычаевъ, когда еще дѣвицъ не запирали въ терема, чтобы спасти ихъ честь, и когда крестьянское сословіе, въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, не далеко отставало отъ князей и бояръ. Впрочемъ, если взять въ соображеніе, что двоевѣріе или полуязычество процвѣтало на Руси чуть ли не до нашихъ временъ, что бояре московскіе въ XV вѣкѣ едва ли были

грамотнѣе и цивилизованнѣе новгородскихъ мужичковъ своихъ современниковъ, и что даже въ XVII вѣкѣ просвѣщенные люди Москвы далеко уступали въ образованіи малорусскимъ казакамъ; то можно съ достовѣрностью допустить ту мысль, что малое просвѣщеніе древней Руси идеями христіянства и крайній недостатокъ литературнаго образованія, до позднѣйшихъ временъ, могли поддерживать въ великорусскомъ народѣ тѣ древніе эпическіе идеалы женскіе, которые были когда-то созданы, и безъ всякаго историческаго развитія, будто окаменѣлые, доселѣ сохранились въ народномъ сознаніи.

Уже то самое говоритъ въ пользу русской народности, что эти величавые типы въ ней сберeглись до сихъ поръ, какъ идеалы священной родной старины, къ которымъ должна бы направляться дѣйствительность, если бы въ ней больше было умственнаго и нравственнаго движенія. Итакъ, не соотвѣтствуя дѣйствительности въ эпоху историческаго развитія русской жизни, не отражая въ себѣ дѣйствительно существующихъ личностей, все же народный эпосъ оказывалъ на жизнь вліяніе благотворное, рисуя воображенію не вялыя, безжизненныя и часто безсмысленныя фигуры книжнаго бреда древнерусскихъ грамотниковъ, и направляя и раскрывая неиспорченное чувство для любви и уваженія къ женщинѣ въ ея поэтическихъ идеалахъ, а не развращая воображенія тѣми грязными филиппиками, которыми древнерусскій педантъ преслѣдуетъ женщину.

Итакъ, идеальныя героини русскаго эпоса ведутъ свое происхожденіе изъ того же свѣтлаго миѳическаго источника, откуда пошли первоначально и старшіе богатыри съ ихъ чудодѣйственною, полубожественною силой.

Возвратимся къ семьѣ Микулы Селяниновича.

Какъ въ чехо-польскомъ эпосѣ у Крока (или Крака) было три вѣщихъ дочери; такъ и у Микулы Селяниновича — *Василиса*, *Настасья* и *Марья*. Подъ этими позднѣйшими именами церковнаго календаря народный эпосъ изображаетъ героическія личности миѳическаго характера.

Старшая изъ сестеръ, Василиса Микулишна, по прозванію *Грозная,* была замужемъ за Ставромъ бояриномъ. Этотъ бояринъ изображается при дворѣ князя Владиміра лицомъ самостоятельнымъ, къ княжей дружинѣ не принадлежащимъ[1]). Онъ хвалится, что у него «Широкій дворъ не хуже города Кіева». За эту похвальбу князь Владиміръ велѣлъ Ставра сковать и бросить въ *погреба глубокіе,* то-есть, въ темницу, а жену его схватить и взять въ Кіевъ. Но храбрая и могущественная дочь Микулы Селяниновича предупредила посла, который за нею ѣхалъ. Она сама нарядилась посломъ изъ Золотой орды, и отправилась въ Кіевъ къ князю Владиміру. Тамъ, подъ видомъ посла Василія Ивановича, изумила она всѣхъ своею великою силой, съ которою не могли соперничать сами богатыри.

Положено было для испробованія посла стрѣлять изъ лука въ дубъ за цѣлую версту. Сначала стрѣляли богатыри Владиміровы; ихъ было двѣнадцать:

Стали они стрѣлять по сыру дубу за цѣлу версту,
Попадаютъ они по сыру дубу.
Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыхъ,
И отъ той стрѣльбы богатырскія
Только сырой дубъ качается,
Будто отъ погоды сильныя.

Дошла очередь до Василисы Микулишны. Она велѣла подать свой дорожный лукъ: «Есть у меня *лучонко волокитной*—говорила она, съ которымъ я ѣзжу по чисту полю». Но онъ оказался такой громадный, что десять человѣкъ едва могли стащить его съ мѣста:

Подъ первый рогъ несутъ пять человѣкъ,
Подъ другой несутъ столько же,
Колчанъ тащатъ каленыхъ стрѣлъ тридцать человѣкъ.
И говоритъ князю таково слово:
«Что потѣшить-де тебя князя Владиміра?»
Беретъ она въ ту рученьку лѣвую

---

[1]) Кирша Данил., стр. 123 и слѣд.

И беретъ стрѣлу каленую,
Та была стрѣлка булатная, —
Вытягала лукъ за ухо —
Спѣла тетивка у туга лука:
Звыла да пошла калена стрѣла,
Угодила въ сыръ кряковистый дубъ.
Хлеснетъ по сыру дубу —
Изломала его въ черенья ножевыя.
И Владиміръ князь окорачь наползался,
И всѣ тутъ могучіе богатыри
Встаютъ какъ угорѣлые.

И такимъ образомъ, дочь Селяниновича, превзошедши воинственными подвигами самихъ богатырей, спасаетъ своего мужа изъ неволи и вмѣстѣ съ нимъ возвращается домой.

Другая былина[1]) даетъ въ супруги Василисѣ Микулишнѣ какого-то Данилу Денисьевича, владѣтельнаго князя черниговскаго, слѣдовательно тоже человѣка независимаго, стоящаго внѣ княжей дружины. Однажды князь Владиміръ, будучи еще холостымъ, вздумалъ предложить своимъ богатырямъ, чтобъ они нашли ему невѣсту, чтобъ лицомъ была красна и *умомъ сверстна*, — чтобы было, говорилъ онъ богатырямъ, кого назвать вамъ матушкой, величать государыней:

И было бы мнѣ съ кѣмъ думу подумати,
И было бы съ кѣмъ слово промолвити,
При пиру при бесѣдушкѣ похвалитися,
И было бы кому вамъ поклонитися.

Богатыри порадѣли князю добыть Василису Микулишну, совѣтуя ему извести смертью ея мужа. Но изъ всѣхъ придворныхъ угодниковъ только одинъ Илья Муромецъ возмутился нечистымъ дѣломъ: «Ужь ты батюшка, Владиміръ князь! говорилъ онъ:

Изведешь ты яснаго сокола:
Не пымать тебѣ бѣлой лебеди».
Это слово князю не показалося,
Посадилъ Илью Муромца въ погребъ.

---

[1]) Кирѣевск., Пѣсни, выпускъ 3, стр. 32.

Чтобы погубить Данилу, рѣшено было послать его на вѣрную смерть, «въ службу дальнюю, невозвратную»:

Мы Данилушку пошлемъ во чисто поле,
Въ тѣ ли луга Леванидовы,
Мы ко ключику пошлемъ ко гремячему,
Велимъ пымать птичку бѣлогорлицу,
Принести ее къ обѣду княженецкому;
Что еще убить ему льва лютаго,
Принести его къ обѣду княженецкому.

По другому варіанту [1]), его посылаютъ на Буянъ островъ, убить лютаго звѣря, *лихошерстнаго*, и вынуть изъ него сердце съ печенью.

Поѣхалъ Данила на опасный подвигъ, къ ключу гремячему; вдругъ видитъ со стороны Кіева:

Не бѣлы снѣги забѣлѣлися,
Не черныя грязи зачернѣлися:
Забѣлѣлася, зачернѣлася *сила русская*
На того ли на Данилу на Денисьича.

Эта русская, то-есть кіевская рать, была выслана противъ Данилы, какъ самостоятельнаго удѣльнаго князя. Во главѣ рати были два богатыря: одинъ родной братъ Данилы, другой — названный братъ, Добрыня Никитичъ. Данила, видя измѣну и вѣроломство, воскликнулъ:

«Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
Братъ на брата съ боемъ идетъ?»
Беретъ Данила свое востро копье,
Тупымъ концомъ втыкаетъ во сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.
Спорол себѣ Данила груди бѣлыя,
Покрылъ себѣ Данила очи ясныя,
Подъѣзжали къ нему два богатыря,
Заплакали объ немъ горючьми слезми.
Поплакамши, назадъ воротилися.

---

1) Кирѣевск., выпускъ 3, стр. 29.

Сказали князю Володиміру: «Не стало Данилы
Что того ли удалаго Денисьевича!»

Князь Владиміръ тотчасъ же отправился въ Черниговъ, и, вошедши въ палаты Василисы Микулишны,

Цѣловалъ ее Володиміръ во сахарныя уста.
Возговоритъ Василиса Микулишна:
«Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
Не цѣлуй меня въ уста во кровавы,
Безъ мово друга Данилы Денисьича».

То-есть, это поцѣлуй кровавый, кровью ея мужа купленный.

Не обращая вниманія на горькія рѣчи безотрадной вдовы, князь Владиміръ велѣлъ ей снаряжаться и беретъ ее съ собою въ Кіевъ. Подъѣзжая къ тому мѣсту на полѣ, гдѣ лежитъ трупъ Данилы, прекрасная дочь Селяниновича просится у князя Владиміра, чтобъ онъ отпустилъ ее проститься съ ея милымъ мужемъ. Онъ отпускаетъ ее въ сопровожденіи двухъ богатырей:

Подходила Василиса ко милу дружку,
Поклонилась она Данилѣ Денисьичу:
Поклонилась она, да восклонилася,
Возговоритъ она двумъ богатырямъ:
«Охъ вы гой естя, мои вы два богатыря!
Вы подите, скажите князю Володиміру,
Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
По чисту полю со милымъ дружкомъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ:»
Беретъ Василиса свой булатный ножъ,
Спорола себѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла себѣ Василиса очи ясныя.
Заплакали по ней два богатыря.

Князь Владиміръ, узнавъ о случившемся, увидѣлъ наконецъ, что безчестно поступилъ онъ, и, какъ видно, раскаялся, потому что

Выпущалъ Илью Муромца изъ погреба;
Цѣловалъ его въ головку, во темечко:
«Правду сказалъ ты, старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ!»
Жаловалъ его шубой соболиною.

Другая дочь Селяниновича, Настасья Микулишна, была замужемъ за Добрынею Никитичемъ. Она была *поленица*, какъ и ея старшая сестра, то-есть воинственная дѣва. Еще опредѣлительнѣе и рѣще изображаетъ былина [1]) ея сверхъестественное, титаническое существо.

Однажды ѣдучи по полю, Добрыня Никитичъ

Догналъ поленицу, женщину великую.
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую поленицу въ буйну голову:
Поленица назадъ не оглянется,
Добрыня на конѣ пріужахнется.

Надобно знать, что Добрыня пришелъ въ ужасъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что встрѣтилъ такую непомѣрную силу въ исполинской женщинѣ, и, во-вторыхъ, потому что заподозрѣлъ самого себя: ужь не пропала ли въ немъ самомъ богатырская сила. Чтобъ испробовать свою силу, тотчасъ же

Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной былъ дубъ шести саженъ,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да разшибъ весь сырой дубъ поластиньямъ [2]),
Самъ говоритъ таково слово:
«Сила у Добрыни все по старому,
А смѣлость у Добрыни не по старому».

Итакъ, богатырь Добрыня самъ сознается, что онъ струсилъ! Въ высокой степени наивная черта, какими такъ тонко умѣетъ оттѣнять характеры только истинная, безыскусственная поэзія народнаго эпоса!

Однако могучему богатырю стало обидно, что не сладитъ съ бабою. Опять бросился за нею, и еще разъ ударилъ ее палицею въ голову: поленица опять будто и не чуетъ, назадъ не оглянется. Въ Добрынѣ возникло новое сомнѣніе, новый страхъ.

---

[1]) Рыбник., 1, 128.
[2]) На драни.

Онъ опять пробуетъ свою силу на дубѣ ужь въ двѣнадцать сажень толщины, и опять раздробилъ его въ щепки. Увѣрившись въ себѣ, Добрыня еще разъ пересиливаетъ свою минутную робость, догоняетъ исполинскую женщину, и еще разъ ударяетъ ее палицею по головѣ. Тогда —

Поленица назадъ пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
«Я думала, что комарики покусываютъ,
Ажно русскіе могучіе богатыри пощелкиваютъ!»
Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубокъ карманъ,
Везла она Добрыню трое сутки.

Это вполнѣ напоминаетъ въ сѣверномъ миѳѣ о томъ, какъ Торъ переночевалъ въ рукавицѣ нѣкотораго великана. Илья Муромецъ, какъ увидимъ, тоже сидѣлъ въ карманѣ у Святогора.

Конь докладываетъ исполинской поленицѣ, что онъ не можетъ дальше везти; ему тяжело, потому что богатырь, сидящій въ карманѣ, силою равенъ самой поленицѣ. Тогда она рѣшила:

Ежели богатырь онъ старой,
Я богатырю голову срублю;
А ежели богатырь онъ младой,
Я богатыря въ полонъ возьму;
А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
Я теперича за богатыря замужъ пойду.

Значитъ, дочь Селяниновича съ полнымъ презрѣніемъ сунула богатыря Добрыню въ карманъ, даже не взглянувши на него; и только теперь, выкинувши его изъ кармана, на него взглянула. Онъ ей понравился, и сталъ ея мужемъ.

Вышедши замужъ, вѣщая дочь Селяниновича становится уже обыкновенною женщиной, потому ли, что потерявъ дѣвство, она вмѣстѣ съ тѣмъ утратила свое прежнее миѳическое могущество, или же потому, что былина вноситъ въ ея характеръ другія черты позднѣйшаго быта. Объ этомъ будетъ еще рѣчь впереди, а

теперь бросимъ взглядъ на другіе женскіе типы, по своему миѳическому характеру, родственные дочерямъ Селяниновича.

Жены и любезныя нѣкоторыхъ другихъ богатырей были тоже вѣщія женщины, существа титаническія. Особеннаго вниманія заслуживаютъ здѣсь любовныя похожденія Ильи Муромца. Онъ имѣлъ сына, по инымъ варіантамъ дочь, отъ какой-то особы, которая въ разныхъ пѣсняхъ различно именуется, и которая жила гдѣ-то далеко, то-есть, отъ особы, окруженной въ былинахъ таинственностью, туманомъ отдаленья, который обыкновенно, въ народномъ эпосѣ, даетъ разумѣть о миѳической основѣ былины. То она королева Задонская, то изъ храброй Литвы или откуда-то изъ другой стороны, то она Омелфа Тимоѳевна, то баба *Латымирка* или даже *Латыгорка*, отъ моря отъ Студенаго, отъ Камня отъ Латыря, то-есть отъ знаменитаго въ пѣсняхъ и сказкахъ миѳическаго Алатырь-камня [1]). На языкѣ миѳическомъ эта личность не что иное, какъ *баба Горынинка*, титаническое существо, порожденное горою, или вообще, или горою Алатырь-камнемъ. Потому въ одной побывальщинѣ [2]) называется она *Авдотьею Горынчанкою*, храброю поленицею, которую однажды встрѣтилъ Илья Муромецъ и одолѣлъ съ бою. Отъ него Горынчанка родила богатырскаго сына, по имени Борисъ или Бориска, иначе онъ называется Збутъ Борисъ Королевичъ, иначе Сокольникъ, Соловниковъ. Объ этомъ эпизодѣ будетъ еще рѣчь впереди; а теперь надобно взглянуть на другихъ вѣщихъ и воинственныхъ женщинъ, съ которыми народный эпосъ ставитъ въ связь муромскаго богатыря.

Другой видъ, вѣроятно, той же демонической женщины русскій эпосъ [3]) изображаетъ въ прекрасной королевичнѣ, которая держитъ въ плѣну своихъ любовниковъ.

---

[1]) **Кирѣевск.**, выпускъ I, стр. 79, 83—5, 73. Выпускъ IV, стр. 17; **Рыбниковъ**, I, стр. 79.

[2]) **Рыбник.**, I, стр. 65.

[3]) **Рыбник.**, 62—65; **Кирѣевск.** I, 88—89.

Однажды, ѣдучи по полю, Илья Муромецъ встрѣтилъ на розстани, или распутьи, камень; на немъ, по сказочному обычаю, подпись подписана:

Въ розстань ѣхать — убиту быть,
А въ другую ѣхать — женату быть,
А въ третью ѣхать — богату быть.

Отправившись въ ту розстань, гдѣ женату быть, Муромецъ пріѣзжаетъ къ бѣлокаменнымъ палатамъ. Входитъ внутрь. Его встрѣчаетъ прекрасная королевична, беретъ за руки и цѣлуетъ. «У тебя есть ли охота, горитъ ли душа со мной дѣвицей позабавиться?» говоритъ она; и только что Илья сталъ было ее ласкать, тотчасъ же подъ нимъ провалилась кровать подъ полъ, и онъ очутился въ глубокихъ погребахъ, гдѣ *наобманывано* было у ней туда сорокъ царей, сорокъ царевичей, также какъ онъ, попавшихъ въ любовныя сѣти этой Цирцеи русскаго эпоса. Нашъ герой плѣнниковъ высвободилъ, а прелестницу разорвалъ на четыре четверти и разметалъ на четыре стороны.

Къ этому же роду вѣщихъ женщинъ принадлежитъ Святогорова жена, съ которою Илья тоже былъ въ любовныхъ связяхъ [1]).

Однажды муромскій богатырь заснулъ въ чистомъ полѣ. Его будитъ конь, увѣдомляя, что ѣдетъ страшный богатырь Святогоръ. Илья спрятался отъ него на высокомъ дубѣ, и —

Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
Пріѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключомъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано и не слыхано.

---

[1]) Рыбник., стр. 37.

Жена собрала Святогору обѣдъ, взявъ припасы изъ того же ларца. Потомъ, когда мужъ заснулъ, пошла она гулять и увидѣла на дубѣ Илью Муромца. Онъ ей понравился, и она пригласила его раздѣлить съ нею любовь.

Послѣ того-то жена Святогора и посадила Илью въ карманъ къ своему мужу, подобно тому какъ сѣверный Торъ сидѣлъ въ рукавицѣ великана. Но когда они поѣхали, коню стало тяжело, и онъ увѣдомилъ, что въ карманѣ сидитъ богатырь. Святогоръ вынулъ изъ кармана Илью Муромца, и узнавъ отъ него про невѣрность своей жены, ее убилъ, а съ нимъ помѣнялся крестомъ и назвалъ его своимъ *меньшимъ братомъ*.

Наконецъ и законную жену Ильи Муромца эпосъ [1]) изображаетъ воинственною поленицею. Однажды на Кіевъ напалъ Тугаринъ съ грозною ратью. Богатыри перепугались; князь Владиміръ посылаетъ за Ильею Муромцемъ, котораго однако тогда дома не случилось. Дома была только молодая его жена *Савишна*. «Хорошо, говоритъ она гонцу: иди назадъ; Илья за тобою не замѣшкаетъ». Проводивши гонца, —

Наказала коня сѣдлать добраго,
Одѣвалась въ платье богатырское,
Не забыла колчанъ каленыхъ стрѣлъ,
Тугой лукъ, саблю острую.
Какъ сѣла въ сѣдло, только и видѣли.
И поѣхала ко городу Кіеву.

Всѣ приняли ее за самого Илью Муромца. Кіевскіе богатыри ободрились, а Тугаринъ не взвидѣлъ бѣла дня, и убѣжалъ въ свои улусы Загорскіе.

---

[1]) Кирѣевск., I, 57. Г. Безсоновъ, въ Указателѣ, при IV выпускѣ сборника Кирѣевск., столб. 32 и 105, почему-то думаетъ, что Савишна смѣшана съ женою Данилы или Ставра, и что Илья Муромецъ никогда не былъ женатъ. Народъ, не руководясь никакими задними мыслями, не брезгуетъ брачными узами, и украшаетъ ими своего любимаго героя. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ Савишна — воинственная поленица.

Въ титаническомъ, сверхъестественномъ существѣ героинь русскаго богатырскаго эпоса замѣчается два, повидимому, противоположныхъ элемента, какъ добро и зло, но въ основѣ своей исходящіе изъ общаго, миѳическаго источника. То онѣ грозны, величавы и всемогущи, какъ сильнѣйшіе изъ богатырей; то онѣ нѣжны, прекрасны и обольстительны. То онѣ вѣрны своимъ мужьямъ, и изъ любви и преданности къ нимъ готовы на всякую жертву; то онѣ сластолюбивы, измѣнчивы и преступны. То какъ существа иного, лучшаго міра, или какъ послѣднія представительницы отживающаго поколѣнія, только съ бою отдаютъ себя во власть богатырей новаго порядка вещей; то онѣ, будто возвращаясь къ воспоминаніямъ демонической старины, заводятъ любовныя связи съ Зміемъ Тугаринымъ, какъ сластолюбивая супруга князя Владиміра или Марина прелестница, которая очаровываетъ Добрыню Никитича, и, подобно прекрасной королевнѣ, держащей въ плѣну сорокъ царей, сорокъ царевичей, извела девять князей или богатырей, оборотивши ихъ турами-золотые-рога. Князь Владиміръ окружаетъ себя уже богатырями младшими, предвѣстниками новой, исторической жизни, а супруга его еще знается съ миѳическимъ Зміемъ, а сестра Владиміра, Марья Дивовна, еще въ плѣну у Лютаго Змія, изъ пещеръ котораго освобождаетъ ее Добрыня Никитичъ.

Двуличневый или обоюдный характеръ миѳическихъ героинь часто является въ одномъ и томъ же лицѣ. Такъ жена Добрыни Никитича — то могущественная воительница Настасья, дочь Микулы Селяниновича, существо свѣтлое, героическое, то еретница Марина, которую мужъ терзаетъ за преступную связь съ Зміемъ Горынчищемъ:

А и сталъ Добрыня жену свою учить,
Онъ молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу .... безбожницу:
Онъ первое ученье — ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
«Эта рука мнѣ не надобна,

Трепала она Змѣя Горынчища!»
А второе ученье — ноги ей отсѣкъ:...
А третье ученье — губы ей отрѣзалъ и съ носомъ прочь:
«А эти-де губы не надобны мнѣ:
Цѣловали они Змѣя Горынчища!»
Четвертое ученье — голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
«А и эта голова мнѣ не надобна,
И этотъ языкъ не надобенъ:
Зналъ онъ дѣла еретическія» [1]).

Точно также училъ свою жену Иванъ Годиновичъ [2]), Авдотью Лебедь Бѣлую, за ея преступную связь съ Идолищемъ поганымъ. Она была дочь Черниговскаго царя, но отличалась необычайными свойствами. Когда увидалъ ее въ первый разъ Иванъ Годиновичъ, она ткала полотенце, но не какъ обыкновенная дѣвица, а какъ вѣщая ткачиха, въ родѣ сѣверной Норны или Муромской Февроніи:

На головкѣ у Авдотьи бѣлы лебеди,
На лѣвомъ плечѣ у ней черны соболи,
На правомъ плечѣ сидятъ ясны соколы;
На прошестяхъ [3]) у Авдотьи сизы голуби,
На подножкахъ [4]) у Авдотьи черны вороны.

Связь ея съ Идолищемъ была уже давнишняя. Авдотья — Бѣлая Лебедь была уже за него просватана, когда Иванъ Годиновичъ явился въ Кіевъ. Нéхотя идетъ она замужъ за этого послѣдняго, и въ слезахъ говоритъ своему отцу, Царю Черниговцу:

Ты умѣлъ меня, батюшка, вспоить-вскормить,
Ты умѣлъ меня, батюшка, высоко взростить:
Не умѣлъ меня, батюшка, замужъ выдати,
Безъ того кроволитьица великаго!

---

[1]) Кирш. Данил., стр. 71.
[2]) Кирѣевск., III, 11 и слѣд.
[3]) Основа, утокъ; то чтò ткутъ.
[4]) У ткацкаго станка.

Когда Иванъ Годиновичъ повезъ ее домой, на дорогѣ ихъ настигъ Идолище поганый и вступилъ въ бой съ Иваномъ. Авдотья помогла Идолищу, и они вмѣстѣ связали Ивана, точно также какъ въ сербской пѣснѣ связали Іована его мать и Дивскій Старѣйшина: но Иванъ превозмогъ и смертью казнилъ свою преступную жену.

Итакъ, этотъ Идолище, безъ сомнѣнія, тотъ же лютый змій, который вводилъ въ грѣхъ и жену князя Владиміра, жену Добрыни Никитича, жену муромскаго князя Павла, тотъ же змій, который держалъ у себя въ плѣну Марью Дивовну и который, какъ увидимъ дальше, приползалъ въ могилу къ вѣщей супругѣ Потока Михайлы Ивановича. Это — воспоминанье о зміи, представителѣ стараго порядка вещей, о падшемъ ангелѣ, который сталъ враждебно между женой и мужемъ и ввелъ ихъ въ искушеніе: преданье отразившееся въ тысячѣ миѳовъ не у однихъ только индо-европейскихъ народовъ.

Языческое чествованье воды и миѳы о рѣкахъ наложили свой отпечатокъ на характеръ вѣщихъ женъ и титаническихъ героинь. Уже было говорено о супругѣ Дуная, королевнѣ Днѣпрѣ, которая приходилась сестрою сластолюбивой женѣ князя Владиміра. Подобно польской Вандѣ, она должна была погибнуть вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Хотя онъ и побѣдилъ ее и взялъ себѣ въ супруги съ бою, но все же не могъ окончательно одолѣть ея титаническаго могущества, и съ надсады самъ себя погубилъ, когда узналъ, что въ утробѣ убитой имъ жены зарождался чудодѣйственный богатырь.

Слово о полку Игоревѣ, служа во многихъ случаяхъ связью между историческимъ эпосомъ и миѳологическимъ, и здѣсь предлагаетъ драгоцѣнное свидѣтельство въ миѳическомъ образѣ дѣвы, плещущей *лебедиными крылами* на синемъ морѣ. По свидѣтельству одного древняго слова, приписываемаго Св. Григорію, Славяне чествовали какихъ-то *Берегинь*, т. е. прибрежныхъ богинь, выходящихъ изъ воды на берегъ, или *Горынинокъ* (*брегъ — гора*).

Признакъ водяной стихіи отразился въ сверхъестественной породѣ женщинъ тѣмъ, что онѣ оборачиваются въ водяную птицу, преимущественно въ *Бѣлую Лебедь.* Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна былина о Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ [1]). Однажды этого богатыря послалъ князь Владиміръ на охоту, настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ уточекъ, къ своему княжескому столу. Потокъ отправляется къ синему морю, вдоволь настрѣлялъ птицъ, и уже собирался было домой, какъ вдругъ увидѣлъ бѣлую лебедушку:

Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ
И скатнымъ жемчугомъ усажена.

Итакъ, эта бѣлая лебедь была существо необычайное, вовсе не похожее на обыкновенныхъ птицъ. Тогда —

Вынимаетъ онъ Потокъ
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука,
А и чуть было спустить калену стрѣлу —
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
«А и ты, Потокъ Михайла Ивановичъ!
Не стрѣляй ты меня лебедь бѣлую,
Нѣ въ кое время пригожуся тебѣ».
Выходила она на крутой бережокъ,
Обернулася душой красной дѣвицей.

Потокъ женился на оборотнѣ дѣвицѣ Бѣлой Лебеди, съ тѣмъ уговоромъ, что кто изъ нихъ прежде умретъ, другому за нимъ

[1]) Кирш. Данил., стр. 215 и слѣд.

живому въ гробъ идти. Вѣщая Лебедь-дѣвица, своею мудростью, обмерла; въ могилу къ ней посадили Потока вмѣстѣ съ конемъ. Собирались въ могилу всѣ гады змѣиные, потомъ пришелъ и самъ большой Змѣй, жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ. Потокъ его убилъ и воскресилъ свою жену, помазавъ ее змѣиною головою[1]).

По другимъ варіантамъ[2]), эта вѣщая женщина родомъ изъ Подолья Лиходѣева, *Марья Подоленка Лиходѣевна*. Будто бы Потокъ привелъ ее въ вѣру крещеную, и тогда дали ей *имя новое: Настасья Лебедь Бѣлая Лиходѣевна*. Когда она обмерла, Потокъ воскресилъ ее въ могилѣ живою водою, которую принесъ подземельный Змій.

Про эту богатырску молоду жену
Прошла слава великая
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ:
Что не стало такой красавицы ни гдѣ, ни вездѣ,
Ни подъ краснымъ подъ солнышкомъ.

И наѣзжало сорокъ царей, сорокъ царевичей, сорокъ королей, сорокъ королевичей; требуютъ, чтобы князь Владиміръ выдалъ имъ эту *богатырскую молоду жену*, не то они весь Кіевъ повырубятъ. Владиміръ велитъ Потоку выдать безъ бою, безъ драки, свою молоду жену, потому что «для одной бабы не погибать цѣлому царству». — «Отдай свою *богатырску* княгиню Опраксію, — возражаетъ Потокъ: а я не отдамъ жены съ добра». Борьба изъ-за прекрасной жены, воспѣваемая въ *Иліадѣ*, въ финской *Калевалѣ* и другихъ народныхъ эпосахъ, получаетъ здѣсь болѣе опредѣленный характеръ, объясняемый скандинавскимъ миѳомъ о томъ, какъ великаны требовали отъ боговъ Фреи, прекрасной супруги Одиновой, и какъ вмѣсто ея, въ ея платьѣ въ жилище великановъ отправлялся, въ видѣ невѣсты, богъ Торъ. Такъ и Потокъ Михайла Ивановичъ перерядился въ платья жен-

---

[1]) Очевидное сродство этого миѳа съ нѣмецкими сказками показано въ Историч. Очеркахъ, ч. I, стр. 239.

[2]) Рыбник., 213 и слѣд.

скія и пошелъ къ тѣмъ царямъ и царевичамъ. Попривѣтствовавъ ихъ, спрашиваетъ: «за кого же мнѣ изъ васъ замужъ идти? Вѣдь у васъ изъ-за меня будетъ много кроволитія напраснаго. А вотъ я стрѣльну изъ туга лука: кто первый мою стрѣлку найдетъ, ко мнѣ принесетъ, — за того я и замужъ пойду». Стрѣлилъ стрѣлку, и когда женихи за ней поразбѣжались, онъ всѣхъ ихъ прирубилъ. Но воротившись домой, онъ уже не нашелъ своей жены. Ее похитилъ въ Волынскую землю какой-то царь Вахрамей Вахрамеевичъ, соотвѣтствующій Змію Горыничу или Идолищу поганому другихъ былинъ. Демоническая натура жены Потока выразилась связью съ этимъ миѳическимъ существомъ, на которое она промѣняла своего мужа, превративъ его въ камень, какъ Марина обернула Добрыню Никитича туромъ-золотые рога. Какъ Девкаліонъ и Пирра, бросая камни позадь себя, превращали ихъ въ людей; такъ эта вѣщая жена Лебедь Бѣла, наоборотъ, —

Перекинула Михайла черезъ себя,
Сама говорила таковы слова:
«Гдѣ былъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Тутъ стань бѣлъ горючъ камень
А пройдетъ времечка три году,
И пройди сквозь матушку сыру зем.... .

Камень этотъ былъ такъ тяжелъ, что никто изъ богатырей не могъ поднять его; только нѣкоторый Старчище, вѣроятно какой-нибудь старшій богатырь, поднялъ камень на плечи, а самъ приговаривалъ:

Разсыпься, бѣлъ горючъ камень,
На тѣ ли на мелки на часточки,
А вставай, душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ.

Послѣ разныхъ приключеній Потокъ отомстилъ за себя, убивъ царя Вахрамея и свою преступную жену.

Мы уже замѣтили, какой видный слѣдъ оставило по себѣ въ русскомъ миѳическомъ эпосѣ чествованье рѣкъ и воды вообще, выразившееся въ типахъ морскаго царя, или Водяника, и его

многочисленныхъ дѣтей, рѣкъ и озеръ. Въ лицѣ Авдотьи Лиховидьевны, или Марьи Лиходѣевны — Бѣлой Лебеди, возсоздано миѳическое существо того же разряда. Она, какъ водяная птица, появилась Потоку на берегу моря, на тихихъ заводяхъ, будто мгновенно выпорхнула изъ волнъ. За неимѣніемъ древнѣйшихъ миѳическихъ именъ, изслѣдователю русской эпической старины приходится слагать свои соображенія по именамъ позднѣйшимъ, подставнымъ, въ которыя пѣвцы перекрестили ихъ по церковному календарю. Потому не безъ вѣроятія можно допустить догадку г. Безсонова о тождествѣ старшей дочери Селяниновича съ сказочною Василисою Прекрасною, съ Василисою *Золотая Коса* и т. п. [1]). А сказочная Василиса именно и есть существо миѳическое, и по преимуществу — водное; она дочь водянаго, или морскаго царя, дѣвица оборотень Бѣлая Лебедь или какая другая водяная птица.

Есть даже такія сказки, гдѣ выходитъ она замужъ за одного витязя изъ дружины князя Владиміра, и тоже именно за *Данилу*, который и въ сказкѣ называется *Безчастнымъ*, каковъ онъ былъ и по разсказу уже извѣстной намъ былины. Еслибы даже сходство въ собственныхъ именахъ между былиною и сказкою было случайное, то самый смыслъ сказки, только въ фантастической обстановкѣ, основанъ на томъ же главномъ мотивѣ, какъ и былина. Князь Владиміръ случайно узнаетъ на пиру о прекрасной женѣ Данилы, хочетъ ее видѣть, и это свиданіе было гибельно для мужа, а жена его превосходствомъ своей вѣщей мудрости беретъ верхъ надъ княземъ Владиміромъ и надъ всею его дружиною.

Вотъ главные мотивы этой превосходной сказки [2]). При дворѣ князя Владиміра былъ Данило Безсчастный дворянинъ. Его всегда во всемъ обходили. Однажды къ Свѣтлому Воскресенью князь Владиміръ задалъ ему мудреную задачу — отдаетъ ему на руки

---

[1]) Замѣтка въ IV выпускѣ сборника Кирѣевскаго. Стр. 52—4. 163—4. 172—4.

[2]) Аѳанасьева, Сказки, VI, стр. 289.

сорокъ сороковъ соболей, велитъ къ празднику шубу сшить; въ пуговицахъ наказано лѣсныхъ звѣрей выливать, въ петляхъ заморскихъ птицъ вышивать. По указанію одной вѣщей старухи, пошелъ Данила Безсчастный къ синю морю, сталъ у сыра дуба. Въ самую полночь сине море всколыхалося, вышло къ нему *Чудо-Юда*, морская губа, безъ рукъ, безъ ногъ — одна борода сѣдая. Ухватилъ его Данила за бороду и принялся бить о сыру землю. Спрашиваетъ Чудо-Юда: «За что̀ бьешь меня, Данила Безсчастный?» — «А вотъ за что̀, говоритъ тотъ: дай мнѣ лебедь-птицу, красную дѣвицу, Лебедь-*Страховну*. Сквозь перьевъ бы тѣло виднѣлось, сквозь тѣла бы косточки казались, сквозь костей бы въ примѣту было, какъ изъ косточки въ косточку мозгъ переливается, словно жемчугъ пересыпается».

Трудно найти въ эпической поэзіи родственныхъ народовъ болѣе изящное и точное выраженіе для характеристики этого обоюднаго миѳическаго существа, *оборотня Лебедь-дѣвицы*. Сквозь великолѣпныя золотыя перья и жемчужную головку Лебеди мелькаютъ нѣжныя и прекрасныя формы самой дѣвицы, которая, будто бы сѣверная Фрея, только на время одѣлась въ воздушную оболочку своей пернатой одежды. Поэтическій, пластичный образъ русской сказки производитъ почти такое же впечатлѣніе, какъ тѣ античныя статуи греческаго рѣзца, которыя сквозь роскошную драпировку изящно выказываютъ формы человѣческаго тѣла и каждое малѣйшее ихъ движеніе!

По повелѣнію Чуда-Юды, является сама Лебедь-Страховна, и, узнавши отъ Данилы о задачѣ князя Владиміра, крылышками махнула, головкой кивнула: явились вѣщіе работники, и не только сшили шубу, но и построили великолѣпный дворецъ, въ который Лебедь-дѣвица ввела Данилу какъ своего мужа. Но когда онъ пришелъ къ князю Владиміру, надѣвъ эту чудную шубу, тамъ на пиру у него, когда богатыри ѣли-пили, прохлаждалися, собой величалися, не вытерпѣлъ, спьяну сталъ женой своею похваляться. Князь Владиміръ изъявилъ желаніе ее видѣть, и въ сопровожденіи многочисленнаго войска отправился въ ея роскошный дво-

рецъ. При немъ были Алеша Поповичъ и самъ Данила Безсчастный. На дальнемъ пути ко дворцу князь растерялъ все свое войско, которое тамъ и сямъ оставалось при переправѣ черезъ медвяныя и винныя рѣки, соблазненное этими даровыми напитками, въ такомъ изобиліи приготовленными вѣщею Лебедь-дѣвицей. Владиміръ достигаетъ дворца только самъ-четвертъ, съ княгинею да съ двумя богатырями. Входятъ въ палаты и садятся за накрытые столы съ роскошными яствами. Но сама хозяйка не является, сколько Данила ни вызывалъ ее. «Еслибъ это сдѣлала моя жена, говоритъ Алеша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ: — я бъ ее научилъ мужа слушаться!» Услыхала то Лебедь-птица, красная дѣвица, вышла на крылечко, молвила словечко: «Вотъде какъ мужей учатъ!» Крылышкомъ махнула, головой кивнула, взвилась-полетѣла, и остались гости въ болотѣ на кочкахъ: по одну сторону море, по другую — горе, по третью — мохъ, по четвертую — охъ!

Въ другихъ сказкахъ эта вѣщая дѣвица-оборотень называется то Еленою Прекрасной, то, еще чаще, Василисою Премудрою или Прекрасною [1]). Отцомъ ея царь морской, соотвѣтствующій упомянутому Чуду-Юдѣ. Василиса съ своими двѣнадцатью подругами или сестрами, въ видѣ колпицъ, уточекъ, лебедей или голубицъ, прилетаютъ на воду, и скинувъ съ себя свои *пернатыя* сорочки, купаются. Иванъ Царевичъ или какой другой витязь, спрятавшись отъ дѣвицъ-оборотней, похищаетъ сорочку Василисы; подруги или сестры ея улетаютъ, а она остается во власти витязя и выходитъ за него замужъ. Отецъ Василисы, царь морской, задаетъ витязю трудныя задачи, и за мужа исполняетъ ихъ его вѣщая жена. Въ одной сказкѣ [2]) Василиса Премудрая, какъ истая богиня, повелительница всей природы, велитъ исполнять эти задачи животнымъ. Такъ царь морской велитъ въ одну ночь превратить каменистую почву въ плодородную, засѣ-

---

[1]) Аѳанасьева, Сказки, V, стр. 96 и слѣд. VI, стр. 205 и слѣд. 295 и слѣд.

[2]) Аѳанасьева, Сказки, VI, стр. 209.

ять рожью, чтобъ она въ ту же ночь уродилась и поспѣла; потомъ въ одну же ночь обмолотить триста скирдовъ пшеницы, а скирдовъ не ломать, споповъ не разбивать. Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: «Гей вы, *муравьи ползучіе!* сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть, всѣ ползите сюда и повыберите зерно изъ батюшкиныхъ скирдовъ чисто-на-чисто». Явились русскіе Мирмидоны и какъ разъ исполнили повелѣнное. Наконецъ царь морской въ одну ночь велѣлъ построить изъ воску церковь. Его вѣщая дочь опять вышла на крылечко и кликнула: «Гей вы, пчелы *работящія!* Сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть, всѣ летите сюда и лѣпите изъ чистаго воску церковь Божію, чтобъ къ утру была готова!» Слетались отовсюду пчелы и исполнили повелѣнное.

Когда вѣщая Василиса съ мужемъ спасается бѣгствомъ изъ палатъ отъ своего отца, морскаго царя, на дорогѣ, чтобъ избѣжать погони, нѣсколько разъ оборачиваетъ и себя и своего мужа въ разные виды. То себя обернетъ смирною овечкой, а его старымъ пастухомъ, то себя уткою, а его селезнемъ, то себя церковью, а его попомъ. Но самое замѣчательное ея превращеніе въ рѣчку, вполнѣ согласное съ тѣми миѳическими эпизодами нашего эпоса о *Дунаѣ, Днѣпрѣ, Смородинѣ,* которые уже были нами разсмотрѣны въ связи съ былинами о богатыряхъ старшихъ [1]).

Когда Иванъ Царевичъ съ своею невѣстой уже достигъ родины, морской царь, не догнавъ ихъ, оборачиваетъ бѣглянку рѣкою на три года, то-есть возвращаетъ ее на время въ ея первобытное стихійное существо. Наконецъ ея прекрасный образъ увидѣли на днѣ колодца; и она выходитъ оттуда къ своему мужу, который уже было и забылъ ее въ эти три года [2]).

Забыть вѣщую женщину — невѣсту или жену — самый обыкновенный сказочный мотивъ не у однихъ Русскихъ. Имъ выражается разобщеніе въ интересахъ и различіе въ самой натурѣ между витяземъ-женихомъ, обыкновеннымъ смертнымъ, и его

---

[1]) См. стр. 24—38.

[2]) См. малорусскій варіантъ въ Сказкахъ г. Аѳанасьева. VI, 217—8.

суженою, вѣщею, сверхъестественною женщиной. Сѣверный Зигурдъ (или Зигфридъ), низведенный изъ круга божествъ въ историческіе герои, уже подчиняется вѣщей силѣ валькиріи Бригильды; онъ ее любитъ и поучается отъ нея мудрости, то-есть древнимъ рунамъ или *вѣщбамъ;* потомъ, выпивъ чарующаго пойла, забываетъ ее для Гудруны, къ которой, какъ къ существу сходному съ собою по человѣческой природѣ, онъ уже питаетъ больше симпатіи.

Такова сверхъестественная поэтическая область, въ которой народная фантазія помѣщаетъ самые ранніе идеалы женской натуры! Въ этой фантастической области, былины о старшихъ богатыряхъ встрѣчаются съ сказочными вымыслами, и эпосъ и сказка общими силами поддерживаютъ въ народѣ идею о первоначальномъ величіи женщины, какъ такого вѣщаго, чуднаго существа, которому когда-то подчинялась богатырская сила мущины.

Въ русскомъ эпосѣ память объ этой золотой порѣ въ исторіи женщины соединяется съ колоссальною личностью Микулы Селяниновича, отца трехъ вѣщихъ дѣвъ, состоящихъ, какъ показано, въ родствѣ съ цѣлымъ поколѣніемъ миѳическихъ существъ. Потому уже и въ самомъ Селяниновичѣ надобно видѣть не просто историческаго героя, и также не представителя только быта земледѣльцевъ и поселянъ.

Какъ *пахарь* съ своею золотою сохою, онъ существенно отличается отъ *кочеваго*, перехожаго Селяниновича, съ своею сумкою переметною, признакомъ бездомнаго кочевья. Какъ Илья Муромецъ, отправившись изъ дому на богатырскіе подвиги, беретъ съ собою въ ладонкѣ горсть родной земли, по пословицѣ: «своя земля и въ горсти мила;» или какъ у нѣкотораго старца перехожаго въ котомкѣ разбойникъ Аника [1]) нашелъ узелки съ землею: такъ Микула Селяниновичъ, въ качествѣ представителя самой ранней эпохи выхода изъ кочевья къ осѣдлости, идетъ на-

[1]) Кирѣевск., IV-й выпускъ, въ замѣткѣ, стр. 112.

встрѣчу зачинающейся на Руси исторической жизни, съ своею переметною, дорожною сумочкой, неся въ ней родную землю откуда-то издалека. Но сумочка съ землею такъ тяжела, что не въ подъемъ самому могучему изъ старшихъ богатырей. Потому символъ родной земли тотчасъ же возводится въ сказаніи о Селяниновичѣ до колоссальнаго, можетъ-быть, миѳическаго представленія о всей землѣ, которую дѣйствительно не поднимешь, какъ выражается о землѣ русская загадка: «Матушкиной коробьи или отцова сундука не подымешь» [1]).

Еслибы въ отдаленную старину наши предки представляли себѣ исполинское божество, держащее въ рукахъ землю, или, какъ Селяниновичъ, несущее ее въ сумочкѣ; то уже не въ загадкѣ, требующей отгадыванья, а въ обычномъ эпическомъ выраженіи, или поговоркѣ, могли бы о несмѣтной тяжести земли говорить: «Микулиной сумочки не подымешь!»

Такой колоссальный образъ могъ бы соотвѣтствовать въ фантазіи народа тѣмъ стариннымъ иконописнымъ типамъ, которые, для выраженія идеи о вседержительствѣ и власти, держатъ въ рукѣ земной шаръ.

VI.

Переходимъ къ *Ильѣ Муромцу*. Какъ высшій герой русскаго богатырскаго эпоса, онъ сосредоточиваетъ на себѣ всѣ главные его интересы.

Тотъ не можетъ себѣ составить точнаго понятія объ основной идеѣ ни одной изъ русскихъ эпическихъ былинъ, кто не усвоитъ себѣ во всей ясности той мысли, что народный эпосъ, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе столѣтій, доходитъ до насъ переполненный самыми грубыми и странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами. Каждое поколѣніе, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ въ него намеки,

---

[1]) Даля, Пословицы, стр. 1063.

а иногда и цѣлые эпизоды изъ своей современности. Къ миѳической личности Перуна другое поколѣніе присовокупляетъ черты героической личности Ильи Муромца. Подводя древнія преданія подъ уровень церковнаго календаря, фантазія сначала сближаетъ Перуна, покровителя земледѣлія, съ Ильею пророкомъ, котораго называетъ тоже *Громовникомъ;* потомъ сложный полубожественный типъ Ильи Муромца-Перуна, можетъ-быть, даже по тождеству имени, сливаетъ въ одну личность съ Ильею Громовникомъ. Какъ произошла эта эпическая метаморфоза, отъ насъ сокрыто въ таинственной дали ранняго творчества народной фантазіи: собственное ли имя муромскаго богатыря послужило точкою соприкосновенія между Перуномъ и Ильею пророкомъ, или Муромецъ, наслѣдовавшій силы божества земледѣльческаго, потому только сближенъ былъ съ Ильею пророкомъ, что этотъ послѣдній слыветъ Громовникомъ, какъ и языческій Перунъ? Какъ бы то ни было, но слѣдующая замѣтка г. Даля[1]) не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что народныя преданія сближаютъ русскаго богатыря съ ветхозавѣтнымъ пророкомъ: «Пустившись въ путь (изъ дому), Илья далъ первый ускокъ въ полпути до Мурома (версты полторы): тутъ изъ-подъ копытъ богатырскаго коня живой ключъ ударилъ, бьющій и понынѣ; надъ нимъ постановлена часовенка *во имя пророка Иліи.* На родникъ этотъ и понынѣ медвѣдь ходитъ испить водицы, набраться богатырской силы».

По былинѣ[2]) эту часовню строитъ самъ муромскій богатырь, будто памятникъ себѣ для потомства:

Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ — колодезь сталъ;
У колодезя срубилъ сырой дубъ,
У колодезя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ свое имячко:
«Ѣхалъ такой-то сильной могучій богатырь,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ».

---

[1]) Замѣтка въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго, стр. 33.
[2]) Кирѣевск., Пѣсни, I, стр. 35.

По народнымъ разсказамъ, Илья Муромецъ родился въ крестьянскомъ семействѣ изъ села Карачаева или Карочарова въ Муромской области, отъ крестьянина Ивана Тимоѳеева. Величайшему изъ богатырскихъ типовъ Владимірова цикла суждено было зачаться въ быту земледѣльческомъ, который выразилъ свой божественный идеалъ въ Перунѣ-Торѣ. Громовникъ Илья-Перунъ долженъ былъ вторично возродиться, вочеловѣчиться въ богатырской личности на той самой почвѣ, которая произвела оба эти типа. Муромскій герой, въ качествѣ крестьянина-земледѣльца, выноситъ въ своемъ идеалѣ всѣ древнѣйшія воспоминанія Славянъ при переходѣ ихъ въ бытъ земледѣльческій. Онъ продолжаетъ въ себѣ развитіе миѳическаго Селяниновича, но уже при вступленіи Руси на открытый исторіею путь. Въ немъ доносятся до насъ раннія сказанія о Чехѣ и Лѣхѣ чехопольскаго эпоса; онъ вмѣстѣ и чешскій Премыслъ, переведенный на русскую почву. Недостаетъ только мужицкихъ лаптей Ильи Муромца въ сокровищницѣ русской старины. Но какъ увидимъ, онъ долженъ былъ уже промѣнять лапти на сапоги при дворѣ князя Владиміра, гдѣ по свидѣтельству лѣтописца Нестора уже свысока отзывались о лапотникахъ [1]).

Самъ народный эпосъ ясно говоритъ о двоякомъ происхожденіи богатырскаго типа Ильи. Илья хоть и родился отъ крестьянъ-земледѣльцевъ, отъ простыхъ смертныхъ, но цѣлыя тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣлъ на печи, подъ собою яму протеръ, такъ что видна была только борода его съ головою. Онъ былъ безсиленъ, вовсе не былъ слѣдовательно богатыремъ. Надобно было въ этой сидячей грудѣ воскресить тотъ поэтическій идеалъ, который въ былинахъ прослылъ Ильею Муромцемъ. Созданіе человѣческой воли и силы въ этой грубой матеріи — вотъ настоящее рожденіе богатыря. Потому, внимательному взгляду, привыкшему слѣдить за переворотами народнаго эпоса, помимо му-

---

[1]) Добрыня говоритъ князю Владиміру: «Посмотрѣлъ я на колодниковъ — всѣ они въ сапогахъ: эти дани намъ не дадутъ. Пойдемъ, поищемъ лучше лапотниковъ». Собран. Лѣтоп., I, 36.

ромскихъ мужичковъ, въ предкахъ Ильи Муромца представляются другія личности, возникшія въ сферѣ языческаго чествованія существъ миѳологическихъ.

О зарожденіи богатырской силы въ Ильѣ русскій эпосъ сохранилъ два различныя преданія, согласныя между собой только въ томъ, что по обоимъ это дѣло совершается сверхъестественнымъ образомъ.

По одному преданію, Илья получилъ силу еще въ домѣ отца, гдѣ сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ. Будто приходятъ калики перехожіе (по другимъ варіантамъ, нищая братія, или самъ Христосъ съ двумя апостолами — обыкновенное подновленіе древнѣйшихъ эпическихъ типовъ), и будто бы велятъ ему принести ведро или чашу воды. Тогда, по вѣщему велѣнію, онъ впервые всталъ на ноги и принесъ воды. «Выпей самъ», говорятъ ему пришельцы. Илья выпилъ. «Что̀ въ себѣ чуешь?» спрашиваютъ его. —«Чую великую силу». — «Поди, принеси еще ведро». Илья приноситъ еще, и еще разъ выпиваетъ.

Много ли Илья чуешь въ себѣ силушки?
— «Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,
Ко столбу было бы золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, Святорусску поворотилъ!»

По другому варіанту, онъ отвѣчалъ: «Еслибы ввернуть кольцо въ землю, я бы всю землю перевернулъ».

Это именно и есть та *тяга земная*, подъ которою изнемогъ самъ Святогоръ. Въ послѣдствіи, наглядно была представлена она положенною въ переметной сумочкѣ, которую на Русь вывезъ съ собою Селяниновичъ.

«Много дано Ильѣ силы», сказали прохожіе, услышавъ такой отвѣтъ: «земля не снесетъ; поубавимъ силы». И еще разъ велѣли ему принести воды и выпить, и когда онъ выпилъ, спрашивали:

« — Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»

« — Во мнѣ силушки половинушка».

« — Будетъ съ тебя!» сказали нищая братія и отправились въ путь.

Не надобно приписывать никакого особеннаго значенія позднѣйшей, будто бы христіанской обстановкѣ этой сцены. Прибавленіе силы отъ чудодѣйственнаго пойла — мотивъ обыкновенный не въ однихъ русскихъ сказкахъ. Такъ въ одной норвежской сказкѣ [1]), Тролль, существо миѳическое, велитъ нѣкоторому королевичу трижды глонуть изъ бутылки, и каждый разъ прибывало въ немъ силы. Въ русскихъ преданіяхъ миѳическое существо переведено на позднѣйшія лица.

Подновляя до-историческое преданіе христіанскими идеями, народъ разсказываетъ даже, что и сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ за какой-то грѣхъ дѣда своего, ушедшаго въ монастырь, въ Кіевъ, и что будто бы и всталъ Илья впервые на ноги, когда возгласили въ церкви *Христосъ Воскресе*, въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе: такъ что на этой позднѣйшей ступени подновленное преданіе какъ бы встрѣчается съ извѣстнымъ ростовскимъ объ Авраамія. Также какъ Илья Муромецъ, Авраамій до восьмнадцати-лѣтняго возраста пролежалъ въ разслабленіи въ домѣ своихъ богатыхъ родителей-язычниковъ. Также приходятъ какіе-то калики перехожіе, Новгородцы. Отъ нихъ онъ услышалъ о вѣрѣ въ Іисуса Христа, самъ увѣровалъ, и сталъ на ноги, будто Илья, услышавшій *Христосъ Воскресе* [2]).

Когда Илья Муромецъ получилъ свою силу, домашнихъ никого тогда не случилось: все необычайное совершается въ тайнѣ. Отецъ съ матерью были на полевой работѣ, кажется, расчищали лѣсъ подъ пашню: это обыкновенный пріемъ пахарей древней Руси, покрытой то болотами, то лѣсами. Такъ надобно полагать, основываясь на сказкѣ, по которой Илья, вставъ на ноги, соскучился дома и пошелъ *копать въ лѣсъ*, свою силу пробовать. И ужаснулся народъ, увидавъ что̀ Илья сдѣлалъ, сколько лѣсу накопалъ. Тутъ въ изумленіи подбѣжали къ нему и отецъ съ ма-

---

1) Asbjörnsen, № 3.

2) Графа Толстаго, Древнія Святыни Ростова Великаго. Изд. 2-е, 1860 г., стр. 60.

терью, и увѣрились въ великомъ чудѣ [1]). По варіанту, изданному г. Рыбниковымъ, Илья, пришедши на работу, «взялъ топоръ и началъ *пожни чистить*».

Впрочемъ не въ однихъ земледѣльческихъ трудахъ Илья Муромецъ оставилъ на родинѣ память о своей силѣ. Онъ совершилъ титаническій подвигъ, покоривъ себѣ цѣлую гору, будто сѣверный Торъ, сражавшійся съ исполинами горъ. Когда Илья сталъ просить благословенія родительскаго на богатырскіе подвиги, и отецъ его недовѣрчиво усумнился, то онъ, созвавъ понятыхъ людей, вышелъ на Оку, уперся плечомъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутаго берега и завалилъ Оку. Подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки, засыпанное Ильею [2]).

Итакъ даже древнѣйшія преданія о переворотахъ, совершившихся нѣкогда въ самой природѣ, муромскій народъ соединяетъ съ памятью о своемъ богатырѣ. Около Мурома же и колодезь Ильи богатыря, и часовня, будто монументъ въ честь его воздвигнутый. Такова родственная связь самаго народнаго изъ русскихъ богатырей съ мѣстными интересами области, особенно знаменитой въ древней Руси поэтическими легендами. Чтобъ не быть пошлою компиляціей или напыщеннымъ панегирикомъ, легенда должна питаться мѣстными эпическими преданіями. Въ этомъ состоитъ ея существенное жизненное начало. Въ основѣ муромскихъ преданій, занесенныхъ въ легенды, исторія литературы открываетъ богатую эпическую почву, создавшую самый блистательный изъ идеаловъ народной поэзіи. Въ муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и Февроніи сохранился въ лицѣ Февроніи самый поэтическій типъ вѣщей дѣвы ткачихи, говорящей загадками и исцѣляющей самыя страшныя болѣзни, насылаемыя сверхъ-

---

[1]) Прилож. къ 1-му вып. Кирѣевск., стр. 2-я. К. С. Аксаковъ, кажется, не придавалъ этой подробности особеннаго значенія. Вотъ слова его: «Я не помню, ясно, на какой работѣ была семья Ильи: но помню, что онъ принялъ въ этой работѣ участіе и изумилъ необычайною силою. Чуть ли это не была *рубка лѣсу*, и Илья, принявшись помогать, сталъ съ корнемъ рвать деревья». Ibid., стр. 30. Рыбник., 2, 4.

[2]) Замѣтка Даля, въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевск., стр. 33.

естественными силами. Какъ богатырь Илья, она тоже изъ крестьянскаго званія, дочь бортника-древолазца, и также какъ муромскій богатырь, всегда отличалась благородною правотою и снисходительностью; также какъ онъ, только своими личными качествами, а не породою, достигла высшихъ почестей, и какъ онъ составляетъ лучшее украшеніе безыскусственнаго эпоса, такъ она эпоса книжнаго, легендарнаго [1]).

Мы разсмотрѣли одно сказаніе о рожденіи въ Ильѣ богатырской силы. По другому сказанію [2]), Илья наслѣдуетъ силу отъ Святогора, который въ качествѣ старшаго богатыря, титана, служитъ какъ бы посредникомъ между богомъ Перуномъ-Торомъ и муромскимъ богатыремъ.

Когда Святогоръ убилъ свою преступную жену, какъ уже было сказано, побратался съ Ильею, который сталъ *меньшимъ* братомъ *старшаго* богатыря. Потомъ Святогоръ *выучилъ его всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ*, однимъ словомъ, сдѣлалъ изъ него настоящаго богатыря, создалъ въ немъ настоящаго Илью Муромца. Оставалось только передать ему въ наслѣдство свою силу, для того, чтобы Муромецъ, а не кто другой, при дворѣ князя Владиміра, въ его дружинѣ, заявлялъ въ своемъ характерѣ о могуществѣ родной старины.

И поѣхалъ вмѣстѣ Святогоръ съ Ильею. Подъѣзжаютъ ко гробу. На гробѣ подпись подписана:

Кому суждено въ гробу лежать,
Тотъ въ немъ и ляжетъ.

Сначала попробовалъ Илья, но гробъ былъ не по немъ: и великъ и широкъ. Легъ Святогоръ: гробъ какъ разъ по немъ. И велѣлъ онъ себя покрыть крышкою; и только что Илья покрылъ его, никакъ уже не могъ поднять крышки: такъ Святогоръ въ гробу и остался.

---

[1]) См. о муромской легендѣ въ моихъ Историч. Очеркахъ.
[2]) Рыбник., I, 41.

«Возьми мой мечъ-кладенецъ, говоритъ Святогоръ, и ударь поперекъ крышки». Но Илья не можетъ и поднять меча. Тогда Святогоръ велѣлъ Ильѣ наклониться ко гробу, Илья наклонился: Святогоръ дохнулъ на него изъ маленькой щелочки своимъ богатырскимъ духомъ. И почуялъ Илья, что силы въ немъ прибыло противъ прежняго втрое, поднялъ мечъ-кладенецъ и ударилъ имъ поперекъ крышки. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ударилъ, посыпались искры и выросла желѣзная полоса. «Задыхаюсь я во гробѣ!» вопилъ Святогоръ. Илья ударилъ по крышкѣ мечомъ еще разъ, и еще посыпались искры и выросла другая желѣзная полоса. «Задыхаюсь я, меньшой братецъ!» вопилъ Святогоръ: «Наклонись къ щелочкѣ: я дохну еще на тебя, и передамъ тебѣ всю силу великую!» «Будетъ съ меня силы, большой братецъ, отвѣчалъ Илья: не то земля на себѣ носить не станетъ!» И похвалилъ его за то Святогоръ, присовокупивъ: «Я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владѣй моимъ мечомъ-кладенцомъ, а добраго коня моего привяжи къ моему гробу». Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ. Илья простился съ Святогоромъ, привязалъ ко гробу коня, и, взявъ Святогоровъ мечъ, поѣхалъ на богатырскіе подвиги.

Таковъ эпизодъ о родственномъ отношеніи этихъ двухъ богатырей. Ясно, что Илья прямой наслѣдникъ Святогора, принявшій отъ него силы столько, сколько нужно, чтобы жить на землѣ. Это есть первоначальный, миѳическій источникъ богатырской силы Ильи Муромца. Позднѣйшая эпоха, какъ мы видѣли, подновляетъ миѳъ участіемъ христіанскихъ лицъ, въ темной основѣ которыхъ проглядываетъ титаническій образъ старшаго братца Ильи Муромца, самого Святогора. Нѣтъ сомнѣнія, что въ экономіи первоначальнаго миѳа вовсе не нужно было раздвоять происхожденіе силы муромскаго богатыря, и производить ее изъ двухъ источниковъ — отъ духа Святогора и отъ питья по повелѣнію перехожихъ каликъ.

Итакъ, муромскій мужикъ вынесъ на своихъ могучихъ плечахъ титаническое величіе и силу первобытной миѳической ста-

рины. Отчего же не сосредоточился онъ въ своемъ полубожественномъ величіи, какъ древній Селяниновичъ, и свое родное крестьянство не вознесъ до миѳической апотеозы? Что̀ онъ не остался въ своемъ родномъ Муромѣ? Зачѣмъ онъ не свилъ себѣ своего собственнаго теплаго *гнѣзда* и не построилъ роднаго *порога*, какъ сооружали себѣ чехо-польскіе герои *Гнѣздно* и *Прагу*? Зачѣмъ не огородилъ онъ роднаго, имъ самимъ вспаханнаго поля какимъ-нибудь Змѣевымъ Валомъ, проведши его первою на Руси сохою? Темная старина даетъ поводъ къ тысячѣ догадокъ и вопросовъ; и почему бы не предположить: не приличнѣе ли было бы кому-нибудь изъ рода племени муромскаго крестьянина ковать первый на Руси плугъ и провести имъ первую борозду, нежели князьямъ Борису и Глѣбу?

Но муромскій крестьянинъ попалъ уже въ водоворотъ новой исторической жизни. Онъ бросаетъ свою наслѣдственную соху и стремится въ дальнія страны на богатырскіе подвиги.

Его влечетъ къ себѣ новое свѣтило, восшедшее на Руси въ лицѣ *ласковаго* князя Владиміра. Туда, къ Кіеву отовсюду потянули русскія силы, воплощенныя въ богатыряхъ цикла Владимірова: Добрыня Никитичъ изъ Рязани, Алеша Поповичъ изъ Ростова, Суровецъ богатырь изъ Суздаля, Дюкъ Степановичъ и Михайло Казарянинъ изъ Волынца Красна Галичья, а за ними и крестьянскій сынъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ изъ Мурома. Это значитъ, что основаніе центровъ княжеской власти на Руси дало новый, рѣшительный толчокъ въ развитіи народнаго эпоса. Богатыри перестаютъ быть непосредственными потомками боговъ и полубоговъ, и, вмѣстѣ съ самостоятельностью, теряютъ и свое высшее миѳическое значеніе, изъ *старшихъ* богатырей, то-есть изъ титановъ, переходятъ въ *младшихъ*, въ обыкновенныхъ смертныхъ, и группируются толпою около историческаго лица, около князя, въ его княженецкой дружинѣ.

Этотъ новый историческій моментъ въ развитіи народнаго эпоса обозначился въ собраніи разрозненныхъ, кочевыхъ силъ и мѣстныхъ, областныхъ интересовъ къ одному центру, который

исторія указала въ политической власти князя. Стремленіе къ централизующей власти коренится уже въ самомъ сознаніи той первобытной эпохи, которая находитъ себѣ естественное выраженіе въ эпосѣ, еще не знающемъ безконечнаго разнообразія личныхъ интересовъ лирики, и сосредоточивающемъ безразличную массу вѣрованій и обычаевъ къ представительной власти то родоначальника, то жреца, то воеводы, то наконецъ князя. Въ послѣдствіи, гражданское броженіе и борьба партій, вызванныя политическими и философскими идеями, даютъ просторъ лирическому заявленію отдѣльныхъ мнѣній, взглядовъ и стремленій. Но пока личности еще не выдѣлились изъ общей массы народа, пока еще народъ чувствуетъ свою умственную и политическую безпомощность, до тѣхъ поръ онъ довольствуется только эпосомъ, который питаетъ въ немъ религіозное благоговѣніе къ власти, непосредственно отъ боговъ перешедшей къ избранному смертному, замѣнившему, въ политическомъ устройствѣ, древняго родоначальника. Племена кельтическія сосредоточили для себя эту эпическую власть въ лицѣ короля Артура, пирующаго съ своими героями *за круглымъ столомъ;* Англо-саксы въ лицѣ милостиваго короля Гродгара, проводящаго безмятежную жизнь, вмѣстѣ съ своею преданною дружиною, въ ежедневныхъ пирахъ и весельи. Такъ и у насъ первымъ *собирателемъ земли Русской* народный эпосъ почитаетъ князя Владиміра, который также ежедневно пируетъ съ своими богатырями.

Что идеалъ этого эпическаго представителя верховной власти составился въ фантазіи народной еще въ эпоху языческую, или по крайней мѣрѣ независимо отъ христіанскихъ идей и помимо всякой мысли объ обращеніи Руси въ христіанство, явствуетъ изъ того, что русская былина вовсе не помнитъ этого пресловутаго факта, соединеннаго съ именемъ князя Владиміра. Она изображаетъ его даже скорѣе язычникомъ, нежели тѣмъ равноапостольнымъ княземъ, котораго чествуетъ въ немъ позднѣйшая книжная легенда. Еще современные намъ народные пѣвцы разсказываютъ, что у Владиміра было двѣнадцать женъ, иныя

отъ живыхъ мужей[1]). Потому-то, когда онъ сосваталъ за Алешу Поповича жену Добрыни, бывшаго въ отлучкѣ, и когда Добрыня воротился, то на пиру при всѣхъ говорилъ:

Не дивуюсь я князю Владиміру;
Что̀ и самъ творитъ, другому велитъ:
Отъ живаго мужа хочетъ жену отнять.

Изъ всѣхъ историческихъ преданій о Владимірѣ, богатырскій эпосъ хорошо помнитъ только пиры его, о которыхъ повѣствуетъ еще лѣтописецъ Несторъ, какъ бывало пировала дружина у этого ласковаго князя, и какъ однажды подпивши порядкомъ витязи роптали, что ѣдятъ ложками деревянными, а не серебряными. Владиміръ будто бы велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки, сказавъ: «серебромъ и золотомъ дружины не добуду, а дружиною добуду и золота, и серебра». Это извѣстіе, можетъ-быть, заимствовано было лѣтописцемъ уже изъ былинъ о княжихъ пирахъ, описаніемъ которыхъ и до сихъ поръ начинается бо̀льшая часть богатырскихъ пѣсенъ.

Каково бы ни было отношеніе эпическаго Владиміра къ эпохѣ старшихъ богатырей или великановъ и къ миѳическимъ божествамъ древнихъ Славянъ, во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія двѣ черты въ его поэтическомъ типѣ, указывающія на его связь съ преданіями незапамятной старины: во-первыхъ, иногда и именно въ стихѣ о Голубиной книгѣ, князь Владиміръ является замѣною великана *Волота Волотовича*, и во-вторыхъ, онъ постоянно въ былинахъ прозывается *Краснымъ Солнышкомъ:* а постоянный эпитетъ въ народной поэзіи, кромѣ поэтической внѣшней прикрасы, очень часто имѣетъ внутренній смыслъ, опредѣляемый народнымъ вѣрованьемъ. Не смѣнилъ ли собою князь Владиміръ *Дажъ-бога* или *Сварога*, божество солнца, по крайней мѣрѣ въ самыхъ раннихъ былинахъ, въ которыхъ еще живо чувствовался переходъ отъ древнихъ миѳическихъ воззрѣній къ новому историческому порядку вещей? И это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе,

[1]) Рыбник., I, 145.

что эпитетъ *красное солнце* до того сросся въ былинахъ съ именемъ любимаго князя, что иногда замѣняетъ его, какъ напримѣръ:

Завелся у *солнышка* почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей, на бояръ.

Какъ солнце по небу *числуется*, то-есть, играя и свѣтя управляетъ временами года и освѣщаетъ день; такъ и Владиміръ, пируя съ своими богатырями, управляетъ землею Русскою:

Не красное солнце числовалося:
Заводилося пированьице честнóе у князя Владиміра [1]).

Слово о полку Игоревѣ, уже не разъ служившее намъ посредникомъ между вѣрованьями темной старины и эпохою историческою, подкрѣпляетъ догадку о происшедшемъ нѣкогда переходѣ чествованья божества солнца на какого-то эпическаго князя, которому имя исторія указала въ ласковомъ князѣ Владимірѣ. Авторъ *Слова* называетъ героя или воеводу *внукомъ бога солнца* (внукомъ Дажь-бога), какъ бы тѣмъ давая знать своимъ современникамъ XII вѣка, что нѣкогда самое это божество было признаваемо за представителя богатырскихъ доблестей, за источникъ и центръ всякой на землѣ власти.

Народная фантазія, объясняя по-своему связь исторіи съ миѳомъ, видѣла въ князѣ Владимірѣ не просвѣтителя Руси христіянствомъ, не церковную личность, а свѣтскую власть, новую историческую силу, въ которой однако еще чуялось ей обаяніе стараго вѣрованія въ красно-солнышко, и потому тѣмъ охотнѣе около этого, нѣкогда миѳическаго, центра собрала она богатырей Русской земли.

---

1) Рыбник., I, 212. Кирѣевск., III, 28. Замѣчательно, что король Артуръ, изображаемый въ позднѣйшихъ искусственныхъ поэмахъ идеаломъ рыцарства и христіянскаго благочестія, первоначально, по преданіямъ кельтскихъ бардовъ, былъ сыномъ *Утеръ-Пенкъ-Драгона*, миѳическаго титана и бога, и даже самъ чествовался какъ *солнце*. См. Villemarqué. Les Romans de la Table Ronde. 1861 г., стр. 8—9.

Потому ли, что государственное начало, скрѣпленное пришлыми Варягами, охватывало русскую жизнь только снаружи, однѣми внѣшними формами покоренія и налоговъ; потому ли, что князь и дружина, набранная изъ чужаковъ, авантюристовъ, стали особнякомъ отъ низменнаго, кореннаго населенія Руси, какъ бы то ни было, только историческій идеалъ самого князя Владиміра въ народномъ эпосѣ мало выработался, не развился разнообразіемъ подвиговъ и очертаній характера, не смотря на то, что имя его такъ часто упоминается въ богатырскихъ былинахъ. Ласковый князь только пируетъ съ своими богатырями да посылаетъ ихъ на разные подвиги, а самъ не принимаетъ участія ни въ какой опасности, и сидитъ дома со своею супругою Апраксѣевной. Съ особеннымъ удареніемъ эпосъ указываетъ только на двѣ характеристическія черты въ его характерѣ, на его необыкновенную красоту и рѣдкое счастіе, такъ что *уродиться красотою и счастьемъ въ князя Владиміра*, вошло между богатырями въ поговорку[1]).

Кажется, въ самыхъ интересахъ народнаго эпоса не имѣлось задачи дать князю Владиміру болѣе яркій и глубокій характеръ. Это оставлялось на долю окружающимъ его богатырямъ и особенно избраннѣйшему изъ нихъ, Ильѣ Муромцу. Для Владиміра достаточно было его княжескаго ореола, которымъ онъ постоянно выступаетъ изъ толпы пирующихъ. Только что онъ вымолвитъ слово, всѣ съ благоговѣніемъ слушаютъ его:

Изъ того стола изъ-за дубова
Не золота, звонка труба вострубила:
Испроговорилъ Владиміръ стольно-кіевскій.

Отвѣчаютъ ему съ подобострастіемъ. Часто большой за малаго хоронится, а отъ малаго ему князю и отвѣту нѣтъ.

Если самъ князь мало дѣйствуетъ, за то умѣетъ цѣнить людей и выбирать достойныхъ дѣятелей, которыми окружаетъ свою особу. Это главная его заслуга, и едва ли не самая важная чер-

---

[1]) Рыбник., I, 186. II, 16.

та, которою эпосъ отличилъ князя Владиміра, какъ *собирателя* русскихъ силъ. Муромскій богатырь, впервые пріѣхавъ къ князю Владиміру, его спрашиваетъ:

Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
Тебѣ надо ль насъ, принимаешь ли
Сильныхъ, могучихъ богатырей,
Тебѣ батюшкѣ на почесть-хвалу,
Твому граду стольному на изберечь,
А Татаровьямъ на посѣченье? [1])
Отвѣчаетъ батюшка Володиміръ князь.
«Да какъ мнѣ васъ не надо-то!
Я вездѣ васъ ищу, вездѣ спрашиваю.
На пріѣздѣ васъ жалую по добру коню,
По добру коню, по латынскому, богатырскому».

Подарки не послѣднюю роль играли въ приманиваньи богатырей княземъ Владиміромъ. Оттого-то онъ и слыветъ *Ласковымъ.* Илья Муромецъ совѣтуетъ Дюку Степановичу ѣхать къ князю Владиміру, наивно присовокупляя:

Тебя будетъ на поѣздѣ жаловать
Многой безчетной золотой казной [2]).

Попавши въ ряды княжеской дружины, муромскій богатырь долженъ былъ утратить свою прежнюю самостоятельность. Онъ уже не идеалъ крестьянина-пахаря, не великанъ-Селяниновичъ, а *представитель сельскаго, крестьянскаго сословія* при княжемъ дворѣ, какъ Добрыня Никитичъ, — представитель княжескаго званія, Гришка боярскій сынъ — представитель бояръ, Алеша Поповичъ — церковнаго сословія, Иванъ Гостиный сынъ — представитель купечества, и т. д.

Понятно, что Илья Муромецъ, какъ товарищъ боярскаго сына, Поповича или какого-нибудь Васьки Долгополаго, можетъ-быть, дьяка грамотея, есть уже новая эпическая личность, не

[1]) Намекъ на Татаръ, — позднѣйшая вставка. Первоначально были названы какіе-нибудь другіе враги.

[2]) Рыбник., II, 71; Кирѣевск., I, 37—38; Рыбник., II, 167.

имѣющая ничего общаго съ идеаломъ независимаго муромскаго крестьянина, сочетавшимъ въ себѣ память о Перунѣ и великанѣ Селяниновичѣ съ христіянскимъ именемъ Ильи Пророка.

Окруженіе князя Владиміра богатырями, представителями областей и разныхъ мѣстностей, каковы: Муромъ, Ростовъ, Рязань, Волынь и т. д.,—входитъ въ древнѣйшій слой эпическаго содержанія, имѣющаго предметомъ *собираніе* Русской земли около кіевскаго центра. Чтò же касается до окруженія того же князя богатырями, представителями сословій, то это уже слой значительно позднѣйшій, который долженъ относиться къ той эпохѣ, когда вслѣдствіе государственнаго и церковнаго развитія Руси, изъ общей массы населенія выдѣлились сословія: княжеское, боярское, купеческое, крестьянское, церковное.

Богатырская дружина князя Владиміра уже была въ полномъ составѣ еще до появленія Ильи Муромца въ Кіевѣ. Ей не доставало крестьянскаго элемента, который долженъ былъ въ нее внести этотъ великій герой, и онъ, какъ главное дѣйствующее лицо драмы, является на сцену послѣ другихъ. Когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Кіевъ, привезши съ собою Соловья Разбойника, Добрыня Никитичъ говорилъ князю Владиміру:

Всѣхъ я знаю русскихъ могучихъ богатырей,
Одного не знаю—стараго казака Илью Муромца:
Я слыхалъ наслышкой человѣческой,
Что у него на бою смерть не писана.

Какъ заѣзжій крестьянинъ и человѣкъ при дворѣ неизвѣстный, Илья съ перваго же разу былъ обиженъ на пиру Владиміра низкимъ мѣстомъ. Потому, находя княжескую дружину не по своему вкусу, муромскій крестьянинъ дружится съ простонародьемъ, которое въ былинахъ слыветъ подъ наивнымъ именемъ *голи кабацкой*, и пируетъ съ нею въ кабакѣ. Князь и богатыри, страшась его могущества, не знаютъ какъ къ нему приступиться. Посылаютъ наконецъ богатыря княжей породы, *вѣжливаго* Добрыню Никитича —

. . . . . . грамотой востраго
На рѣчахъ да разумнаго,
Съ гостями почестливаго.

Добрыня приходитъ въ кабакъ, и не знаетъ какъ подойдти къ Ильѣ:

Спереди зайдти — хорошо ли ему прилюбится?
Да-ко я сзади зайду!

Зашелъ къ нему сзади, и, схвативъ его за могучія плечи, говорилъ ему:

Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ!
Сдержи ты свои руки бѣлыя,
Какъ скрѣпи сердце ретивое:
Какъ посла не куютъ, не вѣшаютъ.

Потомъ принесъ онъ извиненіе отъ имени самого князя: «Потому онъ садилъ тебя на нижній конецъ, что не зналъ тебя, кто ты таковъ, добрый молодецъ!» Муромскій богатырь смилостивился, и готовъ идти къ князю Владиміру, но только на томъ условіи, чтобы весь народъ принялъ участіе въ общей радости по случаю пріѣзда въ Кіевъ великаго богатыря. «Поди, скажи князю таковы слова, говорилъ Илья Добрынѣ:

Пусть-ко для меня, для мо́лодца,
Разошлетъ указы строгіе,
По всему по городу по Кіеву
И по городу по Чернигову,
Чтобъ отворены были...
Кабаки всѣ и пивоварнія,
На трои на сутки отворены,
Чтобъ весь народъ пилъ да зелено вино;
Кто не пьетъ зелена вина,
Тотъ пилъ бы пива пьяныя;
Кто не пьетъ пивъ пьяныихъ,
Тотъ пилъ бы сладки меды:
Чтобъ знали, что наѣхалъ старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,

Ко славному ко городу Кіеву:
Пусть для меня для мо́лодца,
Заведетъ столованье — почестный пиръ.

Итакъ, пиры Владиміра на весь народъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ Несторъ, по увѣренію нашего эпоса, будто бы даны были въ первый разъ въ честь собственно народнаго героя, самого Ильи Муромца. До тѣхъ поръ князь угощалъ будто бы только своихъ подручниковъ.

Наконецъ, герой идетъ къ князю, и весь народъ, князья, бояре и богатыри собираются смотрѣть на него. На княжемъ пиру Илья уже самъ не удостоилъ сѣсть на большомъ мѣстѣ, а садился на мѣсто среднее, а возлѣ себя, какъ представитель простонародья, сажалъ «голей кабацкихъ».

Тутъ онъ удивилъ всѣхъ, заявивъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ Разбойникомъ.

Тутъ-то узнали стараго казака,
Стараго казака Илью Муромца,
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
По всѣмъ чужіимъ-дальнимъ сторонушкамъ.

Такова превосходная былина о первой поѣздкѣ Ильи Муромца. Открытіе и обнародованіе ея принадлежитъ къ лучшимъ заслугамъ г. Рыбникова, для историческаго изученія русской народности [1]).

Какъ первоначально Муромецъ былъ верховнымъ героемъ русскаго эпоса по своему миѳическому сродству съ божествомъ земледѣлія и крестьянскаго быта; такъ потомъ, въ качествѣ представителя сословія крестьянскаго, онъ пользовался и доселѣ пользуется преимущественно любовью простонародья, которое одно сберегло до сихъ поръ нашъ національный эпосъ. Еслибы высшіе классы народа не были оторваны на Руси отъ родной почвы національнаго эпоса, можетъ-быть Илья Муромецъ нашелъ бы себѣ соперника въ какомъ-нибудь идеалѣ боярскомъ или княжескомъ.

[1]) Рыбник., II, 336—345.

Народный эпосъ, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ историческія судьбы страны и ея интересы. Испанія нашла себѣ представителя въ аристократическомъ типѣ Сида, наша родина — въ крестьянскомъ сынѣ, завербованномъ въ княжескую дружину.

Съ особенною рѣзкостью выступаетъ сословное различіе богатырей въ былинѣ [1]) о томъ, какъ они, стоя на заставѣ, въ сторожахъ, какъ сторожевая рать, на поляхъ цыцарскихъ, должны были по очереди вступать въ бой съ однимъ великаномъ Жидовиномъ, который былъ такъ громаденъ, что конь его, ударивъ копытомъ въ землю, вышибъ *ископыть* величиною въ пол-печи. Древнѣйшему преданью о борьбѣ съ исполиномъ дается въ былинѣ позднѣйшая сословная обстановка, приправленная даже нѣкоторою ироніей.

Жидовинъ оскорбилъ богатырей тѣмъ, что рѣшился проѣхать черезъ ихъ заставу, будто насмѣяться надъ ними. Атаманомъ на богатырской заставѣ былъ самъ Илья Муромецъ. Стали богатыри думать, кому изъ нихъ ѣхать биться съ Жидовиномъ Нахвальщикомъ. Положили было это дѣло на *Ваську Долгополаго* (полагаютъ, что это дьякъ, грамотей: можетъ-быть, не посадскій ли человѣкъ?). Илья Муромецъ находитъ этотъ выборъ неудачнымъ, характеризуя въ слѣдующихъ словахъ самое сословіе, къ которому принадлежитъ Васька:

Не ладно, ребятушки, поло́жили;
У Васьки полы долгія:
По землѣ ходитъ Васька заплетается;
На бою, на дракѣ заплетется;
Погинетъ Васька по напрасному.

Положили было на Гришку боярскаго сына. Илья опять не соглашается, не довѣряя боярамъ:

Не ладно, ребятушки, удумали:
Гришка рода боярскаго;
Боярскіе роды хвастливые:

[1]) Кирѣевск., I, 46.

На бою, на дракѣ призахвастается,
Погинетъ Гришка по напрасному.

Еще немилосерднѣе отзывается муромскій крестьянинъ о сословіи Алеши Поповича, когда положили было этого послѣдняго послать перевѣдаться въ единоборствѣ съ Жидовиномъ Нахвальщикомъ:

Не ладно, ребятушки, поло́жили:
Алешинька рода поповскаго:
Поповскіе глаза завидущіе,
Поповскіе руки загребущія;
Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
Много злата-серебра:
Злату Алеша позавидуетъ —
Погинетъ Алеша по напрасному.

Итакъ, забраковавъ представителей всѣхъ сословій, муромскій герой посылаетъ перевѣдаться съ исполиномъ Добрыню Никитича. Онъ княжескаго рода и храбрый богатырь. Выѣхавши въ поле, онъ сталъ высматривать нахвальщика въ серебряную трубу. Но когда съѣхался съ великаномъ, и когда великанъ напустился на него съ такою силою, что земля всколебалась, изъ озеръ воды выливалися: тогда Добрыня такъ испугался, что, взмолившись Богородицѣ о своемъ спасеніи, опрометью бросился отъ врага на заставу. Пришло наконецъ ѣхать въ бой самому Ильѣ, потому что не кѣмъ больше замѣниться. Муромскій богатырь вступаетъ съ Жидовиномъ въ страшный бой, который долго не рѣшается ни въ чью пользу. Вдругъ Илья, замахнувшись правою рукою, поскользнулся на лѣвую ногу, и палъ. Великанъ тотчасъ же насѣлъ на него, и хочетъ уже пороть кинжаломъ ему грудь, а самъ насмѣхаясь приговариваетъ:

«Старый ты старикъ, старый, матёрый!
Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле?
Будто не кѣмъ тебѣ старику замѣнитися?
Ты поставилъ бы себѣ келейку
При той путѣ, при дороженкѣ;

Сбиралъ бы ты, старикъ, въ келейку;
Тутъ бы, старикъ, сытъ-питаненъ былъ». —
Лежитъ Илья подъ богатыремъ,
Говоритъ Илья таково слово:
«Да не ладно у святыхъ отцовъ написано,
Не ладно у апостоловъ удумано;
Написано было у святыхъ отцовъ,
Удумано было у апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому,—
А теперь Илья подъ богатыремъ!»

Конечно, грубо заявляетъ здѣсь Илья о своемъ православіи — въ какомъ-то полухристіянскомъ убѣжденіи, что даже у самихъ апостоловъ гдѣ-то записано, что Ильѣ не быть въ полѣ убитому: но самая мысль и энергическое ея выраженіе, съ оттѣнкомъ ироніи, дышатъ необычайнымъ величіемъ. Это — сверхъестественная вѣщая увѣренность въ своей судьбѣ всѣхъ великихъ людей, которые, не взирая на смертныя опасности, спокойно и неустрашимо идутъ къ своей цѣли.

Такъ случилось и съ муромскимъ богатыремъ. Увѣренность въ себѣ придала ему новыя силы. Только что проговорилъ онъ эти слова —

Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева стоячаго [1]),
Палъ нахвальщина на сыру землю.

Илья убилъ его, и отсѣкши ему голову, воткнулъ ее на копье, и повезъ на заставу богатырскую. Богатыри почтительно встрѣчаютъ его. Былина оканчивается такимъ художественнымъ, мастерскимъ штрихомъ, который сдѣлалъ бы честь лучшему изъ поэтовъ образованной эпохи. Подъѣзжая къ богатырямъ, — какъ бы съ презрѣніемъ —

Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:

[1]) Этимъ обычнымъ эпическимъ выраженіемъ, для ясности, я замѣнилъ провинціализмъ *жáроваго*, стоящій въ подлинникѣ.

«Ѣздилъ въ полѣ тридцать лѣтъ —
Экого чуда не наѣзживалъ».

И только! Этимъ ограничилась вся его похвальба и весь отчетъ о смертельномъ побоищѣ!

Въ сословной обстановкѣ княжескаго эпоса Илья уже не могъ ужиться въ ладу съ княземъ и его дружиною. Фантазія народная съ особенною любовью лелѣетъ своего представителя, изображая его честнѣе и благороднѣе всѣхъ героевъ цикла Владимірова. Въ трагической исторіи прекрасной Василисы и ея супруга Данила мы уже видѣли, что только одинъ муромскій мужикъ стоитъ за правду, когда другіе богатыри готовы покривить душой въ угоду ласковому князю. Наконецъ онъ является даже врагомъ князю Владиміру и всей его дружинѣ, такъ что позднѣйшею сословною раздражительностію уже нарушается величавый, невозмутимый характеръ любимаго народомъ героя. Тогда муромскій богатырь теряетъ свое торжественное спокойствіе и снисходительность, эту лучшую прикрасу своего могущественнаго характера, и съ какимъ-то остервенѣніемъ побиваетъ княжескую дружину. Онъ уже не слуга князю, не защитникъ его интересовъ, а врагъ новому порядку вещей, поддерживаемому сословною чепорностью барскою.

Этою позднѣйшею чертою въ характерѣ муромскаго богатыря отличается варіантъ [1]) извѣстной уже намъ былины о первой поѣздкѣ богатыря съ родины въ Кіевъ ко двору князя Вдадиміра.

Когда Илья Муромецъ привезъ въ Кіевъ взятаго имъ въ плѣнъ Соловья-Разбойника, князь Владиміръ встрѣчаетъ его надмѣнно: «Здравствуй ты, дѣтина засельщина, говоритъ онъ: — ты дѣтина засельщина да деревенщина»! Ужь и это не понравилось Ильѣ, но онъ совсѣмъ разсердился, когда князь и дружина не повѣрили, что онъ привезъ такую диковину. «Въ очахъ дѣтина завирается»! говорили богатыри. «Врешь ты, дѣтина за-

[1]) Кирѣевск., I, 77—86.

сельщина, да полыгаешься, сказалъ ему Владиміръ: — надо мною надъ княземъ насмѣхаешься». Чтобъ отмстить всѣмъ имъ, Илья вздумалъ надъ ними пошутить. «Коль не вѣришь, говорилъ онъ князю, посмотри самъ на мою удачу богатырскую». Князь и дружина выходятъ на широкій дворъ. Муромецъ велѣлъ Соловью показать свою сверхъестественную силу.

И засвисталъ Соловей по соловьиному,
И забилъ въ долóни [1]) по богатырскому,
Зашипѣлъ вѣдь онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ, да по звѣриному:
Темны лѣсы къ землѣ приклонилися,
Мать-рѣка Смородина со пескомъ сомутилася,
Потряслись всѣ палаты бѣлокаменны,
Полетѣло изъ дымолокъ [2]) кирпичье заморское,
Полетѣли изъ оконницъ стекла аглицкія [3]).

Князь и бояре и всѣ могучіе богатыри страшно перепугались, пали на землю и по двору наползались; кони со двора разбѣжались.

И Владиміръ князь едва живъ стоитъ,
Съ душой княгиней Апраксѣевной.
Говорилъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Уйми ты Соловья разбойника;
А и эта шутка намъ не надобна».

Этою невинною шуткой должно бы и ограничиться все мщеніе незлобиваго богатыря. Онъ достигъ своей цѣли, не нарушивъ величаваго спокойствія своего характера, и сразу сталъ самымъ могущественнымъ между всѣми богатырями. И дѣйствительно, по древнѣйшей, первоначальной редакціи, тѣмъ былина и оканчивается [4]). Въ послѣдствіи, народнымъ пѣвцамъ этой мести

[1]) Длапи, откуда съ перестановкою слоговъ: *ладони*.

[2]) Дымоволокъ.

[3]) Подобные анахронизмы объясняются позднѣйшею порчею былинъ. Явленіе очень обыкновенное.

[4]) Кирш. Данил., 359.

показалось мало. Они воспользовались случаемъ, и свою собственную ненависть къ барской спѣси и насилію передали Ильѣ Муромцу, будто возложивъ на него тяжелую обязанность быть мстителемъ за оскорбленіе нравственнаго достоинства народа.

Когда Илья унялъ Соловья-Разбойника, князь пригласилъ муромскаго мужика къ себѣ на пиръ; но и тутъ ему нанесли новую обиду: посадили его *по край стола*, да еще *по край скамьи*, то-есть, въ самое послѣднее мѣсто [1]).

Раздраженный барскою спѣсью княжескаго двора, Илья — какъ новый Самсонъ, во время пиршества перебилъ до смерти всѣхъ богатырей и другихъ гостей, такъ что съ тѣхъ поръ, по смыслу этой позднѣйшей былины, должны бы были уже навсегда прекратиться пиры про русскихъ богатырей.

Поломалъ онъ скамьи да дубовыя,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныя...
Поприжалъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Поприжалъ онъ ихъ (богатырей) да въ большой уголъ.
Еще князь Ильѣ рѣчь проговорилъ:
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
Помѣшалъ ты всѣ мѣста да *ученыя*,
Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныя:
У меня промежь каждымъ богатыремъ
Были сваи желѣзныя,
Чтобъ они въ пиру да напивалися,
Напивалися да не столкалися».

То-есть, муромскій мужикъ не только нарушилъ княжескій церемоніалъ, но и привелъ въ безпорядокъ всю дружину, даже скомкалъ ее и прижалъ въ уголъ. Владиміръ видитъ, что надо наконецъ уступить, и обращается къ Ильѣ съ лестнымъ предложеніемъ, которое могло бы соблазнить барскую спѣсь:

---

[1]) Чтобы понять это, надобно знать, что почетныя мѣста были на *лавкахъ* вдоль двухъ стѣнъ, какъ теперь у крестьянъ; къ двумъ другимъ сторонамъ стола придвигались *скамьи* — мѣсто второстепенное. Илью посадили даже *на краю* скамьи.

Ты изволь у насъ да попить-поѣсть,
Ты изволь у нашей милости
Да *воеводой жить.*

Но муромскій мужикъ на лесть не поддался, съ негодованіемъ восклицаетъ·

Не хочу я у васъ ни пить, ни ѣсть!
Не хочу я у васъ воеводой жить!...
Онъ ставалъ на ножки на рѣзвыя,
Онъ вымалъ свою плетку шелковую
О семи хвостахъ да со проволкой.
Еще взялъ онъ плеткой да помахивать,
Еще гостей да покалачивать,
Еще взялъ гостей да поворачивать,
Еще бьетъ онъ, самъ приговариваетъ:
«На пріѣздѣ гостя не употчивали,
А на поѣздинахъ да не учествовали!
Эта ваша мнѣ честь — не въ честь!»
Еще онъ всѣхъ прибилъ да до наслѣдья,
До наслѣдья прибилъ да до единаго,
Не оставилъ никого да на сѣмена.

Раздраженная былина не пощадила и самого князя. И его надобно было наказать злою ироніей. Онъ въ ту пору, въ то времечко, съ испугу

За печку задвинулся,
Собольей шубкой закинулся.

Даже оканчивается былина какъ-то себѣ на умѣ, чтобы другіе смекали да оглядывались:

Илья-то тутъ и былъ и нѣтъ,
Нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти,
Нынѣ и до вѣку [1]).

Наконецъ тѣмъ же сословнымъ протестомъ, доведеннымъ въ этой былинѣ до крайняго раздраженія, объясняется еще позд-

---

[1]) Кирѣевск., I, 86.

нѣйшее превращеніе муромскаго мужика въ бездомнаго донскаго казака, какимъ изображенъ въ иныхъ былинахъ этотъ народный герой.

Таково внутреннее развитіе этой колоссальной личности, соотвѣтствующее историческому движенію быта и сознанія народнаго. Этой внутренней, существенной метаморфозѣ всенароднаго типа, сначала божества, потомъ полубога, далѣе героя-землепашца, затѣмъ богатыря дружинника и наконецъ представителя сословныхъ интересовъ, — соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ историческихъ событій многихъ вѣковъ, черезъ которые русскій эпосъ проводитъ своего любимаго героя.

То нашъ богатырь вмѣстѣ съ другими своими товарищами охраняетъ родную землю отъ страшныхъ чудовищъ и дикарей-великановъ эпохи первобытной; то является въ рамѣ историческихъ событій: защищаетъ Кіевъ отъ нашествія Татаръ, освобождаетъ отъ нихъ же Черниговъ, стоитъ въ сторожевомъ войскѣ на московской заставѣ [1]), воюетъ противъ Мамая на Куликовомъ полѣ [2]). Точно также изъ одной эпохи въ другую переносится и князь Владиміръ. Онъ въ борьбѣ съ Татарами. Ермакъ — ему племянникъ, или же Ильѣ Муромцу [3]).

Наконецъ, въ довершеніе національнаго идеала не доставало ему только ореола святости: и русскій народъ признаетъ своего богатыря въ чудотворцѣ, котораго мощи почиваютъ въ кіевскихъ пещерахъ. Въ XVII вѣкѣ, между угодниками кіево-печерскими, печатался гравированный образъ и Ильи Муромца, съ надписью: *Преподобный Илія муромскій, иже вселися въ пещеру прежде Антонія въ Кіевѣ, идѣже донынѣ нетлѣненъ пребываетъ* [4]).

Впрочемъ, народный эпосъ столько же равнодушенъ къ святымъ останкамъ своего любимаго героя, какъ и къ равноапостольному достоинству князя Владиміра. Въ эпическомъ типѣ

[1]) Рыбник., I, 66—7.

[2]) Кирѣевск., I, 58.

[3]) Кирѣевск., I, 61, 65.

[4]) См. замѣтку г. Стасова въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества 1861 г. Томъ III, вып. 2.

Муромца много великихъ доблестей идеальнаго героя, но всѣ онѣ объясняются съ точки зрѣнія общихъ законовъ нравственности. Собственно христіянскихъ, а по народному именно православныхъ добродѣтелей, въ этомъ героѣ эпосъ не воспѣваетъ.

Правда, что по инымъ былинамъ встрѣчаются иногда у Ильи и такія, напримѣръ, набожныя побужденія:

Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!
Дай ты мнѣ свое благословеньпцо.
Я поѣду во славной, стольной Кѣевъ градъ
Помолиться чудотворцамъ кѣевскимъ,
Заложиться за князя Володиміра,
Послужить ему вѣрой-правдой,
Постоять за вѣру хрисьянскую [1]).

Но такія тирады новѣйшаго издѣлья, какъ общія мѣста, пригодныя ко всякому случаю, ровно не вносятъ ничего новаго въ характеръ нашего героя,—напротивъ того, даже противорѣчатъ его поступкамъ, которыя съ точки зрѣнія православной должны казаться святотатствомъ. Такъ однажды, когда князь Владиміръ не пригласилъ Илью къ себѣ на пиръ, муромскій православный мужичокъ изъ-за этой бездѣлицы такъ разгнѣвался, что натянувъ лукъ,

Стрѣлилъ онъ тутъ по божьимъ церквамъ,
По божьимъ церквамъ да по чуднымъ крестамъ,
По тыимъ маковкамъ золоченыимъ [2]).

Вотъ сколько противорѣчій, несообразностей и анахронизмовъ представляетъ намъ народный эпосъ! Эта неразрѣшимая смѣсь противорѣчій, облеченная въ поэтическіе образы, и проникнутая живымъ организмомъ національныхъ убѣжденій и воззрѣній, есть та народная среда, въ которой живутъ и развиваются всѣ идеи и представленія русскаго народа. Прослѣдить тѣ основныя нити, на которыя фантазія въ теченіе столѣтій стройно на-

[1]) Кирѣевск., I, 34.
[2]) Рыбник., I, 95.

низываетъ всѣ эти противорѣчія и анахронизмы, значило бы подслушать ту завѣтную тайну, которая теперь только по частямъ, время отъ времени, открывается намъ съ каждымъ вновь найденнымъ эпизодомъ русскаго эпоса.

Впрочемъ, не одна русская народность представляетъ смѣсь противоположностей, накопившихся въ жизни вѣками. Всякій историческій народъ заявляетъ этою затѣйливою смѣсью богатство историческихъ результатовъ, вошедшихъ въ сознаніе. Даже такъ называемая цивилизація, хотя бы въ современную намъ эпоху, представляетъ ту же чудовищную на видъ смѣсь древняго варварства съ новѣйшими успѣхами ума, смѣсь суевѣрій съ философскимъ сомнѣніемъ, аскетизма съ безвѣріемъ, хищнаго эгоизма съ ханжествующею филантропіей.

Но воротимся къ муромскому богатырю. Мы еще не знаемъ, какъ русскій эпосъ изображаетъ его кончину. Рожденіе и смерть, два главные пункта въ человѣческой жизни, всегда и вездѣ давали эпической фантазіи богатый матеріялъ для творчества. Сверхъ того, самая таинственность, сопровождающая рожденіе и смерть человѣка, способствовала къ удержанію въ памяти народа слѣдовъ древнѣйшаго миѳа. Человѣкъ становится героемъ уже тогда, когда онъ выросъ и заявилъ себя дѣлами: но кто знаетъ, гдѣ, отъ кого и при какихъ условіяхъ онъ родился? Кому было до этого дѣло? Только цивилизація дала возможность отвѣчать на эти вопросы удовлетворительно. Безыскусственный эпосъ еще не дошелъ до такихъ тонкостей. Также безызвѣстна оставалась и кончина героя, если только онъ не сложилъ своей головы въ бою, въ виду своихъ товарищей. А если постигла его смерть обыкновеннымъ путемъ, на одрѣ болѣзни, то фантазія народная изъ уваженія къ своему любимцу окружитъ послѣднія минуты его жизни чудесною таинственностію, которая создаетъ сотни баснословныхъ предположеній, и въ видѣ фактовъ внесетъ ихъ въ былины.

Но прежде нежели взглянемъ на Илью Муромца при его кончинѣ, должно упомянуть объ одномъ эпизодѣ, стоящемъ внѣ

той исторической рамы, въ которую мы вставили развитіе эпическаго типа этого богатыря.

Самая таинственность этого эпизода говоритъ уже въ пользу его древности, и, можетъ-быть, характеризуетъ одинъ изъ подвиговъ героя, стоящаго еще внѣ земледѣльческой и сословной обстановки. Въ основѣ эпизода—загадочная связь его съ вѣщими дѣвами и сверхъестественными титаническими героинями, о чемъ уже была рѣчь прежде. Илья является отцомъ могучаго героя, по другимъ варіантамъ—вѣщей героини, и вступаетъ въ смертный бой съ своимъ сыномъ или съ дочерью.

Изъ многихъ варіантовъ этого эпизода ясно видно, что народная фантазія въ сынѣ Ильи Муромца первоначально видѣла страшнаго и могучаго богатыря; потомъ этотъ грозный образъ смягчается идиллическими чертами охотника, согласно съ его именемъ *Сокольникъ*, усвоеннымъ и древнѣйшею редакціей. Сверхъ того, эпосъ оказываетъ Ильѣ почетъ, называя его сына *королевичемъ: Збутъ Борисъ Королевичъ*.

По древнѣйшему варіанту [1]), юный богатырь, разъѣзжая по чисту полю,

На правомъ плечѣ везетъ ясна сокола,
На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,
У стремени прикована змѣя Горынская.

Послѣдняя черта ясно говоритъ о необычайности героя.

Ѣздитъ молодецъ по чисту полю,
Тѣшится утѣхою дворянскою:
Мечетъ острое копье подъ вышину небесную,
На конѣ подъѣзжаетъ и подхватываетъ,
Легко копьемъ поворачиваетъ,
Самъ копью приговариваетъ:
«Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ».

---

[1]) Кирѣевск., IV, 13 и слѣд.

Подъѣзжая къ нему, Илья Муромецъ отвѣчаетъ:

Ой ты гой еси, поленица удалая!
Ты зачѣмъ рано похваляешься?
Не уловя ты птицы, теребишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься?

Потомъ вступаютъ въ страшный бой:

Не двѣ грозны тучушки затучились,
Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигалися:
Два богатыря съѣзжались въ чистомъ полѣ.

Сначала дрались оружіемъ, оружіе поломали, а другъ друга не одолѣли. Сходили съ коней и хватались *плотнымъ боемъ*, *рукопашкой:*

Водились они не мало времени,
Водились добры молодцы *полтора года*,
По колѣнамъ въ землѣ пріобмялися!

Итакъ, это бой необычайный, бой титановъ, которые, безъ устали борясь полтора года, по колѣна погрязли въ землю. Илья наконецъ изнемогъ и палъ. Юный врагъ насѣлъ на его бѣлы груди.

Тутъ Илейко возмолится:
«Сколько я стоялъ за вѣру христіянскую,
Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію,
Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за беззамужнихъ женъ, —
Благочестивыя жены, вдовы безмужнія,
Онѣ были богомольныя,
День и ночь онѣ Богу молятся!»

Это, кажется, самое сильное мѣсто въ былинахъ по выраженію христіянскаго благочестія муромскаго богатыря. Надежда на молитву вдовъ и сиротъ спасла его:

Не сѣрая утица востопорщится:
Илья на землѣ поворотится;
Металъ Сокольника подъ вышину небесную.

Потомъ, поваливъ его и насѣдши ему на бѣлы груди, сталъ его спрашивать о родѣ-племени. — «Вотъ кабы я у тебя сидѣлъ на грудяхъ, отвѣчаетъ побѣжденный: не сталъ бы долго спрашивать, а спородъ бы тебѣ старому бѣлыя груди». Наконецъ Илья узнаетъ, что это его сынъ, отъ бабы Латыгорки, отъ моря Студенаго, отъ камени Латыря:

Бралъ его за руку за правую,
Цѣловалъ во уста во сахарныя:
«Здравствуй, мое чадо милое!»

И отпустилъ его къ матери; по другому варіанту, Илья *заплакалъ* даже, глядючи на свое чадо милое.

По однимъ варіантамъ тѣмъ дѣло и кончилось. По другимъ, оскорбленный сынъ мститъ Ильѣ, но получаетъ отъ него смерть: Муромскій богатырь разорвалъ его на двое.

По варіанту болѣе нѣжному [1]), разсказъ о встрѣчѣ Ильи съ сыномъ, Збутомъ Королевичемъ, начинается поэтическимъ предчувствіемъ этого послѣдняго. Еще не успѣлъ подъѣхать Илья, сынъ его уже распускаетъ свою охоту: отвязываетъ отъ стремени *вожья выжлока* (охотничью собаку), а самъ наказываетъ:

А теперь мнѣ не до тебя пришло;
А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ,
И корми ты свою буйну голову.

Отпускалъ и яснаго сокола, а самъ наказывалъ:

Полети ты, соколъ, на сине море,
И корми свою буйну голову;
А мнѣ молодцу не до тебя пришло.

Предчувствіе ли это смертной опасности при видѣ могучаго богатыря? Или скорѣе не предчувствіе ли чего-то великаго и существеннаго въ жизни, что̀ должно рѣшиться въ роковую минуту этого торжественнаго свиданія отца съ сыномъ, которые другъ друга не узнали?

[1]) Кирш. Данил., 361.

Затѣмъ идетъ разсказъ объ единоборствѣ, но уже въ позднѣйшемъ смягченномъ тонѣ.

Древность этого эпизода опредѣляется поразительнымъ сходствомъ его съ эпическими преданіями другихъ народовъ. Тотъ же сюжетъ встрѣчается въ эпическихъ преданіяхъ кельтскихъ бардовъ, въ персидской поэмѣ о *Ростемѣ* и *Зурабѣ*. Но къ русскимъ былинамъ особенно близко подходитъ эпизодъ изъ готскаго эпоса, о *Гильдебрандѣ*. Для сличенія сообщаю его по нѣмецкому отрывку VIII столѣтія.

Въ сопровожденіи дружины, возвращаясь домой изъ земли Гунновъ, престарѣлый Гильдебрандъ встрѣчаетъ на пути юнаго витязя, тоже съ дружиною. Это не кто другой, какъ Гудубрандъ, сынъ Гильдебранда, знаменитаго Дитрихова товарища въ битвахъ. Отецъ оставилъ его дома при матери еще младенцемъ. Гудубрандъ, не зная, что встрѣтился съ своимъ отцомъ, вызываетъ его въ бой. Но старикъ уже призналъ въ юномъ героѣ своего сына, и старается отклонить его отъ битвы. Для того онъ разсказываетъ ему, кто онъ такой и что̀ съ нимъ происходило. Но сынъ не вѣритъ разсказу незнакомца. «Померъ мой отецъ Гильдебрандъ, сынъ Герибрандовъ, говоритъ онъ: это разсказывали мнѣ корабельщики, заѣзжавшіе къ намъ по морю». — Гильдебрандъ даже не щадитъ своей воинской чести, и изъ отеческой любви готовъ уже покориться кичливому герою: онъ снимаетъ съ себя золотой обручъ или гривну, и предлагаетъ своему сыну, только бы примириться съ нимъ. Но и это не помогаетъ. «Копьемъ добывается добыча, говоритъ юный герой: мечъ противъ меча! Вижу — ты старый хитрый Гунъ, меня обманываешь, чтобъ потомъ убить!» — «О горе мнѣ! — восклицаетъ въ отчаяніи отецъ: о Боже, всѣмъ управляющій! Что за бѣда такая на насъ! Шестьдесятъ лѣтъ и зимъ [1]) воевалъ я на чужой сторонѣ, и вотъ теперь, свое родное, милое дѣтище изрубитъ меня мечомъ, а можетъ и самъ я буду его убійцею! Ну такъ знай же, что самый

---

[1]) То-есть 30 лѣтъ и 30 зимъ, всего 30 годовъ.

подлый трусъ во всей Восточной сторонѣ [1]) былъ бы тотъ, кто теперь отклонилъ бы тебя отъ бою, если ужь тебѣ того хотѣлось». Затѣмъ слѣдуетъ энергическое описаніе битвы отца съ сыномъ, — и именно здѣсь-то, на самомъ интересномъ мѣстѣ въ стихотворномъ отрывкѣ VIII столѣтія не достаетъ конца. Впрочемъ, по позднѣйшимъ передѣлкамъ, даже до XV вѣка, извѣстно, что отецъ побѣждаетъ сына, какъ и у насъ Илья — Сокольника, и оба возвращаются домой, гдѣ Гильдебрандъ находитъ такъ долго покинутую имъ супругу, какъ Одиссей свою Пенелопу. Но нашъ Муромецъ, мы видѣли, отдѣленъ отъ своей вѣщей жены миѳическою преградою; потому былина, чтобы развязаться съ далекою стариною, заставляетъ Илью прервать съ нею всѣ родныя связи, и убить собственнаго своего сына.

Сродство нашего эпизода съ чужеземными, главнѣйшимъ образомъ основывается, вѣроятно, на эпическомъ выраженіи одинаковыхъ условій въ раннемъ развитіи народнаго быта. Это, можетъ быть, даже сродство общечеловѣческое, по которому родственны *Иліада* и финская *Калевала*, оба эпоса, воспѣвающіе народную войну изъ-за красавицы—соотвѣтственно римскому сказанію о похищеніи Сабинокъ или славянскимъ обычаямъ похищать и съ бою брать себѣ женъ.

Именно это-то высокое общечеловѣческое значеніе и даетъ въ нашихъ глазахъ особенную цѣну готскому эпизоду и родственной съ нимъ русской былинѣ.

Сказаніе это въ Германіи возникло въ самую раннюю эпоху процвѣтанія родоваго быта, возникшаго на семейной почвѣ. Родовое отношеніе рѣзко обозначено даже въ собственныхъ именахъ готскаго эпизода: дѣдъ — Герибрандъ (*Heri-brant*), отецъ — Гильдебрандъ (*Hilti-brant*) и сынъ — Гудубрандъ (*Hudhu-brant*) тѣсно связаны общимъ, племеннымъ единствомъ, выраженнымъ второю половиною ихъ собственныхъ именъ: *brant*.

Родовымъ же началомъ объясняется одна изъ самыхъ рас-

---

[1]) Въ странѣ Остъ-Готѳовъ.

пространенныхъ эпическихъ формъ въ народной поэзіи, именно: когда встрѣчаются два лица, то обыкновенно спрашиваютъ другъ друга: не кто ты такой? а чей ты сынъ? какого отца-матери, чьего рода-племени?

Поэтически развивая эти простые обычаи родоваго быта, эпическая фантазія такъ легко могла натолкнуться на интересную встрѣчу самыхъ кровныхъ родственниковъ, отца съ сыномъ, которые не узнаютъ другъ друга, или, что конечно вѣроятнѣе, сынъ не узнаетъ отца, котораго не видалъ съ раннихъ лѣтъ своего младенчества. Въ быту воинскомъ такая встрѣча, конечно, должна повести къ отчаянному, смертному бою, особенно когда сынъ видитъ въ отцѣ хитраго врага, который прикидывается ему отцомъ, и потому тѣмъ сильнѣе его оскорбляетъ.

Теперь о кончинѣ Ильи Муромца.

Это таинственное событіе, какъ и слѣдовало ожидать, въ народномъ эпосѣ представляется различно. То Илья просто пропадаетъ безъ вѣсти, и слѣдовательно, можетъ-быть, когда-нибудь возродится, какъ финская Калевала ждетъ возрожденія Вейнемейнена. То каменѣетъ вмѣстѣ съ другими богатырями, какъ древній титанъ; то, какъ Святогоръ, ложится въ гробъ живой, и, будучи покрытъ крышкою, тамъ остается на вѣки.

Смѣшивая миѳъ объ окаменѣньи съ намекомъ о кіевскихъ пещерахъ, гдѣ лежатъ мощи Ильи, и приплетая сюда какую-то индѣйскую церковь, одна былина такъ говоритъ о кончинѣ великаго богатыря. Будто онъ вырылъ изъ земли какой-то сундукъ съ сокровищемъ, съ кладомъ, а на сундукѣ подпись:

Кому эвтотъ животъ (то-есть богатство) да достанется,
Тому строить церква Индѣйская,
Да строить тому церква Пещерская.
Тутъ строилъ старъ церкву Индѣйскую,
Да какъ началъ строить церкву Пещерскую,
Тутова старъ и окаменѣлъ [1]).

---

[1]) Кирѣевск., I, 89. Въ подлинникѣ *скаменьлъ*.

Одно преданіе, приводимое г. Далемъ, возводитъ исчезновенье Ильи Муромца къ той до-исторической эпохѣ, когда покойниковъ спускали въ ладьѣ или кораблѣ на воду, какъ спустили трупъ короля Скильда, по разсказу въ англо-саксонскомъ Беовульфѣ, и когда составились первые зародыши преданій о томъ, что герои по водѣ скрывались въ неизвѣстную страну иного, нездѣшняго міра. Даже полетъ души усопшаго по воздуху въ облакахъ также могъ облегчаться переѣздомъ на кораблѣ, потому что самыя облака, по древнѣйшимъ воззрѣніямъ индоевропейскимъ, суть не иное что, какъ корабли, плывущіе по воздушному океану. Потому названіе тучи *плывущимъ гробомъ* въ одной русской загадкѣ о тучѣ, громѣ и молніи, можетъ-быть, не одна пустая игра фантазіи: «*гробъ плыветъ*, мертвецъ реветъ, ладанъ пышетъ, свѣчи горятъ» [1]).

Но вотъ самое преданіе: «Илья на Соколѣ-кораблѣ, вмѣстѣ съ Добрынею, поплылъ въ Окіанъ-море, о которомъ до того и слыхомъ не слыхать было. Соколъ-корабль насилу ушелъ отъ сизаго орла: но вѣстей болѣе никакихъ. Куда онъ дѣвался, не говорится ни въ сказкахъ о немъ, ни въ пѣсняхъ».

Итакъ, представитель русскаго богатырскаго эпоса и явился на свѣтъ, и исчезаетъ, какъ настоящій герой полубогъ. Только дѣйствуя на землѣ, между людьми, онъ долженъ былъ на время снизойдти съ высоты своего божественнаго величія до богатырскаго служенія въ дружинѣ князя Владиміра.

VII.

Муромскій крестьянинъ вывелъ насъ изъ глухихъ захолустьевъ муромскаго язычества въ историческую область такъ-называемыхъ *младшихъ* богатырей, окружающихъ князя Владиміра. Чудовища и великаны, спутники древнихъ боговъ, скры-

---

[1]) Даля, Пословицы. Стр. 1064. Замѣтка Даля въ 1-мъ выпускѣ Пѣсенъ Кирѣевск., стр. 34.

ваются по ту сторону завѣсы, отдѣляющей историческую дѣйствительность отъ воображаемой старины. Съ утратою языческаго вѣрованія, миѳъ, какъ бы онъ ни былъ заманчивъ по своему поэтическому содержанію, уже перестаетъ быть выраженіемъ и двигателемъ народнаго сознанія. Онъ только забавляетъ, какъ сказка о какихъ-нибудь несбыточныхъ диковинкахъ, но не внушаетъ къ себѣ довѣрія и уваженія, какими пользуется собственно богатырскій эпосъ, имѣющій предметомъ не боговъ, которымъ уже никто не вѣритъ и никто не поклоняется, а обыкновенныхъ смертныхъ, которые въ идеальныхъ типахъ богатырей становятся настоящими представителями народа, образцами всего, чтò почитаетъ онъ въ себѣ доблестнымъ и достойнымъ всякаго уваженія.

Что же это за новое поколѣніе, въ которомъ народная фантазія нашла свои высшіе идеалы? Въ чемъ состоитъ ихъ общій характеръ? Въ какомъ смыслѣ и въ какой степени прилично имъ общее названіе *младшіе богатыри* или и вообще *богатыри*, названіе, подъ которымъ они слывутъ въ народѣ? Не выдвинется ли рельефнѣе изъ общей массы этого новаго поколѣнія, величавая фигура муромскаго героя и не укажетъ ли это общее обозрѣніе новыхъ сторонъ въ характерѣ самого князя Владиміра?

Къ младшимъ богатырямъ принадлежатъ всѣ тѣ, которые при князѣ Владимірѣ являются представителями мѣстныхъ, провинціальныхъ силъ и сословныхъ интересовъ древней Руси. Эти герои новой, исторической эпохи уже не помнятъ своихъ родственныхъ связей съ миѳическими предками. Можетъ быть, пользуясь эпическимъ выраженіемъ автора слова XII вѣка, и можно бы ихъ назвать *внуками* какого-нибудь *Дажьбога*, но богатырскій эпосъ называетъ ихъ *сыновьями* уже *обыкновенныхъ смертныхъ*, и притомъ такихъ людей, о которыхъ не находитъ нужнымъ распространяться, видя въ нихъ мало интереснаго для своей публики. За то эпосъ съ особенною любовью медлитъ на характеристикѣ матерей младшихъ героевъ, изображая ихъ обыкновенно *вдовами*. Объ этомъ интересномъ типѣ будетъ рѣчь впереди; а теперь слѣдуетъ только замѣтить, что съ младшими богатырями

вступаетъ на поле дѣятельности новое, молодое поколѣніе, имѣющее мало общаго съ своими отцами, которые за незначительными исключеніями уже всѣ повымерли, оставивъ по себѣ только своихъ вдовъ. Даже отецъ князя Владиміра остается въ русскомъ эпосѣ незамѣченнымъ.

Всѣ эти спутники ласковаго князя стекаются къ нему въ Кіевъ изъ разныхъ мѣстъ, безъ сожалѣнія покидая свою родину и отца съ матерью. Прерывая связь съ родною стариною, они становятся даже ея врагами, поражая и сокрушая ея остатки въ чудовищахъ и великанахъ, съ которыми ведутъ постоянную борьбу. Кто истребляетъ Змія Горынича, кто полонитъ Соловья Разбойника, кто побиваетъ Тугарина, кто великана Шарка, кто Кощея.

Только Илья Муромецъ, наиболѣе полный, всесторонній и совершеннѣйшій типъ русскаго богатыря, относится къ старинѣ не съ одною враждой. Онъ, какъ мы видѣли, наслѣдовалъ силу отъ великана Святогора, былъ ему меньшой братъ, и учился отъ него всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, какъ сѣверные боги учатся премудрости отъ маститыхъ великановъ.

Всѣ богатыри князя Владиміра — народъ *молодой, безбородый;* даже самый эпитетъ *молодой*, или *младъ*, постоянно придается Дюку Степановичу, Михайлѣ Казарянину, Чурилѣ Плѣнковичу, Соловью Будиміровичу, но особенно Добрынѣ Никитичу и Алешѣ Поповичу. Эпическій герой, по понятіямъ народа, одаренъ свѣжими, молодыми силами, потому и называется *мóлодцемъ, добрымъ мóлодцемъ.* Не зрѣлое сужденіе и опытность руководятъ его дѣйствіями, а удаль и надежда на удачу; потому онъ *удалой, удача-добрый молодецъ.* Обыкновенно являются богатыри при дворѣ князя Владиміра *холостыми*, и потомъ уже смышляютъ себѣ невѣсту и женятся. Эпосъ знаетъ ихъ только на первой порѣ ихъ супружеской жизни, еще *бездѣтными.* Самъ ласковый князь хлопочетъ о ихъ женидьбѣ и часто сватаетъ, и именно съ тою цѣлью, чтобы не переводился при его дворѣ богатырскій родъ, за который онъ готовъ жертвовать богатою

данью съ чужихъ земель, согласно съ Владиміромъ лѣтописи Несторовой, который предпочитаетъ дружину золоту и серебру. Разъ посылаетъ Владиміръ за данью Илью Муромца, Добрыню Никитича и Потока Михайлу Ивановича. Первые двое привезли съ собою груды золота, а послѣдній добылъ себѣ только невѣсту, Марью Лебедь-Бѣлую. Князь остался больше доволенъ Потокомъ, присовокупивъ:

Я и тѣхъ-то послалъ, чтобъ женилися,
А они молодцы не догадалися,
Обзарились на злато и серебро.
Въ нашу державу свято-русскую
Пойдутъ сѣмена — плодъ богатырскій.
То лучше злата и серебра.

Впрочемъ, сколько ни хлопочетъ онъ о женидьбѣ своихъ богатырей, однако —

Всякой на свѣтѣ женится,
Не всякому женидьба удается:
Удалась женидьба Дунаю Ивановичу,
Да старому Ставру, сыну Годиновичу,
Да еще молодому Добрынѣ Никитичу.

Алешѣ Поповичу, бабьему пересмѣшнику, за его любовныя шашни, женидьба не удалась, хоть и сваталъ его усердно самъ князь, о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь впереди. Что касается до Потока Михайлы Ивановича, то съ наивною важностью замѣчаетъ былина:

Первая женидьба Михайлы неудачна была,
А вторая женидьба издачная [1]).

Самъ Владиміръ князь такой же безбородый юноша, какъ и его спутники, даже моложе ихъ: «Всѣ вы переженены, говоритъ онъ имъ однажды: только я князь не женатъ, холостъ хожу».

---

[1]) Рыбник., II, 61, 33, 71.

Потому-то при дворѣ Владиміра часто играются веселыя свадьбы. Но похоронъ не бываетъ. Всѣ молоды и здоровы, всѣ пируютъ, пьютъ и веселятся.

Илья Муромецъ опять отличается отъ другихъ богатырей. Онъ не только не юноша, но даже сѣдой, матерой богатырь, съ сѣдою бородою; потому что, какъ говоритъ пословица: «Сѣдина въ бороду — умъ въ голову». Сѣдина — отличительная примѣта Ильи:

Не бѣлы снѣжки въ чистоемъ полѣ забѣлѣлися:
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой.

Его сынъ Сокольничекъ, не признавая въ немъ своего отца, ругается ему: «Ахъ ты, старый сѣдатый песъ! Сидѣлъ бы въ деревнѣ, свиней бы пасъ!» Богатырь Нахвальщина, поваливъ Муромца подъ себя, насмѣшливо приговариваетъ: «старый ты старикъ, старый матерый! Гдѣ тебѣ ѣздитъ по чисту полю? Построилъ бы ты себѣ при дорогѣ келейку и кормился бы милостынею!» [1])

Безъ сомнѣнія уже бородатый прибылъ Илья ко двору князя Владиміра, потому что еще дома сидьма сидѣлъ тридцать лѣтъ. У него уже есть взрослый сынъ или взрослая дочь, поленица, съ которыми онъ вступаетъ въ смертный бой. Еще только герои старшей эпохи, какъ Микула Селяниновичъ или Соловей-Разбойникъ имѣютъ у себя взрослыхъ дѣтей.

Илья Муромецъ умнѣе и благоразумнѣе своихъ богатырскихъ товарищей не потому только, что онъ изъ любимаго крестьянскаго сословія, но и потому, что онъ старше ихъ всѣхъ, опытнѣе, больше ихъ жилъ на свѣтѣ, больше видѣлъ и больше испыталъ. Потому онъ надъ ними начальствуетъ, какъ атаманъ, и называетъ ихъ своими «ребятушками». По лѣтамъ они годятся ему въ сыновья. Они опрометчивѣе его даже въ богатырской смѣлости, и, не укрѣпившись еще опытомъ въ нравственныхъ поня-

[1]) Кирѣевск., I, 19, 51. Рыбник., I, 78.

тіяхъ, наклонны сдѣлать что-нибудь дурное. Муромскій крестьянинъ умѣряетъ ихъ рьяную запальчивость, обуздываетъ ихъ страсти, иногда возмущается противъ несправедливости и зла, которыя въ нихъ замѣтитъ, впрочемъ вообще снисходительно прощаетъ имъ вину. Обыкновенно обращается онъ съ своими врагами, какъ съ малыми дѣтьми: вмѣсто того, чтобы раздавить обидчика и распороть ему бѣлую грудь, онъ броситъ его вверхъ, да еще на лету подхватитъ. Разгнѣвавшись однажды на князя Владиміра и его богатырей, онъ поприжалъ ихъ на лавкѣ богатырской на пиру, и очутился за столомъ противъ самаго князя Владиміра. Это за досаду Алешѣ Поповичу показалося. Взялъ Алеша булатный ножъ и пустилъ имъ въ Илью Муромца. Но Илья отплатилъ забіякѣ только презрѣньемъ: подхватилъ ножъ на лету и воткнулъ въ дубовый столъ. Онъ даетъ совѣты самому князю Владиміру и предостерегаетъ его отъ безчестнаго дѣла, когда другіе богатыри хотѣли подслужиться князю чужою женою. Какъ истый рыцарь, защищаетъ онъ слабую женщину отъ грубаго насилія. Однажды встрѣчаетъ онъ въ полѣ красную дѣвушку. Она бѣжала отъ насмѣшника Алеши Поповича. «Давно бы ты мнѣ сказала это, говоритъ Илья Муромецъ: я бы съ Алешей перевѣдался, снялъ бы съ него буйну голову!» [1])

Ничто великое не совершается богатырями безъ участія Муромца. Онъ ведетъ ихъ на враговъ и распредѣляетъ каждому дѣло по силѣ.

Итакъ, хотя съ младшими богатырями выступаетъ на свѣтъ новое, молодое, безбородое поколѣніе; но эпосъ, всегда вѣрный природѣ и историческому теченію жизни, даетъ въ руководство молодой рьяности и отвагѣ благоразуміе и опытность старины, представителемъ которой, во всемъ, что̀ она сберегла лучшаго и достойнаго, является при дворѣ князя Владиміра муромскій крестьянинъ. Дружина княжеская собралась изъ новыхъ элементовъ и новыхъ силъ, но для прочной осадки ихъ необходима была крестьянская основа, не какъ отжившая старина, идущая въ сломку,

[1]) Кирѣевскаго, I, 39, 5.

а какъ неизмѣнный, существенный принципъ, твердо и постоянно пребывающій въ русской жизни. Въ этомъ смыслѣ русскій человѣкъ сказалъ бы объ Ильѣ Муромцѣ пословицею: «старъ дубъ, да корень свѣжъ».

Европейскіе народы испоконъ-вѣку видѣли въ длинныхъ волосахъ, низпадающихъ на плечи, и въ осанистой бородѣ красоту и величіе мужскаго типа, царственный идеалъ котораго греческая скульптура создала въ Зевсѣ. Члены благородныхъ тевтонскихъ фамилій, княжескихъ и королевскихъ, отличались длинными волосами, а потому назывались *волосатыми*, *косматыми* или *кудрявыми* (criniti, capillati, comati) — почетное прозвище, слѣды котораго у Славянъ, можетъ быть, доселѣ сохранились въ названіи Малорусовъ *Хохлами*, которые могутъ вести свою генеалогію по прямой линіи отъ длиннаго чуба Святославова. Особенно были въ чести *волосатые* аристократическіе роды изъ Франковъ, отличавшіеся этою примѣтою и отъ Галловъ, и отъ прочихъ Франковъ. Лангобарды отращали себѣ такіе же чубы, какъ Малорусы. Фризы совершали обрядъ клятвы, касаясь своихъ кудрей. Остричь кому волосы — значило унизить, опозорить, осмѣять, отдать въ рабство [1]). Русскій крестьянинъ, находя не пристойнымъ мущинѣ женоподобную роскошь длинныхъ распущенныхъ волосъ, отъ временъ доисторическихъ сохранилъ свою типическую прическу, которая однако даетъ волю виться кудрямъ; потому что «отъ радости кудри вьются — въ печали сѣкутся». Мущина безъ кудрей — печальное существо, обиженное Богомъ и людьми. Понятно, слѣдовательно, почему богатыри русскаго эпоса характеризуются *кудрями*. У Добрыни и Алеши были онѣ *желтыя*, то-есть, русыя; у князя Владиміра — черныя. Какъ пожилой человѣкъ, пріосаниваясь, гладитъ свою бороду, такъ молодой самодовольно разчесываетъ кудри.

Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черныя кудри разчесываетъ.

---

[1]) Massmann, Kaiserchronik. 1854 г. III, 809.

Онъ охорашивается потому, что задумалъ жениться. Добрыня, жалуясь на свою безсчастную судьбу, плачется своей матери, зачѣмъ она родила его силою не сильнаго, богатствомъ не богатаго, кудрями *не кудряваго*. Впрочемъ эта жалоба—общее мѣсто, вставленное въ уста Добрыни, но собственно къ нему не относящееся. Когда черезъ двѣнадцать лѣтъ отлучки является онъ домой, мать его не узнаетъ, принимая его за голь кабацкую:

У молодаго Добрыни Никитича были кудри желтыя:
Въ три-рядъ кудерки колечками вились вкругъ верховища:
А у тебя, голь кабацкая, по плечамъ висятъ.

Добрыня отвѣчаетъ, что его волосы желтые отростились въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, потому что ихъ не подстригали [1]).

Но особеннымъ почетомъ пользовалась борода, отличительный признакъ великихъ героевъ западныхъ народныхъ эпосовъ [2]). Испанскій Сидъ прозывается: *большая борода*, *красивая борода*, *полная*, *окладистая борода*. Балдуинъ IV Фландрскій въ одномъ документѣ 1023 г. названъ *честною бородой* (honesta barba). Въ пѣснѣ о Роландѣ (Chanson de Roland) Карлъ Великій характеризуется *цвѣтущею бородой;* у него борода *сѣдая* и такъ же *бѣлѣется*, какъ у нашего Ильи Муромца [3]). По русскимъ понятіямъ, борода разрастается въ довольствѣ и холѣ: «у богатаго мужика борода помеломъ, у бѣднаго клиномъ». Отъ сознанія своего достоинства она топырщится: «Благодаря Христа — борода не пуста: хоть три волоска, да растопырщившись!» Обезчестить человѣка тоже, что обезчестить его бороду. «Самъ свою бороду оплевалъ» — говоритъ пословица о заслуженной винѣ. Когда Алеша Поповичъ соблазнилъ одну дѣвицу, ея братья между собою говорятъ:

---

[1]) Кирѣевск., III, 70. Рыбник., II, 13, 29.

[2]) Damas Hinard, Poëme du Cid 1850 г., стр. 266.

[3]) Карлъ клянется: «Par ceste barbe que veez blancheer» — «Par ceste barbe dunt li peil sunt canut». Chans. de Roland. I, 261. V, 692.

.... Пойдемъ, братецъ, во кузенку,
Мы и сдѣлаемъ по ножу, ссѣкемъ сестрѣ голову,
Ссѣкемъ сестрѣ голову: *обезчестила* бороду [1]).

Вцѣпиться кому въ бороду, значитъ нанести величайшую обиду. Потому воины, по западнымъ эпическимъ разсказамъ, пускаясь въ отважные подвиги, завязываютъ свои бороды, чтобы не достались онѣ врагу на поруганіе. Такъ всегда поступалъ и Сидъ, когда шелъ на вѣрную опасность. Когда Франки, какъ поется въ *Пѣснѣ о Роландѣ*, пылая местью за Роланда, рѣшились побѣдить или умеретъ, тогда, забывъ всѣ предосторожности, не успѣли они подвязать себѣ бороды, и бросились на Сарацынъ, и Сарацыны пришли въ ужасъ, увидавъ распущенныя бороды. Русскіе мужички, когда порасходятся въ дракѣ, теребятъ другъ друга за бороду. «Чужую бороду драть — своей не жалѣть», говоритъ пословица. «Не хватай за бороду, кричитъ русскій герой своему врагу: сорвешься — убьешься!»

Въ эпоху эпическую, на западѣ, борода чествовалась такимъ же суевѣрнымъ чествованіемъ, какое воздавали ей наши раскольники въ XVII и XVIII вѣкѣ. Самъ ли расколъ выработалъ это суевѣріе на основаніи книжнаго чтенія, или въ писаніи нашелъ только подкрѣпленіе своимъ эпическимъ преданіямъ, которыя нѣкогда составляли общее достояніе всѣхъ европейскихъ народовъ, во всякомъ случаѣ раскольничье благоговѣніе къ бородѣ, съ точки зрѣнія исторіи цивилизаціи, стоитъ на одной ступени съ тѣми эпическими воззрѣніями и убѣжденіями, которыя заставляли испанскаго Сида и франкскаго Карла приносить торжественную клятву своею бородой. Эта клятва была такъ употребительна, что у послѣдняго героя вошла чуть не въ постоянную поговорку.

Въ русскихъ пословицахъ сохранилось много любопытныхъ данныхъ для сравнительнаго и историческаго изученія этого предмета.

---

[1]) Кирѣевск., II, 67.

Итакъ, Илья Муромецъ даже по своему внѣшнему типу, съ почтенною, сѣдою бородой, первенствуетъ надъ прочими богатырями цикла Владимірова. Какъ Карлъ Великій или какъ Сидъ, онъ отмѣченъ маститою бородой, символомъ мудрости, опытности и величія.

Ко всѣмъ своимъ богатырскимъ товарищамъ относится Илья, какъ представитель старшаго поколѣнія къ младшему. Какъ титанъ Святогоръ выучилъ Илью ухваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, и назвалъ его своимъ меньшимъ братомъ, такъ и Илья въ свою очередь училъ тому же богатыря младшаго поколѣнія, Дюка Степановича, и называлъ его «меньшимъ крестовымъ братцемъ» [1]). При дворѣ князя Владиміра, Илья рѣзко отличается эпитетомъ *старый* отъ другихъ богатырей, которые въ противоположность ему называются молодыми. Такъ Владиміръ подноситъ по чарѣ зелена вина *старому* казаку Ильѣ Муромцу, *молодому* Добрынѣ сыну Никитичу.

Теперь надобно сказать о самыхъ названіяхъ, которыми русскій народъ и другія славянскія племена выражаютъ свое понятіе о героѣ эпическаго сказанія [2]).

Сначала о словѣ *богатырь*, особенно распространенномъ въ русской народной поэзіи. Кромѣ Поляковъ, ни у кого изъ прочихъ славянскихъ племенъ его нѣтъ. Вмѣсто его употребляется, то *юнакъ*, то *грдина*, то какое-нибудь другое реченіе.

Въ древне-русской письменности до самыхъ Татаръ слово богатырь не встрѣчается, и самая мысль о героѣ, какъ кажется, не имѣла для себя въ языкѣ установившейся, одной, опредѣленной формы. Гдѣ бы слѣдовало сказать *богатырь*, мы читаемъ, то *кметъ* (въ Словѣ о полку Игоревѣ), то *витязь* (въ лѣтоп. Переясловск.), то просто *мужъ*, *воинъ*, *храбрый* и др. Далѣе въ

---

[1]) Рыбник., II, 164.

[2]) Мнѣніе о значеніи слова *богатырь*, высказанное мною въ этой монографіи въ 1862 г., я замѣняю здѣсь другимъ, принятымъ мною въ 1872 г., въ моемъ Академическомъ отзывѣ о сочиненіи профессора О. Ѳ. Миллера: *Илья Муромецъ и богатырство Кіевское*. 1870.

позднѣйшихъ памятникахъ, рядомъ съ *богатыремъ*, какъ бы въ дополненіе мысли, употребляются: *удалецъ*, *ръзвецъ* (въ Рязанск. повѣсти объ Евпатіи Коловратѣ).

Только со временъ Татаръ, и первоначально — сколь мнѣ извѣстно — только о татарскихъ воеводахъ, стало у насъ употребляться слово *богатырь*, и — что̀ особенно важно — какъ варіантъ формы *багатуръ* (монгольск. baghatur). А именно въ Ипат. спискѣ лѣтоп. (XIV — XV в.), подъ 1240 г. между Батыевыми воеводами встрѣчаемъ: «Се Бѣдяй (вар. Себедяй) *Богатуръ* и Бурундай *Багатуръ*». При этомъ реченіи варіанты: *багатырь* и *богатырь*. Далѣе, тамъ же, подъ 1243 г., читаемъ, какъ къ князю Даніилу въ Холмъ прибѣжалъ Половчанинъ Актай и говорилъ: «Батый воротился есть изо Угоръ, и отрядилъ есть на тя два *богатыря* возъискати тебе, Монъмана и Балаа». Ясно, что слово, *богатырь*, по монгольскому обычаю, употреблялось въ нашихъ лѣтописяхъ въ видѣ титула при собственныхъ именахъ.

Какъ въ эпоху древнѣйшую для означенія великановъ, то-есть, богатырей старшихъ, Славяне заимствовали слова у другихъ народовъ, напр. *обръ*, *обржимъ* отъ народа Обровъ, *исполинъ*, *сполинъ* отъ народа Спали, такъ и *богатыря* могли взять отъ Татаръ, въ видѣ почетнаго титула. Заимствовали же мы когда-то отъ Германцевъ, Казаръ, Римлянъ титулы *князя*, *кагана*, *царя*.

Изъ собственно народныхъ, чисто Русскихъ наименованій героической личности особенно характеристично слово *поленица*, которымъ называется и воинъ, и героиня, промышляющая богатырскими подвигами. *Поленица* значитъ не только разъѣзжающій по полямъ, но и охраняющій ихъ, такъ же какъ въ сербскомъ слова *полякъ* и *поляръ* употребляются въ смыслѣ *полевого сторожа* (feldwächter, custos agrorum). Слово это, слѣдовательно, образовалось въ быту осѣдломъ, когда племена, усѣвшись на постоянныхъ мѣстахъ, почувствовали потребность охранять свою собственность вооруженною рукой отъ сосѣднихъ хищни-

ковъ. Такъ наши богатыри подъ предводительствомъ Ильи Муромца стоятъ стражею на поляхъ Цыцарскихъ, охраняя границу отъ великана нахвальщины. Такъ какъ *поленица* и *полякъ* одного грамматическаго происхожденія, то по русскимъ былинамъ, поляница *полякуетъ*[1]), то-есть, разъѣзжаетъ по полямъ, очищая родную землю отъ враговъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что названіе богатыря поляницею состоитъ въ видимой связи съ собственными именами племенъ: древнихъ *Полянъ*, сидѣвшихъ въ Кіевѣ, и позднѣйшихъ *Поляковъ*.

Впрочемъ, и этимъ названіемъ не выражается рьяная молодая сила новаго поколѣнія, которымъ русскій эпосъ окружаетъ своего любимаго князя. Идею о юномъ героѣ, представителѣ новаго, лучшаго порядка вещей, о *добромъ молодцѣ*, полнѣе всего выражаетъ слово *юнакъ* (то-есть юный, молодой), которымъ Болгары и Сербы называютъ собственно героя: оттуда *юнацкія* пѣсни, то-есть богатырскія[2]).

Филологи[3]) полагаютъ, что одно изъ древнѣйшихъ племенъ греческихъ, въ которомъ особенно процвѣла эпическая поэзія, именно племя *Іонійское* получило свое названіе отъ одного и того же общаго корня съ санскритскимъ *Іавана*, что̀ значитъ собственно молодой, юный, и родственно съ латинскимъ *juvenis* (юноша), откуда французское *jeune*. Наше слово *юнъ*, *юный*, сократилось изъ того же древнѣйшаго слова, общаго всѣмъ индоевропейскимъ народамъ. Отъ *юнъ* произошло слово *юнакъ*, герой. Какъ въ Греціи отважные, молодые выходцы съ дальняго востока получили названіе *Іонянъ*, то-есть, молодыхъ, такъ и наши *юнаки* съ понятіемъ о древнихъ богатыряхъ соединяютъ юношескую отвагу героевъ новаго, молодаго поколѣнія, съ которымъ выступаютъ Славяне на историческое поприще. Слѣдуя тѣмъ же эпическимъ воззрѣніямъ, до позднѣйшаго времени такъ-называе-

---

[1]) Рыбник., I, 179.

[2]) Сверхъ того слово *юнакъ* или *унакъ* у Болгаръ употребляется въ смыслѣ жениха.

[3]) Pictet, Les origines Indo-européennes. 1859 г. I, 58—67.

мые *отроки* и *дѣти боярскіе* составляли лучшую часть воинскихъ дружинъ. Опытная старость судитъ и рядитъ на судѣ и на вѣчѣ, молодежь отличается воинскими подвигами: «молодой на битву, а старый на думу», какъ выражается народъ: «молодость плечами покрѣпче, старость головою». Потому-то поэтическое повѣствованіе о воинскихъ подвигахъ и слыветъ у Славянъ подъ именемъ пѣсенъ *юнацкихъ*, то-есть *юношескихъ*.

Итакъ, былина повѣствуетъ о молодыхъ силахъ родной земли, впервые развернувшихся на просторѣ. Хотя и называется она у насъ *стариною*, а у Скандинавовъ даже *старухою, прабабушкою* (Эдда); однако содержаніе этой старины свѣжее, молодое. Полный расцвѣтъ свѣжихъ силъ, та *серединная* пора, которою отдѣляется недозрѣлый юноша отъ человѣка стараго, вотъ та счастливая, идеальная область, въ которой народная фантазія помѣщаетъ своихъ богатырей. Только поэзія можетъ уловить эту счастливую середину; въ жизни она проходитъ не замѣтно: «Молодо жидко, говоритъ народъ: старо — круто, а *середовая пора* однимъ днемъ стоитъ». Точно будто этотъ-то блаженный, середовой день русская былина и оглашаетъ веселымъ шумомъ и разгульемъ пировъ князя Владиміра, когда всѣ добрые молодцы только что *на возрастѣ*. Будто жалѣя разстаться съ этимъ днемъ, она не хочетъ видѣть его сумерекъ, и будто намѣренно медлитъ на полуднѣ:

А и будетъ день въ половину дня,
И будетъ столъ во полустолѣ.

Такъ поетъ она, начиная разсказъ о какомъ-нибудь богатырскомъ подвигѣ.

Согласно юнацкому содержанію богатырской былины, и народная пословица съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ, умѣетъ остановиться на срединѣ между уваженіемъ къ старческой опытности и нѣжною любовью къ молодымъ годамъ, которыя она называетъ *золотою порой*. «Тужи по молодости, что по большой волости», говоритъ она; потому что «старость — не радость, не

красные дни», «старость съ добромъ не приходитъ», «старость — неволя». Молодость — это пора дѣятельности, руководимой опытомъ старины: «молодой работаетъ, старый — умъ даетъ». Потому: «Чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе, а чѣмъ моложе, тѣмъ дороже». Даже самыя заблужденія молодости народъ снисходительно извиняетъ, какъ дѣло преходящее: «Молодость не грѣхъ» говоритъ онъ: молодой умъ, что молодая брага», то-есть, въ тревожномъ броженіи: но это не бѣда, потому что «молодое пиво уходится» «молодой квасъ — и тотъ играетъ» «молодъ перебѣсится, старъ не перемѣнится». Отдавая предпочтеніе молодости передъ старостью въ свѣжести силъ и бодрой дѣятельности, народъ остается при томъ убѣжденіи, что и въ старости можно сохранить душевную свѣжесть: «Самъ старъ, да душа молода», говоритъ онъ пословицею о такихъ счастливыхъ личностяхъ, образецъ которыхъ русская былина начертала въ величавомъ типѣ муромскаго богатыря: «дѣтинка съ сѣдинкой вездѣ пригодится».

Историческое движеніе въ раскрытіи народнаго эпоса обнаружилось замѣною одряхлѣвшей старины новымъ поколѣніемъ, свѣжесть котораго наивная фантазія символически характеризуетъ нестарѣющею юностью созданныхъ ею типовъ. Эту идею съ замѣчательнымъ художественнымъ тактомъ выразила греческая скульптура въ юношескихъ идеалахъ олимпійскихъ божествъ, которыя постоянно черпаютъ свѣжія силы въ напиткѣ безсмертія и молодости. Русская былина остается при томъ же наивномъ убѣжденіи, что ея богатыри никогда не состарятся: «Молодецъ на конѣ сидитъ — самъ не старѣетъ», говоритъ она о своихъ любимцахъ [1]).

Только народы закоснѣвшіе безъ историческаго движенія останавливаются въ своемъ эпосѣ на миѳическихъ страшилахъ и титанахъ, какъ Финны въ своей *Ка́левалѣ*. Племена нѣмецкія и славянскія уже въ раннихъ проявленіяхъ эпическаго народнаго творчества успѣли ступить твердою ногою на историческое поле.

---

[1]) Рыбник., I, 297.

Даже космогоническій эпосъ скандинавскій строитъ весь міръ уже изъ титаническихъ развалинъ страшнаго великана Имира, и среди вселенной водружаетъ великое *древо историческаго развитія* (Иггдразиль), орошаемое источникомъ прошедшаго, и въ своемъ колоссальномъ ростѣ достигающее до Валгалы, предоставленной въ жилище душамъ совершеннѣйшихъ изъ смертныхъ. Уже пѣсня Древней Эдды, подъ названіемъ *Rigsmal*, даетъ предпочтеніе новому историческому поколѣнію передъ миѳическою стариною, остановившеюся въ своемъ одностороннемъ тяготѣніи назадъ. Только отъ младшихъ членовъ рода-племени производитъ она трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и свободныхъ воиновъ, тогда какъ отъ *прадѣдовъ* и *прабабокъ* рождались только жалкія существа, ставшія *рабами* тѣхъ, которые народились уже отъ *дѣдовъ* и *отцовъ*. Такъ и у насъ чудовищный Соловей Разбойникъ попалъ въ плѣнъ къ Ильѣ Муромцу и сталъ его *слугою*, то-есть, рабомъ. Наши богатыри временъ князя Владиміра, какъ замѣчено выше, истребляютъ все ужасное и зловредное для человѣческаго общества, очищая лицо Русской земли отъ страшилищъ миѳической старины

Древнія чудовища, какъ тотъ великанъ, котораго Илья Муромецъ видѣлъ лежащимъ на горѣ, обладали непомѣрною, разрушительною силою; потому сама земля не могла ихъ сдержать, и рано ли, поздно ли, должны были они погибнуть. Соловей Разбойникъ, будучи въ плѣну, проситъ князя Владиміра и Илью, чтобъ они пустили его на волю:

Я повыстрою вкругъ города Кіева
Села съ приселечками,
Улки съ переулками,
Города съ пригородками.

«Не строитель онъ вѣковой, а разоритель», говоритъ о Соловьѣ муромскій герой, какъ бы въ томъ убѣжденіи, что отъ этого титаническаго поколѣнія нельзя ожидать ничего зиждительнаго [1]).

---

[1]) Рыбник., II, 344.

Въ противоположность кровожаднымъ инстинктамъ грубыхъ временъ, богатыри младшіе не охотно проливаютъ кровь въ бою со врагами. Богатырскіе подвиги, неразлучные съ разнаго рода жестокостями, оставляютъ по себѣ въ душѣ ихъ что-то горькое, тоскливое. Какою напримѣръ нѣжною меланхоліею, какимъ глубокимъ человѣколюбіемъ дышитъ слѣдующая жалоба Добрыни Никитича на суровое назначеніе, доставшееся на долю эпическому богатырю!

Ахъ ты ей, государыня родна матушка!
Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
Спородила бы, государыня родна матушка,
Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
Спустила бы меня во сине море:
Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
Не пролилъ бы крови я напрасныя,
Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей,
Не вдовилъ Добрыня молодыихъ женъ,
Не пускалъ сиротать малыихъ дѣтушекъ [1]).

Хотя въ былинахъ эта трогательная, человѣколюбивая жалоба на суровую судьбу богатыря обыкновенно влагается въ уста Добрыни, но она столько же относится ко всѣмъ его современникамъ. Это благородный голосъ любви къ ближнему, который невольно слышится среди воинскаго шума и гама; это слѣдъ новой, лучшей эпохи, смягченной историческимъ развитіемъ быта и нравовъ. Даже въ пылу отчаянной битвы богатырь вспоминаетъ о жестокихъ слѣдствіяхъ убійства: ему представляются вдовы и сироты убиваемыхъ имъ враговъ. Когда Добрыня задумалъ высвободиться изъ оковъ, въ которыя заковали его невѣрные супостаты, какая-то «сила невѣрная и поганая», и всѣхъ ихъ рѣшился перебить, — тогда говоритъ имъ:

---

[1]) Кирѣевск., II, 30—31. Рыбник., II, 21.

Дайте мнѣ немного пообуматься:
Есть ли у васъ отцы-матери,
Молоды жены, малы дѣтушки?
Есть ли кому по васъ плакати?

Потомъ сорвавъ съ себя тяжелые кандалы, началъ ими помахивать во всѣ стороны и побилъ ими всю поганую силу [1]).

Не такъ горюютъ старшіе богатыри, титаны прежней эпохи, отжившіе уже свой вѣкъ. Они заботятся только о себѣ и оплакиваютъ свое сокрушенное могущество. Вотъ какъ жалуется Шаркъ-Великанъ на истребленіе титаническихъ силъ, падшихъ въ борьбѣ съ поколѣніемъ новымъ:

Ой мать сыра земля, разступися,
Небеса вы синія, раздайтеся,
Облака-тучи во-едину не скопляйтеся!
Тошнехонько богатырской силѣ приходится,
Круто ему люто горе приключается:
Горемычно стало Шарку-великану свою жизнь коротати,
Свою буйну голову по сырой землѣ таскати.
А вотъ первое-то горе — палъ его могучій конь;
А второе-то горе — изломался его тяжелый мечъ,
А третье-то горе — обуяла имъ страсть побѣдная,
Приглянулась ему Марья, Лебедь Бѣлая [2]).

Даже къ своимъ заклятымъ врагамъ, къ порожденью древнихъ чудовищъ, имѣютъ состраданіе богатыри временъ Владиміра, и особенно ихъ представитель, великій муромскій герой. Его свѣтлый типъ по преимуществу служитъ намъ мѣриломъ тѣхъ нравственныхъ успѣховъ, которые оказались возможными на исторической почвѣ русской жизни. Если не всѣ окружающіе его такъ же поступаютъ какъ онъ, за то всѣ ему сочувствуютъ, или по крайней мѣрѣ подчиняются его благотворному вліянію.

Дѣти Соловья-Разбойника, по приказанію Ильи, привезли на телѣгахъ въ Кіевъ богатый выкупъ за своего отца, но уже было

---

1) Рыбник., II, 35.
2) Ibid. II, 128.

поздно: Соловья ужь не застали въ живыхъ. Солнышко Владиміръ князь обзарился было на имѣнье-богатство; но муромскій крестьянинъ пристыдилъ его своимъ великодушнымъ безкорыстіемъ:

Ай же, Солнышко Владиміръ князь!
Не тобой они приказаны
И не тобой назадъ отпустятся!
Ай же, малы вьюныши [1]) Соловьиныи!
Катите все имѣнье-богачество,
Всю несчетну золоту казну:
Оставлена вамъ отъ батюшки:
Будетъ пропитатися до смерти!
Не надо вамъ по міру ходить да скитатися!

Ни за кого столько не стоитъ Илья Муромецъ, какъ за бѣдствующее человѣчество, которое былина подразумѣваетъ подъ именемъ вдовъ и сиротъ. Однажды, прося Илью заступиться за городъ Кіевъ

Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:
«Ужь ты здравствуй, старъ казакъ, Илья Муромецъ!
Постарайся за вѣру христіанскую,
Не для меня, князя Владиміра,
Не для ради княгини Апраксіи,
Не для церквей и монастырей,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей» [2]).

Согласно былинѣ, пословица говоритъ: «не строй церкви, пристрой сироту».

Былина до очевидности развиваетъ ту мысль, что мелкій разсчетъ и корысть не совмѣстны съ богатырскимъ могуществомъ, неистощимымъ въ средствахъ, которыми можетъ располагать. Однажды разбойники, покоряясь великой силѣ муромскаго героя, предлагаютъ ему свое золото, цвѣтное платье и коней. Отвѣтъ

[1]) Юноши.
[2]) Рыбник., II, 345. Кирѣевск., IV, 42.

Ильи Муромца на ихъ предложеніе, въ своей гомерической простотѣ, поражаетъ болѣе нежели царственнымъ величіемъ:

Кабы мнѣ брать вашу золоту казну,
За мной бы рыли ямы глубокія;
Кабы мнѣ брать ваше цвѣтно платье,
За мной бы были горы высокія;
Кабы мнѣ брать вашихъ добрыхъ коней,
За мной бы гоняли табуны великіе.

Разбойники давали ему на себя рукописанье въ холопство вѣковѣчное. Но богатырю кромѣ славы ничего не нужно. «Поѣзжайте, братцы разбойники, отъ меня въ чисто поле», говоритъ онъ имъ:

Скажите вы Чурилѣ сыну Пленковичу
Про стараго казака Илью Муромца.

Въ другой разъ, разбивъ войско трехъ царевичей, осаждавшихъ Черниговъ, нашъ герой, въ простотѣ сердца, милостиво и величаво говоритъ имъ:

Охъ, вы гой есте мои три царевича!
Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
Аль съ васъ буйны головы снять?
Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять —
У меня дороги заѣзжія и хлѣбы завозные;
А какъ головы снять—царски сѣмины погубить.
Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
Вы чините вездѣ такову славу,
Что святая Русь не пуста стоитъ,
На святой Руси есть сильны, могучи богатыри [1]).

Богатырь не знаетъ никакого званія выше своего; онъ не промѣняетъ его ни на какія почести. Однажды Илья Муромецъ освободилъ городъ Смолягинъ отъ Татаръ; мужики смолягинскіе

---

[1]) Кирѣевск., I, 18, 24, 35, 36.

предлагаютъ ему быть у нихъ воеводою. Богатырь съ презрѣніемъ имъ отвѣчаетъ:

Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,
Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
А также изъ богатыря воеводу! [1]).

Главная служба богатырей состоитъ въ охраненіи Кіева отъ враговъ:

А много въ Кіевѣ богатырей,
Какъ сѣрыхъ волковъ по закустичкамъ.
Передъ Кіевомъ три заставы крѣпкія:
Первая застава — сѣры волки,
Другая застава — змѣи лютыя,
Третья застава — стоитъ двѣнадцать богатырей [2]).

Князь Владиміръ, какъ могущественный государь, держитъ въ подданствѣ и Золотую Орду, и Цареградъ, и разныя земли заморскія. Дань съ покоренныхъ народовъ поручаетъ собирать богатырямъ.

Сверхъ воинскихъ подвиговъ и охоты, богатыри несли службу придворную въ разныхъ званіяхъ; впрочемъ не всѣ. Особенно не любилъ служить при дворѣ Илья Муромецъ. Эта легкая служба была ему не по плечу. Кажется, больше другихъ отличался при дворѣ Добрыня:

По три году Добрынюшка стольничалъ,
По три году Добрынюшка чашничалъ,
По три году Добрыня у воротъ стоялъ.

Сверхъ того, онъ *пословничалъ*, то-есть, служилъ въ княжихъ послахъ [3]).

Чурила Пленковичъ служилъ у князя въ постельникахъ и позовщикахъ, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

---

[1]) Рыбник., II, 328.
[2]) Рыбник., II, 135.
[3]) Ibid. II, 10.

Болѣе достойное назначеніе получаютъ богатыри въ княженецкой думѣ. Князь Владиміръ вообще очень мало заботится о народѣ. Судъ и управленіе остаются въ богатырскомъ эпосѣ на заднемъ планѣ. Если князь судитъ и рядитъ и собираетъ думу, то больше ради своихъ личныхъ, домашнихъ интересовъ. На такую-то думу приглашаются и богатыри. Такъ, безъ сомнѣнія, они, подъ именемъ князей и думныхъ бояръ, были собраны на крѣпкую думу о томъ, выдавать ли замужъ княжескую племянницу Запаву или Любаву Путятичну за нѣкотораго посла [1]).

Впрочемъ и княженецкіе нескончаемые пиры съ похвальбою молодецкою, и придворная служба съ охотою и разными потѣхами, и семейная жизнь, и мирныя занятія домашняго быта, все это только преходящая, минутная обстановка богатырскаго житья-бытья. Война, кровавые подвиги, отдаленныя странствія, сопряженныя съ тысячами опасностей, вотъ элементъ, въ которомъ богатырь чувствуетъ себя на просторѣ. Веселые пиры и свадьбы, время отъ времени, смягчаютъ привѣтливымъ свѣтомъ эту мрачную картину, въ которой одна жестокость смѣняется другою: и только чувство человѣколюбія, иногда пробуждающееся въ душѣ богатыря, служитъ надежною порукою, что не крайнее варварство воспѣвается въ богатырскомъ эпосѣ, а раннее броженіе зиждительныхъ силъ, впервые опознавшихся на историческомъ поприщѣ. Правда, нашъ эпосъ далеко уступаетъ скандинавскому въ мрачныхъ краскахъ кровожадной эпохи, онъ не доводитъ жестокости до остервенѣнія; однако имѣетъ тѣ же элементы, вызванные тѣми же явленіями жизни, такъ что грозныя картины безчеловѣчныхъ битвъ въ *Словѣ о полку Игоревѣ* находятъ себѣ соотвѣтствіе въ устныхъ былинахъ, которыя и доселѣ не перестаютъ внушать русскому народу богатырскую отвагу къ воинскимъ подвигамъ, не разлучнымъ съ жестокостью эпической старины.

Русскій богатырь, поваливъ врага наземь, не вдругъ убиваетъ его, а тѣшится и издѣвается надъ нимъ, спарываетъ кин-

---

[1]) Рыбник., II, 97.

жаломъ его бѣлыя груди, иногда вынимаетъ печень съ сердцемъ, потомъ ужь отрубитъ по плеча буйную голову и воткнетъ ее, какъ воинскій трофей, на копье. Самъ Илья Муромецъ, отличающійся отъ прочихъ богатырей милосердіемъ, способенъ на страшныя жестокости, отъ которыхъ сердце сжимается. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ поступаетъ съ своимъ роднымъ сыномъ, Сокольникомъ:

Ударилъ Сокольника въ бѣлы груди
И вышибъ выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго;
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой, какъ пивной котелъ;
Выскочетъ Илья изъ бѣла шатра,
Хватилъ за ногу, на другу наступилъ,
На полы Сокольничка разорвалъ.
Половину бросилъ въ Сахатарь рѣку,
А другую оставилъ на своей сторонѣ:
«Вотъ тебѣ половинка, мнѣ другая:
Раздѣлилъ я Сокольничка, охотничка!»

По другому варіанту, еще жесточе казнитъ онъ свою дочь. Тоже разорвалъ ее надвое. Одну половину рубилъ на мелкіе куски, бросалъ по раздольицу по чисту полю, кормилъ этою половиною сѣрыхъ волковъ; и другую половину рубилъ на мелкіе куски, бросалъ по раздольицу чисту полю, кормилъ черныхъ вороновъ.

Такія вовсе не нужныя жестокости, объясняемыя варварствомъ, которое тѣшится кровожадною удалью, вполнѣ соотвѣтствуютъ мрачнымъ воззрѣніямъ пѣсенъ древней *Эдды*, которая вмѣсто *воевать*, *сражаться* иногда употребляетъ эпическую форму: *кормить трупами лютыхъ звѣрей и хищныхъ птицъ* [1]).

Впрочемъ это явленіе въ исторіи поэзіи самое естественное. Фантазія набирала для богатырскаго эпоса очерки и краски на поляхъ битвы, она тѣшилась молодецкими подвигами, какъ бы кровавы ни казались они теперь мирному гражданину; она под-

[1]) Кирѣевск., I, 51. Рыбник., I, 80. 74—75.

мѣчала мельчайшія, быстрыя движенія въ кровавыхъ схваткахъ; съ этими грубыми образами она соединяла для себя наслажденіе свободнаго творчества, и въ плавномъ широкомъ стихѣ потѣшала другихъ тѣмъ, въ чемъ находила для себя утѣху.

Безчеловѣчное убійство съ кровавыми подробностями — это желанный конецъ, къ которому фантазія ведетъ цѣлый рядъ моментовъ въ тщательномъ, мелочномъ описаніи битвы. Не двѣ грозныя тучи, не двѣ горы сдвигаются вмѣстѣ: съѣзжаются два богатыря въ чистомъ полѣ. Первымъ боемъ ударились палицами желѣзными, тѣмъ боемъ другъ друга не ранили: палицы въ щепы поломалися. Кололись копьями мурзавецкими, — копья въ цѣвки поломалися. Хватались они за тяги желѣзныя, тянулись черезъ гривы лошадиныя, — другъ друга не перетянули. Потомъ сходили съ коней, хватились плотнымъ боемъ, рукопашкою, водились они не мало времени и т. д. Такъ сражался Илья съ своимъ сыномъ. А вотъ Шаркъ великанъ нападаетъ на Дюка Степановича, вытягиваетъ свой булатный мечъ, со свистомъ размахиваетъ, ударилъ о мечъ сорокапудовой Дюка Степановича; разъ ударились — искры валятъ, въ другой разъ — стонъ пошелъ: оба меча въ черенья разсыпались, изъ виду улетывали. Осерчалъ Шаркъ богатырь, руками могучими понатужился, въ бѣлую грудь Дюку уперся, инда косточки хряснули, — тяжело вздохнулъ Дюкъ Степановичъ. Тутъ руками они сплеталися, колѣнями другъ въ друга упиралися; горячая кровь ручьемъ течетъ изъ глубокихъ ранъ; силушки ихъ надрываются. Или: не двѣ горы вмѣстѣ скатаются, то Тугаринъ съ Алешей съѣзжалися, палицами ударились — палицы по цѣвьямъ поломалися, копьями соткнулися — копья по цѣвьямъ извернулися, саблями махнулися — сабли исщербилися. Алеша Поповичъ валился съ сѣдла, какъ овсяный снопъ: Тугаринъ Змѣевичъ учалъ бить Алешу Поповича, а тотъ ли Алеша увертливъ былъ, увернулся Алеша подъ конное черево, съ другой стороны вывернулся изъ-подъ черева и ударилъ Тугарина булатнымъ ножомъ подъ правую пазуху, спихнулъ Тугарина съ добра коня, и учалъ кричать Тугарину: «Спасибо тебѣ,

Тугаринъ Змѣевичъ, за булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я твои очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца!» Отрубилъ ему Алеша буйну голову, и повезъ онъ буйну голову ко князю Владиміру; ѣдетъ да головушкой поигрываетъ, высоко головушку выметываетъ, на востро копье головушку подхватываетъ.

Надобно было свыкнуться, сжиться съ этими ужасами, надобно было войдти во вкусъ этихъ кровавыхъ сценъ, чтобы съ такою игривостью на нихъ медлить. Фантазія вполнѣ сочувствуетъ суровому быту и заявляетъ свое сочувствіе легкимъ, артистическимъ воспроизведеніемъ его. Вотъ напримѣръ, какъ Бермята убиваетъ Чурилу Пленковича, заставъ его съ своею женою:

Не свѣтъ зорюшка просвѣтилась:
Востра сабля промахнулася;
Не скатная жемчужинка катается,
А Чурилова головка катается
По той-то середы кирпичныя;
Не бѣлый горохъ разсыпается,
Чурилина-то кровь разливается.

О смертельной ранѣ, чудовищно обезображивающей человѣка, богатырь говоритъ слегка, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ, и внимательно медлитъ на подробномъ ея описаніи. Богатыри хотятъ, чтобъ Соловей разбойникъ показалъ себя свистомъ, визгомъ и крикомъ. «Дайте ему сначала освѣжиться зеленымъ виномъ, говоритъ муромскій богатырь: а то

Теперь у него уста запечатаны,
Запеклись уста кровью горючею:
Стрѣленъ у меня во правый глазъ,
Вышла стрѣла во лѣво ухо [1]).

Самые ранніе походы на Руси совершались на ладьяхъ по рѣкамъ. Пришлые Варяги были отличные корабельщики. Пла-

[1]) Кирѣевск., IV, 15. Рыбник., I, 314—5. Аѳанасьева, Сказки, 6, 288—9. Рыбник., II, 125, 1, 53.

вая по рѣкамъ, они вытаскивали лодки изъ воды и переволакивали на себѣ, гдѣ было нужно. По лѣтописной сказкѣ, даже подъ Цареградъ они подкатились на судахъ, подъ которыя поставили колеса. Въ новгородскихъ былинахъ, уже соотвѣтственно позднѣйшему историческому быту, гости корабельщики предпринимаютъ по водѣ отдаленныя странствія: они торгуютъ или ѣдутъ въ Іерусалимъ поклониться гробу Господню. Но въ былинахъ, доселѣ изданныхъ, мало слѣдовъ древнѣйшаго варяжскаго обычая совершать воинскіе походы по рѣкамъ и морямъ. Можетъ-быть, былина о Соловьѣ Будиміровичѣ сохранила нѣкоторые отголоски этой ранней поры. Хотя онъ называется *гостемъ*, то-есть, торговымъ человѣкомъ, но, какъ норманскій пиратъ, имѣлъ онъ подъ рукою цѣлую дружину. Соловей Будиміровичъ на своихъ корабляхъ съ моря синяго подплываетъ къ Кіеву и подноситъ богатые заморскіе дары князю Владиміру и его княгинѣ. Подробное эпическое описаніе корабля Соловья Будиміровича отзывается тою далекою эпохою, когда творческая фантазія находила себѣ пищу въ быту воинственныхъ корабельщиковъ. Былина съ особенною любовью останавливается на описаніи корабля, изображая его какимъ-то чудовищемъ. Вмѣсто очей было у него вставлено по дорогому камню, по яхонту, вмѣсто бровей было прибито по черному соболю, вмѣсто усовъ было воткнуто два острыхъ ножа булатныхъ, вмѣсто ушей было воткнуто два острыхъ копья, и на нихъ два горностая повѣшены; вмѣсто гривы было прибито двѣ лисицы бурнастыя, вмѣсто хвоста повѣшено два медвѣдя бѣлыхъ, заморскихъ. Носъ и корма по туриному, а бока взведены по звѣриному [1].

Можетъ быть, со временемъ найдутся былины и сказанія, которыя дадутъ новый матеріялъ для характеристики этого древняго быта корабельщиковъ; но, сколько можно судить по изданному теперь, надобно, кажется, признать за историческій фактъ, что въ обиходѣ богатырскаго эпоса цикла Владимірова корабль

[1] Кирши Данил. У Кирѣевск., IV, 100.

уже потерялъ всякое значеніе. Изъ этого можно заключить, что или вообще не значительно было вліяніе мореходныхъ, заморскихъ Варяговъ на русскій богатырскій эпосъ, или это вліяніе изгладилось въ теченіе вѣковъ, не находя себѣ поддержки въ условіяхъ земледѣльческаго быта племенъ, разселившихся по необозримымъ равнинамъ.

Какъ бы то ни было, только вовсе не корабль, а **конь** играетъ главную роль въ жизни русскаго богатыря. И доселѣ о новорожденномъ сынѣ говорится въ народѣ поговоркою: «Дай Богъ вспоить, вскормить, *на коня посадить*». Кони младшихъ богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Дюка Степановича и Чурилы Пленковича, были дѣти знаменитой кобылы Микулы Селяниновича, *Обнеси голова* или *Подыми голова*. Конь Дюка говоритъ своему хозяину:

Не уступлю я братьямъ большіимъ,
А не столько что братцу меньшему:
Мой большій братъ у Ильи у Муромца,
А середній братъ у Добрыни Никитича,
А я третій братъ у Дюка Степановича,
А четвертый ужь братъ у Чурилы Опленкова.

Онъ хвалится своими лошадиными крыльями, которыя позднѣйшая былина называетъ *подложными*. Эти крылья, вѣроятно, такъ же какъ у коня сербскаго Момчилы, были невидимы, и показывались только въ извѣстное время. Надобно полагать, что и другія дѣти кобылки *Обнеси голова* были тоже крылатыя. Бурый конь Дюка много лѣтъ стоялъ въ конюшнѣ безъ употребленія, такъ что по колѣна въ землю заросъ. Жеребенокъ отъ кобылы *Обнеси голова*, вѣроятно, попалъ къ корачаровскому дьячку, иначе просто къ сосѣду, у котораго купилъ его Илья Муромецъ. Жеребенокъ былъ шелудивый. Илья вываялъ его въ росѣ на тридевяти утреникахъ, и вывалялся жеребенокъ богатырскимъ конемъ: ѣстъ онъ одну бѣлоярову пшеницу, пьетъ одну росу утреннюю. Чтобы не страшно было сидѣть на конѣ, когда онъ скачетъ съ горы на гору, рѣки и озера перескакиваетъ, широкія

раздолья межь ногъ пущаетъ, богатырь беретъ земли сыро-матерой и подвязываетъ подъ плечи.

Кромѣ этихъ коней, славились и другіе. Одного полонилъ Илья Муромецъ у Тугарина Змѣевича. У Ивана Гостинаго Сына тоже знаменитый былъ конь, бурушка-каурушка.

Трехъ годковъ жеребушечка:
Маленькій, косматенькій,
Глазочки какъ яблочки,
Копытечки по рѣшетечку,
Гривушка семи саженьковъ,
Хвостикъ семидесятъ.

Этотъ конь былъ необычайный. Когда Иванъ, надѣвъ дорогую шубу, вывелъ его на дворъ у князя Владиміра —

Сталъ его бурко передомъ ходить,
И копытами онъ за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Онъ на всѣ стороны побрасывати!..
Зрявкаетъ бурко по туриному,
Онъ шипъ пустилъ по змѣиному,
Триста жеребцовъ испугалися,
Съ княженецкаго двора разбѣжалися.

Богатырь бесѣдуетъ съ своимъ конемъ, какъ съ товарищемъ, и конь отвѣчаетъ ему человѣческимъ голосомъ; онъ даже имѣетъ вѣщую силу, чуетъ бѣду и предупреждаетъ своего хозяина. Но главное достоинство коня — необычайная быстрота. Какъ въ *Словѣ о полку Игоревѣ* князь Всеславъ полоцкій прославляется своею быстрою ѣздой; такъ и богатыри между заутреней и обѣдней проѣзжаютъ огромныя пространства. «Стоялъ я заутреню въ Муромѣ, говоритъ Илья, а къ обѣднѣ поспѣлъ въ стольный Кіевъ градъ».

Ѣдучи по чисту полю, богатырь всегда подмѣчаетъ лошадиные слѣды, или для того, чтобы не попасться въ расплохъ, или чтобы наслѣдить врага:

Поѣхалъ онъ по раздолью чисту полю,
Наѣхалъ слѣдъ лошадиный:
Впереди его проѣхано у богатыря,
У лошади копытами выверчивана
Мать сыра земля будто сильными рѣшотами.
Онъ поѣхалъ по этому по слѣду лошадиному.

Богатырь внимательно разсматриваетъ *ископыть*, то-есть, комъ, вылетѣвшій на слѣду изъ-подъ копыта проѣхавшаго коня, и отсюда выводитъ заключенье о сѣдокѣ. Часто случается богатырю проѣзжать топкими непроходимыми мѣстами; тогда онъ

Лѣвой рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ,
Дубья рветъ все кряковисты,
Мосты моститъ калиновы.

Вообще съ памятью о богатыряхъ соединяется въ народѣ мысль о самомъ раннемъ проложенiи путей сообщенія по непроходимымъ дебрямъ и лѣсамъ, раздѣлявшимъ поселенія древней Руси. Илья Муромецъ хвалится на пиру у князя Владиміра, что онъ промостилъ цѣлыхъ тысячу верстъ калиновые мосты по зыбучимъ болотамъ, на пути къ Кіеву, и очистилъ дорогу прямоѣзжую отъ Соловья-Разбойника. Дюкъ Степановичъ долженъ былъ на пути въ Кіевъ проѣзжать черезъ страшныя заставы, то-есть, не преоборимыя препятствія, борясь, какъ Егорій Храбрый, то съ птицами клевучими, то со стадами лютыхъ змѣй. Илья Муромецъ проѣзжая срубалъ лѣса и строгалъ стружки, а на стружкахъ клалъ кресты съ надписью:

Ѣдетъ старой казакъ да Илья Муромецъ,
Ко славному ко стольному городу ко Кіеву,
Во первую поѣздку богатырскую.

Когда богатыри пріѣзжали къ князю Владиміру, становили своихъ добрыхъ коней

Ко столбику ко точеному, ко колечку золоченому,
Куда ставятъ коней сильные могучіе богатыри.

Бросить коней середи двора, «не привязанныхъ да не приказанныхъ», значитъ нанести хозяину великую обиду.

Кони богатырскіе чуютъ свое родство, и радостно встрѣчаютъ другъ друга. Нравственная связь богатырей, выражаемая обрядомъ побратимства, скрѣпляется дружбою и родствомъ ихъ коней. Дюкъ Степановичъ увидѣлъ въ полѣ шатеръ, и не зная, что за богатырь въ немъ отдыхаетъ, другъ или недругъ, предоставляетъ рекогносцировку своему коню, самъ съ собою такъ разсуждая:

А поставлю я своего добра коня
Ко одной ко полости ко бѣлыя,
Ко одной пшеницѣ бѣлояровой:
Если кони смирно станутъ ѣсть пшеницу бѣлоярову,
Пойду въ шатеръ — не тронетъ богатырь;
А если кони драться станутъ,
Поѣду на уѣздъ, могу ль уѣхати!

Кони стали смирно ѣсть пшеницу изъ одной полости, и Дюкъ вошелъ въ богатырскій шатеръ. Тамъ въ углу спитъ богатырь —

Спитъ-то, хрАпитъ, какъ порогъ [1]) шумитъ;
Поглядѣлъ ему на надпись богатырскую:
Ажно спитъ старый казакъ Илья Муромецъ [2]).

Замѣчу мимоходомъ, что въ этомъ мѣстѣ наивная былина заимствовала у старинной иконописи византійскій обычай — подписывать имена по сторонамъ изображаемаго лица.

Какъ кони богатырскіе ведутъ свое происхожденіе отъ древнихъ, титаническихъ временъ, такъ и оружіе. Мы уже видѣли, что Илья наслѣдовалъ мечъ-кладенецъ отъ великана Святогора; а до того времени долго выбиралъ онъ себѣ мечъ, но что ни возьметъ въ руку мечъ, сожметъ въ кулакѣ — рукоять въ дребезги,

---

[1]) Порогъ рѣки. Воспоминаніе о порогахъ Днѣпровскихъ?

[2]) См. замѣтку у Рыбник., I, 22. Рыбник., I, 292, 297. См. замѣтку Даля у Кирѣевск., I, 32. Рыбник., II, 5. Кирѣевск., III, 4 и слѣд. Рыбник., I, 59, 274. Кирѣевск., I, 46—7. Рыбник., II, 330, 341, 325, 167, 47. Рыбник., I, 275.

и такъ много кинулъ поломаныхъ мечей бабамъ лучину щепать. На родинѣ Ильи Муромца прославился знаменитый *Агриковъ мечъ*, которымъ князь Петръ убилъ змія оборотня, прилетавшаго къ супругѣ его брата. Мечъ этотъ заложенъ былъ въ кирпичной стѣнѣ въ церкви[1]). Какъ въ муромской легендѣ соединяются преданія Мурома и Рязани, потому что вѣщая супруга князя Петра, Февронія была родомъ изъ рязанскихъ предѣловъ, дочь мужика древолазца-бортника; такъ и Агриковъ, или Агрикановъ мечъ, по сказкѣ у Чулкова, достался рязанскому богатырю Добрынѣ Никитичу, который убилъ имъ Тугарина Змѣевича, соотвѣтствующаго муромскому змію оборотню, любовнику княгинину. Между былинами въ сборникѣ г. Рыбникова одна упоминаетъ о двухъ богатыряхъ, братьяхъ *Агрикановыхъ*. Чулковъ называетъ и самого *Агрикана*, который оставилъ по себѣ въ горѣ кладовую, куда онъ собралъ оружіе славныхъ богатырей. Ключъ отъ этой кладовой Добрыня нашелъ подъ огромною головой, принадлежавшею великану, который отомстилъ за смерть Агрикана. Добрыня влѣзъ въ кладовую, выбралъ себѣ оружіе, и также нашелъ себѣ тамъ знаменитаго слугу Торопа.

Заслуживаетъ вниманія, что богатыри, употребляя обоюдуострый мечъ, оружіе западное, еще не знаютъ сабли, которую лѣтопись предоставляетъ восточнымъ кочевникамъ.

Богатырскій эпосъ изображаетъ эпоху, далеко отстоящую отъ введенія огнестрѣльнаго оружія. Съ особенною тщательностью русская былина описываетъ стрѣлы и стрѣльбу изъ лука: какъ богатырь вынимаетъ —

Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,

---

[1]) См. въ 1-мъ т. моихъ Историч. Очерковъ.

Калену стрѣлу семи четвертей;
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука.

У Ильи Муромца были три знаменитыя стрѣлы, которыя онъ самъ выковалъ изъ трехъ булатныхъ полосъ, закаливъ ихъ въ матери сырой землѣ. Но особенно прославляются въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ три стрѣлы Дюка Степановича. Тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ, «цѣны не было и не свѣдомо». Колоты онѣ были изъ трость-дерева, строганы въ Новѣгородѣ, клеены клеемъ осетра рыбы, оперены перьемъ сизаго орла. Леталъ орелъ надъ синимъ моремъ, ронялъ перья въ сине море; плыли гости корабельщики, собирали тѣ перья на синемъ морѣ, вывозили ихъ на святую Русь, продавали краснымъ дѣвицамъ. Покупала перья Дюкова матушка, перо во сто рублей, въ тысячу. Въ ушахъ у тѣхъ стрѣлокъ вставлено было по камню самоцвѣтному, по тирону, а около ушей перевито аравитскимъ золотомъ. Днемъ Дюкъ охотится, стрѣляетъ, а ночью тѣ стрѣлки собираетъ; потому что днемъ стрѣлокъ не видать —

А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горятъ,
Свѣчи теплятся воску яраго.

Стрѣлы было самое употребительное оружіе, равно полезное и на войнѣ, и на охотѣ. Потому до настоящаго времени въ народѣ сохранилось преданье, что лукъ со стрѣлою — признакъ добраго молодца. До сихъ поръ кое-гдѣ на Руси ведется обычай отъ дѣтскаго крику класть подъ головы мальчику *лучокъ со стрѣлкой*, а дѣвочкѣ прялицу. При этомъ причитаютъ: «Щекотиха, будиха, вотъ тебѣ лучокъ (или: пряслица): играй, а младенца не буди».

Стрѣльба въ цѣль служила богатырскою потѣхой. Нѣкоторые, даже женщины, какъ напримѣръ жены Дуная и Ставра, такъ ловко стрѣляли, что попадали въ ножовое вострее, и раскалывали объ него стрѣлу на двѣ ровныя части[1]).

1) См. замѣтку Даля у Кирѣевск., I, 32. Рыбник., II, 436 и замѣтку 26. Кирѣевск., IV, 53. III, 102. Рыбник., I, 184. Даля, Пословицы, 403.

Кромѣ мечей и стрѣлъ, богатыри въ бою употребляли копья, палицы, шелепуги, ножи, кинжалы или чингалища. На себя надѣвали крѣпкія доспѣхи — куякъ, панцырь, кольчугу. Щиты, кажется, не входили въ богатырскій обиходъ. Вооружаясь самъ съ головы до ногъ, богатырь старательно снаряжаетъ всякою сбруею и своего коня. Былина съ особенною любовью останавливается на описаніи этихъ сценъ, во всей подробности повѣствуя, какъ богатырь —

. . . Шелъ-то на широкій дворъ,
Съ широка двора шелъ на стойло конииое,
Бралъ онъ бурушка на широкій дворъ,
Сталъ сѣдлать-уздать добра коня,
Накидывать потнички на потнички,
Накладывать войлочки на войлочки,
На верехъ накладывалъ сѣделышко черкесское,
И затягивалъ двѣнадцать тугихъ подпругъ,
Натягивалъ онъ тринадцату,
Не для ради красы-басы,
А для ради укрѣпы богатырскія;
Подпруги-то были чиста серебра,
Шпеньки-то были красна золота,
Стремена-то булата заморскаго,
Шелку-то онѣ шемаханскаго:
Шелкъ-отъ не рвется и не трется,
А булатъ не ржавѣетъ,
Красно золото не мѣдѣетъ,
Чисто серебро не желѣзѣетъ [1]).

Конская скачка была такою же любимою потѣхою въ состязаньи богатырей, какъ и стрѣльба изъ лука. Собесѣдники на пиру князя Владиміра часто похваляются своими добрыми конями, и чтобы рѣшить споръ, пускаются въ состязанія. Въ этомъ отношеніи знамениты были кони Ивана Гостинаго Сына и Дюка Степановича.

---

[1]) Рыбник., I, 272.

Итакъ, богатыри младшіе уже не знаютъ древнихъ морскихъ разъѣздовъ варяжскихъ, ни плаванья по рѣкамъ. Они проводятъ жизнь въ чистомъ полѣ; они *поляницы*, они *полякуютъ*. Они промѣняли и крестьянскую соху на мечъ и лукъ со стрѣлами. Они не употребляютъ и топора, этого остатка древнихъ молотовъ. Имъ не нужна и мужицкая телѣга. Даже Илья Муромецъ, герой народный, воспитанный въ крестьянскомъ быту, уже промѣнялъ топоръ, соху и телѣгу на мечъ и коня.

Въ богатырскомъ эпосѣ русскій народъ прославляетъ воинскіе подвиги и доблести своихъ героевъ, забывая на время ежедневные труды мирнаго земледѣльца. На самой ранней порѣ, только что Русь вышла на историческое поприще, тревожная эпоха междоусобій, особенно въ главныхъ сосредоточіяхъ русской жизни, заглушала воинскимъ шумомъ и гамомъ мирные голоса земледѣльческаго населенія. «Сѣялись и росли тогда междоусобіями, говоритъ *Слово о полку Игоревѣ:* погибала тогда жизнь Дажьбожихъ внуковъ; въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сокращался: тогда по Русской землѣ рѣдко услышишь, чтобъ подавалъ свой голосъ земледѣлецъ; но часто вороны граяли, дѣля между собою трупы». Вотъ та грозная, воинская эпоха, исполненная бѣдствій и ужасовъ, отъ которой доносится до насъ суровый, воинственный строй нашего богатырскаго эпоса. Не идиллія земледѣльческаго быта, на многіе вѣка остановившагося въ своемъ развитіи, дала содержаніе нашему народному эпосу; не мирные поселяне съ ихъ однообразными, скромными привычками, искали для себя поэтическое отраженіе въ богатырскихъ идеалахъ; не въ тѣсныхъ стѣнахъ деревенской избы сосредоточила свои симпатіи творческая фантазія, населившая русскую старину богатырскими доблестями. Впервые пробудившійся духъ историческаго движенія, съ свѣжею энергіей, увлекаетъ въ своемъ потокѣ эти новыя историческія силы, такъ разнообразно направленныя въ ихъ тревожной дѣятельности, то въ отдаленныхъ поѣздкахъ богатырей, завоевывающихъ цѣлыя страны и собирающихъ съ нихъ дань, то въ защитѣ Русской земли отъ сосѣднихъ

хищниковъ, то въ борьбѣ съ чудовищами, то въ молодецкомъ похищеніи себѣ женъ, подобно Римлянамъ маститыхъ временъ Ромула и Рема. И Муромъ, и Рязань, и Ростовъ и другія родныя мѣста бросаютъ богатыри, и вереницами тянутся къ Кіеву, не потому чтобы не дорогà была для нихъ родная сторона, но потому, что движеніе историческое сосредоточивается для нихъ въ Кіевѣ, въ лицѣ ласковаго князя Владиміра; потому что уже нечего имъ дѣлать дома, въ тѣсной обстановкѣ доисторическаго быта, потому что новыя силы ищутъ простора для своей дѣятельности, и находятъ въ княжеской дружинѣ достойную для себя задачу въ заложеніи первыхъ основъ исторической на Руси жизни. Далекія области благословеніями напутствуютъ своихъ представителей, отправляющихся къ кіевскому князю на службу, не жалѣя, что въ своихъ богатыряхъ разстаются онѣ съ лучшими силами, какія могли только возникнуть на ихъ родной почвѣ; потому что этимъ силамъ суждено было созрѣть и вполнѣ развиться уже въ иной обстановкѣ, болѣе благопріятной для историческаго движенія. Только Новгородъ ревниво отстаиваетъ свои права и не хочетъ подѣлиться съ Кіевомъ ни Садкомъ, ни Васильемъ Буслаевымъ, ни другими, можетъ-быть, богатырями, которыхъ со временемъ отроютъ намъ такіе счастливые и искусные собиратели, какъ г. Рыбниковъ.

Итакъ, на разсвѣтѣ новой исторической жизни народный эпосъ застаетъ поколѣніе богатырей младшихъ. Новизнѣ и свѣжести эпохи соотвѣтствуютъ юношескіе типы богатырей; и въ теченіе многовѣковаго существованія народнаго эпоса, богатыри не старѣютъ, остаются тѣми же юными героями, исполненными надеждъ на будущее; они только возобновляются съ каждымъ новымъ поколѣніемъ и освѣжаютъ его силы своею идеальною, нестарѣющею отвагой.

Это крѣпкое убѣжденіе въ живучесть вѣчно свѣжихъ силъ народной жизни, если не откроетъ въ будущемъ широкаго простора для дальнѣйшаго эпическаго творчества, то по крайней мѣрѣ долго будетъ поддерживать въ народѣ нравственную и эсте-

тическую потребность опознаваться во вновь-встрѣчающихся историческихъ обстоятельствахъ на родной почвѣ богатырскаго эпоса, который не только не противорѣчитъ прогрессу, но въ своемъ существѣ его уже содержитъ и ему способствуетъ, воспитывая и приготовляя къ нему сознаніе народное.

Еслибы богатырскій эпосъ свободно и широко разросся на Руси во времена языческія, когда религіозные миѳы еще не утрачивали способности къ развитію, то, безъ сомнѣнія, быту младшихъ богатырей соотвѣтствовало бы какое-нибудь божество въ родѣ сѣвернаго Одина, предводителя воинскихъ племенъ и покровителя войны. Но славянская миѳологія уже теряла свои творческія силы, когда Кіевъ при князѣ Владимірѣ сталъ въ мысляхъ народа средоточіемъ русской жизни. Потому младшіе богатыри приклонились не передъ миѳическимъ божествомъ войны, а передъ историческою личностью ласковаго князя, молодаго и прекраснаго и одареннаго всѣми благами счастія.

VIII.

Познакомившись съ общимъ типомъ младшихъ богатырей, слѣдуетъ вглядѣться въ характеристическія примѣты, если не всѣхъ ихъ, чтобы не утомить вниманія читателя, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ болѣе видныхъ и главнѣйшихъ.

Самъ народный эпосъ помогаетъ въ этомъ дѣлѣ, не разъ отмѣчая то того, то другаго богатыря краткою и мѣткою характеристикою, вошедшею въ постоянный эпитетъ. Значитъ, индивидуальные характеры богатырей въ точности обозначились въ сознаніи народа, какъ рѣзко опредѣленныя личности, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ различныя стороны того идеала, какой олицетворяетъ себѣ русскій народъ въ поэтическомъ типѣ богатыря.

Илью Муромца отмѣчаетъ народный эпосъ силою, ухваткою и возрастомъ, а также таланомъ-участью; Чурилу Пленковича походкою щепливою и щегольствомъ, интересующимъ женскій

полъ; Дюка Степановича — имѣньемъ-богатствомъ, которымъ онъ превзошелъ самого князя Владиміра; Потока Михайлу Ивановича — богатырскою поѣздкою на добромъ конѣ; но съ особенною полнотою характеризуетъ эпосъ индивидуальныя особенности Добрыни Никитича и Алеши Поповича. Нѣтъ никого въ Кіевѣ смѣлѣе Алеши и вѣжливѣе Добрыни, который отличается также тишиною, уговоромъ, смиреньицемъ. У него вѣжество и врожденное, и обученное:

У него рѣчи привѣтливы,
У него рѣчи умильныя,
Онъ прельститъ и уговоритъ.

Добрыня обыкновенно выбирался въ послы для самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ переговоровъ, потому что онъ говорить гораздъ, въ рѣчахъ разуменъ, съ гостями почетливъ, а сверхъ того и грамотою востеръ. Алеша Поповичъ съ смѣлостью соединяетъ въ своемъ характерѣ задоръ и запальчивость: онъ «зарывчатъ». Ко всему этому онъ «бабій пересмѣшникъ и судейскій прелестникъ», сутяга, лгунъ, клеветникъ [1]).

Мѣстность, откуда богатырь былъ родомъ, и сословіе, къ которому принадлежалъ, безъ сомнѣнія, оказали свою долю вліянія на индивидуальныя качества богатырскихъ личностей. Вѣжливость и образованіе Добрыни соотвѣтствуютъ его княжескому происхожденію. Первоначально эпосъ воспѣвалъ въ немъ, вѣроятно, брата Малуши, ключницы Ольгиной, отъ которой родился князь Владиміръ. Отецъ его былъ родомъ изъ Любеча. Можетъ-быть, во времена Нестора ходили о Добрынѣ эпическія былины, внесенныя имъ въ лѣтопись, именно о томъ какъ Добрыня ставилъ истукановъ въ Новѣгородѣ, и какъ вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ преслѣдовалъ и обиралъ лапотниковъ. Но въ послѣдствіи, позднѣйшія лѣтописи, согласно съ былинами, называютъ Добрыню Рязанцемъ, и даютъ ему прозвище *Златой Поясъ*. Какъ

[1]) См. въ замѣткѣ ко II-й части Пѣсенъ Рыбник., стр. 38—41. А также Рыбник., I, 76, 120, II, 337. Кирѣевск., II, 5.

эпосъ переводитъ богатырей Владиміровыхъ въ періодъ татарскій, такъ и лѣтописи заставляютъ этого Добрыню Рязанца и какого-то Александра Поповича съ его слугою Торопомъ и семидесятью богатырями драться на Калкѣ съ Татарами, которые будто бы всѣхъ ихъ побили[1]). Если подъ Александромъ Поповичемъ надобно разумѣть пѣсеннаго Алешу, то и лѣтопись, также какъ и былина, сближаетъ судьбу и подвиги этого богатыря съ Добрынею.

Рязань вмѣстѣ съ Муромомъ даютъ мѣстныя, эпическія краски извѣстной муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи, которая, какъ мы уже знаемъ, была родомъ изъ рязанскихъ крестьянъ. Если Муромская область соединила свои поэтическія преданія съ крестьянскимъ идеаломъ Ильи Муромца, то сосѣдняя съ нею область Рязанская усвоила себѣ идеалъ княжескій въ лицѣ вѣжливаго и грамотнаго Добрыни Никитича.

Ростовъ съ давнихъ временъ славился своими церковными преданіями, связывающими утвержденіе христіанства въ этомъ городѣ съ самыми ранними сказаніями о Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Въ XIII и XIV вѣкахъ этотъ же городъ особенно отличался сильнымъ вліяніемъ духовенства, находившаго себѣ поддержку въ покровительствѣ татарскихъ хановъ, въ теченіе столѣтней борьбы съ мѣстными князьями, какъ въ подробности свидѣтельствуетъ о томъ ростовская легенда о Петрѣ Царевичѣ Ордынскомъ[2]). Если Сергій Радонежскій съ своими грамотными и дѣятельными учениками оказалъ не малое содѣйствіе въ просвѣщеніи Москвы, то надобно припомнить, что онъ родомъ былъ изъ Ростовской области, откуда его благочестивая фамилія выселилась въ предѣлы Радонежскіе. Даже самъ Новгородъ, знаменитый, по тогдашнему, своею образованностью, въ XV вѣкѣ заимствовался книжными сокровищами изъ Ростова, гдѣ искалъ

---

[1]) Лѣтописныя свидѣтельства. См. въ примѣч. ко 2-му выпуску пѣсенъ Кирѣевск., стр. 17.

[2]) См. во II-мъ томѣ моихъ Историч. Очерковъ.

себѣ многихъ рѣдкихъ книгъ новгородскій архіепископъ Геннадій. Въ народѣ доселѣ славится Ростовъ своими церквами и крестами. «Ѣздилъ чортъ въ Ростовъ, говоритъ пословица, да испугался крестовъ»[1]). Народный эпосъ, всегда вѣрный историческимъ и мѣстнымъ преданіямъ, знаетъ въ Ростовѣ *стараго попа соборнаго*, сыномъ котораго былъ знаменитый Алеша Поповичъ.

Если личность этого богатыря изображается особенно не въ выгодномъ свѣтѣ, сравнительно съ другими его товарищами, то это слѣдуетъ приписать, конечно, той причинѣ, что онъ, покинувъ домъ своего почтеннаго отца, промѣнялъ званіе церковнослужителя на бродяжничество. Сначала, въ древнѣйшихъ былинахъ, какъ богатырь-убійца Тугарина Зміевича, Алеша Поповичъ могъ имѣть какое-нибудь иное значеніе, независимое отъ столкновеній между сословіями, но въ послѣдствіи онъ сталъ представителемъ тѣхъ пролетаріевъ изъ церковнаго званія, изъ которыхъ выходятъ авантюристы разнаго сорта, и о которыхъ, судя по пословицамъ, народъ имѣетъ не очень выгодное понятіе.

Какъ мало Алеша воспользовался выгодами своего происхожденія видно изъ того, что онъ даже не выучился у отца своего грамотѣ[2]). Когда онъ съ Екимомъ Ивановичемъ, выѣхавши изъ Ростова, увидѣлъ на перекресткѣ камень съ подписью, то не умѣлъ самъ прочесть ее, а заставилъ своего товарища, называя его «въ грамотѣ поученымъ человѣкомъ». На камнѣ были означены три дороги: одна въ Муромъ, другая въ Черниговъ, третья въ Кіевъ. Товарищи выѣхали, какъ видно, безъ всякой цѣли, просто бродяжничать; потому что Екимъ спрашиваетъ: «Куда же намъ ѣхать?» «А поѣдемъ лучше къ городу Кіеву, отвѣчаетъ Алеша, къ ласковому князю Владиміру».

Другіе богатыри открыто вступаютъ въ честный бой съ своими врагами; Алеша норовитъ убить украдкою. Уже только что пустился онъ на богатырскіе подвиги, тотчасъ же поднялся на хитрости. Перерядился въ платье калики перехожаго, съ тѣмъ,

---

[1]) Даля, Пословицы. Стр. 351.

[2]) Кирш. Данил. У Кирѣевск., II, 70.

чтобъ убить Тугарина врасплохъ. Но тутъ онъ его только зашибъ, а убиваетъ уже въ другой разъ, и опять также нечестно. Рѣшено было между ними драться одинъ на одинъ. Тугаринъ дѣйствительно одинъ и явился; но Алеша, чтобы заставить его обернуться назадъ, вдругъ закричалъ ему: «зачѣмъ же это ты привелъ съ собою подмогу?» Тугаринъ оглянулся назадъ, а Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ.

Хоть и нечестно одолѣлъ богатырь этого врага, но съ тѣхъ поръ прославился при дворѣ князя Владиміра, какъ убійца Тугарина Зміевича.

Еще въ худшемъ свѣтѣ является Алеша въ своихъ интригахъ съ женскимъ поломъ. Вѣроятно, уже при дворѣ княженецкомъ, между богатырскою дружиною, на первыхъ же порахъ прослылъ онъ «бабьимъ пересмѣшникомъ», по поводу тѣхъ насмѣшекъ, которыми онъ безпощадно преслѣдовалъ самое княгиню Апраксѣевну за ея преступную связь съ Тугаринымъ.

Издѣваться надъ женщиною и срамить ее — было для Алеши ни по чемъ. Точно будто для того и заводилъ онъ любовныя интриги, чтобы потомъ самому же огласить скандалъ. Однажды хвалились двое братьевъ своею родною сестрою, что она и пригожа и скромна, на улицу не ходитъ, въ хороводы не играетъ, даже въ окошко не смотритъ, бѣлаго лица не кажетъ. Случился тутъ Алеша, и съ безстыднымъ цинизмомъ, безъ всякой побудительной причины, разгласилъ передъ братьями, что онъ частенько посѣщаетъ ихъ пригожую сестру. Братья срубили сестрѣ голову, и —

Покатилась головка
Алешенькѣ подъ ножки.
А Богъ суди Алешу:
Не далъ пожить на свѣтѣ [1]).

Особенно обезславился Алеша Поповичъ своими фальшивыми продѣлками въ семействѣ Добрыни Никитича [2]). Мы уже позна-

---

[1]) Кирѣевск., II, 64.
[2]) Кирѣевск., II. 11, 31. Рыбник., I, 130, II, 22.

комились съ величавою личностью супруги Добрыниной, Настасьи Микуличны. Вышедши замужъ, она покинула свои воинскіе обычаи, даже будто утратила прежнюю великанскую силу, и стала кроткою и покорною супругою, существомъ вполнѣ женственнымъ, любящимъ и преданнымъ. Хозяйствомъ въ домѣ распоряжается ея свекровь, матера вдова, которую былина называетъ иногда Амелфою Тимоѳеевною, иногда другими именами. Она же учитъ свою невѣстку уму-разуму. Добрыня безпрекословно повинуется своей матери, уважаетъ ее и горячо любитъ.

Семейное благоденствіе Добрыни было нарушено его многолѣтнею отлучкою. Князь послалъ его на разные богатырскіе подвиги. Добрыня наскоро собирается въ путь, и прощается съ своею матерью и женою. И провожала Добрыню его родная матушка, простилась съ нимъ и воротилась, домой пошла, сама плакала; стала по палатамъ похаживать, стала жалобно голосить съ причитаньями. А между тѣмъ, Настасья Микулична сидитъ, не тронется съ мѣста; поражена ли она была и глубоко огорчена нечаянною разлукою съ мужемъ, или просто сконфузилась, и отъ непривычки ласкаться къ мужу при людяхъ, въ наивности своей не знаетъ, что̀ ей дѣлать и что̀ сказать. Тогда Амелфа Тимоѳеевна, обратившись къ ней, внушительно говорила, уча уму-разуму: «Молодая Настасья Микулична! Что̀ жь ты сидишь да высиживаешь? Что̀ же ты не спрашиваешь Добрынюшку, надолго ли ѣдетъ онъ во чисто поле, долго ли намъ ждать его изъ чиста поля?» Тутъ Настасья Микулична скоро побѣжала на широкій дворъ, брала Добрыню за бѣлыя руки, цѣловала его въ уста, провожала его у праваго стремени, а сама спрашивала: «Мужъ мой любезный Добрыня Никитичъ! Надолго ли уѣзжаешь, долго ли намъ ждать тебя?» Добрыня наказываетъ ждать три года, и еще три года, а потомъ, «хоть вдовой сиди, хоть замужъ иди», присовокупляетъ онъ: «Только не ходи за Алешу Поповича: онъ бабій пересмѣшникъ и *пустохвастъ*, пустымъ хвастаетъ».

Уѣхалъ Добрыня. Жена ждетъ его годъ, другой, третій. Время незамѣтно идетъ:

Какъ день за днемъ, будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три года:
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.

И опять дождь дождитъ, и трава растетъ, опять по прежнему рѣка бѣжитъ. Прошло еще три года, а Добрыни все нѣтъ.

Настасья Микулична честно исполнила заповѣдь мужнюю, прождала шесть годовъ; потомъ наложила на себя свою заповѣдь женскую, ждетъ еще шесть годовъ. Между тѣмъ сватается къ ней Алеша Поповичъ, и разсказываетъ такую выдумку: «Былъ я въ чистомъ полѣ: по примѣтамъ знать, что Добрынюшки въ живыхъ нѣтъ. Голова у Добрыни отсѣчена, отъ туловища откатилась. Выклевали вороны ясны очи, даже травы проросли сквозь ясныя очи, и цвѣтутъ цвѣты лазоревы». Долго Настасья отказывалась, наконецъ принуждена была силою и угрозою отъ самого князя Владиміра, и повѣнчалась съ Алешей Поповичемъ. Но только что ихъ привели отъ вѣнца, возвращается въ Кіевъ самъ Добрыня. Онъ такъ измѣнился, что сама мать до тѣхъ поръ не могла его признать, пока не увидѣла у него подъ правою пазухою родимаго пятнышка. Точно также по примѣтѣ узнаютъ возвратившагося домой Одиссея: обыкновенный эпическій мотивъ. Пиръ для свадьбы Алешиной устроилъ у себя самъ князь Владиміръ. Добрыня идетъ туда, переряженный скоморохомъ, и Настасья, узнавъ въ немъ своего мужа черезъ посредство золотаго кольца, которое онъ опустилъ ей въ кубокъ (опять обыкновенный эпическій мотивъ), скочила черезъ дубовый столъ, и упавши къ ногамъ Добрыни, стала слезно умолять его:

Мила моя ладушка,
Крѣпкая сдержавушка, стѣна городовая,
Изъ-по имени Добрынюшка Никитиничъ!
Прости меня во винности и во глупости,

Во всякихъ во проступочкахъ!
Возьми меня за волосы за женскіе,
Привяжи меня ко стремени сѣдельному,
Поразмыкай меня по чисту полю!

Какъ кажется, Добрыню тронули эти искреннія выраженія отчаянія и раскаянія. По крайней мѣрѣ всю вину въ этомъ дѣлѣ онъ снимаетъ съ нея на другихъ. Онъ говоритъ женѣ:

Что не дивую я разуму-то женскому,
Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ;
А дивую я солнышку Владиміру
Съ молодой княгиней со Апраксіей:
Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ былъ,
А княгиня Апраксія свахою,
Они у живаго мужа жену просватали.

Дѣло это было такое негодное, что по свидѣтельству былины «тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло». Мы уже не разъ видѣли участіе князя въ неправыхъ дѣлахъ, даже въ преступленіи: но народный эпосъ постоянно отдаетъ ему справедливость въ томъ, что онъ сознается въ своей винѣ и стыдится дурныхъ поступковъ.

Послѣ того проситъ у Добрыни прощенія самъ Алеша Поповичъ, но какъ-то нахально, иронически: «Прости, говоритъ онъ, братецъ названый, что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой жены Настасьи Микуличны». Добрыня тоже называетъ его братцемъ, и охотно прощаетъ его въ этой винѣ; но никогда не проститъ ему другой вины, объясняя ее въ слѣдующихъ словахъ, проникнутыхъ самою нѣжною и преданною любовью сыновнею:

А во другой винѣ тебѣ, братецъ, не прощу:
Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ,
Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
Убитъ лежитъ въ чистомъ полѣ,

Буйна голова испроломана,
Могучи плечи испрострѣлены,
Головой лежитъ чрезъ ракитовъ кустъ:
Такъ тогда государыня родна матушка
Жалешенько по мнѣ плакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое:
Этой вины тебѣ не прощу.

Потомъ онъ ухватилъ Алешку за желтыя кудри, выдернулъ его черезъ дубовый столъ, бросалъ о кирпичатой полъ, пнулъ его подъ лавку. Былина казнитъ негодяя срамомъ и общимъ презрѣніемъ:

Съ того стыду да со сорому
Пошелъ Алеша на чужую дальнюю сторону.

Народный эпосъ, давая предпочтеніе Добрынѣ передъ Алешею въ нравственномъ отношеніи, кажется, наклоненъ къ тому, чтобы заслонить и богатырскій подвигъ послѣдняго въ убіеніи Тугарина Зміевича знаменитымъ подвигомъ Добрыни въ очищеніи Русской земли отъ страшнаго Змія Горынича и всего его змѣинаго отродья, между которымъ могъ подразумѣваться и Тугаринъ Зміевичъ, то-есть, одинъ изъ сыновей Змія. Пресловутый подвигъ уже на роду былъ написанъ Добрынѣ Никитичу:

А стары люди пророчили,
Что быть Змѣю убитому
Отъ молода Добрынюшки Никитича.

Этотъ змѣй въ былинахъ называется то просто Зміемъ, то ворономъ, то невѣжею, то даже Тугариномъ. Когда еще Добрыня жилъ въ Рязани у своей матери, такъ она говорила ему объ этомъ чудовищѣ:

Дитя ты мое, чадо милое!
Невѣжа-то середи дня летаетъ чернымъ ворономъ,
По ночамъ ходитъ Змѣемъ Тугариновымъ,
А по зорямъ ходитъ добрымъ молодцемъ.
Берегись ты отъ Невѣжи Черна Ворона.

Не обманомъ, какъ Алеша, убиваетъ Добрыня это чудовище, а отчаянною борьбою, открытымъ боемъ на волнахъ Почай или Израй-рѣки; потому что Добрыня «охочъ былъ ныркомъ нырять». Если Алеша убиваетъ, въ лицѣ Тугарина, любовника княгини Апраксѣевны, то Добрыня болѣе существенную услугу оказываетъ Владиміру, спасая изъ плѣна отъ Змія Горынича его княженецкую сестру Марью Дивовну или его племянницу Запаву Путятишну. Разсѣкши Змія на мелкія части, Добрыня сожигаетъ его на огнѣ [1]).

Убіеніе Змія относится къ самымъ раннимъ подвигамъ Добрыни, совершеннымъ еще на родинѣ. Явившись ко двору князя Владиміра, онъ уже могъ засвидѣтельствовать всѣмъ и каждому о своемъ богатырскомъ дѣлѣ, привезши съ собою изъ плѣну княженецкую родственницу. Этотъ подвигъ, какъ кажется, составляетъ первоначальное зерно, изъ котораго потомъ развивался эпическій типъ Добрыни. Затѣмъ, его встрѣча съ богатырскою невѣстой и наконецъ семейныя несчастія, по проискамъ Алеши, все это способствовало въ высокой степени къ возбужденію и поддержанію живѣйшей симпатіи народа къ свѣтлой личности Добрыни Никитича, котораго, послѣ муромскаго крестьянина, безъ сомнѣнія, надобно признать главнѣйшимъ между богатырями цикла Владимірова. Въ послѣдствіи, столкновенія между сословіями могли набросить нѣкоторую тѣнь на его княжескій характеръ, однако не настолько, чтобы заглушить въ немъ ранніе начатки русской цивилизаціи, наивно обозначаемые въ былинахъ *вѣжествомъ*. Это *вѣжество* такъ срослось съ эпическимъ типомъ Добрыни, что даже самъ Змій, котораго поражаетъ этотъ богатырь, есть не только разрушительное чудовище, фантастическій призракъ миѳической старины, но и представитель грубаго невѣжества, почему и называется *невѣжею*.

IX.

Стольный городъ Кіевъ, сосредоточивая въ себѣ областныя національныя силы древней Руси, грубыя и невоздѣланныя, не

[1]) Кирѣевск., II, 51, 26. Рыбник., II, 16, 17.

только давалъ имъ нѣкоторую политическую организацію въ богатырской дружинѣ князя Владиміра, но и образовывалъ ихъ, приводя ихъ въ живительное столкновеніе другъ съ другомъ, вводя въ интересы зачинавшейся на Руси исторической жизни, а также сближая ихъ съ сосѣдними странами и чуждыми народами и знакомя съ иноземнымъ вліяніемъ. Уже съ древнѣйшихъ временъ въ Кіевѣ много было заѣзжихъ иностранцевъ, между которыми *Слово о полку Игоревѣ* называетъ Нѣмцевъ, Венеціанъ, Грековъ. Владиміръ Мономахъ въ своемъ *Поученіи дѣтямъ* свидѣтельствуетъ, что отецъ его, живя дома, могъ выучиться говорить на пяти языкахъ. Кіевскій *Патерикъ* повѣствуетъ о варяжскихъ, то-есть, норманскихъ пещерахъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, о сношеніи монашествующихъ съ Армянами, Ляхами. Народный эпосъ, подкрѣпляя свидѣтельства историческихъ памятниковъ, до нашихъ временъ поддерживаетъ въ народѣ убѣжденіе, что Кіевъ былъ для русскихъ богатырей проводникомъ иноземнаго образованія. Въ числѣ ихъ были богатыри *заѣзжіе*, то-есть прибывшіе изъ чужихъ земель, какъ напримѣръ, Соловей Будиміровичъ, съ кораблемъ котораго мы уже знакомы по подробному эпическому описанію. Какъ иностранецъ, онъ удивляетъ князя Владиміра и его княгиню заморскими подарками, строитъ дотолѣ не бывалыя въ Кіевѣ палаты, и вошедши къ князю въ любовь, женится на его племянницѣ, Запавѣ Путятишнѣ. Другіе богатыри сами совершали отдаленныя поѣздки. Такъ Дунай «много земель знавалъ», потому онъ и «говорить гораздъ»; Добрыня ѣздилъ въ Царьградъ. Есть цѣлая былина о походѣ въ этотъ городъ и другихъ богатырей Владиміровыхъ. Расширяя поприще богатырскимъ подвигамъ, народный эпосъ называетъ царства: индѣйское, латинское, сорочинское и др.; часто упоминаетъ объ иностранномъ одѣяніи, о латинскомъ платьѣ, о колпакахъ и шляпахъ греческихъ [1]). Особенно часто встрѣчаются любопытные намеки на сношенія кіевской Руси съ Польшею, Ли-

[1]) Рыбник., I, 188. Кирѣевск., II, 33. 35.—IV, 25—III, 113. Рыбник., I, 63, 236. Кирѣевск., II, 7, 25, 50, 72.

твою и съ Волынцемъ Галицкимъ. Эпосъ знаетъ царство литовское. Дунай жилъ у короля литовскаго три года въ конюхахъ, чашникахъ и стольникахъ; иногда этотъ король называется Ляховинскимъ, то-есть, Ляшскимъ. Ставръ Годиновичъ, женатый на извѣстной уже намъ Василисѣ Микуличнѣ, былъ родомъ изъ богатой земли Ляховецкой. Потокъ Михайло Ивановичъ однажды выигралъ въ шахматы у короля ляховецкаго его польскую державу. Самъ Илья Муромецъ былъ подъ городомъ Кряковомъ (Краковъ?) и освободилъ его отъ враговъ; также былъ въ связи съ какою-то литовскою королевой [1]). Въ изданіи г. Рыбникова есть цѣлая былина о двухъ королевичахъ изъ Крякова, также о двухъ литовскихъ королевичахъ.

Черниговъ, также какъ Литва или Галичъ, представляется самостоятельнымъ княжествомъ, враждебнымъ городу Кіеву. Въ Черниговѣ царствуетъ какой-то царь Черниговъ или Черниговецъ, у котораго богатырь Иванъ Годиновичъ служилъ въ столовыхъ ключникахъ, и потомъ увезъ дочь, царевну Авдотью Лебедь Бѣлую. Извѣстная уже намъ былина о томъ, какъ князь Владиміръ хотѣлъ отнять себѣ жену Данилы Денисьевича, есть не что̀ иное, какъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы Кіева съ Черниговомъ. Когда Владиміръ выслалъ противъ Чернигова войско, Данило сказалъ то же самое, что̀ обыкновенно говаривали древніе князья періода междоусобій:

Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано:
Братъ на брата съ боемъ идетъ?

Въ Кіевѣ иногда случался какой-то владыка черниговскій. Онъ обыкновенно одинъ держитъ закладъ противъ князя Владиміра и всей его дружины въ спорѣ о состязаніи богатырей между собою. Однажды, выигравши закладъ, черниговскій владыка тотчасъ же —

Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ,
Велѣлъ похватать корабли

---

[1]) Рыбник., I, 180, 24.—II, 65. Кирѣевск., III, 54. IV, 4

Съ тѣми товары заморскими:
А князи, де, и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что расширеніе кіевскаго горизонта иноземнымъ вліяніемъ и частыми сношеніями съ чужими землями должно было внести въ народный эпосъ новое, богатое содержаніе, и отразиться новыми чертами въ характеристикѣ и самого князя, и нѣкоторыхъ изъ его богатырей.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны былины о Чурилѣ Пленковичѣ и Дюкѣ Степановичѣ, въ высшей степени изящныя по эпическому изложенію и столько же важныя для исторіи внутренняго быта древней Руси. Оба богатыря — соперники въ богатствѣ и щегольствѣ, и оба заѣзжіе: Чурила изъ Малаго Кіевца, Дюкъ изъ Волынца, Красна-Галичья, или какъ поется въ иныхъ былинахъ, —

— изъ Галицы проклятыя,
Изъ тоя Индѣюшки богатыя,
Со славнаго съ богата Волынь-города.

Галицкая земля представляется баснословною страной несмѣтнаго богатства и роскоши, потому и смѣшивается съ Индіею богатой. Кіевъ ей завидуетъ, и въ отношеніи къ удобствамъ цивилизаціи долженъ бы многимъ отъ нея позаимствоваться. Князь Владиміръ жадно бросается на нее, какъ могущественный завоеватель; но его грубая сила встрѣчаетъ себѣ отпоръ въ неистощимыхъ средствахъ, какія умѣетъ противопоставить образованіе невѣжеству. Таковъ общій смыслъ этихъ былинъ о сношеніяхъ Кіева съ галицкою Русью, согласный съ свидѣтельствами лѣтописей объ успѣхахъ просвѣщенія въ этой странѣ, рано оказавшихся подъ вліяніемъ европейскимъ.

Обращаюсь къ самимъ былинамъ. Сначала надобно познакомиться съ Чурилою Пленковичемъ.

Однажды являются передъ князя Владиміра, толпа за толпою, нѣсколько сотъ удалыхъ молодцовъ, избитые и израненые,

---

[1]) Кирѣевск., III, 5, 8, 12, 20, 37.—II, 77.

и увѣдомляютъ, что отправившись, по его повелѣнію, на рыбную ловлю и охоту, они ничего ужь не могли добыть: все повыловлено храброю дружиной нѣкоего Чурилы Пленковича, который живетъ въ Маломъ Кіевцѣ, на рѣкѣ на Сорогѣ.

Итакъ, Чурило Пленковичъ — лицо самостоятельное, какъ бы удѣльный князь, съ собственною дружиной. Чтобы подчинить его своему вліянію, Владиміръ отправляется къ нему въ гости.

Дворъ у него (у Чурилы) на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ,
На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ...
Первыя у него ворота вальящатыя,
Другія ворота хрустальныя,
Третьи ворота оловяныя...
Середи двора свѣтлицы стоятъ.

Чурилы дома не случилось. Князя встрѣчаетъ отецъ богатыря, самъ Пленъ, или Пленчище Сорожанинъ, и ведетъ его —

Во сѣни ведетъ во рѣшетчатыя,
Во другія ведетъ часто-берчатыя,
Во третьи ведетъ во стекольчатыя,
И въ терема ведетъ златоверхіе.
И такому-то князь диву дивуется:
На небѣ солнце — и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ — и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды — и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори — и въ теремѣ зори:
Все въ терему по небесному.

Является и Чурило съ своею щегольскою дружиной; но самъ онъ всѣхъ щеголеватѣе и красивѣе: у него —

Волосанки — золота дуга, серебряная,
Шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
А личико будто маковъ цвѣтъ,
Очи будто у ясна сокола,

Брови будто у черна соболя.
Съ коня на конь перескакиваетъ,
У молодцовъ шапочки подхватываетъ,
На головушки шапочки покладываетъ.

Юность самая свѣжая и задорная такъ и пышетъ въ этомъ игривомъ типѣ народнаго эпоса! Въ описаніи костюма Чурилы и его дружины пѣвецъ особенное вниманіе обращаетъ на ихъ модные сапоги, востроносые и на высокихъ коблукахъ (это была дружина не лапотная):

Сапожки на ножкахъ зеленъ-сафьянъ,
Носы по носъ шиломъ, пяты востры.
Около нóсовъ-носóвъ яйцо покати,
Подъ пяту-пяту воробышко летитъ,
Воробышко летитъ, перепуркиваетъ.

Князь Владиміръ находитъ, что такому хвату не подобаетъ *въ деревнѣ* жить: «Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, князю служить!» и беретъ его къ себѣ въ Кіевъ, сначала въ званіи придворнаго *постельника:*

Чтобъ стлалъ онъ (князю) перину пуховую,
И кладалъ бы зголовьице высокое,
И сидѣлъ бы у зголовьица высокаго,
Игралъ бы въ гуселышки яровчаты,
И спотѣшалъ бы князя Владиміра.

Пріѣзжаетъ Чурила въ Кіевъ, ѣдетъ по улицамъ. Онъ такой красавецъ, что всѣ на него заглядѣлись:

Гдѣ дѣвушки глядятъ — заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ — лишь оконницы звенятъ,
Гдѣ стары глядятъ — манатьи (мантіи) на себѣ дерутъ....
Какъ стары старухи костыли грызутъ —
Все глядючись на молода Чурилу Пленковича.

И живетъ Чурила въ постельникахъ, и сидючи у князя съ княгиней въ изголовьи, играетъ въ гусли —

Спотѣшаетъ князя Владиміра,
А княгиню Опраксію больше того.

Потомъ князь возвелъ его въ должность *позовщика*, то-есть церемоніймейстера, созывающаго князей и бояръ на княженецкіе пиры. По свидѣтельству былины, позовщикъ долженъ былъ брать въ княжескую казну со всякаго позваннаго гостя извѣстную сумму денегъ: это именовалось *зватое*. Такъ однажды князь Владиміръ послалъ Чурилу звать гостей:

А *зватаго* приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ.

Въ то время какъ Чурила Пленковичъ служилъ при дворѣ князя Владиміра въ позовщикахъ, прибылъ туда другой щеголь, Дюкъ Степановичъ, изъ Волынца Красна-Галичья. Былина распространяется въ описаніи его красиваго коня и великолѣпнаго оружія, и особенно медлитъ на извѣстныхъ уже намъ знаменитыхъ трехъ стрѣлкахъ.

Самъ Чурила позавидовалъ такому щеголю, и стоя по правую сторону князя Владиміра, говоритъ ему, что это навѣрное не Дюкъ Степановичъ, а какой-нибудь бродяга, *дворянскій холопъ*, вѣроятно, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ съ такимъ презрѣніемъ отзывается Даніилъ Заточникъ въ своемъ моленіи къ князю.

Между тѣмъ, Дюкъ Степановичъ, присматриваясь къ Кіеву и къ тамошнему житью-бытью, находитъ, что все въ немъ грязно и бѣдно, и улицы, и церкви не такія, какъ на Волыни; даже самое угощеніе на пирахъ князя Владиміра кажется ему не вкусно послѣ роскошнаго житья у себя дома.

На все въ Кіевѣ смотритъ онъ свысока; ничто не удовлетворяетъ его изысканнаго вкуса. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Кіевъ пошелъ онъ къ обѣднѣ:

И столько Богу не молится,
Сколько по церкви посматриваетъ,
И посматриваетъ, и самъ почамкиваетъ.
А на князя Владиміра взглянетъ —
Только головой пошатаетъ,
На Апраксію королевичну взглянетъ —
И рукой махнетъ.

«Слыхалъ я отъ родителя батюшки, говорилъ онъ потомъ на княженецкомъ пиру, что Кіевъ городъ очень красивъ; а вотъ въ Кіевѣ у васъ не по нашему: церкви у васъ все деревянныя, маковки на церквахъ осиновыя. Мостовыя у васъ черною землей засыпаны: полило ихъ дождевою водою, стала грязь по колѣна — вотъ и замаралъ я сапожки зеленъ сафьянъ. А у моей государыни матушки, у честной вдовы Амелфы Тимоѳеевны, такъ церкви все каменныя, известкой обѣлены, маковки на церквахъ самоцвѣтныя. Крыши на домахъ золоченыя; мостовыя посыпаны рудожелтыми песками и устланы сорочинскими суквами: ужь не замарать тутъ сапожковъ зеленъ сафьянъ, идучи въ церковь Божію». И сидитъ онъ на пиру не пьянъ, не веселъ:

Повѣшана буйна голова ниже плечъ могучіихъ,
Притуплены очи ясныя во кирпиченъ полъ.

Возьметъ колачъ, верхнюю корочку отломитъ, съѣстъ, а нижнюю броситъ, потому что она кажется ему грязна, пахнетъ мочальнымъ помеломъ и лаханью. Одну чару вина выпьетъ, другую выльетъ за окно: «ваши напиточки, говоритъ онъ, затхлые, пить непріятные. А вотъ какъ у насъ въ Индіи богатой, въ Галиціи, во славномъ Волынь-городѣ, у моей государыни матушки —

. . . . Меда сладкіе, водочки стоялыя,
Повѣшены въ бочки сороковки,
Въ погреба глубокіе на цѣпи на серебряны:
Туда подведены вѣтры буйные:
Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
Пойдутъ воздухи по погребамъ,
Какъ загогочутъ бочки будто лебеди,
Будто лебеди на тихіихъ на заводяхъ.
Такъ вѣкъ не за́тхнутся напиточки сладкіе:
Чару пьешь, другу пить душа горитъ,
Другу пьешь — третья съ ума нейдетъ.

Другой разъ онъ выразился такъ: «Чарочку пьешь — губы слипаются».

Подстрекаемый завистью своего придворнаго щеголя Чурилы Пленковича, князь Владиміръ предлагаетъ Дюку состязаться съ Чурилою въ ловкости и щегольствѣ. «Вижу говоритъ онъ Дюку, что ты молодецъ захвастливый. А ты ударься-ко съ Чурилою о великій закладъ, что вамъ ѣхать въ чистое поле *поляковать*, на цѣлые три года и на три дни, чтобы каждый день кони были смѣнные, и все чтобы были другой шерсти; чтобы цвѣтныя платья были, что ни день, перемѣнныя, и чтобы все были другаго цвѣта; а въ послѣдній день идти вамъ къ Божіей церкви, и который изъ васъ добрѣе выступитъ,—другому голову рубить».

Чурила съ Дюкомъ такъ и состязались конями и щегольскою одеждою, ежедневно *полякуя* ровно три года. Наконецъ, въ послѣдній день, въ рѣшительный срокъ ихъ состязанія, въ самое свѣтлое Христово Воскресеніе, оба они должны были явиться въ церковь къ заутренѣ. Кто щеголеватѣе одѣнется, тотъ и выиграетъ закладъ о буйной головѣ.

Чтобъ идти вслѣдъ за былинами дальше, надобно сдѣлать два замѣчанія.

Во-первыхъ, Чурило и Дюкъ передъ судомъ публики показываютъ свое щегольство именно въ церкви, а не въ какомъ другомъ мѣстѣ, совершенно согласно съ бытомъ древней Руси, которая видѣла въ церкви самое главное и удобнѣйшее мѣсто для публичныхъ сборищъ, столько же для молитвы, сколько и для развлеченій. Тутъ можно было узнать какую-нибудь новость, передать сплетню, высмотрѣть жениха или невѣсту. Только въ церкви же можно было передъ всѣми показать свой великолѣпный нарядъ. Старинные документы не рѣдко возстаютъ противъ разныхъ неприличій, происходившихъ въ церквахъ.

Во-вторыхъ, въ костюмѣ состязающихся преимущественно описываются пуговицы, — тоже вполнѣ согласно съ бытомъ русской старины, которая, какъ видно изъ рядныхъ записей и другихъ описей, послѣ иконъ, особенное вниманіе обращала на *низанье* и *сажанье*, то-есть, на ожерелья и драгоцѣнные камни, и на ювелирныя вещи, а между ними почти всегда на пуговицы.

Надобно приготовиться встрѣтить въ эпическомъ описаніи пуговицъ и петелекъ что-то фантастическое, необычайное, въ смѣломъ переходѣ отъ дѣйствительности въ міръ чудеснаго; потому что эпическая фантазія, воодушевившись красотою описываемаго предмета, по своей юношеской живости, наивно его одушевляетъ, и бездушное представляетъ живымъ и дѣйствующимъ. Конечно, въ такомъ эпическомъ мотивѣ не надобно видѣть ничего миѳическаго или символическаго: это не болѣе, какъ наивная игра безыскусственной фантазіи, но все же фантазіи эпической, воспитанной вѣрою въ чудесное, и привыкшей безпрестанно смѣшивать дѣйствительность съ міромъ идеальнаго.

Надобно имѣть въ виду эти замѣчанія, чтобы вполнѣ понять и по достоинству оцѣнить неподражаемую красоту и художественную грацію слѣдующихъ описаній, которыя могутъ быть смѣло постановлены на ряду съ самымъ лучшимъ, что̀ гдѣ-либо создавала прекраснаго народная эпическая фантазія:

Итакъ, оба соперника являются въ церковь.

Молодой Чурилушка Пленковичъ
Надѣлъ-то онъ одежицу драгоцѣнную:
Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;
Въ пуговки воплетено по доброму по молодцу,
Въ петелки воплетено по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застегнутся, такъ обоймутся,
А разстегнутся, и поцѣлуются.

Какъ ни граціозенъ этотъ мотивъ, но фантазія народная имъ не ограничилась, не остановилась на немъ, какъ на явленіи вполнѣ исчерпывающемъ идею. Иначе, тѣ же дѣйствующія лица, изображенныя въ пуговкахъ и петляхъ, представляются, напримѣръ, въ слѣдующей сценѣ:

Во пуговки-то было влито по доброму молодцу,
А въ петелки-то было вплетено по красной дѣвушкѣ:
По петелкамъ какъ поведетъ —
Такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина

И подносятъ добрымъ молодцамъ;
А по пуговкамъ поведетъ,
Добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
Развеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.

По другому варіанту, описывается тотъ же предметъ, можетъ-быть, такъ же прекрасно, хотя и не съ такою нѣжною граціей. Эта красота другаго уже тона, столь же игривая, но будто съ оттѣнкомъ какого-то наивнаго страха.

Чурила Пленковичъ становится на правый крилосъ, Дюкъ Степановичъ — на лѣвый.

Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки —
Плыветъ змѣище Горынчище:
Тутъ всѣ въ церкви пріужаснулися,
Сами говорятъ таково слово:
«Что у нашего Чурилушки Пленковича
«Есть отметочка противъ молода боярина,
«Противъ молода Дюка Степановича».

Видя удачу своего соперника, Дюкъ Степановичъ запечалился, повѣсилъ голову, потупилъ очи въ землю, а

Самъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Вдругъ запѣли птицы пѣвучія,
Закричали звѣри все рыкучіе:
А тутъ всѣ въ церкви да о земь пали,
О земь пали, а иные обмерли.
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
«Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
«Пріуйми-тко птицы ты клевучія,
«Призакличь-ка звѣрей тѣхъ рыкучіихъ,
«Оставь людей намъ хоть на сѣмены».

Эта затѣйливая сцена — будто игривая пародія на извѣстный эпизодъ о Соловьѣ Разбойникѣ, который столько же бѣды

причинилъ при дворѣ князя Владиміра своимъ змѣинымъ свистомъ и звѣринымъ ревомъ.

Итакъ, Чурила Пленковичъ проигралъ закладъ. Онъ долженъ потерять свою голову. Тогда говорилъ Владиміръ князь Дюку Степановичу:

Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
А оставь намъ Чурилу хоть для памяти.

Хоть для памяти — сказано въ высокой степени наивно, но со злою ироніею, которая дополняется слѣдующею затѣмъ рѣчью Дюка Степановича:

Ахъ ты ей, Чурилушка Пленковичъ!
Пусть ты княземъ Владиміромъ упрошенный,
Пусть ты кіевскими бабами уплаканный!
Не ѣзди съ нами, со бурлаками,
А сиди во градѣ во Кіевѣ,
Ты въ Кіевѣ во градѣ между бабами.

Впрочемъ Чурила не сдобровалъ; онъ такъ и погибъ отъ своего вѣтренаго щегольства и волокитства. Разъ завелъ онъ интригу съ молодою женой одного старика, Бермяты Васильевича. Объ этой интригѣ пошла по городу слѣдующая сплетня.

Поутру рано-ранешенько,
Рано зазвонили ко заутрени,
Князи и бояре пошли къ заутрени.
Въ тотъ день выпадала пороха снѣгу бѣлаго,
И нашли они свѣжій слѣдъ,
Сами они дивуются:
«Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай».
А иные тутъ усмѣхаются, сами говорятъ:
«Знать это не зайка скакалъ, не бѣлъ горностай:
Это шелъ Чурила Пленковичъ
Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ Прекрасныя».

Наконецъ старикъ дознался о своемъ безчестіи, засталъ Чурилу у своей жены и убилъ его. Мы уже видѣли, какъ катилась

срубленная голова Чурилина, будто жемчужина, обагренная кровью. Даже самую смерть этого красиваго щеголя былина смягчаетъ граціознымъ уподобленіемъ.

Сколько въ поэтическомъ отношеніи замѣчательно состязаніе Дюка съ Чурилой, столько для исторіи русскаго быта важенъ эпизодъ о томъ, какъ князь Владиміръ, по неудовольствію ли на Дюка, или скорѣе по алчности къ пріобрѣтенію и по корыстолюбивой системѣ старинныхъ князей все забирать въ свои руки, посылаетъ въ Галицію своихъ богатырей описывать все имущество Дюка, чтобъ отобрать въ княженецкую казну. Въ числѣ посланныхъ назначили было и Алешу Поповича, но Дюкъ выразилъ слѣдующее опасеніе:

Не посылайте-ка Алешеньки Поповича:
А его глазишечки поповскіе,
Поповскіе глазишечки завидливы:
А ему оттоль да вѣдь не выѣхать!

Отправившись въ Галицію, которая теперь въ былинѣ называется Индіею богатою, послы взъѣхали на одну гору, откуда виденъ былъ городъ Волынь Красенъ Галичій: и вдругъ весь городъ представился имъ въ огнѣ, какъ жаръ горитъ. Это мѣсто въ былинѣ дышитъ неподражаемою художественною наивностію. Смотрятъ послы и говорятъ между собою:

Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ послалъ, знать, туды вѣсточку на родину,
Чтобы зажгли Индію-ту богатую:
Ай, горитъ Индія-та богатая!

Но что̀ же вышло на повѣрку? Когда они подъѣхали къ городу поближе, замѣтили свою смѣшную ошибку. Весь этотъ блескъ и жаръ, для непривычныхъ грубыхъ глазъ показавшійся пожаромъ, происходилъ отъ того, что у жителей того города —

У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,
У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,

Мостовыя рудожелтыми песочками призасыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы.

Прибывши на дворъ къ Дюку, послы стали описывать его имѣнье-богатство. Но такъ было оно не смѣтно, что въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ не успѣли они описать одну только збрую лошадиную: а ужь гдѣ же было добыть бумаги и чернилъ, чтобъ описать всѣ другія сокровища? Потому и говорила съ насмѣшкою Дюкова матушка княженецкимъ оцѣнщикамъ: «А вы скажите-ка князю Владиміру, пусть онъ продастъ на бумагу весь Кіевъ городъ, а на чернила пусть продастъ весь Черниговъ, тогда пускай и присылаетъ своихъ оцѣнщиковъ: авось у нихъ хватитъ чернилъ и бумаги на опись Дюкова имѣньица!»

Это ироническое сопоставленіе Кіева и Чернигова съ богатымъ цивилизованнымъ Волынцемъ Краснымъ Галичьимъ, очевидно, ведетъ свое начало изъ мѣстныхъ, областныхъ источниковъ народнаго эпоса, потому что явственно говоритъ о соперничествѣ между городами и областями [1]).

X.

Наравнѣ съ богатырями кіевскими народный эпосъ прославляетъ двухъ новогородскихъ, Садка богатаго гостя и Василья Буслаева. Оба они не имѣютъ ничего общаго ни съ Кіевомъ, ни съ княземъ Владиміромъ. Былины о нихъ обоихъ ярко отмѣчены мѣстнымъ колоритомъ новгородскаго быта. Эти новгородскія былины особенно дороги для исторіи русской литературы, какъ образецъ мѣстнаго развитія эпической поэзіи, во всей его чистотѣ, безъ малѣйшей примѣси вліянія чужихъ мѣстностей. Этому способствовало то счастливое обстоятельство, что онѣ до настоящаго времени сберeглись въ устахъ народа тамъ, гдѣ была новгородская область, и слѣдовательно записаны тамъ, гдѣ онѣ возникли,

[1]) Кирш., 159—167. Рыбник., I, 263 и слѣд., 300 и слѣд. II, 137, 153, 179. Кирѣевск., IV, 87.

процвѣтали и видоизмѣнялись; между тѣмъ какъ пѣсни о кіевской мѣстности или возникали не въ Кіевѣ, а въ той же новгородской области, или въ Муромѣ, Рязани, Суздалѣ, а если и въ южной кіевской Руси, то уже рано перешли въ Новгородскую область и тамъ видоизмѣнялись, и преимущественно въ этой новгородской редакціи дошли до насъ, изданныя въ сборникахъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго и особенно Рыбникова.

Но обратимся къ самымъ былинамъ.

Сначала о Садкѣ. Намъ уже извѣстны миѳическія сказанія объ этомъ богатомъ гостѣ, согласныя съ мѣстными преданіями, вошедшими въ самыя популярныя въ Новѣгородѣ легенды.

Кромѣ этой миѳической основы, былины о Садкѣ имѣютъ и бытовое, такъ сказать, историческое содержаніе. Оно состоитъ въ томъ, что Садко, разбогатѣвшій чудеснымъ образомъ, сталъ скупать весь товаръ въ Новѣгородѣ. Въ первый день скупилъ все, что̀ только нашелъ; а на другой день въ гостиномъ дворѣ —

Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую новогородскую.

Садко опять скупилъ весь товаръ, а на слѣдующій день —

Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары московскіе,
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
«Еще повыкуплю товары московскіе —
«Подоспѣютъ товары заморскіе.
«Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій —
«Побогаче меня славный Новгородъ».

Народный эпосъ, сильно проникнутый мѣстными интересами, восходитъ здѣсь до торжественной пѣсни во славу великаго и богатаго Новагорода. Непомѣрный богачъ вздумалъ было тя-

гаться со всѣмъ Новгородомъ, но тотчасъ же изнемогъ въ своей борьбѣ, и смирилъ личную гордость передъ колоссальнымъ величіемъ своей славной родины, но въ своемъ пораженіи утѣшалъ себя патріотическою гордостью: всѣ они, гости богатые новгородскіе, только малыя частицы того великаго цѣлаго, которое всѣхъ ихъ объемлетъ и сообщаетъ имъ значеніе и силу. Такова глубокая мысль объ искренней, чистой любви къ своей родинѣ въ этомъ простомъ, сказочномъ разсказѣ о любви, которая уравниваетъ всѣ личные интересы передъ священною идеей объ общемъ благѣ и славѣ цѣлой родины.

По другому варіанту, къ прославленію Новагорода присоединяется ироническій оттѣнокъ, обязанный своимъ происхожденіемъ, кажется, той мысли, что гдѣ много богатства, тамъ и нищета, что при богатыхъ товарахъ потребны и дешевые, и что Новгородъ славенъ не одними сокровищами, но и гнилью и за́валью, какъ всякій большой торговый городъ.

Скупивъ однажды всѣ товары въ Новѣгородѣ, зашелъ Садко въ *темный* рядъ:

И стоятъ тутъ черепаны, гнилые горшки,
А все горшки уже битые.
Онъ самъ Садко усмѣхается,
Даетъ деньги за тѣ горшки,
Самъ говоритъ таково слово:
«Пригодятся ребятамъ черепками играть,
«Поминать Садку гостя богатаго,
«Что не я, Садко, богатъ — богатъ Новгородъ
«Всякими товарами заморскими,
«И тѣми черепанами, гнилыми горшки».

Въ эпизодѣ о покупкѣ Садкою товаровъ есть двѣ подробности, любопытныя для исторіи народнаго быта. Во-первыхъ, передъ тѣмъ, какъ скупать товары, Садко долженъ былъ въ новгородскую общину, называемую въ былинѣ *братчиною Никольщиною*, внести за себя извѣстную сумму. Во-вторыхъ, Садко построилъ нѣсколько церквей, каковы: во имя архидіакона Сте-

фана, Софіи *Премудрыя* (то-есть Премудрости) и Николая Можайскаго. Эта подробность согласуется съ извѣстіями новгородскихъ лѣтописей о томъ, что нигдѣ на Руси не строилось такъ много церквей простыми гражданами какъ въ Новѣгородѣ, тогда какъ въ другихъ областяхъ это дѣло преимущественно было князей и духовенства. Около церквей, построенныхъ частными лицами или посадниками, могли группироваться мелкіе прихожане и поддерживать авторитетъ ихъ богатыхъ строителей [1]).

Былины о Васильѣ Буслаевѣ еще ярче рисуютъ передъ нами древній новгородскій бытъ [2]). Съ именемъ этого героя народный эпосъ связываетъ живѣйшія воспоминанія о борьбѣ новгородскихъ партій, двухъ сторонъ Новагорода, раздѣляемыхъ рѣкою Волховомъ, а также о борьбѣ съ княжескою властью партіи народной и городской, во главѣ которой стоялъ Василій Буслаевъ. Отецъ его Буслай жилъ въ Новѣгородѣ мирно и тихо, съ Новымъ-городомъ не спаривалъ, со Псковомъ не вздорилъ, съ Москвой не перечился. Это было время спокойное и счастливое для Новагорода, его блаженная старина, о которой потомъ всегда мечталъ онъ. Умеръ Буслай, оставивъ по себѣ вдову съ малолѣтнимъ Васильемъ. Съ новымъ поколѣніемъ началась неурядица. Кликнулъ кличъ молодой Василій Буслаевъ по всему Новугороду, чтобы, кто хочетъ, шли къ нему на широкій дворъ, пить зелено вино, веселиться. Хозяинъ пробовалъ силу каждаго гостя: сначала подносилъ чару въ полтора ведра, потомъ ударитъ гостя по плечамъ и по спинѣ червленнымъ вязомъ. Кто устоитъ, того бралъ къ себѣ въ дружину, и такимъ образомъ окружилъ себя толпою удалыхъ молодцевъ, между которыми особенно прославились Костя Новоторжанинъ, Потанюшка Хроменькій, Хомушка Горбатенькій, Толстый Ѳома Благоуродливый. И сталъ Василій по городу похаживать, сталъ шутить недобрыя шутки съ боярскими дѣтьми и княженецкими: кого дернетъ за руку —

---

1) Рыбник., I, 374. Кирш., 274.
2) Рыбник., I, 335 и слѣд. II, 197 и слѣд.

у того рука прочь, кого за ногу — нога прочь, двухъ-трехъ вмѣстѣ столкнетъ — безъ души валятся на земь.

Однажды заводился у князя новгородскаго почестенъ пиръ на князей, бояръ и богатырей, а Василья Буслаева на пиръ не звали, не почествовали. Приходитъ онъ на княжескій пиръ незваный, съ своею храброю дружиной, повыгналъ и повытолкалъ изъ-за стола всѣхъ гостей, и сталъ пировать съ своими молодцами. Подстрекаемый успѣхами своего удальства, онъ бился объ закладъ съ самимъ княземъ, что готовъ перевѣдаться на Волховскомъ мосту со всѣми мужиками новгородскими, а если не устоитъ въ борьбѣ, то ему голову прочь. Сколько ни хлопотала честная вдова, мать Васильева, удержать своего сына отъ дерзкаго предпріятія, и запирала его въ глубокіе погреба, и выкупъ носила къ князьямъ за его голову — ничто не помогло. Въ то время какъ Василій сидѣлъ у матери въ заперти, его дружина бросилась на Волховскій мостъ и отчаянно сцѣпилась съ мужиками новгородскими. Валятся сотни головъ, дружина Васильева «во крови ходитъ, по колѣнъ бродитъ». Однако стала ослабѣвать, несмотря на помощь, оказанную ей какою-то богатырскою *дѣвушкой-чернавушкой*, *портомойницею* Василья Буслаева, которая однимъ только своимъ коромысломъ перебила на мосту до пятисотъ мужиковъ. Наконецъ бѣжитъ она домой и освобождаетъ Василья изъ заключенія, чтобъ онъ шелъ на мостъ спасать свою дружину. Является Василій съ червленнымъ вязомъ въ рукахъ. Сталъ колотить имъ мужиковъ: куда махнетъ — улица, куда отмахнетъ — переулочекъ; лежатъ мужики увалами и перевалами; набило мужиковъ будто погодою, наквасило ими рѣку Волховъ.

Видятъ князья бѣду неминучую, перебьетъ Василій всѣхъ мужиковъ новгородскихъ, никого не оставитъ на сѣмена; идутъ къ его матушкѣ просить, чтобъ она уняла свое чадо милое. Но и она съ нимъ ужь не сладитъ и посылаетъ ихъ въ Сергіевъ монастырь къ крестному отцу Василья Буслаева, къ нѣкоему Старчищу Пилигримищу: «имѣетъ онъ силу нарочитую: авось не уйметъ ли онъ мое чадо милое», говорила князьямъ честная вдова.

13*

По просьбѣ князей, идетъ на Волховскій мостъ Старчище Пилигримище уговаривать богатырское сердце Василья Буслаева, чтобы не билъ новгородскихъ мужиковъ. Старикъ изъ монастыря — это олицетвореніе непомѣрной силы новгородской старины. Кафтанъ на немъ въ сорокъ пудъ; вмѣсто колпака, на головѣ колоколъ въ тысячу пудовъ, въ правой рукѣ колокольный языкъ въ пятьсотъ пудовъ, самъ идетъ языкомъ тѣмъ попирается. «Чадо мое крестовое! говоритъ онъ Василію Буслаеву: — смотри, на своего крестоваго батюшку не наскакивай!» — «А зачѣмъ ты пришелъ сюда?» возражаетъ ему Василій:

«А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся».

Поднялъ дубину въ девяносто пудъ, какъ хлестнетъ Старчища въ буйную голову: только колоколъ разсыпался въ черенья ножовые, а Старчище стоитъ не тряхнется, желтыя кудри его не ворохнутся. Скочилъ Василій, ударилъ крестнаго батюшку промежь ясныхъ очей — выскочили ясныя очи, какъ пивныя чаши. По другому варіанту, Старчище идетъ по мосту, самъ говоритъ: «Я иду — Василью смерть несу!» Василій хватилъ по его колоколу, разсыпалъ на три четверти; потомъ ударилъ Старчища въ вышину и сшибъ съ ногъ, и стоя надъ нимъ, самъ раздумался: «Старца убить — не спасенья добыть, а грѣха на душу!» Подхватилъ старца на руки и говоритъ: «Поди-ко, старецъ, въ свое мѣсто, а въ наше дѣло не суйся!» Потомъ напускался Василій на каменные дома. И вышла тогда сама мать Пресвятая Богородица изъ монастыря Смоленскаго, говорила честной вдовѣ, Васильевой матери:

Закличь своего чада милаго,
Милаго чада рожонаго,
Молода Васильюшка Буслаева:
Хоть бы оставилъ народу на сѣмены.

Выходила честная вдова на новыя сѣни, закликала своего милаго чада.

Впрочемъ, каковы бы ни были подвиги Василья Буслаева, народный эпосъ видитъ въ немъ представителя новгородской вольницы и прославляетъ его какъ богатыря. Онъ на столько же разбойникъ, на сколько и тѣ пресловутые рыцари, которыхъ воспѣвали западные трубадуры. Сверхъ того, былина какъ бы хочетъ примирить насъ съ юношескими увлеченіями этого новгородскаго героя, заставляя его въ нихъ раскаиваться и искупить ихъ хожденьемъ ко Гробу Господню въ Іерусалимъ. «Съ молоду бито много, граблено: подъ старость надо душу спасти», говоритъ Василій и отправляется въ ладьѣ съ своими товарищами въ далекое странствіе:

Ко Господнему гробу приложитися,
И во Ердань рѣкѣ окупатися,
А на Ѳаворъ горѣ осушитися.

Пріѣхали въ Святую Землю; но и здѣсь Василій не смирилъ своего неугомоннаго нрава. Всѣ его товарищи купались въ Ердань рѣкѣ въ рубашечкахъ, одинъ онъ купался нагимъ тѣломъ, не послушался запрету своей матушки. Потомъ ѣдутъ они къ Ѳаворъ горѣ, къ тому къ камню *Латырю*, «на которомъ камени преобразился самъ Іисусъ Христосъ». На той горѣ стоитъ церковь соборная съ образомъ Преображенскимъ. Но чтобы достигнуть до церкви и до того образа, надобно было трижды скакать черезъ «бѣлъ горючъ камень». Всѣ товарищи Васильевы трижды скакали черезъ тотъ камень; самъ же онъ и здѣсь не пронялся, не укротилъ своего нрава: разъ скочилъ, и другой скочилъ, а на третій говоритъ своей дружинѣ: «а вотъ на третій разъ я не передомъ, а задомъ скочу!» Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ горючъ камень, задѣлъ за камень ногою, и ушибся до смерти. Умирая, такъ говорилъ онъ своей дружинѣ:

Скажите-ка, братія, родной матушкѣ,
Что сосватался Василій на Ѳаворъ-горѣ,
И женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ.

Узнавъ о кончинѣ своего сына, честная вдова много плакала; потомъ собрала все свое имѣнье-богатство и раздала по Божьимъ церквамъ и монастырямъ.

Такъ и на Западѣ, въ монастыри поступали имѣнья крестоносцевъ, погибавшихъ въ Крестовыхъ походахъ. У насъ въ старину, кажется, особенно Новгородцы любили ходить въ Іерусалимъ. Въ XII вѣкѣ, Даніилъ Паломникъ встрѣтилъ нѣсколькихъ Новгородцевъ при Гробѣ Господнемъ. Западная легенда о чудесномъ странствіи въ Іерусалимъ на бѣсовскомъ конѣ была внесена въ сказаніе о новгородскомъ архіепископѣ Іоаннѣ.

Сказаніе о гибели Василья Буслаева на Алатырь-камнѣ въ виду соборной церкви и образа Преображенія, по замѣчательному сходству въ подробностяхъ, могло смѣшиваться въ преданіяхъ новгородскихъ съ извѣстнымъ сказаніемъ *о новгородскомъ раѣ*, которое въ XIV вѣкѣ архіепископъ Василій слышалъ отъ дѣтей и внуковъ путешественниковъ, случайно удостоившихся увидать на морѣ земной рай. Изъ этихъ путешественниковъ архіепископъ называетъ по имени только Моислава Новгородца и сына его Якова. Блуждая въ ладьяхъ по морю, будто бы они наѣхали на высокую гору. На той горѣ былъ написанъ *Деисусъ*, окруженный неземнымъ свѣтомъ, и раздавались голоса ликующихъ. Чтобъ узнать, что̀ тамъ дѣлается, путешественники послали въ гору одного изъ своихъ товарищей. Взошелъ онъ на гору, всплеснулъ руками, радостно засмѣялся и скрылся въ горѣ. Послали другаго, и тотъ также исчезъ. Наконецъ, чтобы дознаться, что̀ тамъ за чудеса, послали третьяго, привязавъ его за ногу веревкою. Этотъ тоже всплеснулъ руками, засмѣялся, и побѣжалъ было, но товарищи стащили его къ себѣ веревкою, однако ничего не узнали, потому что онъ былъ уже мертвъ. Преданіе это было такъ знаменито въ старину, что до позднѣйшаго времени сохранилось въ иронической пословицѣ о пытливости Новгородцевъ: «Новгородскій рай нашелъ»[1]).

---

[1]) См. въ моей Христоматіи, ст. 965, 1459.

Этотъ райскій островъ на эпическомъ языкѣ могъ бы точно съ такимъ же правомъ быть названъ Алатырь-камнемъ, какъ и Ѳаворъ-гора. Спутники Моислава Новгородца такъ же скакали по райской горѣ, какъ дружина Василья Буслаева по Алатырь-камню.

Какъ бы то ни было, но новгородское сказаніе о земномъ раѣ очень удобно могло бы войдти, какъ эпизодъ, въ былину о хожденіи Василья Буслаева съ своею дружиною ко Святымъ Мѣстамъ.

XI.

Обозрѣніе богатырскаго быта, предложенное на этихъ страницахъ, осталось бы съ замѣтнымъ пробѣломъ, если бы мы не коснулись положенія женщины въ кругу богатырей новаго поколѣнія.

Мы уже познакомились съ нѣкоторыми чертами женскихъ типовъ, вынесенными народнымъ эпосомъ изъ эпохи доисторической. По мѣрѣ того какъ фантазія стала больше и больше свыкаться съ дѣйствительностью и воспроизводить ее въ своихъ идеалахъ, все больше и больше сокращались размѣры исполинскихъ женщинъ, суровое величіе уступало мѣсто граціи и спокойной красотѣ, а вѣщая сверхъестественная сила разума и предвѣдѣнія спускалась до житейской мудрости, сопровождаемой здравымъ смысломъ и тою ловкою смѣтливостью, которую народный эпосъ называетъ «женскими догадками».

Какъ въ характерахъ Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, были замѣчены разнообразные элементы, внесенные разными эпохами, такъ и въ женскихъ типахъ богатырскаго эпоса представляется та же смѣсь суровыхъ и жесткихъ формъ грубой старины съ нѣжными очерками и мягкимъ колоритомъ народныхъ пѣсенъ позднѣйшихъ временъ. Одна и та же супруга Добрыни Никитича — то гордая воительница исполинскихъ размѣровъ, то скромная и любящая жена, безпрекословно повинующаяся своей свекрови. Какъ бы ни были мелки черты ежедневной дѣйствительности, которыми въ теченіе вѣковъ на-

родный эпосъ дорисовывалъ свои женскіе идеалы, но первоначальные контуры этихъ идеаловъ были накинуты такою смѣлою рукой и въ такомъ величавомъ и строгомъ стилѣ, что они уже не могли измельчать и опошлѣть до того, чтобъ утратить первоначальное идеальное достоинство. Точно такъ фамильныя черты суровыхъ предковъ черезъ цѣлыя столѣтія отражаются въ замѣчательномъ сходствѣ въ лицахъ ихъ позднихъ изнѣженныхъ потомковъ. Въ такомъ же смыслѣ можно и женскіе характеры русскаго народнаго эпоса назвать породистыми. Сколько ни мельчали они, спускаясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, но до сихъ поръ удержали въ себѣ отличительные признаки своей благородной породы.

Народный эпосъ внушаетъ убѣжденіе, что женщина своею женскою думушкой и своими догадками «и всѣхъ князей и бояръ повыманитъ и самого князя Владиміра изъ разуму выведетъ». Потому-то мужъ долженъ искать въ женѣ не одной красоты, но и преимущественно ума, чтобъ «было ему съ кѣмъ думу думати, и было бы съ кѣмъ слово молвити». Князь Владиміръ искалъ себѣ такой невѣсты, чтобъ она была «умомъ сверстна, чтобъ умѣла грамоту русскую и четью-пѣтью церковному».

Женщины въ богатырскомъ эпосѣ пользуются значительною свободою. Онѣ устраиваютъ между собою пиры и собираютъ многочисленныхъ гостей. Такъ у Василисы Микуличны созваны были на столованье жены купеческія и вельможескія. Женщины между прочимъ проводили время въ игрѣ въ шахматы, какъ напримѣръ играла Катерина жена Бермяты съ Чурилою. Чтобы выдать свою дочь замужъ, отецъ не злоупотреблялъ своею властію, и часто совѣтовался сначала съ дочерью: шелъ къ ней вмѣстѣ подумать.

Княженецкая племянница, Запава Путятишна, совершенно свободно гуляетъ по городу Кіеву, и даже сама приходитъ къ Соловью Будимировичу свататься. Впрочемъ, эта уже черезчуръ крайняя свобода,[1] нарушающая женскую стыдливость, жениху не понравилась:

Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица въ любовь пришла,
А тѣмъ мнѣ ты, дѣвица, не слюбилася,
Что сама себя дѣвица просватала.

Дѣвица-невѣста обыкновенно живетъ въ теремѣ, гдѣ красное солнце не печетъ ее, буйные вѣтры не пахнутъ на нее. Богатырь Дунай, посланный княземъ Владиміромъ за невѣстою Апраксѣевною, находитъ ее въ теремѣ.

Ходитъ она по терему златоверху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чеботовъ,
У ней русая коса пораспущена.

Когда Дунай ее спрашиваетъ, хочетъ ли она идти замужъ за князя Владиміра, она отвѣчаетъ ему безъ всякой застѣнчивости, развязно:

Три года я Господу молилася,
Чтобъ попасть мнѣ замужъ за князя за Владиміра.

Женскую красоту русскій эпосъ одушевляетъ мыслію и даетъ ей граціозное движеніе. Въ воображеніи нашихъ пѣвцовъ прекрасная женщина представляется —

Умомъ умна и станомъ статна,
Лицо бѣло будто бѣлый снѣгъ,
Щечки будто маковъ цвѣтъ,
Походочка у ней такъ павиная,
Рѣчь-то у ней лебединая.

или:

. . . . Ростомъ была высокая,
Станомъ она становитая,
И на лицо она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска (привѣтлива, красива).

Частая походка — по нашимъ былинамъ одна изъ главныхъ примѣтъ, по которымъ тотчасъ отличишь женщину отъ мущины.

Другія женскія примѣты: узкія плечи, въ противоположность широкому тазу (что̀ въ былинѣ о Ставровой женѣ даетъ поводъ къ нѣкоторымъ наивнымъ подробностямъ); далѣе: тоненькіе пальчики, непремѣнно съ перстнями; рѣчь съ *провизгомъ*, наконецъ, когда женщина садится, сжимаетъ колѣнки[1]).

Едва ли нужно приписывать особенное значеніе въ исторіи русской женщины тѣмъ сценамъ изъ народнаго эпоса, въ которыхъ, какъ мы уже видѣли, изображается жестокое обращеніе мужа съ женою. Мы уже знаемъ, что эти сцены объясняются преимущественно борьбою новаго поколѣнія съ остатками титанической старины, которая нѣкоторое время находила себѣ поддержку въ женскомъ полѣ, между тѣмъ какъ мущина долженъ былъ подчиниться новому движенію исторической жизни. Сверхъ того, суровые нравы богатырскаго быта уже не могли не обнаружиться въ нѣкоторой грубости, которая на наши глаза кажется жестокою. Уже самое похищеніе невѣстъ и взятіе ихъ съ бою ставили жену въ слишкомъ зависимое подчиненіе, какъ плѣнницу или завоеванную добычу. Такъ Часова вдова не хотѣла выдать своей дочери за Хотена Блудовича. Хотенъ убиваетъ сыновей этой вдовы, силою врывается въ ея домъ, беретъ съ нея выкупъ золотомъ и жемчугомъ, а въ придачу ея дочь, себѣ въ жены. Богатырь ѣдетъ искать себѣ невѣсту, будто на охоту или за военною добычей. Въ такомъ случаѣ князь Владиміръ обыкновенно напутствуетъ жениха такимъ совѣтомъ:

Да гдѣ тебѣ невѣста по любѣ, тутъ и бери,
Добромъ не отдаютъ, такъ и силой возьмемъ.

Потому иногда съ горечью выражается женщина о своемъ невольномъ замужествѣ:

Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ,
Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ.

---

[1]) Рыбник., II, 104.—I, 245. Кирѣевск., III, 29, 33. Рыбник., II, 94, 126, 107. Кирѣевск., IV, 105. Рыбник., 1,330, 324. — II, 96, 192. — I, 187, 191, 254. — II, 53. — I, 178, 186, 243, 247. — II, 54, 97, 106.

Женитьбу насильно или съ бою богатырскій эпосъ обыкновенно объясняетъ тѣмъ, что женихъ беретъ себѣ невѣсту въ чужой землѣ, часто въ непріятельской [1]).

По понятіямъ народнаго эпоса, жена составляетъ домашнее сокровище, которое мужъ не долженъ легкомысленно выставлять на позоръ публикѣ. Многимъ доставалось плохо, когда они по неосторожности хвалились на пирахъ своими прекрасными и умными женами; потому что только —

Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой.

Такъ цѣлая былина о Ставрѣ Годиновичѣ основана на этой мысли, имѣющей, какъ кажется, то значеніе для исторіи женщины, что на пиру, гдѣ пьяные хвалятся своимъ молодечествомъ, богатствомъ и борзыми конями, не должно профанировать домашняго счастія, и не унижать жену, низводя ее до предметовъ, которыми богатырь хвастаетъ, какъ своею собственностью. Когда Ставра порядкомъ проучили за его нескромную похвальбу,

Тутъ-то онъ болѣ не сталъ ѣздить по честнымъ пирамъ,
Онъ не сталъ больше хвастать молодою женой [2]).

Особенно выступаетъ достоинство женщины въ лицѣ *честной*, *матерой вдовы*, *государыни матушки* удалаго богатыря. Это самая почетная особа, о которой всегда отзывается былина съ великимъ уваженіемъ. Была уже рѣчь о томъ, что вымершее старое поколѣніе оставило по себѣ только вдовъ, которымъ предоставлено было руководить своихъ дѣтей — богатырей новаго поколѣнія. Вдова учитъ своего сына уму-разуму; иногда она на столько развита, что отдаетъ его учиться грамотѣ. Отъѣзжая на подвиги, богатырь беретъ у своей матери благословеніе великое. Случается, что отправляется вмѣстѣ съ нею, какъ напримѣръ, Соловей Будиміровичъ, привезшій свою матушку въ Кіевъ на

---

[1]) Кирѣевск., IV, 76. Рыбник., II, 53, 75. — I, 179.
[2]) Рыбник., II, 244. — II, 93, 103.

кораблѣ изъ-за моря. Въ обращеніи съ матерью богатырь выказываетъ самое глубокое уваженіе:

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая трава разстилается:
Ужь какъ сынъ передъ матерью кла̀нется.

Честная вдова проводитъ время въ трудахъ и молитвѣ. Соловей Будиміровичъ построилъ для своей матушки отдѣльный теремъ, гдѣ она молилась «со вдовами честными, многоразумными», между тѣмъ какъ онъ самъ въ другомъ теремѣ веселился съ своими корабельщиками. Вдовы посѣщаютъ пиры и между собою веселятся, бесѣдуютъ, иногда ссорятся. Такъ вдова Блудова поссорилась съ вдовою Часовою за то, что эта послѣдняя, обидѣвши бранными словами ея сына, не хотѣла выдать за него свою дочь. Потому —

Честная вдова Блудова жена
Пошла съ пиру не весела,
И не весела пошла — не радостна,
Зажала ручки вкругъ сердечушка,
Стянула головушку промежь плечѝ.

Если сынъ женатъ, честная вдова господствуетъ въ домѣ и руководитъ своею невѣсткою, какъ напримѣръ мать Добрыни Никитича. Мы уже знаемъ, какъ дорого этотъ богатырь цѣнилъ спокойствіе своей матери. Мать Дюкова изображается какою-то владѣтельною княгинею, окруженною всевозможными удобствами и великолѣпіемъ. Она распоряжается пріемомъ княжихъ оцѣнщиковъ, пріѣхавшихъ за тѣмъ, чтобъ отнять ея имѣніе въ княженецкую казну, и ловко издѣвается надъ княземъ Владиміромъ. Неугомонный Василій Буслаевъ, объявляющій войну всему Новугороду и никого не боящійся, смиряется только передъ своею матерью. Когда она, чтобъ положить конецъ бѣдствіямъ Новгородцевъ, проситъ его укротить свое богатырское сердце, богатырь почтительно отвѣчаетъ:

Ай же ты, моя родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Никого я не послухалъ бы,
А послушалъ тебя, родну матушку:
Не послухать мнѣ законъ не даетъ.

Вообще надобно сказать, что богатырскій эпосъ приписываетъ огромное вліяніе вдовѣ-матери на образованіе и на поступки молодаго поколѣнія богатырей. Любовь и уваженіе къ матери, признакъ умнаго и вообще достойнаго человѣка. Гордиться своею матерью позволялось даже и на пирахъ. Эту похвальбу эпосъ не однажды поощряетъ пословицею:

А разумный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.

Иначе: «Умный хвастаетъ старой матерью» [1]).

XII.

Чѣмъ свѣжѣе и первобытнѣе народный эпосъ, тѣмъ замѣтнѣе въ немъ связь дѣйствующихъ лицъ съ музыкальнымъ и пѣсеннымъ его исполненіемъ. Гомеръ неоднократно выводитъ на сцену пѣвцовъ-рапсодовъ, которые потѣшаютъ героевъ пѣснями о Троянской войнѣ. Самъ Ахиллъ сокращаетъ скуку своего одиночества игрою на лирѣ. Финскій Вейнемейненъ — не только герой Калевалы, но и самъ пѣвецъ и заклинатель, знающій вѣщія слова. Авторъ *Слова о полку Игоревѣ* не разъ упоминаетъ о пѣсняхъ, въ которыхъ воспѣваются описываемыя имъ лица и событія. Вѣщій Баянъ накладываетъ свои персты на живыя струны, которыя сами князьямъ «славу рокотали». Въ то время, какъ Игорь возвращается изъ плѣну домой, дѣвицы поютъ на Дунаѣ: вьются ихъ голоса черезъ море до Кіева, а между тѣмъ

[1]) Кирѣевск., II, 1. — IV, 69. Рыбник., I, 27, 146, 357.

страны и города радуются и веселятся, пѣвши пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ пѣть славу — Игорю Святославичу, Буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу.

Такъ и въ народномъ эпосѣ богатыри не только дѣйствуютъ, но и сами воспѣваютъ богатырскіе подвиги, напѣвая напѣвки —

Про старыя времена и про нынѣшни,
И про всѣ времена досюлешны [1]).

Изъ богатырей особенно знамениты были своимъ скоморошскимъ искусствомъ: Добрыня Никитичъ, Соловей Будиміровичъ, Чурило Пленковичъ, Садко богатый гость. Послѣдній, какъ мы знаемъ, сначала былъ скоморохомъ, по пирамъ ходилъ, на гусляхъ игралъ и тѣмъ кормился. Соловей, веселясь съ своею дружиною, игралъ на гусляхъ. Чурило, въ должности придворнаго постельничаго, долженъ былъ сидѣть у княженецкаго изголовья и играть въ гусли. Но собственно скоморохи и калики перехожіе, или странники, были исполнителями народнаго эпоса, и свѣтскаго, и духовнаго. Ихъ приглашали на пиры, угощали виномъ и платили за ихъ пѣсни. Кромѣ историческихъ былинъ, они играли какіе то *сыгриши* Царяграда, наводили *танцы Іерусалима*, играли *еврейскіе стихи* и величали князя со княгинею. Все это зналъ и Ставръ Годиновичъ. Самъ князь Владиміръ чествуетъ искуснаго скомороха. Такъ, когда Добрыня Никитичъ, переряженный скоморохомъ, особенно угодилъ князю своею искусною игрою, тогда этотъ послѣдній говорилъ ему:

Ай же, малая скоморошина!
Не твое мѣсто сидѣть на печкѣ муравленой,
Твое мѣсто сидѣть супротивъ князя и княгини...
За твою игру великую,
За утѣхи твои за нѣжныя,
Безъ мѣрушки пей зелено вино,
Безъ разсчету получай золоту казну.

---

[1]) Рыбник., I, 249.

Скоморохи приглашаются на пиры не для одного только разгулья, но и для утѣхи; музыка и пѣнье развеселяютъ печальное сердце. Такъ Василиса Микулична, перерядившаяся грознымъ посломъ, печальна сидитъ на пиру у князя Владиміра, сама говоритъ ему:

Что буде на разумѣ не весело:
Либо батюшко мой померъ есть,
Либо матушка моя померла.
Нѣтъ ли у тебя гусельщичковъ,
Поиграть во гуселышки яровчаты [1]).

Пѣсни, воспѣваемыя скоморохами, каликами перехожими и самими богатырями, и есть тѣ эпизоды, изъ которыхъ слагается народный эпосъ. Такимъ образомъ былина внесла въ свое содержаніе самый процессъ своего составленія и развитія. Кромѣ того, тѣ же былины, которыя мы теперь изучаемъ, были застольнымъ предметомъ разговоровъ между богатырями; потому что, всякій разъ какъ богатыри поразвеселятся отъ зеленаго вина, они начинаютъ другъ передъ другомъ хвалиться своими подвигами. Сильный хвастаетъ силою, молодечествомъ, богатый — богатствомъ, кто добрымъ конемъ, кто старою матерью, кто молодою женой. Всѣ эти разговоры можно принять за содержаніе самихъ былинъ о тѣхъ предметахъ, которыми пирующіе между собою похваляются.

Какъ сами эпическіе пѣвцы становились героями былинъ, напримѣръ Соловей Будиміровичъ, Садко, Добрыня, переряженый скоморохомъ, такъ и похвальба молодецкая давала содержаніе цѣлымъ былинамъ, напримѣръ похвальба Ставра своею женою. Стиль эпическій господствуетъ столько же въ былинахъ, какъ и въ похвальбѣ дѣйствующихъ лицъ и въ пѣсняхъ, которыми они потѣшались на пирахъ.

---

[1]) Кирѣевск., II, 13, 36, 37.—IV, 67, 105. Рыбник., I, 249, 265, 319, 324, 370. — II, 31, 101, 110.

Какъ во времена богатырскія, на пирахъ князя Владиміра, скоморохи и калики перехожіе, будто гомерическіе рапсоды, пѣли отдѣльныя рапсодіи изъ народнаго эпоса, который никогда не составлялъ законченнаго, округленнаго цѣлаго; такъ и въ наше время онъ распадается на множество отдѣльныхъ былинъ. Былины иногда начинаются припѣвками, изъ которыхъ открываются любопытныя отношенія пѣвцовъ къ публикѣ. Эти отношенія, вѣроятно, тѣже, какія были во времена оны, когда потѣшалъ пирующихъ какой-нибудь новгородскій Садко. Начиная былину, пѣвцы иногда просятъ благословенія отъ хозяина:

Благословляй-ко, хозяинъ,
Благословляй, господинъ,
Старину сказать стародавную
Про молода Чурила сына Пленковича.

Иногда, приглашая гостей на пиру внимательно слушать, они ожидаютъ себѣ отъ хозяина угощенія:

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива было:
Самъ бы испилъ, да и намъ бы поднесъ.
Мы, малы ребята, станемъ сказывати,
А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про широку про Волгу рѣку.
Широка рѣка подъ Казань подошла,
А пошире подалѣ подъ Астрахань,
Великъ перевозъ подъ Новы́мъ-Городо́мъ.

Иногда, будто повторяя приказаніе самого хозяина, пѣвцы начинаютъ такъ:

Кто бы намъ сказалъ про старое;
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца.

Окончивъ одну былину, пѣвцы переходятъ къ другой, связывая ту и другую такою припѣвкою:

Эта старина кончается,
А другая начинается

Чтобъ перенести слушателей въ поэтическій міръ богатырской былины, иногда пѣвцы будто берутъ нѣсколько смѣлыхъ аккордовъ, заманивающихъ вдаль и сосредоточивающихъ вниманіе на предметахъ высокой важности:

Высота ли высота поднебесная,
Глубота глубота Океанъ-море,
Широко раздолье — по всей земли,
Глубоки омуты — днѣпровскіе.

Въ нѣкоторыхъ припѣвкахъ во всей очевидности чувствуется импровизація пѣвца. Будто не зная, какъ приступить прямо къ содержанію былины, онъ сначала скромно скажетъ нѣсколько словъ о себѣ, потомъ броситъ бѣглый взглядъ на широкій ландшафтъ, остановится на какихъ-нибудь чудесахъ природы, и наконецъ нечувствительно въ эту общую картину вставитъ воспѣваемаго имъ богатыря. Вотъ какъ, напримѣръ, пѣвецъ приступаетъ къ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ.

Ты тулупъ ли мой, тулупчикъ, шуба новая!
Я носилъ тебя, тулупчикъ, ровно тридсять лѣтъ:
Обломилъ ты мнѣ, тулупчикъ, могучи плечи.
Охъ ты поле мое, поле, поле чистое!
Заростало мое полюшко крапивушкой,
Что ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ.
Пробѣжало туто стадечко звѣриное,
Что звѣриное стадечко — сѣры́хъ волковъ;
Напередъ бѣжитъ собака лютый Ски́менъ звѣрь:
Что на Скименѣ шерсточка булатная,
Какъ у Скимена уши что востро́ копье.
Прибѣжала воръ-собака ко Нѣпру рѣкѣ,
Становилась воръ-собака на крутой берегъ,
Закричала воръ-собака по гусиному,
Зашипѣла воръ-собака по змѣиному:
Съ крутыхъ бережковъ песочекъ пріусыпался,
Во Нѣпру рѣкѣ вода съ пескомъ смутилася,
Что не бѣла ли рыбушка на низъ ушла......

Круты красны бережечки зашаталися,
Со хоромъ, братцы, вершечки посвалялися.
Какъ зачуялъ воръ-собака нарожденьице:
Народился на Святой Руси, на богатой,
Молодешенекъ Добрыня сынъ Никитьевичъ.

Иногда, чтобъ ввести слушателей въ событія далекой старины, пѣвецъ начинаетъ съ предмета близкаго, во очію представляющагося. Такъ хочетъ онъ пѣть о пирахъ князя Владиміра, а начинаетъ съ рѣки Волги, и слѣдя за ея необъятнымъ теченіемъ, будто даетъ понятіе о теченіи самаго времени, къ древнѣйшимъ истокамъ котораго онъ приглашаетъ своихъ слушателей:

Повышла, повыкатилась Волга матушка рѣка,
Мѣстомъ шла она три тысячи,
Рѣкъ побрала она — того смѣты нѣтъ,
А перевозъ дала въ стольномъ городѣ во Кіевѣ.

Волга довела пѣвца до Кіева. Теперь онъ уже и станетъ пѣть о кіевскомъ князѣ и его богатыряхъ.

Иногда теченіе Волги вставляетъ пѣвецъ въ объемъ широкой панорамы или точнѣе громаднаго фронтисписа, гдѣ помѣщаются цѣлыя горы, озера, болота и лѣса:

Лѣсы темные, подходили лѣса ко городу Смоленскому;
Горы-ты высокія Сорочинскія,
Чисты поля подходили ко городу ко Обскову [1]);
Мхи да болота ко Бѣлу-озеру;
Рѣки-озера ко Синю морю.
Была какъ тутъ матушка Волга рѣка —
Широка и долга она,
Прошла она мимо Казань, Рязань и мимо Астрахань,
Выпадала она устьемъ во Сине море,
Во море Синее, во Турецкое.

---

[1]) Къ Опскову, ко Пскову.

Добравшись по Волгѣ до Синя моря, пѣвецъ на немъ останавливается и описываетъ корабли Соловья Будиміровича, плывущаго къ городу Кіеву.

Мы уже видѣли, какое сильное дѣйствіе оказали на Руси рѣки и прибрежный бытъ на самыя ранніе вымыслы народной фантазіи. Вѣрные поэтическимъ преданіямъ старины и родной почвѣ, пѣвцы и начинаютъ и оканчиваютъ свои богатырскія былины, прославленіемъ рѣкъ, будто вмѣстѣ съ своими слушателями сидятъ они на берегу ихъ, какъ тѣ древнія племена, которыя, разселяясь по Руси, по свидѣтельству лѣтописи, садились на рѣкахъ, отчего и имена себѣ получали. Многія былины оканчиваются припѣвкою во славу всеславянской рѣкѣ Дунаю:

Дунай, Дунай, Дунай.
Впередъ болѣ не знай —

или

Болѣ пѣть впередъ не знай [1]).

Итакъ, русская былина до нашихъ временъ помнитъ о тѣхъ поэтическихъ голосахъ, которые, по свидѣтельству *Слова о полку Игоревѣ* вьются съ береговъ стараго Дуная до стольнаго города Кіева [2]).

Начавъ съ миѳовъ и богатырскаго быта, мы незамѣтно перешли ко внѣшней формѣ былинъ, то есть, къ слогу; потому что самая тѣсная связь между содержаніемъ и языкомъ составляетъ отличительное свойство народной эпической поэзіи, которая зараждалась и развивалась вмѣстѣ съ зарожденіемъ и установленіемъ самыхъ формъ языка: такъ что иногда живое воззрѣніе, проникнутое вѣрованіемъ, мѣтко схваченное словомъ, служило сѣменемъ для цѣлаго миѳа или сказанія; иногда цѣлое сказаніе сокращалось въ краткую фразу, которую былина изъ вѣка въ вѣкъ переносила въ постоянномъ эпитетѣ.

---

[1]) Вѣроятно, сокращенно, вм. *не знаю*.

[2]) Кирѣевск., I, 1, 3, 4, 20.—II, 1, 2, 9, 61.—III, 1.—IV. 87, 99. Рыбниковъ, I, 177, 325. — II, 14, 20, 44, 184, 351.

Не имѣя намѣренія утомлять читателей грамматическими тонкостями, я остановлюсь только на такихъ немногихъ подробностяхъ, въ которыхъ очевидна эта жизненная связь отдѣльнаго слова съ эпическимъ содержаніемъ.

Русскій языкъ въ народномъ эпосѣ называется по преимуществу *человѣческимъ* [1]), какъ бы въ томъ смыслѣ, что всѣ прочіе языки — звѣриные, согласно съ стариннымъ убѣжденіемъ, что и животныя говорятъ, только на непонятномъ, иностранномъ языкѣ. Татарскій языкъ иронически называется въ былинахъ *телячьимъ.* Эпитетъ языка — *чистъ рѣчистъ* языкъ. Кто говоритъ не чисто и нерѣчисто, тотъ нѣмой, то есть, *Нѣмецъ*, вообще иностранецъ. Въ поговоркахъ [2]) нѣмечина слыветъ *хитрою, безвѣрною, басурманскою.* Кажется, Нѣмца русскій человѣкъ ненавидитъ больше Татарина; потому что пословицею говоритъ: «Нѣмецъ хоть и добрый человѣкъ, а все лучше повѣсить», — между тѣмъ, какъ о Татаринѣ выражается: «Люблю молодца и въ Татаринѣ»; потому что татарское иго ужь никого не тяготитъ: «нынѣ про татарское счастье только въ сказкахъ слыхать».

Въ народномъ эпосѣ Орда называется *славною, темною;* Литва — *храброю, поганою;* Чудь — *бѣлоглазою.* Историческія столкновенія съ Польшею и Литвой и доселѣ вспоминаются въ пословицахъ и поговоркахъ: *Полякъ* (или Ляхъ) *безмозглый, безначальный: ляшская, жидовская, собачья вѣра. Литва беззаконная, долгополая, сиволапая, поганая. Ляхъ и подъ старость вретъ. Ляхъ и умираетъ, а ногами дрягаетъ. Чѣмъ дальше въ Польшу, тѣмъ разбою больше.* Въ эпосѣ *Литва* и *Орда* употребляются даже въ нарицательномъ смыслѣ чужой земли вообще. Напримѣръ, заѣзжаго спрашиваютъ: «Ты коей земли, да ты коей орды?» Или: «Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы?» О странствіяхъ Потока Михайлы Ивановича: «Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду».

---

[1]) «Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ?» Спрашиваютъ Татары. Кирѣевск., 4, 39.

[2]) Даля, Пословицы, стр. 364 и слѣд.

Посолъ изъ чужой земли представляется въ видѣ татарскаго баскака, потому называется *грознымъ*. Заслуживаетъ вниманія, что татарщина въ глазахъ эпическихъ пѣвцовъ бросаетъ тѣнь на подъячество. *Дьякъ* или *думный дьякъ* прозывается *выдумщикомъ*. Онъ является на Русь вмѣстѣ съ Батыемъ, между его сыновьями и зятьями, и приводитъ съ собою противъ Русскихъ силы сорокъ тысячъ. Эта эпическая подробность находитъ себѣ подтвержденіе въ литературныхъ памятникахъ временъ татарщины. Такъ въ ростовской легендѣ о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ повѣствуется между прочимъ о татарскомъ баскакѣ, присланномъ отъ хана для рѣшенія юридической тяжбы между князьями и духовенствомъ о правѣ на владѣніе Ростовскимъ озеромъ [1]).

Вѣроятно, въ противоположность басурманскимъ землямъ, Кіевъ называется въ былинахъ *святымъ градомъ*. Живетъ въ немъ *честный* народъ, *вольно-кіевскій*. Потому, согласно съ позднѣйшимъ, православнымъ значеніемъ Кіева, о поѣздѣ богатыря говорится въ обычномъ выраженіи: поѣхалъ онъ

Въ Кіевъ градъ Богу помолится,
Кіевскому князю поклонится.

Однако, несмотря на великую святость Кіева, было время, когда обуяла его басурманщина:

Не по старому въ Кіевѣ звонъ звонятъ.
Не просятъ милостыни спасенныя:
Обнасильничалъ Идолище поганое.

Вообще должно замѣтить, что выраженіе православныхъ идей въ народномъ эпосѣ отличается необыкновенною наивностью. *Божья* церковь величается *матушкой*. Гость, входя въ палаты къ хозяину, молится *чужимъ* образамъ [2]).

---

1) Рыбник., II, 34, 40. О ростовск. легендѣ см. въ моихъ Историч. Очеркахъ, во 2 части.

2) Кирѣевск., III, 82. Рыбник., I, 246, 71, 72, 205, 206, 328. — II, 129, 131. Кирѣевск., I, 33, 41. — IV, 19. Рыбник., I, 284.

Впрочемъ языкъ богатырскаго эпоса во всемъ своемъ строѣ и въ мелкихъ подробностяхъ отзывается глубокою древностію, предшествующею татарщинѣ, и даже еще весьма мало подчинившеюся вліянію православныхъ идей. Понятія о жизни семейной выражаются въ неприкосновенной свѣжести самой ранней эпохи народнаго быта. Мужъ и жена другъ друга называютъ *семьею, семеюшкою.* Такъ Василиса Микулична называла Ставра «любимою семеюшкой, законною сдержавушкой». Наживать дѣтей, это *семью сводить.* Дитя уподобляется посѣву. Такъ Дунаю говоритъ жена его:

У меня съ тобой есть во чревѣ чадо посѣяно,
Принесу тебѣ я сына любимаго...
Дай мнѣ младенца поотродити,
Свои хоть сѣмена на свѣтъ спустить [1]).

Раннія преданія въ былинахъ о великанахъ удерживаютъ на себѣ отпечатокъ древнихъ воззрѣній, сохранившихся въ языкѣ. Какъ Несторъ въ своей лѣтописи говоритъ о великанахъ Обрахъ, что они тѣломъ были велики и умомъ «горды»; такъ и былина характеризуетъ великана эпитетомъ *гордый.* Въ противоположность «ретивому» сердцу богатырей, у великановъ сердце *черное.*

Олицетвореніе рѣки Дуная въ образѣ богатыря сопровождается перенесеніемъ и самаго эпитета отъ рѣки къ ея богатырскому образу. Потому въ былинахъ воспѣвается *тихій* Дунаюшка [2]).

Богатырскія былины, съ которыми читатели могли познакомиться на этихъ страницахъ, далеко не исчерпываютъ необъятнаго содержанія русскаго народнаго эпоса. По изображенію народнаго быта, онѣ только первая ступень его историческаго раз-

[1]) Кирѣевск., II, 31, 35, Рыбник. I, 244, 332, 193, 185.
[2]) Рыбник., I, 314, 313, 187.

витія. Мы остановились на татарщинѣ, которая, налагая тяжелую руку на богатырскую былину, вноситъ анахронизмы въ эпическій циклъ пировъ князя Владиміра, и потомъ, оставляя позади себя богатырей, даетъ эпосу новый видъ, сближая былину съ умильными повѣстями и лѣтописными сказаніями о татарскихъ погромахъ и съ легендами о томъ, какъ Татары оскверняли святыни и мучили князей, которыхъ потомъ церковь причисляла къ лику святыхъ. Черезъ татарщину богатырскій эпосъ переходитъ уже къ собственно историческому.

Съ другой стороны грамотность вноситъ новые элементы въ народную поэзію, и частію производитъ въ эпическомъ вымыслѣ странную путаницу разными книжными намеками, то на средневѣковую Александрію, то на притчи о семи мудрецахъ, то на разные апокрифы, частію даетъ содержаніе цѣлымъ повѣстямъ, напримѣръ, о Соломонѣ и Катоврасѣ, и наконецъ выражается въ обширномъ циклѣ *духовныхъ стиховъ.*

Историческая былина, внося въ себя легендарное содержаніе, сливается съ духовнымъ стихомъ; и наоборотъ, духовный стихъ, разбавляясь народнымъ миѳомъ или прицѣпляясь къ историческому факту, переходитъ въ эпизодъ то миѳическаго, то историческаго эпоса.

Чтобы выдѣлить разнородные элементы изъ этой хаотической смѣси, надобно было сначала разсмотрѣть менѣе сложныя, первичныя основы народнаго эпоса въ пѣсняхъ богатырскихъ. Сборники Кирѣевскаго и Рыбникова предлагаютъ богатый матеріалъ во множествѣ варіантовъ одной и той же былины. Надобно было распутать противорѣчія варіантовъ, и одинъ варіантъ дополнять другими, отличая первоначальное отъ позднѣйшей примѣси.

1862 г

СЛѢДЫ СЛАВЯНСКИХЪ ЭПИЧЕСКИХЪ ПРЕДАНІЙ
ВЪ НѢМЕЦКОЙ МИѲОЛОГІИ.

I.

Чѣмъ богаче и разнообразнѣе развила какая народность свои самобытныя силы на древней основѣ индо-европейскихъ зачатковъ, тѣмъ дальше отдѣлилась отъ нея, опредѣливъ себя наиболѣе оригинальными, индивидуальными чертами. Такъ было съ миѳологіею классическихъ народовъ, и преимущественно Грековъ. Народы, менѣе богатые задатками историческаго развитія, меньше выработали свою миѳологію, свои обычаи и нравы, и не далеко ушли отъ раннихъ преданій первобытной индо-европейской цивилизаціи, сохранившейся въ языкѣ, миѳѣ и эпосѣ. Таковыми оказались Славяне и Литва. Они вынесли съ собою смутныя миѳическія представленія изъ до-историческаго броженія народностей, отдѣлившихся отъ общаго Арійскаго начала, но не успѣли ихъ выработать самостоятельно въ опредѣленныхъ типахъ божествъ, не создали ни Греческаго Олимпа, ни Скандинавскаго Асгарда, жилища божественныхъ Асовъ и Вановъ.

Недостатокъ Славянской миѳологіи удовлетворительно восполняется Нѣмецкою, въ которой во всей ясности разрѣшается многое, что̀ смутно и не развито оставалось въ бытѣ и вѣрованьяхъ Славянскихъ племенъ.

Между новыми народами Нѣмцамъ выпала счастливая доля быть передовыми на пути развитія, какая признается за Греками между народами древними. Необыкновенная энергія нѣмецкой національности уже въ эпоху до-историческую выказала себя блистательнымъ творчествомъ въ эпосѣ космогоническомъ и ѳеогоническомъ. Миѳологія нѣмецкая представляетъ полную и стройную систему, послѣдовательно развившуюся изъ общихъ Арійскихъ зачатковъ и доведенную до самостоятельнаго цѣлаго, округленнаго индивидуальными чертами нѣмецкой народности. Ранніе зародыши общей всѣмъ народамъ первобытной цивилизаціи, на которыхъ закоснѣла Славянская миѳологія, входятъ въ миѳологическую систему нѣмецкой старины, только какъ одинъ изъ последовательныхъ историческихъ моментовъ, получившій живительныя соки для дальнѣйшаго развитія на западѣ.

Семейный и родовой бытъ, осѣдлость и земледѣліе — вотъ главные элементы, изъ которыхъ сложились историческія основы славянской народности. Земля, или земщина, съ ея пашнею и разными угодьями, и Русская семья, упорно отстоявшая свою замкнутость при слабомъ развитіи общественности, которая не пошла дальше эпическихъ предѣловъ *верви*, общины, мирской сходки и вѣча — вотъ самыя существенныя, характерическія явленія Русской жизни, непосредственно вышедшія изъ этихъ раннихъ основъ историческаго пробужденья славянской народности, и какъ бы остановившіяся на нихъ въ слѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій, задержавшихъ успѣшное развитіе жизни.

Русскій народный эпосъ, въ связи съ обще-славянскимъ, предлагаетъ намъ цѣлый рядъ эпизодовъ, въ которыхъ національное сознаніе заявляетъ о великомъ переворотѣ, совершившемся для славянскаго міра въ переходѣ отъ бездомнаго кочеванья къ земледѣльческой осѣдлости. Таковы сказанья — Чехо-Польское о Чехѣ и Лѣхѣ, Кракѣ или Крокѣ, Чешское о Премыслѣ, Русское о Микулѣ Селяниновичѣ, о Змѣиномъ Валѣ и т. п. Но эти эпизоды, низведенные въ область уже героическихъ и

даже историческихъ сказаній, оторваны отъ миѳологической системы и потеряли тотъ связующій ихъ центръ, къ которому они, безъ сомнѣнія, первоначально тяготѣли, бывъ нѣкогда возведены къ миѳу о божественномъ покровителѣ новаго семейнаго, осѣдлаго и земледѣльческаго быта.

Такимъ божествомъ осѣдлыхъ и земледѣльческихъ Славянъ былъ непремѣнно Перунъ. Его знали всѣ Славяне, и по преимуществу Восточные. На Руси онъ чествовался, и на Сѣверѣ, и на Югѣ, и въ Новѣгородѣ и въ Кіевѣ. Потому-то истуканъ его и постановленъ былъ, по повелѣнію князя Владиміра, на горѣ въ Кіевѣ, на первенствующемъ мѣстѣ между прочими истуканами уже второстепенныхъ божествъ. По воззрѣніямъ Сербскаго эпоса, молнія, т. е. Перунъ устрояетъ весь міръ, распредѣляя его между разными властями, которымъ подновленная пѣсня даетъ уже христіанскія имена: на свадьбѣ Свѣтлаго мѣсяца «*Молнія* дары дѣлила: дала Богу небесную высоту, Святому Петру Петровскіе жары, а Ивану ледъ и снѣгъ, а Николѣ на водѣ свободу, а Ильѣ молнію и стрѣлы». Илья *Громовникъ* есть тотъ же Перунъ; но здѣсь, какъ часто случается въ пѣсняхъ, древнее преданье перепутано, и *Молнія* представляется существомъ самостоятельнымъ, отдѣленнымъ отъ Громовника Ильи. Въ другихъ сербскихъ пѣсняхъ, какая-то *Огненная* богиня, получившая позднѣйшее собственное имя Огненной *Маріи*, кажется соотвѣтствуетъ Громовнику Перуну, какъ его супруга, хотя въ пѣсняхъ и называется его сестрою [1]). Потому при раздѣлѣ всего міра Илья получаетъ небесный громъ, а сестра его Марія молнію и стрѣлы.

Можетъ быть, со временемъ подслушанныя изъ устъ народа въ разныхъ славянскихъ земляхъ пѣсни, до сихъ поръ еще неизвѣстныя наукѣ, прибавятъ нѣсколько важныхъ данныхъ для миѳическаго типа Громовника Перуна покровителя земледѣлія и семейнаго быта; но въ настоящее время, чтобъ уяснить себѣ эпическія черты этого божества, надобно обратиться къ нѣмец-

---

[1]) Вука Карадж., Сербск. пѣсни, I, № 230. II, № 2.

кому подобію его въ лицѣ Сѣвернаго Тора. За исключеніемъ немногихъ, собственно мѣстныхъ и національныхъ красокъ, этотъ нѣмецкій типъ объяснитъ намъ многое не только для возсозданія Славянскаго Перуна, но и для надлежащаго пониманія такого національнаго, чисто-Русскаго героя, какъ Илья Муромецъ.

Если въ поэтическихъ миѳахъ о божествахъ народъ возводитъ до идеальнаго представленія свое собственное бытіе, опредѣляемое историческимъ развитіемъ и разными переворотами, а также и мѣстными обстоятельствами; если въ типахъ своихъ божествъ, въ этихъ священныхъ идеалахъ, такъ оконченно возсозданныхъ фантазіею, такъ глубоко проникнутыхъ сочувствіемъ и вѣрованьемъ, народъ видитъ лучшую, благороднѣйшую часть своего собственнаго духовнаго бытія: то въ миѳахъ о верховныхъ божествахъ Сѣвернаго Асгарда, именно о *Торѣ* и *Одинѣ*, можно прослѣдить исторію не одного религіознаго, миѳологическаго сознанія древне-Германскихъ племенъ, но и вообще нравственнаго, умственнаго и бытоваго ихъ развитія. Высоко-художественныя поэтическія произведенія, къ какимъ относится и народный эпосъ, — выражаютъ дѣйствительность не въ одномъ только внѣшнемъ описаніи подробностей быта и природы, не въ одной только вѣрной, фотографической передачѣ того, какъ жилось и думалось, но въ болѣе глубокомъ и широкомъ возсозданіи жизни, въ типическихъ представителяхъ быта, которые въ эстетикѣ называются *идеалами*. Такими идеалами для Германской старины были Одинъ и Торъ.

Въ идеальномъ образѣ Одина, къ характеру первобытной грубости, отваги, не всегда руководимой здравымъ соображеньемъ, въ послѣдствіи присоединились другія черты, внесенныя изъ быта племенъ, болѣе развитаго историческими переворотами, быта воинственнаго, наложившаго печать своего превосходства повсюду, куда являлись завоевательныя полчища, влекомыя жаждою добычи и господства. Гордыя успѣхами своего фактическаго преобладанія, въ эпоху, когда вся Европа подчинялась ихъ могуществу, эти воинственныя толпы выразили свое національное со-

знаніе въ царственномъ идеалѣ Одина, который по облакамъ несется на своемъ конѣ Слейпнирѣ во главѣ неистовыхъ полчищъ (das rasende Heer), и самодовольно обозрѣваетъ страны, подъ его божественнымъ наитіемъ завоеванныя и преобразованныя для умственныхъ и гражданскихъ успѣховъ обновленной Европы. Народный эпосъ съ особенною заботливостью обрабатывалъ этотъ любимый идеалъ, какъ бы желая истощить на немъ всѣ свои поэтическія средства, чтобы дать ему бо́льшую оконченность въ отдѣлкѣ, при всемъ разнообразіи и многосложности внесенныхъ въ него элементовъ изъ жизни, постоянно идущей впередъ по пути историческаго развитія. Одинъ — божество по преимуществу Нѣмецкое. Выходя изъ эпохи титанической, участвуя въ твореніи всего міра, Одинъ мало по малу теряетъ свою первобытную чудовищность, и, сопутствуя успѣхамъ ранней цивилизаціи нѣмецкихъ племенъ, болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ въ своемъ характерѣ утонченныя очертанія позднѣйшей эпохи.

Нѣкоторые нѣмецкіе ученые отличаютъ Одина отъ Тора тѣмъ, что въ первомъ видятъ выраженіе жизни духовной, во второмъ — силъ природы внѣшней [1]). Судя по первоначальному значенію, Торъ дѣйствительно божество стихійное, это не что иное, какъ громъ, потому что самое названіе этого божества есть сокращеніе слова Тонаръ или Тунаръ (т. е. Donner). Какъ божество быта земледѣльческаго, онъ родился отъ матери земли (Iord — erde); отцемъ былъ Одинъ, въ его древнѣйшемъ видѣ, какъ жестокій убійца великана Имира, изъ трупа котораго онъ творилъ міръ. По инымъ преданіямъ Торъ раждается отъ матери-горы (Fiörgyn). Такимъ образомъ въ миѳѣ о рожденіи Тора встрѣчаются два существенно различные варіанта: Торъ — сынъ земли, и потому покровитель земледѣлія, и сынъ горы — врагъ горныхъ великановъ, держащій въ рукахъ страшное орудіе — самоё гору, утесъ, именно hamar, который сначала означалъ камень вообще, а потомъ уже молотъ (hammer), потому что древ-

---

[1]) Uhland, Der Mythus von Thôr. 1836 г., стр. 15.

нѣйшимъ оружіемъ были именно *каменные молоты*. Этотъ молотъ Тора назывался *Мёльниръ*. Онъ былъ крылатый. Поразивъ кого нибудь, онъ самъ возвращался въ руки Тора.

Богъ грома — существо страшное только для злыхъ великановъ, этого заматорѣлаго на землѣ потомства Имирова. Только въ борьбѣ съ злыми силами является Торъ во всемъ своемъ молніеносномъ могуществѣ. Тогда трясется земля и рушатся скалы. Но для людей онъ благодѣтеленъ. Ему родственно все мирное и согласное въ жизни. Потому, хоть онъ и богъ грома, но женатъ на существѣ тихомъ и дружественномъ, на Зифѣ, а самое слово Sif, иначе Sibja, Sippa или Sippe — значитъ миръ, дружба, согласіе, родство, то есть, семья, какъ зародышъ рода-племени [1]). По сѣверному миѳу прекрасные золотые волосы Зифы не что иное, какъ золотые колосья спѣлой жатвы. Эти волосы были выкованы изъ золота въ нѣдрахъ земли подземными карликами-ковачами.

Мирная семейная обстановка Тора говоритъ въ пользу той мысли, что это божество было представителемъ не одной только природы физической. Торъ былъ покровителемъ мирнаго, благотворнаго земледѣлія и семейнаго быта.

Уже самые обычаи его рѣзко отличаются отъ воинскихъ привычекъ другихъ боговъ Сѣвернаго Асгарда. Всѣ они обыкновенно ѣздятъ верхомъ на коняхъ; только онъ одинъ, или идетъ пѣшкомъ, или ѣдетъ въ телѣгѣ, или *на колахъ*, какъ у насъ говорилось въ старину. Въ этотъ экипажъ Тора впряжены были два козла.

Его каменный молотъ (miolnir), страшный для великановъ, есть символъ семейнаго и общественнаго порядка для людей. Молотомъ Тора освящались важнѣйшіе права и обязанности семейныя и общественныя, а также важнѣйшія событія въ жизни человѣка. Имъ освящались, и свадьба, и похороны, и жертво-

---

[1]) Одно и тоже слово измѣняется по нѣмецкимъ нарѣчіямъ: сканд. Sif, готск. Sibja, древне-верхне-нѣмецк. Sippia, Sippa, откуда новое Sippe. — Слич. скандин. Sifjar — согласіе, дружба; Sift — родъ, племя.

приношеніе. Онъ былъ символомъ суда. Даже до позднѣйшихъ временъ, судья, созывая общину на вѣче, возвѣщалъ о томъ посредствомъ молота, который онъ велѣлъ обносить по селенію. Бросаньемъ молота, а потомъ и другаго оружія (потому что молотъ былъ древнѣйшимъ оружіемъ) — опредѣлялось завладѣніе землею и водою [1]). Такъ какъ земледѣліе ведетъ къ осѣдлости, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивается понятіе о собственности: то поселенцы въ далекой Снѣжной землѣ (Snialand), въ Исландіи, посвящали занимаемую ими тамъ землю этому божеству жизни осѣдлой и семейной, захвативъ съ собою изъ Скандинавіи нѣсколько бревенъ или колоннъ изъ его храма, и перевезши ихъ съ собою, какъ драгоцѣнные реликвіи.

Торъ чествовался, какъ родоначальникъ мирнаго населенія, рода-племени. Его называли *Дѣдомъ*, то-есть, *Атли* (откуда собственныя имена Аттила и Этцель). Женское имя, соотвѣтствующее Атли, было *Эдда* — то есть, бабка или прабабка, старуха и старина вообще. Въ честь рода-племени самое собраніе древнѣйшихъ пѣсенъ сѣверной миѳологіи и эпоса было названо Эддою. И Русскіе своего бога родоначальника звали дѣдомъ. а наслѣдственную землю — *дѣдиною*.

Если Одинъ, воинственный предводитель героевъ, былъ предводителемъ благороднаго, независимаго духа побѣдоносныхъ сѣверныхъ дружинъ, былъ родоначальникомъ *Князей*, такъ что нѣмецкое Kunings, Konungr [2]) даже стало господствующимъ повсюду и перешло къ славянамъ въ формѣ *князь:* то, въ противоположность этому аристократическому элементу — болѣе скромный достался въ удѣлъ Тору, какъ представителю трудолюбиваго земледѣльца и какъ защитнику мирнаго сельскаго жителя. Въ немъ выражается начало мирное, народное, миръ-народъ, *земля* или *земщина*, именно въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ понимается это послѣднее слово нашими славянофилами.

---

[1] Як. Гримма, Deutsche Rechtsalterth. Стр. 64, 162.

[2] Первоначально значитъ родоначальникъ вообще (отъ Kuni — родъ, племя).

Важнѣйшая черта, дополняющая народный, *земскій*, вовсе не аристократическій характеръ Тора — это постоянное сообщество его съ людьми изъ земледѣльческаго, крестьянскаго сословія, въ лицѣ служителей его, брата и сестры, *Тіальфи* и *Рёсквы*. Первое имя значитъ *работникъ*, второе — *быстрая приспѣшница*. Заслуживаетъ вниманія сказаніе Новой Эдды о томъ, какъ Торъ сблизился съ этими лицами. Однажды, въ товариществѣ съ хитрымъ Локи, отправляясь на подвиги противъ великановъ Іотовъ, въ ихъ жилище Утгардъ, или Аусгардъ, Торъ остановился ночлегомъ у одного земледѣльца. Убиваетъ своихъ обоихъ козловъ и варитъ ихъ въ котлѣ. Потомъ приглашаетъ хозяевъ, крестьянина съ женой и дѣтей, поужинать вмѣстѣ съ нимъ, поѣсть козлинаго мяса, только наказываетъ имъ, чтобы они бережно складывали оглоданныя кости на разостланную козлиную шкуру. Но сыну крестьянина, Тіальфи, захотѣлось пососать мозгу изъ одной кости, и онъ раскололь ее ножемъ. На другое утро Торъ освящаетъ козлиныя кожи своимъ молотомъ, и оба козла воскресаютъ, только одинъ съ хромою заднею ногою. Только тогда богъ замѣтилъ, что хозяева его небережно обходились съ козлиными костями. Въ страхѣ передъ его гнѣвомъ, мужики просятъ его о пощадѣ; Торъ прощаетъ, но за изъянъ, причиненный козлу, беретъ съ собою обоихъ дѣтей хозяйскихъ, Тіальфи и Рёскву.

Память объ этомъ миѳѣ, можетъ быть, сохранилась въ нашихъ сказкахъ о томъ, какъ брата, превращеннаго въ козла, закалываютъ и варятъ въ котлѣ, и какъ онъ плачется своей сестрѣ, въ слѣдующихъ стихахъ, отзывающихъ глубокою стариною:

Олёнушка, сестрица моя!
Меня-козла колоть хотятъ, —
Точатъ ножи булатные,
Кипятъ котлы кипучіе и т. д.

Во всякомъ случаѣ, въ этой пѣснѣ очевидны слѣды древнѣйшаго преданія о кровавой жертвѣ. Поклонники Тора дѣйстви-

тельно справляли такую жертву: «у Лонгобардовъ былъ обычай — какъ свидѣтельствуется въ Римскомъ Патерикѣ, кн. 3, гл. 28 — приносить въ жертву дьяволу козью голову; жертвоприношеніе сопровождалось бѣганьемъ вокругъ и пѣньемъ бѣсовскихъ пѣсенъ». По ближайшему родству съ Торомъ, и нашему Перуну, вѣроятно, приносилась такая же жертва.

Еще приличнѣе было бы Тору, какъ божеству земледѣльцевъ, ѣздить на быкахъ. Какъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ народныхъ преданіяхъ, такъ и у насъ Торову козлу соотвѣтствуетъ быкъ. Такъ въ одной Русской сказкѣ Иванъ Царевичъ и Елена Прекрасная спасаются отъ миѳическаго Медвѣдя на бычкѣ. Когда преслѣдовавшій ихъ Медвѣдь утонулъ въ рѣкѣ, — «захотѣли они ѣсть; вотъ бычокъ имъ и говоритъ: «зарѣжьте меня и съѣшьте, а *косточки мои соберите* и ударьте; изъ нихъ выйдетъ *Мужичокъ-Кулачокъ* — самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ. Онъ для васъ все сдѣлаетъ». Такъ и случилось. (Аѳанасьева Сказки, VI, стр. 128). Какъ происхожденіе этого миѳическаго всемогущаго слуги мужичка состоитъ въ родствѣ съ земледѣльческимъ быкомъ; такъ и Тіальфи — мужикъ попалъ къ Тору изъ-за увѣчья козла. По другой русской сказкѣ кости убитаго быка сожигаютъ, а пепелъ *сѣютъ*, будто самое плодородное сѣмя. (Смотр. замѣтку въ 4-мъ выпускѣ пѣсенъ Кирѣевскаго, стр. 160).

Торъ, божество мирнаго, земледѣльческаго населенія, не только въ своемъ общемъ характерѣ представляетъ полнѣйшее развитіе идеи о Славянскомъ Перунѣ и Литовскомъ Перкунѣ, но даже и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и аттрибутахъ, или околичностяхъ. Дубъ, дерево священное у Славянъ и Литвы, есть дерево Тора. Торъ представляется съ красной (огненной) бородою. Несторъ свидѣтельствуетъ, что у истукана Перунова, постановленнаго Княземъ Владиміромъ въ Кіевѣ, голова была серебряная, а *усъ златъ*. Какъ древніе и средневѣковые писатели Нѣмецкаго Тора называли латинскимъ именемъ Юпитера, такъ

и Славяне Перуномъ переводили для себя это классическое божество[1])

Миѳологическій эпосъ Сѣверныхъ племенъ повѣствуетъ о множествѣ похожденій и подвиговъ бога Тора, изображая въ мелкихъ оттѣнкахъ его личность и характеръ. Это такой-же живой, поэтическій типъ, какіе создала греческая фантазія изъ своихъ Олимпійскихъ боговъ. Не зная нашего Перуна, какъ живую личность, сложившуюся изъ элементовъ дѣйствительности, и возведенную до идеала, по крайней мѣрѣ по миѳамъ о нѣмецкомъ Торѣ мы можемъ составить себѣ понятіе о томъ, чего не доставало Славянамъ уже въ самую начальную эпоху ихъ умственнаго, религіознаго и поэтическаго развитія, и на сколько нѣмецкія племена во всемъ этомъ опередили Славянъ.

Изъ пѣсенъ древней Эдды останавливаюсь на эпизодѣ, подъ названіемъ: *Возвращеніе молота* (Hamarsheimr).

Однажды, проснувшись поутру, Торъ не нашелъ при себѣ своего молота. Напрасно его ищетъ, и приходитъ въ неописанную ярость. Потомъ сообщаетъ о своей пропажѣ коварному Локи, безъ котораго не обходится дѣло ни въ какомъ случаѣ, гдѣ нужна хитрость и обманъ. Только хитрый Локи съумѣетъ разузнать, куда дѣвался священный молотъ. Торъ и Локи идутъ въ палаты прекрасной Фреи, супруги Одиновой и просятъ у нея ея *одѣжды изъ перьевъ*, ея *пернатой сорочки*. Фрея съ удовольствіемъ даетъ свое одѣянье, будь оно хоть изъ серебра и золота. Локи надѣваетъ на себя перья Фреи и летитъ изъ жилища Асовъ, изъ Асгарда, въ Іотунгеймъ, или жилище Іотовъ. И видитъ: на холмѣ сидитъ господинъ великановъ Турсовъ, именемъ Тримъ, вьетъ золотыя привязи своимъ собакамъ, чиститъ и холитъ гривы конямъ. Онъ спрашиваетъ Локи: что̀ новаго у Асовъ и Альфовъ, и зачѣмъ Локи одинъ прибылъ въ Іотунгеймъ? — «Бѣда случилась у Асовъ и Альфовъ — отвѣчаетъ Локи: не ты ли спряталъ молотъ Тора»? — «Я спряталъ молотъ Тора —

[1]) Въ Чешскихъ глоссахъ Mater verborum, 1202 г.

отвѣчаетъ великанъ — на восемь поприщъ подъ землю; никто его не достанетъ: развѣ только дадутъ мнѣ въ жены Фрею»!

Постоянное стремленіе суровыхъ великановъ — добыть въ свое жилище прекрасную Фрею. Тоже условіе было предлагаемо ими Асамъ за постройку стѣнъ кругомъ Мидгарда [1]).

Съ предложеніемъ Трима Локи возвращается къ Тору. Оба они идутъ къ Фреѣ: она должна надѣть покрывало невѣсты и отправиться въ Іотунгеймъ. Отъ такого предложенія Фрея приходитъ въ страшный гнѣвъ, такъ что самыя палаты Асовъ восколебались: она была бы самая развратная женщина, если бы рѣшилась на такой поступокъ. Собрались всѣ Асы, боги и богини, и стали судить и рядить, какъ помочь горю. Рѣшено было, чтобъ самъ Торъ одѣлся невѣстою и въ видѣ Фреи отправился въ Іотунгеймъ. «Но вѣдь тогда Асы будутъ называть меня бабою — возразилъ Торъ — если я надѣну покрывало невѣсты»! Но Локи уговорилъ его тѣмъ, что безъ его молота Іоты скоро могутъ завладѣть Асгардомъ. Тогда Торъ надѣваетъ на себя платье и украшенья Фреи и ея драгоцѣнную гривну или ожерелье [2]). Перерядился и Локи прислужницею и спутницею невѣсты. Оба сѣли въ повозку, запряженную парою козловъ, и поѣхали. Горы трещатъ; земля пылаетъ: сынъ Одиновъ ѣдетъ въ Іотунгеймъ. Тримъ въ ожиданіи невѣсты велитъ убрать свое жилище. Все у него есть: и драгоцѣнности всякія дорогой кузнечной работы, и коровы съ золотыми рогами, и черные быки пасутся на его дворѣ, ему на потѣху (будто у Циклопа въ Одиссеѣ); только не достаетъ ему для полнаго счастія — одной Фреи. Но вотъ къ вечеру пріѣзжаютъ желанные гости. Начинается свадебный пиръ. Невѣста одна съѣдаетъ цѣлаго быка, восемь огромныхъ рыбъ и всѣ сласти, какими лакомятся женщины; потомъ выпиваетъ три бочки меду. Никогда не видывалъ Тримъ такого аппетита у невѣстъ; никогда не видывалъ, чтобъ

---

1) См. этотъ миѳъ въ моихъ Очеркахъ, кн. 1-я.

2) См. знаменитую въ нѣмецкомъ эпосѣ подъ именемъ Bresinga mene или Brósinga mene.

женщина могла выпить столько меду. Ловкая приспѣшница замѣчаетъ: «Фрея вѣдь ничего не ѣла цѣлыхъ восемь дней[1]): такъ желалось ей поскорѣе въ Іотунгеймъ». И захотѣлъ Тримъ поцѣловать свою невѣсту, заглянулъ на нее подъ покрывало, и такъ испугался ея блестящихъ, огненныхъ взоровъ, что отпрыгнулъ на другой конецъ палаты. Ея наперстница опять ввернула словечко: «Не спала Фрея цѣлыхъ восемь ночей: такъ ее тянуло поскорѣе въ Іотунгеймъ». Наконецъ пора совершить обрядъ бракосочетанія. Онъ долженъ быть освященъ молотомъ Тора. Тримъ велитъ его принести и положить на колѣни невѣстѣ по принятому обычаю. *Засмѣялось въ груди сердце Глорриди* (т. е. Тора), когда онъ увидѣлъ свой молотъ. Схватилъ его, сначала разможжилъ самого Трима, потомъ перебилъ и остальныхъ Іотовъ. Такимъ-то образомъ сынъ Одина воротилъ свой молотъ.

Въ этомъ прекрасномъ эпизодѣ, такъ же какъ въ поэмахъ Гомера, поэзія беретъ уже перевѣсъ надъ миѳологіею, и благоговѣніе къ строгому религіозному культу уже нѣсколько нарушается игривою ироніею эпическаго раскащика, который въ самихъ богахъ уже осмѣлился подсмотрѣть слабыя стороны человѣческихъ страстей; однако, и въ пѣсняхъ Эдды, и въ рапсодіяхъ Гомерическихъ поэтическая форма еще такъ прозрачна, что нисколько не закрываетъ собою внутренняго, собственно миѳологическаго смысла преданія.

Торъ, божественный представитель поколѣнія земледѣльческаго, покоряетъ Трима и его великанскихъ собратій, которые, какъ Циклопы Гомеровой Одиссеи, проводятъ свою безъизвѣстную, невѣжественную жизнь въ первобытномъ состояніи пастуховъ.

Тримъ живетъ въ странѣ холода, бурь и вѣтровъ, въ Тримгеймѣ. Какъ представитель вѣчнаго холода, а вмѣстѣ и жизни грубой, безсемейной и необщительной, онъ похищаетъ изъ Асгарда великое сокровище, котораго недостаетъ для благоденствія

[1]) Въ подлинникѣ: *восемь ночей*, потому что сѣверный эпосъ *зимами* и *ночами* измѣряетъ время, а не *лѣтами* и *днями*.

великановъ, именно Торовъ молотъ, символъ не только тепла и лѣта и земледѣльческаго довольствія, но и семейнаго и общественнаго порядка. Чтобы совершить бракъ въ странѣ Іотовъ, надобно было принести именно этотъ молотъ, а не какой нибудь другой[1]).

Чтобъ дать понятіе о великанахъ горныхъ и о борьбѣ съ ними Тора, привожу изъ Новой Эдды сказаніе о Грунгнирѣ. Это былъ сильнѣйшій великанъ изъ породы Іотуновъ. Голова у него каменная, сердце тоже изъ самаго твердаго кремня, и притомъ треугольное. Вооруженіе тоже изъ камня: каменный щитъ и огромный осёлокъ, который онъ носитъ на плечѣ. Это самый опредѣленный и полный типъ горнаго великана, олицетвореніе безплодной скалы. Но сколько ни былъ страшенъ Грунгниръ своею каменною силою, Іоты боялись пустить его одного безъ товарища въ бой съ Торомъ. Въ товарищи Грунгниру сдѣлали они тоже великана изъ глины, въ девять поприщъ вышиною и въ три толщиною, и вложили въ него сердце кобылы. Торъ отправляется на мѣсто битвы съ своимъ слугою Тіальфи. Глиняный великанъ — какъ и слѣдовало ожидать — тотчасъ же струсилъ; но Грунгниръ храбро встрѣчаѐтъ враговъ, заслоняясь щитомъ. Тіальфи говоритъ ему слѣдующія слова, въ которыхъ очевидно намекается на основную идею миѳа о борьбѣ божества плодородной земли съ представителями безплодныхъ скалъ: «Плохо ты защищаешься, Іотунъ! Держишь ты щитъ передъ собою. Но тебя увидѣлъ Торъ, онъ ѣдетъ внизу по землѣ, и находитъ на тебя снизу»! Тогда Грунгниръ бросаетъ щитъ на землю и становится на него, схвативъ обѣими руками свое оружіе — скалу. Вдругъ блеснула молнія и раздался громовой ударъ. Является Торъ во всемъ своемъ гнѣвѣ, и бросаетъ молотъ-Мёльниръ въ Грунгнира. Великанъ на встрѣчу молоту бросаетъ свою скалу, но молотъ Тора разбиваетъ ее на двое: одна

---

[1]) Иные ученые вмѣстѣ съ Уландомъ даютъ слишкомъ тѣсное значеніе этому миѳу, толкуя его борьбою холода съ тепломъ и побѣдою лѣта надъ зимою.

половина падаетъ на землю (отчего произошли оселковыя скалы), а другая половина обрушилась на голову самому Тору. Торъ падаетъ, но его молотъ въ дребезги размозжилъ голову великана. Великанъ тоже упалъ, и одна нога его угодила какъ разъ на шею Тору. Между тѣмъ Тіальфи низвергаетъ глинянаго товарища, но никакъ не можетъ высвободить Тора. Асы, узнавъ о бѣдѣ, спѣшатъ на помощь, но ничего не въ силахъ сдѣлать, и только юный сынъ Тора, трехъ ночей отъ роду, по другому чтенію, трехъ зимъ, то есть, трехъ лѣтъ, по имени *Магни* (значитъ *сила*), то есть, *возродившаяся сила* самого божества, высвобождаетъ и спасаетъ его, подобно тому, какъ у нашего Ильи Муромца — когда низвергъ его Жидовинъ великанъ — *лежучи у Ильи втрое силы прибыло.*

Основная мысль этого сказанія о побѣдѣ трудолюбиваго земледѣлія надъ каменистою и глинистою почвою — явствуетъ сама собою. Хотя сказаніе дошло уже въ позднѣйшемъ видѣ, въ Новой Эддѣ, но эпизодъ о борьбѣ Тора съ Грунгниромъ вошелъ уже въ поэму древнѣйшей эпохи, сочиненную однимъ скальдомъ XI вѣка. Эта борьба предполагается извѣстною даже въ пѣсняхъ древней Эдды, въ которыхъ Торовъ молотъ между прочимъ называется *убійцею Грунгнира*, то есть, такимъ орудіемъ, которымъ земледѣліе покоряетъ себѣ безплодную почву.

Одинъ изъ раннихъ подвиговъ нашего Ильи Муромца — это борьба съ горою, которую онъ, еще будучи на родинѣ въ Муромской области, столкнулъ въ Оку рѣку.

Освободившись изъ подъ Грунгнира, Торъ возвращается домой, но съ поврежденною головою, въ которой все еще торчала половина камня, пущеннаго въ него великаномъ. На помощь ему является *вѣщая Гроа*, жена *Орвандиля Смѣлаго*[1]). Она

---

[1]) Grôa значитъ ростъ, растеніе, *зелень посѣва*, отъ глагола at grôa, который имѣетъ тотъ же двоякій смыслъ, который придается характеру и дѣйствіямъ вѣщей женщины: рости, зеленѣть, и вмѣстѣ заживлять, исцѣлять. Örvandil значитъ *дѣйствующій стрѣлою*, отъ ör — стрѣла и at vanda — дѣлать, производить. Извѣстно, что стрѣла и лучъ сближаются и въ языкѣ. и въ миѳологіи.

поетъ на исцѣленіе Тора чародѣйскія, вѣщія пѣсни, чтобъ вышелъ изъ головы его осколокъ скалы. Но въ награду за то, Торъ долженъ возвратить чародѣйкѣ ея мужа съ далекаго сѣвера, изъ волнъ Эливагара, изъ страны великановъ Іотовъ. Торъ отправляется, и переноситъ Орвандиля черезъ волны, въ лукошкѣ, какъ мужики таскаютъ въ лукошкахъ плоды своихъ земледѣльческихъ трудовъ. Только дорогой Орвандиль, высунувъ изъ лукошка палецъ одной своей ноги, отморозилъ его. Тогда Торъ оторвалъ его прочь и кинулъ въ небо, отчего и произошла звѣзда, извѣстная подъ именемъ *Пальца Орвандилева* (Örvandilstâ). Гроа такъ обрадовалась прибытію своего мужа, что перезабыла всѣ свои вѣщія пѣсни: потому въ головѣ Тора и остался навсегда осколокъ камня.

Какъ ни первобытны основныя миѳическія идеи этого преданія, но, вмѣстѣ со всѣмъ строемъ древнѣйшихъ вѣрованій будучи глубоко вкоренены въ нѣмецкой народности, они въ теченіе вѣковъ не переставали оказывать свое дѣйствіе, выражаясь то въ какомъ нибудь религіозномъ типѣ католическаго искусства и догматовъ, то въ исторической сагѣ, давшей содержаніе драматическому произведенію. Такіе глубокіе корни пустилъ миѳъ объ Орвандилѣ и въ католичествѣ вообще, и въ искуствѣ, и въ драматической поэзіи.

Сказаніе о томъ, какъ Торъ переноситъ Орвандиля по волнамъ, изслѣдователи давно уже сближали съ католическою легендою о Христофорѣ, переносившемъ по водѣ на своихъ плечахъ младенца Христа. По католическимъ преданіямъ Христофоръ представляется великаномъ, съ страшнымъ лицомъ, и, какъ Сѣверный Торъ, съ красными волосами [1]). Отъ этого же божества

[1]) См. Вольфа Beiträge zur deutschen Mythologie. 1852 г., стр. 98—99. Въ Legenda Aurea Христофоръ описывается, будто существо миѳическое: «fuit corporis statura procera admodum et gigantea proceritate, duodecim ulnas cubitosve altus, ut vix pinum invenias proceriorem». Гл. 95. Объ немъ же въ одномъ католическомъ стихѣ поется: «Visu fulgens, corde vibrans et capillis rutilans». — Въ восточныхъ преданіяхъ этому типу придается другой характеръ. Необычайность его обозначается *песьею головою*.

Христофоръ наслѣдовалъ власть надъ громомъ, грозою и градомъ. Въ старинный храмъ Христофора въ Кёльнѣ приходили молиться объ избавленіи отъ грозы и непогоды и отъ побитія градною тучею.

Отъ легенды перехожу къ драмѣ. Извѣстно, что Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ Гамлета изъ народнаго разсказа, переданнаго еще во второй половинѣ XII вѣка Саксономъ Грамматикомъ въ Датской Исторіи. А это сказаніе о Гамлетѣ основано на миѳѣ объ Орвандилѣ.

Вотъ содержаніе Саксоновой саги объ этомъ героѣ, котораго она называетъ Горвендилемъ (Horwendillus).

Горвендиль и братъ его Фенго были правители Ютландіи. Своими знаменитыми морскими походами Горвендиль возбудилъ соревнованіе въ Норвежскомъ королѣ Коллерѣ. Противники сходятся на одномъ морскомъ островѣ; Горвендиль побѣдилъ врага и убилъ его; потомъ женился на дочери Датскаго короля Рёрика, на Герутѣ, и прижилъ съ нею Амлета. Наконецъ былъ убитъ изъ зависти своимъ братомъ Фенго, который потомъ женился на его вдовѣ.

Народная, чисто-мѣстная сказка о мщеніи Амлета, которой Саксонъ Грамматикъ посвящаетъ нѣсколько страницъ своей исторіи, впослѣдствіи сдѣлалась драгоцѣннымъ достояніемъ всего образованнаго человѣчества, въ одномъ изъ глубочайшихъ произведеній Шекспира.

Какъ Греческая трагедія расцвѣла на плодотворной почвѣ народнаго эпоса; такъ и эпосъ Нѣмецкій былъ надѣленъ такою живучею, производительною силою, что своимъ вліяніемъ еще обаялъ фантазію самаго геніальнаго изъ поэтовъ христіанскаго міра.

Но воротимся къ Тору, и разсмотримъ еще одинъ изъ многихъ миѳовъ о немъ въ Новой Эддѣ.

Получивши въ уплату за увѣчье козла двоихъ дѣтей крестьянина — какъ было уже объ этомъ разсказано — Торъ вмѣстѣ съ ними и съ своимъ товарищемъ Локи отправляется пѣшкомъ на востокъ въ Іотунгеймъ. На пути встрѣчаютъ они море и черезъ

него переѣзжаютъ; потомъ вступаютъ въ густой лѣсъ, по которому идутъ цѣлый день. Тіальфи несетъ сумку Тора. На ночлегъ остановились они въ одномъ очень странномъ зданіи, дверь котораго шириною во весь этотъ домъ. Ночью были они напуганы страшнымъ шумомъ, громомъ и землетрясеніемъ, такъ что отъ ужаса выбѣжали изъ своего убѣжища. На утро увидѣли они огромнаго великана. Шумъ и громъ ночью происходилъ отъ его храпѣвья; а ночевали они въ его руковицѣ, которая напоминаетъ намъ русскій эпизодъ о томъ, какъ Илья Муромецъ спрятался въ карманѣ Святогора [1]). Великана звали Скримиромъ. Онъ предложилъ себя въ спутники Тору и его товарищамъ, и понесъ на спинѣ весь ихъ багажъ. Торъ трижды покушался ночью убить страшнаго великана — и всѣ три раза понапрасну. Удары страшнаго молота казались Скримиру ни по чемъ, будто свалился на него жолудь, упалъ листокъ или мохъ. Точно также ничтожны кажутся вѣщей дочери Селяниновича смертоносные удары нашего Добрыни Никитича [2]).

Прежде чѣмъ буду продолжать разсказъ, полагаю нелишнимъ предупредить недоумѣніе тѣхъ, кто не привыкъ къ сравнительному методу въ изученіи народностей. Сближая эпизоды изъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ или Добрынѣ Никитичѣ съ подробностями Сѣвернаго миѳологическаго эпоса, мы вовсе не имѣемъ въ виду мысли о заимствованіи изъ одной національности въ другую, ни даже о рѣшительномъ сродствѣ, на чемъ бы оно ни основывалось. Но эти сближенія для науки важны потому только, что мелкими подробностями дополняютъ они и безъ того уже очевидное первобытное сродство между собою всѣхъ Индо-европейскихъ народовъ и особенно связанныхъ такъ близко историческими и мѣстными условіями, каковы Славяне и Нѣмцы.

Дошедши до горъ близь Утгарда (Ausgard), Скримиръ оставляетъ своихъ спутниковъ, и они одни входятъ въ высокій городъ

---

[1]) Пѣсни, собранныя г. Рыбниковымъ, I, 36.

[2]) Пѣсни, собранныя г. Рыбник., I, 128. Пѣсни Кирѣевск., 2, 30.

царя Утгардс-Локи, въ жилище страшныхъ великановъ. Царь съ пренебреженіемъ относится о Торѣ, и спрашиваетъ пришельцевъ, чему они горазды? Локи хвалится тѣмъ, что онъ побѣдитъ обжорствомъ всякаго изъ живущихъ въ этомъ царствѣ. Тогда царь велѣлъ поставить на полу корыто съ рыбою, и призвалъ Логи (Logi) на состязаніе съ Локи. Съ одинаковою жадностью стали ѣсть оба, одинъ съ одного конца корыта, другой съ другаго, и встрѣтились на серединѣ корыта. Но оказалось, что Локи ѣлъ только мясо, а Логи пожиралъ и кости и самое корыто, и потому превзошелъ своего противника. За тѣмъ учреждается состязаніе въ бѣганьѣ. Крестьянину Тіальфи дается въ соперники Гуги (Hugi), который трижды его обгоняетъ. Потомъ Торъ, какъ Русскій богатырь на пиру Князя Владиміра, предлагаетъ себя помѣриться съ кѣмъ нибудь въ питьѣ. Царь указываетъ ему обыкновенный у нихъ рогъ, изъ котораго всегда пьютъ великаны, — кто одинъ рогъ, кто два, кто три. Принялся изъ него пить Торъ, но сколько ни силился, не выпилъ и половины. Издѣваясь надъ сильнѣйшимъ изъ боговъ, царь предлагаетъ ему поднять его кошку: но Торъ могъ приподнять только одну ея лапу, и, пришедши въ негодованіе и ярость, вызываетъ кого нибудь изъ великановъ съ нимъ драться. Продолжая издѣваться, царь велѣлъ призвать на поединокъ свою кормилицу, уже старуху, по имени Элли (Elli). Но и это состязаніе не удалось Тору: старая баба его побѣдила, поваливъ на земь, какъ Баба Горынинка одолѣла-было Добрыню, или какъ самому Ильѣ Муромцу приходилось-было плохо отъ вѣщихъ женъ стараго поколѣнія великанскаго. Послѣ того царь угостилъ своихъ гостей, а на другой день, провожая ихъ изъ своего города, спрашивалъ Тора: хорошо ли его употчивали, и нашелъ ли онъ кого посильнѣе себя? Къ стыду своему Торъ вынужденъ былъ признаться, что его побѣдили. Тогда, въ утѣшеніе ему, царь открылъ сущую правду: что во всѣхъ этихъ пробахъ силы и могущества было одно только *помраченье*, что имъ отводили глаза. Онъ же, самъ царь, встрѣтилъ ихъ въ лѣсу, назвавшись Скримиромъ. Три удара молотомъ

Торъ нанесъ не по лбу его, а по скаламъ. Такое же обморачиванье было и во всѣхъ остальныхъ приключеніяхъ. Локи пожиралъ пищу съ необычайной жадностью; но могъ ли онъ сравниться съ Логи (значитъ *огонь*), съ *дикимъ огнемъ*, который сожигалъ и кости, и дерево? Могъ ли и Тіальфи обогнать Гуги, который есть не что иное, какъ собственная *моя мысль* (hugi minn)? Наконецъ рогъ, изъ котораго ты пилъ, былъ погруженъ въ море: гдѣ же было тебѣ выпить цѣлый океанъ? Но когда ты поднялъ лапу кошки, всѣ ужаснулись твоей силѣ, потому что эта кошка моя вѣдь не что другое, какъ великій змій Мидгарда, окружающій всю землю; дрался же ты и боролся съ Элли, то есть, *со старостью*, противъ которой кто устоитъ? На прощаньи Торъ замахнулся было на царя великановъ своимъ молотомъ; но и самъ царь и весь городъ мгновенно исчезли, — а на мѣсто того очутились зеленые луга.

Вотъ до какого грамматически-философскаго толкованья могли выродиться миѳы о борьбѣ Тора съ Іотами, уже въ XIII вѣкѣ, въ Новой Эддѣ!

Нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ этого сказанья, впрочемъ слишкомъ искусственнаго и обдуманнаго, лежитъ болѣе простая мысль о борьбѣ Тора и его спутниковъ съ демоническими и стихійными силами Іотовъ, о роковой встрѣчѣ боговъ новыхъ съ старыми, новаго поколѣнія съ страшною стариною, которая уже только мерещилась, какъ вражье наважденье и обморачиванье. И конечно, не отъ Новой Эдды, а изъ источниковъ древнѣйшихъ, и у Нѣмцевъ, и у Славянъ, и у народовъ Романскихъ, даже Финскихъ, идетъ цѣлый рядъ сказокъ о сверхъестественныхъ обжорахъ, о необычайныхъ бѣгунахъ и другихъ чудищахъ, вступающихъ въ состязаніе съ великанами, чертями и другими фантастическими лицами. Сюда относятся сказки о Семи Семіонахъ, о Поповомъ батракѣ Балдѣ, состязавшемся съ самимъ чортомъ; сюда же относятся наши былины о томъ, какъ мѣрился своими силами Илья Муромецъ съ безобразнымъ великанскимъ чудовищемъ, и какъ наконецъ долженъ былъ отказаться отъ

страшной силы не въ мѣру, отъ такой силы, которую и земля не держитъ.

Впрочемъ, древнѣйшему миѳу сказаніе Новой Эдды даетъ совершенно иной видъ, переработавъ миѳическія идеи въ игривые, поэтическіе образы, и будто издѣваясь надъ слабостями человѣкообразнаго Тора, а съ другой стороны и миѳологію и поэзію — разрѣшая путемъ философскаго анализа, доводя сознаніе до уразумѣнія той непреложной истины, что и боги новые, какъ они ни сильны и славны, должны подчиниться роковому могуществу законовъ природы.

Изъ приведенныхъ эпизодовъ изъ Древней и Новой Эдды, кажется, довольно видно, до какой полноты и совершенства въ нѣмецкой народности обработаны были и въ поэтическомъ, и вообще въ умственномъ отношеніи общія у Славянъ съ Нѣмцами миѳическія преданія *о Торѣ-Перунѣ.* Что у Славянъ оставалось въ первобытныхъ зародышахъ, то въ Нѣмецкихъ племенахъ пустило глубокіе корни и получило блистательное развитіе не только въ поэзіи, но и вообще въ умственномъ и нравственномъ сознаніи своихъ національныхъ силъ, выработанныхъ миѳологіею и эпосомъ. Во многомъ объясняя и дополняя нашего Перуна и Литовскаго Перкуна, Нѣмецкій Торъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и посредникомъ между Славяно-Литовскимъ Громовникомъ и Индійскимъ *Индрою.*

Оставляя другія черты миѳическаго типа, замѣтимъ, что Индійскій богъ, также какъ Торъ, имѣетъ своимъ оружіемъ молотъ, который тоже самъ собою возвращается въ руки бога. Индра также съ золотою бородою. Охраняетъ плодородіе и благоденствіе отъ злобныхъ демоновъ и находится въ борьбѣ съ страшнымъ зміемъ.

II.

Говоря о покровителѣ земледѣльческаго и осѣдлаго быта, необходимо коснуться миѳовъ о *Землѣ,* какъ о всеобщей *матери-кормилицѣ,* о *Мать-сырой-Землѣ,* какъ это миѳическое лицо ве-

личается въ обычномъ выраженіи Русскаго эпоса. Можно съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, по отрывочнымъ чертамъ, тамъ и сямъ разсѣяннымъ въ русскихъ преданіяхъ, составить себѣ неполный образъ этой богини, даже можно надѣяться, что новыя открытія въ рукописной старинѣ и устной народной поэзіи когда нибудь дадутъ этому образу болѣе осязательную форму; но во всякомъ случаѣ, кажется, безошибочно можно утверждать и теперь, что Славянскій эпосъ вообще мало оказалъ способности къ возсозданію миѳическихъ типовъ богинь. Что онѣ были, въ томъ увѣряютъ эпическія сказанія о вѣщихъ дѣвахъ, сверхъ-естественныхъ героиняхъ, повѣрья о Вилахъ, Русалкахъ, Полудницахъ; но недостатокъ Славянской миѳологіи въ ея генеалогическомъ развитіи, то есть, въ миѳахъ о рожденіи однихъ боговъ отъ другихъ и о ихъ брачныхъ союзахъ естественнымъ образомъ совпадалъ съ недостаткомъ въ миѳахъ о женственныхъ, *раждающихъ* типахъ. Самыя дѣвы вѣщія тѣмъ существенно и отличаются отъ богинь, что онѣ перестаютъ быть вѣщими, сверхъестественными, какъ скоро дѣлаются способными родить. Таковы всѣ вѣщія дѣвы Русскаго богатырскаго эпоса; такова Чешская Любуша, сила и слава которой затмеваются вмѣстѣ съ замужствомъ; Польская Ванда потому только осталась навсегда вѣщею дѣвою, что, отказавшись отъ брака, спасла свою вѣщую силу въ волнахъ Вислы.

Итакъ, Славянскій миѳологическій эпосъ не сложилъ полнаго и опредѣлительнаго типа Матери-Земли, не развилъ его жизненными и бытовыми подробностями, которыя послужили бы характеристическими чертами для религіознаго и поэтическаго идеала матери боговъ и людей, великой кормилицы земледѣльческихъ племенъ. Нѣмцы опять восполняютъ намъ то, чего не достаетъ Славянамъ. Еще Тацитъ въ своей Германіи (гл. 40) свидѣтельствуетъ, что Германскія племена чествовали Мать Землю подъ именемъ *Нерты* (Nerthus). Какъ божество быта земледѣльческаго и осѣдлаго, она повсюду приносила съ собою миръ, согласіе и плодородіе, когда являлась между народами, везомая на колесницѣ

парою коровъ, которыя — начиная съ миѳа объ Индійскомъ Индрѣ до Чешскаго Премысла, пашущаго двумя волами — составляютъ аттрибутъ плодородія и осѣдлаго довольства. Колесница или телѣга Нерты, покрытая запоною, стояла въ священной рощѣ, на нѣкоторомъ островѣ, на Морѣ-Океанѣ, на островѣ — на *Буянѣ*, какъ сказалъ бы русскій народный пѣвецъ. Только жрецъ осмѣливался приступить къ этой святынѣ. Когда онъ чуялъ присутствіе богини, тогда сопровождалъ ее въ колесницѣ, везомой парою коровъ. Вездѣ наступали веселые дни; все украшалось, все было свѣтло и радостно, куда только соблаговолитъ богиня направить свое теченіе. Перестаетъ война, замолкаетъ шумъ оружій, — миръ и тишина господствуютъ до тѣхъ поръ, пока богиня остается между смертными. Но когда она возвращается восвояси, тогда погружается въ морскія волны, а вмѣстѣ съ нею и колесница, покрытая запоною.

Богиня земли, Мать-сыра-Земля, какъ кажется, была родоначальницею божественнаго племени Вановъ, которыхъ приняли въ свое общество боги Асы, и вмѣстѣ съ Ванами составили тотъ Сѣверный Олимпъ, который въ Скандинавской миѳологіи называется Асгардомъ, или жилищемъ Асовъ. Племя Вановъ было прекрасное, разумное и трудолюбивое, вѣроятно, уже познавшее цѣну осѣдлаго земледѣлія. Фрея и Фрей, прекрасныя божества изъ этого племени, были дѣти *Ніорда*, а *Ніордъ* есть не болѣе, какъ измѣненіе на мужескій родъ Тацитовой Нерты (Nerthus), Матери-Земли. Самъ Ніордъ былъ тоже изъ Вановъ. Отсюда можно заключить, что именно Ваны внесли въ Сѣверный Асгардъ идею о земледѣліи, и что поклоненіе кормилицѣ-землѣ и чествованье божества быта земледѣльческаго возникло тогда, когда Асы заключили съ Ванами дружескій союзъ и скрѣпили его родственными связями. Богъ Торъ, хотя и изъ породы Асовъ, но какъ покровитель земледѣлія и крестьянъ, земщины, родился отъ Матери-Земли. Если вѣрна догадка нѣкоторыхъ ученыхъ, что *Ваны* не что иное, какъ *Венды*, то есть, Славяне, то Скандинавскій эпосъ сберегъ для насъ блистательныя свидѣтельства о

томъ, что сами Нѣмцы относительно быта земледѣльческаго, въ извѣстный періодъ своего развитія, подчинились вліянію мирныхъ и земледѣльческихъ Славянъ, и этотъ моментъ своего развитія выразили о родствѣ Асовъ съ Ванами, прекрасными и разумными, но уступающими Асамъ въ могуществѣ и отвагѣ, и подчиняющими свою женственность мужскому превосходству, въ лицѣ прекрасной Фреи (Славянская Прія), вышедшей замужъ за воинственнаго Одина.

Плодородіе, будетъ ли то въ природѣ растительной или животной, а также между человѣками и богами — вотъ главная идея, на которой основывается цѣлый рядъ богинь Германской миѳологіи. Но какъ эта идея образовалась въ эпоху болѣе развитаго земледѣльческаго быта, то она получила двоякое направленіе — въ поклоненіи *свѣту* и *теплу*, какъ силамъ плодотворящимъ, и въ поклоненіи *Землѣ*, какъ матери рождающей. Такимъ образомъ, съ того самаго момента, какъ начинается въ миѳологіи родословіе боговъ, тотчасъ же — вмѣстѣ съ идеею о рождающей силѣ — возникаетъ необходимость *богини*, покровительницы плодородія.

Но почему богиня земли пребываетъ на отдаленномъ морскомъ островѣ и погружается въ волны океана? Какая связь между плодоносною Матерью Землею и безплоднымъ океаномъ?

Рѣшеніе этихъ вопросовъ, можетъ быть, окажется не безполезнымъ для объясненія Русскихъ былинъ, въ которыхъ очевидны преданья о миѳическомъ чествованіи рѣкъ и воды вообще.

Надобно начать издалека. Шеллингъ въ 10-й лекціи, во 2-мъ томѣ своей Философіи Миѳологіи указываетъ на переходъ къ идеѣ о женскомъ божествѣ, о богинѣ, какъ на рѣшительный поворотъ въ религіозномъ процессѣ *къ многобожію,* объясняя этотъ поворотъ внутреннею потребностью въ развитіи самой миѳологіи. Эта мысль, въ ея чисто-философскомъ развитіи — безспорно принадлежитъ къ самымъ свѣтлымъ, блистательнымъ въ замѣчательной книгѣ великаго философа. Но приложеніе ея къ греческому миѳу объ *Уранѣ* едва ли вполнѣ объясняетъ зарожденіе

идеи о женственности въ нѣдрахъ божества. Чтобъ перейти въ женственность, богъ Уранъ будто бы долженъ былъ лишиться своей *мужеской силы* (извѣстная, наивная сказка объ Уранѣ), и будто бы только тогда сталъ возможенъ переходъ его въ *Уранію* или *Афродиту* (при этомъ тоже разумѣется наивная сказка о рожденіи Афродиты)[1]).

Кажется, народные миѳы гораздо проще разрѣшали себѣ этотъ философскій вопросъ. Какъ скоро получаетъ въ нихъ свое полное значеніе идея о плодородіи, тотчасъ же возникаетъ необходимость въ богинѣ матери. Эту идею народъ не выводитъ изъ предшествовавшей о божествѣ мужескомъ, но къ ней прилагаетъ, заимствуя ее изъ самой жизни, а не изъ отвлеченнаго умозрѣнія, и слѣдовательно не только не лишаетъ свое прежнее божество *мужеской силы* или способности рождающей, но еще ее умножаетъ.

Впрочемъ, мнѣніе Шеллинга о женскомъ божествѣ въ сущности тоже самое, какое мы вывели изъ разсмотрѣнія Сѣверныхъ миѳовъ и какое намъ необходимо для объясненія нашей Матери-сырой-Земли. Персидская *Митра*, божество, стоящее у древнихъ народовъ на поворотѣ къ идеѣ о женственности, о богинѣ — по Шеллингу — есть не что иное, какъ *Матерь* (Персидское mader) — высшая мать.

Такъ какъ съ размноженіемъ божествъ усиливается и распространяется матеріальное понятіе о высшемъ и единомъ божественномъ существѣ, которое такимъ образомъ раздробляется на отдѣльныя личности, съ болѣе индивидуальнымъ характеромъ, опредѣляемымъ наглядностью, впечатлѣніями и обстоятельствами жизни: то само собою разумѣется, что къ понятію о плодородіи въ идеѣ о богинѣ присоединяется болѣе и болѣе начало вещественное: идея божественная такимъ образомъ болѣе и болѣе овеществляется.

---

[1]) Hier ist also — собственныя слова Шеллинга — «Aphrodite oder Urania wenigstens mittelbar Folge der Entmannung des Uranus». Стр. 194.

Первую ступень этого грубаго овеществленія Шеллингъ указываетъ въ водѣ: «вода казалась — говоритъ онъ — чистѣйшимъ выраженіемъ этой первой степени овеществленія» (стр. 203). Потому въ храмѣ Персидской Митры стояло изображеніе *дѣвы несущей воду.* Потому, первое женское божество, это первое *пассивное начало* миѳологіи (какъ выражается философъ), въ другихъ Азіатскихъ миѳахъ представляется дѣйствительно какъ *божество водяное,* именно въ Сирійской *Деркето*, которая была получеловѣкъ, полурыба; и даже въ греческой миѳологіи Афродита является на свѣтъ изъ морскихъ волнъ и плыветъ на островъ Кипръ.

Еслибы философъ припомнилъ здѣсь нѣмецкую Нерту, о которой свидѣтельствуетъ еще Тацитъ, то, можетъ быть, указалъ бы на болѣе существенную *связь земли и моря* въ древнѣйшемъ чествованіи богини Матери, а если бы онъ обратилъ вниманіе на вѣрованья индо-европейскихъ народовъ въ связи съ языкомъ, то нашелъ бы, что понятія *о паханьи земли и о ѣздѣ по морю* или *по водѣ вообще* выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ [1]).

Какъ бы то ни было, но основная мысль этого, повидимому, страннаго сближенія безплоднаго моря и воды съ земледѣліемъ, объясняется исторически и географически очень просто, именно: бо́льшимъ развитіемъ быта приморскихъ и вообще береговыхъ населеній. Безо всякаго сомнѣнія, миѳическія существа *водныя*, какъ наши Русалки, богатыри Дунай, Ильмень, первоначально имѣли какое нибудь собственное значеніе, стихійное; но вѣрованье въ нихъ и преданія весьма естественно видоизмѣнялись и

---

[1]) Отъ общаго всѣмъ индо-европейскимъ народамъ глагола arare *орать* (*пахать*) въ языкѣ Ведъ (*въ Ригведѣ*) употребляется *арітра* въ смыслѣ корабля и весла, между тѣмъ какъ тоже самое слово въ языкахъ классическихъ значитъ соха — лат. aratrum. Отъ того же корня скандин. âr, англосакс. âre — весло, а у насъ *орало* — соха. Як. Гриммъ, на томъ же основаніи, сближаетъ *плугъ*, нѣм. Pflug, съ общимъ индо-европейскимъ глаголомъ *плу* (плавать), откуда санскр. *плава* — корабль. Впрочемъ звукъ *г* въ словѣ *плугъ* это производство дѣлаетъ столько же сомнительнымъ, какъ и отъ глагола *плѣти*, *полоть*.

поддерживались въ самомъ бытѣ племенъ, расселявшихся и живших по берегамъ.

Водяной путь, по которому народы шли и развивались, оставилъ по себѣ глубокіе слѣды въ преданіяхъ чествованіемъ воды, какъ стихіи *цивилизующей*. Боги Сѣверной миѳологіи собирались къ *Источнику Прошедшаго* для суда и расправы. Самъ Одинъ пожертвовалъ своимъ глазомъ, чтобъ хлебнуть изъ того источника Премудрости. Въ миѳическія времена Ляхи собирались на сеймъ при источникахъ Вислы, гдѣ потомъ и явился къ нимъ миѳическій герой *Кракъ*, точно будто поднявшійся изъ подъ-воды; отъ его имени пошелъ городъ *Краковъ*. Родство Крака съ Вислою особенно скрѣплено, въ преданіяхъ, его дочерью *Вандою*, божествомъ *воды, земли и воздуха*, которая, не желая выйти за мужъ за Алеманскаго князя Ритогара, бросилась въ воды Вислы. — Какъ судъ и правда давались на священныхъ водахъ, такъ и бракъ, эта основа семейной осѣдлости, освящался при рѣкахъ, гдѣ вѣроятно совершались игрища между селами. По крайней мѣрѣ Несторъ ясно свидѣтельствуетъ, что у языческихъ Славянъ, населившихъ Русь, *брака* (конечно, только въ смыслѣ христіанскомъ) *не было, но умыкали у воды дѣвицъ*.

Что у насъ сохранилось въ ограниченномъ развитіи и отрывками, то въ вѣрованьяхъ и бытѣ Нѣмецкихъ племенъ приняло самые обширные размѣры.

Тацитова Нерта, Мать Земля, извѣстна была въ Нидерландахъ подъ именемъ *Негаленніи*. Это была богиня племени Бельгійскаго и Фризскаго. Алтари ея были находимы около Брюсселя, Лейдена, Кёльна. Она изображалась съ аттрибутами божества плодородія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, символъ, подъ которымъ ее чествовали, именно *корабль* — былъ распространенъ въ изображеніяхъ по памятникамъ до самаго *Кёльна*. Миѳъ о Негаленніи перешелъ во многія католическія легенды, но самое замѣчательное развитіе получилъ въ сказаніи о св. Урсулѣ [1]), и именно

[1]) Вольфа упомянутыя Beiträge, стр. 149—160. Oskar Schade, Die Sage von der heiligen Ursula. 1854 г.

въ тѣхъ самыхъ странахъ, гдѣ нѣкогда процвѣтала Негаленнія. Въ легендѣ объ Урсулѣ чествованіе женщины, или точнѣе дѣвы, возрасло до самыхъ обширныхъ размѣровъ — именно даже счетомъ до одиннадцати тысячъ дѣвъ. Главное содержаніе этой легенды слѣдующее. Урсула, прекраснѣйшая Британская принцесса, дочь короля Діонота, не желая выйти за мужъ за сватавшагося къ ней принца, набираетъ себѣ цѣлое войско дѣвицъ, до 11 тысячъ, и, посадивъ ихъ на корабли, вмѣстѣ съ ними три года разъѣзжаетъ по морю, до назначеннаго срока своей свадьбы. Потомъ, чтобъ избѣжать этого роковаго событія, удаляется со всѣми своими подругами къ твердой землѣ, и, въѣхавши въ устье Рейна, плыветъ до Кёльна; отдохнувши здѣсь, продолжаетъ плыть до Базеля, а оттуда сухимъ путемъ до Рима. Посѣтивъ святыя мѣста Папской столицы, дѣвы съ Урсулою возвращаются къ Кёльну, но тамъ, будучи встрѣчены Гуннами, всѣ погибаютъ въ битвѣ съ ними, покрывъ своими костями поля около Кёльна.

Чтобъ вполнѣ понять возможность перехода древнѣйшихъ миѳовъ въ католическія легенды, надобно знать, въ какой свѣжести многіе миѳическіе обряды еще сохранялись довольно въ позднюю эпоху среднихъ вѣковъ. Такъ память объ объѣздѣ полей Тацитовскою Нертою или Бельгійскою и Фризскою Негаленніею, въ кораблѣ, сохранялась до половины XII в. въ слѣдующемъ обрядѣ, по свидѣтельству современника, Бельгійскаго аббата Рудольфа въ его хроникѣ. Будто бы одинъ крестьянинъ изъ Корнелимюнстера выдумалъ построить нѣкоторую дьявольскую махину (techna diabolica), и при помощи товарищей въ ближайшемъ лѣсу срубилъ изъ дерева корабль и поставилъ его на колеса, значитъ, подобный тому, на какомъ нашъ Олегъ подъѣзжалъ къ Царьграду. — Этотъ корабль, въ торжественномъ сопровожденіи пляшущихъ и поющихъ, повсюду встрѣчаемый толпами народа, какъ колесница Тацитовой Нерты, катился къ Ахену, къ Тонгерну и далѣе, однимъ словомъ, въ странахъ чествованья Негаленніи и Урсулы.

Особенно замѣчательно, что корабль этотъ везли *мастеро-*

вые, и именно *ткачи*. Къ какимъ бы объясненіямъ этого обстоятельства ни прибѣгали ученые [1]), все же никто не будетъ спорить, что вѣрованья и обряды измѣняются вмѣстѣ съ бытомъ. Почему не допустить той мысли, что вмѣстѣ съ успѣхами ремеслъ и съ развитіемъ городскихъ цеховъ, божество плодоносящее распространило свое покровительство отъ земледѣлія на промыслъ? Уже въ XII и XIII столѣтіяхъ, Бельгія и вообще всѣ страны древняго культа Негаленніи славились своимъ ткацкимъ мастерствомъ: и почему искусному ткачу не замѣнить было миѳической роли трудолюбиваго земледѣльца и прибрежнаго жителя вообще? Онъ также направляетъ свой *челнъ* по нитяной основѣ, какъ корабельщикъ по волнамъ.

Еще одно замѣчаніе. Какъ бы то ни было, но очевидно, что мѣсто древнихъ жрецовъ, сопровождавшихъ колесницу Нерты, заступили въ средніе вѣка мастеровые. Это обстоятельство, уже помимо другихъ историческихъ данныхъ, достаточно свидѣтельствуетъ о тѣхъ твердыхъ національныхъ началахъ, на которыхъ возникли на западѣ городскіе цехи. Отсюда понятно ихъ высокое значеніе въ общественной жизни, слагавшейся изъ народныхъ элементовъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ объяснима та поэтическая, и именно эпическая обстановка, въ которой протекала жизнь ремесленника, строго опредѣленная многими эпическими обрядами, обычными церемоніями, рѣчами и пѣснями [2]).

Если приведенныя мною сказанія и преданія о бытѣ земледѣльческомъ и осѣдломъ мало пригодятся для сравненія съ древне-Русскимъ бытомъ, миѳологіею и эпосомъ, то по крайней мѣрѣ

---

[1]) Ученые, слѣдуя Як. Гримму, въ Тацитовомъ свидѣтельствѣ о поклоненіи Свевовъ *Изидѣ* съ изображеньемъ корабля, видятъ чествованіе Негаленніи. Потому въ Бельгійскихъ ткачахъ могутъ заподозрить жрецовъ Изиды, которые назывались linigeri и были тоже ткачи. Извѣстно, что въ честь Изидѣ было празднество, на которомъ ея жрецы въ теченіе дня должны были соткать платъ, въ воспоминаніе того, что сама Изида дала золотой платъ Рампсиниту, когда онъ посѣщалъ подземныя страны (Геродот. 2, 122).

[2]) См. Оскара Шаде Vom deutsch. Handwerksleben in Brauch, Spruch und Lied, Weimar. Jahrbuch. 1886 г. № 2.

дадутъ понятіе о томъ, какъ тѣ же общія съ Славянами миѳическія и эпическія начала принимались на западной почвѣ, и какіе приносили плоды въ успѣхахъ городской жизни, въ католическихъ легендахъ и въ высшихъ произведеніяхъ искусственной поэзіи.

1862 г.

БЫТОВЫЕ СЛОИ РУССКАГО ЭПОСА.

Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Профессора О. Ө. Миллера. С.-Петербургъ, 1870.

Въ «Наблюденіяхъ надъ *слоевымъ* составомъ народнаго русскаго эпоса» разработанъ преимущественно слой самый низшій, древнѣйшій, общій нашему эпосу съ преданіями, какъ славянскихъ племенъ и народностей индо-европейскихъ, такъ и другихъ народовъ, не состоящихъ въ племенномъ первобытномъ сродствѣ съ ними. Точка зрѣнія, принятая авторомъ въ подборѣ сравнительныхъ данныхъ, двоякая: во-первыхъ, общія *миөическія* основы всѣхъ эпосовъ, особенно въ народностяхъ, между собою родственныхъ по языку, и во-вторыхъ, ранніе логическіе и психологическіе пріемы въ передачѣ миөическихъ и эпическихъ сюжетовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, болѣе или менѣе сходные у всѣхъ народовъ, стоящихъ на первобытной эпической ступени своего бытоваго развитія, какъ показалъ это Ганъ въ своей остроумной теоріи такъ-называемыхъ *сказочныхъ формулъ* [1]. Кромѣ того, г. Миллеръ допускаетъ и позднѣйшее, случайное, *историческое* вліяніе, по теоріи Бенфея [2].

---

[1]) Hahn, Grich. u. alban. Märchen. I, введеніе, стр. 45 и слѣд.

[2]) Benfey, Pantschatantra, I, предисловіе, стр. XXII и слѣд.

Въ основу миѳологическаго сродства нашего эпоса съ другими народностями, авторъ беретъ такъ называемую *миѳологію природы*, и въ этомъ отношеніи, вполнѣ сходится съ г. Аѳанасьевымъ, сочиненіе котораго «О поэтическихъ воззрѣніяхъ Славянъ на природу» постоянно цитуетъ. По теоріи, объясняющей миѳы природой и ея явленіями, все разнообразіе эпическихъ сюжетовъ подводится подъ немногія рубрики миѳологіи природы. По этой теоріи все объясняется легко, просто и наглядно, какое бы событіе ни разсказывалось, будь то похищеніе невѣсты, единоборство богатырей, подвиги младшаго изъ трехъ сыновей, спящая царевна и т. п. Все это не иное что, какъ тепло или холодъ, свѣтъ или тьма, лѣто или зима, день или ночь, солнце и мѣсяцъ съ звѣздами, небо и земля, громъ и туча съ дождемъ. Гдѣ въ былинѣ поется о горѣ, по этой теоріи разумѣй не гóру, а тучу или облако; если богатырь поражаетъ Горыню, это не богатырь и не Горыня, а молнія и туча; если Змій Горыничъ живетъ на рѣкѣ, это не настоящая, земная рѣка, а небесная, то-есть, дождь, который льется изъ тучи, и т. п.

До какой типичности выработалась эта теорія, можно видѣть изъ слѣдующей формулы, которую г. Миллеръ принимаетъ за рамку цѣлаго ряда эпическихъ сюжетовъ: «Если же вникнуть въ основу большей части сказаній эпическихъ, то въ ней непремѣнно должны оказаться *три* существа, почти столько же тутъ необходимыя, какъ для предложенія необходимы три его составныя части. Какъ въ предложеніи можетъ ихъ быть и болѣе, могутъ быть и части второстепенныя, — такъ возможны онѣ и въ сказаніи, но *существенными* являются всегда три: а) свѣтлое существо, ополчающееся противъ темнаго; б) темное существо, которое, какія бы ни представлялись тутъ колебанія счастія, въ концѣ концовъ непремѣнно должно быть побѣждено; в) существо, изъ-за котораго и дѣлается нападеніе на злую силу, существо ею плѣненное, свѣтлое и освобожденное отъ нея первою свѣтлою силою».

Эту общую формулу авторъ прилагаетъ къ объясненію эпи-

зода о томъ, какъ Илья Муромецъ, покоривъ Соловья-Разбойника, привозитъ его связаннаго и раненаго въ Кіевъ къ князю Владиміру. «Въ преданіи о Соловьѣ-Разбойникѣ», продолжаетъ г. Миллеръ, «первымъ существомъ является Илья Муромецъ — первоначальный громовникъ-молніеносецъ, вторымъ — Соловей-Разбойникъ, первоначально сплошное, свистомъ вѣтровъ возвѣщаемое и рѣками дождей сопровождающееся злое ненастье, ненастье, надолго заложившее путь, но къ чему? Къ ясному, свѣтлому небу, къ сіянію краснаго солнышка. Въ сказкахъ, освобождаемое отъ темныхъ силъ, оно является въ образѣ красавицы дѣвы, царевны. Но солнце же является въ сказкахъ и въ образѣ царевича или царя. Существованіе и мужскихъ типовъ солнца давно уже признано вообще сравнительною миѳологіей. Послѣ этого, и Соловей-Разбойникъ могъ застилать дорогу къ *прекрасному государю солнцу*, и вотъ на мѣсто такого-то миѳическаго государя и долженъ былъ явиться въ послѣдствіи князь Владиміръ — солнышко Кіевское. Если же въ основѣ и всей вообще богатырской дѣятельности Ильи Муромца заключается постоянная имъ оборона Кіева съ его стольнымъ княземъ, то первоначально и въ этомъ должна быть оборона божества солнечнаго богомъ-громовникомъ» (стр. 274—5).

Общность формулы составляетъ и выгодную ея сторону, и невыгодную: выгодную — потому, что цѣлые ряды кажущихся несообразностей и часто безсмыслицъ, вошедшихъ въ содержаніе народнаго эпоса, такою формулою объясняются на столько удовлетворительно, что получаютъ нѣкоторый смыслъ, и какъ объясненные, складываются въ архивъ науки, будто дѣло рѣшенное; невыгодную сторону — потому, что формула уже слишкомъ обща, потому что все, что угодно можно вставить въ ея широкія рамы. Свѣтлое существо, темное и еще свѣтлое, плѣненное темнымъ, — это такое общее мѣсто, которое еще лучше, чѣмъ къ эпизоду о Соловьѣ-Разбойникѣ, можетъ быть приложено, напримѣръ, къ Троянской войнѣ (здѣсь греческое ополченіе будетъ свѣтлымъ элементомъ, Троя — темнымъ, а Елена — свѣт-

лымъ, которое похищено темнымъ, и изъ-за котораго происходитъ борьба); да и вообще всякая война, хоть бы современная намъ прусско-французская, предлагаетъ тѣ же три элемента, цвѣтъ которыхъ, свѣтлый или темный, будетъ зависѣть отъ точки зрѣнія той или другой изъ воюющихъ сторонъ.

Этотъ легкій способъ обобщать факты, по которому и эпизодъ о Соловьѣ-Разбойникѣ, и Троянская война, и современное намъ событіе въ сущности должны выражать одну и туже мысль, приводитъ мнѣ на память тѣ старинныя эстетики, по которымъ все разнообразіе художественныхъ явленій подводилось къ тремъ главнымъ моментамъ: внутреннее, внѣшнее и соединеніе того и другаго. И въ этихъ трехъ рубрикахъ есть, конечно, нѣкоторый смыслъ, но смыслъ столь общій, что касается не опредѣленія предметовъ, а размѣщенія ихъ по разнымъ перегородкамъ, съ ярлычками. Почтенный профессоръ сравниваетъ эпическій сюжетъ съ предложеніемъ, и въ трехъ элементахъ эпическаго содержанія видитъ подобіе подлежащаго, сказуемаго и связи. Но вѣдь эти части предложенія составляютъ только его внѣшнюю форму, а не самый предметъ рѣчи; между тѣмъ какъ въ эпическомъ сюжетѣ на первомъ планѣ его содержаніе, а содержаніе для своего эпоса народъ почерпаетъ изъ неистощимаго запаса своей многовѣковой памяти. Если же авторъ, построивая свою теорію на сказанныхъ трехъ рубрикахъ, имѣлъ въ виду объяснить только общій пріемъ, только одну форму, или такъ сказать, формальную логику эпическаго сюжета, то тѣмъ самымъ онъ уже отказывался отъ объясненія его сущности.

Впрочемъ, теорія эта въ сравнительномъ изученіи эпоса не новость. Чтобъ оріентироваться въ необозримой массѣ сходныхъ между собою данныхъ по эпической поэзіи разныхъ народовъ, нѣмецкіе ученые нашли удобнымъ распредѣлить эти данныя по немногимъ рубрикамъ миѳологіи природы, съ тѣмъ, чтобы въ основѣ эпическихъ сюжетовъ открывать идеи и представленія, общія эпосу съ миѳологіею природы. Но не слишкомъ ли поспѣшно и преждевременно рѣшились обобщить разнообразныя и

разнородныя эпическія подробности, подводя ихъ подъ скудныя, голословныя заглавія статей изъ миѳологіи природы — о теплѣ, холодѣ и тому подобномъ? Пріемъ этотъ, какъ ни кажется онъ увлекателенъ съ перваго разу, очень опасенъ, легко можетъ быть употребленъ во зло, и это можетъ случиться всякій разъ, какъ только въ объясняемомъ эпическомъ сюжетѣ къ раннему миѳу примѣшивается преданіе мѣстное или испорченное.

Въ этомъ отношеніи надобно строго отличать *сказку* отъ *былины.* Авторъ «Ильи Муромца» хорошо понимаетъ это различіе, но забываетъ о немъ, когда подъ одну общую рубрику подводитъ иногда содержаніе той и другой, безъ точнаго анализа тѣхъ особенностей, которыми былина, какъ мѣстное и историческое преданіе, выдѣляется изъ безразличной массы сказокъ. Сказка можетъ цѣликомъ состоять изъ какого-нибудь миѳа природы, не пріуроченнаго ни къ личности, ни къ мѣсту; потому она и не любитъ собственныхъ именъ. «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь», говоритъ она вообще, не стѣсняясь точными указаніями, ни историческими, ни географическими. Напротивъ того, былина помѣщаетъ своего князя Владиміра въ Кіевѣ, ведетъ своего Илью Муромца изъ села Карачарова, черезъ лѣса Брынскіе, черныя грязи Смоленскія, мимо города Чернигова и т. д. Къ сказкѣ вы безнаказанно можете прилагать свою миѳологію природы, во-первыхъ, ужь и потому, что содержаніе ея одно и тоже у всѣхъ народовъ, и слѣдовательно, по тому самому подлежитъ оно объясненію общему, стоящему внѣ географическихъ и историческихъ ограниченій; во-вторыхъ, потому что есть сказки, которыя уже сами голословно говорятъ о содержащемся въ нихъ миѳѣ природы, напримѣръ, о братьяхъ двѣнадцати мѣсяцахъ, о царицѣ, которая родила двойни — Солнце и Луну и т. п. Чѣмъ эпосъ первобытнѣе, какъ финская Калевала, тѣмъ больше въ немъ миѳологіи природы, и чѣмъ онъ развитѣе, какъ французскія chansons de geste, тѣмъ больше въ немъ исторіи и географіи. Такова и наша былина, воспѣваетъ ли она князя Скопина-Шуйскаго, или князя Влади-

міра и Илью Муромца съ Соловьемъ-Разбойникомъ. Въ эпизодѣ о послѣднемъ важно не то, что это, можетъ-быть, слѣдъ преданія о тучѣ съ дождемъ, а то, почему чудище названо *соловьемъ* и *разбойникомъ*, почему самъ онъ живетъ именно на *деревьяхъ*, а семья его въ хоромахъ, окруженныхъ дворомъ, и т. д. Миөы природы слишкомъ громадны въ своихъ размѣрахъ. Становясь сюжетами эпическими, они сокращаются, принимая мѣстныя формы историческаго быта и окрашиваясь въ мѣстный, бытовой колоритъ.

Обратить былину назадъ, въ тотъ до-историческій періодъ, когда она интересовалась только краснымъ солнышкомъ да тучею съ дождемъ, а не княземъ Владиміромъ и Соловьемъ-Разбойникомъ, значило бы отказать народному эпосу въ его національномъ интересѣ для послѣдующихъ поколѣній, которыя въ своихъ герояхъ хотѣли воспѣвать болѣе близкое для себя, болѣе человѣческое, нежели устарѣлые миөы о солнцѣ, дождѣ или громѣ. Эпосъ развивается въ теченіе извѣстнаго періода народной жизни, какъ это постоянно даетъ чувствовать и самъ г. Миллеръ, съ точки зрѣнія бытовой и исторической характеризуя богатырскіе типы, въ которыхъ народъ воплотилъ свои историческія судьбы и выразилъ свое національное самосознаніе. Понятно, слѣдовательно, что между миөомъ о тучѣ, затерявшимся въ образѣ Соловья-Разбойника, и типомъ Ильи Муромца, какъ представителя общины или какого-нибудь другаго бытоваго явленія, надобно предположить цѣлый рядъ переходныхъ *слоевъ*, и авторъ «Наблюденій надъ *слоевымъ* составомъ русскаго эпоса» обязанъ былъ бы тщательно изслѣдовать эти слои, или же по крайней мѣрѣ, точнѣе опредѣлить, когда и какъ Муромскій богатырь изъ миөическаго сокрушителя тучъ сталъ историческимъ идеаломъ русскаго крестьянина, смѣнившаго соху на мечъ для обороны Русской земли.

Всѣ эти миөы о свѣтѣ и мракѣ, о теплѣ и холодѣ, о тучахъ и дождяхъ, положенные въ основу миөологіи природы, въ теоріи народнаго эпоса съ историческимъ содержаніемъ имѣютъ видъ

того первобытнаго хаоса, въ которомъ носились эти элементы до сотворенія міра, еще не улегшіеся въ своемъ броженіи. Когда авторъ «Наблюденій надъ слоевымъ составомъ русскаго эпоса» разбиваетъ передъ нашими глазами осязаемыя формы горъ и рѣкъ, разлагая ихъ въ миѳическія облака и дожди, когда онъ мысленными тучами и вѣтрами разсѣеваетъ яркія очертанія Соловья-Разбойника вмѣстѣ съ его теплымъ гнѣздомъ, и когда вслѣдъ затѣмъ много разъ убѣждаетъ, что и Добрыня, и Илья, и прочіе богатырскіе типы — это живыя, русскія личности, проникнутыя многоразличными бытовыми отношеніями, — тогда всякій разъ кажется, что въ своихъ наблюденіяхъ онъ сдѣлалъ самое капитальное упущеніе: онъ наложилъ множество позднѣйшихъ, бытовыхъ слоевъ не на твердую основу, а на тотъ первобытный хаосъ элементовъ, который взялъ на прокатъ изъ миѳологіи природы. Можетъ-быть, по этой теоріи такъ и слѣдуетъ, чтобы самый низшій изъ слоевъ нашего эпоса, уже не миѳическаго, а бытоваго, былъ наложенъ не на твердую почву русской мѣстности, а именно на эту первобытную трясину, въ тѣхъ видахъ, чтобы въ каждой эпической личности, въ каждомъ эпизодѣ русскихъ былинъ нагляднѣе показать тотъ двуличневый отливъ, ту свѣтлотѣнь, ту шаткую неустойчивость, которыя должны были оказаться естественнымъ слѣдствіемъ чудовищнаго смѣшенія въ былинѣ миѳа съ историческимъ событіемъ. Но въ такомъ случаѣ автору слѣдовало бы внимательнѣе взглянуть на самый процессъ этого смѣшенія и точнѣе указать моменты перехода отъ миѳическаго къ бытовому.

Впрочемъ, одни отрицательные доводы не объяснятъ дѣла. Необходимы факты положительные, которые восполняли бы указанный мною пробѣлъ. Постараюсь, хотя немного, способствовать къ разрѣшенію этого вопроса, на сколько это будетъ возможно въ тѣсныхъ предѣлахъ журнальной рецензіи.

I.

Сравнительное изученіе миѳологіи привело изслѣдователей народной словесности къ той истинѣ, что въ основѣ большей части миѳовъ открывается взглядъ человѣка на природу, какъ первая умственная попытка дать себѣ отчетъ объ окружающемъ мірѣ, какъ первый шагъ къ познанію природы и себя самого въ отношеніи къ ней. Времена года, ихъ смѣна, явленія природы и борьба стихій — таково содержаніе этихъ миѳовъ. Миѳологія въ этомъ смыслѣ представляется замкнутою въ тѣсный кругъ *годичнаго* теченія. Пока народъ вращаетъ свои умственные интересы въ этомъ замкнутомъ кругѣ, ежегодно повторяющемъ одно и то же, до тѣхъ поръ онъ коснѣетъ внѣ историческаго развитія. На этой первой ступени народныя *годовщины* могутъ осложняться и умножаться только занесенными въ нихъ подробностями образа жизни и занятій, приспособленныхъ къ тому или другому времени года. Но ужь и этимъ самымъ миѳологія природы подчиняется нѣсколько *быту народному*. Иной смыслъ дается годовщинѣ въ пастушескомъ быту, иной — въ земледѣльческомъ. Затѣмъ должна была оказать свое вліяніе на миѳическіе образы и самая *мѣстность*, гдѣ народъ живетъ: на берегу моря, въ горахъ или на равнинѣ. Наконецъ, та масса разнообразнѣйшихъ миѳовъ, которую сравнительная миѳологія старается сгруппировать подъ общія рубрики, представляетъ намъ пеструю смѣсь національныхъ различій во множествѣ мелочныхъ подробностей. Откуда бы эти подробности взялись, какъ не вслѣдствіе развѣтвленія одного общаго единства на національныя различія? Ограничиваясь племенами индо-европейскими, болѣе разработанными наукою по языку и миѳологіи, мы хорошо знаемъ, сколько различаются эти племена между собою, не смотря на свое сродство. Поэтому, задача сравнительнаго изученія состоитъ столько же въ объясненіи сродства, сколько и *различія*, какъ это доведено до послѣдней очевидности въ сравнительной грамматикѣ языковъ

индо-европейскихъ. А такъ какъ языкъ представляетъ самое полное выраженіе всего духовнаго и бытоваго существа народности, то при развѣтвленіи языковъ необходимо должно было оказаться и развѣтвленіе въ миѳахъ. Самое различіе въ названіяхъ одного и того же божества у разныхъ народовъ индоевропейскаго поколѣнія говоритъ уже о неодинаковости ихъ во взглядахъ на природу. Пусть будутъ въ сущности одно и то же — и греческій Зевсъ, и латинскій Юпитеръ, и германскій Торъ, и нашъ Перунъ, но самое это различіе въ названіяхъ, происшедшее отъ различія точекъ зрѣнія и вообще отъ различія въ языкахъ и въ бытѣ, даетъ уже національную окраску общему понятію, лежащему въ основѣ этихъ названій.

Итакъ, первый шагъ къ развитію миѳа совершается въ нѣдрахъ самой миѳологіи, въ развѣтвленіи общаго на частности, въ пріуроченіи общаго къ извѣстной мѣстности. А такъ какъ самое разселеніе племенъ, въ эпоху незапамятную, есть уже фактъ историческій, и притомъ фактъ высокой важности, то указывая на различіе національностей въ отношеніи географическомъ, мы тѣмъ самымъ говоримъ ужь и о различіи историческомъ, бытовомъ. Такимъ образомъ, годовщина народная, возникшая изъ миѳовъ природы, общихъ всѣмъ родственнымъ племенамъ, должна была уже рано принять своеобразныя формы у Славянъ вообще, и у Русскихъ въ частности.

Мѣсяцесловъ имѣетъ громадное значеніе для народности. Возвращая вѣрованія ежегодно къ однимъ и тѣмъ же физическимъ явленіямъ, онъ поддерживалъ въ народѣ въ теченіе столѣтій миѳологію природы, которая потому въ общихъ чертахъ и могла доселѣ сохраниться въ *сказкахъ*. Съ другой стороны, пріурочивая къ извѣстнымъ годовщинамъ праздники и обряды, мѣсяцесловъ тѣмъ самымъ указывалъ на источникъ *обрядности* тоже въ миѳахъ природы. Если и сказка, и хороводная и вообще обрядная пѣсня, могутъ быть возведены къ одному общему началу, то почему же не попытаться было подвести къ нему же и *былину*, какъ такой же элементъ народнаго эпоса? И безъ сомнѣ-

нія, г. Миллеръ въ этой попыткѣ могъ быть на столько правъ, на сколько былина своими древнѣйшими слоями соприкасалась съ миѳическими воззрѣніями на природу.

Очень рано осложнилась народная годовщина вліяніемъ христіанства. Проповѣдники этой новой религіи столько же заботились о водруженіи святынь на мѣстахъ языческихъ капищъ, сколько и о замѣнѣ языческаго календаря христіанскимъ. Національныя названія временъ года и мѣсяцевъ были замѣнены названіями греко-римскими, языческія годовщины — праздниками христіанскими. Такимъ образомъ, тотчасъ же по принятіи народомъ христіанства, на календарь языческій былъ наложенъ календарь церковный; миѳологія природы продолжала господствовать въ умахъ, только скрытая подъ новыми названіями, и новый календарь укоренялъ въ народѣ миѳическія воззрѣнія на природу, сближая миѳическіе образы съ христіанскими именами. Сербы доселѣ поютъ о томъ, какъ миѳическая молнія дѣлила дары: дала Богу небесныя высоты, св. Петру — Петровскіе жары, Ивану — ледъ и снѣгъ, а Николѣ на водѣ свободу, а Ильѣ — молнію и стрѣлы [1]). Соотвѣтственно тѣмъ же воззрѣніямъ, у Славянъ Русскихъ, болѣе родственныхъ съ Болгарами и Сербами, нежели со Славянами западными, уже въ древнѣйшую эпоху мы встрѣчаемъ преимущественное чествованіе упомянутыхъ въ этой пѣснѣ *Ильи* и *Николы*, и потомъ *Егорья* или *Юрія* (Георгія), особенно чтимаго у нашихъ соплеменниковъ юго-восточныхъ [2]). Потому-то древнѣйшіе храмы на Руси и были посвящены этимъ церковнымъ именамъ. Еще при Игорѣ существовала въ Кіевѣ церковь во имя св. Иліи; на могилѣ Оскольда была построена церковь св. Николая; по позднѣйшимъ лѣтописямъ, князь Владиміръ, крестивъ землю Русскую, «постави въ Кіевѣ *первую* церковь святаго Георгія» [3]). Изъ массы именъ церковнаго ка-

[1]) Вука Караджича, Сербскія пѣсни, I, 156.

[2]) Каравелова, Памятники народнаго быта Болгаръ, I, 211.

[3]) Бестужева-Рюмина, О составѣ русскихъ лѣтописей. Приложеніе, стр. 18.

лендаря взяты были только эти три имени — не по простой случайности, а вслѣдствіе историческаго перехода отъ воззрѣній языческихъ къ христіанскимъ, вслѣдствіе наложенія церковнаго календаря на языческую годовщину, и вмѣстѣ съ тѣмъ, освященія языческихъ урочищъ христіанскою святыней. Перунъ передалъ свою молнію и свои стрѣлы Ильѣ Громовнику. Волосъ въ нѣкоторыхъ урочищахъ сближенъ съ св. Николою, какъ, напримѣръ, въ 16-ти верстахъ отъ Владиміра былъ, нынѣ упраздненный, монастырь *Волосовъ* —. во имя св. Николая угодника, сначала на горѣ, будто бы на мѣстѣ капища божества Волоса. Князь Ярославъ избралъ себѣ въ патроны св. Георгія, и между прочими сооруженіями построилъ во имя этого святаго монастырь. У южныхъ Славянъ Юрьевъ день — самый великій праздникъ весенній, соотвѣтствующій нѣмецкому празднику Остары; онъ такъ же, какъ и у Германцевъ, можетъ-быть, совпадаетъ съ Пасхою *(Великъ-день)*. На Руси Юрьевъ день былъ урочнымъ терминомъ перекочеванія крестьянскаго населенія. Это былъ праздникъ весны, которая иначе называется *Яро*, *Ярь*, и мѣсяцъ весенній — *Яреңъ*. Того же происхожденія и миѳическое названіе *Ярило*. Понятно, слѣдовательно, почему *Яро*славъ (отъ *яро*, *ярь*) былъ переименованъ въ Георгія, покровителя весенней годовщины. Долина между Владиміромъ и Боголюбскимъ монастыремъ и доселѣ именуется Яриловою; потому весною въ Духовъ день тамъ водятъ хороводы съ пѣснями: «А мы просо сѣяли, сѣяли, ой Дидъ-Ладо, сѣяли»! Это празднество поклоненія солнцу извѣстно въ Костромской губерніи подъ именемъ *Ярилы;* въ предѣлахъ Ярославля тотъ же праздникъ называется *Солонины (солонъ*, *слунъ*, откуда *солнце)* и справляется въ понедѣльникъ Петровскаго поста.

Тѣже три церковныя имени встрѣчаемъ мы между древнѣйшими урочищами въ разныхъ мѣстахъ древней Руси. Такъ, городъ Ярославль, отъ Ярослава или Георгія, иначе *Рубленый* городъ; въ память этого древняго названія одна изъ церквей въ Ярославлѣ и доселѣ называется *Николорубленскою*, и по преда-

нію, будто бы тогда же и изъ того же лѣсу, изъ котораго былъ срубленъ городъ, была построена въ немъ церковь во имя *Ильи* пророка [1]).

Если въ былинахъ имѣютъ какое-нибудь значеніе собственныя имена, то Муромскій богатырь своимъ именемъ восходитъ къ той эпохѣ, когда древнѣйшая церковь св. Иліи заслонила собою капище Перуна, а Селяниновичъ — прозвище, можетъ-быть, позднѣйшее—названъ столь же типическимъ именемъ (Микула—Николай), соединеннымъ въ лѣтописныхъ преданіяхъ тоже съ одною изъ древнѣйшихъ церквей. Что же касается до Георгія или Егорія, то этотъ герой, какъ устроитель земли Русской, воспѣвается въ цѣломъ рядѣ духовныхъ стиховъ, а въ эпизодѣ о пораженіи змія тѣсно связанъ съ преданіями о Добрынѣ Никитичѣ.

Итакъ, миѳологія природы, безъ сомнѣнія, лежитъ въ основѣ нашего былиннаго эпоса, но уже значительно осложненная, во-первыхъ, тѣмъ, что она пріурочилась къ извѣстнымъ географическимъ урочищамъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что народная годовщина очень рано была переведена на языкъ и понятія церковнаго календаря. Это уже не просто миѳологія, а *двоевѣріе*, какъ и современная намъ народная годовщина уже двоевѣрная. Можетъ-быть, когда-нибудь народъ и усматривалъ въ своемъ Муромскомъ богатырѣ нѣкоторыя черты первобытнаго Перуна, но уже подъ двуличневою призмой Ильи-Громовника, и необозримые размѣры стихійнаго миѳа должны были сократиться въ ту типическую личность, которой калики перехожіе поубавили силы какъ-бы на половину, чтобы сдѣлать ее человѣкоподобною. Такова первая загрунтовка полотна; она оказалась уже на столько устойчива, что могла принять на себя тѣ бытовыя и историческія очертанія, которыми г. Миллеръ такъ любитъ украшать своего любимаго богатыря.

II.

Итакъ, изъ первобытнаго хаоса нагроможденныхъ стихій мы вышли на вольный свѣтъ исторіи. Подъ нашими ногами не

---

[1]) Протоіерея Троицкаго, Исторія губ. города Ярославля, стр. 7.

зыбкая среда, составленная изъ тучъ и дождей, а земля Русская, съ ея географическими урочищами. Въ глубокую старину, задолго до зарожденія нашихъ былинъ, можетъ-быть, и происходилъ тотъ стихійный хаосъ, на которомъ такъ медлитъ изслѣдователь слоеваго состава русскаго народнаго эпоса, но сама былина стоитъ уже по эту сторону исторіи, отдѣляясь отъ до-историческаго мрака рѣзко обозначеннымъ слоемъ историческимъ и географическимъ.

Русскій эпосъ до настоящаго времени сохранилъ для народа историческія преданія о важнѣйшихъ событіяхъ его прошедшей жизни. Былины воспѣваютъ татарщину, Батыя и Мамая, и татарскихъ баскаковъ, затѣмъ воспѣваютъ царственную Москву съ ея Иваномъ Грознымъ, Гришку-Разстригу и времена междоцарствія, князя Скопина-Шуйскаго и Московскихъ царей до Петра Алексѣевича включительно. Какъ въ литературѣ, въ параллель съ лѣтописью, идетъ рядъ житій святыхъ, такъ и въ народномъ эпосѣ, рядомъ съ былинами идутъ духовные стихи, начиная отъ миѳическихъ мотивовъ Егорія Храбраго, черезъ историческія личности Бориса и Глѣба, до раскольничей мистики.

Вотъ почему вполнѣ справедливо можно сказать, что русскій народный эпосъ служитъ для народа неписанною, традиціонною лѣтописью, переданною изъ поколѣнія въ поколѣніе въ теченіе столѣтій. Это не только поэтическое возсозданіе жизни, но и выраженіе историческаго самосознанія народа. Народъ, остановленный въ своемъ развитіи, какъ Финны, могъ довольствоваться стихійными миѳами своей Калевалы. Русскій народъ въ своихъ былинахъ созналъ свое историческое значеніе.

Если русскій эпосъ ужь отъ временъ татарщины имѣетъ характеръ историческій, если уже раннія наши повѣсти, какъ Слово о полку Игоревѣ, Муромская легенда о Петрѣ и Февроніи, Псковская — объ Ольгѣ, Ростовская — объ Александрѣ Поповичѣ, Рязанская — о Коловратѣ и т. п., суть не что иное, какъ эпизоды одного громаднаго историческаго эпоса, если русскія лѣтописи, время отъ времени, даютъ мѣсто эпическимъ сказаніямъ содер-

жанія историческаго, то нѣтъ причины сомнѣваться, чтобъ и былины о князѣ Владимірѣ и его богатыряхъ не выражали *историческаго сознанія*, чтобъ онѣ не внесли значительной доли историческаго содержанія въ свой составъ.

Отъ историческаго направленія нашего эпоса временъ татарщины и Ивана Грознаго можно заключить, что и ранній эпосъ не чуждъ характера историческаго. Чтобы воспѣвать событія русской жизни XIII или XVI и XVII вѣковъ, народъ долженъ былъ воспитать въ себѣ историческій тактъ ужь издавна. Въ этомъ отношеніи крутыхъ поворотовъ въ жизни народа не бываетъ. Позднѣйшему историческому эпосу долженъ былъ служить основой эпосъ ранній, воспѣвающій князя Владиміра съ его богатырями. Уже на этомъ раннемъ эпосѣ народъ привыкъ относиться исторически къ своему прошедшему. Здѣсь былъ уже тотъ источникъ, изъ котораго онъ почерпалъ свое историческое самосознаніе; отсюда онъ набрался силы для эпическаго вдохновенія, чтобы воспѣть царя Ивана Васильевича, Алексѣя Михайловича и Петра Великаго.

Съ другой стороны, лѣтописи, уже самыхъ раннихъ редакцій, примѣшиваютъ къ историческому содержанію эпическое, въ цѣломъ рядѣ эпизодовъ, начиная съ Обровъ и Козаръ, Кія, Щека и Хорива и т. д. Лѣтописное повѣствованіе объ Ольгѣ, дополняемое ея житіемъ и мѣстными сказаніями, соединяетъ въ себѣ былину съ духовнымъ стихомъ. Въ повѣствованіе о князѣ Владимірѣ лѣтопись внесла нѣсколько эпизодовъ, очевидно былиннаго характера, каковы — о Переяславскомъ героѣ, называемомъ по другимъ источникамъ то Яномъ Усмошвецемъ, то Кирилломъ Кожемякой, о киселѣ или «земной кормлѣ» въ Бѣлогородской сказкѣ, о мщеніи Рогнѣды-Гориславы, и мн. др. Самое испытаніе вѣроисповѣданій, съ такою увѣренностію выдаваемое лѣтописцемъ за историческій фактъ, носитъ на себѣ явственный характеръ легендарнаго вымысла, украшеннаго церковною догматикой и книжнымъ витійствомъ.

Такова уже лѣтопись древнѣйшая. Позднѣйшія ея передѣлки

предлагаютъ еще больше поэтическаго матеріала, потому что, чѣмъ болѣе онѣ отступаютъ отъ фактическихъ извѣстій раннихъ лѣтописцевъ, тѣмъ больше вносятъ въ историческое содержаніе лжи, выдумокъ, то-есть, сказокъ, мѣстныхъ преданій, историческихъ сагъ. То что̀ въ этихъ позднѣйшихъ источникахъ историкъ своею историческою критикой очищаетъ отъ дѣйствительнаго факта, какъ вымыселъ, то составляетъ матеріалъ для исторіи поэзіи. Отбросивъ личныя соображенія повѣствователя и все заимствованное имъ изъ источниковъ книжныхъ, остальное въ этихъ вымыслахъ мы можемъ принять за преданіе народное, которое, можетъ-быть, существовало нѣкогда и въ формѣ былины, но дошло до насъ въ видѣ исторической саги. Во всякомъ случаѣ, и та, и другая — и былина, и сага, развились изъ одного общаго имъ начала, изъ мѣстнаго народнаго преданія. Лѣтописецъ позднѣйшій, дополняя прежнія лѣтописныя сказанія мѣстными преданіями, шелъ объ руку съ пѣвцомъ былины. Этимъ объясняется былинный складъ такихъ, напримѣръ, лѣтописныхъ сказаній, каковы сказанія о подвигахъ Александра Поповича, о Могутѣ и другихъ богатыряхъ князя Владиміра, объ Евпатіи Коловратѣ. Такимъ образомъ, лѣтописи позднѣйшія, каковы Степенная Книга, Никоновская, Густинская, Переяславская, Тверская, а также хронографы и хроники, со включеніемъ Литовскихъ, наконецъ, повѣствованія Каменевича-Рвовскаго, предлагаютъ богатый матеріалъ для исторіи русскаго народнаго эпоса. Сюда же надобно отнести и лѣтопись Якимовскую.

Матеріалъ этотъ значительно можетъ быть увеличенъ эпическими эпизодами изъ житій святыхъ, и притомъ, какъ древнихъ житій, такъ и позднѣйшихъ. Послѣднія въ отношеніи поэзіи столь же важны, какъ и позднѣйшіе лѣтописцы. Для примѣра можно указать на житіе Муромскихъ Петра и Февроніи.

Расширяя такимъ образомъ область русскаго народнаго эпоса, мы должны признать одно громадное эпическое цѣлое, которое уже въ древнѣйшую эпоху по частямъ высказывалось въ раннихъ сказаніяхъ лѣтописныхъ, но потомъ раздѣлилось на нѣ-

сколько вѣтвей, частію въ поэтическихъ эпизодахъ лѣтописей и житій святыхъ, частію въ изустныхъ былинахъ и мѣстныхъ преданіяхъ. Чтобы вполнѣ уразумѣть ту или другую изъ этихъ вѣтвей, необходимо низвести ихъ къ одному общему корню. Ученые довольно уже разработали этотъ предметъ по частямъ: г. П. Лавровскій въ своемъ изслѣдованіи объ Якимовской лѣтописи, г. Сухомлиновъ въ монографіяхъ о Несторѣ и лѣтописныхъ сказкахъ, г. Майковъ въ диссертаціи о былинахъ Владимірова цикла, г. Бестужевъ-Рюминъ въ сочиненіи о составѣ русскихъ лѣтописей, г. Безсоновъ въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ пѣснямъ. Почтенный авторъ разбираемой мною книги отдаетъ справедливость историческому элементу въ нашихъ былинахъ, даже приписываетъ особенную важность, въ судьбѣ былинъ, періоду Суздальскому; но, загромаздивъ историческое поприще нашихъ былинъ необозримою массою сравненій съ миѳологическими и эпическими мотивами чужеземными, онъ опустилъ изъ виду то органическое цѣлое русскаго національнаго эпоса, которое ясно даетъ о себѣ разумѣть изъ суммы данныхъ, разсѣянныхъ по разнымъ источникамъ, собственно русскимъ, какъ изустнымъ, такъ и письменнымъ.

Въ изученіи былинъ сравнительно съ источниками письменными, надобно отличать эпосъ историческій отъ героическаго, или богатырскаго. Чѣмъ древнѣе воспѣваемыя событія и лица, тѣмъ болѣе они теряютъ конкретность историческую, тѣмъ болѣе господствуетъ въ нихъ общее. По наивному пріему народнаго творчества, это общее наглядно выражается въ пріуроченіи эпическихъ героевъ къ разнымъ эпохамъ. Потому князь Владиміръ и его богатыри сражаются съ Татарами, и Русь Кіевская сливается въ одинъ періодъ съ Русью Суздальскою, какъ въ былинахъ, такъ и у позднѣйшихъ лѣтописцевъ. Богатыри и поленицы, какого бы они происхожденія ни были, историческаго или вымышленнаго, это уже типы общіе, а не индивидуальные портреты. Какъ историкъ дѣлаетъ общее обозрѣніе эпохи, группируя мелкія подробности въ общей картинѣ, съ перспективою цѣлаго ряда

удаляющихся въ глубь плановъ, такъ и эпическое творчество въ своихъ богатыряхъ и ихъ подвигахъ обобщаетъ историческія подробности старины. Это уже не факты дѣйствительности, а способъ воззрѣнія на жизнь и исторію. Въ этомъ отношеніи героическая былина сходится съ лѣтописною сагой, и древнѣйшія преданія былины — съ древнѣйшими преданіями лѣтописи. Богатыри князя Владиміра заступаютъ мѣсто богатырей старшихъ, этихъ первобытныхъ чудовищъ и великановъ, а также ведутъ борьбу съ чудовищами и великанами. Лѣтопись повѣствуетъ о борьбѣ Славянъ съ великанскимъ народомъ Обрами, о единоборствѣ Владимірова богатыря Переяслава съ великаномъ Печенѣжиномъ, Мстислава Тмутороканскаго съ великаномъ Редедею, Смоленская легенда — объ единоборствѣ св. Меркурія съ великаномъ Татариномъ и т. п. Каково бы ни было первоначальное значеніе великановъ въ сравнительной миѳологіи природы, но у насъ эту миѳическую породу лѣтописное преданіе сблизило уже съ Обрами, Печенѣгами, Татарами, и такимъ образомъ, заслонило миѳъ природы цѣлымъ рядомъ историческихъ событій. Языкъ, какъ самое вѣрное и полное выраженіе воззрѣній народа, перевелъ собственныя имена народовъ *Обръ*, *Велетъ* или *Волотъ* въ нарицательныя имена великана вообще, и сверхъ того, *волоткою* назвалъ вообще гору или курганъ, точно такъ же, какъ отъ *щудъ*, великанъ, произвелъ слово *щудка*, гора, холмъ.

III.

Итакъ, начнемъ съ *горъ*. Г. Миллеръ полагаетъ, что горы былинныя только въ настоящее время понимаются народными пѣвцами въ смыслѣ земныхъ, настоящихъ горъ, первоначально же, то-есть, собственно эпически, онѣ имѣютъ значеніе горъ небесныхъ, именно тучъ и облаковъ (стр. 181, 262).

Дѣйствительно, тамъ, гдѣ вершины горъ теряются въ облакахъ, естественно было составиться представленію о тучѣ въ

образѣ горы. Потому въ основѣ раннихъ миѳовъ о горахъ-великанахъ могутъ быть усмотрѣны представленія тучи. Нѣтъ ничего мудренаго, что эти представленія, какъ допотопная окаменѣлость, кое-гдѣ застряли и въ славянскихъ преданіяхъ и повѣріяхъ, напримѣръ, въ преданіяхъ о Сербскихъ *Вилахъ*. Можетъ-быть, слѣдъ этихъ представленій затерялся у насъ въ переходѣ горы въ календарную годовщину, именно въ наименованіи весенняго праздника *Красною Горкою*. Но, что въ нашихъ былинахъ только въ позднѣйшее время *гора*, *Горынянка*, *Горыничъ* стали сближаться съ настоящею, земною горой, а что въ эпоху сложенія былинъ все это понималось иначе, въ смыслѣ тучъ или чего другаго, это слѣдовало бы доказать болѣе близкими доводами изъ мѣстныхъ преданій, а не сравненіями съ отдаленными миѳами разныхъ народностей

Какъ только впервые русскій человѣкъ сложилъ свои баснословныя сказанія, гора стала для него уже настоящею, земною горой, и притомъ горою родной земли. *Горы Кіевскія* — это одно изъ самыхъ завѣтныхъ представленій русской старины. Еще апостолъ Андрей будто бы постановилъ на нихъ крестъ, то-есть, освятилъ христіанскою святынею мѣста языческихъ требъ, потому что на горахъ, по древнему обычаю, ставились языческія капища. Истуканъ Перуна стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ, капище Волоса, въ предѣлахъ Владимірскихъ, — тоже на горѣ. Какъ св. Андрей водрузилъ крестъ на горахъ Кіевскихъ, чтобъ очистить ихъ отъ языческой погани, такъ въ Болгаріи и доселѣ въ Юрьевъ день ставятъ на горахъ кресты, и эти горы, по имени Георгія или другаго святаго, кому онѣ посвящены, называются: св. Гёрги, св. Петка, св. Никола и т. д. Около креста въ честь Георгія священникъ освящаетъ воду и кропитъ народъ [1]). Такимъ образомъ, легендарное преданіе объ апостолѣ Андреѣ, одно изъ древнѣйшихъ на Руси, основанное на чествованіи горъ, объясняется стариннымъ обычаемъ, доселѣ наблюдаемымъ въ Болгаріи.

---

[1]) Каравелова, Памятники нар. быта Болгаръ, 211.

Съ горами Кіевскими лѣтопись связываетъ эпическое преданіе о трехъ братьяхъ, княжившихъ въ Полянахъ: «Быша три братія, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кій *на горѣ*, гдѣ нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше *на горѣ*, гдѣ нынѣ зовется *Щековица*, а Хоривъ на третьей *горѣ*, отъ него же прозвася *Хоревица*». О рѣкѣ Лыбеди, будто бы названной по имени сестры трехъ эпическихъ братьевъ, будетъ еще рѣчь впереди, а теперь надобно замѣтить, что одна изъ возвышенностей на берегу рѣки, при впаденіи ея въ Днѣпръ, именуется *Дѣвичь-гора*. Сверхъ того, какъ отъ *Волота* прозванъ *волоткою* курганъ или могила древняго героя, такъ и Щековица была волоткою для Олега Вѣщаго. Лѣтописное преданіе повѣствуетъ, будто бы этого князя погребли — «*на горѣ*, иже глаголеться Щековица, есть же могила его до сего дни, словеть *могила Ольгова*».

Согласно со сказкой о трехъ братьяхъ, жившихъ на горахъ, и въ соотвѣтствіе обычному выраженію *на горахъ*, вмѣсто *въ Кіевѣ* (напримѣръ, въ Словѣ о полку Игоревѣ), точно такъ, какъ по лѣтописному *поля* и *дерева* (въ Поляхъ, *въ Деревахъ*), вмѣсто Поляне, Древляне, лѣтопись Якимовская жителей приднѣпровскихъ называетъ не только Полянами, но и *Горянами*. Кій, Щекъ и Хоривъ были *Горяне* или *Горыни*. Отсюда былинныя формы *горынянка* или *горянинка*, съ отческимъ окончаніемъ *горын-ичъ*, потомъ *горынчище*. Змій названъ *горыничемъ*, потому что живетъ въ горѣ или на горѣ, потому же, почему и три Кіевскіе брата— Горяне.

Форма *горыня* (древн. *горыни*, какъ *пустыни*, вм. *пустыня*) образована по общему правилу съ другими эпическими именами: *Добрыня*, *Низъкыня* (о которомъ будетъ сказано послѣ). Но особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь форма *брѣгыня* или *берегиня* (древн. *брѣгыни*), отъ *брѣгъ*, *берегъ*, собственно значитъ гора, холмъ, слѣдовательно, то же, что̀ и *горыня*, но, по древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, имѣетъ смыслъ миѳическаго существа, которому Славяне нѣкогда воздавали чествованіе, какъ это видно изъ

Слова св. Григорія въ Паисіевскомъ Сборникѣ XIV вѣка: «а пореже того клали трѣбу упиремъ и берегинямъ».

Такъ какъ мѣста древнѣйшаго языческаго чествованія были освящаемы христіанскими храмами, то укажу здѣсь на упраздненный *Волотовъ* монастырь, на правомъ берегу рѣки Волховца, на такъ-называемомъ *Волотовомъ полѣ*, въ трехъ верстахъ къ востоку отъ Новагорода. Доселѣ осталась отъ монастыря церковь Успенская *на Волотовѣ*, названная такъ будто бы потому, что здѣсь стоялъ идолъ Велеса или Волоса, какъ на Ильменѣ, при истокахъ Волхова, былъ чествуемъ Перунъ. На Волотовѣ будто бы язычники погребали своихъ князей и богатырей. Доселѣ указываютъ къ юговостоку, саженяхъ въ 20-ти отъ церкви, на холмъ (или *волотку*), будто бы насыпанный пригоршнями Новгородцевъ надъ могилою князя ихъ Гостомысла. А къ западу отъ церкви, саженяхъ въ 70-ти, указываютъ на горку, извѣстную нынѣ подъ именемъ *Слудки*, идущую по берегу Волховца. Это-то и есть древнее *Волотово* или богатырское поле [1]). Урочищу *Слудки* встрѣчаемъ нѣчто соотвѣтственное около Пскова, на рѣкѣ Великой: одинъ изъ рукавовъ ея называется *Ольгины Слуды*, о чемъ будетъ подробнѣе послѣ. Древнее церковно-славянское *слуды* — утесъ, крутизна, род. пад. *слудъве*.

Какъ языческія божества имѣли свои горы и въ нихъ превращались (*Бѣлбогъ*, *Чернобогъ*), такъ и *Перунова рѣнь* Несторовой саги именуется въ Славянорусской хроникѣ *Перуновою горою* [2]). Какъ Щекъ и Хоривъ имѣли свои горы, такъ имѣла свой утесъ и княгиня Ольга, очевидно, въ качествѣ эпической героини. Кромѣ Ольгиныхъ слудъ, еще въ XV вѣкѣ одна *гора* близь Пскова называлась *Ольгиною*, а по свидѣтельству Каменевича-Рвовскаго, еще въ XVII вѣкѣ въ Ярославской области одинъ большой *каменъ* на берегу Волги, въ верстѣ отъ устья Мологи,

---

[1]) **Макарія**, Археол. описаніе Новгорода, I, 568—9. **Попова**, Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій въ хронографахъ, 447.

[2]) По рукописи XVII в., принадлежащей мнѣ.

именовался тоже *Ольгинымъ* [1]). Переходя отъ миѳическихъ существъ и героевъ лѣтописныхъ сагъ къ богатырямъ нашихъ былинъ, я могу указать на горные слѣды Илья Муромца. Въ Сотной на Муромскій посадъ, 1574 года, между Муромскими урочищами мы встрѣчаемъ, кромѣ Ильинской улицы, *Богатыреву гору* противъ рѣки Оки, а также *Скокову гору,* очевидно, носящую на себѣ слѣдъ преданія о богатырскихъ скачкахъ коня Ильи Муромца [2]).

Итакъ, что̀ же такое по представленіямъ, такъ прочно сложившимся въ древней Руси, тотъ чудовищный богатырь, котораго когда-то встрѣтилъ Илья Муромецъ лежащимъ *на горѣ,* потому что его и земля не держитъ? Туча, облако, или какое другое атмосферическое или небесное явленіе, или же какое-нибудь первобытное броженіе не устроенныхъ элементовъ физическихъ и нравственныхъ? Ни чуть не бывало. По складу всѣхъ преданій, это не что иное, какъ тотъ же великанъ *Волотъ*, лежащій на горѣ-*волоткѣ*, это Щекъ или Хоривъ на Щековицѣ или Хоревицѣ, это Перунъ, выброшенный на *Перунову гору*, и т. д. Точно то же и *Святогоръ*, который, по сказаніямъ, живетъ на *Святыхъ горахъ*, а объ этихъ горахъ такъ значится въ Книгѣ Большаго Чертежа: «а ниже Царева града, отъ усть рѣки Оскола, на Донцѣ, съ Крымской страны, *Святыя горы*, отъ Царева града верстъ съ 10».

Въ связи съ миѳическими и богатырскими горами состоятъ былинныя сказанія объ окаменѣніи богатырей или превращеніи ихъ въ камни. То же преданіе пріурочивается у насъ ко многимъ мѣстностямъ, напримѣръ, въ Смоленской легендѣ о томъ, какъ великомученикъ Георгій въ ночь на канунѣ Ивана Купалы окаменилъ дѣвицъ и женъ, собравшихся на бѣсовское сборище въ 30-ти поприщахъ отъ Смоленска по Черниговской дорогѣ: «И быша окаменѣни вси, иже ту обрѣтшися, аки люди стоящи, на

---

[1]) Карамзинъ, И. Г. Р. I, прим. 377. V, прим. 197.

[2]) Акты Юридическіе, изд. Археогр. Ком., стр. 250.

полѣ томъ видими суть и донынѣ, въ наказаніе намъ грѣшнымъ, еже тако не творити» (Цвѣтникъ 1665 года, въ Синод. библ., № 908). Каменныхъ людей знаетъ и древне-русская географія. Въ Книгѣ Большаго Чертежа читаемъ о такъ называемыхъ *каменныхъ бабахъ*: «а на рѣчкѣ на Терновкѣ стоитъ *человѣкъ каменный*, а у него кладутъ изъ Бѣлаграда станичники доѣздныя памяти, а другія памяти кладутъ на Самарѣ и у *дву дѣвокъ каменныхъ;* а отъ *каменнаго человѣка* до Самары верстъ съ 30».

Съ преданіями о жителяхъ горъ, также какъ и о существахъ окаменѣлыхъ, соединяется мысль о далекомъ прошедшемъ, о странѣ чудесъ и богатырскихъ подвиговъ. Волоты исчезли съ лица земли и оставили по себѣ только волотки да камни. То же повѣрье о чудесной странѣ и чудесныхъ людяхъ, живущихъ въ горахъ, разсказывалъ нашему лѣтописцу Гюрята Роговичъ Новгородецъ [1]).

Но воротимся еще разъ къ древнимъ славянскимъ племенамъ, населявшимъ въ южной Руси *Поля* и *Дерева*. Мы уже видѣли, что приднѣпровье было заселено Полянами и Горянами. *Въ деревахъ*, или у Древлянъ, лѣтописная сага называетъ княземъ нѣкоего *Мала*. По Лаврентьевскому списку, князь Малъ и убилъ Игоря, и сватался къ Ольгѣ. По Густинской лѣтописи, Маломъ названъ только тотъ князь, который убилъ Игоря; послы же Древлянскіе, пришедши къ Ольгѣ, просили ее выдти замужъ «за своего князя *Нискина*». По Якимовской лѣтописи, «Князь Древлянскій *Малъ* сынъ *Нискининъ* присла послы къ Ольгѣ просити, да идетъ зань» (Татищевъ, I, 36). По хроникѣ Словено-русской *Малъ* и *Низкиня* (а не *Нискиня*, у Длугоша *Miskina*) одно и то же, и притомъ не просто Малъ, а *Малъ-дѣдъ*: «Деревяне зъ княжатемъ своимъ *Малдѣдомъ* альбо *Низкинею* званымъ почали мыслити, щобы мѣли чинити», когда рѣшились убійствомъ освободиться отъ хищности Игоря. Потомъ пришли къ Ольгѣ послы просить ее, «абы за ихъ князя Древянскаго *Низкиню* пошла» [2]).

---

[1]) Смотри Полн. Собр. Лѣтоп., I, 107.

[2]) Слич. у Мавроурбина *Малдиттъ*.

Каково бы ни было значеніе этихъ Древлянскихъ именъ, миѳологическое или мѣстное, географическое, во всякомъ случаѣ форма *Низкиня* (древн. *Низъкыни*), по грамматическому смыслу, противополагается миѳологичнскому термину *Горыня*, откуда *Горыничъ* и соотвѣтствуетъ формѣ *Плоскиня* (древн. *Плоскыни*), какъ называется въ Тверской лѣтописи (стр. 342) воевода Бродниковъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди [1]). По лѣтописной сказкѣ Древлянскій Низкиня ищетъ себѣ невѣсты у приднѣпровскихъ Горянъ. По эпической генеалогіи онъ отецъ Малу, а потому Малъ *Низкининъ* или *Низкиничъ*. По другому преданію, самъ Низкиня, какъ родоначальникъ, именуется *дѣдомъ*, и въ отличіе отъ своихъ потомковъ, носитъ названіе *Малъ-дѣдъ*, въ томъ же миѳологическомъ и эпическомъ смыслѣ, по которому въ Словѣ о полку Игоревѣ являются *внуки Стрибожи*, *внукъ Дажьбожъ* и *внукъ Велесовъ*.

Здѣсь заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что посредствомъ собственнаго имени *Малъ* и производныхъ отъ него — *Малко* (или *Малъкъ*) и *Малуша*, сказаніе объ Ольгѣ связывается, съ одной стороны, съ Древлянами и ихъ миѳическимъ *Малъ-дѣдомъ* (Низкиней), а съ другой — съ княземъ Владиміромъ, сыномъ Малуши и съ ея братомъ Добрыней, отцомъ которыхъ былъ *Малко* (уменьшительная форма отъ *Малъ*) [2]). Какъ у Ольги былъ женихомъ Малъ или Малъ-дѣдъ, такъ у сына ея Святослава была наложницею Малуша, дочь Мала или Малка, иначе называемая *Малкою*.

IV.

Перехожу къ *рѣкамъ*. По миѳологіи природы, въ былинахъ рѣки тоже не настоящія, земныя; это рѣки небесныя, дождь, ливень. Если наглядность принимала участіе въ составленіи миѳовъ, то какъ вершины горъ, уходящія въ облака, поддерживали

---

[1]) Слич. въ Кіевѣ *Болонье*, нынѣ *Плоская* часть.

[2]) Употребляемое въ былинахъ отчество Добрыни — *Никитичъ* не переделалось ли изъ древнѣйшаго *Низкиничъ*?

въ воображеніи представленіе тучъ въ видѣ горъ, такъ и горные потоки, низвергающіеся изъ-подъ облачныхъ снѣговыхъ вершинъ, казались продолженіемъ ливня, падающаго изъ тучи. Впрочемъ, каковы бы ни были первобытныя представленія, соединенныя съ рѣкою, въ нашихъ былинахъ рѣки, также какъ и горы, уже низведены съ неба на землю и пріурочены къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Въ основѣ былинныхъ сказаній о рѣкахъ явствуютъ также миѳологическія преданія, но преданія эти опираются на такую твердую почву географическихъ урочищъ, что не даютъ права такъ безусловно возносить наши Дунаи и Волховы въ заоблачныя высоты, какъ это позволяетъ себѣ г. Миллеръ.

Извѣстна лѣтописная сказка о рѣкѣ Мутной, получившей будто бы другое названіе — *Волховъ* (форма прилагательнаго имени), отъ *Волха*, который «въ боги сѣлъ» и былъ сближенъ съ Перуномъ. *Волховскій* городокъ и *Перынь* съ Перыньскимъ скитомъ остались географическими урочищами древняго преданія. Волхъ, въ видѣ крокодила или змія (зміяки), плаваетъ по своей Волховой рѣкѣ. Точно такъ плыветъ по Волхову и истуканъ Перуна, низверженный архіепископомъ Якимомъ. «О горе, охъ мнѣ!» восклицаетъ Перунъ по свидѣтельству лѣтописной сказки: «Онъ же, пловя сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою и рече: На семъ мя поминаютъ Новгородскія дѣти, его же и нынѣ безумніи убивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ» и т. д. [1]). Пусть палица Перунова первоначально означала молнію, пусть Волховъ — первоначально туча, но въ этомъ сказаніи, соотвѣтствующемъ по воззрѣніямъ міросозерцанію былинныхъ пѣвцовъ, рѣчь идетъ ужь о настоящей Новгородской рѣкѣ, и подъ палицею разумѣется оружіе, слишкомъ хорошо засвидѣтельствованное исторіей о междоусобныхъ стычкахъ на Волховскомъ мосту. Сказаніе это служитъ лѣтописнымъ дополненіемъ къ былинамъ о Васькѣ Буслаевѣ и Садкѣ богатомъ гостѣ. То же преданіе о

---

[1]) Выдержки изъ Лѣтоп. см. у Бестужева-Рюмина, О составѣ русской лѣтописи. Прилож., стр. 21.

томъ, какъ миѳическое существо плыветъ по рѣкѣ, въ южной Руси было запечатлѣно урочищемъ на Днѣпрѣ — *Перунова рѣнь* или *Перунова гора.* Какъ по Новгородскому преданію, нѣкоторый Пидьблянинъ, везшій горшки въ городъ, увидѣлъ приставшаго къ берегу Перуна, и отринувъ его шестомъ: «ты — рече — Перунище, досыти еси ѣлъ и пилъ, а ныньче поплови прочь», — такъ и на югѣ Россіи, когда истуканъ Перуна плылъ по Днѣпру, толпы язычниковъ будто бы бѣжали въ слѣдъ за нимъ по берегу и кричали: «Перуне, выдыбай»! И идолъ, какъ-бы повинуясь голосу приглашающихъ его, присталъ къ тому мѣсту, гдѣ потомъ построенъ былъ монастырь, названный *Выдубецкимъ*, будто бы отъ реченія *выдыбай*, то-есть, выплывай. Преданіе о зміи въ нашихъ былинахъ пріурочивается къ рѣкамъ. Добрыня Никитичъ, купаясь въ Израй- или Сафатъ-рѣкѣ, встрѣчается съ зміемъ, похитителемъ дѣвицъ или оберегателемъ золотаго клада.

Обычай спускать по рѣкѣ вышедшую изъ употребленія святыню отъ давнихъ временъ низверженія въ воды истукана Перунова удержался до позднѣйшаго времени въ спусканіи на воду досокъ, на которыхъ уже стерлось или вообще стало не видно изображеніе иконописное. Исчезновенію Ильи Муромца и Добрыни, уплывшихъ куда-то на кораблѣ, въ легендахъ соотвѣтствуетъ преданіе о плаваніи гроба. Въ книгѣ о святыхъ, почивающихъ въ русскихъ градахъ и весяхъ, читаемъ: «Святый великомученикъ Меркурій воинъ (извѣстный богатырь, поразившій великана Татарина или Печенѣжина), Смоленскій чудотворецъ въ лѣто 6747 Ноемврія въ 14 день *во гробѣ въ Кіевъ приплы*».

Какъ по былинамъ рѣки Дунай и Днѣпръ произошли отъ крови богатыря Дуная и Днѣпры Королевичны, такъ и по мѣстнымъ лѣтописнымъ сагамъ — въ сѣверной Руси Волховъ назвался отъ Волха, а въ Кіевской Руси рѣка *Лыбедь* — по имени сестры трехъ братьевъ Горянъ. То же имя встрѣчается и въ другой мѣстности, гдѣ чествованіе воды существовало издавна. Древній Переяславль Рязанскій былъ построенъ между рѣками Трубежомъ и *Лыбедью*, устье которой называется озеромъ Кара-

севымъ: оно почиталось святымъ, равно какъ и другое озеро — Быстрое. *Лыбедь*, изъ породы Горянъ, могла иначе называться Горынею. Соотвѣтственно этому въ юго-западной Россіи *Горыня* или *Горынь* является собственнымъ именемъ рѣки.

Замѣчательно, что съ рѣкою Лыбедью, Кіевскою, соединяется цѣлый рядъ сказаній о женскихъ личностяхъ: 1) она получила имя отъ сестры троихъ эпическихъ братьевъ; 2) на Лыбеди жила одна изъ женъ князя Владиміра, знаменитая Рогнѣдь (Горислава); тутъ именно и случилась извѣстная трагическая сцена ея неудавшейся мести (если *Горислава* не есть отдѣльная отъ Рогнѣди личность, то въ этомъ имени, какъ эпитетѣ, сократилось цѣлое эпическое сказаніе, по преданію, можетъ-быть, связанное съ прозвищемъ *Гориславличь* въ Словѣ о полку Игоревѣ); далѣе, 3) во времена Нестора на Лыбеди было сельцо *Предславы*, или дочери князя Владиміра и Рогнѣди, или родственницы Игоря, супруги Улеба; наконецъ, 4) на Лыбеди же князь Владиміръ построилъ палаты для своихъ наложницъ [1]).

Въ бытовомъ отношеніи, рѣка, какъ путь сообщенія, а также и какъ преграда или застава, должна была имѣть важное значеніе какъ въ самой дѣйствительности, такъ и въ ея поэтическомъ возсозданіи въ лѣтописныхъ сказкахъ и былинахъ. *Бродъ* или *перевозъ* черезъ рѣку — это одинъ изъ крупныхъ фактовъ въ миѳологическихъ и героическихъ сказаніяхъ. Г. Миллеръ указываетъ на бога Одина, явленіе котораго въ видѣ лодочника довольно обычно въ сказаніяхъ сѣверныхъ, и приводитъ извѣстный эпизодъ изъ Вальтера Аквитанскаго о перевозѣ черезъ Рейнъ, эпизодъ, послужившій причиною кровавой катастрофы; почтенный изслѣдователь не забылъ и одну изъ дочерей Соловья-Разбойника, которая была перевозчицею на рѣкѣ Дунаѣ (смотри стр. 88, 121, 224—5,279); но удивительно, какъ эти крупные факты въ исторіи древняго быта и поэзіи не привели его ни къ какимъ результатамъ по отношенію былинъ къ роднымъ урочи-

---

[1]) Сементовскаго, Кіевъ, стр. 23.

щамъ Русской земли. Лѣтописная сказка о перевозчикѣ относится къ древнѣйшему преданію о началѣ Кіева. «У Кіева бо бяше *перевозъ* тогда съ оноя стороны Днѣпра», говоритъ лѣтописецъ, «тѣмъ глаголаху: *на перевозъ, на Кіевъ*». То-есть, сначала говорили: *перевозъ Кіевъ*, а потомъ стали говорить просто *Кіевъ*, одно прилагательное безъ существительнаго. Отсюда возникла сказка о *Кіѣ перевозчикѣ;* но такъ какъ Кій былъ и родоначальникъ-князь, то лѣтописецъ, уже не понимавшій, почему такое важное лицо могло не брезговать ремесломъ перевозчика, склоняется къ тому мнѣнію, что Кій былъ князь, а не перевозчикъ, потому только, что онъ ходилъ къ Царюграду и былъ на Дунаѣ. Итакъ, въ лицѣ баснословнаго Кія соединялось званіе князя съ ремесломъ перевозчика, на столько же согласно эпическому смыслу, на сколько былъ перевозчикомъ и сѣверный богъ Одинъ. Къ Кіеву перевозу шелъ *путь*, и память о немъ осталась въ урочищѣ *Путищѣ*, съ которымъ, сверхъ того, было соединено миѳологическое преданіе. Городокъ Кія тянулся по высотѣ холма, и отъ него къ Почайнѣ извивалось, по откосамъ холма, *Путище* Боричевъ или Зборичевъ. Это путище изъ города приводило къ пристани на Почайнѣ, гдѣ и полагаютъ перевозъ Кіевъ. Когда низвергли истуканъ Перуновъ, волокли его по Боричеву путищу, и съ того времени, будто бы, вершина этого путища называлась въ народѣ *Чортовымъ путищемъ* или *Чортовымъ беремищемъ* [1]).

На перевозѣ, или же *на бродѣ* бывали вражескія стычки, а вмѣстѣ съ тѣмъ — естественно возникали города. Въ извѣстной лѣтописной сагѣ о Переяславскомъ Кожемякѣ, читаемъ: «Володимеръ же поиде противу имъ (то-есть, противъ Печенѣговъ), и срѣте й на Трубежи *на бродѣ*, гдѣ нынѣ Переяславль». У южныхъ Славянъ, напримѣръ у Сербовъ, *бродъ* имѣетъ значеніе не только нынѣшнее, но и лодки, *бродарина* — плата за перевозъ, въ хорутанскомъ *бродаръ* — перевозчикъ.

---

[1]) Сементовскій, Кіевъ, стр. 20, 22.

Жить *на бродѣ* имѣло въ древнемъ быту свое значеніе, и очень вѣроятно, что отъ слова *бродъ* образовалось названіе живущихъ на такомъ урочищѣ — *бродниками.* Это названіе потомъ стало приниматься за собственное имя, но нарицательный его смыслъ явствуетъ изъ того, что мы встрѣчаемъ Бродниковъ въ разныхъ мѣстностяхъ древней Руси [1]). Бродниковъ знаютъ и древне-сербскіе источники [2]). Наконецъ, какъ замѣчено выше, Тверская лѣтопись, и именно въ одномъ изъ сказочныхъ эпизодовъ, даетъ въ воеводы Бродникамъ нѣкоего *Плоскиню*, въ имени котораго уже замѣчено соотвѣтствіе эпическому Низконѣ или Малъ-дѣду.

Другою формою для названія жителей на броду или *съ броду* могло быть былинное *Збродовичи, братья Збродовичи*, съ отческимъ окончаніемъ — *ичъ*.

Мѣстныя народныя сказанія о древней Ольгѣ, вошедшія въ ея житіе и въ позднѣйшія лѣтописи, называютъ ее *Прекрасою*, дѣвицей изъ крестьянскаго званія. Будто бы она была перевозчицею на рѣкѣ Великой, и князь Игорь будто бы впервые узналъ ее, когда она перевозила его въ лодкѣ на ту сторону рѣки, гдѣ онъ думалъ найдти *ловъ желанный.* По мѣстному Псковскому разсказу [3]), будто бы на волокитство князя она отвѣчаетъ тѣми же самыми словами, какъ и Муромская княгиня Февронія, когда одинъ изъ мужчинъ въ лодкѣ дѣлаетъ ей нескромное предложеніе. Этою подробностью Псковское сказаніе роднится съ Муромскимъ, столько важнымъ для исторіи нашего былиннаго эпоса. По другимъ варіантамъ, теперь утраченнымъ, не была ли и Февронія перевозчицей? Или же Псковское сказаніе объ Ольгѣ отразилось этою чертою на сказаніи Муромскомъ?

Въ мѣстномъ сказаніи объ Ольгѣ есть одна подробность, которою оно сближаетъ лѣтописную сагу съ былиною. Г. Якуш-

---

1) См. Карамзина, И. Г. Р. II, пр. 302; III, пр. 168.

2) Даничича, Рѣчникъ, стр. 79.

3) Якушкина, Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній, стр. 156.

кину около Пскова, между прочимъ, объ Ольгѣ-перевощицѣ разсказывали: «да и много она князей перевела: котораго загубитъ, котораго *посадитъ въ такое мѣсто*» и проч. Припомните, съ одной стороны, лѣтописное повѣствованіе о томъ, какъ Ольга велѣла бросить въ глубокую яму Древлянскихъ пословъ, а съ другой стороны — былинный эпизодъ о той прелестницѣ, изъ погребовъ которой Илья Муромецъ освободилъ нѣсколько десятковъ князей и князевичей, обольщенныхъ этою женщиною.

По свидѣтельству лѣтописи, Ольга оставила по себѣ память по всей землѣ во множествѣ урочищъ. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ Псковскія [1]). Тамъ, въ 12-ти верстахъ отъ Пскова, погостъ *Лыбуты* (напоминающій миѳическую и эпическую Лыбедь), родина Ольги, иначе весь Выбутская или село Выбутино, гдѣ будто бы хранились и сани Ольгины. Нѣсколько ниже Лыбутъ, на рѣкѣ Великой, есть островъ, раздѣляющій ее на два рукава. Одинъ изъ нихъ мелкій, съ каменистымъ дномъ, донынѣ называется *Ольгиными слудами*, о чемъ упомянуто уже выше; другой рукавъ, болѣе глубокій, называется *Ольгиными воротами*, вѣроятно, въ связи съ преданіемъ о перевозѣ Ольгиномъ. Около Пскова, въ окрестностяхъ Снѣтогорскаго монастыря, къ устью рѣки Великой есть двѣ деревни: *Перино* (слич. Новгородское *Перынь* или *Перюнь*), иначе *Ольгинъ городокъ*, и Житникъ, иначе *Ольгинъ дворецъ*. Объ Ольгиной горѣ уже сказано прежде.

Нужно ли прибавлять, что былинные эпизоды о Перевощицѣ — дочери Соловья-Разбойника, и о рѣкѣ Смородинѣ — душѣ Красной Дѣвицѣ, относятся къ тому же общему эпическому циклу преданій лѣтописныхъ и мѣстныхъ, которыя разсмотрѣны мною въ этой главѣ?

V.

Теперь о *Соловьѣ-Разбойникѣ*. Онъ залегъ дорогу на пути изъ Мурома въ Кіеву. Живетъ къ гнѣздѣ на дубахъ, на трехъ,

[1]) Гр. М. Толстаго, Святыни и древности Пскова, стр. 76, 78.

семи или девяти. Около имѣетъ дворъ, палаты или помѣстье, гдѣ живетъ его семья, жена съ дѣтьми. По г. Миллеру, это туча съ вѣтромъ и дождемъ, которая заслонила Красно Солнышко (князя Владиміра). Множество сравнительныхъ данныхъ, приведенныхъ по этому поводу авторомъ, не оставляютъ сомнѣнія, что въ образѣ Соловья-Разбойника нашъ эпосъ удержалъ въ себѣ нѣкоторые слѣды какого-то миѳа, общаго многимъ народамъ, и что, въ своей основѣ, миѳъ этотъ могъ выражать извѣстное воззрѣніе на природу. Но какъ онъ былъ пріуроченъ къ русской мѣстности и къ русскому быту — вотъ вопросъ, рѣшенію котораго почтенный профессоръ, какъ кажется, не приписываетъ особенной важности. Между тѣмъ, преданіе о Соловьѣ-Разбойникѣ составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ эпизодовъ русскаго эпоса объ Ильѣ Муромцѣ, и если въ этомъ богатырѣ народъ возсоздалъ свой бытовой, историческій типъ, то весьма естественно допустить, что и въ чудовищѣ, имъ пораженномъ, миѳъ тучи съ дождемъ осложнился какими-нибудь бытовыми чертами, и что этотъ *бытовой слой* очень рано налегъ на стихійный миѳъ, точно также, какъ самъ Муромецъ съ незапамятныхъ временъ перересталъ быть Перуномъ. Самъ авторъ, съ свойственнымъ ему тактомъ критическаго анализа, усматриваетъ въ Соловьѣ и его семействѣ *звѣринскіе обычаи* менѣе развитаго быта (стр. 264). Это жители лѣсовъ или какъ-бы стародавніе *Древляне* или *Вятичи*, въ противоположность Муромцу, который у себя на родинѣ расчищалъ лѣсъ для пахотной земли, какъ древній *Огнищанинъ*, поселившійся на расчищенной изъ-подъ палу землѣ, на дору или *на огнищѣ*. Сами былины заслоняютъ уже стихійный миѳъ чертами индивидуальными, на что̀ указываютъ характеристическія имена *Соловей* и *Разбойникъ*.

Въ видахъ пріуроченія этого миѳа къ русской народности приведу нѣсколько мѣстныхъ и лѣтописныхъ данныхъ въ дополненіе къ рѣшенію вопроса о *слоевомъ* составѣ народнаго русскаго эпоса.

1) Соловей гнѣздится на деревьяхъ. Въ этомъ онъ сходится

съ другими вѣщими личностями нашихъ лѣтописныхъ сказаній. Въ упомянутой выше Славяно-русской хроникѣ, на основаніи литовскихъ источниковъ, о поганскомъ бискупѣ, то-есть, жрецѣ Лыздейкѣ сказано: «той Лыздейко за живота Витени, отца Гедиминова, былъ знайденъ *въ гнѣздѣ орловомъ* въ пущѣ, не при гостинцу, и самъ его Витеня знайшолъ». Этотъ жрецъ былъ чародѣй и человѣкъ вѣщій. Въ гнѣздо онъ попалъ еще ребенкомъ, будто бы неизвѣстно какъ и когда.

2) Связь *гнѣзда* съ жилищемъ вообще, въ эпоху созданія эпическихъ сказаній, явствуетъ, напримѣръ, въ преданіи объ основаніи города *Гнѣзно* [1]).

3) Что съ *Соловьемъ* русскій эпосъ соединялъ понятіе о существѣ вѣщемъ, явствуетъ, во-первыхъ, изъ того, что въ Словѣ о полку Игоревѣ *вѣщій* Боянъ именуется «соловьемъ стараго времени», и во-вторыхъ, изъ того, что по Якимовской лѣтописи, когда Добрыня крестилъ язычниковъ въ Новѣгородѣ, «высшій же надъ жрецы Славянъ *Богомилъ*, сладкорѣчія ради нареченъ *Соловей*, вельми претя люду покоритеся» и т. д. [2]). Такимъ образомъ жрецу Лыздейкѣ, сидящему на деревѣ въ гнѣздѣ, соотвѣтствуетъ жрецъ Соловей, то-есть, вообще Соловей *вѣщій*.

4) Раннее лѣтописное сказаніе о вѣщемъ Соловьѣ составляло часть преданія, въ которомъ играли роль дѣйствующія лица съ птичьими именами. Та же Якимовская лѣтопись повѣствуетъ, что однимъ изъ главныхъ противниковъ жреца Соловья былъ нѣкто *Воробей:* «Воробей же посадникъ, сынъ Стояновъ, иже при Владимірѣ воспитанъ, и бѣ вельми сладкорѣчивъ, сей иде на торжище, и паче всѣхъ увѣща». Такимъ образомъ препирались въ своемъ сладкорѣчіи о вѣрѣ языческой и христіанской жрецъ Соловей и посадникъ Воробей. Это будто бы относится къ тому времени, когда, по древней пословицѣ: «Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Татищевъ говоритъ: «Въ пѣсняхъ старинныхъ о увеселеніяхъ Владиміра

---

[1]) См. въ моихъ Очеркахъ, I, 369.

[2]) Татищевъ, I, 39.

тако поютъ: «Противъ двора Путятина, противъ терема Забытина, стараго *Путяты* темный лѣсъ». Отсюда былинная Запава *Путятишна*.

5) Соотвѣтственно лѣтописной сказкѣ съ птичьими именами, въ одномъ полукнижномъ сказаніи, которымъ г. Миллеръ не воспользовался, какъ бы слѣдовало (стр. 277), нашъ былинный *Соловей* называется Мордвиномъ, и вмѣстѣ съ нимъ являются еще двое изъ Мордвы — силачъ, то-есть, богатырь *Скворецъ* и чародѣй *Дятелъ*. Эта сказка пріурочена къ мѣстности Нижегородской. По мѣстному разсказу, Скворецъ замѣняется *Соколомъ*. Какъ въ Кіевѣ названы были горы отъ Щека и Хорива, такъ и Нижегородскія горы *Соколъ* и *Дятлова гора* состоятъ въ связи съ приведенною здѣсь сказкою. Мордовская или вообще финская порода Соловья, по этой сказкѣ, соотвѣтствуетъ тѣмъ звѣринскимъ обычаямъ, которые усматриваетъ въ немъ г. Миллеръ. Впрочемъ, лѣтописное сказаніе Якима и другія соображенія позволяютъ предполагать, что происхожденіе этой эпической личности могло быть и славянское.

6) Соловей называется въ былинахъ *Разбойникомъ* [1]). Мы уже видѣли, что ко временамъ князя Владиміра лѣтописная сказка относитъ нѣкоего вѣщаго Соловья. По другой лѣтописной сказкѣ, къ князю Владиміру приводятъ какого-то вѣщаго разбойника, котораго надобно было изловить хитростью [2]). Имя ему *Могутъ*, древняя форма, соотвѣтствующая миѳической *Словутъ*, откуда въ Словѣ о полку Игоревѣ *Словутичъ*. Поставленный передъ княземъ Владиміромъ, онъ, какъ былинный Соловей, *вскрича зѣло*, и потомъ, какъ человѣкъ вѣщій, *провидѣвъ свою смерть*.

7) Каково бы ни было первоначальное значеніе Соловья-Разбойника, но въ общемъ объемѣ русскаго эпоса, по его про-

---

[1]) О разбойникѣ Соловьѣ въ западныхъ сказаніяхъ см. мои Очерки, I, 396—397.

[2]) Выдержку изъ лѣтописи см. у Бестужева-Рюмина, О составѣ русскихъ лѣтописей, прилож. стр. 34.

явленіямъ въ лѣтописныхъ сказкахъ, мѣстныхъ преданіяхъ и былинахъ, это личность ужь опредѣленная, это не миѳъ, одѣтый тонкою пеленою внѣшней формы, а *мужикъ*, котораго можно въ торокахъ везти, но это же и птица, которая и свиститъ и шипитъ, какъ змій. Какъ обыкновенный человѣкъ, онъ имѣетъ семью (хотя частію и миѳическую) въ палатахъ или теремахъ на широкомъ дворѣ, и какъ странное существо, самъ живетъ постоянно на деревьяхъ. Это дивовище, это, выражаясь фразою Слова о полку Игоревѣ — какъ-бы — «*дивъ* кличеть врьху древа, велить послушати земли не знаеми». Но кромѣ того, не отразился ли въ типѣ Соловья-Разбойника какой-нибудь болѣе существенный слѣдъ древне-русскаго быта? Это *древолазеніе* Соловья по вершинамъ деревьевъ, когда около имѣетъ онъ терема съ семьею, праздная ли игра фантазіи, наэлектризованной какимъ-то миѳомъ о тучѣ, или же въ этомъ *древолазцѣ* наши предки въ полусумракѣ своихъ темныхъ лѣсовъ могли видѣть образы и явленія, съ которыми испоконъ вѣку роднились они въ своемъ обычномъ быту?

Посмотримъ.

Намъ особенно дороги мѣстныя сказанія Муромскія. Они составляютъ часть того цѣлаго, къ которому принадлежатъ многіе изъ эпизодовъ объ Ильѣ Муромцѣ. Въ легендѣ о Петрѣ и Февроніи между многими подробностями, столько важными для исторіи быта и поэзіи, есть одна, которая, можетъ-быть, относится къ рѣшенію предложеннаго мною вопроса. Февронія, когда еще была крестьянскою дѣвицею, между другими загадочными словами, сказала княжему отроку: «есть бо у мене и братъ, но той иде чрезъ нозѣ въ нави зрѣти» (то-есть, въ могилу, въ царство мертвыхъ); и послѣ объяснила эту загадку такъ: «Отецъ же мой и братъ *древолазцы* суть, въ лѣсѣхъ бо отъ древія медъ емлютъ, и нынѣ иде (то-есть, братъ Февроніи) на таковое дѣло, яко *лѣзти ему на древо* въ высоту, чрезъ ногу долу зрѣти, еже бы не отторгнутися и не лишитися живота своего». Важное значеніе *бортнаго* промысла на Руси, съ древнѣйшихъ временъ, за-

свидѣтельствовано и арабскими писателями [1]), и нашими лѣтописями, и другими источниками. *Скора*, *медъ* и *воскъ* — главныя статьи вывозной съ Руси торговли. Бортный промыслъ ограждается въ Русской Правдѣ особою на этотъ предметъ статьею. Въ эпоху языческую въ предѣлахъ древней Руси воздавалось *борти* или *древесной дуплинѣ* миѳическое чествованіе, и бортникъ или древолазецъ, когда умиралъ, былъ погребаемъ съ своими *древолазными снастями*, какъ воинъ погребался съ копьемъ и мечемъ. Эти факты могутъ быть извлечены изъ общеизвѣстнаго мѣста о древне-Муромскихъ обрядахъ, въ житіи Муромскаго князя Константина: «дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и симъ покланяющеся .... и по мертвыхъ ременныя плетенія и древолазная съ ними въ землю погребающе». Какъ важное учрежденіе въ древнемъ быту, бортничество было возведено до миѳической апотеозы, точно такъ же какъ земледѣльческій бытъ создалъ эпическіе типы Премысла, Микулы Селяниновича, или какъ древнее скорнячное дѣло оставило по себѣ память въ эпическомъ Кожемякѣ. Въ хронографной исторіи о началѣ Русской земли приводится лѣтописная сказка: «Тогда княжиша два брата, единому имя Діюлесъ (вар. Діюлелъ), а другому Дидалакхъ (вар. Дадалакхъ, Валадакхъ), невѣгласи же боги ихъ нарицаху за то, иже *пчелы имъ налѣзше и борти верхъ древія* устроиша» [2]). По Каменевичу-Рвовскому, эти обоготворенные князья назывались *Діюлель* и *Дидиладъ* [3]). Оставляя въ сторонѣ наивное ученіе древняго грамотника о миѳическомъ обоготвореніи историческихъ личностей, обращаю вниманіе вообще на какія-то миѳическія личности, чествуемыя по этой сказкѣ, какъ покровители бортничества, въ послѣдствіи отожествленныя съ Зосимою и Савватіемъ Соловецкими.

Итакъ, если въ миѳическомъ образѣ Соловья-Разбойника позволительно будетъ усмотрѣть нѣкоторыя черты историческаго

---

[1]) Хвольсона, Извѣстія Ибнъ-Даста. 1869 г., стр. 21, 28—9, 79.
[2]) Попова, Изборникъ, стр. 446.
[3]) Карамзинъ, И. Г. Р., I, прим. 70.

быта, то удобнѣе всего онѣ могутъ быть объяснены воззрѣніями и привычками бортниковъ, которые именно и населяли тѣ лѣса, по коимъ Муромскому богатырю приходилось ѣхать изъ своей родины къ стольному князю Кіевскому. И мнѣ кажется болѣе смѣлою догадка г. Миллера о тучѣ съ дождемъ, принявшей видъ Соловья-Разбойника, нежели моя, по которой въ образѣ этого дивовища наслоился цѣлый рядъ преданій и повѣрій, сложившихъ въ одно цѣлое вѣщаго жреца Соловья (или Лыздейку) съ какимъ-нибудь Дидиладомъ, божествомъ бортниковъ-древолазовъ. Я не отвергаю миѳа съ стихійнымъ значеніемъ, но указываю на возможность другихъ, эпическихъ бытовыхъ слоевъ, которые уже въ древнѣйшую эпоху должны были заслонить собою этотъ первобытный миѳъ.

VI.

Въ послѣдней главѣ своей книги г. Миллеръ совершенно справедливо развиваетъ ту мысль, что Русь *Суздальская* оказала самое замѣтное вліяніе на историческое наслоеніе русскаго эпоса. Географія нашего эпоса, сосредоточенная къ Кіеву, могла опредѣлиться раньше, но съ перенесеніемъ центровъ русской жизни изъ южной Руси въ сѣверо-восточную, въ самомъ эпосѣ долженъ былъ совершиться новый процессъ въ переработкѣ старыхъ типовъ и сказаній на новый ладъ. Имена и событія Кіевской Руси могли быть перенесены на личности и событія Руси Суздальской, и наоборотъ, факты исторіи сѣверо-восточной Руси могли быть смѣшаны съ ранними фактами южной Руси. Что касается до эпическаго цикла Новгородскаго, то онъ потому сохранился болѣе историческимъ, болѣе цѣльнымъ, что онъ оставался на своей мѣстной почвѣ и не подвергся новой переработкѣ, какъ эпосъ Кіевскій, который долженъ былъ слиться въ одно цѣлое съ сказаніями Суздальскими. Образъ Ильи Муромца — замѣчаетъ авторъ — до того пріуроченъ «даже къ опредѣленной точкѣ въ области Муромской, селу Карачарову, что до сихъ поръ въ немъ

не только указываются часовни на скочкахъ коня Ильи, но даже существуютъ крестьяне *Ильюшины*, считающіе себя прямыми потомками славнаго богатыря» (стр. 810). Мы уже видѣли между урочищами Мурома Богатыреву гору и Скокову гору.

Сказки позднѣйшихъ лѣтописей представляютъ также смѣшеніе преданій Кіевскихъ съ Суздальскими. Былинный князь Владиміръ объясняется Владиміромъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сказокъ, который переноситъ свою столицу изъ Кіева въ городъ Владиміръ, и уже въ этой новой столицѣ совѣщается съ своею дружиной о принятіи христіанской вѣры. Въ упомянутой выше Славяно-русской хроникѣ читаемъ: «Потомъ Владиміръ збудовалъ замокъ и мѣсто великое и назвалъ его Володимеромъ, межи Волгою и Окою рѣками, въ краю вельми хорошемъ, 36 миль за Москвою, на всходъ солнца, и тамъ былъ столицу свою принеслъ съ Кіева, которая трвала отъ Владиміра ажь до Ивана Даниловича, Бѣлорусскаго княжати, а той потымъ зъ Володиміра до Москвы столицу перенеслъ». И далѣе: «По отшествіи святаго Кирилла философа созва къ себѣ Владиміръ боляръ своихъ и совѣтниковъ во градъ Владиміръ надъ Клязмою рѣкою лежащь.... и предложи Владиміръ бояромъ своимъ слово о различныхъ послахъ вѣры свои хвалити къ нему присланныхъ» и т. д.

Какъ самъ князь Владиміръ изъ Кіева переводится въ городъ Владиміръ, такъ и богатыри его, по лѣтописнымъ сказкамъ, то относятся къ его времени и къ Кіеву, то пріурочиваются къ позднѣйшимъ событіямъ Руси сѣверо-восточной. Напримѣръ, между богатырями князя Владиміра вмѣстѣ съ Яномъ Усмошвецемъ упоминается *Александръ Поповичъ* (по былинамъ *Алеша*), который такимъ образомъ будто-бы присутствовалъ при знаменитомъ пораженіи Печенѣжскаго великана Переяславскимъ юношею [1]). И потомъ, тотъ же Александръ Поповичъ принимаетъ участіе въ событіяхъ начала XIII столѣтія, въ битвахъ Липецкой и при Калкѣ. Замѣчательно, что какъ по былинамъ Алеша

---

[1]) **Бестужева-Рюмина**, О составѣ русскихъ лѣтописей, приложен. стр. 31—33.

Поповичъ изъ Ростова, сынъ Ростовскаго соборнаго попа, такъ и по лѣтописной сказкѣ, Александръ Поповичъ состоитъ въ ополченіи Ростовскаго князя Константина противъ Суздальскаго. «Съ Костянтиномъ было два богатыря — говоритъ лѣтописная сказка — Добрыня Златопоясъ да Александръ Поповичъ, съ слугою своимъ Торопкомъ» [1]). Въ эпитетѣ Добрыни *Златой Поясъ*— опять смѣшиваются раннія Кіевскія преданія съ позднѣйшими Суздальскими, и Поповичъ съ Добрынею, потому что первообразомъ *Золотаго Пояса* была, вѣроятно, та *златая гривна*, которую за богатырскіе подвиги князь Владиміръ возложилъ на Александра Поповича. По нѣкоторымъ варіантамъ былиннымъ, Добрыня — изъ Рязани; по лѣтописнымъ сказкамъ, онъ также— *Рязаничъ*. По Никоновской лѣтописи, на Липецкой битвѣ съ Константиномъ Всеволодовичемъ были Александръ Поповичъ, слуга его Торопъ, Добрыня Рязаничъ Златый Поясъ и Нефедій Дикунъ (слич. былиннаго Дюка), и приводится нѣсколько подробностей о подвигахъ Поповича [2]).

Далѣе, какъ по былинамъ князь Владиміръ и его богатыри ведутъ войну съ Татарами, такъ и по лѣтописнымъ сказкамъ богатыри погибаютъ въ битвѣ при Калкѣ. По 4-й Новгородской лѣтописи: «убиша Александра Поповича и съ нимъ богатырь 70». По Никоновской лѣтописи, «въ лѣто 6733.... воинственныхъ людей толико бысть побіено, яко ни десятый отъ нихъ возможе избѣжати, и Александра Поповича и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго Пояса, и семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей всѣ побіени быша» [3]).

Наконецъ, по сказкѣ Тверской лѣтописи [4]), битва при Калкѣ составляетъ одно цѣлое съ битвою Липецкою, въ особомъ эпическомъ сказаніи, героемъ котораго является Александръ Попо-

---

[1]) Прилож. ко 2-му выпуску пѣсенъ Кирѣевскаго, стр. XVII—XIX.

[2]) Карамзинъ, И. Г. Р., III, прим. 168.

[3]) По изданію Археогр. ком., ст. 335—342.

[4]) Тамъ же, прим. 303. См. вышеупомянутое приложеніе къ пѣснямъ Кирѣевскаго.

вичъ. Лѣтописецъ заимствовалъ это сказаніе изъ какого-то источника (*описанія нальзше*). Оно начинается такъ: «Бѣ нѣкто отъ Ростовскихъ житель Александръ, глаголемый Поповичъ, и слуга бѣ у него именемъ Торопъ» и т. д. Липецкая битва запечатлѣна урочищами, свидѣтельствующими о богатырскихъ подвигахъ, и особенно стычки на рѣкахъ Ишнѣ и Усіи: «Александръ же выходя многи люди великаго князя Юрія избиваше, *ихже костей накладены могилы велики и донынѣ* на рѣцѣ Ишнѣ, а иніи по ону страну рѣки Усіи». Съ Поповичемъ въ Липецкой битвѣ Тверская лѣтопись называетъ не Добрыню, а *Тимоню Златой Поясъ*. По смерти князя Константина, опасаясь мщенія князя Георгія, особенно за убіеніе его «безумнаго боярина *Ратибора*», Александръ Поповичъ удалился въ городокъ или крѣпость, куда и созвалъ свою богатырскую дружину, которая должна была служить «матери градомъ *Кіеву*»; это и суть тѣ 70 богатырей, которые потомъ погибли при Калкѣ. «Вскорѣ смысливъ», — говоритъ лѣтописная сказка о своемъ героѣ, — «посылаетъ своего слугу, ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и сзываетъ ихъ къ собѣ въ городъ, обрытъ подъ Гремячимъ Колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и *нынѣ той сопъ* (ссыпанный валъ, курганъ) стоитъ пустъ. Ту бо собравшимся совѣтъ сотвориша, аще служити начнутъ княземъ по разнымъ княженьямъ, то и не хотя имутъ перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе и части боеве; тогда же рядъ положивше, яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ».

Драгоцѣнное мѣсто для исторіи нашего былиннаго эпоса! Хотя Владиміровы богатыри переводятся въ XIII вѣкъ, на Гремячій Колодязь, какъ въ позднѣйшихъ былинахъ Илья Муромецъ съ товарищи становятся донскими казаками, но все же, согласно съ основною идеею былиннаго эпоса, богатыри въ своей думѣ порѣшили не дробить свои силы по разнымъ княженіямъ, чтобы не перебить другъ друга, и положили служить Кіеву, точно такъ же, какъ тянутъ къ этому стольному городу всѣ былинные богатыри князя Владиміра. Въ этой думѣ лѣтописной сказки доно-

сятся къ намъ голоса нашихъ былинныхъ пѣвцовъ, когда еще въ ихъ свѣжемъ творчествѣ не изсякла та эпическая струя, которая слила въ одно эпическое цѣлое преданія и сказанія Суздальскія съ Кіевскими.

Со временемъ ученые, вѣроятно, съ большею точностью опредѣлятъ элементы этого слiянія и самый процессъ его, но и теперь можно до нѣкоторой степени догадываться, какъ совершилось это дѣло.

Въ глубинѣ эпическаго преданія, безъ сомнѣнія, стоитъ миѳъ; но какъ лѣтописныя сказки, такъ и точное свидѣтельство Слова о полку Игоревѣ, говорятъ намъ ясно, что эпическія личности состоятъ уже во *внучатномъ* отношеніи къ миѳическимъ существамъ. Богатыри только наслѣдуютъ часть своей силы отъ своихъ божественныхъ предковъ. Въ богатырскихъ типахъ не возводятся до апотеозы историческія личности (какъ учила старинная теорія), а исторія и бытъ народный поэтизируются, съ точки зрѣнія эпической, то-есть, озаряются ореоломъ миѳическихъ вѣрованій. Какъ Илья Муромецъ, по былинамъ, подстрѣлилъ дивовище Соловья-Разбойника, такъ и Всеславъ Полоцкій, по Слову о полку Игоревѣ, — хотя и лицо историческое, — «людямъ судяше, княземъ грады рядяше», но вмѣстѣ съ тѣмъ, «а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше». Не историческія лица изъ Суздальцевъ были возведены въ почетный ликъ Владиміровыхъ богатырей, но событія позднѣйшей исторіи были опоэтизированы сближеніемъ ихъ съ богатырствомъ стародавнимъ. Но такъ какъ въ памяти народа эта эпическая старина утратила свои прежнія краски, историческія и мѣстныя, то естественно — и была подновлена тѣми подробностями, которыя находили кругомъ себя пѣвцы позднѣйшіе. Потому-то въ составъ русскаго народнаго эпоса должны были войдти, какъ его элементы, мѣстныя сказанія и мѣстныя былины, которыя слились въ одно цѣлое, точно такъ же, какъ Муромецъ Илья, Рязанецъ Добрыня, Ростовецъ Поповичъ изъ своихъ родныхъ гнѣздъ собрались въ Кіевъ, къ князю Владиміру.

Повторяю, мысль г. Миллера о важномъ значеніи Суздальскаго періода въ судьбѣ нашего эпоса заслуживаетъ особеннаго вниманія. Она вполнѣ оправдывается, какъ былинами, такъ и мѣстными преданіями и позднѣйшими лѣтописными сказками, и еще болѣе увѣряетъ насъ въ той истинѣ, что всѣ эти источники, только по частямъ, возсоздаютъ передъ нами то цѣлое, которое мы называемъ русскимъ народнымъ эпосомъ.

Этими немногими замѣчаніями я ограничиваю свои дополненія къ изслѣдованію русскаго эпоса г. Миллеромъ. Въ сущности, замѣчанія мои, какъ читатели уже видѣли, не противорѣчатъ взглядамъ почтеннаго профессора, а только выясняютъ то, что̀ иной разъ приходится понимать у него между строками. Надобно было сильнѣе прикрѣпить русскій эпосъ къ родной старинѣ и къ его родной землѣ.

1871 г.

ПѢСНЯ О РОЛАНДѢ.

«La Chanson de Roland», произведеніе поэта XI—XII вѣка, по имени Theroulde или Turold, имѣетъ предметомъ несчастный походъ Карла-Великаго противъ сарацынъ, въ которомъ, вслѣдствіе предательства въ пиринейскомъ ущельи Roncisvallis, Roncevaux (Runzival), погибли Роландъ, Оливье, архіепископъ Турпинъ и другіе полководцы Карломановы. По эпическимъ сказаніямъ, это предательство было сдѣлано Ганелономъ, однимъ изъ бароновъ Карла-Великаго; по историческимъ свидѣтельствамъ — оно было дѣломъ гасконцевъ вообще, засѣвшихъ въ лѣсистыхъ вершинахъ Пиринеевъ.

Прежде нежели приступимъ къ содержанію пѣсни, надобно взглянуть на историческія свидѣтельства о воспѣваемомъ событіи.

Эйнгардъ или Эгингардъ въ своемъ жизнеописаніи Карла-Великаго объ этомъ событіи говоритъ слѣдующее:

«Карлъ отправился въ походъ противъ Испаніи со всѣми силами, какія могъ собрать, прошелъ ущелья пиринейскія, подчинялъ себѣ всѣ города и земли, къ которымъ подступалъ, и уже возвращался-было безъ всякой потери для войска, еслибы не пострадалъ *нѣсколько* отъ вѣроломныхъ гасконцевъ[1]) на вершинахъ Пиринеевъ. Потому что въ то время, какъ Французская армія, стѣсненная въ узкомъ ущельѣ, принуждена была самою мѣстностью слѣдовать длинною, сжатою колонною — гасконцы,

---

[1]) Басковъ.

засѣвшіе на вершинѣ горы (чему способствовалъ густой и огромный лѣсъ), бросились съ горы и напали на багажный обозъ и на арріергардъ, назначенный для защиты слѣдовавшихъ впереди, и ниспровергли весь этотъ арріергардъ въ глубину долины. Произошла отчаянная битва, въ которой всѣ до одного погибли въ арріергардѣ. Гасконцы, ограбивъ багажъ, быстро разсѣялись, воспользовавшись наступившею ночью. Всѣмъ успѣхомъ своимъ они были обязаны своему легкому вооруженію и выгодной для себя мѣстности; напротивъ того, французы, тяжело вооруженные и не благопріятствуемые позиціею, дрались безуспѣшно. Въ этой битвѣ погибли Eggihardus, королевскій стольникъ (regiae mensae prepositus), Anselmus comes palatii (палатинскій графъ, comte de palais) и Hruodlandus brittannici limitis praefectus, со многими другими (то-есть Роландъ, иначе Rotolandus, начальникъ британской марки или бретанскій маркграфъ» [1]). «Тотчасъ же нельзя было отомстить за это дѣло — заключаетъ Эйнгардъ — потому что враги немедленно скрылись, не оставивъ по себѣ и слѣдовъ, по которымъ можно бы было ихъ отыскать» [2]).

Съ этимъ извѣстіемъ согласуется свидѣтельство *лѣтописей* подъ 778 годомъ, къ которому отнесено ронсевальское побоище, и сверхъ того упомянуто, что Карлъ, вступивъ въ Испанію, взялъ Пампелуну и даже подступилъ къ столичному городу Саррагоссѣ, взялъ себѣ заложниковъ отъ сарацынскихъ начальниковъ, и черезъ Пампелуну возвращался уже восвояси, какъ воспослѣдовало упомянутое бѣдственное побоище. «Это событіе — заключаютъ лѣтописи — омрачило въ сердцѣ Карла всю радость отъ успѣха, которымъ онъ воспользовался въ своемъ походѣ въ Испанію». Что касается до предводителя гасконцевъ, разбившихъ французскій арріергардъ въ Пиринеяхъ, то это былъ герцогъ аквитанскій, по имени Lupus. «По истинѣ, *волкъ* и на

---

[1]) Въ древнѣйшей редакціи Эйнгарда нѣтъ словъ: Hruodlandus brittannici limitis praefectus: почему полагаютъ, что они вошли уже послѣ изъ народныхъ эпическихъ пѣсенъ.

[2]) Vita Caroli Magni, гл. 9.

дѣлѣ, какъ по имени», сказано въ одномъ актѣ Карла Лысаго. Этотъ герцогъ былъ схваченъ потомъ и повѣшенъ.

Побоище ронсевальское, вѣроятно, было довольно значительно, и оставило по себѣ сильное впечатлѣніе, потому что уже вскорѣ послѣ этого событія — астрономъ, біографъ Лудовика-Благочестиваго, говоря объ этомъ событіи, присовокупляетъ: «Я не считаю нужнымъ называть здѣсь мучениковъ по именамъ, потому что ихъ всѣ знаютъ».

Приступая къ обозрѣнію содержанія знаменитой пѣсни о Роландѣ, надобно упомянуть, что содержаніе ея пользовалось громадною популярностью не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ. Историки англійскіе свидѣтельствуютъ, что какія-то пѣсни о Роландѣ и Ронсевалѣ пѣлись въ 1066 г., въ день гастингской битвы, нормандскими воинами, чтобы тѣмъ возбуждать въ себѣ воинскую бодрость. При этомъ даже упоминаютъ пѣвца, который пѣлъ эти пѣсни — именно *Taillefer*, который въ то же время, сидя на конѣ, исполнялъ копьемъ и мечомъ разныя ловкія штуки, приводившія англичанъ въ удивленіе и страхъ. Во второй половинѣ XII вѣка, священникъ Конрадъ перевелъ пѣсню о Роландѣ на нѣмецкій языкъ, для герцогини брауншвейгской Матильды Плантагенетъ, дочери англійскаго короля Генриха II, которая, безъ сомнѣнія, еще при дворѣ своего отца, привыкла чтить память ронсевальскаго побоища, слушая французскія о немъ пѣсни. Что касается до Италіи, то стихотворенія или разсказы о Рончисвалле (какъ говорятъ итальянцы), заимствованные изъ «Reali di Francia», именно изъ эпизода la Spagna, доселѣ повѣствуются простонародной толпѣ странствующими разскащиками. Впрочемъ, въ народныхъ книгахъ о Ронсевалѣ особенно были распространены передѣлки ложнаго Турпина, о чемъ будетъ сказано послѣ.

«Король Карлъ, нашъ великій императоръ, цѣлыя семь лѣтъ оставался въ Испаніи», такъ начинается пѣсня о Роландѣ[1]). «Онъ

[1]) La Chanson de Roland, poëme de Theroulde, par Génin 1850.

завоевалъ эту благородную страну до самаго моря. Не устоялъ передъ нимъ ни одинъ зàмокъ, ни одинъ городъ; удержалась только Саррагосса, которая стоитъ на горѣ. Ею владѣетъ король Марсиллъ, который не любитъ Бога, но служитъ Магомету и молится Аполлону: не спасется онъ этимъ отъ бѣды».

Король Марсиллъ въ Саррагоссѣ. Онъ въ саду прилегъ на мраморной террасѣ, кругомъ его больше 20,000 воиновъ. Онъ совѣщается съ своими перами, которыхъ числомъ тоже двѣнадцать, какъ и у Карла. Онъ не знаетъ, какъ избавиться отъ страшнаго завоевателя. Бланкандринъ даетъ королю совѣтъ послать къ Карлу посольство съ извѣщеніемъ о богатыхъ дарахъ ему отъ сарацынскаго короля, который и самъ явится къ нему въ Ахенъ къ михайлову дню для принятія христіанской вѣры: только бы французы очистили Испанію и ушли восвояси; а для увѣренія — дать Карлу заложниковъ. Бланкандринъ готовъ отдать своего собственнаго сына. Пусть потомъ заложники потеряютъ свои головы: только чтобъ мы не потеряли своей *свѣтлой Испаніи прекрасной* (clere Espaigne la bele), присовокупилъ этотъ королевскій совѣтникъ. Марсиллъ принимаетъ совѣтъ и посылаетъ къ Карлу пословъ.

Между тѣмъ, Карлъ, разрушивъ Кордову, взялъ богатую добычу. Язычники, жившіе въ ней[1]), всѣ истреблены или приведены въ крещеную вѣру.

Карлъ тоже въ саду, съ Роландомъ, Оливье и другими перами; кругомъ многочисленное войско *милой* Франціи (de dulce France, то-есть de douce). Воины забавляются: кто играетъ въ кости, кто упражняется воинскими потѣхами. Подъ сосною, въ тѣни кустарника, на золотомъ сѣдалищѣ, сидитъ самъ Карлъ, который владѣетъ милою Франціею. Борода у него совсѣмъ бѣлая. Все дышетъ въ немъ благородствомъ и величіемъ. «Кто его ищетъ, найдетъ не спрашивая».

Приходятъ, съ оливковыми вѣтвями въ рукахъ, сарацынскіе

---

[1]) Paien — такъ называются мусульмане.

послы; во главѣ ихъ Бланкандринъ дѣлаетъ Карлу лестныя предложенія отъ имени Марсилла. «Да благословитъ васъ Господь въ славѣ своей, которому подобаетъ и намъ всѣмъ поклоняться». Такъ привѣтствуетъ Карла хитрый посолъ. Карлъ воздвигъ руки къ небу; потомъ, наклонивъ голову, задумался. «Онъ не спѣшилъ въ словахъ: у него было въ обычаѣ говорить исподоволь». Потомъ, освѣдомившись о заложникахъ, онъ велѣлъ устроить для пословъ павильйонъ. На другой день собралъ своихъ перовъ на совѣтъ подъ сосну [1]).

Карлъ предлагаетъ на обсужденіе перамъ все дѣло, принять ли предложеніе Марсилла, или нѣтъ; при этомъ исчисляетъ богатые дары, обѣщаемые ему сарацынскимъ королемъ. Прежде всѣхъ вошелъ Роландъ, и въ запальчивыхъ словахъ убѣждаетъ Карла отказаться отъ предложенія и покончить войною. При этой рѣчи омрачилось лицо Карла; онъ поглаживаетъ свою бороду, крутитъ усы и не отвѣчаетъ племяннику ни слова. Затѣмъ встаетъ Ганелонъ и совѣтуетъ принять предложеніе Марсилла. Съ этимъ мнѣніемъ соглашаются и прочіе, потому что всѣхъ утомилъ этотъ семилѣтній походъ. Теперь нужно послать къ Марсиллу посла.

Предварительно надобно замѣтить, что назначеніе посла, какъ и вообще облаченіе въ какое-нибудь право, инвеститура — была совершаема врученіемъ назначаемому *перчатки и жезла*, то-есть какъ бы *руки и скипетра*. Получивъ эти символическіе знаки, посланникъ былъ уполномоченъ во всемъ отъ имени пославшаго. Символы перчатки и жезла употреблялись и въ другихъ случаяхъ. Такъ передачею перчатки, наполненной землею, скрѣплялся актъ продажи земли.

И въ нашей пѣснѣ бароны, соревнуя другъ другу въ желаніи исполнить посольство, просятъ отъ своего монарха перчатки и жезла. Перебивая другъ друга, каждый изъ перовъ предлагаетъ

---

[1]) Можетъ быть, остатокъ древнихъ обычаевъ вести судъ и расправу подъ тѣнью священныхъ деревъ, первообразъ которыхъ нѣмецкая старина воспѣвала въ миѳическомъ древѣ всего человѣчества подъ именемъ: *Иидразиль*.

себя на этотъ опасный подвигъ. Но Карлъ велѣлъ имъ всѣмъ успокоиться; наконецъ недоумѣніе, кого бы послать — рѣшаетъ Роландъ, указывая на Ганелона, и Карлъ соглашается. Ганелонъ за это почему-то приходитъ въ ярость противъ Роланда, Оливье и другихъ перовъ, которые любятъ Роланда. Король вручаетъ Ганелону символическіе знаки инвеституры. Принимая перчатку, Ганелонъ ее уронилъ. «Боже! восклицали французы: — что̀ это предвѣщаетъ? Это посольство принесетъ намъ бѣдствія». — «Господа, отвѣчалъ Ганелонъ: — вы получите объ этомъ извѣстіе». Потомъ, обращаясь къ королю, сказалъ: «Государь, отпустите меня»! Карлъ напутствовалъ его благословеніемъ, и вручилъ ему жезлъ и письмо.

Служители Ганелона тревожно провожали своего господина на его опасный подвигъ, съ котораго врядъ-ли онъ воротится живымъ. Но Ганелонъ отважно отправляется, посылая поклонъ своей женѣ, сыну и всѣмъ своимъ.

Ганелонъ скачетъ и догоняетъ сарацынскихъ пословъ. «Удивительный человѣкъ этотъ Карлъ — говорилъ Бланкандринъ — онъ покорилъ Апулію и Калабрію, прошелъ Соленое Море къ Англіи и взялъ тамъ дань св. Петру. Но чего же онъ ищетъ здѣсь между нами»?

«Такова ужь его храбрость — отвѣчалъ Ганелонъ. — Нѣтъ человѣка, кто бы устоялъ противъ него»! Бланкандринъ, хваля французовъ вообще, не одобряетъ бароновъ, которые только то и дѣлаютъ, что вводятъ Карла въ опасности. Ганелонъ особенно ставитъ это въ вину Роланду, разсказывая при этомъ, какъ онъ не далѣе какъ вчера подошелъ къ Карлу, сидящему на лугу въ тѣни и, предлагая ему яблоко, сказалъ: «Держите, вотъ вамъ корона всѣхъ царей вселенной»! «Впрочемъ, гордость погубитъ его», присовокупилъ Ганелонъ. «Потому что онъ ежедневно подвергаетъ себя смертной опасности! Если бы кто освободилъ насъ отъ него, мы бы успокоились». — «Роландъ очень жестокъ — говорилъ Бланкандринъ: — онъ хочетъ наложить свою волю на всѣ народы и распоряжаться ихъ землями! При чьей же помощи

надѣется онъ совершить свои высокіе замыслы»? — «Конечно, при помощи французовъ, отвѣчалъ Ганелонъ: они его такъ любятъ, что не нанесутъ ему ни малѣйшей обиды! Черезъ него добыли они столько золота, серебра, коней, шелковыхъ тканей и всякой дорогой добычи! Всѣ, даже самъ императоръ, готовы дѣлать все, что̀ бы ему ни вздумалось! И Роландъ пріобрѣтетъ ему весь міръ, отсюда и до востока»

Говоря такимъ образомъ, Бланкандринъ и Ганелонъ дали другъ другу слово погубить Роланда. Наконецъ прибыли къ Саррагоссѣ. Ихъ приглашаетъ король Марсиллъ. Несмотря на недостойную интригу противъ Роланда, все же Ганелонъ, какъ доблестный воинъ, честно исполняетъ свое посольство. Отважно, отъ имени Карла, предлагаетъ онъ Марсиллу креститься, за что, какъ ленному барону, Карлъ дастъ Марсиллу половину Испаніи. Если же Марсиллъ откажется, то будетъ схваченъ силою, связанъ и представленъ на судъ въ Ахенъ. Эта дерзская рѣчь до того возмутила Марсилла, что онъ не воздержался, и схватилъ-было свое копье, чтобъ пустить имъ въ посла. Видя движеніе Марсилла, Ганелонъ хватается за свой мечъ, и уже вытащивъ его пальца на два изъ ноженъ, приговариваетъ ему: «Ты хорошъ, мой мечъ, и свѣтелъ! Пока будешь ты у меня на боку при дворѣ этого короля, до тѣхъ поръ императоръ французовъ не скажетъ, что я погибъ только одинъ, потому что сначала поплатятся кровью лучшіе изъ враговъ».

Предстоящіе предупредили бѣду, успокоивъ Марсилла. Такъ доблестно велъ себя Ганелонъ, что даже сарацыны не могли не воскликнуть въ восторгѣ: «Вотъ такъ благородный баронъ»!

Послѣ того Ганелонъ имѣлъ интимную бесѣду съ Марсилломъ, и тутъ-то предалъ французскую воинскую честь, указавъ Марсиллу, какъ напасть на арріергардъ возвращающихся французскихъ войскъ, для того, чтобы истребить Роланда, Оливье и всѣхъ перовъ, потому, что пока живъ Роландъ, до тѣхъ поръ престарѣлый, сѣдой Карлъ не перестанетъ быть побѣдителемъ во всѣхъ странахъ міра. Предатель долженъ былъ поклясться

на распятіи своего меча, что выдастъ Роланда и весь арріергардъ, а Марсиллъ и придворные одарили его богатыми дарами, даже королева сарацынская дала Ганелону въ подарокъ его женѣ драгоцѣнные браслеты.

Послѣ того Ганелонъ возвращается во французскій лагерь и отдаетъ отчетъ Карлу въ своемъ посольствѣ. Обманутый императоръ принимаетъ намѣреніе воротиться во Францію, и тамъ ожидать Марсилла въ Ахенѣ для принятія имъ христіанской вѣры. — Роландъ, по совѣту Ганелона, остается въ арріергардѣ, между тѣмъ, какъ передовое войско отправляется въ походъ. Карлъ предчувствуетъ бѣду. На мрачныя мысли наводятъ его и страшные сны и другія вѣщія предзнаменованія.

Марсиллъ, между тѣмъ, собираетъ войско, чтобъ ударить на французскій арріергардъ, гдѣ помѣщены всѣ двѣнадцать перовъ. Оливье, влѣзши на сосну, открываетъ вдали приближающуюся армію *язычниковъ* (то-есть мусульманъ). Онъ сообщаетъ это французамъ, и чтобъ дать знать уже далеко отошедшему съ войскомъ Карлу, проситъ Роланда, чтобы онъ затрубилъ въ свой рогъ Olifan. Извѣстно, что Роландъ славился, какъ знаменитый трубачъ. Звуки его рога раздавались на огромномъ разстояніи, и потому могли быть услышаны Карломъ. Но Роландъ отказывается трубить, надѣясь на храбрость французовъ, и на свой мечъ Durandal. Три раза Оливье проситъ о томъ Роланда, и трижды Роландъ рѣшительно отказывается. При приближеніи опасности, архіепископъ Турпинъ благословляетъ храбрыхъ своихъ товарищей, и даетъ имъ передъ битвою отпущеніе во грѣхахъ. Битва начинается при крикахъ французовъ: *Monjoie* (Munjoie). Это — девизъ Карла — говоритъ пѣсня [1]). Битва продолжается отчаянная. Сама природа даетъ вѣщія знаменія о великой бѣдѣ.

Архіепископъ Турпинъ выѣзжаетъ впередъ на своемъ конѣ, котораго онъ отнялъ у датскаго короля, сначала его убивши. Пѣсня медлитъ на описаніи этого коня, восхваляя его легкость

---

[1]) Ço est l'enseigne Carle. 2, 690.

и быстроту, его масть и всѣ его конскія стати. «Господа бароны! восклицаетъ архіепископъ: — не уступайте злой мысли, не бѣгите, молю васъ именемъ Бога! чтобъ ни одинъ добрый человѣкъ не пропѣлъ о томъ недоброй пѣсни! [1]) Лучше умремъ сражаясь: наша судьба уже рѣшена. Здѣсь намъ конецъ. Это для насъ послѣдній день. Васъ ожидаетъ рай, гдѣ возсядете вмѣстѣ съ блаженными святыми»! Эти слова возбудили въ воинахъ такой восторгъ, что всѣ въ одинъ голосъ воскликнули: Monjoie!

«Битва удивительная и великая — такъ поетъ пѣсня: — видѣли вы когда такое великое бѣдствіе! Столько людей мертвыхъ, израненныхъ, окровавленныхъ! Лежатъ другъ на другѣ, кто ничкомъ, кто навзничь! Битва удивительная и отчаянная! Французы пышутъ отвагою и гнѣвомъ: рубятъ желѣзные доспѣхи до живаго тѣла. По зеленой травѣ струятся кровавые ручьи».

Немного уже остается отъ французскаго арріергарда. Роландъ совѣтуется съ Оливье, что̀ дѣлать. Роландъ рѣшается затрубить въ свой рогъ, чтобы воротить Карла съ войскомъ на помощь, но Оливье находитъ, что это уже поздно, и укоряетъ Роланда, зачѣмъ онъ не послушался во̀ время, и зачѣмъ, понадѣявшись на свою безумную отвагу, погубилъ онъ столько своихъ. Тогда подъѣзжаетъ къ нимъ архіепископъ Турпинъ и рѣшаетъ ихъ споръ. Точно, имъ уже ничто не поможетъ, и нечего возвращать Карла, чтобъ спасти ихъ. Для этого не нужно трубить въ рогъ. Но пусть же все-таки Карлъ воротится, пусть придутъ французы и увидятъ, какъ всѣ мы лежимъ въ долинѣ мертвые (говоритъ Турпинъ), изрѣзанные по кускамъ; пусть они возьмутъ наши трупы, и спасутъ отъ хищныхъ звѣрей, похоронивъ на благословенномъ кладбищѣ.

---

[1]) То-есть, чтобы не было о насъ худой молвы. Эпическое выраженіе: que nuls prozdom malvaisement n'en chant 3, 80. Сличи. выше въ словахъ Роланда: Male chançun n'en deit estre cuntée 3, 29: дурная пѣсня не должна быть о томъ пропѣта — то-есть о томъ будетъ хорошая молва. Это обычное выраженіе важно для исторіи народной эпической поэзіи, когда молва о воинскихъ подвигахъ распространялась въ пѣсняхъ.

Итакъ Роландъ подноситъ свой рогъ ко рту, и начинаетъ трубить. Громовые звуки раздаются на 30 миль въ окружности. Слышитъ Карлъ — и думаетъ, что это Роландъ зоветъ на помощь, но измѣнникъ Ганелонъ полагаетъ, что надменный своею доблестью Роландъ, не станетъ ждать чужой помощи. А между тѣмъ Роландъ все трубитъ, такъ сильно, что губы его покрываются кровью. Карлъ убѣждается въ зловѣщемъ сигналѣ, и поворачиваетъ своѐ войско на помощь арріергарду, а Ганелона, какъ измѣнника, велить схватить.

Въ то время, какъ Карлъ съ своимъ войскомъ скачетъ на выручку своихъ, Роландъ, смотря на множество побитыхъ товарищей, обращаетъ къ нимъ свое прощальное слово: «Господа бароны, да ниспошлетъ вамъ Господь Богъ свою милость! Да сподобитъ онъ ваши души райскаго блаженства, да опочіютъ онѣ на святыхъ цвѣтущихъ лугахъ. Лучшихъ воиновъ я никогда не видывалъ. Столько лѣтъ помогали вы мнѣ покорять для короля Карла многія страны! и на этотъ жестокій конецъ поилъ и кормилъ васъ императоръ! Земля Французская, милая страна! Ты овдовѣла теперь послѣ такихъ доблестныхъ героевъ. Бароны Французскіе! Вы погибли по моей винѣ! Ничѣмъ не могу я теперь помочь вамъ»! Сказавъ это, Роландъ бросается въ битву, и поражаетъ направо и налѣво. Враги бѣгутъ отъ него, «какъ олень бѣжитъ отъ собаки». Между тѣмъ является самъ король Марсиллъ, и битва приближается къ несчастному концу. «Здѣсь ожидаютъ насъ мученическіе подвиги — такъ обращается Роландъ къ живымъ еще товарищамъ: — вижу, что недолго остается намъ жить. Господа! хорошо ли вычищены ваши мечи? Рубите же и оспаривайте у вашихъ враговъ вашу смерть и вашу жизнь! но не приведемъ въ стыдъ своими подвигами нашу милую Францію! Когда въ эту долину спустится Карлъ, пусть увидитъ онъ, что̀ мы сдѣлали съ сарацынами; онъ увидитъ на одинъ трупъ Француза пятнадцать труповъ невѣрныхъ, и онъ не уйдетъ отсюда, не давши намъ своего благословенія».

Самый страшный ударъ нанесенъ Роланду. Его самый близ-

кій, неразлучный товарищъ и другъ, Оливье, раненъ на смерть. Но прежде чѣмъ думать о своихъ ранахъ, онъ дорого продаетъ свою жизнь, нанося смертельные удары врагамъ. Наконецъ изнемогаетъ, все еще сидя на конѣ. Роландъ приближается къ нему, но Оливье уже не видитъ, у него въ глазахъ потемнѣло, потомъ лишается онъ и слуха, и падаетъ на землю, исповѣдуется въ своихъ грѣхахъ, и, сложивъ руки, умираетъ.

Среди сценъ остервенѣлой битвы, особенно трогательно кажется это нѣжное прощаніе двухъ друзей: и воинственный Роландъ проливаетъ по своемъ другѣ горькія, неутѣшныя слезы.

Изъ всего многочисленнаго арріергарда осталось, наконецъ, только трое героевъ: Роландъ, реймскій архіепископъ Турпинъ и Готье (Gualter del Hum), племянникъ стараго Дрона (Druon). Всѣ трое отчаянно отбиваются отъ враговъ; но и Готье палъ. Остаются только архіепископъ и Роландъ. Доходитъ очередь и до Турпина. Щитъ его издырявленъ насквозь, каска разбита и голова въ ранахъ, кольчуга съ латами растерзаны, тѣло все изранено, и конь подъ нимъ палъ. Не обращая вниманія на свое бѣдственное состояніе, архіепископъ, свалившись съ коня, подбѣгаетъ къ Роланду: «нѣтъ, я не побѣжденъ! восклицаетъ онъ торжественно:—хорошаго солдата никогда не возьмутъ живьёмъ»! Потомъ онъ обнажилъ свой мечъ Almace, «которымъ во время побоища наносилъ тысячу ударовъ, никого не щадя» — какъ потомъ это сказалъ самъ Карлъ, который около падшаго Турпина насчиталъ болѣе 400 невѣрныхъ, одни раненые, другіе разсѣченные пополамъ, иные безъ головы. «Такъ говоритъ исторія [1]) и тотъ, кто былъ на полѣ битвы».

---

[1]) Ço dist la Geste. 3, 658. Въ другомъ мѣстѣ, Роландъ, восхваляя храбрость французовъ, присовокупляетъ: «Писано въ исторіи франковъ, что вассаловъ, то-есть героевъ, хорошихъ служителей — имѣетъ нашъ императоръ»:

Il est escrit en la Geste francor
Que vassal a li nostre empereur. 3, 6—7.

Изъ этихъ выраженій явствуетъ происхожденіе, и самое названіе романскихъ историческихъ поэмъ: *Chansons de Geste.* Это — пѣсни о *дѣяніяхъ*, историческія пѣсни, *былины*.

Роландъ бьется отчаянно. Но все тѣло его будто въ огнѣ, голова трещитъ отъ страшной боли: у него лопнулъ високъ, когда онъ съ страшнымъ напряженіемъ трубилъ въ свой рогъ Олифанъ. — Однако, онъ опять беретъ рогъ — и уныло затрубилъ [1]). Карлъ, все еще въ отдаленіи, скачетъ съ своими на подмогу; вдругъ останавливается и слушаетъ. «Господа, говоритъ онъ: — плохо дѣло! Роландъ, мой племянникъ, сегодня оставитъ насъ навсегда. По тому, какъ онъ трубитъ, я чую, что онъ не будетъ живъ! Кто хочетъ его видѣть, скорѣе впередъ! Пусть звучатъ всѣ гобои»! И зазвучали 60 тысячъ гобоевъ, громкое эхо раздается по горамъ и по доламъ. Услышали невѣрные на полѣ битвы, имъ не до смѣху пришло; другъ другу говорятъ: «Бѣда! идетъ Карлъ»!

Не разъ въ пѣснѣ о Роландѣ, звукъ рога, въ который трубитъ этотъ герой, переноситъ сцену дѣйствія съ ронсевальскаго побоища чрезъ огромныя пространства въ станъ Карлова ополченія. — Такъ и теперь звуки гобоевъ изъ главной арміи перелетаютъ эхомъ на побоище, и поэтъ — то по звукамъ Роландова рога, то по звукамъ гобоевъ — мгновенно переноситъ слушателей съ одного мѣста на другое, подчиняя такимъ образомъ единству дѣйствія разобщенность двухъ сценъ, которыхъ дѣйствующія лица будто перекликаются, давая о себѣ знать музыкальными звуками. Въ этомъ, впрочемъ, самомъ простомъ эпическомъ мотивѣ — чрезвычайно много природнаго, безъискусственнаго, но художественнаго такта. Сочувствіе двухъ армій, раздѣленныхъ пространствомъ, находитъ себѣ проводниковъ въ воинственныхъ сигнальныхъ звукахъ, которые какъ бы символически подчиняютъ единству дѣйствія сцены различныхъ мѣстностей.

«Императоръ приближается, говорили между собою язычники: — слышите, какъ звучатъ французскіе гобои? Явится Карлъ, все будетъ потеряно. Пропадетъ для насъ испанская земля, и если Роландъ останется живъ, война непремѣнно возобно-

[1]) Fieblement le sunat. 3, 667.

вится». И до 400 невѣрныхъ бросились на Роланда. Онъ дерется на конѣ, а архіепископъ Турпинъ около него пѣшій. Наконецъ, палъ и конь Роланда, знаменитый Veillantif. Все вооруженіе на Роландѣ истерзано, хотя на тѣлѣ нѣтъ ни одной раны. Враги, съ минуты на минуту боясь появленія Карла, послѣ того какъ палъ конь Роланда — оставляютъ поле битвы и внезапно скрываются.

Въ Ронсевальской долинѣ остаются только двое: Роландъ и архіепископъ Турпинъ, оба при смерти. «Благодареніе Богу, говоритъ Турпинъ: — это поле теперь наше, твое и мое».

Прежде чѣмъ умереть, великіе герои должны проститься съ своими падшими товарищами. Роландъ черезъ силу пошелъ отыскивать ихъ трупы по обширному полю битвы, по горамъ и долинамъ. Онъ нашелъ Жере, и его товарища Жерена (Gérer и Gérin), нашелъ Беранже и Оттона, нашелъ Ансся (Anseis) и герцога Санчо (Sansun, Sanche); нашелъ стараго Жерара Русильонскаго. Каждый трупъ поднималъ онъ поодиночкѣ и приносилъ къ архіепископу, и клалъ рядомъ около него. Турпинъ не могъ удержаться отъ слезъ; поднялъ руки и благословилъ трупы. Потомъ сказалъ: «Плохо вамъ пришлось, господа! Да пріиметъ ваши души Господь Богъ, и да водворитъ въ раю на святыхъ цвѣтахъ! И мнѣ тошно приходится умирать! никогда ужь больше не увижу я могущественнаго императора»! А Роландъ между тѣмъ все отыскиваетъ своихъ между трупами; нашелъ своего товарища Оливье, и крѣпко прижалъ къ своему сердцу, и, какъ могъ, дотащился къ архіепископу вмѣстѣ съ любезнымъ ему трупомъ, и положилъ его на щитѣ, рядомъ съ другими падшими героями; архіепископъ благословилъ его. Горько плакалъ Роландъ, и до того сокрушался, что въ изнеможеніи палъ на землю. Турпинъ, уже умирающій, думалъ помочь Роланду, привести его въ чувство, и поплелся-было за водой, но изнемогъ и палъ мертвый, и когда Роландъ очнулся, архіепископа уже не было въ живыхъ.

Остался изъ всего войска одинъ только Роландъ. Онъ прочелъ молитву надъ Турпиномъ, и сложилъ ему руки на груди.

Потомъ сталъ *оплакивать* его *по закону его земли*, то-есть, вѣроятно, въ обычныхъ эпическихъ причитаньяхъ [1]).

Наконецъ Роландъ чувствуетъ приближеніе смерти. Изъ ушей выходитъ у него мозгъ. Молитъ Бога за товарищей, чтобъ онъ призвалъ ихъ къ себѣ, а себя самого поручаетъ архангелу Гавріилу. Въ одну руку беретъ онъ свой рогъ Олифанъ, а въ другую свой мечъ Дурандаль. Обращаясь къ Испаніи, кое-какъ дотащился онъ на холмъ, и безъ чувствъ палъ на зеленой травѣ подъ прекраснымъ деревомъ.

Между тѣмъ, какъ Роландъ лежалъ безъ памяти на зеленой травѣ, одинъ сарацынъ, раненый и обагренный кровью, лежалъ между трупами, и, притворившись мертвымъ, подкарауливалъ Роланда. Вдругъ онъ вскочилъ, бросился на Роланда, и схвативъ его, закричалъ: «Ты побѣжденъ, племянникъ Карла! Твой мечъ унесу я въ Аравію». И ухватился за мечъ и сталъ его тянуть. Тогда Роландъ очнулся, открылъ глаза: «Ты вѣдь не изъ нашихъ»! сказалъ онъ, и такъ хватилъ рогомъ сарацына по головѣ, что у него изо лба выскочили оба глаза, и онъ палъ мертвый.

Послѣ того Роландъ сталъ на ноги, и рѣшился разбить свой мечъ на куски о скалу, чтобы онъ никому не достался. Со всего размаху ударилъ мечомъ десять разъ. Только звенитъ булатъ, не ломается. «О, св. Марія, говорилъ Роландъ: — помоги мнѣ! О, мой Дурандаль! Добрый ты мечъ, но безсчастный! Теперь ты мнѣ не нуженъ — и навсегда! Съ тобою сколько битвъ я одолѣлъ, сколько земель завоевалъ, которыми управляетъ Карлъ, *Сѣдая борода!* [2]) Никогда не будетъ владѣть тобою, кто кого нибудь боится! Долго ты былъ въ рукахъ хорошаго вассала; равнаго ему не было во всей Франціи».

Потомъ опять сталъ колотить мечомъ о камень. Булатъ только звенитъ, не ломается. Опять сталъ Роландъ жалобно причитать: «Э, мой Дурандаль! какой ты свѣтлый и бѣлый! Какъ ты блестишь и сверкаешь на солнцѣ! Карлъ былъ въ Маріанской до-

---

1) Le pleignet a la lei de sa tere. 3, 813.

2) Ki la barbe ad canue. 3, 870.

линѣ [1]), когда самъ Господь Богъ ниспослалъ къ нему съ небесъ ангела возвѣстить, чтобъ онъ далъ тебя лучшему воину: тогда тобою препоясалъ меня ласковый король Карломанъ! Тобою я добылъ ему Нормандію и Бретань, тобою добылъ ему Пуату и Мэнъ, тобою я добылъ Провансъ и Аквитанію, и Ломбардію, и всю Романію; тобою добылъ я ему Баварію и всю Фландрію, и Алеманію и всю Польшу (?) [2]); тобою добылъ я ему и Константинополь и Саксовъ и Исландію и Англію», и т. д. Это эпическое причитанье, обращенное къ мечу въ нѣсколько пріемовъ, отлично характеризуетъ высокій эпическій стиль пѣсни, очевидно относящейся къ самымъ раннимъ произведеніямъ французской литературы. Умирающій воинъ еще любуется своимъ мечомъ и не можетъ довольно имъ налюбоваться, припоминая всѣ свои подвиги, которые онъ совершилъ вмѣстѣ съ этимъ своимъ булатнымъ товарищемъ.

При этомъ надобно знать, что у Роланда была тогда невѣста, прекрасная Альда или Ода (Aude), съ которой еще познакомитъ насъ эта пѣсня. — Но Роландъ, въ послѣднія минуты жизни, не помнитъ о любимой женщинѣ. Онъ воинъ и вассалъ: воинскіе подвиги и любовь къ милой Франціи — имъ онъ отдаетъ свои послѣднія минуты, вполнѣ соотвѣтственно тому суровому и строгому стилю, въ которомъ сложена вся пѣсня. «Вотъ чѣмъ добылъ я, продолжаетъ Роландъ: — столько странъ и земель, которыми владѣетъ Карлъ-*бѣлая борода* [3]). По этомъ мечѣ кручинюсь я и горюю! Лучше умереть, чѣмъ оставить его язычникамъ! Да избавитъ Господь Богъ отъ такого срама Францію».

Снова началъ Роландъ съ размаха ударять мечомъ по скалѣ. Только звенитъ булатъ, не гнется, не ломается, отсвѣчиваетъ по небу. Еще разъ сталъ жалобно причитать Роландъ, называя уже свой мечъ *святымъ:* ибо на мечъ рыцари молились, какъ потому что рукоять его была крестообразна, такъ и потому, что въ по-

---

[1]) Es vals de Mariane.

[2]) Puillanie — Pologne. 3, 890.

[3]) Ki ad la barbe blanche. 3, 896.

лосахъ, защищающихъ руку въ рукояти меча, по обычаю, полагались мощи и другія священныя реликвіи. И такъ тихо сталъ жаловаться Роландъ: «О, Дурандаль, такой прекрасный и пресвятой![1]) Въ твоей рукояти заключено много реликвій: зубъ св. Петра и кровь св. Василія, и волоса св. Діонисія, и часть ризы св. Маріи. Потому не подобаетъ владѣть тобою язычникамъ! Ты служилъ только христіанству. Да не посрамитъ тебя никто въ мірѣ! Сколько я добылъ тобою земель, которыми владѣетъ Карлъ-*цвѣтущая борода*[2]), доблестный и богатый императоръ».

И почуялъ Роландъ, что его хватаетъ смерть, отъ темени спускается къ сердцу. Поспѣшилъ онъ подъ сосну, легъ ничкомъ на зеленую траву; подъ нимъ мечъ и рогъ Олифанъ; а голову онъ повернулъ къ языческому народу (то-есть къ Испаніи): «а затѣмъ онъ это сдѣлалъ, доблестный графъ, чтобъ Карлъ и весь народъ сказали, что онъ умеръ побѣдителемъ».

Роландъ чуетъ, что ему пришелъ конецъ. Распростертый на скалѣ, обращенный къ Испаніи, правою рукою бьетъ онъ себѣ въ грудь и кается во грѣхахъ, чтобъ Богъ простилъ ему и большіе и малые грѣхи, имъ содѣянные. «Потомъ поднялъ къ небу свою правую перчатку, и ангелы спустились къ нему».

Объ этомъ мѣстѣ издатель пѣсни о Роландѣ, Жененъ, говоритъ слѣдующее: «Это безподобное движеніе рыцарской наивности, съ которою подноситъ Роландъ свою перчатку самому Господу Богу, въ знакъ чествованія и въ искупленіе своихъ грѣховъ, вмѣстѣ съ тѣмъ есть такая черта нравовъ, которая свидѣтельствуетъ о глубокой древности произведенія». Выше уже было замѣчено о символическомъ значеніи перчатки въ отношеніи юридическомъ и въ обрядахъ инвеституры.

Медлить на одномъ и томъ же мотивѣ и повторять себя, добавляя къ сказанному новыя подробности, и тѣмъ вводить слушателя въ самую средину и во всѣ мелочныя подробности описываемаго дѣйствія во всѣхъ его малѣйшихъ обстоятельствахъ —

---

1) E Durendal cum es bele et seintisme. 3, 906.

2) Ki la barbe ad flurie. 3, 915.

это существенное, характеристическое свойство самого чистаго, безъискусственнаго эпическаго творчества. Въ теченіе всей пѣсни о Роландѣ, пѣвецъ постоянно остается вѣренъ этому эпическому стилю. Такъ и теперь, описывая кончину Роланда, онъ не удовольствовался тѣмъ, что̀ мы ужь знаемъ. Онъ не хотѣлъ съ самого начала поразить слушателей внезапною катастрофою, и исподволь приготовлялъ свою публику къ великой потерѣ въ смерти Роланда. Но съ другой стороны, пѣвецъ не вдается и въ сентиментальныя описанія предсмертной агоніи героя, какъ это сдѣлалъ бы новѣйшій романистъ сентиментальной искусственной школы. Напротивъ того, съ гомерическимъ тактомъ, онъ разсказываетъ мельчайшія подробности о томъ, какъ великій герой употребляетъ сверхъестественныя силы, чтобъ ни на шагъ не уступить въ грозящей ему смертной опасности. При этомъ, глубоко нѣжное, но наивное благоговѣніе къ герою — устраняетъ всякую мысль о возможности, чтобъ онъ былъ раненъ и палъ отъ ранъ. Руки язычниковъ не нанесли ни одного оскорбленія великому герою. Онъ умираетъ отъ собственной надсады. Самъ собою приходитъ часъ его смерти. Необыкновенно трогательная деликатность эпическаго народнаго творчества! Поэтъ медлитъ на послѣднихъ минутахъ своего героя, потому что ему жалко съ нимъ разстаться, столько же жалко, какъ самому Роланду — съ его непобѣдимымъ мечомъ. Потому-то и слушатели, съ новымъ участіемъ, еще разъ слушаютъ, какъ поэтъ описываетъ послѣднія минуты великаго героя:

«Лежалъ подъ высокою сосною доблестный Роландъ, обративши лицо къ Испаніи. И многое тогда пришло ему на память: и то, сколько онъ покорилъ народовъ, и милая Франція, и родъ-племя, и Карломанъ, его господинъ, который его кормилъ [1]). И не могъ онъ удержаться, чтобъ не плакать и не вздыхать. Но онъ не хотѣлъ забыть и самого себя. Каялся во грѣхахъ и просилъ отъ Бога милости: «Отче нашъ! нѣтъ въ тебѣ неправды.

[1]) Выраженіе, соотвѣтствующее феодальному быту: De Carlemagne, sun seignor ki l'nurrit. 3, 492.

Ты воскресилъ изъ мертвыхъ Лазаря, и Даніила защитилъ отъ львовъ, спаси мою душу и изыми ее изъ погибели — отпусти мнѣ грѣхи, содѣянные мною въ жизни». Тогда онъ воздвигъ къ Господу Богу свою правую перчатку, и самъ св. Гавріилъ ее принялъ. Потомъ, склонивъ голову на сторону, онъ сложилъ руки и испустилъ духъ. Богъ ниспослалъ своего ангела, херувима и св. Михаила (то-есть архангела), котораго прозываютъ *del peril* (du peril, то-есть погибели; спасающій отъ погибели); къ нимъ присоединился св. Гавріилъ (тоже архангелъ), и душу графа понесли они въ рай» [1]).

Такъ оканчивается этотъ превосходный эпизодъ. Несмотря на растянутость повѣствованія, все же самый конецъ прибавляетъ новую, неожиданную черту. До тѣхъ поръ, Роландъ еще разсѣивался тѣмъ, что̀ окружало его въ послѣднія минуты жизни; онъ еще не могъ оторвать себя отъ своихъ постоянныхъ мыслей и обычаевъ; онъ еще гордо исчислялъ свои завоеванія и съ любовью лелѣялъ свой мечъ, однимъ словомъ, онъ еще жилъ на землѣ: онъ еще весь принадлежалъ жизни. Наконецъ, когда пришла торжественная минута смерти, онъ уже сосредоточился въ себѣ самомъ, какъ тотъ умирающій гладіаторъ античнаго рѣзца, который, склоняясь на свою смертную рану въ лѣвомъ боку — хотя еще и живъ, но уже весь принадлежитъ смерти — весь сосредоточился въ себѣ самомъ; до такой степени онъ углубился въ себя въ эту торжественную минуту, что будто какою-то непроходимою преградою отдѣленъ отъ всего окружающаго. Такое же точно впечатлѣніе производитъ и эпическій разсказъ о кончинѣ Роланда. Онъ уже отрѣшился отъ всего міра — и только, какъ свѣтлыя тѣни, въ этомъ мракѣ наступающей смерти — проходятъ передъ нимъ полосами нѣжныя воспоминанія о родинѣ и друзьяхъ. Но и здѣсь поэтъ до такой степени вѣренъ природѣ, что вновь заставляетъ Роланда какъ бы пробудиться къ жизни, при сладкихъ воспоминаніяхъ о прожитомъ: и это минутное про-

---

[1]) Въ сербскомъ эпосѣ Марко Крылевичъ умираетъ также безъ свидѣтелей.

бужденіе наивно выражается во вздохахъ и плачѣ. Великій герой малодушно плачетъ. Надобно было хорошо знать человѣческую природу, чтобъ эпическимъ величіемъ героя пожертвовать истинѣ и наивной природѣ. Но все же герой плачетъ одинъ: никто, кромѣ нисходящихъ съ неба ангеловъ, не видитъ на опустѣломъ полѣ его симпатичныхъ слезъ. Затѣмъ, молитва рѣшительно сосредоточиваетъ послѣднія искры жизни къ смертному концу.

Поэтъ эпохи искусственной, вѣроятно, на этомъ пунктѣ заключилъ бы свою поэму. Событіе доведено до конца; эффектъ произведенъ, и герой сошелъ со сцены. Но народный эпосъ слѣдуетъ другимъ, высшимъ законамъ творчества, и поэтому мы только еще почти на половинѣ поэмы, такъ что изъ пяти ея пѣсенъ мы дошли до конца третьей; остается еще двѣ пѣсни. Надобно, чтобъ правда восторжествовала. Измѣнникъ Ганелонъ долженъ получить возмездіе за злодѣяніе. Сарацыны своею кровью должны омыть величайшее безчестіе, нанесенное французскому оружію въ ронсевальскомъ побоищѣ; наконецъ, что̀ по идеямъ вѣка всего важнѣе — христіане должны восторжествовать надъ магометанами. Эпическая поэзія никогда не довольствуется только эстетическою стороною сюжета: она должна удовлетворить всѣмъ нравственнымъ вопросамъ своей публики. Въ этомъ отношеніи эпическая, народная поэзія, несмотря на свою первобытность и безъискусственность, вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ современной критики, которая въ художественномъ произведеніи ищетъ не одного идеальнаго изящества, но требуетъ, чтобъ произведеніе относилось къ насущнымъ потребностямъ дѣйствительности, чтобъ оно не только забавляло воображеніе, но возбуждало бы серьёзные нравственные и соціальные вопросы.

Итакъ, Карлъ вступаетъ въ Ронсевальскую долину. Всѣ пути и тропинки, вся земля покрыта трупами сарацынскими и французскими. Карлъ восклицаетъ: Гдѣ ты, прекрасный племянникъ? Гдѣ архіепископъ и графъ Оливье? Гдѣ *Жеренъ* и *Жере*, его товарищъ? Гдѣ Оттонъ, графъ Беранже, *Ивъ* и *Иворъ*, котораго я такъ любилъ? Что̀ сталось съ гасконцемъ *Анжелье?* и герцогъ

Санчо? и храбрый *Ансеи?* Гдѣ старый *Жераръ Русильонскій?* Гдѣ всѣ вы, мои двѣнадцать перовъ»? Увы — продолжаетъ отъ себя поэтъ — къ чему этотъ плачъ, когда никто на него не отзовется? «Боже, воскликнулъ король: — горько мнѣ, что самъ я не былъ съ вами на этомъ побоищѣ»! Онъ терзаетъ свою бороду, какъ человѣкъ въ ярости [1]). Вмѣстѣ съ нимъ плачутъ всѣ храбрые бароны. Плачутъ ихъ сыновья, ихъ братья, ихъ племянники, ихъ друзья и прислуга. Многіе отъ тоски пали на землю. Только одинъ герцогъ Нэмъ (Naimes) повелъ себя разсудительнѣе. Онъ сказалъ императору: «Взгляните-ка впередъ мили за двѣ: вы увидите пылящіяся дороги — вонъ тамъ сколько язычниковъ! Скачите же туда, отомстимъ эту бѣду».

Карлъ послушался. Оставивъ въ Ронсевальской долинѣ стражу для охраненія дорогихъ покойниковъ, онъ велѣлъ преслѣдовать враговъ. Достигаютъ до нихъ — немилосердно побиваютъ, и остатокъ топятъ въ рѣкѣ Эбро, удивительно быстрой и глубокой (какъ ее постоянно характеризуетъ пѣсня).

Наступаетъ ночь, и послѣ пораженія французы должны отдохнуть. Уже некогда было возвращаться въ Ронсевальскую долину, и французы дожны были лечь спать въ чистомъ полѣ. Легъ и самъ Карлъ.

Здѣсь пѣсня предлагаетъ любопытнѣйшую подробность, на которой слѣдуетъ остановится.

Эта подробность касается меча Карломанова, который назывался *Joyeuse* (Joiuse. 4, 105 и слѣд.), и воинскаго клика французовъ: *Monjoie*. (Munjoie. 4, 114). Въ изложеніе содержанія пѣсни о Роландѣ мы вносимъ эпизодически объясненіе различныхъ подробностей, нисколько не опасаясь тѣмъ прервать нить разсказа на томъ основаніи, что согласно самому стилю эпическому, единство дѣйствія не нарушается остановкою на мелочахъ; напротивъ того, широкій и строгій взглядъ эпическаго пѣвца на жизнь и текущія событія, съ одинаковымъ вниманіемъ, медлитъ

---

[1]) Tiret sa barbe cum home ki est iret. 4, 18.

и на важномъ и на мелочномъ; потому что какъ въ природѣ, такъ и въ сознаніи мелочь перестаетъ быть мелочью, какъ скоро на ней сосредоточивается мысль.

Итакъ, послѣ пораженія мавровъ, императоръ легъ спать, въ полномъ вооруженіи, въ кольчугѣ и въ шлемѣ на головѣ: «опоясанъ мечомъ, которому нѣтъ равнаго [1]): днемъ сверкаетъ онъ тридцатью отблесками. Мы слышали о копьѣ, которымъ нашъ Господь [2]) былъ прободенъ на крестѣ. Карлъ, благодареніе Богу — владѣетъ желѣзнымъ наконечникомъ того копья; онъ у него вдѣланъ въ рукоять его меча: и ради такой чести и доброты, мечъ получилъ названіе Joyeuse. Французскіе бароны этого не забыли: ихъ воинскій кликъ — Monjoie (Munjoie), и потому никто не можетъ противостоять имъ».

Изъ этого мѣста изслѣдователи заключаютъ [3]), что воинственный кликъ Monjoie остался въ память Карлова меча, а мечъ названъ такъ отъ священной реликвіи, въ рукояти заключенной; отсюда надобно полагать, что Joyeuse значитъ не веселый, радостный, а *драгоцѣнный*, соотвѣтственно древнему латинскому значенію gaudium, имѣющему смыслъ не только радости, но и украшенія, и особенно въ романскихъ нарѣчіяхъ относящееся сюда слово имѣетъ двоякое значеніе: или радости, какъ нынѣшнее французское joie, или драгоцѣнности, какъ въ испанскомъ *joya*, или и того и другаго, какъ итальянское gioja [4]). Такъ и joie

---

[1]) Ceinte Jojuse, un ches ne fut sa per. 4, 105.

[2]) Nostre Sire, то-есть Іисусъ Христосъ.

[3]) Genin: La chanson de Roland, стр. 421 и слѣд.

[4]) Diez, Etym. Wörterb. d. Rom. Spr., стр. 177.

Для предупрежденія недоразумѣній, слѣдуетъ замѣтить, что изслѣдователей феодальной культуры средневѣковой ставило въ затрудненіе, при опредѣленіи смысла *Monjoie*, то, что во многихъ странахъ этимъ словомъ называются горы, пригорки, холмы, то-есть *mont-joie*. Исходя отъ этого слова, полагали, что въ рукописяхъ *mon* — ошибка, вмѣсто *mont*, что̀ дѣйствительно иногда случается. Но теперь кажется несомнѣнно, что montjoie есть совершенно другое слово, а именно: *mons jovis* — Юпитерова гора; а какъ средневѣковые дикари смѣшивали съ Юпитеромъ своего Тора, то это—гора Торова, или по нашему — Перунова.

въ древне-французскомъ языкѣ значило и то и другое. Слѣдовательно, мечъ jeyeuse — *драгоцѣнность*. Карлъ называетъ свой мечъ monjoie, то-есть моя драгоцѣнность, *mon joyau*. Такимъ образомъ названіе меча Карломанова стало обычнымъ эпическимъ кликомъ, съ которымъ французы бросались въ битву. Когда впослѣдствіи во французскомъ войскѣ стала употребляться хоругвь св. Діонисія (S. Denis), патрона французовъ, тогда воины кричали въ битвѣ: Monjoie et S. Denis, а потомъ сокращенно, выпустивъ союзъ, Monjoie S. Denis.

Слѣдуя за событіями въ пѣснѣ о Роландѣ, мы сейчасъ найдемъ новое подкрѣпленіе объясненію имени меча и воинскаго клика.

Пока Карлъ спитъ, самъ Господь Богъ ниспосылаетъ къ нему съ неба архангела Гавріила, чтобъ онъ, стоя у изголовья, охранялъ императора и наводилъ на него вѣщія сновидѣнія. Эти сновидѣнія исполнены ужаса. Снится Карлу страшная буря съ грозою; на французское войско бросаются лютые звѣри и чудовища, онъ самъ сцѣпился въ отчаянной борьбѣ со львомъ. Потомъ снится Карлу, будто онъ въ Ахенѣ держитъ въ цѣпяхъ медвѣжонка. Изъ арденскихъ лѣсовъ выбѣгаютъ тридцать медвѣдей и кричатъ человѣческимъ голосомъ: «Государь! отдай намъ его! ты не въ правѣ захватить его! Поможемъ нашему родственнику»! Потомъ будто бы выскочили борзыя собаки и бросились на самаго большаго изъ медвѣдей, и завязалась страшная между ними борьба.

«Такъ ангелъ божій предвозвѣщалъ герою будущее» — говоритъ пѣсня, одѣвая эти вѣщія видѣнія въ тѣ чудовищные образы романскаго стиля, который столько же господствовалъ въ ту эпоху въ Бестіаріахъ, въ животномъ эпосѣ (Reinhart Fuchs) и въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ, сколько и въ романскомъ стилѣ архитектуры и скульптуры.

Между тѣмъ Марсиллъ и всѣ сарацыны въ Саррагосѣ въ большой тревогѣ. Марсиллъ призываетъ изъ Вавилона эмира

Балигана, стараго амирала[1]), который, говоритъ пѣсня иронически (?), пережилъ своею славою[2]) и Виргилія и Гомера. Это и другія мѣста не оставляютъ сомнѣнія, что французскій пѣвецъ уже былъ на столько свѣдущъ, что зналъ имена этихъ классическихъ поэтовъ. Балиганъ съ огромными военными силами приплываетъ по морю; его съ честью принимаютъ въ Испаніи.

Изъ Саррагосы сцена переносится во французскій лагерь. Карлъ проснулся, архангелъ Гавріилъ перекрестилъ его — тотчасъ же Карлъ съ войскомъ спѣшитъ на ронсевальскую долину. Отыскиваютъ трупы убитыхъ французовъ и предаютъ землѣ съ подобающими обрядами. Наибольшую честь воздаютъ Роланду, Оливье и архіепископу Турпину, трупы которыхъ полагаютъ на колесницы, чтобъ везти во Францію. Особенно предается печали Карлъ, причитывая надъ трупомъ своего племянника Роланда.

Наконецъ, Карлъ рѣшается страшною местью отомстить ронсевальское пораженіе. Пѣвецъ дѣлаетъ перечень десяти когортъ французскаго войска. Готфридъ Анжуйскій несетъ орифламму: «это — знамя св. Петра, потому оно и звалось *римскимъ*, но съ этихъ поръ стало называться *monjoie*»[3]).

Адмиралъ Балиганъ также готовится къ сраженію. «Онъ кажется настоящимъ барономъ[4]), говоритъ пѣсня: борода бѣлая, будто цвѣтокъ[5]); человѣкъ многопоученный въ законѣ сарацынскомъ; на полѣ битвы неустрашимъ и жестокъ. Изъ зависти къ Карлову мечу Joyeuse, о которомъ онъ часто слыхалъ, онъ назвалъ мечъ свой Preciose (précieuse, то-есть драгоцѣнный); также и кликъ воинскій въ его войскѣ былъ preciose»[6]). Отсюда до очевидности ясно толкованіе слова *monjoie*. Мавры изъ зависти

---

[1]) Смотри глоссарій у Edelst. du Meril въ его изданіи Floire et Blancheflors, стр. 242. Amiraill отъ арабскаго *Амир-аль*.

[2]) Tut survesgniet e Virgile e Omer. 4, 220.

[3]) Пѣснь 4, 698—700.

[4]) Пѣснь 4, 777 и слѣд.

[5]) Blanche ad la barbe ensement cum flur. 4, 778.

[6]) 4, 749.

будто бы пародировали священный обычай и священное имя, употребляемое Французами въ битвахъ.

У Балигана тоже десять когортъ, которымъ пѣвецъ также дѣлаетъ перечень. Громадные отряды сарацынъ несутся, подъ звуки трубъ; во главѣ ихъ амиралъ Балиганъ; передъ нимъ наивный поэтъ заставляетъ нести знамена съ идолами, которымъ будто бы поклоняются мавры. Между идолами, какой-то драконъ и изображеніе Аполлона. Французы несутся на встрѣчу съ рѣшимостью умереть или побѣдить; потому они ужь не щадятъ свои бороды, выставили ихъ наружу. «Смотрите, что̀ за надменность пресловутой Франціи»! воскликнули сарацыны: «какъ храбро скачетъ Карлъ, во главѣ своей бородатой арміи. Смотрите, они поверхъ кирассъ выпустили свои бѣлыя, какъ снѣгъ бороды! Будетъ страшная битва, небывалая въ мірѣ [1]). Адмиралъ Балиганъ не уступитъ въ храбрости. Онъ тоже выставилъ наружу свою бороду, бѣлую, какъ цвѣтъ боярышника» [2]).

До самыхъ сумерекъ продолжается кровопролитный бой, который, наконецъ, заключается рѣшительнымъ единоборствомъ самого Карла съ адмираломъ Балиганомъ. Сначала борьба идетъ съ равнымъ успѣхомъ. Надменный сарацынъ даже рѣшается предложить Карлу миръ, на томъ условіи, чтобъ онъ принялъ сарацынскую вѣру и подчинился власти сарацынскаго короля. И когда Карлъ съ достоинствомъ отвергаетъ его надменныя предложенія, Балиганъ такъ сильно поражаетъ Карла по шлему, что ранилъ голову до кости. Карлъ зашатался, и чуть не упалъ. «Но Богъ не захотѣлъ, чтобъ онъ былъ убитъ или побѣжденъ. Самъ св. Гавріилъ нисходитъ къ нему, и спрашиваетъ: О, Карлъ, что̀ съ тобой?» Тогда вдругъ у Карла возрождается сила, и онъ низвергаетъ своего врага мертваго на земь [3]), а все войско сара-

---

[1]) 5, 53 и слѣд.

[2]) Cume flurен espine. 5, 259. Объ эпическомъ значеніи бороды въ этомъ и другихъ мѣстахъ, смотри мою монографію о богатырскомъ эпосѣ.

[3]) 5, 351. Сличите въ русскихъ былинахъ, какъ «лежучи подъ богатыремъ—нахвальщиною» у Ильи Муромца втрое силы прибыло, только что онъ вспомнилъ, что̀ про него было написано у св. отцовъ и апостоловъ.

цынское предается бѣгству. — Французы его преслѣдуютъ вплоть до Саррагосы. — Супруга Марсилла, королева Брамидона, видѣла пораженіе сарацынскаго войска французами съ башни, куда она взошла «вмѣстѣ съ клериками и канониками ложной вѣры, которая не угодна Господу Богу» (у этого духовенства нѣтъ ни іерархіи, ни «короны на головахъ», наивно замѣчаетъ пѣвецъ — то-есть, выстриженнаго гуменца, какъ у католическихъ монаховъ). Разносится ужасная вѣсть о приближеніи французовъ, и король Марсиллъ умираетъ отъ одного только страху.

Разбивъ враговъ, Карлъ вступаетъ въ Саррагосу, и королева Брамидона сдаетъ ему всѣ укрѣпленныя башни. Французскіе воины разбиваютъ всѣхъ ложныхъ боговъ и ихъ идоловъ, не оставляя ни одного колдуна. А Карлъ вѣруетъ въ истиннаго Бога, и хочетъ служить ему. Его епископы освятили воду, и повели сарацынъ къ купелямъ, для приведенія въ христіанство; а кто противился, того Карлъ повелѣвалъ вѣшать, убивать, и живьемъ сожигать. И привелъ тогда въ христіанскую вѣру болѣе ста тысячъ сарацынъ, которые стали христіанами. Не крестили они только самоѐ королеву: ее повели въ милую Францію плѣнницею; самъ Карлъ думаетъ обратить ее въ крещеную вѣру ласкою» [1]).

Оставивъ Саррагосу подъ охраненіемъ тысячи рыцарей, Карлъ вмѣстѣ съ войскомъ отправляется восвояси, ведя въ плѣну королеву Брамидону. Прошедши Нарбонну, Карлъ вступилъ въ Бордо. Тамъ, надъ алтаремъ *барона* св. Северина, помѣстилъ онъ знаменитый рогъ Олифанъ: «приходящіе туда пилигримы, тамъ его видятъ» [2]). Потомъ слѣдовалъ до самаго Блэ (Blaine, Blaye), съ останками своего племянника Роланда, Оливье, его благороднаго товарища, и мудраго и храбраго архіепископа. Велѣлъ положить ихъ въ бѣлые гробы у св. Ромена.

По историческимъ сказаніямъ, Карлъ похоронилъ въ Бордо тѣла многихъ убитыхъ бароновъ; что же касается до знаменитаго меча Роландова, то, по преданію, будто бы онъ былъ помѣ-

---

[1]) Ço voelt li reis par amur cuvertisset. 5, 411.

[2]) 5, 425.

щенъ въ головахъ, на гробу Роланда, а рогъ въ ногахъ; но потомъ рогъ былъ перенесенъ въ St. Leveriulez Bourdeaux, а мечъ въ Roquemadour en Quercy.

До послѣднихъ временъ сохранилось преданіе, что Карлъ и его двѣнадцать перовъ были великаны. Такъ думалъ и король Францискъ I, который, проѣзжая изъ Италіи, останавливался въ Блэ, и спускался въ погребальный склепъ, чтобъ видѣть гробы Роланда, Оливье и св. Ромена. Мраморные гробы оказались обыкновеннаго размѣра. Францискъ этимъ не удовольствовался: велѣлъ проломать отверстіе въ гробѣ Роланда, и, заглянувши внутрь, тотчасъ же велѣлъ отверстіе задѣлать.

Только что прибылъ Карлъ въ Ахенъ, тотчасъ же къ нему во дворецъ является Альда (Ода), прекрасная невѣста Роланда, сестра Оливье, дочь графа Ренье. Пѣсня о Роландѣ не описываетъ ея красоты; но по другимъ эпизодамъ карломанова цикла [1]) извѣстно, что волосы у ней были русые, сами вились мелкими кудрями, глаза свѣтло-голубые, *какъ у сокола* [2]), руки бѣлыя, какъ лѣтній цвѣтъ, ножки маленькія; румянецъ поднимался по лицу. Передъ самымъ походомъ въ Испанію, Турпинъ обручилъ Роланда съ Альдою.

И вотъ теперь невѣста является передъ Карломъ, и спрашиваетъ: «Гдѣ Роландъ военачальникъ? Онъ поклялся на мнѣ жениться». Больно стало тогда Карлу; слезы полились у него изъ очей, и онъ рвалъ свою сѣдую бороду: «Сестра, другъ мой! ты спрашиваешь о мертвомъ человѣкѣ — сказалъ онъ: — но я тебѣ замѣню его Лудовикомъ; лучше ничего не умѣю сказать тебѣ: онъ мой сынъ, и наслѣдникъ»! Альда отвѣчала: «Странна для меня такая рѣчь! Не угодно ни Господу Богу, ни святымъ его, ни его ангеламъ, чтобъ я пережила Роланда»! Сказала, и пала на землю мертвая.

Только этою короткою сценою ограничивается все, что эта

---

[1]) Gerard de Viane, стих. 636 и слѣд.

[2]) Les oeils ot vairs come faucon *mué*. Сличч. въ Словѣ о Полку Игор. *сокола въ мытьхъ*, и *соколиныя очи* въ русскихъ былинахъ.

суровая, воинственная пѣсня сообщаетъ о любви Роланда и Альды. — Пѣсня еще не умѣетъ быть сентиментальною, но знаетъ, чтò такое истинная любовь, и мастерскимъ штрихомъ умѣетъ живописать ея глубокія движенія.

Затѣмъ наступаетъ судъ надъ Ганелономъ, въ высшей степени интересный для исторіи юридическаго быта этой ранней эпохи феодальныхъ и рыцарскихъ обычаевъ. «Написано въ древней исторіи — говоритъ пѣсня [1]) — что Карлъ собралъ въ Ахенъ людей изъ разныхъ земель. Судъ назначенъ былъ въ большой праздникъ; говорятъ, будто въ день *барона* св. Сильвестра. Здѣсь начался процесъ надъ измѣнникомъ Ганелономъ [2]), Карлъ велѣлъ его привести передъ себя; онъ былъ закованъ въ желѣза».

Карлъ самъ не имѣетъ права рѣшить дѣло Ганелона, и является передъ судьями въ качествѣ истца. Онъ излагаетъ свою жалобу въ слѣдующихъ терминахъ: «Господа бароны! разсудите правду между мною и Ганелономъ. Онъ былъ со мною въ войскѣ въ Испаніи; тамъ погубилъ у меня 20 тысячъ французовъ, моего племянника, котораго уже никогда не увижу, и Оливье храбраго и вѣжливаго [3]) и всѣхъ двѣнадцать перовъ; онъ ихъ предалъ за деньги».

Тогда предсталъ Ганелонъ; онъ былъ такой бравый, что казался настоящимъ барономъ. — Около него были судьи и до 30 человѣкъ родственниковъ. Голосомъ твердымъ и громкимъ воскликнулъ онъ: «Ради самаго Бога, господа, выслушайте меня! Точно, былъ я въ войскѣ императора и служилъ ему вѣрою и правдою, но племянникъ его Роландъ возненавидѣлъ меня и задумалъ меня убить. Я отправился посломъ къ Марсиллу. Въ этой опасности спасла меня моя ловкость; я только защищался отъ Роланда, отъ Оливье и всѣхъ ихъ товарищей. Карлъ и его благородные бароны знаютъ это хорошо. Я только отомстилъ, но

---

[1]) Il est escrit en l'ancienne Geste. 5, 479.

[2]) Des or cumencet le plait e les novelles.

[3]) Curteis — courtois. 5, 492.

не предалъ». — «Мы подумаемъ и разберемъ это дѣло», сказали судьи.

Подумавши, судьи предстали передъ Карломъ и говорили: «Государь! мы васъ просимъ, чтобъ вы освободили Ганелона, съ тѣмъ, чтобъ онъ отнынѣ и впредь служилъ вамъ вѣрою и правдою; оставьте его въ живыхъ. Онъ очень благородный человѣкъ[1]). Его смерть не воротитъ вамъ Роланда, ни золото, никакія сокровища не воскресятъ его». — «Всѣ вы предаете меня», отвѣчалъ имъ Карлъ.

Эти начатки гласнаго судопроизводства, господствующаго надъ авторитетомъ самаго императора, изъ области эпическаго вымысла выводятъ изслѣдователя на историческую почву, свидѣтельствуя о томъ, какъ рано у западныхъ народовъ развилось чувство правды и уваженіе къ личности подсудимаго. Несмотря на кровавую катастрофу, виновникомъ которой былъ Ганелонъ, этотъ предатель является передъ судомъ съ своимъ правомъ, и собравшаяся публика не можетъ отказать ему въ своемъ уваженіи, потому что онъ гнушается предательствомъ и объясняетъ свое злодѣяніе только мщеніемъ, такимъ мотивомъ, который въ эти грубыя времена казался позволительнымъ для каждаго честнаго человѣка.

Чтобъ рѣшить дѣло, надобно было прибѣгнуть къ суду божію, то-есть къ поединку.

Между родственниками Ганелона былъ нѣкто Пинабель: онъ умѣлъ хорошо говорить и хорошо излагать причины, а также защититься оружіемъ. Онъ былъ не только адвокатомъ Ганелона, но и поединщикомъ, который долженъ былъ въ единоборствѣ рѣшить дѣло своего родственника. Со стороны Карла выступилъ Тьерри, герцогъ Анжуйскій. Онъ называетъ Ганелона подлецомъ и предателемъ, котораго слѣдуетъ повѣсить, а тѣло сжечь.

Передъ единоборствомъ, поединщики, по обычаю, исповѣдались, отстояли обѣдню и причастились, а также сдѣлали богатыя приношенія въ монастыри на поминъ души.

---

[1]) Vivre le laisez, car mult est gentilz hom. 5, 548.

Единоборство произошло на зеленомъ лугу у городскихъ воротъ Ахена. Тьерри побѣдилъ, и Пинабель палъ мертвый. По понятіямъ грубой эпохи, процесъ кончился этимъ въ пользу Карла. Тогда спрашиваетъ онъ своихъ герцоговъ и графовъ, что̀ ему дѣлать теперь съ тридцатью родственниками Ганелона, которые въ его пользу явились на судъ и теперь были заложниками за Пинабеля, погибшаго въ единоборствѣ съ Тьерри. — «Чтобъ ни одинъ не остался въ живыхъ» — таково было безчеловѣчное рѣшеніе совѣтниковъ. Тогда Карлъ приказываетъ нѣкоему Бабрюну (Basbrun): «Ступай и повѣсь ихъ всѣхъ на деревѣ въ проклятомъ лѣсу! чтобъ ни одинъ не миновалъ петли, а то клянусь этой бородой съ сѣдыми волосами[1]), ты самъ умрешь смертью».

Послѣ казни тридцати родственниковъ Ганелона, слѣдуетъ еще ужаснѣе сцена, жестокостью своею восходящая къ ранней эпохѣ европейскихъ дикарей. Надъ Ганелономъ должна была совершиться казнь, бывшая въ употребленіи у готѳовъ еще въ IV вѣкѣ, и оставившая по себѣ память, какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ сказкахъ. Ганелона по рукамъ и ногамъ привязали къ четыремъ дикимъ жеребцамъ, и пустили ихъ вдоль поля, посреди котораго была нарочно для того привязана кобыла. Пѣсня съ безчеловѣчнымъ вниманіемъ описываетъ, какъ кони размыкали несчастнаго предателя, какъ вытягивались его жилы, разрывались его члены и суставы, и какъ отсвѣчивала его кровь по зеленой травѣ. «Не хвались, коли предалъ ближняго» — пословицею заключаетъ пѣсня эту кровавую сцену [2]).

Совершивъ мщеніе, Карлъ крестилъ взятую имъ въ плѣнъ сарацынскую королеву. Она приняла вѣру, убѣжденная проповѣдью и примѣрами[3]). Обрядъ совершали епископы французскіе, баварскіе и алеманскіе. Въ крещеніи наречено было ей имя Юліанія.

---

1) Par ceste barbe dunt li peil sunt canut. 5, 692.

2) Ki traist altre, nen est dreiz qu'il s'en vant. 5, 711.

3) Tant ad oit e sermuns e essamples. 5, 716.

Этимъ благочестивымъ подвигомъ поэтъ будто хотѣлъ увѣнчать несчастный походъ Карла въ Испанію.

Быстрая смѣна жестокостей благочестивыми обрядами отлично характеризуетъ вѣкъ.

Наступаетъ ночь и Карлъ ложится спать. Во снѣ является ему архангелъ Гавріилъ и велитъ ему собрать свое войско и идти въ Сирію, потому что угнетенные тамъ христіане призываютъ его.

Пѣсня заключается извѣстіемъ о самомъ пѣвцѣ: «здѣсь оканчивается исторія, которую изложилъ Турольдъ» [1]).

Въ заключеніе, надобно сказать о внѣшнемъ, художественномъ достоинствѣ этой пѣсни. Въ этомъ отношеніи почитаю необходимымъ обратить вниманіе на слѣдующіе два пункта: 1) на замѣчательное единство дѣйствія, господствующее во всей пѣснѣ. Это могли вы замѣтить въ самомъ изложеніи, потому что я шелъ шагъ за шагомъ за теченіемъ разсказа, а не выбиралъ одно общее цѣлое изъ груды безсвязныхъ эпизодовъ, какъ это часто случается дѣлать въ народныхъ пѣсняхъ. Хотя вообще никакому внѣшнему единству въ художественномъ произведеніи не слѣдуетъ приписывать особенной важности, и тѣмъ больше въ этомъ произведеніи, но нельзя не обратить вниманіе на это качество въ пѣснѣ о Роландѣ потому, что оно даетъ намъ разумѣть о томъ, что Терульдъ или Турольдъ былъ уже не просто народный, невѣжественный пѣвецъ, но довольно развитой художникъ, который изъ народныхъ эпическихъ разсказовъ умѣлъ создать стройное цѣлое. 2) Время отъ времени послѣ нѣсколькихъ стиховъ въ древней рукописи пѣсни о Роландѣ помѣщается слово: *Aoi*. Это есть не что иное, какъ *avoi*, то-есть *à voie allons! en route!* то-есть воззваніе поющаго пѣвца, который идетъ въ бой вмѣстѣ съ другими воинами, и, поощряя ихъ мужество геройскими разсказами, время отъ времени восклицаетъ: *впередъ!*

Такъ въ самой внѣшней своей формѣ разобранная нами пѣсня

---

[1]) Ci falt la geste que Turoldus declinet.

принадлежитъ къ самымъ оригинальнымъ явленіямъ эпическаго творчества.

По нѣкоторымъ чисто церковнымъ причинамъ не только въ средніе вѣка, но даже и до настоящихъ временъ, пѣсня о Роландѣ Турольда, несмотря на ея высшія эпическія достоинства, была заслоняема въ общемъ употребленіи *ложною хроникою* архіепископа Турпина, собранною тоже изъ народныхъ разсказовъ, и давшею содержаніе множеству стихотворныхъ и прозаическихъ повѣствованій о походахъ Карла и его перовъ. (Turpini Vita Caroli magni et Rolandi).

Такъ какъ и самъ Карлъ былъ признанъ святымъ, и его воины, побитые сарацынами, были причислены къ лику христіанскихъ мучениковъ, такъ что въ мартирологіяхъ, подъ 3-мъ мая, записана даже и годовщина ронсевальскаго побоища; то само собою разумѣется, что въ средніе вѣка всего больше утовлетворяло вѣрующіе умы такое изложеніе этого событія, которое составляло бы часть цѣлой легенды о священныхъ подвигахъ Карла, что̀ и находили читатели въ этой ложной хроникѣ Турпина.

Основная мысль ея состоитъ въ воздаміи должнаго чествованія апостолу Іакову въ Компостеллѣ, столицѣ испанской Галисіи. Это — знаменитый С.-Яго Компостельскій, куда на поклоненіе стали стекаться во множествѣ пилигримы съ конца XI столѣтія. Постоянная идея хроники — что апостолъ Іаковъ то̀ же для Запада, что̀ Іоаннъ для Востока, и что Компостелла, гдѣ покоятся реликвіи св. Іакова, то̀ же, что̀ Эфесъ, что обѣ эти церкви имѣютъ равныя достоинства, на томъ основаніи, что апостолы Іаковъ и Іоаннъ просили Іисуса Христа, чтобъ онъ водворилъ апостольскіе престолы, одному на правой его сторонѣ, а другому на лѣвой. Отсюда идетъ цѣлый рядъ доводовъ, чтобъ доказать, что въ мірѣ три верховныхъ апостола: Петръ, Іоаннъ и Іаковъ, основатели трехъ церквей: въ Римѣ, Эфесѣ и Компостеллѣ. Надобно знать, что эти самыя мысли были проповѣдываемы папою Ка-

ликстомъ II, отъ котораго осталось четыре слова въ честь С.-Яго Компостельскаго, котораго онъ ставитъ выше всѣхъ святыхъ, и особенно превозноситъ благочестивыя хожденія въ Компостеллу. Сверхъ того, этотъ папа торжественно призналъ святость ложной хроники Турпина, возведши ее до степени каноническихъ книгъ, и при этомъ оградилъ ее отъ столкновенія въ противорѣчіяхъ съ другими источниками, осуждая церковнымъ судомъ тѣхъ, кто будетъ слушать или повторять будто бы *лживыя пѣсни жонглеровъ*, къ которымъ надобно причислить и разобранную нами пѣсню Турольда. Такимъ образомъ, будучи благословлена самимъ папою, хроника стала священнымъ чтеніемъ, и въ XIII вѣкѣ послужила источникомъ житія Карла Великаго въ знаменитомъ житейникѣ святыхъ, извѣстномъ подъ именемъ *Золотой Легенды* Якова де-Ворагине. Какъ книга священная, эта ложная хроника Турпина о подвигахъ Карла Великаго до того направлена къ прославленію апостола Іакова, что къ ней присовокупляется цѣлый трактатъ о чудесахъ С.-Яго Компостельскаго, составленный тѣмъ же папою Каликстомъ II.

Если взять въ соображеніе, откуда попалъ Каликстъ на папскій престолъ, то для насъ будетъ вполнѣ ясно, что или самъ онъ, или кто изъ его подручниковъ въ угоду ему составилъ эту ложную хронику Турпина. Первое извѣстіе объ этой хроникѣ встрѣчается въ 1092 году, когда Каликстъ былъ еще только архіепископомъ въ Вьяннѣ; это былъ Гюи de Bourgogne, Гвидо Бургонскій, меньшій братъ Раймонда Бургундскаго, которому его жена Уррака, дочь Альфонса VI, принесла въ приданое графство Галисію съ главнымъ городомъ Компостелло. Ставъ потомъ папою, Каликстъ II, можетъ быть, своимъ папскимъ авторитетомъ прикрылъ благочестивый подлогъ, который онъ еще во Франціи пустилъ въ ходъ подъ именемъ хроники Турпина. Во всякомъ случаѣ, было въ интересахъ вьянскаго архіепископа — этой ложью прославить Компостелло, связавъ его съ чудесами апостола Іакова, какъ для церковныхъ доходовъ, такъ и для ав-

торитета брата своего, Раймонда Бургундскаго, владѣтеля Компостелло и родоначальника второй линіи королей кастильскихъ.

Впрочемъ, кто бы ни смастерилъ этотъ знаменитый подлогъ, во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что онъ относится къ концу XI вѣка.

По разсказу ложной хроники Турпина, Карлъ предпринялъ походъ въ Испанію по повелѣнію апостола Іакова, который самъ явился ему въ чудесномъ видѣніи.

Однажды Карлъ, утомившись своими воинскими подвигами, вдругъ видитъ на небѣ цѣлый звѣздный путь, который шелъ отъ моря французскаго, между Франціею и Аквитаніею, потомъ проходилъ черезъ Гасконію, страну Басковъ, и достигъ до Галисіи, гдѣ оставались еще въ безвѣстности мощи св. Іакова. И въ теченіе нѣсколькихъ дней Карлъ видѣлъ тотъ звѣздный путь, недоумѣвая, что̀ онъ значитъ, какъ, наконецъ, является передъ нимъ прекрасный рыцарь, и спрашиваетъ: «Чего ты желаешь, сынъ мой»? — «Кто ты, господине»? возразилъ Карлъ. — «Азъ есмь апостолъ Іаковъ, отвѣчалъ явившійся: — сынъ Зеведеевъ, братъ евангелиста Іоанна, избранный вмѣстѣ съ нимъ на морѣ галилейскомъ проповѣдовать слово божіе народамъ. Потомъ меня поразилъ мечъ Ирода, а мощи мои скрываются въ Галисіи, безславно попираемые сарацынами. Тебѣ назначено освободить меня изъ рукъ моавитянъ. Звѣздная полоса, которую ты зришь на небѣ, указываетъ тебѣ путь, по которому ты долженъ слѣдовать во главѣ многочисленнаго войска, и по которому послѣ тебя будутъ проходить народы, прославляя Бога и чудеса его угодниковъ» (то-есть богомольцы къ С.-Яго компостельскому).

Итакъ, вотъ тотъ легендарный оборотъ, который былъ данъ Карлову походу въ Испанію и ронсевальскому побоищу средневѣковымъ благочестіемъ, ловко обманутымъ удачною ложью, поддерживаемою самимъ папою Каликстомъ II. То-есть: походъ Карла противъ сарацынъ — одно изъ чудесъ самого апостола Іакова.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что ронсевальское побоище составляетъ только эпизодъ Турпиновой хроники.

Вотъ главные герои этого повѣствованія, составляющаго варіантъ редакціи Турольда:

Въ Саррагосѣ царствуютъ два короля, оба братья: Марсилліусъ и Белигандъ. Карлъ посылаетъ къ нимъ Ганелона, чтобъ они крестились, и дали ему дань. — Сарацынскіе короли посылаютъ Карлу тридцать вьючныхъ лошадей съ сокровищами, шестьдесятъ съ сладкимъ виномъ и сто съ прекрасными дѣвицами. — Между тѣмъ, они уговариваются съ Ганелономъ, который долженъ предать имъ французовъ. Ганелонъ возвращается во французскій станъ съ богатою добычею, которая очень дорого обошлась французамъ, потому что въ то время, какъ сарацыны собирались напасть на французскихъ воиновъ, эти послѣдніе въ своемъ станѣ пили вино, и веселились съ присланными изъ Саррагосы прекрасными невольницами. — Эта подробность, бросающая тѣнь на христіанскихъ героевъ, у Турольда, какъ мы видѣли — устранена.

Сарацыны нападаютъ на французовъ — и послѣ разныхъ колебаній счастія, избиваютъ весь арріергардъ. — Но Марсиллъ убитъ Роландомъ. — Изъ французовъ въ ронсевальской долинѣ, остаются только Роландъ, Бальдевейнъ и Тедрихъ. — Роландъ раненъ. Онъ такъ страшно трубитъ въ рогъ, что раскалываетъ его надвое. — Тедрихъ присутствуетъ при кончинѣ Роланда, и его исповѣдуетъ; душу Роланда ангелы возносятъ на небо.

Турпинъ тогда находился при Карлѣ. Изъ вѣщаго видѣнія онъ узнаетъ о случившемся, и сообщаетъ Карлу, что душу Роланда вознесъ на небо архангелъ Михаилъ, а душу Марсилла демоны низвергли въ адъ. Вслѣдъ за тѣмъ, является Бальдевейнъ, и подтверждаетъ Карлу истину этого видѣнія. Карлъ тотчасъ возвращается съ войскомъ отомстить пораженіе. На ронсевальской долинѣ оплакиваетъ трупы Роланда и Оливье, и слѣдуетъ за сарацынами, а солнце на цѣлые три дня неподвижно останавливается на небѣ. Карлъ достигаетъ сарацынъ на Эбро

и истребляетъ ихъ 4,000; потомъ возвращается въ ронсевальскую долину.

Конецъ разсказа о судѣ надъ Ганелономъ тотъ же. Тьерри, поразившій въ единоборствѣ Пинабеля, есть тотъ самый Тедрихъ, который присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Роланда.

Вильгельмъ Гриммъ, въ своемъ отличномъ предисловіи къ нѣмецкому Ruolandes liet (пѣсня о Роландѣ) 1838 г., разсматриваетъ обстоятельно и съ большимъ филологическимъ и эстетическимъ тактомъ всѣ редакціи этого поэтическаго сказанія, и во многомъ отдаетъ Турпиновой хроникѣ предпочтеніе передъ Турольдомъ, въ первобытности эпическихъ мотивовъ.

Изъ этихъ мотивовъ, особенно обращаютъ на себя вниманіе два:

1) У Турольда ненависть Ганелона къ Роланду — мѣсто темное, сбивчивое, хотя на этой ненависти держится вся завязка поэмы. Странно, почему оскорбился Ганелонъ тѣмъ, что Роландъ именно ему рекомендуетъ ѣхать посломъ къ Марсиллу, когда этой чести домогался и самъ Роландъ, и другіе знаменитые герои. — У Турпина предательство Ганелона объясняется очень просто, и согласно съ жадностью варварскихъ временъ. Ганелона просто подкупили сарацынскіе короли, и изъ-за денегъ Ганелонъ предаетъ своихъ. — Турольдъ видимо хотѣлъ смягчить предательство болѣе благороднымъ мотивомъ, для того, чтобъ не слишкомъ унизить французскаго барона. Поэтому, мы видимъ, что и во время суда, Ганелонъ не теряетъ своего нравственнаго достоинства. Это уже черта искусственная и относится къ эпохѣ болѣе развитой. Мотивъ алчности заимствованъ въ ложной хроникѣ Турпина изъ источниковъ древнѣйшихъ.

2) Точно также, Турольдъ не хотѣлъ бросить тѣни на французское войско грязною картиною пьянства и разврата, которымъ предаются французы, передъ тѣмъ, какъ захватили ихъ въ расплохъ въ узкомъ ущельи сарацыны. По убѣжденіямъ Турольда, защитники христіанства противъ мусульманъ должны были чис-

тые душою и тѣломъ — приступить къ рѣшительной битвѣ. Древній народный эпизодъ, откуда черпала Турпинова хроника, еще не зналъ этой тонкости, и изобразилъ французскихъ воиновъ, какъ обыкновенныхъ солдатъ, падкихъ на лакомую добычу, хотя бы она досталась и отъ сарацынъ и могла бы наложить грѣхъ на душу.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, Турпинова хроника есть уже прозаическое, испорченное переложеніе полатыни древнихъ народныхъ пѣсенъ, между тѣмъ, какъ пѣсня Турольда отличается свѣжестью родныхъ звуковъ французскаго языка.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать два слова о томъ, на какомъ языкѣ первоначально произошла пѣсня о Роландѣ, на провансальскомъ или на французскомъ. Иные ученые стоятъ за провансальское происхожденіе, основываясь на самой мѣстности, которая была поприщемъ описываемыхъ подвиговъ. Но судя по складу пѣсни и по грубымъ первобытнымъ мотивамъ, уцѣлѣвшимъ въ ложной хроникѣ Турпина, видно, что этотъ строгій эпическій стиль не имѣетъ ничего общаго съ характеромъ провансальской поэзіи. Въ то время, какъ въ Провансѣ начинается уже новый искусственный лирическій родъ поэзіи, къ сѣверу, въ собственной Франціи еще процвѣтала эпическая простота ранняго, безъискусственнаго творчества. Скорѣе можно предположить, что пѣсни о Роландѣ и Карлѣ-Великомъ были общимъ достояніемъ не только французскаго, но и нѣмецкаго сосѣдняго населенія, но въ Провансѣ ранѣе онѣ подверглись искусственной переработкѣ.

1864 г

ИСПАНСКІЙ НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ О СИДѢ.

Имя Сида давно пользуется извѣстностью въ нашей литературѣ, благодаря Жуковскому, который еще въ 1832 году перевелъ нѣсколько романсовъ объ этомъ героѣ съ Гердерова нѣмецкаго перевода. Сверхъ легкости и нѣжности стиха Жуковскаго, наша публика постоянно питала интересъ къ этимъ романсамъ, сначала, въ эпоху господства романтическаго вкуса, потому что они рисуютъ средніе вѣка, а въ послѣдствіи, когда яснѣе опредѣлилось значеніе народной поэзіи, потому что они предлагаютъ оригинальный образецъ историческаго эпоса.

Если народный эпосъ котораго либо одного изъ индо-европейскихъ народовъ основывается на миѳологическихъ преданіяхъ; то сравнительная миѳологія индо-европейскихъ народностей, такъ удачно разрабатываемая въ настоящее время, предложитъ много данныхъ для сравнительнаго изученія такого эпоса. Это, безъ сомнѣнія, можно сказать объ эпосѣ нѣмецкомъ вообще и о сѣверномъ въ особенности. Если же народный эпосъ слагается преимущественно изъ элементовъ историческихъ, то-есть, значительно позднѣйшихъ, каковы французскія такъ называемыя Chansons de Geste или испанскіе романсы о Сидѣ; то собственно сравнительный методъ, основанный на мысли о первобытномъ сродствѣ индо-европейскихъ народностей, такъ же мало можетъ

быть примѣненъ къ этимъ произведеніямъ романскихъ племенъ, какъ къ новелламъ Боккачіо или къ Письмовнику Курганова.

Эпосъ романскихъ племенъ, сосредоточенный на историческихъ личностяхъ и развитый въ обстановкѣ христіанскихъ понятій и обычаевъ, рѣзко отдѣляется искусственностью въ жизни и въ литературѣ отъ первобытныхъ зачатковъ индо-европейской миѳологіи, бывшихъ нѣкогда общимъ достояніемъ всѣхъ одноплеменныхъ народовъ. Въ *Пѣснѣ о Роландѣ*, равно какъ и въ *Романсахъ о Сидѣ*, уже христіанская легенда заступаетъ мѣсто миѳологическаго чудеснаго. Сравнивать между собою такія произведенія можно только исторически, то-есть, указывая на позднѣйшее литературное вліяніе одного произведенія на другое, или ставя ихъ на одинаковой степени относительно выражаемаго ими историческаго развитія ранней цивилизаціи во Франціи и Испаніи. Слѣдуя этому методу, нѣкоторые ученые объясняютъ себѣ испанскую поэму о Сидѣ XII вѣка вліяніемъ французскихъ Chansons de Geste и особенно вліяніемъ Пѣсни о Роландѣ. По этому же методу можно изучать сравнительно народный бытъ французскій и испанскій, по скольку тотъ и другой отразились въ раннихъ эпическихъ произведеніяхъ этихъ обѣихъ націй.

Обращаясь къ русскимъ былинамъ, сначала надобно постановить на видъ, что наши ученые еще не успѣли согласиться въ пути, по которому слѣдуетъ разрабатывать русскій народный эпосъ. Одни надѣются открыть въ немъ первобытныя основы, общія всѣмъ индо-европейскимъ народамъ, и усвоиваютъ себѣ собственно сравнительный методъ. Другіе, опасаясь, чтобъ сравнительная миѳологія не завела изслѣдователей слишкомъ далеко, ограничиваются методомъ историческимъ, и въ русскихъ былинахъ только то считаютъ существенно важнымъ, въ чемъ выражается позднѣйшій историческій бытъ русскаго народа.

Кто допускаетъ методъ собственно сравнительный, тотъ можетъ, напримѣръ, сблизить Илью Муромца съ Торомъ или съ другимъ какимъ нибудь лицомъ миѳологическаго эпоса родственныхъ индо-европейскихъ народовъ. Если же кто нибудь взду-

малъ бы сравнить того же русскаго богатыря съ Роландомъ или Сидомъ, съ личностями историческими, оторванными отъ раннихъ основъ миѳологическаго эпоса и развитыми въ эпосѣ собственно историческомъ; то это сравненіе было бы только случайнымъ сопоставленіемъ двухъ совершенно разнородныхъ личностей — одной изъ русскаго быта, другой — изъ французскаго или испанскаго, неимѣющихъ между собою ничего общаго, не соприкасавшихся другъ съ другомъ въ эпоху созданія этихъ эпическихъ идеаловъ.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сравненіе возможно только въ одномъ отношеніи, именно, по степени развитія народнаго быта, выраженнаго въ русскихъ былинахъ съ одной стороны, и въ пѣснѣ о Роландѣ или въ романсахъ о Сидѣ съ другой. И русскій бытъ, и французскій или испанскій, тотъ и другой исторически слагались независимо другъ отъ друга, но могли между собою сходствовать, какъ по врожденному всѣмъ народамъ единообразію въ общихъ началахъ историческаго развитія, такъ и по христіанскимъ основамъ, общимъ въ цивилизаціи всѣхъ европейскихъ народовъ, и католическихъ, и православныхъ.

Въ романскомъ эпосѣ, дѣйствительно, можно найти много подробностей, сходныхъ съ встрѣчающимися въ нашихъ былинахъ. Сходство это, безъ сомнѣнія, не имѣетъ ничего общаго съ единствомъ первобытныхъ основъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Оно скорѣе объясняется вообще простотою и грубостью ранней цивилизаціи средневѣковыхъ народовъ, нѣкоторыми обычаями, которые искусственными путями распространялись между народами, у однихъ раньше, у другихъ позднѣе, наконецъ вліяніемъ христіанства, церковныхъ книгъ и другихъ литературныхъ источниковъ, общихъ и на Востокѣ, и на Западѣ.

Французскіе герои въ Chansons de Geste, такъ же какъ наши богатыри въ былинахъ, отличаются непомѣрною силою, и въ этомъ случаѣ сохраняютъ въ себѣ нѣкоторыя черты сверхъестественныхъ личностей древнѣйшаго миѳологическаго эпоса, хотя уже значительно искаженныя сказочною фантастичностью

и болѣе или менѣе сближенныя съ средневѣковыми легендами. Гакъ *Графъ Вильгельмъ Курносый* или *Оранжскій*[1]), подъ конецъ своей тревожной воинской жизни, спасая свою душу въ монашескихъ трудахъ, однажды, будучи посланъ изъ монастыря за покупкою рыбы, встрѣчаетъ въ лѣсу разбойниковъ и отдѣлывается отъ нихъ съ такимъ же молодечествомъ и непомѣрною силою, какими въ былинахъ характеризуются русскіе богатыри. Однимъ ударомъ кулака Вильгельмъ поразилъ самого атамана, потомъ другаго разбойника, потомъ схватилъ еще двоихъ и такъ стукнулъ другъ о друга, что разможжилъ ихъ черепы; схватилъ еще одного, и, махнувши имъ три раза въ воздухѣ, разшибъ въ дребезги объ дубъ. Тогда остальные разбойники стали метать въ него копьями. Плохо пришлось графу, и только тогда онъ догадался, что аббатъ его предалъ, намѣренно пославши мимо разбойничьяго стана и не велѣвъ ему вооружаться ни латами, ни щитомъ. Сверхъ того аббатъ велѣлъ ему ничѣмъ другимъ не драться, какъ *плотью* и *костью;* потому Вильгельмъ выломилъ у одного изъ лошаковъ ногу съ окорокомъ, и сталъ ею такъ ловко помахивать, что перебилъ остальныхъ разбойниковъ. Потомъ, помолившись Богу объ исцѣленіи лошака, онъ приставилъ къ нему выломленную ногу, и нога, по повелѣнію Божію, тотчасъ приросла.

Этотъ послѣдній мотивъ отзывается глубокою древностью. Также чудеснымъ образомъ воскрешаетъ своего козла Скандинавскій Торъ — миѳъ, который, по мнѣнію нѣмецкихъ ученыхъ, впослѣдствіи былъ перенесенъ на Сильвестра папу въ сказаніи о томъ, какъ онъ воскресилъ быка.

Подобное же приключеніе хроника монастыря Новалезе приписываетъ Вальтеру Аквитанскому во время его монашества.

Вмѣстѣ съ страшною силою, герои, какъ наши богатыри, непомѣрно много пьютъ и ѣдятъ. Такъ *Ожье Датскій* ѣлъ въ пятеро больше обыкновеннаго воина.

---

[1]) Jonckbloet, Guillaume d'Orange. 1854 г., II, стр. 134 и слѣд.

Французскіе герои раннихъ эпическихъ сказаній, еще не успѣвшихъ принять на себя искусственный лоскъ рыцарской сентиментальности, отличаются суровыми нравами и варварскою жестокостью, не уступая въ этихъ качествахъ нѣкоторымъ изъ нашихъ богатырей.

Для примѣра вотъ нѣсколько выдержекъ изъ *пѣсни о Логеренахъ* или *Лорренахъ* (Loherains, Lorrains)[1]. Вся эта пѣсня наполнена повѣствованіями о междуусобныхъ стычкахъ между феодальными фамиліями. Въ описаніи воинскаго быта чувствуется еще ранняя, суровая эпоха. Въ повѣствованіи о враждѣ сыновей Гервиса Метцкаго, Гарена Лорренскаго и Бега или Бегона де Белэнъ съ фамиліею Фромона Бордосскаго, между прочимъ разсказывается, какъ Бегонъ, убивши на поединкѣ своего врага Изоре, бросился на его трупъ, распоролъ ему грудь (какъ обыкновенно дѣлаютъ и наши богатыри), и, вынувши оттуда сердце, бросилъ его въ лицо родственнику убитаго, воскликнувши: «вотъ тебѣ сердце твоего двоюроднаго брата! хоть посоли его, хоть изжарь»!

Гаренъ былъ убитъ. Сынъ его, Жирберъ, отправляясь въ Парижъ къ королю Пепину, на пути встрѣтился съ однимъ изъ убійцъ своего отца, и жестоко отмстилъ ему. Отрубилъ ему голову, распоролъ грудь и животъ, внутренности кинулъ въ рѣку, и, изрубивши трупъ на мелкія части, разбросалъ ихъ по полю. Къ такимъ же точно жестокостямъ не разъ прибѣгаютъ и наши богатыри, даже самъ Илья Муромецъ, впрочемъ, при всей его гуманности, сравнительно съ другими его товарищами. Вотъ напримѣръ, какъ онъ поступаетъ съ своимъ роднымъ сыномъ, Сокольникомъ:

Ударилъ Сокольника въ бѣлы груди
И вышибъ выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго;
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,

---

[1]) Histoire littéraire de la France, XXII, стр. 587 и слѣд.

Выбивалъ головой, какъ пивной котелъ;
Выскочетъ Илья изъ бѣла шатра,
Хватилъ за ногу на другу наступилъ,
На полы Сокольничка разорвалъ,
Половину бросилъ въ Сахатарь рѣку,
А другую оставилъ на своей сторонѣ:
«Вотъ тебѣ половинка, мнѣ другая:
«Раздѣлилъ я Сокольничка, охотничка».

Еще безчеловѣчнѣе казнитъ онъ свою дочь:

Ступилъ онъ паленицы на лѣву ногу.
И подергнулъ паленицу за праву ногу:
Онъ ю на двое порбзорвалъ.
Первую частиночку рубилъ онъ на мелки куски
И рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
Кормилъ эту частиночку сѣрымъ волкамъ;
А другую частиночку рубилъ онъ на мелки куски,
Рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
Кормилъ эту частиночку чернымъ воронамъ [1]).

При суровости нравовъ вообще, положеніе женщины во французскихъ Chansons de Geste очень не завидное и во многомъ сходно съ описываемымъ въ нашихъ былинахъ. Жестокое обращеніе съ женщинами тѣмъ непріятнѣе поражаетъ во французскихъ пѣсняхъ, что произведенія эти, рядомъ съ варварскими выходками, грубымъ отсадкомъ старины, предлагаютъ образщики и рыцарской вѣжливости.

Въ примѣръ жестокости можно привести изъ *пѣсни о Доонѣ Маинцкомъ* [2]) подробности о томъ, какъ его мать оклеветалъ Сенешаль Гершамьо въ убійствѣ ея мужа, графа Маинцкаго Гюи, то-есть, отца героя пѣсни, Доона. Сенешаль схватилъ графиню за косы и притащилъ на судилище, гдѣ собравшіеся ба-

---

[1]) Смотр. Кирѣевск. Пѣсни 1, 15; Рыбник. Пѣсни I, 80, 74—75. Слич также въ монографіи: *Русскій богатырскій эпосъ*.

[2]) Les anciens poétes de la France. Doon de Maience, par Pey. 1859.

роны такъ же безчеловѣчно съ нею обращаются, рвутъ ей косы и связываютъ руки такъ крѣпко, что кровь изъ подъ ногтей показалась.

Французскіе герои уже, какъ рыцари, говорятъ комплименты своимъ дамамъ, но часто поступаютъ съ ними такъ же наивно и грубо, какъ наши нецивилизованные богатыри. Въ то время, какъ *Роландъ* совершаетъ подвиги на полѣ битвы, его невѣста *Альда*, стоя на городской стѣнѣ во враждебномъ войскѣ, любуется на своего рыцаря и, будто сама напрашиваясь, бросаетъ ему вызывающій намекъ: «я думаю, что ужъ вѣрно не пощадили бы вы и меня, если бы вамъ удалось похитить меня отсюда въ свою палатку». Роландъ не вытерпѣлъ, бросился на валъ, схватываетъ Альду и увлекаетъ къ себѣ въ палатку [1]).

У насъ въ старину выдавали дѣвицу за мужъ, не только не справляясь съ ея сердцемъ, но даже до самаго вѣнца не сказывая ей, за кого ее выдаютъ, будто это дѣло вовсе и не ея касается. Тотъ же обычай не разъ проглядываетъ во французскихъ Chansons de Geste. Такъ въ *пѣснѣ о четверыхъ сыновьяхъ Аймона*, гасконскій король Іонъ такимъ же порядкомъ выдаетъ свою сестру Кларину за знаменитаго Ринальда, одного изъ этихъ четверыхъ героевъ. Король приходитъ къ Кларинѣ и увѣдомляетъ ее, что онъ, безъ ея вѣдома, уже отдалъ ея руку жениху. Сестра въ смущеніи и страхѣ спрашиваетъ: «ради Бога, скажите, кому вы меня отдали»? — «Будь спокойна, прекрасная сестра! Лучшему изъ рыцарей, какой когда либо опоясывалъ свой мечъ: я тебя отдалъ статному Ринальду, сыну Аймона». Услышавши то — продолжаетъ пѣсня — дѣвица успокоилась [2]).

Униженіе правъ женщины развиваетъ и поддерживаетъ въ ней обманъ, хитрость и дурныя наклонности. Наши былины любятъ изображать княгиню Апраксѣевну въ роли Пентефріевой жены. Точно также, супруга короля Карла, *Галіенна*, полюбила

---

[1]) «Lai en feist toute sa volonté» Histoire lit. de la France. XXII, стр. 455.
[2]) Ibid., стр. 682.

Гарена Монглянскаго, и разъ сдѣлала ему сцену въ родѣ той, какая была между Іосифомъ Прекраснымъ и супругою Фараонова царедворца. Когда Гаренъ отвергъ ласки королевы, на ея вопли пришелъ самъ Карлъ, и королева должна была признаться, что страстно любитъ Гарена. Карлъ поклялся убить соперника. Съ этою цѣлью онъ садится съ нимъ играть въ шахматы. Если выиграетъ Гаренъ, можетъ взять, что̀ хочетъ, даже корону Франціи и самое королеву, а если проиграетъ, заплатитъ своею головою. Садясь играть, поклялись они на крестѣ и Евангеліи. Гаренъ выигралъ, но не потребовалъ отъ Карла условленнаго заклада [1]).

Я привелъ эти послѣднія подробности для того, чтобъ показать, какъ онѣ сходны съ описанными не разъ въ нашихъ былинахъ. Игра въ шахматы и у нашихъ богатырей и ихъ супругъ, и у французскихъ героевъ и героинь — самая употребительная забава. И у насъ, и во Франціи, эпическіе игроки, садясь играть въ шахматы, бьются «о великъ закладъ».

Мы еще разъ воротимся къ мелкимъ бытовымъ подробностямъ, общимъ въ нашихъ пѣсняхъ и въ французскихъ Chansons de Geste; а теперь, въ разсужденіи положенія женщины, почитаю необходимымъ заключить слѣдующимъ сравненіемъ.

Запава Путятишна, отличающаяся отъ другихъ своихъ современницъ эманципированнымъ характеромъ, сама приходитъ къ Соловью Будимировичу свататься. Это жениху не понравилось:

Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица, въ любовь пришла,
А тѣмъ мнѣ ты, дѣвица, не слюбилася,
Что сама себя, дѣвица, просватала [2]).

Тотъ же мотивъ встрѣчаемъ и въ романскомъ эпосѣ, не смотря на значительное развитіе понятій о достоинствахъ женщины, внесенное въ Chansons de Geste рыцарскими нравами. По смерти

---

[1]) Ibid., стр. 441.

[2]) Слич. Рыбник. Пѣсни 1, 331, и монографію: *Русскій богатырскій эпосъ.*

герцога Бургонскаго, король Карлъ предлагаетъ *Жирару Віанскому* Бургонью, а въ супруги ему прекрасную вдову того герцога. Потомъ Карлъ раздумалъ, потому что самъ плѣнился красотою вдовы и хотѣлъ на ней жениться. Но герцогинѣ больше нравится Жираръ. Она сама къ нему приходитъ и объявляетъ ему, что его любитъ, и сама предлагаетъ ему свою руку. Тогда Жираръ съ негодованьемъ ее спрашиваетъ: «не ужели обычай измѣнился, и теперь принято, чтобъ сами невѣсты приходили свататься»? [1])

Изъ множества мелкихъ подробностей, общихъ нашимъ былинамъ и романскому эпосу, для примѣра приведу нѣсколько. Иныя подробности объясняются вліяніемъ разныхъ сказокъ и сказаній, въ ранніе средніе вѣка распространенныхъ и на востокѣ, и на западѣ; иныя — объясняются одинаковыми или сходными условіями и обстоятельствами историческаго быта.

Узнавать человѣка, долго отсутствовавшаго, по кольцу, которое когда-то было дано ему — мотивъ самый общій и въ сказкахъ, и въ эпизодахъ народнаго эпоса. Такъ въ *пѣснѣ о Жирарѣ Русильёнскомъ*, королева узнаетъ этого героя между нищими въ церкви, по кольцу, которое она сама нѣкогда дала́ ему.

Какъ мать Добрыни Никитича, послѣ многолѣтней его отлучки, на силу узнаётъ его, страшно измѣнившагося отъ непогоды и всякихъ превратностей, претерпѣнныхъ на пути; такъ и супруга *Аймона* узнаётъ своего сына Ринальда по ранѣ, полученной имъ въ дѣтствѣ, не смотря на то, что отъ лишеній во время семилѣтняго скитальчества онъ страшно измѣнился: кожа на немъ одеревенѣла, а лицо почернѣло.

Карлъ воспитывалъ при себѣ *Гарнье Нантёйлскаго*, внука Доона Маинцкаго, и очень любилъ его[2]); бралъ съ собою на охоту и всегда держалъ при себѣ, а когда ложился спать, то Гарнье приходилъ въ спальню и забавлялъ Карла пѣснями. Этотъ придвор-

---

[1]) Histoire lit. de la France. XXII, стр. 450.

[2]) Въ пѣснѣ Gui de Nanteuil, изд. Мейеромъ, 1861 г.

ный обычай соотвѣтствуетъ въ нашихъ былинахъ должности княженецкаго *постельничаго*. При князѣ Владимірѣ [1]) въ этой должности особенно знаменитъ былъ Чурило Пленковичъ:

И живетъ то Чурило въ постельникахъ,
Стелетъ перину пуховую,
Кладываетъ зголовьице высокое,
И сидитъ у зголовьица высокаго,
Играетъ въ гуселышки яровчаты,
Спотѣшаетъ князя Владиміра
А княгиню Опраксію больше того [2]).

Въ былинѣ о Ермакѣ [3]), казаки, чтобъ увеличить свое войско въ глазахъ непріятеля, прибѣгнули къ хитрости:

Подѣлали людей соломенныхъ
И нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было у Ермака дружины триста человѣкъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.

Въ *Пѣснѣ объ Ожье Датскомъ*, Карлъ осаждаетъ этого героя въ замкѣ Кастельфоръ. Послѣ продолжительной осады, Ожье теряетъ, одного за другимъ, всѣхъ своихъ воиновъ, и въ крайности прибѣгаетъ къ подобной же хитрости. Какъ искусный скульпторъ, надѣлалъ онъ изъ дерева воиновъ, съ ногъ до головы одѣлъ въ вооруженіе, и, для большаго страха врагамъ, изъ хвоста своего коня подѣлалъ этимъ чучеламъ длинныя бороды и распустилъ ихъ. Хитрость произвела полный успѣхъ. Карлъ вообразилъ, что самъ адъ помогаетъ Ожье, замѣняя убитыхъ воиновъ живыми.

Борода, имѣющая не малое значеніе во внѣшнемъ типѣ нашихъ богатырей, равно какъ и въ иконописныхъ подлинникахъ

---

[1]) Рыбник. Пѣсни 1, 265.
[2]) Слич. во французской пѣснѣ:
Quant le roi vent dormir, Garniers est au couchier,
Et dit chansons et sons por le noi solacier.
[3]) Кирш. Данил., стр. 116.

древней Руси, играетъ не послѣднюю роль и въ бытѣ, и въ эпическихъ выраженіяхъ у Романскихъ народовъ, напр. въ знаменитой *Пѣснѣ о Роландѣ*, въ древнѣйшихъ источникахъ испанскаго эпоса о Сидѣ [1]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ очевидно, что сближеніе нашихъ былинъ съ эпизодами Романскаго эпоса можетъ быть только случайное, основанное на общихъ источникахъ и на одинаковомъ уровнѣ историческаго развитія быта и соотвѣтствующихъ быту поэтическихъ представленій. И на оборотъ, различныя степени бытоваго и политическаго развитія отражаются и въ поэзіи различіемъ въ типахъ нашихъ богатырей и романскихъ героевъ. Такимъ образомъ Сидъ Кампеадоръ, по однимъ сказаніямъ испанскаго эпоса извѣстной эпохи, можетъ сходствовать съ нашимъ Ильею Муромцемъ, по другимъ — существенно отъ него отличаться.

Даже во французскихъ Chansons de Geste, не смотря на господствующіе въ нихъ рыцарскіе нравы и на искусственность въ жизни и въ поэтическомъ ея воспроизведеніи, встрѣчается много сходнаго съ тѣми обстоятельствами, которыми наша былина окружаетъ Князя Владиміра; и какъ нашъ Илья Муромецъ, въ сознаніи своей независимости, отказывается служить при дворѣ княженецкомъ, также поступаютъ и нѣкоторые изъ французскихъ героевъ въ отношеніи къ своему Карлу.

Такъ напримѣръ, въ *Пѣснѣ о Вильгельмѣ Курносомъ* или *Оранжскомъ*, Ренье Генуэзскій и Жираръ Віанскій отправляются ко двору Карла Великаго; но они принуждены были въ Реймсѣ долго ждать, пока ихъ допустятъ къ королю. Потерявъ терпѣніе, они — какъ Илья Муромецъ въ нашихъ былинахъ — силою врываются во дворецъ и садятся за столъ, и потомъ дѣлаютъ разныя безчинства, будучи недовольны пріемомъ, сдѣланнымъ имъ при дворѣ. Впрочемъ въ послѣдствіи Карлъ взялъ ихъ къ себѣ на службу, Жирара сдѣлалъ стольникомъ, а Ренье чаш-

---

[1]) Смотр. въ монографіи: *О Русскомъ богатырскомъ эпосѣ*.

никомъ. Однако эта служба кажется обоимъ братьямъ постыдною, точно такъ же, какъ нашъ Муромскій крестьянинъ не вмѣняетъ себѣ въ почесть придворные чины при особѣ князя Владиміра.

I.

Донъ Руи, или *Родриго Діасъ*, великій герой испанскаго народнаго эпоса, жилъ и прославился своими подвигами въ XI столѣтіи, при короляхъ Фердинандѣ Великомъ и Альфонсѣ VI. Обыкновенно слыветъ онъ подъ именемъ *Сида*. Это прозвище будто бы получилъ онъ отъ пятерыхъ Мавританскихъ королей, которые, бывъ взяты имъ въ плѣнъ и потомъ имъ же освобождены, назвали его своимъ *сеидомъ*, или *господиномъ* и *побѣдителемъ*. Иначе прозывается онъ *Кампеадоръ* (Campeador), то-есть, знаменитый наѣздникъ, при существительномъ *campeda* — наѣздъ, схватка, а это слово отъ глаг. *campear* — держаться въ полѣ, наѣздничать, отличаться на полѣ битвы; такъ что campeador вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему слову *поленица*, которымъ въ русскихъ былинахъ именуются богатыри; *поляница полякуетъ*, то есть, подвизается на полѣ битвы; потому вмѣсто поляницы употребляется и *полякъ*, то же въ смыслѣ воителя [1]). Въ латинскихъ источникахъ Campeador измѣняется въ формы: Campeator, Campiator, Campidator, Campiductor, и даже въ Campidoctor, какъ въ латинской поэмѣ XII в. о Сидѣ [2]). Самъ Сидъ въ оффиціальныхъ актахъ иногда подписывался: Campiator.

Разсказы о происхожденіи Сида и о его молодости исполнены разными выдумками и баснями; но исторически достовѣрно [3]),

---

[1]) Али ты *полякъ* есть, поленской сынъ, али ты *поленица* удалая? Рыбниковъ. Пѣсни, II, стр. 257.

[2]) Edélestand du Méril, Poésies populaires latines du moyen age. 1847 г., стр. 309.

[3]) Объ историческихъ подробностяхъ народнаго испанскаго эпоса см. Damas Hinard, Poëme du Cid. Paris 1858.

какъ кажется, что онъ родился въ семействѣ простыхъ граждан, впрочемъ пользовавшихся муниципальными почестями въ Бургосѣ [1]), о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь при разборѣ стихотворной хроники о Сидѣ XII—XIII в. Отъ 1055 до 1060 г. этотъ герой уже такъ прославился своими подвигами, что сопровождалъ Фердинанда I въ завоеваніи Португаліи, занималъ видное мѣсто между вассалами, и, вѣроятно, тогда получилъ прозваніе по своему замку *de Vivar*, или *Bivar*, отстоящему на двѣ мили отъ Бургоса, и данному отъ короля этому герою за его воинскія заслуги. По менѣе достовѣрнымъ преданьямъ, будто бы Сидъ и родился въ Биварѣ.

Фердинандъ передъ своею смертію, послѣдовавшею въ 1065 г., раздѣлилъ свое королевство между дѣтьми: старшему сыну Санчо далъ онъ Кастилью, Альфонсу — Леонъ, Гарсіи — Галисію и часть только-что завоеванной Португаліи, а дочерямъ—Эльвирѣ Торо и Урракѣ Замору. Сидъ сталъ служить королю Донъ-Санчо и прославился новыми подвигами въ походахъ, предпринятыхъ этимъ королемъ противъ обоихъ его братьевъ. Сначала былъ побѣжденъ Донъ-Гарсія и низверженъ съ престола, потомъ, въ кровопролитной битвѣ, гдѣ особенно отличился Сидъ, было разбито и войско Леонское, и самъ Альфонсъ былъ схваченъ въ церкви Богородицы въ Карріонѣ и отвезенъ въ Бургосъ.

Ставъ господиномъ владѣній своихъ братьевъ, Донъ-Санчо задумалъ отнять и у сестеръ ихъ наслѣдственные участки. Эльвира сама отдала ему Торо; но Уррака рѣшительно воспротивилась, и Донъ-Санчо осадилъ Замору, и едва было не взялъ, еслибы одинъ изъ воиновъ осажденнаго города, Заморянинъ Беллидо Дольфосъ, не рѣшился на отчаянный подвигъ. Онъ вышелъ изъ осажденной Заморы, напалъ на самого короля въ расплохъ и пронзилъ его копьемъ (въ 1072 г.).

Сидъ находился тогда въ королевскомъ станѣ, гдѣ отличался необыкновенною храбростью, и былъ свидѣтелемъ предательскаго

[1]) По самому названію своему *Burgos* происхожденія нѣмецкаго, отъ *burg*; основанъ, безъ сомнѣнія, Вестъ-Готѳами.

убійства, совершеннаго Заморяниномъ Беллидо; бросился за нимъ въ слѣдъ, но не догналъ.

Между тѣмъ Донъ-Альфонсъ былъ освобожденъ изъ плѣна, съ условіемъ кончить свою жизнь въ монахахъ, но потомъ бѣжалъ изъ монастыря въ Толедо, къ Аль-Мамуну, и жилъ у него до тѣхъ поръ, пока не узналъ о смерти Донъ-Санчо. Послѣ того явился въ христіанской Испаніи, и Кастильцы должны были поднести ему корону; однако, признавая его своимъ королемъ, они взяли съ него клятву въ томъ, что онъ не принималъ никакого участія въ убійствѣ своего брата Донъ-Санчо. Альфонсъ далъ клятву въ присутствіи двѣнадцати вассаловъ, между которыми главную роль игралъ Сидъ, чѣмъ обыкновенно и объясняютъ постоянное нерасположеніе Альфонса къ этому герою, не смотря на всѣ его заслуги. Впрочемъ сначала король скрывалъ отъ него свое неудовольствіе, или по крайней мѣрѣ сначала были они въ ладахъ, такъ что въ 1074 г. Донъ-Альфонсъ даже женилъ Сида на своей кузинѣ Хименѣ, на дочери Донъ-Діего, графа Астурійскаго. Однако вскорѣ Сидъ разошелся съ королемъ и оставилъ его, скрывшись въ Сарагоссѣ у короля Аль-Мутамана, въ войскѣ котораго потомъ сражался, что̀ въ тѣ времена въ Испаніи вовсе не казалось предосудительнымъ для христіанскаго воина.

Впрочемъ, когда Альфонсъ пошелъ въ походъ противъ Толедо, Сидъ опять является при немъ, и, безъ сомнѣнія, этотъ герой не мало способствовалъ въ самомъ завоеваніи этого города, потому что получилъ званіе князя Толеданской милиціи или губернатора Толедо.

Въ 1090 году дружескія отношенія между Сидомъ и королемъ опять прервались. Сидъ не успѣлъ сдержать своего обѣщанія и явиться къ королю на помощь противъ Альморавидовъ, этой новой Африканской династіи, которая владѣла Сарацинскою Испаніей съ конца XI до половины XII в. Тогда графы Кастильскіе обвинили Сида въ измѣнѣ, и Донъ-Альфонсъ за то отнялъ у него всѣ замки и земли, которыя ему пожаловалъ, и наложилъ запрещеніе даже на собственныя его владѣнія. Сколько ни оправ-

дывался Сидъ, король остался непреклоненъ. И вотъ еще разъ великій герой оставляетъ христіанскую Испанію, но теперь во всей силѣ и съ почестью, во главѣ многочисленной дружины, отправляется въ славный походъ для завоеванія земель у Мавровъ. Онъ направилъ свои походы въ восточную Испанію и, покоривъ множество испанскихъ князьковъ, обложилъ ихъ значительною данью, въ совокупности доходившею до огромной суммы.

Въ 1092 г. Аль-Кадиръ, король Валенсіи, бывшій подъ покровительствомъ Сида, былъ зарѣзанъ убійцами изъ партіи Альморавидовъ. Тогда Сидъ объявилъ непримиримую войну врагамъ по всей области Валенсіи: грабилъ и убивалъ всѣхъ безъ разбору, взялъ Валенсію разъ, а потомъ, когда этотъ городъ при помощи Альморавидовъ отложился отъ его подданства, снова подступилъ къ нему, и цѣлые десять мѣсяцевъ держалъ его въ осадѣ, до тѣхъ поръ, пока жители, вынужденные голодомъ, не сдались на капитуляцію (въ 1095 г.). Испанскіе историки говорятъ, что это была самая знаменитая въ Испаніи побѣда, одержанная не коронованною особою, а простымъ подданнымъ. Завладѣвъ Валенсіею, Сидъ управлялъ ею въ качествѣ независимаго государя, до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1099 г.

Такова была историческая дѣятельность великаго героя, прославленнаго Испанцами въ хроникахъ, поэмахъ, въ народныхъ пѣсняхъ и искусственныхъ романсахъ. Само собою разумѣется, что поэзія придавала идеальный характеръ своему любимому герою и не поскупилась на вымыслы, которыми добавила и исказила дѣйствительность; но все же въ основѣ всего эпическаго преданія, дошедшаго до насъ въ стихахъ и прозѣ, лежитъ историческая правда, которая даетъ испанскому эпосу опредѣлительный характеръ эпоса *историческаго*, рѣшительно отторгнутаго отъ миѳическихъ источниковъ, которые уже сами собою изсякли въ эпоху слiянія Романскаго и Вестъ-Готскаго населенія Испаніи въ борьбѣ христіанства съ мусульманствомъ.

Чѣмъ древнѣе эпическія преданія о Сидѣ, тѣмъ ближе къ исторической дѣйствительности характеризуютъ они суровый

воинскій бытъ, и хотя они — по обычной деликатности народнаго эпоса — щадятъ своего героя, устраняя изъ его нрава и поступковъ все, что̀ можетъ бросить на него тѣнь; однако въ описаніи окружающихъ лицъ и обстоятельствъ, даютъ они ясно разумѣть о самой ранней эпохѣ той воинской грубой жизни, изъ которой потомъ при другихъ позднѣйшихъ условіяхъ развилось рыцарство. Не смотря на очень понятные протесты испанскихъ историковъ противъ всего оскорбительнаго для памяти великаго героя, историки арабскіе повѣствуютъ о нѣкоторыхъ его дѣйствіяхъ, отличающихся жестокостью, фанатизмомъ и корыстолюбіемъ, качествами, обычными въ воинахъ XI в., и предосудительными только во времена болѣе развитыя. Такъ, взявши Валенсію, Сидъ — по сказаньямъ Арабовъ — будто бы сначала обезпечилъ жизнь и имущество низвергнутаго имъ Мавританскаго короля, но потомъ засадилъ его въ тюрьму, и пыталъ, куда онъ спряталъ свои сокровища, и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, будто бы живаго велѣлъ его сжечь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣже арабскіе источники, согласно съ эпическими преданьями Испанцевъ, свидѣтельствуютъ о Сидѣ, что «этотъ человѣкъ, хотя и бичъ своего времени, однако по любви къ славѣ, по благоразумной твердости характера и по своему героическому мужеству, былъ *однимъ изъ чудесъ* самого Господа Бога» [1]).

Для враговъ христіанской Испаніи это слишкомъ достаточное свидѣтельство въ пользу испанскаго національнаго эпоса; потому что вообще всякій народный эпосъ въ своемъ героѣ прославляетъ именно великое *чудо* національныхъ доблестей; вводя въ свое содержаніе *чудесное*, какъ необходимый элементъ, эпосъ уже по самому существу своему въ своемъ героѣ изображаетъ необычайный, сверхъестественный типъ, высшій идеалъ, господствующій своими качествами надъ прочими смертными.

Происшедшій въ неизвѣстности отъ простыхъ гражданъ города Бургоса, Донъ Родриго Сидъ только своими личными до-

[1]) Для арабскихъ свидѣтельствъ о Сидѣ смотр. Dozy, Recherches sur l'Histoire politique et littéraire de l'Espagne. Leyde. 1849.

блестями и заслугами пріобрѣлъ высшія почести феодальныхъ бароновъ и даже достигъ королевской власти. Авторъ испанской поэмы о Сидѣ XII в. говоритъ, что «теперь (то-есть въ XII в.) короли испанскіе его родственники» (hoy los reyes de España sus parientes son. Стихъ 3735). Дѣйствительно, въ генеалогіи испанскихъ королей встрѣчаются имена дочерей Сида. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что на немъ основанъ — какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ — одинъ изъ знаменитыхъ эпизодовъ испанской поэмы XII в. Итакъ, одна изъ дочерей Сида, Донья Марія Соль, была за мужемъ за Рамономъ Беренгеромъ или Беранже III, за графомъ Барселонскимъ; но она умерла, оставивъ по себѣ только дочь, съ которою прекратилась эта линія Сидова потомства. Впрочемъ Рамонъ былъ женатъ вторично, и отъ этого брака былъ родоначальникомъ Альфонса II, короля Арагонскаго. Что касается до другой дочери Сида, по имени Доньи Христины Эльвиры, то она была за мужемъ за инфантомъ Наваррскимъ, Донъ Рамиро. Отъ этого брака родился Донъ Гарсія Рамирецъ, бывшій королемъ Наваррскимъ, 1134—1150 г.; онъ былъ женатъ на побочной дочери Альфонса VII, короля Кастильскаго, и имѣлъ дочь, Донью Бланку, которая такимъ образомъ приходилась правнукою Сиду. Она вышла за мужъ за сына Альфонса VII Кастильскаго, за Санчо III, который и наслѣдовалъ отъ своего отца Кастильское королевство [1]).

Такимъ образомъ короли Кастильскіе вели свою генеалогію отъ Сида. Потому король Альфонсъ Мудрый почтилъ этого героя эпитафіею своего сочиненія. Фердинандъ и Изабелла не однократно относятся о Сидѣ съ уваженіемъ въ разныхъ документахъ, а Филиппъ II думалъ даже о причисленіи Сида къ лику святыхъ.

Указавъ на главнѣйшія черты исторической личности Сида, теперь обратимся къ общему обозрѣнію главнѣйшихъ источниковъ эпическихъ о немъ сказаній.

[1]) Ferd. Wolf, Studien zur Geschichte der Spanischen und Portugiesischen Nationalliteratur. 1859 г.

1) Отрывокъ латинской поэмы о Сидѣ XII в., изданный Эдельстаномъ дю-Мерилемъ въ книгѣ: Poésies populaires latines du moyen age, въ 1847 г., стр. 308 и слѣд. Эта поэма описываетъ событія вкратцѣ, начиная съ раннихъ, юношескихъ подвиговъ Сида, бѣгло касается его отношеній къ королю Донъ-Санчо, и потомъ подробнѣе говоритъ о враждѣ его съ королемъ Альфонсомъ и о воинскихъ его подвигахъ, относящихся къ этой эпохѣ. Поэтъ знаетъ Гомера, Париса, Энея и желаетъ прославить своего героя во вкусѣ искусственной, классической эпопеи. По краткости и искусственности, это произведеніе уступаетъ другимъ латинскимъ передѣлкамъ народныхъ сказаній, такимъ, напримѣръ, какова латинская поэма о Вальтерѣ Аквитанскомъ, дошедшая до насъ отъ X вѣка [1]).

2) Испанская поэма о Сидѣ XII в., изданная въ Мадритѣ въ 1779 г. ученымъ Санчецъ, съ историческими и литературными объясненіями и съ глоссаріемъ, въ его Coleccion de poésias Castellanas, въ I-мъ томѣ; въ новѣйшее время ее издалъ Damas Hinard, подъ заглавіемъ: Poëme du Cid, 1858 г., тоже съ комментаріями и глоссаріемъ.

3) Стихотворная хроника о Сидѣ — La cronica rimada del Cid, изданная въ той же книгѣ Дама Гинара. Нѣкоторые ученые относятъ ее къ одному времени съ знаменитою упомянутою поэмою; другіе полагаютъ ее новѣе, но все же не позднѣе XIII вѣка.

4) Прозаическая хроника о Сидѣ — Chronica del famoso cavallero Cid Ruy Diez Campeador, изданная сначала въ Испаніи въ 1512 г., а въ позднѣйшее время перепечатана въ Германіи

---

[1]) Для образца привожу нѣсколько стиховъ изъ поэмы о Сидѣ:

Eia! laetando, populi Catervae,
Campi-Doctoris hoc carmen audite!
Magis qui ejus freti estis ope,
    Cuncti venite!
Nobiliori de genere ortus,
Quod in Castella non est illo majus;
Hispalis novit et Iberum litus
    Quis Rodericus.

Губеромъ въ 1844 г., съ обширнымъ предисловіемъ о литературномъ значеніи этого памятника и объ отношеніи его къ эпическимъ сказаньямъ Испаніи. Эта хроника — произведеніе позднѣйшее, составленное подъ вліяніемъ мѣстныхъ интересовъ монастыря Св. Петра Карденскаго, какъ показано будетъ въ своемъ мѣстѣ. Она особенно интересна въ исторіи литературы по своему отношенію къ позднѣйшимъ романсамъ о Сидѣ, заимствовавшимъ изъ нея содержаніе, и иногда слѣдующимъ за нею слово въ слово.

5) Повсюду прославленные романсы о Сидѣ. Хотя они вообще происхожденія позднѣйшаго, XV и даже XVI в., но по достоинству пользуются своею знаменитостью; потому что въ теченіе столѣтій и доселѣ поддерживаютъ они въ сознаніи народа славныя преданія родной старины, и, не смотря на временный упадокъ Испанской національности въ настоящее время, даютъ разумѣть и ученому и политику, что Испанія до тѣхъ поръ поддержитъ свои національныя силы, пока не забудетъ своего великаго героя. Обстоятельное и отчетливое обозрѣніе литературы Испанскихъ романсовъ см. въ упомянутой книгѣ Вольфа Studien и проч.; также въ приложеніяхъ къ нѣмецкому переводу Испанской литературы Тикнора, сдѣланному Юліусомъ.

Изъ этихъ источниковъ слѣдуетъ подробно разсмотрѣть испанскую поэму XII в., стихотворную хронику и романсы.

II.

Поэма о Сидѣ повѣствуетъ о самыхъ блистательныхъ подвигахъ нашего героя, относящихся къ послѣднимъ годамъ его жизни, когда онъ, будучи изгнанъ королемъ Альфонсомъ, направилъ свои набѣги на восточную часть Испаніи и въ теченіе трехъ лѣтъ поражалъ мелкихъ Мавританскихъ владѣтелей и накладывалъ на нихъ дань, потомъ въ 1094 году взялъ Валенсію; то-есть, поэма о Сидѣ начинается событіями 1090 года.

Сидъ, изгнанный изъ Кастиліи, отправляется съ своею дружиною искать счастія въ земляхъ, завоеванныхъ Маврами, покоряетъ одинъ за другимъ замки и города и наконецъ беретъ Валенсію. Чтобъ умилостивить къ себѣ короля Альфонса, послѣ каждой значительной побѣды, Сидъ посылаетъ ему изъ своей добычи богатые дары. Наконецъ, смягчившись къ великому герою, Альфонсъ съ нимъ примиряется и, чтобы сильнѣе скрѣпить съ нимъ дружбу, выдаетъ обѣихъ дочерей его за мужъ за инфантовъ Карріона (los infantes de Carrion), за Д. Діего и Д. Ферранда, за сыновей графа Д. Гонзало, желая такимъ образомъ почтить знаменитаго своего вассала лестнымъ для него родствомъ съ могущественною фамиліею графовъ карріонскихъ. Затѣмъ повѣствуется о новыхъ подвигахъ Сида, уже владѣтеля Валенсіи. Между тѣмъ инфанты карріонскіе ведутъ себя недостойно съ своими женами, дочерьми Сида, и доходятъ до того, что гнуснымъ образомъ ихъ обижаютъ. Оскорбленный Сидъ самымъ чувствительнымъ образомъ отмстилъ имъ, расторгъ съ ними бракъ своихъ дочерей и снова выдалъ ихъ за мужъ за наслѣдственныхъ принцевъ королевствъ Арагоніи и Наварры, то-есть, сдѣлалъ для нихъ самую блистательную партію.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе всей поэмы, состоящей изъ 3744 стиховъ и раздѣляющейся на двѣ части стихами 2286—7. «Здѣсь оканчиваются стихи этой пѣсни [1]): Создатель да будетъ вамъ въ мощь со всѣми своими святыми». Эти два стиха помѣщены послѣ бракосочетанія дочерей Сида съ инфантами карріонскими: то-есть, обѣ пѣсни, какъ въ позднѣйшихъ испанскихъ комедіяхъ, оканчиваются женидьбою, сначала неудачною и менѣе лестною для Сида, а потомъ — къ концу второй пѣсни — вполнѣ счастливою и блистательною. Въ концѣ самой поэмы означенъ годъ написанія рукописи — 1345 — по испанскому обычаю отъ эры Кесарей, а отъ Р. Х. — 1307 г.

Неизвѣстный авторъ этого произведенія безъ сомнѣнія не

---

[1]) Las coplas deste cantar — les couplets de cette chanson.

только пользовался народными пѣснями, но и самъ могъ быть жонглёромъ, и, давая литературную форму безыскусственнымъ пѣснямъ, конечно, сообщилъ имъ нѣкоторую искусственность. Жонглёры (juglares) процвѣтали въ Испаніи уже въ XI вѣкѣ, и, по свидѣтельству прозаической хроники о Сидѣ, они присутствовали на свадебныхъ увеселеніяхъ, которыя продолжались цѣлую недѣлю по случаю бракосочетанія инфантовъ карріонскихъ съ дочерьми Сида, и за свои пѣсни были одарены подарками [1]).

Есть свидѣтельство отъ XII вѣка, что уже въ эту ближайшую эпоху къ исторической дѣятельности Сида, подвиги его были предметомъ пѣсенъ, что были народныя пѣсни, или пѣсни жонглёровъ о Сидѣ; это именно въ хроникѣ объ Альфонсѣ VII, писанной по-латыни въ прозѣ, но съ присовокупленіемъ латинскихъ стиховъ, въ которыхъ между прочимъ говорится:

Ipse Rodericus, *Mio Cid* semper vocatus,
De quo *cantatur* quod ab hostibus haud superatus,
Qui domuit Mauros, comites domuit quoque nostros, *etc.*

Согласно съ этимъ свидѣтельствомъ, Д. Родриго дѣйствительно называется въ поэмѣ почти постоянно не просто *Сидъ*, но *Мой Сидъ* (mio Cid): такъ называетъ его и самъ пѣвецъ, и вводимыя имъ дѣйствующія лица. Эта обычная эпическая фраза придаетъ разсказу какую-то задушевную наивность и нѣжность, любящее отношеніе пѣвца и слушателя къ своему національному герою; притомъ «*Мой* Сидъ», а не «*Нашъ* Сидъ» — прямо указываетъ на личныя отношенія къ говорящему, къ одному лицу, будь то самъ пѣвецъ, или каждый изъ его слушателей, или же кто либо изъ дѣйствующихъ лицъ поэмы.

Сверхъ того, въ поэмѣ постоянно приводятся отношенія разсказщика къ слушателямъ. Пѣвецъ постоянно обращается къ тѣмъ, для которыхъ поетъ свою пѣсню. Напримѣръ, приводя чьи нибудь слова, пѣвецъ говоритъ: «вотъ послушайте, что онъ ска-

---

[1]) Гл. 228.

залъ» [1]), или очень часто вставляетъ въ рѣчь вводное предложеніе: *знайте, вѣдайте*, обращенное къ слушателямъ [2]).

Время составленія поэмы опредѣляется стихомъ 3014, въ которомъ сказано, что Раймондъ Бургонскій (el conde del Remond) былъ отцомъ добраго императора [3]), то-есть, Альфонса VII, прозваннаго императоромъ, который скончался въ 1157 году; что же касается до мѣста, гдѣ поэма составлена, то, судя по подробнымъ географическимъ даннымъ, приведеннымъ въ поэмѣ о томъ, какъ и куда направлялъ Сидъ свои набѣги, судя по лестнымъ эпитетамъ, которыми надѣляетъ поэтъ Валенсію — *прекрасной* и Барселону — *великой*, между тѣмъ какъ безъ всякой похвалы относится къ такимъ значительнымъ городамъ, какъ Толедо, который мусульманинъ называетъ: «жемчужиною, помѣщенной въ рединѣ ожерелья»: судя по всему этому, можно заключить, что поэма обязана своимъ происхожденіемъ крайнимъ восточнымъ предѣламъ Старой Кастиліи, ближайшимъ къ Барселонѣ и Валенсіи.

Приступимъ къ разбору самой поэмы.

Она начинается отъѣздомъ Сида изъ своего замка Бивара, въ которомъ, въ слѣдствіе королевской грозы, все приняло видъ опустошенія. Со слезами взглянулъ Сидъ на распахнутыя настежь ворота, на двери безъ замковъ, на свои охотничьи нашести безъ соколовъ и кречетовъ — *линялыхъ* [4]). И вздохнулъ Мой Сидъ, потому что были у него великія кручины; хорошо, сказалъ Мой Сидъ, и сказалъ въ мѣру: «Благодарю Тебя, Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ [5])! Вотъ что мнѣ сдѣлали мои злые враги»! И выѣхалъ онъ съ своею свитою изъ Бивара; при выѣздѣ изъ Бивара — *вбороны были имъ на-право*, а при въѣздѣ въ Бургосъ —

[1]) Odredes lo que ha dicho, ст. 70.
Odredes lo que fablaba, ст. 188.

[2]) Sabet, ст. 610, 618.

[3]) Aqueste fue padre del buen Emperador.

[4]) Sin falcones é sin *mudados* (mués), ст. 5.

[5]) Señor parde, que estás en alto, ст. 8.

на-льво, то-есть, счастливъ былъ выѣздъ, но не къ счастью пріѣхалъ онъ въ Бургосъ. Когда онъ проѣзжалъ по городу, горожане и горожанки, смотря изъ оконъ, плакали отъ жалости, и всѣ въ одинъ голосъ говорили: «о Боже, еслибы у такого добраго вассала былъ добрый господинъ»[1]). Рады бы они пригласить его къ себѣ, почтить гостепріимствомъ, но не смѣли: такъ великъ былъ гнѣвъ короля Альфонса. Еще наканунѣ прислалъ король въ Бургосъ грамоту, въ которой писано: «чтобъ Моему Сиду Руи Діазу никто не давалъ пристанища, а кто дастъ ему, зналъ бы истинное слово: тотъ потеряетъ свое имущество и свои глаза изъ лица, а въ придачу и тѣло свое и душу». Проѣхалъ Сидъ до своего дома, но и туда его не пускаютъ. Двери заперты, и сколько Сидъ ни кричалъ, сколько ни стучалъ въ двери, никто не отозвался. Тогда подошла къ нему маленькая дѣвочка девяти лѣтъ и объяснила ему грозное запрещеніе короля: «Кампеадоръ, говорила она, въ добрый часъ опоясали вы мечъ! король запретилъ, и, къ нашему несчастію, вы здѣсь ничего не добудете, но да будетъ вамъ помощникомъ Создатель со всѣми своими святыми добродѣтелями»[2]). Сидъ не могъ въ Бургосѣ даже что нибудь купить себѣ въ пищу. Помолился и выѣхалъ изъ города; но одинъ изъ жителей Бургоса (Burgales complido), по имени Мартинъ Антолинезъ, снабдилъ Сида и его свиту виномъ и хлѣбомъ и всякою провизіею. Мой Сидъ былъ доволенъ и всѣ бывшіе съ нимъ. И говорилъ Мартинъ Антолинезъ; послушайте, что̀ говорилъ онъ: «Кампеадоръ, *въ добрый часъ родились*[3]). Проведемъ здѣсь ночь и отправимся утромъ вмѣстѣ; потому что я буду осужденъ за то, что услужилъ вамъ, и подпаду подъ опалу короля Альфонса. Но если съ вами спасусь живъ и здоровъ, тогда — рано ли, поздно ли — король будетъ меня любить и жаловать, а впрочемъ — все, что я у себя дома оставляю, въ грошъ

---

[1]) Dios que buen vasalo, si oviese buen senor, ст. 20.

[2]) Con todas sus Virtudes sanctas, то есть, со всѣми небесными Силами.

[3]) En buen ora fuestes nacido, ст. 71.

не цѣню» [1]). И говорилъ ему Мой Сидъ, онъ въ добрый часъ опоясалъ свой мечъ: «Мартинъ Антолинезъ, вы смѣлый воинъ [2])! если я буду живъ, дамъ вамъ двойное жалованье. Но теперь нѣтъ у меня ни золота, ни серебра, а мнѣ нужны деньги для моей дружины [3]). Надобно какъ нибудь изловчиться добыть денегъ: волею никто мнѣ не дастъ. Съ вашей помощью я думаю изготовить два сундука, наполнимъ ихъ пескомъ, чтобъ были потяжелѣе; покроемъ ихъ красною кожею и обобьемъ позолочеными гвоздями. Ступайте скорѣе къ Рахелю и Видасу (къ жидамъ) и скажите, что я де въ опалѣ у короля, и не могъ взять съ собою своихъ сокровищъ: слишкомъ тяжелы они. Пусть принесутъ сундуки ночью, чтобъ не видалъ ни одинъ христіанинъ: пусть видитъ только Создатель со всѣми своими святыми. Иначе я не могу, я вынужденъ на это противъ моей воли».

Дѣло въ томъ, что Сидъ предлагаетъ обмануть жидовъ ловкою хитростью, взять у нихъ подъ закладъ этихъ сундуковъ съ пескомъ столько денегъ, сколько ему нужно для экспедиціи. Извѣстно, что въ XI и XII вѣкахъ храбрые потомки Вестъ-Готовъ, озабоченные борьбою съ Аравитянами, мало занимались промыслами и торговлей, предоставляя это жидамъ.

Мартинъ Антолинезъ не терялъ времени, тотчасъ же отправился въ Бургосъ, къ жидамъ.

Рахель и Видасъ были вмѣстѣ; они считали деньги, которыя только что выручили. Мартинъ Антолинезъ предлагаетъ имъ выгодную сдѣлку, которая обогатитъ ихъ, только бы они не открывали тайны ни Маврамъ, ни христіанамъ (потому что для жидовъ и тѣ и другіе одинаково ненавистны); Сидъ отдаетъ въ ихъ руки подъ залогъ два сундука съ золотомъ; и чтобъ за то жиды ссудили ему 600 марокъ. Жиды соглашаются, впрочемъ, принимая всевозможныя предосторожности, потому, что, какъ говорятъ они: «во всемъ мы должны имѣть барышъ, и не засыпаетъ безъ

---

[1]) Non lo precio un figo, то есть не цѣню въ фигу, ст. 77.

[2]) Собственно смѣлое копье: sodes ardida lanza, ст. 79.

[3]) Para toda mi compaña, ст. 83.

подозрѣнія тотъ, у кого есть деньги»; и они рѣшаются дать требуемую сумму, но не прежде, какъ получатъ закладъ, потому что «торгъ не иначе производится, какъ сначала берутъ, а потомъ уже даютъ» (ст. 140). Мартинъ Антолинезъ передалъ имъ сундуки, и они отправились къ Сиду въ палатку съ деньгами. Сидъ встрѣтилъ ихъ улыбаясь, и, получивъ деньги, взялъ съ жидовъ клятву, что они въ теченіе цѣлаго года не вскроютъ сундуковъ, въ противномъ случаѣ не получатъ отъ Сида *ни худой денежки* [1]).

Покончивъ выгодное для жидовъ дѣло, Д. Мартинъ сказалъ имъ: «вотъ Рахель и Видасъ, сундуки теперь въ вашихъ рукахъ. Вѣдь это дѣльце я вамъ устроилъ, и мнѣ бы слѣдовало что нибудь на магарычи» [2]). Рахель и Видасъ отошли въ сторону и между собою говорили: «Дадимъ ему хорошій подарокъ, вѣдь это онъ намъ смастерилъ». «Мартинъ Антолинезъ, знаменитый Бургалезъ! Вы точно заслужили; мы хотимъ вамъ дать хорошій подарокъ, на который вы можете себѣ купить и панталоны, и богатый мѣхъ, и хорошую мантію: мы вамъ даемъ тридцать марокъ».

Потомъ Д. Мартинъ отправился въ палатку къ «тому, кто въ добрый часъ родился», и Сидъ принялъ его съ отверстыми объятіями. «Я пришелъ, Кампеадоръ, съ добрыми вѣстями», сказалъ Д. Мартинъ Сиду: «вы получили 600 марокъ, а я тридцать». Затѣмъ свернули палатку и поѣхали дальше. Тогда Сидъ, повернувъ голову коня къ церкви Св. Маріи, поднялъ правую руку, перекрестился и сказалъ: «Благодарю Тебя, Боже, Ты управляешь небомъ и землею! Да будутъ мнѣ покровомъ Твои добродѣтели. Преславная Св. Марія! Теперь я оставляю Кастилью, потому что я у короля въ опалѣ. Не знаю, ворочусь ли я когда назадъ (то-есть, на родину), да будетъ мнѣ въ помощь Твоя бла-

---

1) Un dinero malo, ст. 165.

2) Собственно я хорошо заслужилъ себѣ панталоны: bien merecia calzas, ст. 190.

гость (Твоя добродѣтель)[1]), о Преславная (Gloriosa) — во время моего изгнанія и днемъ и ночью! Если такъ совершишь Ты, и если удастся мнѣ счастіе, я пошлю на Твой алтарь богатые дары, и обѣщаюсь отслужить Тебѣ тысячу обѣденъ»!

Прежде чѣмъ пуститься въ походъ, Сидъ пожелалъ проститься съ женой и дѣтьми и сдѣлать въ своемъ семействѣ необходимыя распоряженія. Для того онъ заѣхалъ въ монастырь Св. Петра, въ San Pedro de Cordeña. Скоро запѣли пѣтухи, и заря начала заниматься. Аббатъ Св. Петра, христіанинъ Создателя[2]), тогда служилъ заутреню, а Донья Химена съ пятью дамами молилась о своемъ Сидѣ. Нашъ герой прежде всего позаботился, чтобъ обезпечить свою семью: далъ аббату 50 марокъ и обѣщалъ эту сумму удвоить, если будетъ живъ, потомъ ему вручилъ 100 марокъ для Доньи Химены, чтобъ онъ въ теченіе года о нихъ пекся: «я оставляю двухъ дочерей, онѣ еще очень молоды — говорилъ Сидъ аббату: возьмите ихъ подъ свое покровительство: я поручаю вамъ ихъ, имѣйте попеченіе о нихъ и о моей женѣ. А если этой суммы не достанетъ, затратьте свою: за каждую потраченную вами марку я дамъ вамъ въ монастырь четыре». Аббатъ согласился на то съ удовольствіемъ.

Вотъ приходитъ Донья Химена съ своими дочерьми, каждую изъ нихъ ведетъ дуенья; и приводитъ ихъ къ Сиду. Донья Химена бросилась передъ Сидомъ на колѣни, плакала *изъ обоихъ очей* и хотѣла цѣловать его руки: «Благодарю, Кампеадоръ, въ добрый часъ родились вы; злые языки причиною вашего изгнанія. Благодарю, Сидъ — *борода такая совершенная*[3]). Вижу, вы отъѣзжаете, и мы разлучимся съ вами, оставаясь въ живыхъ. Утѣшьте насъ ради любви Св. Маріи».

---

[1]) Valan me tus virtudes, ст. 218, то есть, твои чудеса, твои небесныя силы. Virtudes — одинъ изъ ликовъ Ангельскихъ, потому и *во-имя* Богородицы — Santa Maria de las Virtudes, гдѣ происходило бракосочетаніе дочерей Сида съ инфантами Карріона. Прозаическая хроника о Сидѣ, глава 228.

[2]) Christiano del Criador, ст. 237.

[3]) Barba tan complida, ст. 268.

Тогда Сидъ положилъ свои руки на свою прекрасную бороду, потомъ взялъ на руки дочерей, прижималъ ихъ къ своему сердцу, потому что очень любилъ ихъ; плакалъ изъ обоихъ глазъ и сильно вздыхалъ. «Вотъ, Донья Химена, моя супруга во всемъ совершенная (tan complida), я люблю васъ, какъ свою душу. Вы видите, что и живя еще на свѣтѣ намъ приходится разлучиться. Я ѣду, а вы остаетесь. Да будетъ воля Божія и Св. Маріи, чтобъ вотъ этими руками я успѣлъ выдать за мужъ моихъ дочерей, и чтобы Богъ далъ мнѣ счастливые дни, и чтобы я послужилъ вамъ. достойная почестей супруга» (mugier ondrada. Ст. 285).

Между тѣмъ, какъ въ монастырѣ шло угощеніе на разставаньи съ Сидомъ, Донъ Мартинъ Антолинезъ добылъ Сиду изъ Кастильи вѣрныхъ товарищей: кто оставлялъ свой домъ, кто свои ленныя владѣнія [1]). Сидъ выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу и улыбался: всѣ приблизились къ нему и цѣловали его руки. И говоритъ Мой Сидъ отъ всей своей души: «Молю Бога и Отца Духовнаго [2]) за то, что вы оставили для меня свои дома и наслѣдства, чтобъ я могъ, прежде чѣмъ умру, сдѣлать для васъ добро, и чтобъ сугубо вознаградилъ я васъ въ томъ, что вы потеряли».

Пробывъ нѣсколько дней въ С. Педро, они должны были отправиться рано утромъ. Отстояли обѣдню, которую имъ служилъ аббатъ. Во время службы, Донья Химена, ставъ на колѣни предъ алтаремъ, молилась, какъ умѣла лучше, чтобъ Господь Богъ сохранилъ Моего Сида Кампеадора.

Пѣвецъ заставляетъ слушателей, такъ сказать, присутствовать при совершеніи службы, только чрезъ молитву Доньи Химены. Эта молитва, очень длинная, начинается, будто народные духовные стихи: «Господь преславный, Отче иже на небеси, такъ молилась Химена: Ты сотворилъ небо и землю, а третье море, Ты сотворилъ, звѣзды, луну и солнце для теплоты, Ты воплотился отъ Св. Матери» и т. д. Тутъ перечисляетъ Д. Химена и

---

[1]) Onores, ст. 290. Слич. въ Chanson de Roland: A lui (Ганелонъ, отправляясь къ Марсилю, оставилъ сыну) lais jo mes honors et mes fieus. I, ст. 315.

[2]) Padre Spiritual, то есть, Отца Небеснаго, Бога. Ст. 301.

ветхозавѣтныя и новозавѣтныя чудеса и особенно останавливается на апокрифическомъ разсказѣ о Лонгинѣ, который будто бы былъ отъ рожденія слѣпъ, и пронзилъ копьемъ распятаго Христа въ бокъ; кровь попала на руки Лонгину, онъ поднялъ ихъ къ лицу и тотчасъ же прозрѣлъ и увѣровалъ въ Іисуса Христа [1]).

И такъ Донья Химена молилась, чтобъ Господь сохранилъ ея Сида. «Она кончила свои молитвы, кончилась и обѣдня», говоритъ пѣвецъ.

Послѣ обѣдни Сидъ сталъ прощаться съ женою. Она цѣловала его руки и плакала, потому что сама не знала, что дѣлаетъ. А онъ опять сталъ смотрѣть на своихъ дочерей: «поручаю васъ Господу Богу, мои дѣти, и мою жену. Вотъ мы разстаемся, и, Богъ знаетъ, когда свидимся».

«И оба они, Сидъ и Химена плакали» — говоритъ пѣвецъ своей публикѣ: «такъ плакали, что вамъ никогда не случалось видѣть, потомъ разлучились другъ съ другомъ такъ больно, *будто ноготь отъ мяса*». (Ст. 377).

Уже изъ самаго начала поэмы о Сидѣ ясно видно, на сколько она отличается отъ пѣсни о Роландѣ и отъ другихъ Chansons de Geste, и по объему своего содержанія, и по степени отношенія къ дѣйствительности, даже по своему господствующему тону. Эта поэма — не однообразный перечень рыцарскихъ похожденій и непрерывныхъ стычекъ, не одностороннее повѣствованіе о придворныхъ интригахъ при дворѣ Карла Великаго и о безконечной враждѣ между аристократическими фамиліями, что̀ составляетъ главное содержаніе почти всѣхъ Chansons de Geste. Испанская поэма глубже входитъ въ жизнь и реальнѣе затрогиваетъ наивные интересы личности. Сидъ — не просто великій, непобѣдимый воинъ, хотя онъ и называется постоянно Кампеадоромъ, или примѣрнымъ воителемъ; нѣтъ, поэма тотчасъ же вводитъ насъ въ его семейную жизнь, въ его нѣжныя, вообще человѣческія, а не героическія отношенія къ дѣтямъ и женѣ. Онъ даже не со-

[1]) Слич. Скандинавскій миѳъ о томъ, какъ свѣтлый, божественный Бальдуръ былъ убитъ своимъ *слѣпымъ* братомъ.

всѣмъ чистъ нравственно, потому что обманываетъ жидовъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ и выражаетъ свою радость въ успѣхѣ обмана добродушною, наивною усмѣшкою. И окружаютъ его люди обыкновенные, хоть и храбрые воины и преданные друзья. Донъ Мартинъ Антолинезъ, устроивъ безчестный торгъ съ жидами, не забылъ и себя, выпросилъ себѣ значительный подарокъ за то, что обманулъ ихъ, и Сидъ не только на это не въ претензіи, но даже очень доволенъ. Другіе его товарищи, бросая свои дома и наслѣдства, по дорогѣ отовсюду пристаютъ къ нему; конечно ихъ одушевляла отвага, но, Сидъ, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ зналъ ихъ намѣренія, и тотчасъ же, какъ они къ нему прибыли, почелъ своею обязанностью дать имъ обѣщаніе, что вознаградитъ ихъ добычею вдвое противъ того, что они теряютъ, оставляя свои родные дома. Это не болѣе, какъ торгъ кондотьера съ своею шайкою. Общіе интересы въ добычѣ соединяютъ отважныхъ искателей счастія съ ихъ надежнымъ предводителемъ. Потому-то, собираясь въ походъ, Сидъ прежде всего позаботился о деньгахъ для содержанія войска, хотя бы на первыхъ порахъ, пока не добудетъ продовольствія съ бою. Какъ человѣкъ практическій, Сидъ пріѣхалъ проститься съ своимъ семействомъ, и сначала занялся его матеріальнымъ обезпеченіемъ, вручилъ порядочную сумму аббату Св. Петра и далъ ему выгодное обѣщаніе вознаградить монастырь, если будетъ на его семейство истрачено лишнее. Сидъ относится къ аббату съ финансовыми подробностями, какъ бы отнесся ко всякому, забывая его духовный санъ, зная по себѣ, что всякому, хотя бы и монаху, нужно знать счетъ въ деньгахъ, и въ сдѣлкѣ не худо разсчитывать на барыши. Но особенную прелесть началу поэмы даетъ трогательное положеніе Сида. Хотя онъ и Сидъ, то-есть *Господинъ* и *Побѣдитель*, но онъ въ несчастіи: опала королевская гонитъ его съ родины; его никто не смѣетъ пустить къ себѣ въ домъ, даже въ родномъ его Бургосѣ. Онъ крѣпится духомъ, но изъ жителей никто не можетъ удержаться отъ горькихъ слезъ при видѣ бѣдствій своего любимаго героя, и постоянное выраженіе поэмы

Мой Сидъ — какъ-то особенно задушевно должно было звучать въ устахъ пѣвца передъ сочувствующею ему публикою. Итакъ особенная красота этой поэмы состоитъ въ томъ, что въ великомъ національномъ героѣ и поэтъ и его публика постоянно видѣли человѣка, и тѣмъ больше его любили и ему сочувствовали, чѣмъ болѣе видѣли въ немъ тѣже чувства и стремленія, которыя питаетъ всякій обыкновенный смертный.

Вся экспедиція Сида совершается съ тѣмъ же практическимъ тактомъ, съ тою же воздержанностью, которою отличаются воинскіе подвиги нашего героя.

Простившись съ своими, Сидъ, безъ сомнѣнія, былъ взволнованъ и на мгновеніе палъ духомъ. Пѣвецъ хоть объ этомъ отъ себя ничего не говоритъ, но, когда, при самомъ отъѣздѣ, поджидая своихъ товарищей, Сидъ отвернулся (вѣроятно, для того, чтобы скрыть отъ нихъ минутную слабость), одинъ изъ воиновъ, по имени Минайя Альваръ Фаньезъ, очень кстати сказалъ: «Сидъ, куда дѣлась ваша бодрость? Въ добрый часъ родились вы отъ матери. Скорѣе же въ путь, а все прочее оставимъ до другаго времени. Даже вся эта печаль обратится въ радость. Богъ, давшій намъ душу, подастъ намъ помощь». Дѣйствительно, дружина должна была торопиться, потому что оставалось два дня сроку до выѣзда ихъ изъ владѣній короля Альфонса; если они не скроются до этого срока, то ихъ арестуютъ, какъ бунтовщиковъ.

Итакъ Сидъ съ своею дружиною на пути; въ первую же ночь стеклось къ нему множество народа изъ разныхъ мѣстъ, и гдѣ онъ ни проѣзжалъ, отовсюду сбирались къ нему товарищи. Послѣ разныхъ тревогъ, наконецъ Сидъ успокоился къ ночи и тихо заснулъ. Ангелъ Гавріилъ, также какъ Карлу Великому въ пѣснѣ о Роландѣ, явился Сиду во снѣ: «Поѣзжайте, Сидъ, добрый Кампеадоръ — говорилъ онъ Сиду — потому что никогда ни одинъ баронъ не ѣхалъ въ болѣе удобное время. Пока будете живы *вы*, всѣ *твои* дѣла устроятся хорошо» [1]).

---

[1]) И въ древней французской литературѣ той эпохи замѣчается такое же смѣшеніе *вы* съ *ты*, какъ было у насъ въ половинѣ прошлаго вѣка и позже.

Выбравшись изъ владѣній короля Альфонса, Сидъ тотчасъ же пустился опустошать и грабить. Первою жертвою его набѣговъ былъ Кастейонъ. Планъ атаки былъ сдѣланъ ночью. «Занялась заря и разсвѣтало утро. Вышло солнышко; Боже! какъ хорошо оно свѣтило. Въ Кастейонѣ всѣ вставали, отворяли ворота, выходили наружу посмотрѣть свои работы и свои животы»[1]). Всѣ вышли, оставивъ двери отворенными. Въ Кастейонѣ мало было жителей, и тѣ теперь разбрелись кругомъ. Сидъ вступаетъ въ городскія ворота съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, и убиваетъ одиннадцать Мавровъ, кого только могъ застигнуть, и беретъ Кастейонъ, золото и серебро. Его воины приходятъ съ добычею, но онъ оставляетъ добычу своимъ товарищамъ, ни во что ставя все это (какъ Илья Муромецъ въ русскихъ былинахъ).

Итакъ, кромѣ золота, серебра и плѣнниковъ, добыча состояла въ стадахъ овецъ и рогатаго скота, въ одеждѣ и въ другихъ богатствахъ. Завоевавши городъ или замокъ, Сидъ оставлялъ его подъ своею властію и шолъ дальше, сначала раздѣливъ добычу въ своей дружинѣ.

Подробности раздѣла добычи очень важны для исторіи феодальнаго быта и для быта кондотьеровъ, которые въ лицѣ Сида могутъ вести свое происхожденіе отъ самой ранней поры завоевательныхъ дружинъ, нѣкогда наводнившихъ всю западную Европу.

Каждому воину его часть выдавалась по грамотѣ или по картѣ (por carta, ст. 519). По взятіи Кастейона каждому всаднику или рыцарю (cavallero) досталось по 100 марокъ серебра, а пѣхотинцамъ (peones) — каждому на половину того; потому что дружина Сида состояла изъ кавалеріи и пѣхоты. Что же касается до самого Сида, то ему во всякой добычѣ оставалась каждая пятая часть (toda la quinta a Mio Cid fincaba. Ст. 523). Такъ слѣдовало по испанскимъ законамъ: обычай, узаконенный и въ постановленіяхъ, собранныхъ Альфонсомъ Мудрымъ подъ именемъ

---

[1]) Sus heredades — свои наслѣдства, ст. 465.

Семи отдѣловъ или *частей* [1]), по которымъ пятая часть добычи шла королю; и, такъ какъ Сидъ, будучи изгнанъ, распоряжался въ своей дружинѣ въ качествѣ самостоятельнаго государя, то ему было присвоено и право короля на добычу. Это королевское право на пятую часть добычи, по мнѣнію испанскихъ историковъ, испанскіе короли переняли у Арабовъ.

Въ Кастейонѣ Сидъ не хотѣлъ долго оставаться, потому что боялся близости Альфонса, а «съ Альфонсомъ, моимъ господиномъ, я не хотѣлъ бы сражаться» — говоритъ онъ; далъ свободу сотнѣ Мавровъ и сотнѣ Мавританокъ, чтобъ они не поминали его лихомъ, и отправился дальше.

Не буду слѣдить за всѣми наѣздами Сида, а только приведу нѣкоторыя подробности, характеризующія бытъ и нравы. Во время битвы у Мавровъ былъ въ обычаѣ воинскій крикъ: *Магометъ*, у войска Сида: *Санъ-Яго*, вѣроятно, въ связи съ извѣстною Компостельскою легендою (ст. 739). Отношеніе къ побѣжденнымъ Маврамъ однажды, послѣ взятія одного замка, Сидъ выражаетъ слѣдующими словами: «Вотъ Мавры лежатъ: я вижу, мало живыхъ. Мавровъ и Мавританокъ продавать мы не можемъ, а если посрубить съ нихъ головы, то намъ нѣтъ выгоды. Соберемъ ихъ внутрь, потому что мы господа крѣпости, размѣстимся въ ихъ домахъ, а они пусть намъ услуживаютъ» (ст. 626—630).

Особенно блистательна и выгодна была побѣда, одержанная Сидомъ надъ двумя мавританскими королями: «такой добрый день былъ для христіанства» (ст. 778). «Великая радость была между христіанами.... У нихъ было столько золота, что они потеряли въ немъ счетъ. Всѣ христіане обогатились добычею, а Мавровъ всѣхъ отпустили они въ замки, и Мой Сидъ даже велѣлъ кое-чего дать имъ на дорогу. Мой Сидъ очень радовался со всѣми своими вассалами (con todos sus vasalos. Ст. 811), онъ велѣлъ имъ раздѣлить между собою добычу и все великое богат-

---

[1]) Los siete partidas. Part. II, tit. 26, l. 7.

ство; Сиду на пятую часть пришлось сто коней. Боже, какъ онъ удовольствовалъ всѣхъ своихъ вассаловъ, и пѣхоту, и конницу. Хорошо распоряжался рожденный въ добрый часъ; всѣ, которыхъ онъ велъ, были имъ довольны. «Послушайте, Минайя, вы моя правая рука,—говорилъ Сидъ: изъ этихъ сокровищъ, которыя намъ Создатель далъ, берите своею рукою, сколько хотите. Я хочу васъ послать въ Кастилью съ извѣстіемъ объ одержанной нами побѣдѣ къ королю Альфонсу, который держитъ на меня гнѣвъ. Я хочу послать ему въ подарокъ тридцать коней, всѣ осѣдланы и взнузданы въ богатой збруѣ, у каждаго на сѣдельной лукѣ по мечу. Вотъ вамъ золото и серебро — полный кошелекъ (потому что Сидъ ни въ чемъ не нуждался теперь, прибавляетъ отъ себя пѣвецъ). Въ Sancta Maria de Burgos заплатите за тысячу обѣденъ, а что̀ останется, отдайте моей женѣ и дочерямъ; пусть онѣ молятся за меня денно и нощно. Если я останусь для нихъ въ живыхъ, будутъ онѣ богатыя дамы» (dueñas ricas. Ст. 833).

Довольный самъ и обогативъ всѣхъ своихъ воиновъ, потому что «кто служитъ доброму господину, живетъ всегда въ прохладѣ»[1]), благословляемый даже Маврами, которыхъ онъ отпустилъ на волю, Сидъ отправился на дальнѣйшіе подвиги; а Альваръ Фаньезъ Минайя поѣхалъ въ Кастилью и представилъ королю Альфонсу тридцать коней въ подарокъ. Взглянулъ король и пріятно улыбнулся. «Спаси васъ Богъ[2])! Кто это даетъ мнѣ коней»?—«Мой Сидъ Руи Діасъ, онъ въ добрый часъ опоясалъ свой мечъ. Онъ побѣдилъ двоихъ маврскихъ королей въ одномъ сраженіи. Велика, государь, его добыча. Вотъ, уважаемый король, посылаетъ онъ подарокъ и цѣлуетъ ваши ноги и обѣ руки. Да будетъ надъ нимъ ваша милость, и да спасетъ васъ за то самъ Создатель»! Король благосклонно принялъ дары и въ знакъ своей милости снялъ опалу съ Донъ Минайя, возвративъ ему его земли.

---

1) En delicio. Пословица. Ст. 858.

2) Si vos vala Dios — спасибо. Ст. 882.

Такимъ образомъ Минайя привезъ въ станъ къ Сиду добрыя вѣсти. «Боже, какъ возвеселилось все войско, что прибылъ Минайя Альваръ Фаньезъ и привезъ всѣмъ поклоны отъ ихъ братьевъ и сестеръ и отъ друзей, которыхъ они оставили. Боже, какъ былъ радъ *прекрасная борода!* (la Barba velida, ст. 938). Потому что Альваръ Фаньезъ заплатилъ за тысячу обѣденъ и привезъ ему поклоны отъ жены и дочерей. Боже, какъ Сидъ былъ доволенъ и какъ сильно радовался: «ну, Альваръ Фаньезъ, живите многія лѣта»!

Но Сидъ ѣдетъ все дальше, потому что, какъ онъ сказалъ дружинѣ пословицею: «Кто остается на одномъ мѣстѣ, всегда можетъ терять» (ст. 956).

Потомъ Сидъ побѣдилъ графа Барселонскаго (который въ поэмѣ называется Ремономъ, то есть, Раймондомъ), въ войскѣ котораго были и христіане и Мавры. Этой побѣдою Сидъ *возвеличилъ честь своей бороды* (ondrò su barba, ст. 1019); онъ даже взялъ въ плѣнъ самого графа, но возвратилъ ему свободу; что же касается до богатой добычи, взятой у графа съ бою, то Сидъ ему говорилъ: «Но изъ всего, что вы потеряли, и что я взялъ на полѣ битвы, знайте, я вамъ не возвращу ни малой денежки, потому что все это нужно мнѣ и моимъ вассаламъ, потому что они пошли за мной бѣдняками. Взявши выкупъ съ васъ и съ другихъ (которые вмѣстѣ съ вами въ плѣну), мы останемся довольны. Будемъ мы такъ жить до тѣхъ поръ, пока угодно будетъ Богу, какъ всякій, кто въ опалѣ у короля и изгнанъ изъ своей земли.

Угостивши графа обѣдомъ, Сидъ съ почестью отпустилъ его. Графъ, отъѣзжая, оглянулся назадъ; онъ боялся, чтобъ Сидъ не раздумалъ и не воротилъ его. Но никогда этого не сдѣлаетъ превосходный (caboso, ст. 1088), ни за что въ мірѣ, никогда онъ не совершитъ неправды».

Послѣ обычнаго дѣлежа добычи, начинается будто новая пѣсня, словами: «Здѣсь начинается исторія о Моемъ Сидѣ де-Би-

варъ» (la *Geste* de Mio Cid. 1093)[1]). Очень можетъ быть, что это позднѣйшая глосса, которою отдѣленъ эпизодъ о взятіи Валенсіи, какъ о событіи самомъ громкомъ въ дѣяніяхъ Сида. Можетъ быть, этотъ эпизодъ пѣлся, какъ отдѣльная пѣсня, и потому къ нему придѣлано было это вступленіе.

Сидъ, продолжая свои набѣги, взялъ Мурвіедро и въ немъ укрѣпился. Слухъ о его завоеваніяхъ встревожилъ жителей Валенсіи, и они рѣшились предупредить неминуемую бѣду, осадивъ Сида въ Мурвіедро. Сидъ выступилъ противъ враговъ, и, обратившись къ своимъ воинамъ съ слѣдующею короткою оригинальною рѣчью: «во имя Создателя и Апостола Санъ-Яго колите ихъ, воины, отъ всего своего сердца и отъ всей души, потому что я — Руи Діасъ Мой Сидъ де-Биваръ» — и бросившись на непріятеля вмѣстѣ съ своими, блистательно одержалъ надъ нимъ побѣду, убивши въ свалкѣ еще двоихъ Маврскихъ королей. Затѣмъ цѣлые три года опустошалъ мавританскіе города, днемъ спалъ, а ночью отправлялся въ набѣги. Особенно тяжело было жителямъ въ предѣлахъ Валенсіи. Жители не смѣли выходить изъ-за городскихъ стѣнъ; Сидъ опустошалъ все на поляхъ и отнималъ у жителей хлѣбъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Въ Валенсіи сильно жаловались и не знали, что дѣлать, потому что не откуда было взять хлѣба. «Ни отецъ не могъ подать помощь сыну, ни сынъ отцу, ни другъ своему другу; никто не могъ утѣшиться. Это ужасное дѣло, господа, не имѣть хлѣба и видѣть, какъ умираютъ съ голоду и дѣти, и жены. Всѣ видѣли бѣду передъ собою и не могли ее отвратить».

Между тѣмъ Сидъ послалъ вѣстниковъ по всей Арагоніи и Наваррѣ и по Кастильѣ: «кто хочетъ избыть заботы и добыть богатство, пусть идетъ къ Моему Сиду. Онъ хочетъ осадить Валенсію, чтобъ отдать ее христіанамъ. Кто хочетъ осаждать со мною Валенсію — и чтобъ всякъ шолъ своею доброю волею, а не по принужденію—я буду ждать тѣхъ три дня въ Canal del

---

[1]) Выраженіе *la gesta* слич. съ франц. «Chanson de *Geste;* отъ лат. *gesta*, вѣроятно, изъ Франціи перешло въ Испанію въ значеніи эпической пѣсни.

Celfa». «Желая добычи, Сидъ не хочетъ терять времени». Собравши огромное войско, онъ осадилъ Валенсію и держалъ ее въ осадѣ девять мѣсяцевъ. Когда наступилъ десятый мѣсяцъ, осажденные сдались, и Сидъ вошелъ въ городъ. «Кто прежде былъ въ пѣхотѣ сталъ коннымъ (ст. 122). Золото и серебро — кто можетъ его сосчитать? Всѣ стали богатыми. Сидъ Донъ Родриго взялъ пятую часть, чистыми деньгами; ему пришлось 30,000 марокъ. А другія богатства — кто можетъ ихъ сосчитать? Кампеадоръ былъ доволенъ, а также и всѣ бывшіе съ нимъ. Когда его главное знамя было водружено на вершинѣ Альказара [1]), великая радость распространилась между всѣми христіанами, бывшими съ Моимъ Сидомъ Руи Діасъ, который родился въ добрый часъ. Уже борода его растетъ и все становится длиннѣе. Тогда сказалъ Мой Сидъ изъ своихъ собственныхъ устъ: ради любви къ самому королю Альфонсу, который выгналъ меня изъ родной земли, чтобъ ножницы не касались этой бороды, чтобъ не срѣзали ни одного волоска, и пусть объ этомъ идетъ слава между Маврами и Христіанами».

Очевидно, легкая иронія соединяется здѣсь съ эпическимъ чествованіемъ бороды, какъ символа могущества и славы; и въ этомъ отношеніи трудно найти болѣе наивное и характеристическое мѣсто для сравненія съ эпическими выраженіями о бородѣ Карла Великаго въ Пѣснѣ о Роландѣ и съ тѣмъ, что говорится о бородѣ Ильи Муромца въ нашихъ былинахъ.

Сидъ успокоился въ Валенсіи: «я буду жить въ Валенсіи, которая такъ дорого мнѣ стоитъ—говорилъ онъ: была бы великая глупость, если бы я оставилъ ее: буду жить въ Валенсіи, потому что это моя вотчина» [2]). Съ Сидомъ и Минайя Альваръ Фаньезъ, который не отлучался отъ его руки [3]). Всѣхъ своихъ онъ щедро наградилъ, а если кому нужно, отпускалъ отъ себя;

---

[1]) Главной башни въ Валенсіи. Сличи стихъ 1579.

[2]) La tingo por heredad. Стихъ 1480.

[3]) No sparte de so braso. Стихъ 1253. Выраженіе, соотвѣтствующее нашему древнему русскому: *быть подъ рукою кого*.

однако по совѣту Минайи положилъ: если кто изъ его дружины удалится безъ позволенія *и не поцѣловавъ его руки*, и если такого догонятъ и схватятъ, то отнять у него все имущество, а самаго повѣсить. «Вотъ какъ умно было положено». Потомъ, чтобъ знать счетъ своему войску и сколько каждый получилъ въ добычѣ, Сидъ велѣлъ Минайѣ все это привести въ извѣстность счетомъ и на письмѣ. Оказалось у Сида 3,600 человѣкъ, людей подначальныхъ, или такихъ, которые — по выраженію поэмы — *ѣдятъ его хлѣбъ* [1]). Затѣмъ Сидъ послалъ своего любимца съ новыми дарами къ королю Альфонсу и съ просьбою, чтобъ онъ позволилъ Доньѣ Хименѣ съ дочерьми пріѣхать къ мужу; сверхъ того Сидъ далъ Минайѣ 1000 марокъ для передачи аббату Св. Петра.

Тѣмъ временемъ въ Валенсію пришелъ съ Востока [2]) одинъ *увѣнчанный* [3]). Это былъ епископъ Іеронимъ. Онъ былъ человѣкъ въ грамотѣ поученый и мудрый, а также очень привычный и пѣшкомъ ходить и верхомъ ѣздить. Онъ пришелъ искать себѣ счастія въ борьбѣ съ Маврами, какъ настоящій воинъ. Но Сидъ, въ качествѣ независимаго короля, сдѣлалъ его епископомъ Валенсіи, «гдѣ онъ можетъ сильно разбогатѣть».

Между тѣмъ Минайя отправился къ королю, котораго нашелъ въ Карріонѣ, въ то время, какъ онъ шелъ отъ обѣдни; палъ ему въ ноги и цѣловалъ ему руки, и, передавши все, съ чѣмъ былъ посланъ отъ Сида, присовокупилъ, что Сидъ признаетъ себя его вассаломъ, а его своимъ господиномъ. На этотъ разъ Альфонсъ былъ такъ доволенъ, что далъ свое полное прощеніе всѣмъ, которые пошли съ Сидомъ въ походъ, возвратилъ имъ ихъ земли и изъялъ *ихъ тѣла* [4]) отъ всякаго лиха и казни; сверхъ того разрѣшилъ всѣмъ и каждому изъ своихъ подданныхъ ѣхать къ

---

[1]) Que comien so pan. Стихъ 1690.

[2]) Т. е. какъ бы изъ Іерусалима, но собственно изъ Перигё, изъ Франціи, откуда очень много было въ ту эпоху духовныхъ въ Испаніи.

[3]) Uno coronado. Ст. 1296, т. е., остриженный подъ вѣнокъ, съ выстриженнымъ гуменцомъ, т. е., монахъ, un tonsuré.

[4]) Т. е., ихъ личность, ихъ особу. Стихъ 1373.

Сиду на службу; что же касается до Доньи Химены съ ея дочерьми и дамами, то Альфонсъ не только разрѣшаетъ имъ ѣхать въ Валенсію, но даетъ имъ всѣ возможныя удобства во время пути по его землямъ, чтобъ все было для нихъ готово и все будетъ имъ итти даромъ, въ счетъ короля. И дѣйствительно, какъ говоритъ поэтъ, «король за все заплатилъ».

Отъ короля Минайя отправился въ монастырь Св. Петра де-Карденья къ дамамъ съ радостными вѣстями: «Сидъ здоровъ и очень разбогатѣлъ» — сказалъ онъ имъ и передалъ порученіе Сида — везти ихъ въ Валенсію. Что же касается до 1000 марокъ, данныхъ Минайѣ, то, «пятьсотъ марокъ вручилъ онъ аббату — говоритъ пѣвецъ — а съ остальными пятью стами я вамъ скажу, что̀ онъ сдѣлалъ; онъ позаботился о Доньѣ Хименѣ, ея дочеряхъ и о прочихъ дамахъ, чтобъ онѣ прилично явились; накупилъ имъ всякихъ нарядовъ, что̀ могъ найдти въ Бургосѣ, а также дамскихъ коней и муловъ». Снарядивъ дамъ, Минайя собирался уже въ путь, какъ вдругъ явились къ нему оба жида, Рахель и Видасъ, и пали ему въ ноги: «Помилуйте, Минайя, знаменитый рыцарь! Сидъ насъ совсѣмъ разорилъ. Мы готовы отказаться отъ барышей, только-бы онъ воротилъ намъ капиталъ». — «Мы увидимъ это съ Сидомъ, если Господь донесетъ меня туда — говорилъ имъ Минайя: Сидъ вознаградитъ васъ за все, что̀ вы для него сдѣлали». — «Да будетъ воля Божія — отвѣчали жиды: а не то мы оставимъ Бургосъ и пойдемъ искать его самого».

Вотъ еще въ какой грубой формѣ поэма понимаетъ нравственныя отношенія, вѣроятно извиняя христіанскихъ героевъ тѣмъ, что они имѣютъ дѣло съ жидами. Прозаическая хроника о Сидѣ, составленная двумя столѣтіями позднѣе поэмы, снимаетъ съ Сида всякую тѣнь неблагодарности. Сидъ возвращаетъ жидамъ съ посланнымъ деньги и извиняется, что въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ обману. Молва объ этомъ разнеслась по всему Бургосу и всѣ восхваляли честность и благородство Сида (гл. 216).

На встрѣчу къ своему семейству въ Медину Сидъ посылаетъ нѣсколько изъ своихъ капитановъ и епископа Іеронима съ свитою въ сто человѣкъ, для того чтобы съ подобающею почестію проводить дамъ. Іеронимъ во время пути взялъ дамъ подъ свое попеченіе; а когда они вышли изъ области короля Альфонса, то всѣ издержки взялъ на себя одинъ изъ друзей Сида, мавританскій король одного изъ покоренныхъ Сидомъ городовъ, по имени Абенгальвонъ; и поэтъ, любя давать отчетъ во всякой копѣйкѣ, съ удареніемъ говоритъ, что этотъ «Мавръ на все тратилъ свои деньги, отъ нихъ (т. е., отъ жены Сида и его дочерей) не требуя ничего» (ст. 1565), заботился, чтобъ дамы и свита ни въ чемъ не нуждались, даже за послѣднюю подкову онъ расплачивался своими деньгами. (Ст. 1561).

Когда дамы приблизились къ Валенсіи, Сидъ велѣлъ выступить къ нимъ на встрѣчу двумъ стамъ всадникамъ и самъ поѣхалъ вмѣстѣ на конѣ *Бабіекѣ*.

Объ этомъ знаменитомъ конѣ Сидовомъ въ поэмѣ упоминается здѣсь въ первый разъ, и именно, какъ о конѣ только недавно пріобрѣтенномъ. Вотъ слова поэмы: Сидъ велѣлъ, «чтобъ ему привели Бабіеку: онъ недавно добылъ этого коня, и онъ еще не зналъ, Мой Сидъ, въ добрый часъ препоясавшійся мечомъ, каковъ онъ на бѣгу и каковъ на осадкѣ» (стих. 1581—3). И будто бы только тогда оцѣнили этого коня, когда Сидъ гарцовалъ на немъ, выѣхавъ на встрѣчу къ своему семейству: «съ этого-то дня оцѣнили Бабіеку во всей Испаніи» (ст. 1599). Напротивъ того, прозаическая хроника о Сидѣ (гл. 2) повѣствуетъ, что Донъ Родриго еще въ ранней молодости получилъ въ подарокъ отъ своего крестнаго отца плохую лошаденку, которую тогда же и назвали *Babieca*—что значитъ *глупый* (Прованс. *babau*) [1]).

Сличая поэму о Сидѣ не только съ позднѣйшими Chansons de Geste, но даже съ пѣснею о Роландѣ, и въ этомъ отношеніи

---

[1]) Конь Ильи Муромца, будто бы, былъ сначала шелудивымъ жеребенкомъ, котораго отецъ этого богатыря купилъ у Карачаровскаго дьячка, или у сосѣда.

нельзя не отдать предпочтенія въ первобытности и свѣжести испанскаго эпоса передъ французскимъ. Конь есть существенная принадлежность рыцаря; и чѣмъ больше развивалось рыцарство, тѣмъ рѣще опредѣлялись рыцарскія принадлежности. Оказалась потребность опредѣлять индивидуальный характеръ знаменитыхъ коней, давая имъ имена. Такъ уже въ пѣснѣ о Роландѣ встрѣчаемъ около десяти собственныхъ именъ коней, напр. конь Роланда—Veillantif, Карломана — Tencendur, Ганелона—Tachebrun и проч. Само собою разумѣется, чѣмъ произведеніе древнѣе, тѣмъ менѣе въ немъ развита потребность къ излишней роскоши, къ случайностямъ, безъ которыхъ легко обойтись. Зачѣмъ, напр. собственныя имена конямъ всѣхъ героевъ, если только эти имена не условливаются эпическими формами самаго языка, какъ напр. нашъ *Сивко-Бурко* и т. п.?

Потому-то, безъ сомнѣнія, надо полагать, что древнѣйшій складъ эпическаго стиля выражается о Сидѣ между прочимъ и въ томъ, что только конь одного Сида чествуется собственнымъ именемъ; и то это имя—самое неказистое, дюжинное, данное грубымъ простонародьемъ, а не изысканною вѣжливостью рыцарства.

Но воротимся къ прерванному нами содержанію. Дамы встрѣчены были изъ Валенсіи съ великою церемоніею. Когда Сидъ подошелъ къ нимъ, Донья Химена бросилась къ нему въ ноги и говорила: «благодарю, Кампеадоръ! въ добрый часъ препоясались вы мечомъ! Вы меня вывели изъ немалаго сраму. Вотъ теперь я передъ вами, я и ваши двѣ дочери: съ Божіею помощью и вашею, онѣ добрыя дѣвушки и воспитанныя». А онъ обнялъ и жену, и дѣтей, и всѣ они отъ радости плакали изъ своихъ очей. Послушайте, что говорилъ рожденный въ добрый часъ: «вы, любимая и честная жена, и мои обѣ дочери, мое сердце и моя душа, войдите со мною въ Валенсію, въ эту вотчину, которую я для васъ добылъ» (ст. 1615). «Мать и дочери цѣловали у него руки. Съ великою честью вошли онѣ въ Валенсію. Мой Сидъ отправился съ ними на башню Альказаръ и поднялся на самую вершину, откуда глаза видятъ во всѣ стороны.

И смотрѣли они, какъ внизу лежитъ городъ Валенсія, а съ другой стороны видѣли море. Видѣли они и сады, густые и великіе, и подняли они руки съ молитвою къ Богу».

Благополучно миновала зима. Наступилъ мартъ. Пришли вѣсти съ того берега отъ моря: идетъ на Сида войною Марокскій король; вотъ уже около Валенсіи разставилъ онъ палатки съ своимъ громаднымъ войскомъ. Сидъ радуется новымъ предстоящимъ подвигамъ, выражая свою радость въ слѣдующихъ задушевныхъ словахъ: «Благодареніе Создателю и Св. Маріи Богоматери! Мои дочери и моя жена со мною. Я долженъ сражаться, не могу избѣжать. Дочери и жена увидятъ, какъ я сражаюсь. Онѣ увидятъ, какъ живутъ въ этой чужой сторонѣ, онѣ увидятъ своими глазами, какъ добываютъ себѣ хлѣбъ». И велѣлъ онъ своей женѣ и дочерямъ подняться на Алькazаръ, и онѣ увидѣли—все пространство кругомъ усѣяно палатками. «Что это такое Сидъ? да спасетъ васъ Создатель»! — «Ну, честная жена, не заботься. Это намъ растетъ богатство, удивительное и огромное. Вы только-что пріѣхали, а вотъ ужъ вамъ и подарокъ. Ваши дочери на выданьѣ, а вотъ имъ несутъ и приданое».— «Благодарю васъ, Сидъ, благодарю и Отца Духовнаго» [1]). — «Оставайтесь въ этомъ дворцѣ, или, если хотите, въ Альказарѣ. Не бойтесь, когда увидите меня въ сраженіи. Съ Божіею помощью и Св. Маріи Богоматери, мое мужество растетъ, потому что вы со мною. Съ Божіею помощью я выиграю это сраженіе». На зарѣ ударили въ барабаны (во вражескомъ станѣ). Мой Сидъ радостно воскликнулъ: «что за отличный нынче день»! А жена его была въ страхѣ, такъ сердце ея и разрывалось; тоже и его дочери и прочія дамы. Какъ родились, не испытывали онѣ такого ужаса. А Сидъ ухватился за свою бороду и говорилъ: «Не бойтесь — все это къ вашей же пользѣ. Черезъ пятнадцать дней, если угодно Создателю, къ вамъ принесутъ вонъ тѣ барабаны, и вы увидите, какіе они. Потомъ они будутъ принадлежать

[1]) Т. е. Господа Бога.

епископу Іерониму: ихъ помѣстятъ въ церкви Св. Маріи, Матери Создателя». Такой обѣтъ далъ Сидъ Кампеадоръ. Дамы ободрились и потеряли страхъ.

Началась война. Первый день для Сида былъ хорошъ: «а завтра будетъ еще лучше», говорилъ онъ своимъ воинамъ: пойдемъ поражать враговъ во имя Создателя и Апостола С.-Яго». Передъ битвою епископъ Іеронимъ отслужилъ имъ обѣдню и далъ отпущеніе во грѣхахъ. «Кто умретъ здѣсь, сражаясь лицомъ ко врагу, тому разрѣшаю я грѣхи, и Господь возьметъ его душу. Для васъ, Сидъ Донъ Родриго, въ добрый часъ препоясались вы мечомъ, я отслужу сегодня утромъ обѣдню. За это въ даръ прошу я у васъ, чтобъ вы разрѣшили мнѣ первые удары»[1]).

Сидъ съ своимъ войскомъ вышелъ черезъ *башни Валенсіи*[2]). Богу было угодно, чтобъ они побѣдили. Сидъ побивалъ столько враговъ, что кровь такъ и лилась *съ его локтя на землю.* Едва спасся отъ него Марокскій король — только на разстояніе меча (ст. 1734), и долго гнался за нимъ Сидъ на своемъ конѣ Бабіекѣ, котораго тогда оцѣнилъ онъ съ головы до ногъ. Послѣ побѣды осталась въ его рукахъ добыча. Пятьдесятъ тысячъ насчитали счетомъ (т. е. воиновъ). Спаслось не больше ста четырехъ. А дружина Моего Сида ограбила непріятельскій станъ: золотомъ и серебромъ добыли они 3,000 марокъ, а прочей добычи нельзя и сосчитать.

Воротившись на Бабіекѣ въ городъ, Сидъ подъѣхалъ къ дамамъ и, сидя на конѣ, сказалъ: «Преклоняюсь передъ вами, дамы! Я вамъ выигралъ большую награду. Вы охраняли Валенсію, а я побѣдилъ на полѣ битвы. Угодно было Богу и всѣмъ Его Святымъ, потому что ради васъ дали они намъ такую добычу. Видите—мечъ въ крови, а конь въ поту. На такомъ конѣ какъ не побѣдить Мавровъ въ полѣ! Чтобъ этотъ конь пожилъ еще много лѣтъ — молите Создателя: и вы сами будете въ чести, и будутъ цѣловать ваши ручки». Когда Сидъ сошелъ съ коня, жена, до-

---

[1]) Т. е., въ битвѣ — обычай, упоминаемый и въ пѣснѣ о Роландѣ IV, 805.

[2]) Т. е., черезъ ворота въ башняхъ. Это были *башни проѣзжія*.

чери и прочія дамы пали передъ героемъ на колѣни и благословляли его за милость. Потомъ онъ отправился съ ними во дворецъ, и тамъ, сидя съ ними на скамьѣ, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: «Ну, жена Донья Химена, не просили ли вы меня? Эти дамы, которыхъ вы привезли съ собой—усердно вамъ служатъ: я хочу ихъ выдать за мужъ за моихъ вассаловъ. За каждою дамъ по двѣсти марокъ серебромъ, чтобъ знали въ Кастильѣ, кому онѣ служили. Что же касается до дочерей, то это придетъ въ свое время». Тогда дамы встали и цѣловали у него руки, и была великая радость по всему дворцу.

Между тѣмъ Минайя шелъ на поле битвы и все тамъ приводилъ въ счетъ и записывалъ, была ли то полатка или драгоцѣнная одежда. «Но я вамъ скажу, что всего важнѣе: не могли свести счета всѣмъ конямъ: много разбѣжалось ихъ, такъ что не могли поймать: и потомъ уже окрестные Мавры много наловили ихъ себѣ; и все же на долю Сида досталось тысяча пятьсотъ коней: такъ какъ Моему Сиду пришлось такое большое число, то другіе могутъ оставаться довольны и тѣмъ, что получили». Множество драгоцѣнныхъ палатокъ досталось Сиду и его дружинѣ; а что касается до превосходной палатки самого Марокскаго короля, то Сидъ рѣшилъ послать ее въ подарокъ королю Альфонсу, для того чтобы онъ повѣрилъ извѣстіямъ о Моемъ Сидѣ; сверхъ того онъ послалъ ему 200 коней, чтобъ Альфонсъ не поминалъ лихомъ того, кто управляетъ Валенсіею.

Епископъ Іеронимъ измучился въ битвѣ, сражаясь обѣими руками. Онъ забылъ и счетъ Маврамъ, которыхъ убилъ. Ему досталась значительная добыча: Мой Сидъ Донъ Родриго, рожденный въ добрый часъ, отъ всей своей пятой доли далъ ему десятину (ст. 1807). Минайя Альваръ Фаньезъ и Перо Бермуезъ, посланные отъ Сида къ королю съ подарками, были имъ необыкновенно ласково приняты; а Сида такъ превознесъ король своею милостію, что возбудилъ въ придворныхъ къ нему ревность.

Тогда-то инфанты Карріона, желая обогатиться, рѣшились

просить Альфонса, чтобъ при его вліяніи, Сидъ выдалъ за нихъ своихъ дочерей: «къ ихъ чести — говорили они — и къ нашей выгодѣ».

Долгій часъ разсуждалъ объ этомъ Альфонсъ, потомъ сказалъ: «добраго Кампеадора я выгналъ изъ своей земли: я сдѣлалъ ему много зла, а онъ мнѣ сдѣлалъ великое добро. Не знаю, будетъ ли ему пріятенъ этотъ бракъ; но такъ какъ вы хотите, попытаемся».

Альфонсъ призвалъ къ себѣ обоихъ посланныхъ отъ Сида бароновъ и поручилъ имъ отъ себя къ нему просьбу о сватовствѣ инфантовъ Карріона; а въ изъявленіе своей полной милости — приглашаетъ Сида къ себѣ ко двору, гдѣ ему будетъ много дѣла. Посланные воротились къ Сиду съ радостными вѣстями; однако замужество дочерей его озаботило. Онъ задумался на долгій часъ: «инфанты Карріона очень горды и имѣютъ большую при дворѣ силу—думалъ онъ: я не желалъ-бы такой партіи: но такъ какъ это совѣтуетъ тотъ, кто лучше меня, то надо это принять къ свѣдѣнію». Что же касается до свиданія съ королемъ Альфонсомъ, то оно назначено было на рѣкѣ Тахо. Это свиданіе должно было совершиться съ великолѣпными церемоніями. Альфонсъ явился съ графами, городскими властями (podestades, стихъ 1989) и съ многочисленною дружиною. Были въ свитѣ и инфанты Карріона. Они были веселы и нарядны; иное купили на наличныя деньги, иное взяли въ долгъ: они уже заранѣе разсчитывали на богатое приданое (ст. 1984 и слѣд.).

Альфонсъ прибылъ на мѣсто свиданія днемъ раньше Сида. Когда явился Сидъ съ своею многочисленною свитою, тотчасъ палъ передъ королемъ въ землю: такъ онъ выразилъ свою покорность передъ Альфонсомъ, своимъ государемъ. Сокрушеніе Сида, выраженное въ такой унизительной формѣ (хоть и согласно съ нравами того вѣка), больно было видѣть самому Альфонсу: «Встаньте, Сидъ Кампеадоръ, говорилъ онъ ему: цѣлуйте только мою руку, но, пожалуйста, не ноги, нѣтъ»! Но Сидъ, все стоя на колѣняхъ, умолялъ короля: «прошу у васъ прощенія, мой при-

родный господинъ (mio natural senor, ст. 2041): я буду стоять такъ, и пожалуйте вашею любовію такъ, чтобъ видѣли и слышали всѣ здѣсь предстоящіе». Король простилъ Сида отъ всей души и отъ всего своего сердца, и такимъ образомъ заключенъ былъ между ними тѣсный союзъ любви и дружбы.

За тѣмъ начались взаимныя угощенія; и король и Сидъ, оба хотятъ превзойти другъ друга въ гостепріимствѣ. Во время пиршества король Альфонсъ лично предложилъ Сиду просьбу инфантовъ Карріона о сватовствѣ. Сидъ, хоть находилъ, что дочери его еще молоды, но отказать не могъ, и, разставаясь съ королемъ, взялъ съ собою своихъ будущихъ зятьевъ въ Валенсію. Пріѣхавъ въ этотъ городъ, Сидъ сообщилъ вѣсть о свадьбѣ своей женѣ, и, не спросясь у дочерей, какъ на Руси въ старину, ихъ выдаетъ за мужъ за инфантовъ Карріона, за Донъ Діего и Донъ Ферандо, сыновей графа Гонзало. Празднества бракосочетанія сопровождались пиршествомъ и конскою скачкою, и тянулись пятнадцать дней. Приданаго было столько, что потеряли счетъ деньгамъ. Всѣ въ свитѣ были щедро одарены подарками.

Инфанты Карріона цѣлые два года жили въ любви и дружбѣ съ своими женами. «Сидъ былъ доволенъ, какъ и всѣ его вассалы».

«Здѣсь оканчиваются стихи этой пѣсни — да будетъ вамъ въ помощь Создатель и всѣ его Святые». Это именно то мѣсто, отдѣляющее двѣ пѣсни поэмы о Сидѣ, о которомъ было уже упомянуто.

Семейная жизнь дочерей Сида, Доньи Эльвиры и Доньи Соль, съ инфантами Карріона, предлагаетъ намъ замѣчательные образчики нравовъ и супружескихъ отношеній для исторіи средневѣковой женщины XI и XII вѣковъ.

Чтобъ понять нравы этой суровой эпохи, сначала слѣдуетъ войти въ нѣкоторыя юридическія подробности. Надо знать, что въ эпоху, изображаемую въ поэмѣ о Сидѣ, жена, по различію своихъ общественныхъ отношеній къ мужу, имѣла двоякое названіе: *mugier* (новоиспанское muger, т. е. mulier) и *barragana*

(женская форма отъ арабскаго *barragan* — молодой человѣкъ, холостякъ на возрастѣ) и собственно соотвѣтствуетъ латинскому *concubina* — наложница. Но какъ *mugier*, такъ и *barragana* — равно считались законными женами; съ той и съ другой бракъ заключался законнымъ порядкомъ и съ тѣми же церковными обрядами; разница состояла только въ томъ, что если жена была равныхъ правъ съ мужемъ, изъ одного сословія съ нимъ, то была настоящая *muger;* если же она была ниже своего мужа по общественному положенію, то была *barragana*. Хотя это слово пришло къ Испанцамъ отъ Арабовъ, но такимъ образомъ получило свое собственное значеніе, согласное съ развитіемъ быта.

Инфанты Карріона называли своихъ женъ *barraganas:* «мы бы не взяли ихъ себѣ въ *барраганы*, — говорили они о дочеряхъ Сида — если бы насъ не просили; потому что онѣ *не были намъ равны*, чтобъ быть въ нашихъ рукахъ» (или объятіяхъ; стих. 2769—2771).

Бракъ съ barragana заключался съ меньшею торжественностію и безъ предварительныхъ юридическихъ актовъ *залога* или *задатка* [1]). Этотъ актъ (por arras) заключался письменно. Въ немъ женихъ отдавалъ своей будущей женѣ извѣстныя земли и имѣнія, и ихъ лишался, въ случаѣ, если самъ не исполнитъ принимаемыхъ имъ на себя обязательствъ. Согласно этому юридическому обычаю, инфанты Карріона, уѣзжая отъ Сида, обѣщали его дочерямъ дать города въ *задатокъ* и *въ ленное владѣніе* [2]). Но все же изъ этого мѣста можно заключить, что самый актъ не былъ заключенъ передъ свадьбою.

Какъ бы то ни было, только вскорѣ оказалось, что въ инфантахъ Карріона Сидъ нашелъ недостойныхъ себя родственниковъ; и тѣмъ больнѣе это ему было, что онъ по теплому родственному чувству зоветъ ихъ своими сыновьями, потому что они мужья его родныхъ дочерей.

---

[1]) Испан. arras, франц. arrhes, глаг. arrher.

[2]) Por arras è por honores. Стихъ 2574.

Разъ Сидъ спалъ, лежа на скамьѣ. Въ то время левъ вырвался изъ клѣтки и напугалъ всѣхъ. Воины бросились къ спящему Сиду и окружили его, думая защитить отъ дикаго звѣря, если онъ бросится. Но инфанты Карріона оба потеряли голову, они были трусы. Ферранъ Гонзалезъ [1]) залѣзъ подъ скамью, на которой спалъ Сидъ; а Діего Гонзалезъ убѣжалъ на точила, гдѣ выжимаютъ виноградъ, и, тамъ спрятавшись, испачкалъ свою мантію и кафтанъ. Позднѣйшіе романсы безпощадно преслѣдуютъ трусость инфантовъ Карріона, повѣствуя, что Донъ Діего, старшій изъ братьевъ, спрятался въ такое грязное мѣсто, которое неприлично и называть.

Проснувшись, Сидъ узнаётъ отъ окружавшей его дружины о тревогѣ, произведенной львомъ. Сидъ всталъ, накинулъ на себя мантію и пошелъ на встрѣчу ко льву. Левъ, увидѣвъ это, оробѣлъ: «передъ Моимъ Сидомъ склонилъ голову и опустилъ внизъ морду. Мой Сидъ Донъ Родриго взялъ его за шею, и, будто ручнаго, повѣлъ его и заперъ въ клѣтку: и всѣ видѣвшіе очень удивились». Потомъ, когда всѣ воротились во дворецъ, Сидъ спрашивалъ, гдѣ его зятья. Но не могли ихъ сыскать. Долго ихъ звали; отвѣту не было. Наконецъ нашли ихъ; на нихъ лица не было отъ страху: «вы никогда не видали такой потѣхи, какая пошла по всему дворцу, такъ что Сидъ даже принужденъ былъ запретить насмѣшки».

Эта сцена напоминаетъ подобную же о юномъ Пепинѣ, который, по разсказу во Французскомъ романѣ о Бертѣ, поразилъ льва, тоже вырвавшагося изъ клѣтки. По сродству Испанскихъ эпическихъ преданій съ Французскими, вѣроятно, оба эти разсказа одного происхожденія, и, можетъ быть, во Французскомъ романѣ, конечно позднѣйшемъ, эта сцена заимствована изъ общихъ народныхъ преданій, которыя въ Испаніи были примѣнены къ Сиду, а во Франціи къ королю Пепину.

Посрамленіе, претерпѣнное инфантами Карріона при дворѣ

---

[1]) То-есть сынъ Гонзало.

Сида, рѣшило ихъ на месть. Обстоятельства ускорили ихъ рѣшимость, еще разъ подвергнувъ испытанію ихъ храбрость.

Еще разъ Марокскій король напалъ на Валенсію. Всѣ радовались случаю отличиться подвигами и добыть себѣ добычу. Только инфанты Карріона были не въ духѣ и видимо хотѣли избѣжать опасностей войны, хотѣли бы поскорѣе спастись къ себѣ въ Карріонъ. «Пусть они останутся покойны, говорили о нихъ, и пусть не будетъ имъ части въ добычѣ». — «Да спасетъ васъ Богъ, мои зятья, инфанты Карріона, улыбаясь говорилъ имъ Сидъ: обнимайтесь съ моими дочерьми, бѣлыми какъ солнце; я желаю сражаться, а вы—скорѣе быть въ Карріонѣ. Забавляйтесь въ Валенсіи, какъ хотите, потому что я хорошо знаю, что, съ Божіей помощью, прогоню отсюда Мавровъ».

Въ противоположность трусливымъ бездѣльникамъ, въ лицѣ которыхъ поэма преслѣдуетъ знать своего времени, въ особѣ епископа Іеронима изображается доблестный монахъ, такъ что даже монахи были храбрѣе и достойнѣе носить мечъ, нежели такіе чванливые аристократы, какъ инфанты Карріона. Передъ битвой такъ говорилъ епископъ Іеронимъ: «Сегодня отслужилъ я вамъ обѣдню Святой Троицы[1]). Затѣмъ я оставилъ свою землю и пришелъ къ вамъ, чтобъ побивать Мавровъ. Я хотѣлъ бы почтить тѣмъ мой орденъ и мои руки (ст. 2383), и въ этомъ сраженіи я хочу идти впередъ».

Не смотря на свою трусость, инфанты Карріона не могли оставаться въ городѣ, и волею, не волею, были въ войскѣ; и, послѣ блистательной побѣды надъ Марокскимъ королемъ, Сидъ радовался, что и зятья его отличались на полѣ битвѣ, но дружина про себя смѣялась, потому что всѣ знали, кто во время битвы хорошо дрался.

Чтобы избѣжать новыхъ опасностей и не подвергаться насмѣшкамъ послѣ сцены со львомъ, инфанты Карріона рѣшились отправиться къ себѣ домой, взявъ съ собою своихъ женъ, однако

---

[1]) La misa de Sancta Trinidade, ст. 2380.

въ томъ намѣреніи, чтобъ на пути, отомстивъ на нихъ все свое униженіе, ихъ оставить. «Мы можемъ жениться на дочеряхъ короля или императора, потому что по своему роду мы графы Каріонскіе»—говорили они между собой (ст. 2563).

Отпрашиваясь у Сида съ женами домой, инфанты однако обѣщали, что они своимъ женамъ по праву задатка или вѣна (por arras) дадутъ земли и города. Сидъ за то на разставаньѣ далъ за своими дочерьми въ приданое 3,000 марокъ серебра, множество всякаго драгоцѣннаго одѣянія и сверхъ того каждому зятю по мечу; это были знаменитые Сидовы мечи — *Колада* и *Тизонъ:* «вы знаете, — говорилъ онъ инфантамъ, — что я добылъ ихъ, какъ баронъ. Вы оба мои сыновья, потому что я отдалъ вамъ моихъ дочерей, уносите съ собою *покровы отъ моего сердца* [1]). Пусть знаютъ въ Галисіи, въ Кастильѣ и въ Леонѣ, съ какими богатствами я отпускаю отъ себя своихъ зятьевъ. *Служите* [2]) моимъ дочерямъ, потому что онѣ ваши жены, и чѣмъ лучше будете *служить* имъ, тѣмъ больше отъ меня за то будете вознаграждены».

Въ провожатые своимъ дочерямъ Сидъ далъ своего племянника Фелеза Муньоза (Felez Muñoz), поручивъ на пути кланяться своему другу Маврскому королю Абенгальвову (Moro Abengalvon), съ просьбою, чтобъ онъ позаботился о его дочеряхъ.

Павши на колѣни, дочери прощались съ Сидомъ, и всѣ плакали; плакали даже воины Сида; наконецъ дочери разстались съ отцемъ, съ матерью, какъ *ноготь отъ мяса*,—въ такой варіаціи повторяется эпическое выраженіе пѣвца.

Инфанты съ своими женами отправились. Прибывъ во владѣнія Мавра Абенгальвона и видя его преданность къ Сиду, они задумали было его убить и обогатиться его сокровищами, но одинъ изъ подданныхъ этого короля, Мавръ, знающій по-роман-

---

[1]) То-есть, какъ бы мясо отъ моего сердца, плоть моей плоти — las telas del corazon. Ст. 3527.

[2]) Выраженіе уже рыцарское; «a mis fijas sirvades». Ст. 2590.

ски [1]), подслушалъ ихъ преступный планъ и предупредилъ своего господина. Такіе гнусные предатели были инфанты, что даже мусульманинъ является честнѣе и благороднѣе ихъ и срамитъ ихъ слѣдующими словами: «Скажите мнѣ, что я вамъ сдѣлалъ, инфанты Карріона? Я услуживалъ вамъ безъ всякой хитрости, а вы мыслите на мою жизнь! Если бы я не воздержался ради Моего Сида, то сдѣлалъ бы надъ вами то, о чемъ молва пошла бы по всему свѣту и воротилъ бы я Кампеадору его дочерей, а вы бы никогда не доѣхали до своего Карріона. Теперь же я оставляю васъ, злые предатели»!

Инфанты съ женами продолжали путь; проѣзжаютъ *свѣтлыя горы* [2]). Наконецъ въѣхали они въ дуброву или дубовый лѣсъ Корпесъ (al rodredo de Corpes). Деревья тамъ громадныя, вѣтви къ облакамъ поднимаются; кругомъ рыщутъ лютые звѣри. Инфанты остановились въ одной прогалинѣ у прозрачнаго ручья и велѣли раскинуть палатку. Тутъ они провели ночь: «держа въ объятіяхъ своихъ женъ, они оказывали имъ любовь; но злобно довершили ее, когда взошло солнце».

Инфанты велѣли собраться всей своей свитѣ и отправиться въ путь, а сами съ женами остались одни и такъ говорили имъ: «Будьте увѣрены, Донья Эльвира и Донья Соль, здѣсь будете вы обезславлены въ этихъ дикихъ горахъ. Мы сейчасъ отправляемся, а вы будете брошены. Не будетъ вамъ чести въ земляхъ Карріона. Такая молва дойдетъ до Сида Кампеадора. Такъ отомстимъ мы на васъ, что было намъ изъ-за льва».

Они сорвали съ обѣихъ дамъ всѣ ихъ верхнія одѣянія, оставили ихъ въ однихъ сорочкахъ и шелковыхъ туникахъ (en ciclatones, ст. 2731), и взяли въ руки крѣпкія подпруги. Видя то, Донья Эльвира говорила: «Просимъ васъ во имя Божіе, Донъ Діего и

---

[1]) Un Moro latinado. Ст. 2671.

[2]) Por los montes claros. Ст. 2703. Это были горы лѣсистыя, такъ что по-испански также, какъ кое-гдѣ и у Славянъ, *гора*, *monte*, значитъ вмѣстѣ и гора и лѣсъ, что уже самою формою въ языкѣ характеризуетъ природу мѣстности.

Донъ Фернандо: есть у васъ два могучіе вострые меча: одинъ называется Колада, другой — Тизонъ, срубите намъ головы, мы будемъ мученицы. *Мавры и Христіане* будутъ согласны въ томъ, что съ нами обходились недостойно. Если вы насъ будете бить, вы только сами себя обезславите. Потребуютъ у васъ въ томъ отчета и въ судѣ и на всякомъ мѣстѣ»[1]). Но мольба ни къ чему не послужила. Инфанты Карріонскіе стали ихъ бить гибкими подпругами, а вострыми шпорами рвать на нихъ рубашки и самое тѣло. Кровь струилась по туникамъ. «Обѣимъ больно было до самаго сердца. О если бы къ ихъ счастію угодно было Создателю, чтобъ въ эту минуту явился Сидъ Кампеадоръ»!

Инфанты утомились, нанося удары, они пробовали: кто изъ нихъ сильнѣе ударитъ. Донья Эльвира и Донья Соль не могли ужъ вымолвить ни слова, и негодяи оставили ихъ замертво въ добычу горнымъ птицамъ и хищнымъ звѣрямъ; и несчастныя женщины не могли помочь другъ другу. А инфанты поѣхали въ горы и поздравляли себя, что отомстили за свою женитьбу, потому что считали для себя этотъ бракъ неравнымъ съ дочерьми Сида, которыхъ они называли barraganas, или наложницами (ст. 2769—71).

Между тѣмъ племянникъ Сида Фелезъ Муньозъ (который провожалъ своихъ двоюродныхъ сестеръ), узнавъ о случившемся, воротился и нашелъ обѣихъ несчастныхъ безъ чувствъ, звалъ ихъ по имени и долго не могъ дозваться. Наконецъ онѣ открыли глаза и увидѣли своего двоюроднаго брата.

Эта сцена описана въ поэмѣ въ самыхъ живыхъ чертахъ съ драматическими подробностями, необыкновенно вѣрными природѣ, и во всей наивности безъискусственной поэзіи.

Первымъ словомъ Доньи Соль было попросить воды; она просила во имя своего отца Кампеадора и молила Богомъ; ей ничего другаго не было нужно! такъ была она истерзана.

Тогда Фелезъ Муньозъ взялъ свою шляпу (а она была со-

---

[1]) En vistas ò en cortes. Ст. 2743.

всѣмъ новенькая, потому что онъ только что надѣлъ ее, выѣзжая изъ Валенсіи), и зачерпнулъ шляпой воды и далъ испить обѣимъ своимъ сестрамъ. Потомъ подкрѣпилъ ихъ силы, и, сколько могъ, успокоилъ, и, посадивши ихъ вмѣстѣ на одного коня и прикрывъ ихъ своею мантіею, повелъ коня подъ уздцы. Въ мѣстечкѣ Сантестебанъ несчастныя были радушно приняты съ полнымъ участіемъ, и тамъ поправились въ своемъ здоровьѣ, пока дано было знать Сиду, чтобъ онъ прислалъ за ними.

Когда узналъ объ этомъ Сидъ, долгій часъ думалъ онъ думу, потомъ поднялъ руки и взялся за бороду: «Слава Христу, Господу всего міра! Вотъ какую честь воздали мнѣ инфанты Карріона! Клянусь этой бородой, которую никто никогда не рвалъ (ст. 2842); не дастся она имъ на потѣху, инфантамъ Карріона, потому что выдамъ же я своихъ дочерей замужъ, какъ подобаетъ». И онъ отправилъ за ними посланныхъ, между которыми былъ уже извѣстный намъ Минайя и Перо Бермуезъ. Донья Эльвира и Донья Соль радостно ихъ увидали и благословили небо, присовокупивъ: «на досугѣ мы поразскажемъ когда нибудь о нашемъ несчастіи». И плакали дамы и посланные отъ Сида, а одинъ изъ нихъ въ утѣшеніе говорилъ дамамъ: «Не печальтесь! вы теперь живы и здоровы, и нѣтъ въ васъ никакого худа. Вы потеряли хорошее замужество, найдете лучше того. Придетъ время и мы отомстимъ за васъ».

Когда дамы подъѣзжали къ Валенсіи, Сидъ выѣхалъ имъ на встрѣчу, и, обнимая ихъ, съ улыбкою такъ говорилъ имъ: «Идите ко мнѣ, мои дочери, Богъ да спасетъ васъ отъ зла. Я согласился на ваше замужество, но я не могъ противорѣчить. Да будетъ милость Творца, иже на небесѣхъ, чтобъ я нашелъ вамъ лучшую партію! А инфантамъ Карріона, Богъ дастъ, отомщу».

Потомъ Сидъ послалъ къ королю Альфонсу пословъ, увѣдомляя его объ обидѣ, нанесенной инфантами: «безчестіе, причиненное мнѣ ими, — говорилъ Сидъ, — оскорбитъ добраго короля отъ всей души и отъ всего сердца, потому что это онъ выдалъ замужъ моихъ дочерей, а не я». Для возстановленія чести своихъ

дочерей Сидъ просилъ у короля суда надъ обоими инфантами. Король горячо принялъ къ сердцу дѣло Сида и тотчасъ же повелѣлъ нарядить судъ въ Толедо, созвавъ на него графовъ и бароновъ, черезъ семь недѣль срокомъ, и изъ Леона, и Сантъ-Яго, и изъ Португаліи, и Галисіи; чтобъ были на немъ и инфанты Карріонскіе.

Прежде нежели мы приступимъ къ разбору этого замѣчательнаго эпизода о судѣ надъ инфантами Карріонскими, столь же интереснаго эпизода и въ литературномъ, и въ бытовомъ — юридическомъ отношеніи, надобно обратиться назадъ, чтобъ привести къ общимъ соображеніямъ тѣ результаты, которые выводятся изъ поэмы о Сидѣ для исторіи женщины и вообще семейныхъ и общественныхъ нравовъ XII вѣка.

Во-первыхъ, обращеніе инфантовъ съ дочерьми Сида, очевидно, относится къ эпохѣ, предшествующей утонченнымъ обычаямъ, которые почти въ то же время въ Провансѣ предписывались въ обращеніи съ дамами. Въ то время, какъ поэма о Сидѣ и французскія Chansons de Geste свидѣтельствуютъ, какъ въ дѣйствительности жалко было положеніе женщины; въ то время, какъ инфанты Карріона, безъ всякой нужды, тиранятъ своихъ женъ и бьютъ, какъ собакъ; въ то время, какъ Труверы изображаютъ грубое обращеніе Роланда съ своею невѣстою Альдою, которую онъ, какъ дикарь, хватаетъ на глазахъ всего войска — и тащитъ въ свою палатку, или какъ несчастную мать Доона Маинцкаго тащатъ за косы на судъ, въ которомъ ее неправо обвинили: — въ то же время кругомъ Тулузы, въ замкахъ, начинается новое общественное движеніе, чтобъ предъявить права дамы, какъ покровительницы наукъ и поэзіи, какъ прекраснаго центра утонченной общественности. Грубость дѣйствительности еще скрывается подъ лоскомъ рыцарской вѣжливости, и грубое сладострастіе даетъ себя чувствовать въ кажущейся невинной сентиментальности; но возвращеніе къ такимъ звѣрскимъ натурамъ, какъ инфанты Карріонскіе, становится уже невозможнымъ; приличіе и утонченность нравовъ уже не соотвѣтствуетъ тѣмъ ди-

кимъ выраженіямъ наивной страсти, какія Труверъ находилъ умѣстнымъ въ поступкахъ даже самого Роланда. Съ другой стороны, если сличить дочерей Сида съ героинями предшествующей эпохи, то нельзя не замѣтить, что такія личности, какъ Брингильда, Гудруна, Розамунда, Теоделинда, которыхъ рисуетъ намъ эпосъ Франкскій, Бургундскій, Лонгобардскій — ставятъ женщину на высшую степень ея нравственнаго вліянія и положенія въ семействѣ и обществѣ, нежели тѣ скромныя страдалицы, какихъ изображаетъ поэма въ дочеряхъ Сида. Вмѣстѣ съ первобытною жестокостью будто бы женщина утратила и свою энергію, будто изъ божественной Валькиріи, одинаково способной и на зло, и на добро, и такой же воительницы, какъ и всѣ герои, — женщина, сосредоточившись въ мирномъ семейномъ кругу и воспитывая въ себѣ кроткія семейныя добродѣтели — нѣкоторое время оставалась непризнанною въ своихъ высокихъ нравственныхъ правахъ: и, переставъ сама отличаться воинскими подвигами и злодѣйствовать, она на-время должна была пасть невинною жертвою грубости и жестокости той эпохи, которая не умѣла еще оцѣнить мирные нравы. Къ этой-то переходной порѣ отъ эпохи сверхъестественныхъ героинь и суровыхъ воинственныхъ и мстительныхъ женщинъ, какія часто изображаются въ сѣверныхъ сагахъ — до изнѣженныхъ и утонченныхъ красавицъ, какихъ воспѣваютъ провансальскіе трубадуры — между этими двумя крайностями являются эти кроткіе и безотвѣтные женскіе типы, образчики которыхъ рисуетъ намъ поэма о Сидѣ въ характерѣ его дочерей, простота и непритязательность которыхъ напоминаютъ намъ нравы и обычаи русской женщины въ нашихъ лирическихъ пѣсняхъ и былинахъ. Эти кроткія личности далеко уступаютъ въ героическомъ величіи какой-нибудь Гудрунѣ или Кримгильдѣ, но онѣ жизненнѣе и правдивѣе тѣхъ вѣтренныхъ прелестницъ, которыя въ XII и XIII вѣкахъ дурачили сентиментальныхъ Трубадуровъ, посвящавшихъ имъ на служеніе свою вѣжливую музу.

Второе замѣчаніе касается параллели между женскими ти-

пами испанскаго эпоса и русскаго въ нашихъ былинахъ. Много было говорено о жалкомъ положеніи женщины въ древней Руси и о не совсѣмъ выгодныхъ для нея, невзрачныхъ ея образчикахъ въ русскомъ эпосѣ, — но сравнительное изученіе литературы убѣждаетъ, что Русь въ своемъ эпосѣ прошла тѣ же моменты въ историческомъ развитіи, какіе во всей ясности замѣчаются и во Франціи и въ Испаніи; и теперь, послѣ возмутительной сцены въ дубовомъ лѣсу Корпесъ, можно утверждать, что ни одна женщина въ русскихъ былинахъ, ни еретница Марина, ни Авдотья Лебедь Бѣлая, не была такъ постыдно поругана своими мужьями, какъ дочери Сида инфантами Карріонскими.

Но высшее развитіе испанскихъ нравовъ XII вѣка сравнительно съ русскими нравами, изображаемыми въ нашихъ былинахъ, существенно состоитъ въ томъ, что Русскіе мужья тиранили своихъ женъ безнаказанно, между тѣмъ какъ надъ инфантами Карріона наряженъ былъ *судъ* передъ лицомъ благородныхъ представителей всей Испаніи.

Возвращаясь къ поэмѣ о Сидѣ, слѣдуетъ начать однимъ замѣчаніемъ юридическаго содержанія; потому что поэзія, въ своихъ лучшихъ образцахъ, составляетъ существенное дополненіе юридическаго быта, а его внѣшнее устройство подчинено юридической формаціи.

Мы остановились на судѣ, который король Альфонсъ составилъ въ Толедо, для рѣшенія тяжбы между Сидомъ и инфантами Карріона. Въ поэмѣ этотъ судъ называется *cort* или *cortes*, безъ различія, то въ единственномъ, то во множественномъ числѣ, по свойству испанскаго языка, который употребляетъ иногда множественное число вмѣсто единственнаго. Собственно *cort*, *corte*, французское *cour*, значитъ дворъ, и сверхъ того, дворъ владѣтельнаго лица, короля, вассала. Обыкновенно производятъ это слово отъ *cohortes*, какъ иногда, въ средневѣковыхъ документахъ дѣйствительно называется собраніе властей; но, слѣдуя Дицу, надобно полагать, что это не что иное, какъ латинское *chors* (или *cors*) *chortis* — первоначально въ быту деревенскомъ, пастуше-

скомъ, скотный дворъ, огороженное мѣсто около жилья; потомъ съ развитіемъ историческимъ, деревенское слово получило общее значеніе всякаго двора вообще, а потомъ и двора владѣтельныхъ особъ.

Хотя въ Пѣснѣ о Роландѣ судъ надъ Ганелономъ называется уже совѣтомъ (conseil), но и во французскихъ Chansons de Geste, *cort* употребляется въ томъ же значеніи, какъ въ испанской поэмѣ; напримѣръ въ пѣснѣ о Гаренѣ: «*la cort* assemble à la cit de Paris». Итакъ *cort* или *cortes* было совѣщательное и судебное собраніе, назначаемое королемъ при своемъ *дворѣ;* «ir a *la cort*» (ст. 3089) — значитъ идти ко двору и идти на королевское собраніе, на судилище; «esta cort yo fago» (ст. 2982) — этотъ дворъ я дѣлаю, то-есть, собираю этотъ совѣтъ или наряжаю судъ. Отсюда потомъ позднѣйшіе испанскіе *cortes* — собраніе кортесовъ или выборныхъ судей.

Между знатнѣйшими грандами, собранными въ судилище, поэтъ называетъ графа Генриха и графа Ремонда, то-есть, Раймонда: «это былъ отецъ добраго императора» (ст. 3014), то-есть, Раймондъ Бургонскій, отецъ Альфонса VII (о чемъ было уже упомянуто при опредѣленіи времени, когда была составлена поэма).

Инфанты Карріонскіе явились съ своею партіею. Наконецъ со свитою во сто человѣкъ, для охраненія отъ вражеской партіи, съ племянниками и съ епископомъ Іеронимомъ приходитъ ко двору и самъ Сидъ, чтобы просить себѣ правды и сказать истину (ст. 3090). Сначала, въ день суда, онъ отстоялъ обѣдню, потомъ явился предъ многочисленнымъ собраніемъ, посреди сотни своихъ тѣлохранителей. «Борода была у него длинная, и онъ привязалъ ее шнуркомъ, чтобы обезопасить себя отъ оскорбленія» (ст. 3103—4). Король и присутствующіе встали и съ честью принимали Сида, и всѣ на него съ удивленіемъ смотрѣли: во всемъ казался онъ настоящимъ барономъ; только инфанты Карріона со стыда не могли смотрѣть.

Судебное засѣданіе открылъ самъ король слѣдующими сло-

вами: «Послушайте, дружина (mesnadas, франц. mesnies, ст. 3139), да поможетъ вамъ Создатель! Съ тѣхъ поръ, какъ я королемъ, я собиралъ только два двора[1]), первый въ Бургосѣ, другой въ Карріонѣ. Этотъ третій я нарядилъ въ Толедо, ради любви къ Моему Сиду, который въ добрый часъ родился; чтобъ онъ получилъ правду отъ инфантовъ Карріона. Они причинили ему великую обиду, всѣ мы это знаемъ. Пусть будутъ въ этомъ дѣлѣ судьями (alcaldes) — графъ Донъ Анрихъ и графъ Донъ Ремондъ, и вы, прочіе графы, не причастные дѣлу. Подумайте обо всемъ, потому что вы мудры, и рѣшите правду, а я не хочу никакой кривды. Да будетъ сегодня мирно и въ той и другой партіи. Клянусь Святымъ Исидоромъ, кто нарушитъ мой дворъ (то-есть, судебное засѣданіе), оставитъ мое королевство и лишится моей милости. Я буду на той сторонѣ, на чьей правда. Сначала пусть Мой Сидъ говоритъ, чего онъ ищетъ, потомъ услышимъ, что̀ будутъ отвѣчать инфанты Карріонскіе.

Тогда поднялся Сидъ, и, поцѣловавъ у короля руку, сталъ говорить: «Много благодарю васъ, какъ короля и моего господина, что вы нарядили этотъ дворъ, ради любви ко мнѣ. Вотъ чего я ищу на инфантахъ Карріона. Что они оставили моихъ дочерей, нѣтъ мнѣ въ томъ безчестья, потому что это вы, король, выдали ихъ замужъ, и знаете сами, что̀ теперь дѣлать. Но когда они уводили моихъ дочерей изъ великой Валенсіи, я, любя ихъ обоихъ отъ души и сердца, далъ каждому по мечу, Коладу и Тизонъ (я ихъ добылъ, какъ настоящій баронъ), для того, чтобъ они ими прославились и вамъ служили. Но они оставили моихъ дочерей въ дубровѣ Корпесъ, и ничего общаго со мною имѣть не хотятъ и потеряли мою любовь. Пусть возвратятъ они мнѣ мои мечи, потому что они больше мнѣ не зятья».

Судьи рѣшили: «это правда». А графъ Донъ Гарсія, изъ партіи инфантовъ Карріонскихъ и заклятой врагъ Сида, приглашаетъ своихъ подумать между собою, и они рѣшили возвратить мечи,

---

[1]) Non fizmas de dos cortes. Ст. 3140.

въ радости полагая, что этимъ отдѣлаются въ тяжбѣ. Получивъ оба меча, Сидъ держалъ ихъ въ рукахъ, внимательно разсматривая. «Не могли ихъ подмѣнить, потому что Сидъ хорошо зналъ свои мечи». *Все тѣло его веселилось*, и онъ улыбнулся отъ сердца; поднялъ руку и, взявшись за бороду, сказалъ: «Клянусь этой бородою, которую никто не рвалъ, такъ будутъ отомщены Донья Эльвира и Донья Соль». Потомъ тотчасъ же одинъ мечъ, Тизонъ, подарилъ своему племяннику Фелезу Муньозу, а Коладу — Мартину Антолинезу.

Послѣ этого Сидъ всталъ и опять говорилъ свою правду: «Благодареніе Создателю и вамъ, государь король! Я удовлетворенъ своими мечами Коладою и Тизономъ. Но у меня еще другой искъ на инфантахъ Карріонскихъ. Когда они уводили изъ Валенсіи моихъ дочерей, я далъ имъ деньгами 3,000 марокъ серебромъ. Когда я поступалъ такъ, они мыслили противъ меня. Пусть отдадутъ они мое имѣніе, потому что они мнѣ ужъ не зятья».

Это привело инфантовъ и всю ихъ партію въ великое смущеніе, потому что они не ожидали дальнѣйшаго иска, а деньги они истратили. Однако рѣшено было удовлетворить и эту статью иска. Инфанты уплатили часть вещами, часть деньгами, прибѣгнувъ къ займу.

Не успѣли инфанты оправиться отъ этого удара, какъ Сидъ опять повелъ свой искъ: «Смилуйтесь, государь король! Не могу я забыть самой великой обиды. Послушайте меня, весь дворъ, и сжальтесь надъ моимъ горемъ. Великое нанесли мнѣ безчестіе инфанты Карріонскіе, и безъ *вызова* (riebda) не могу я ихъ оставить. Скажите, инфанты, чѣмъ я васъ обидѣлъ въ шутку или въ правду, какъ бы ни было? Я повинуюсь во всемъ, по суду двора. Зачѣмъ растерзали вы *покровы моего сердца?* На отъѣздѣ вашемъ изъ Валенсіи, я вручилъ вамъ моихъ дочерей съ великою честію и съ большимъ имуществомъ. Если онѣ ужъ были вамъ не любы, зачѣмъ вы, собаки-предатели, увезли ихъ изъ ихъ владѣній, изъ Валенсіи? Зачѣмъ терзали вы ихъ подпругами и шпорами и оставили въ дубровѣ Корпесъ — дикимъ звѣрямъ и лѣс-

нымъ птицамъ? Все, что вы сдѣлали, во всемъ ваша неправда. Если вы сами не дадите мнѣ удовлетворенія, пусть требуетъ этотъ дворъ» (то-есть, судъ).

Тогда всталъ Донъ Гарсія (партіи инфантовъ) и говорилъ: «Да будетъ надо мною ваша милость, король, лучшій во всей Испаніи. Вотъ передъ вами Мой Сидъ въ собранныхъ Кортесахъ [1]). Вотъ какую длинную бороду отростилъ онъ: однихъ ею пугаетъ, другихъ удивляетъ. А инфанты Карріона такой породы, что не могли удостоить его дочерей чести быть ихъ женами (por barraganas). И кто почтетъ его дочерей имъ равною партіей? Потому инфанты были въ правѣ ихъ оставить. А что говоритъ Сидъ, мы ни во что ставимъ».

Тогда Сидъ Кампеадоръ взялся за свою бороду и говорилъ: «Благодареніе Богу, который управляетъ небомъ и землею. Борода у меня длинная, потому что во льготѣ росла. Что же вы корите меня, графъ, моею бородою? Съ тѣхъ поръ, какъ она показалась, въ привольѣ росла; потому что не дотрогивался до нея никто, рожденный отъ жены, не рвалъ ее ни одинъ изъ сыновей Мавра или Христіанина, какъ я рвалъ вашу, графъ, въ замкѣ Кабрѣ. Когда я взялъ Кабру, а васъ взялъ за бороду, всякій мальчишка щипалъ ее у васъ».

Инфанты Карріона, прерывая ненужную брань, одинъ за другимъ подтвердили тоже, что они имѣли право оставить своихъ женъ. Тогда стали укорять ихъ въ трусости и подлости племянникъ Сида Перо Бермуезъ и Мартинъ Антолинезъ, припоминая, какъ они трусили въ битвѣ съ Маврами подъ стѣнами Валенсіи и какъ постыдно прятались отъ льва. Для пущей обиды друзья Сида говорили инфантамъ *ты*, называли ихъ предателями и измѣнниками и особенно ставили имъ въ укоръ ихъ ненавистное поведеніе съ женами: «онѣ вѣдь женщины — говорили они — а вы мужчины, и во всемъ онѣ достойнѣе васъ». Брань между партіями дошла до того, что одинъ изъ партіи инфантовъ называетъ

---

[1]) Allas cortes pregonadas. Ст. 3284.

Сида мельникомъ. Это мѣсто (3390 ст. и слѣдующіе) даетъ комментаторамъ поводъ къ предположенію о мѣщанскомъ происхожденіи Сида. «Экая бѣда случилась, бароны! — говорилъ обидчикъ: кто знаетъ новыя вѣсти о Моемъ Сидѣ де Биваръ? Не лучше ли отправиться ему въ Ріодовирну толкать свои жернова и собирать деньги за помолъ по своему обычаю? Кто это ему вколотилъ въ голову замужество его дочерей съ инфантами Карріона?

Въ то время, какъ инфанты Карріона и ихъ партія такъ высокомѣрно унижали фамильную гордость Сида, сама судьба ниспослала ему великую почесть. Къ королевскому двору явились двое рыцарей, Ойарра и Іенего Хименесъ, одинъ инфантъ Наваррскій, другой инфантъ Арагонскій, и просятъ себѣ въ супруги дочерей Сида. Итакъ инфанты Карріонскіе, гнушавшіеся родствомъ съ Сидомъ, теперь должны были преклониться передъ бывшими ихъ женами, потому что имъ предстояла партія изъ королевской фамиліи.

Преданные друзья Сида, объявивъ инфантовъ Карріонскихъ злодѣями и предателями требовали битвы (ст. 3454). Положено было черезъ три недѣли сойтись поединкомъ въ Карріонѣ, въ присутствіи самого короля и назначенныхъ для того судей, чтобъ рѣшить, что будетъ въ правду и что въ кривду, что *да*, и что *нѣтъ*.. Сидъ, развязавши шнурокъ, распустилъ свою бороду (ст. 3506) и отправился къ себѣ въ Валенсію, когда дворъ былъ распущенъ [1]).

Къ назначенному сроку собрались въ Карріонѣ для поединка трое со стороны Сида: Мартинъ Антолинезъ, Перо Бермуезъ и Муньго Густіозъ; со стороны противниковъ тоже трое: двое инфантовъ Карріонскихъ и ихъ братъ. Король и судьи назначили барьеры и кинули жребій, а также раздѣлили солнце; судьи удалились и противники очутились другъ противъ друга, каждый внимательно наблюдая за своимъ противникомъ.

---

[1]) Spartiò la cort. Ст. 3534.

Поэма описываетъ одинъ за другимъ три поединка. Всѣ они кончились полнымъ пораженіемъ инфантовъ Карріонскихъ, которые, такимъ образомъ, были посрамлены въ конецъ.

А Сидъ выдалъ своихъ дочерей за наслѣдственныхъ принцевъ, за Наваррскаго и Арагонскаго. «Первый бракъ былъ хорошъ» — такъ поэтъ заключаетъ свою поэму: «а этотъ еще лучше; Сидъ выдалъ дочерей съ бо̀льшею честію, нежели въ первый разъ. Видите, какъ растетъ честь рожденнаго въ добрый часъ, потому что его дочери — королевы Наварры и Арагоніи. Теперь короли Испаніи его (Сида) родственники. Все къ чести и славѣ рожденнаго въ добрый часъ».

«Онъ отошелъ отъ здѣшняго міра въ Пятидесятницу. Да помилуетъ его Христосъ, чего да сподобимся и мы всѣ, и праведные и грѣшные. Такова повѣсть (las nuevas) о Моемъ Сидѣ Кампеадора. На этомъ мѣстѣ конецъ слову. А того, кто писалъ, да сподобитъ Господь рая. Аминь. А писалъ Перо аббатъ мѣсяца мая 1345 (то есть 1307) года».

Такова знаменитая поэма о Сидѣ, составленная по народнымъ пѣснямъ, но, очевидно, подъ вліяніемъ уже искусственной литературы и политическихъ и общественныхъ идей автора.

Главная идея поэмы основана на фамильной гордости, и, такъ сказать, на придворной аристократической спѣси: сдѣлать для своихъ дѣтей блестящую партію. Такимъ образомъ великій народный герой сходитъ съ своего высокаго пьедестала и становится уже не «сыномъ своихъ дѣяній» (hijo de sus obras), какъ онъ изображается въ народномъ Romancero, а честолюбивымъ куртизаномъ, который фамильную гордость ставитъ выше общихъ національныхъ интересовъ. Поэтъ видимо хотѣлъ изобразить въ Сидѣ преданнаго вассала, который даже тогда преклоняется передъ королемъ, когда самъ становится съ нимъ равенъ, покоривъ себѣ Валенсію. Потому избранъ былъ для поэмы такой эпизодъ, въ которомъ изображается, какъ вассалъ сначала подпалъ опалѣ короля, и потомъ старается заслужить его милость, а вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить своему честолюбію, чтобъ, вы-

давъ своихъ дочерей за наслѣдственныхъ принцевъ, породниться съ королевскими домами.

Не таковъ Сидъ въ народныхъ романсахъ. То побочный сынъ, то сынъ мельника, то ведущій свой родъ отъ фамиліи нѣкоторыхъ судей, стоявшихъ во главѣ полупатріархальнаго, полуреспубликанскаго правленія Кастильи, онъ только личнымъ своимъ подвигамъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ, и какъ независимый *Rico hombre* (собственно *богатый человѣкъ* — соотвѣтствуетъ *графу*), ни въ чемъ не хочетъ уступить самому королю; онъ даже своего отца укоряетъ за то, что онъ отправляется ко двору поцѣловать у короля руку; между тѣмъ какъ въ разобранной поэмѣ, онъ готовъ передъ нимъ пресмыкаться по землѣ и цѣловать его ноги. Но все же и въ романсахъ, онъ не прочь помогать королю, только своими собственными средствами, какъ независимый господинъ. Какъ народный герой и представитель народныхъ интересовъ и народной свободы, онъ кое-гдѣ является и въ древнихъ письменныхъ источникахъ; такъ, по прозаической хроникѣ о Сидѣ (гл. 110), онъ, примирившись съ Альфонсомъ, только подъ тѣмъ условіемъ согласился возвратиться въ Кастилью, чтобъ король далъ привилегіи всѣмъ сословіямъ, и гидальгамъ или дворянамъ, и городамъ — ихъ законы или *fueros;* а если король не сдержитъ своего обѣщанія, то грозилъ возстаніемъ всей земли. Такія черты защитника народныхъ интересовъ письменные памятники, безъ сомнѣнія, заимствовали изъ древнѣйшихъ народныхъ романсовъ, вошедшихъ въ основу Romancero.

Равномѣрно и въ разобранной поэмѣ нельзя не замѣтить слѣдовъ самостоятельности и независимости въ характерѣ и образѣ мыслей и дѣйствій Сида. Онъ хотя и чествуетъ короля подарками послѣ всякой побѣды, но даетъ ему чувствовать, что можетъ обойтись и безъ его помощи, и если проситъ у него милостиваго вниманія, то будто изъ вѣжливости. Его дружина вся составлена изъ недовольныхъ, которые явно протестуютъ противъ короля и спасаются изъ его владѣній отъ преслѣдованій:

имѣнія ихъ конфискуются, и Сидъ, какъ-бы противодѣйствуя королю, обѣщаетъ вдвойнѣ удовлетворить ихъ. Въ этой половинѣ поэмы, Сидъ настоящій независимый кондотьери, будто Гарибальди XI вѣка, собирающій кругомъ себя цвѣтъ храброй молодежи, которая рѣшилась вести національное дѣло независимо отъ своего природнаго государя; но все же самъ Сидъ не прерываетъ связи съ королемъ Кастильи, и, оставаясь независимымъ, съ честію умѣетъ поддержать свои феодальныя отношенія къ Альфонсу. Униженіе Сида начинается съ той минуты, какъ онъ, павши ницъ передъ Альфонсомъ, вкусилъ его милости, и затѣмъ вся вторая половина поэмы представляетъ Сида въ наименѣе выгодномъ свѣтѣ, какъ лицо, къ которому народъ уже не могъ имѣть живаго сочувствія; потому что, какой интересъ могли имѣть и для народныхъ пѣвцовъ и для толпы ихъ слушателей, эти честолюбивые планы Сида, основанные на блестящей партіи его дочерей? Потому-то въ народныхъ романсахъ бракъ дочерей Сида съ наслѣдственными принцами Наваррскимъ и Арагонскимъ, вовсе на заднемъ планѣ, какъ дѣло незначительное; между тѣмъ какъ въ поэмѣ, это высшій пунктъ, къ которому направленъ весь интересъ поэмы.

И Фердинандъ Вольфъ [1]), и особенно французскіе ученые, какъ и Damas Hinard, издатель поэмы о Сидѣ, видятъ въ этомъ произведеніи значительное вліяніе французскихъ Chansons de Geste ранней эпохи, и особенно пѣсни о Роландѣ. Это вліяніе очевидно, какъ въ искусственномъ, художественномъ построеніи поэмы, такъ и особенно въ феодальныхъ принципахъ. Видно, что услужливые литераторы хотѣли въ XII вѣкѣ сгладить въ характерѣ Сида его независимыя, чисто народныя, либеральныя тенденціи, для того чтобъ въ лицѣ самого Сида, этого великаго національнаго героя, любимаго всѣми, дать урокъ повиновенія и покорности королевской власти; а чтобъ усыпить духъ независимости, развивающаяся цивилизація открывала при королевскихъ дворахъ новое поприще для честолюбія въ связяхъ съ зна-

[1]) Studien zur Gesch. d. Span. u. Portug. Nationallit., стр. 40.

менитыми фамиліями; и въ эти-то искусно разставленныя сѣти авторъ поэмы уловилъ своего Сида, сдѣлавъ изъ независимаго народнаго героя придворнаго честолюбца. Если въ этомъ отразилось французское вліяніе на поэму о Сидѣ, то едва-ли къ живительному, благотворному развитію народной поэзіи и патріотическихъ идей. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ это французское вліяніе не было на столько губительно, чтобъ заглушить высокій эпическій строй испанской народной поэзіи, и поэма о Сидѣ, какъ она есть, несравненно глубже и шире, нежели французскія Chansons de Geste, обхватываетъ дѣйствительность, изображая ее на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни, и, не смотря на внѣшнія формы феодальнаго быта, изображаетъ человѣка во всѣхъ сокровенныхъ изгибахъ его чувствованій и помышленій.

Для исторіи литературы эта поэма предлагаетъ извѣстный моментъ въ ея развитіи, соотвѣтствующій самымъ раннимъ Chansons de Geste, какъ сѣвера Франціи, такъ и особенно Прованса, потому что поэзія провансальская по самой мѣстности своей служила проводникомъ французскаго вліянія на Испанію.

Damas Hinard въ своихъ примѣчаніяхъ къ поэмѣ о Сидѣ и въ своемъ предисловіи, постоянно ведетъ параллель между этою поэмою и пѣснею о Роландѣ.

Изъ всѣхъ подробностей, общихъ обоимъ произведеніямъ, всего замѣчательнѣе, что оба оканчиваются судомъ и расправою; поэма о Роландѣ — судомъ надъ Ганелономъ, испанская поэма — надъ инфантами Карріонскими. Не буду рѣшать, случайное ли это сходство, или заимствованіе, но не могу не замѣтить, что оба произведенія, согласуясь въ общемъ характерѣ ранняго феодальнаго быта, имѣютъ одну и туже высокую задачу — дать феодальной неурядицѣ законный порядокъ, укротить суровые нравы и ввести ихъ въ границы закона, наложить на быстро развивающуюся жизнь юридическія формы суда и расправы: такъ что сама поэзія въ обоихъ этихъ произведеніяхъ, протестуя противъ господствующей неурядицы, изъ области фантазіи переходитъ въ судебный процессъ.

III.

Стихотворная хроника о Сидѣ (Cronica rimada), до очевидности свидѣтельствуя о вліяніи французскихъ Chansons de Geste на испанскую литературу XII вѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ дополняетъ характеръ Сида новыми чертами, коихъ мы напрасно стали бы искать въ только-что разобранной нами поэмѣ. Эти черты, не согласныя съ вассальскою подчиненностью, въ какой явился намъ Сидъ въ поэмѣ, вѣроятно обязаны своимъ происхожденіемъ тѣмъ народнымъ источникамъ, изъ которыхъ хроника почерпала свое содержаніе.

Въ перечнѣ источниковъ испанскаго эпоса было уже замѣчено, что хроника содержитъ въ себѣ повѣствованія о раннихъ подвигахъ Сида. Герой еще не называется ни Сидомъ, ни Кампеадоромъ, а просто по имени, Родриго, даже безъ титула *Донъ*, а также Руи Діазъ. Онъ сынъ Донъ Діего и внукъ Ляина Кальво, городоваго судьи[1]). Онъ не имѣетъ и тѣхъ постоянныхъ эпитетовъ, которыми чествуется въ поэмѣ, но прозывается просто по родинѣ — *Кастильцемъ*, Castellano. Дѣйствуетъ онъ еще не при Альфонсѣ, а при Фердинандѣ I. Впрочемъ авторъ хроники, согласно обычаю средневѣковыхъ писателей, переноситъ свою современность въ прошедшее, впадаетъ въ анахронизмъ, повѣствуя, что при Фердинандѣ было въ Испаніи пять королей, между тѣмъ какъ это могло быть только спустя больше полустолѣтія, то-есть, отъ 1157 до 1230 года, когда Леонъ и Кастилья были отдѣлены, какъ независимыя королевства: это два королевства, три прочія были: Арагонъ, Наварра и Португалія.

Этою подробностію опредѣляется время составленія хроники, отъ второй половины XII вѣка до первой половины XIII включительно.

Относительно рыцарскихъ обычаевъ въ хроникѣ замѣчаются уже болѣе ясные слѣды ихъ, нежели въ поэмѣ. Такъ, когда графъ

---

[1]) Del alcalde cibdadano. Ст. 291.

Савойскій предлагаетъ Сиду вступить къ нему на службу, онъ извиняется, говоря, что онъ только еще оруженосецъ, а не вооруженный или посвященный рыцарь. Въ другой разъ, когда король Фердинандъ желаетъ вручить Сиду знамя и сдѣлать его знаменоносцемъ, онъ даетъ тотъ-же рыцарскій отвѣтъ: «yo so escudero, è non cavallero armado» (стихъ 831). Впрочемъ, не смотря на эти намеки на рыцарскіе обычаи, и въ хроникѣ, такъ же какъ въ поэмѣ, еще не видно утонченности рыцарскихъ нравовъ, но та же простота и грубость предшествующей эпохи.

Отношенія Сида къ королю и къ вассаламъ значительно отличаются въ хроникѣ отъ поэмы. Сидъ еще гордится своимъ мѣщанскимъ положеніемъ: «Я, — говорилъ онъ на то же предложеніе Савойскаго графа — я сынъ купца, внукъ мѣщанина, мой отецъ въ Руѣ торговалъ сукномъ» (ст. 880—1). Однако онъ такъ самостоятельно умѣлъ себя поставить, что казался равнымъ самому королю Фердинанду; такъ что, когда они съ войскомъ подступили къ Парижу, тамъ сначала не могли отличить, кто король, и кто Кастилецъ, то-есть самъ Сидъ (ст. 1058). Обычай цѣлованія руки въ хроникѣ во всей ясности вмѣняется въ непремѣнную обязанность феодальнаго подданнаго, какъ общепринятый церемоніялъ. Такъ 300 воиновъ, которые были подъ рукою у Сида, характеризуются типическою фразою: «300 всадниковъ, которые у него цѣловали руку» (ст. 837). Король даетъ Сиду подъ начальство 900 воиновъ, «чтобъ они у Родриго цѣловали руку» (ст. 960), то-есть, чтобъ были ему послушны и подвластны. Вмѣсто того, чтобъ сказать, пять королевствъ подчинены Фердинанду, хроника употребляетъ то же эпическое выраженіе: «пять королевствъ Испаніи цѣлуютъ его руку» (ст. 1069). Слѣдовательно со стороны Сида должно видѣть рѣшительный протестъ противъ всякой мысли о подданствѣ королю, когда онъ, какъ увидимъ въ изложеніи содержанія хроники, рѣшительно не хочетъ цѣловать руку у своего короля. Это протестъ не только противъ обычая, противъ внѣшней формальности, но и противъ внутренняго смысла, давшаго поводъ къ этой церемоніи. Даже

когда Сидъ преклонялся передъ королемъ, все же «не хотѣлъ цѣловать его руки», какъ замѣчаетъ хроника именно этими самыми словами (ст. 624). Къ этому Сидъ тотчасъ же присовокупилъ: «король, мнѣ очень пріятно, что я не вассалъ твой» (ст. 625). Самъ король, называя Сида въ глаза *вассаломъ*, будто хочетъ смягчить передъ нимъ это обидное для него званіе, и сначала величаетъ его своимъ *родственникомъ:* «отвѣчай ты, Родриго — говоритъ онъ Сиду — мой родственникъ, мой вассалъ» (ст. 533). Вообще самъ король Фердинандъ, не смотря на воздаваемыя ему почести вассалами, будто еще колеблется въ томъ, какое принять положеніе относительно своей дружины, быть ли независимымъ и самостоятельнымъ государемъ, или спуститься до ихъ уровня, и особенно онъ готовъ прикинуться равнымъ съ вассалами товарищемъ, когда ему самому приходится плохо. Такъ, когда онъ вступилъ въ опасную съ Франціей борьбу; тогда въ походѣ льстиво говорилъ онъ своимъ воинамъ: «бароны, кто сдѣлалъ меня испанскимъ королемъ? Ваша вѣжливость, дворяне! Вы назвали меня своимъ государемъ и цѣловали мои руки; впрочемъ я такой же человѣкъ, а не государь, какъ и вы; по своей особѣ я ничѣмъ не больше каждаго изъ васъ» (ст. 812—814). Слова замѣчательныя, дающія совершенно иной тонъ хроникѣ въ отношеніяхъ Сида къ королю.

Когда Сидъ, призванный къ королю для похода противъ Французовъ, явился съ графами, подпавшими подъ опалу короля, то король не только ихъ тотчасъ же прощаетъ ради Сида, но поручаетъ предводительство этому герою надъ всѣми пятью королями Испаніи (ст. 747).

Мы уже знаемъ, что пятая часть добычи по закону принадлежала королю. Не дать эту часть, значило оскорбить его величество. Но и въ этомъ отношеніи Сидъ ведетъ себя, какъ независимый человѣкъ, и отказываетъ королю въ этой законной привилегіи. Побѣдивъ одного маврскаго короля и взявъ богатую добычу и плѣнниковъ, при встрѣчѣ съ королемъ, Сидъ говоритъ ему: «смотри, добрый король, кого я привелъ къ тебѣ, хоть я и

не вассалъ тебѣ»... Король ему отвѣчаетъ: «во всемъ прощаю тебѣ, только дай мнѣ пятую часть отъ всего, что добылъ ты».— «Нечего объ этомъ и думать, говорилъ Родриго: лучше отдамъ я этимъ бѣднякамъ, которые заслужили своими трудами; дамъ также, что слѣдуетъ, въ церковную десятину, потому что не хочу быть грѣшникомъ; а изъ своей части дамъ жалованье тѣмъ, которые защищали меня». (Ст. 465—474).

Впрочемъ не смотря на эту очевидную независимость образа мыслей и дѣйствій нашего героя, все же кое-гдѣ хроника, въ видѣ обычныхъ эпическихъ выраженій, заставляетъ Сида цѣловать у короля руки; но эти мелкія противорѣчія, какъ случайно брошенныя фразы, не нарушаютъ господствующаго тона, который, по моему мнѣнію, состоитъ въ значительной гармоніи съ народными романсами; и такимъ образомъ стихотворная хроника служитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что типъ независимаго народнаго героя, воспѣваемый въ романсахъ въ лицѣ Сида, ведетъ свое начало отъ XII вѣка.

Теперь вкратцѣ изложу содержаніе этой хроники, останавливаясь на болѣе характеристическихъ мѣстахъ.

Въ странѣ спокойствіе нарушено было враждою между отцомъ Донъ Родриго Сида и графомъ Гомезомъ (don Gomes de Gormaz). Графъ перебилъ у Донъ Діего его пастуховъ и увелъ стада. За то въ свою очередь Донъ Діего ограбилъ имѣніе графа, сдѣлалъ набѣгъ на Гормазъ, грабилъ жителей, уводилъ вассаловъ, стада, даже, ради безчестія, захватилъ въ плѣнъ прачекъ, которыя мыли на рѣкѣ бѣлье. Обоюдный грабежъ кончился стычкою, въ которой участвовалъ и юный Родриго, будто бы по тринадцатому только году, и убилъ графа Гомеза, а сыновей его взялъ въ плѣнъ. Послѣ графа осталось три дочери, изъ которыхъ младшую звали Химена Гомезъ. Еще въ самыхъ юныхъ лѣтахъ эта дѣвица отличалась рѣшимостью. Она явилась къ королю, въ Замору, какъ несчастная сирота, съ жалобою на Сида. Но король былъ въ большомъ затрудненіи; онъ боялся вступаться въ ссоры своихъ вассаловъ, потому что, какъ сказалъ онъ Доньѣ

Хименѣ: «въ большой опасности мои королевства; Кастилья возстанетъ противъ меня; а если возстанутъ Кастильцы, будетъ мнѣ великая бѣда». Услышавъ то, Химена цѣловала у короля руки и говорила: «не прогнѣвайтесь, государь, не подумайте обо мнѣ худо: я научу васъ усмирить Кастилью и другія государства: выдайте меня за мужъ за Родриго, который убилъ моего отца».

Вотъ еще какою первобытною грубостію и лѣтописною простотою дышетъ эта чисто эпическая сцена!

Не откладывая, король послалъ письмо къ Донъ Родриго съ посланными, призывая его къ себѣ. *Посмотрѣвъ письмо*, Донъ Діего заподозрилъ короля въ хитрости, не хочетъ ли онъ отомстить смертью за убитаго графа; и говорилъ своему сыну слѣдующія слова, отлично характеризующія ихъ отношенія къ королю: «послушай, мой сынъ, и приложи все твое вниманіе, я боюсь этой грамоты, нѣтъ ли въ ней какой измѣны: у королей на это злой обычай. Которому королю служишь, служи безъ хитрости; но берегись его, какъ смертельнаго врага. Ты ступай въ Фаро къ твоему дядѣ; а я отправлюсь ко двору, гдѣ король. И если случится, что король меня убьетъ, ты съ своими дядьями можешь отомстить мою смерть». — «Нѣтъ, не будетъ этого! возразилъ Родриго: куда вы пойдете, туда и я за вами! Хоть вы и отецъ мнѣ, а я дамъ вамъ совѣтъ. Возьмите съ собой триста воиновъ, и, въѣзжая въ Замору, поручите ихъ мнѣ». — «Ну, такъ ладно, поѣдемъ»! отвѣчалъ отецъ, и поѣхали. При въѣздѣ въ Замору, Сидъ сказалъ слѣдующія слова своему отряду изъ трехъ-сотъ воиновъ: «послушайте меня, *друзья*, *родственники* и *вассалы моего отца!* (такъ родственны и крѣпки были связи съ феодальною дружиной) берегите вашего господина безъ обмана и хитрости! Если альгвазилъ вздумаетъ его схватить, убейте альгвазила тотчасъ же. Пусть будетъ черный день для короля и для всѣхъ, кто при немъ. Предателями васъ не назовутъ, если вы убьете и короля, *потому что мы не его вассалы*, но Богъ не допуститъ этого. Скорѣе будетъ предателемъ самъ король, если убьетъ моего отца, нежели я, если убью своего врага въ честномъ бою,

во гнѣвѣ противъ двора, гдѣ живетъ *добрый* [1]) король Фердинандъ»!

Всѣ въ Заморѣ, указывая на Родриго, говорили: «вотъ кто убилъ гордаго графа»! Но когда Родриго поводилъ кругомъ глазами, въ ужасѣ всѣ бѣжали отъ него прочь. Донъ Діего подошелъ къ королю и поцѣловалъ у него руку; но Родриго не хотѣлъ цѣловать руки; однако онъ сталъ на колѣни для этой обычной церемоніи. У него былъ длинный мечъ, и король пришелъ въ ужасъ: «спасите меня отъ этого дьявола!» кричалъ онъ. Тогда Донъ Родриго сказалъ: «пусть лучше вколотятъ въ меня гвоздь, нежели я соглашусь назвать васъ своимъ господиномъ, а себя вашимъ вассаломъ. Отецъ мой поцѣловалъ у васъ руку — и я этимъ очень не доволенъ» (ст. 410). Тогда король сказалъ графу Донъ Оссоріо, своему майордому (su amo): «приведите сюда дѣвицу, и женимъ этого гордеца». Донъ Діего не вѣрилъ своимъ глазамъ, такъ былъ онъ изумленъ. Явилась дѣвица; графъ велъ ее за руку. Она подняла глаза и стала смотрѣть на Родриго, потомъ сказала: «государь, много благодарю! это тотъ самый, кого я хочу». И женили Родриго Кастильца на Доньѣ Хименѣ Гомезъ. Но на этотъ разъ это ни къ чему не послужило, потому что Родриго въ гнѣвѣ на короля, рѣшительно сказалъ: «государь, вы женили меня насильно. Передъ самимъ Христомъ я объявляю вамъ, что не поцѣлую у васъ руку (ст. 420), и что я не увижусь съ своею женою ни въ пустынѣ, ни въ жиломъ мѣстѣ (то-есть ни гдѣ, ст. 420), пока не одержу пяти побѣдъ на полѣ битвы». Король только удивлялся и говорилъ: «Это не человѣкъ, а дьяволъ»! — «А это онъ вамъ скоро покажетъ — присовокупилъ графъ Донъ Оссоріо: когда Мавры сдѣлаютъ набѣгъ на Кастилью, пусть никто ему не помогаетъ; и тогда увидимъ, въ правду ли онъ говорилъ, или въ шутку».

За тѣмъ слѣдуетъ рядъ воинскихъ подвиговъ Донъ Родриго

---

[1]) *Добрый* — постоянный эпитетъ короля, какъ у насъ въ былинахъ: *ласковый* князь Владиміръ.

Сида. Сначала онъ разбилъ Мавровъ и отказалъ королю въ пятой части добычи, какъ это приведено мною выше.

Великая бѣда постигла короля Фердинанда. Арагонскій король прислалъ къ нему грознаго посла, который, начавъ свою рѣчь сентенціею, что посла съ грамотою не обижаютъ [1]), — объявилъ, что король Арагонскій объявляетъ ему войну, и пусть Фердинандъ выберетъ кого нибудь изъ своихъ, кто бы перевѣдался съ нимъ, съ посломъ, въ единоборствѣ. Никто изъ воиновъ Фердинанда не вызвался, пока не явился Родриго: «Кто опечалилъ васъ, спросилъ онъ короля: кто осмѣлился? Плѣнный или мертвый — онъ не вырвется изъ моихъ рукъ». И, узнавъ въ чемъ дѣло, съ удовольствіемъ вызвался на единоборство; только сначала онъ отправляется на богомолье въ С. Яго и другія святыя мѣста, а единоборство было отсрочено на тридцатый день.

На возвратномъ пути съ богомолья вышелъ странный случай. На переправѣ въ бродъ черезъ рѣку встрѣтилъ Сидъ прокаженнаго, который просилъ помочь ему переправиться черезъ бродъ. Никто изъ воиновъ не хотѣлъ, гнушаясь язвами несчастнаго; но Сидъ не отказался и самъ помогъ [2]). Въ ту же ночь было Сиду во снѣ видѣніе. Явился къ нему тотъ прокаженный и говорилъ ему на ухо: «спишь или нѣтъ, Родриго Биварскій? Насталъ часъ тебя увѣдомить. Я посланникъ отъ самого Христа, а не прокаженный. Я Св. Лазарь. Меня послалъ Господь, чтобъ я дхнулъ тебѣ на плечи, и ты впадешь въ горячку, и когда будешь ты въ горячкѣ, все что ни предпримешь, успѣшно совершишь». Итакъ эта горячка есть не что иное, какъ божественное наитіе свыше — энтузіазмъ и фанатизмъ, производящіе въ мірѣ чудеса. Замѣчательное повѣрье, вполнѣ характеризующее націо-

---

[1]) Стихъ 509 — соотвѣтственно русской пословицѣ: посла не сѣкутъ, не рубятъ.

[2]) Тутъ соединены два элемента: во-первыхъ, воспоминаніе о Св. Христофорѣ, переносившемъ странниковъ черезъ потокъ, и во-вторыхъ, общераспространенный въ легендахъ мотивъ — чествованіе святыхъ и самого Христа, являющихся въ видѣ нищихъ и прокаженныхъ.

нальный фанатизмъ страны. Воротившись съ богомолья, Сидъ конечно убилъ въ единоборствѣ Арагонскаго посла, воодушевившись своею сверхъестественною горячкою.

Послѣ того въ битвѣ съ пятью маврскими королями Сидъ потерялъ своего отца и дядей, и за то жестоко отомстилъ.

Послѣдній подвигъ, описанный въ хроникѣ, которая не доведена до конца, и, къ сожалѣнію дошла до насъ въ отрывкѣ, это баснословная борьба Испаніи съ Франціею, чистая выдумка, имѣвшая однако своимъ источникомъ народную ненависть въ Испаніи къ Французамъ, и, такимъ образомъ, направленная къ поддержанію этой ненависти. Извѣстно исторически, что Французы воевали только съ испанскими Маврами, которые столько же были врагами Франціи, какъ и Испаніи; но никогда до того времени Французы не относились къ христіанскимъ населеніямъ Испаніи враждебно; при томъ, вся сѣверная часть полуострова состояла въ тѣсныхъ родственныхъ узахъ съ Провансомъ, съ южной Франціей; сверхъ того, исторически извѣстно, что вліяніе французскаго образованія на Испанію въ XI и XII вѣкахъ было громадное въ дѣлахъ церковныхъ и политическихъ.

Какъ же объяснить эту сказочную войну христіанской Испаніи съ Французами? Едва ли въ рѣшеніи этого вопроса можно отдѣлаться предположеніемъ Дама̀ Инара, что, можетъ быть, авторъ хроники, слышавъ кое-что изъ французскихъ пѣсенъ, и именно ихъ Пѣсни о Роландѣ, о борьбѣ Карломана и его перовъ съ испанскими Маврами, не понялъ, въ чемъ дѣло, и Мавровъ смѣшалъ съ христіанскимъ населеніемъ Испаніи.

Изъ всего, что мы доселѣ извлекли изъ хроники, ясно видно, что ея авторъ не выдумщикъ, и говоритъ основательно, съ наивностію лѣтописца выдавая извѣстныя ему сказки за историческую истину. Мы видѣли, онъ гораздо глубже автора поэмы понялъ и изобразилъ характеръ Сида и его отношенія къ королевской власти. Очевидно, авторъ хроники ближе слѣдовалъ народнымъ пѣснямъ, и, не мудрствуя лукаво, изобразилъ Сида такимъ, какимъ зналъ и знаетъ его народъ, то есть, представителемъ на-

ціональной независимости въ эпоху феодальныхъ угнѣтеній. Нѣтъ сомнѣнія, что и сказку о борьбѣ христіанской Испаніи съ Французами авторъ взялъ изъ тѣхъ же народныхъ источниковъ. Мы уже знаемъ, какъ неблаготворно подѣйствовала французская политика на искаженіе національнаго характера Сида въ поэмѣ о немъ. Французы, помогая въ Испаніи властямъ, забирая себѣ въ руки монастыри, какъ чужестранцы, дружились съ высшими классами населенія, роднились съ знаменитыми феодальными фамиліями и королями. Они, слѣдовательно, были въ дружескихъ связяхъ съ высшимъ, аристократическимъ слоемъ въ Кастильи и въ другихъ провинціяхъ. Что касается до народа, то онъ не могъ любить чужаковъ, которые помогали вассаламъ завоевывать въ Испаніи земли. Сверхъ того, уже и въ поэмѣ о Сидѣ, мы видѣли, что національность Испаніи начинала слагаться не изъ однихъ христіанъ, но и Мавровъ: вмѣсто *всѣ Испанцы*, уже входило въ употребленіе примиряющее выраженіе: *и Христіане и Мавры.* Представитель испанской народности, самъ Сидъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ маврскими королями, и полагался на ихъ пріязнь больше, чѣмъ на такихъ христіанъ, какъ инфанты Карріона.

Итакъ хроника, представляя испанскихъ христіанъ въ борьбѣ съ Франціею, не только заимствуетъ свое содержаніе изъ народныхъ источниковъ, но и вполнѣ соотвѣтствуетъ убѣжденіямъ народныхъ массъ, и даже, можетъ быть, намѣренно противодѣйствуетъ вліянію французскому, видя въ немъ вредъ и въ политическомъ, и даже въ церковномъ отношеніи.

Борьба съ Франціею описывается совершенно въ сказочномъ видѣ, будто въ русской былинѣ. Изъ Франціи приходитъ посолъ съ грамотою отъ короля Франціи и императора германскаго, отъ патріарха и папы римскаго (то-есть, все враждебное Испанцамъ во Франціи, и римскій папа, и императоръ германскій), чтобъ вся Испанія платила Французамъ ежегодную дань; чтобъ всѣ пять королевствъ Испаніи ежегодно давали Франціи по пятнадцать дѣвицъ благороднаго происхожденія, по десяти

самыхъ лучшихъ коней, по тридцати марокъ серебромъ, а также кречетовъ и соколовъ.

Тогда-то присмирѣлъ король Фердинандъ, и не только Сиду передалъ полную власть надъ королевствомъ въ борьбѣ съ Французами, но и въ отношеніи къ толпѣ вассаловъ призналъ себя равнымъ (какъ это мы видѣли въ вышеприведенныхъ мѣстахъ). Тогда же на верху славы и могущества Сидъ хвалится своимъ мѣщанскимъ происхожденіемъ; отказываясь отъ должности знаменоносца и не имѣя знамени для своего отряда, онъ разорвалъ мантію и повѣсилъ вмѣсто знамени, предлагая ее нести своему племяннику, котораго, также какъ и въ поэмѣ, онъ называетъ иногда, *Перо Нѣмой*[1]). «Ступай, мой племянникъ», говоритъ онъ, «сынъ моего брата и крестьянки, которую онъ нашелъ во время охоты. Баронъ, возьми знамя и дѣлай, что тебѣ прикажу». Но, повинуясь дядѣ, племянникъ выражаетъ ему свое неудовольствіе, свидѣтельствующее о грубыхъ и вовсе не аристократическихъ отношеніяхъ дяди къ племяннику. «Съ охотою», говоритъ онъ: «знаю, что я вашъ племянникъ, сынъ вашего брата. Но съ тѣхъ поръ, какъ вы вышли изъ Испаніи, вы не вспомнили обо мнѣ. Вы не угостили меня ни обѣдомъ, ни ужиномъ, и я въ голодѣ и въ холодѣ; мнѣ не чѣмъ покрыть своего коня; ноги у меня истрескались, такъ что течетъ по нимъ свѣтлая кровь» (sangve clara, ст. 856). — Молчи предатель, отвѣчалъ ему Сидъ: кто хочетъ достичь высшихъ почестей, долженъ имѣть храброе сердце, — долженъ переносить горе съ бодростью».

Въ битвѣ съ Французами сначала Сидъ взялъ въ плѣнъ графа Савойскаго — *за бороду* — какъ потомъ хвалился самъ герой, и какъ послѣ увѣрялъ и самъ графъ; а дочь графа Сидъ отдалъ королю Фердинанду въ супруги, которая во время войны, подъ стѣнами Парижа, и родила мальчика. Самъ папа крестилъ его, а крестными отцами были король французскій и императоръ нѣмецкій, и только ради новорожденнаго сына король Ферди-

[1]) Pero Mudo; иначе Pero Bermudo.

нандъ отложилъ осаду Парижа и заключилъ съ Французами перемиріе. Такимъ образомъ, по сказочному смыслу всѣхъ подобныхъ событій, гроза Французовъ пала на ихъ же голову, и они теперь въ свою очередь должны были страшиться Испанцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ ихъ великій герой Донъ Родриго.

Авторъ хроники слышалъ о знаменитыхъ двѣнадцати перахъ Карла Великаго, и заставляетъ Сида ихъ вызывать на бой. Очевидно, что уже въ XII вѣкѣ слухи носились въ Испаніи о сюжетахъ Карломанскаго эпоса, и даже народныя сказанія вносили изъ нихъ кое-что въ свое содержаніе, искажая исторію вымыслами.

Сличая хронику съ поэмой о Сидѣ, мы находимъ въ ней больше баснословныхъ сказаній, нежели въ поэмѣ, которая вѣрнѣе слѣдуетъ исторіи и географіи; но за то въ хроникѣ въ бо̀льшей чистотѣ сохранился типъ великаго національнаго героя, представителя интересовъ и убѣжденій народныхъ.

IV.

Наше обозрѣніе древнѣйшаго испанскаго эпоса пострадало бы значительно, если бы мы не прослѣдили раннихъ эпическихъ преданій о Сидѣ въ позднѣйшихъ романсахъ, составляющихъ въ теченіе столѣтій національное достояніе народа, лучшее украшеніе его народной поэзіи.

Испанцы дослѣ воспѣваютъ своего Сида, какъ Русскій народъ князя Владиміра и его богатырей; и если бы въ XI вѣкѣ русская литература уже способна была къ принятію въ себя свѣтскихъ элементовъ во всей свободѣ поэтическаго творчества, то, конечно, и мы имѣли бы о князѣ Владимірѣ нѣчто подобное тому, что̀ въ XII вѣкѣ нашли мы у Испанцевъ въ поэмѣ о Сидѣ и въ стихотворной о немъ хроникѣ, то-есть, народныя эпическія сказанія, обработанныя въ художественной формѣ и записанныя

грамотными людьми для потомства. Изучивъ позднѣйшіе романсы, мы увидимъ, что не смотря на отдаленность отъ эпохи героя и на разныя позднѣйшія вліянія, эти народныя стихотворенія не только въ основѣ своей согласны съ разобранными нами поэмою и хроникою; но даже предполагаютъ такія раннія черты эпическаго стиля, которыя инымъ романсамъ даютъ преимущество въ первобытности передъ обоими письменными памятниками, составленными въ XII вѣкѣ.

Романсы о Сидѣ, по которымъ однимъ доселѣ судили у насъ о народномъ испанскомъ эпосѣ, составляютъ только часть испанскаго *Romancero General*, содержащаго въ себѣ романсы или пѣсни историческія вообще, а также романсы шутливаго содержанія, пастушескіе, изъ быта народнаго, даже мавританскіе, и наконецъ изъ искусственныхъ поэмъ цикла Карломанова и Артурова. Romancero, то-есть, собраніе романсовъ по преимуществу эпическаго стиля, отличается отъ *Cancionero*, или пѣсенника, то-есть, сборника пѣсенъ лирическихъ и при томъ искусственныхъ. Впрочемъ *Хугляры*, то-есть, жонглёры, и поэты художники наложили печать искусственности и на историческіе романсы, и въ томъ числѣ на романсы о Сидѣ, такъ что въ *Romancero del Cid* ученые отличаютъ романсы древніе и народные отъ позднѣйшихъ, искусственныхъ. Изданіе романсовъ на отдѣльныхъ листахъ и въ сборникахъ относится къ XVI вѣку.

Подробное литературно-библіографическое обозрѣніе этого предмета можно найти у Фердинанда Вольфа въ Studien zur Geschichte der spanischen und portug. Nationalliteratur, и въ приложеніи того же автора къ нѣмецкому переводу испанской литературы Тикнора [1]).

По романсамъ, также какъ и въ стихотворной хроникѣ, событія начинаются враждою между отцомъ Сида, Діего Лаине-

---

[1]) Въ этой монографіи романсы цитуются по изданіямъ: Romancero, por Juan de Escobar, Франкфуртъ, 1828; Romancero Castellano, Деппинга и Алкала Галіано, Лейпцигъ, 1844; Primavera y Flor de Romances. Берлинъ, 1856.

зомъ, и графомъ Гомезомъ или Гормазомъ (conde Lozano [1]); только не такъ опредѣлительно означена причина вражды. Дѣло въ томъ, что отецъ Сида потерпѣлъ великую обиду отъ графа; по нѣкоторымъ варіантамъ, будто они поссорились на охотѣ.

Терзаясь обидою своей чести, Діего думаетъ о мести и хочетъ, чтобъ за него отомстилъ одинъ изъ его четырехъ сыновей (по варіантамъ — трое будто-бы отъ законной жены, а Сидъ — побочный сынъ). Но отецъ еще не увѣренъ, способны ли его дѣти чувствовать обиду оскорбленнаго самолюбія, и для того придумалъ ихъ испытать, нанося каждому изъ нихъ незаслуженное оскорбленіе и боль, сжимая каждому руки. Сыновья жалуются и плачутъ отъ боли, но не возмущаются духомъ, и отецъ приходитъ въ отчаяніе. Доходитъ очередь до Сида. Почувствовавъ боль, обиженный юноша не вытерпѣлъ, онъ готовъ былъ дать отцу пощечину, онъ готовъ былъ своими руками растерзать обидчику внутренности, если бы это былъ не его родной отецъ. «Сынъ души моей»! воскликнулъ Діего въ восторгѣ: «ты облегчилъ мою кручину, и твой гнѣвъ меня радуетъ; употреби же, мой Родриго, эти руки на мою честь, которую я потерялъ бы на вѣки, если только не ворочу ее черезъ тебя». И за тѣмъ разсказалъ отецъ сыну о своей обидѣ.

Если нашъ Гоголь не подражалъ этому романсу о Сидѣ въ сценѣ, гдѣ Тарасъ Бульба дерется съ своими дѣтьми, пробуя ихъ удаль, то художественная критика должна отдать полную справедливость эпическому такту нашего поэта или того народнаго разсказа, который служилъ ему образцемъ.

Сидъ отправляется на подвигъ, и, убивъ графа Гомеза Лозано, привозитъ къ отцу его голову, таща ее за волосы.

Обѣ эти суровыя сцены, пропущенныя въ хроникѣ, безъ сомнѣнія, ходили въ устахъ народа въ XII вѣкѣ, когда слагалась хроника, но не вошли въ нее; слѣдующая же за тѣмъ сцена,

---

[1]) Въ хроникѣ — онъ графъ графства Gormaz. *Lozano* — свѣжій, удалой, бодрый. Иногда и въ хроникѣ такъ именуется отецъ Химены. Ст. 400.

нѣтъ сомнѣнія, послужила въ народныхъ романсахъ источникомъ хроникѣ.

Это романсъ о томъ, какъ Донья Химена, юная дочь убитаго графа Гомеза Лозано, приходитъ къ королю Фердинанду жаловаться на Сида. «Въ безчестіи живу я, король», — говорила она: «въ безчестіи живетъ и моя мать. Каждый день, только что разсвѣнетъ, вижу убійцу моего отца, всадника на конѣ — на рукѣ держитъ сокола, и мнѣ на кручину пускаетъ сокола въ мою голубятню, травитъ имъ моихъ голубей, ихъ кровью окровавилъ мою одежду». Прося у короля суда и расправы, присовокупляетъ она слѣдующія эпическія сентенціи: «король, который не даетъ правды, не долженъ королевствовать, ни гарцовать на конѣ, ни надѣвать золотыя шпоры, ни ѣсть хлѣбъ на браныхъ скатертяхъ, ни забавляться съ королевою, ни слушать обѣдню въ церкви, потому что онъ того недостоенъ».

Король пришелъ въ смущеніе. Онъ боится наказать Сида, но вмѣстѣ и не хочетъ кривить душею, не давъ суда и расправы. Донья Химена, видя смущеніе короля, вдругъ озадачиваетъ его просьбою, чтобъ онъ выдалъ ее за мужъ за Сида: «онъ мнѣ надѣлалъ столько зла — говорила она — можетъ быть, сдѣлаетъ что и доброе».

«Тогда говорилъ король — *послушайте, что говорилъ онъ* [1]): «всегда я слышалъ, а теперь вижу и самъ сущую правду, что въ женскомъ полѣ все не по-людски: вотъ до сихъ поръ все просила суда и расправы; а теперь хочетъ выйти за него за мужъ. Съ великимъ удовольствіемъ исполню твое желаніе. Тотчасъ же пошлю къ нему письмо, позову его сюда» [2]).

По другому варіанту [3]), который ближе къ хроникѣ — Химена приходитъ къ королю и униженно говоритъ ему: «я дочь Дона Гомеза, который имѣлъ графство въ Гормазѣ [4]); его отважно

[1]) Эпическое выраженіе, замѣченное нами и въ поэмѣ о Сидѣ.

[2]) Rom. Castel. 1, стр. 123.

[3]) Escobar., стр. 19.

[4]) Какъ и въ хроникѣ.

убилъ Донъ Родриго де Вибаръ. Я пришла просить у васъ милости: прошу у васъ себѣ въ супруги этого самого Дона Родриго: это хорошая для меня партія, будетъ мнѣ въ честь, потому что я увѣрена — будетъ возрастать его могущество въ вашихъ земляхъ. Окажите же мнѣ милость, вѣдь это дѣло угодное самому Богу[1]), и я прощу ему смерть моего отца, если онъ на то согласится».

Изъ двухъ варіантовъ: одного, усвоеннаго хроникою о просьбѣ Химены выдать ее за мужъ за Сида, и другаго — столько же древняго о жалобѣ на Сида — составился цѣлый разсказъ, приведенный мною выше, сложенный изъ обоихъ варіантовъ съ наивною сентенціею короля о причудливости женскаго пола. По третьему варіанту[2]) — король Фердинандъ на жалобы Химены отвѣчаетъ успокоивающимъ намекомъ, что придетъ время, когда она ради Дона Родриго смѣнитъ свой плачъ на радость.

Прежде нежели буду продолжать разсказъ по романсамъ, считаю не лишнимъ замѣтить, что и стихотворная хроника и романсы отступаютъ отъ исторической правды относительно женитьбы Сида на Хименѣ. Это былъ уже второй бракъ Сида въ 1074 г., когда Сиду было 44 года, если не больше. Химена была дочь не графа Гомеза Лозанскаго или Гормазскаго, а Діего, графа Астурійскаго, двоюродная сестра короля Альфонса, который и выдалъ ее за Сида. Между тѣмъ, по эпическимъ сказаніямъ, это первая и единственная супруга Сида, на которой онъ будто-бы женился въ ранней молодости, вслѣдствіе своего перваго героическаго подвига. Что касается до хроники прозаической[3]), то она во всемъ сходствуетъ съ тѣмъ романсомъ, въ которомъ Химена, какъ дочь графа Гомеза, проситъ короля выдать ее за убійцу ея отца, такъ что даже употребляетъ почти тѣ же слова: впрочемъ въ такихъ романсахъ критики видятъ заимствованіе изъ прозаической хроники: такъ что въ тѣхъ случаяхъ, въ

[1]) Es servicio de Dios.

[2]) Escobar., 17.

[3]) Глав. 3. Сличи Escob. 19.

которыхъ хроника стихотворная XII вѣка согласуется съ хроникой прозаической, изданной въ 1512 году и столѣтіемъ раньше составленной, полагаютъ видѣть вліяніе послѣдней хроники на романсъ, если онъ удерживаетъ то же, общее обѣимъ хроникамъ, содержаніе. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, наставительно прослѣдить, до какой степени народная поэзія иногда бываетъ вѣрна эпической старинѣ и ея литературнымъ источникамъ, сохранившимся въ искусственной формѣ стихотворной и даже прозаической.

Именно въ этомъ состоитъ высокое достоинство испанскихъ романсовъ о Сидѣ: они соединяютъ для народа его устныя, древнѣйшія эпическія преданія съ ихъ литературными обработками, и, будучи подведены къ письменнымъ источникамъ отъ XII до XVI вѣка, убѣждаютъ всякаго въ ихъ твердомъ, такъ сказать, монументальномъ пребываніи въ испанской народности въ теченіи всего ея историческаго развитія до нашихъ временъ.

Далѣе, опять романсъ совпадаетъ съ стихотворною хроникою.

Король зоветъ Сида къ себѣ ко двору. Отецъ его, Діего, собирается ѣхать одинъ, но Сидъ никакъ не хочетъ его одного подвергать опасности. «Того не попуститъ Господь Богъ, ни Святая Марія — говоритъ онъ — и куда поѣдете вы, тамъ буду и я» [1]).

Слѣдуя указаніямъ стихотворной хроники, за тѣмъ надобно помѣстить романсъ о томъ, какъ Сидъ съ отцемъ и своими вассалами ѣдетъ на встрѣчу королю [2]). Въ Романсерахъ этотъ романсъ помѣщается, какъ самостоятельное цѣлое, и притомъ, какъ разсказъ о событіи, предшествующемъ просьбѣ Химены о выданьи ея за мужъ за Сида; и, вѣроятно, въ народѣ этотъ романсъ имѣлъ значеніе самостоятельнаго цѣлаго, пѣлся отдѣльно отъ эпизода о Хименѣ, и былъ, вѣроятно, особенно популяренъ, потому что, съ необыкновенною энергіею выставляетъ онъ героическую самостоятельность и независимость Сида отъ короля,

---

[1]) Rom. Cast. I, ст. 124.

[2]) Escob. 10.

именно независимость представителя народныхъ массъ, любимаго народомъ героя.

Но припомнивъ ходъ событій по стихотворной хроникѣ, всякій согласится дать этому романсу то мѣсто, гдѣ я его помѣщаю.

«Ѣдетъ Діего Лаинезъ къ доброму королю[1]) поцѣловать его руку, съ собою ведетъ 300 дворянъ[2]); между ними ѣхалъ Родриго, гордый Кастилецъ» (el soperbio Castellano). Дальше идетъ восхваленіе Сида въ противоположность его всей свитѣ, будто въ русскихъ пѣсняхъ: «Всѣ ѣдутъ на мулахъ, одинъ Родриго на конѣ; всѣ въ золотѣ и шелку, Родриго хорошо вооруженъ; всѣ препоясали сабли, Родриго золоченый мечь» и т. д. Когда всадники подъѣхали къ королю, тогда въ его свитѣ стали указывать на Сида, говоря: «вотъ между ними ѣдетъ тотъ, что убилъ графа Лозано» [3]).

«Когда услышалъ то Родриго, взглянулъ пристально, и громкимъ и повелительнымъ голосомъ говорилъ такія слова: «если есть между вами его родственникъ, или есть его другъ, кому жалка его смерть, выходи тотчасъ и спрашивай на мнѣ, я буду защищать свою правду — хоть пѣшій, хоть на конѣ». И всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ: «да, поди спрашивай на такомъ дьяволѣ»! Всѣ слѣзли съ коней цѣловать у короля руку, одинъ Родриго остался на конѣ. Тогда сказалъ его отецъ — послушайте, что говорилъ онъ: «слѣзай съ коня, мой сынъ! Цѣлуй у короля руку, потому что онъ твой господинъ, ты, сынъ, его вассалъ». Когда Родриго услышалъ то, за бѣду ему стало, и слова̀, которыя онъ отвѣчалъ, были слова человѣка очень отважнаго: «если бы кто другой сказалъ мнѣ это, дорого бы поплатился; но вы приказываете мнѣ, батюшка, и я охотно повинуюсь». И Родриго сошелъ съ коня, чтобъ поцѣловать у короля руку; и когда преклонялъ

---

1) Escob. 10.

2) Fijosdalgo, отъ fijo и d'algo; оттуда испорченное fidalgo, hidalgos.

3) Слич. въ Хроникѣ стихъ 400: «Es el que matò al conde *losano*» (удалой), въ романсѣ: «A qui viene entre esta gente, a quien matò al conde Lozano. Escob. 11.

колѣна, отцѣпился его мечъ, отчего король перепугался и въ ужасѣ воскликнулъ: «спасите меня, Родриго! Спасите меня, это самъ дьяволъ! У тебя только видъ человѣка, а дѣла страшнаго льва». Услышавъ это, Родриго тотчасъ велѣлъ подвести своего коня, а самъ говорилъ королю дрожащимъ голосомъ: «цѣловать у короля руку, я не ставлю себѣ въ почетъ; а что мой отецъ у короля цѣловалъ руку, то ставлю себѣ въ безчестіе». Сказавъ эти слова, онъ вышелъ изъ дворца[1]), и съ нимъ воротились всѣ 300 дворянъ: «ѣхали они туда хорошо изукрашенные, а возвращались и лучше того вооруженные: ѣхали они туда на мулахъ, а возвращались на коняхъ». Этотъ конецъ романса опять напоминаетъ складъ нашихъ пѣсенъ.

Надобно припомнить, что по стихотворной хроникѣ король тоже перепугался, когда Сидъ сталъ передъ нимъ на колѣна, чтобъ поцѣловать руку; онъ сказалъ даже почти тѣ же слова: «спасите меня отъ этого дьявола» [2]); но въ хроникѣ не видно, чего испугался король; между тѣмъ какъ изъ романса ясно, какая была причина испугу: отцѣпился у Сида мечъ, и, вѣроятно, застучалъ, и король, конечно, принялъ эту случайность за нападеніе.

Конецъ приведеннаго романса нѣсколько противорѣчитъ началу. Сидъ встрѣтилъ короля на дорогѣ, а послѣ своего драматическаго свиданія съ королемъ, выходитъ изъ дворца. Ясно, слѣдовательно, что романсъ искаженъ временемъ, и первоначально относился къ тому мѣсту, гдѣ помѣщенъ въ хроникѣ, то-есть, къ той порѣ, какъ Сидъ на зовъ короля пріѣзжаетъ, чтобъ жениться на Хименѣ. Романсъ сохранилъ древнѣйшіе слѣды, указывающіе на народный источникъ стихотворной хроники XII вѣка, и отлично ее объясняетъ и дополняетъ.

Мы уже говорили о гордомъ и независимомъ характерѣ Сида въ хроникѣ, какъ народнаго героя, протестующаго противъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій феодальнаго быта. Теперь, изучивъ народный романсъ, мы ясно видимъ, что только благородный духъ

---

[1]) Salido se ha de palacio.

[2]) Tirat me allà esse peccado, ст. 407; въ романсѣ: quitate ma allà diablo.

народной независимости могъ внушить автору хроники ту свободу мыслей и убѣжденій, которой напрасно стали бы мы искать въ знаменитой поэмѣ о Сидѣ, уже въ XII вѣкѣ искаженной искусственнымъ церемоніаломъ феодальнаго порабощенія.

По другому варіанту [1]), Сидъ тоже съ тремя стами своихъ дворянъ является ко двору короля Фердинанда, по просьбѣ Доньи Химены выдать ее замужъ. Всѣ эти 300 были *его друзья* и *родственники, всѣ служили ему.*

Мы уже видѣли въ хроникѣ XII вѣка, что феодалы и короли чествовали своихъ вассаловъ друзьями и родственниками, и замѣтили въ этомъ самый ранній въ исторіи слѣдъ образованія дружины и вообще феодальнаго права.

Впрочемъ, встрѣча Сида съ королемъ въ этомъ романсѣ изображается совершенно уже при другихъ обстоятельствахъ, какъ встрѣча преданнаго вассала съ своимъ господиномъ: ясно, что этотъ романсъ составился уже въ духѣ политической зависимости и относится къ эпохѣ позднѣйшей, когда короли взяли рѣшительный перевѣсъ надъ вассалами. Это уже совсѣмъ другой Сидъ, хотя и этотъ, и разобранный романсъ помѣщаются вмѣстѣ въ одномъ и томъ-же Romancero del Cid. Такъ надобно быть осмотрительнымъ въ изученіи не только эпохъ народной поэзіи, но даже одного и того-же дѣйствующаго лица, даже самого героя народнаго; потому что его личность измѣняется вмѣстѣ съ поколѣніями, которыя его воспѣваютъ.

Итакъ, король милостивъ, съ почетомъ принимаетъ Сида и предлагаетъ ему въ супруги Химену, а сверхъ того многія земли во владѣніе. «Пріятно мнѣ исполнить — говорилъ Сидъ — все то, что будетъ тебѣ угодно, мой король и господинъ».

Въ томъ же вѣрноподданническомъ тонѣ выступаетъ Сидъ [2]), когда являются къ нему, въ присутствіи короля Фердинанда, послы съ подарками отъ пяти покоренныхъ имъ Мавританскихъ королей. «Друзья — говорилъ онъ посламъ: вы ошиблись въ по-

[1]) Escob. 20.

[2]) Escob. 25.

сольствѣ, потому что я не господинъ тамъ, гдѣ королевствуетъ король Фердинандъ; все его, ничего моего, я его мѐньшій вассалъ». Королю очень полюбилась покорность уважаемаго Сида, и онъ говорилъ посламъ: «скажите вашимъ властителямъ, что хотя ихъ господинъ и не король, но сидитъ рядомъ съ королемъ, и все, чѣмъ я владѣю, добылъ мнѣ Сидъ, и что я много доволенъ, имѣя такого добраго вассала».

Съ тѣмъ же оттѣнкомъ подданства Сидъ соглашается на бракъ съ Хименою и въ прозаической хроникѣ [1]) и выражается почти въ тѣхъ же словахъ. Такимъ образомъ ясна та эпоха, когда въ романсахъ независимый и гордый Сидъ уступилъ мѣсто усмиренному и покорному.

Припомнимъ, что по стихотворной хроникѣ, Сидъ, соглашаясь жениться на Хименѣ, говоритъ королю, что никто не увидитъ его съ нею ни въ пустынѣ, ни въ жиломъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не побѣдитъ онъ въ пяти битвахъ [2]). Тоже самое говоритъ Сидъ и въ прозаической хроникѣ [3]), и почти тѣми же словами, но въ другой болѣе приличной и деликатной обстановкѣ, и болѣе согласной съ духомъ эпической поэзіи. Женившись на Хименѣ, Сидъ прямо отъ вѣнца приводитъ свою молодую жену къ своей матери, и поручаетъ ее ей на попеченіе; а самъ клянется, что до тѣхъ поръ съ женою не увидится ни въ пустынѣ, ни въ жиломъ мѣстѣ [4]), пока не побѣдитъ въ пяти битвахъ, и уѣзжаетъ на подвиги. Вѣроятно, такъ было въ первоначальномъ романсѣ, но стихотворная хроника перенесла этотъ мотивъ въ другое мѣсто и тѣмъ отняла у него всю деликатность его колорита.

По одному романсу [5]) Сидъ, обвѣнчавшись съ Хименою, когда обнялъ ее, то взглянулъ и сказалъ взволнованнымъ голосомъ: «я

---

[1]) Глава 4.

[2]) Nin me vea con ella en yermo, nin en poblado, «affarta que vensa cinco lides en buena lid en campo» 421—2.

[3]) Глава 4.

[4]) En yermo nin en poblado.

[5]) Escob. 23.

убилъ твоего отца, Химена, но не въ безчестномъ бою; убилъ его какъ человѣкъ человѣка; мстя за обиду, убилъ человѣка, и въ томъ винюсь я передъ тобой: спрашивай на мнѣ, и вмѣсто мертваго отца, у тебя честный мужъ». И всѣмъ было это любо — заключаетъ пѣвецъ: всѣ хвалили его разумъ и такъ отпраздновали свадьбу Родриго Кастильскаго [1]).

Мы уже видѣли изъ многихъ эпизодовъ стихотворной хроники и поэмы о Сидѣ, сколько эти источники народнаго эпоса предлагаютъ любопытныхъ данныхъ для исторіи семейной жизни и женщины въ XII вѣкѣ. При этомъ мы не могли не замѣтить, что испанскій эпосъ глубже входитъ въ бытовые интересы, что онъ вообще жизненнѣе французскихъ Chansons de Geste, потому что народнѣе, потому что менѣе стѣснялся условіями искусственной литературы и потому шире разрабатывался въ устахъ простонародныхъ поколѣній.

Романсы предлагаютъ намъ значительные факты въ дополненіе составленной уже нами характеристики семейнаго быта и женщины, характеристики, извлеченной нами изъ разобранныхъ источниковъ XII вѣка. Дополняя нѣкоторыми мѣткими чертами картину семейной жизни Сида въ его отношеніяхъ къ Доньѣ Хименѣ, романсы сверхъ того особенный имѣютъ интересъ для исторіи женщины въ изображеніи Доньи Урраки, старшей дочери короля Фердинанда.

Слѣдя по романсамъ систематическое обозрѣніе содержанія испанскаго эпоса, мы именно приступаемъ теперь къ эпизодамъ, касающимся Доньи Химены и Доньи Урраки.

Для характеристики семейной жизни Сида, особенно важно письмо [2]), которое писала Донья Химена къ королю Фердинанду, какъ кажется, на первыхъ порахъ своей замужней жизни. Начавъ письмо обычными вѣжливостями, какъ подобаетъ супругѣ вассала, и называя себя между прочимъ, по древнему обычаю,

---

[1]) Романсы, переведенные Жуковскимъ изъ Гердера особенно неудачно характеризуютъ Донью Химену и ея отношенія къ Сиду.

[2]) Escob. 26.

рабою короля [1]), Химена потомъ жалуется на свое одиночество, потому что Сидъ постоянно на войнѣ и въ походахъ, постоянно ее оставляетъ; а когда возвращается, усталый и измученный, весь облитъ кровью, такъ что страшно смотрѣть на него; «и только что коснется моихъ объятій — такъ наивно признается Химена — тотчасъ засыпаетъ въ моихъ объятіяхъ; во снѣ тяжело дышетъ, и грезится ему, будто онъ снова въ битвѣ». Съ ранней зарею Сидъ оставляетъ свою супругу, и отправляется на новые подвиги. Прося короля, чтобъ онъ не разлучалъ ее съ мужемъ, Химена присовокупляетъ, что слезы, которыя она постоянно проливаетъ, могутъ обезобразить ея красоту. Король вѣжливо отвѣчалъ на жалобы Химены тоже посланіемъ, которое онъ началъ, постановивъ сперва крестъ съ четырьмя точками и проведши черту (подробность не безполезная для исторіи средневѣковой культуры).

Въ другомъ романсѣ [2]), при описаніи Химены, восхваляется ея скромность, а о красотѣ ея говорится, что Химена, когда шла въ церковь, была такъ прекрасна, что само солнце останавливалось въ своемъ теченіи, чтобъ на нее полюбоваться. По обычаю благородныхъ дамъ, она покрывала свое лицо, «потому что, — какъ говоритъ романсъ пословицею — благородныя дамы чѣмъ больше покрываютъ свое лицо, тѣмъ больше открываютъ свои мысли» (свой разумъ).

Донья Уррака выступаетъ при смерти своего отца, короля Фердинанда [3]).

«При смерти добрый король Фердинандо; ногами лежитъ на востокъ, въ рукѣ держитъ свѣчу. Въ головахъ у него архіепископы и прелаты, по правую руку — его сыновья». Является Донья Уррака и говоритъ: «вы умираете, батюшка; да пріиметъ

---

[1]) La vuesa sierva Ximena.

[2]) Escob. 34.

[3]) Rom. Casc. I, 147—8. Якова Гримма Silva de romances viejos. 1831 г., стр. 301.

вашу душу самъ Святой Михаилъ[1]). Вы завѣщаете свои земли, кому вамъ угодно. Донъ-Санчу дали вы Кастилью, Кастилію многолюдную; Донъ Алонзу — Леонъ, Донъ Гарсіи — Бискайю. Меня, потому что я женщина, оставили безъ наслѣдства; и я въ этихъ земляхъ, будто какая заблудшая странница, — и это собственное свое тѣло буду продавать я, кому вздумается — Маврамъ — за деньги, Христіанамъ — изъ милости; и что̀ тѣмъ выручу, пойдетъ на поминъ вашей души».

Итакъ это — личность, доносящаяся изъ глубокой старины, съ ея циническою суровостію, съ варварскимъ безстыдствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ героическою энергіею грозныхъ воительницъ самаго ранняго европейскаго эпоса.

Самое изложеніе романса, драматическое, быстротою дѣйствія усиливаетъ энергію общаго впечатлѣнія:

«Кто это тамъ говоритъ»? Спрашиваетъ король (умирая, онъ уже плохо видитъ и слышитъ, или не вѣритъ своимъ собственнымъ ушамъ и глазамъ). — «Это ваша дочь, Донья Уррака» — отвѣчаетъ архіепископъ. «Замолчи, дочь, замолчи, не говори такихъ словъ; за такія слова подобаетъ женщину сжечь. — Тамъ въ старой Кастильи я оставилъ одно мѣстечко, его называютъ Замора, Замора, хоро̀шо защищенная. Съ одной стороны ее защищаетъ Дуеро, съ другой — Тахада, съ третьей — Морерія: мѣсто драгоцѣнное. Кто отниметъ его у тебя, моя дочь, на того падетъ мое проклятіе. Всѣ отвѣчали: аминь, аминь, кромѣ Донъ Санчо, который молчалъ».

Таковъ этотъ превосходный романсъ. Даже въ тяжеломъ прозаическомъ переводѣ онъ даетъ разумѣть о высокомъ эпическомъ тонѣ испанской народной поэзіи. Безстыдныя рѣчи дочери-дѣвицы потрясли душу умирающаго отца, однако, онъ выше минутнаго раздраженія: умирая, онъ прощаетъ, и только помнитъ о своей обязанности, и даетъ Урракѣ Замору. Всѣ присутствующіе скрѣпляютъ заклятіе умирающаго аминемъ, одинъ Донъ

[1]) Св. Михаилъ, т. е., Архангелъ, призывается обыкновенно и въ Chansons de Roland, какъ исконный покровитель воинствующихъ дружинъ.

Санчо молчитъ, потому что драма только что разыгрывается, и пѣвецъ даетъ разумѣть, что будущій король Кастильи не доволенъ завѣщаніемъ отца и уже затаилъ въ своемъ сердцѣ зависть къ братнимъ и сестринымъ надѣламъ.

Такъ какъ характеръ Доньи Урраки особенно интересенъ для исторіи средневѣковой женщины, то я приведу для варіанта два другіе романса того же содержанія[1]), но, какъ кажется, позднѣйшіе по тону, потому что, они съ меньшею быстротою и энергіею рисуютъ характеры и мотивы, хотя и отличаются значительнымъ поэтическимъ достоинствомъ.

Романсъ первый: «Приближаясь къ смерти, король Фердинандъ только что сдѣлалъ раздѣлъ своимъ землямъ, какъ въ печальную залу вошла покрытая чернымъ трауромъ и заливаясь слезами забытая инфанта Уррака, и, подошедши къ постели своего отца короля, преклонила колѣни и цѣловала его руку. Потомъ въ горькомъ плачѣ такъ выговаривала свои жалобы: «между божественными и человѣческими законами какой законъ наставилъ васъ, мой отецъ, для обогащенія мужчинъ лишать наслѣдства женщинъ? Альфонсу, Санчо и Гарсіи, которые вотъ стоятъ здѣсь, вы отказали всѣ свои имѣнія, а обо мнѣ забыли: и я не могу считать себя вашей дочерью... а если я и не законная вамъ дочь, все же должны бы вы кормить и побочныхъ своихъ дѣтей. А если это не такъ, за какую вину лишили вы меня наслѣдства? За какой проступокъ получаю я наказаніе? А если такую неправду мнѣ сдѣлаете вы, что скажутъ чужіе народы и ваши подданные, когда объ этомъ узнаютъ? Нѣтъ такой правды, чтобъ всѣ имѣнія отдавать мужчинамъ, когда они могутъ добывать ихъ себѣ въ битвѣ. Вы оставляете меня безъ наслѣдства, но подумайте, я вѣдь женщина, помыслите, что̀ и какъ могу я добыть безъ мужа и безъ всякихъ средствъ! Если не дадите мнѣ своихъ земель, пойду я по чужимъ, и чтобъ скрыть вашу вину, я не буду называть себя вашею дочерью. Въ одеждѣ странницы, бѣдная,

---

[1]) Escob. 35—40.

пойду я скитаться; но помните, что очень часто къ святымъ мѣстамъ *путницы* бываютъ *распутницы*[1]). Правда, что во мнѣ течетъ благородная кровь, но я стараюсь забыть свое благородство, какъ дѣло мнѣ чуждое; и потому, видя себя въ презрѣніи, говорю такія слова. Ожидая отвѣта, прекращаю свои жалобы и опять принимаюсь за свой горькій плачъ».

Романсъ второй: «Внимательно слушалъ король Донъ Фердинандъ жалобы своей дочери Доньи Урраки, лежа на смертномъ одрѣ; оскорблялся ея вольностію, хотѣлъ отвѣчать, но не могъ говорить, потому что даже сами короли нѣмѣютъ передъ вольною женщиною. Но чтобъ отвѣтить ей и вмѣстѣ ее успокоить, вырвались у него слова, прежде чѣмъ успѣла вырваться изъ тѣла душа: «Такъ плачешь ты объ имуществѣ: какъ же ты будешь плакать о моей смерти? Потому что я сомнѣваюсь, любезная дочь, чтобъ моя жизнь продлилась. Что же ты плачешь, глупая женщина, о человѣческихъ стяжаніяхъ, когда видишь, что изъ всѣхъ нихъ я беру съ собою одинъ только саванъ? И за остатокъ жизни, сколько успѣю прожить, благодарю Бога и прошу о томъ, чтобъ онъ не оставилъ тебя такою злою. А когда душа моя отдѣлится отъ тѣла, то прямо пойдетъ въ небесныя жилища, потому что уже на землѣ чистилищемъ для нея былъ огонь твоихъ рѣчей». Затѣмъ король съ горечью увѣряетъ Урраку, что она его законная дочь, но родилась такою злою не въ добрый часъ; и въ заключеніе отказываетъ ей Замору, скрѣпляя свое завѣщаніе клятвою, чтобъ никто не отнималъ у Доньи Урраки этого надѣла. Всѣ присутствовавшіе воскликнули: аминь, и одинъ только Донъ Санчо молчитъ.

По самому концу очевидно, что эти оба романса — варіанты выше-приведеннаго, болѣе древняго, или по крайней мѣрѣ отличающагося первобытною энергіею народнаго эпоса.

---

[1]) Такъ перевожу я игру словъ подлинника: *Romera* — идущая къ святымъ мѣстамъ, и собственно въ Римъ, отъ *Roma;* и *ramera* — распутная женщина.

Мысль та же въ обоихъ варіантахъ; та же обстановка, тѣ же лица и характеры, но иныя точки зрѣнія. Въ первомъ варіантѣ, является неукротимая женская натура въ ея наивной эпической наготѣ, будто героиня ранней готской или лонгобардской старины. Она внушаетъ ужасъ, но не отвращеніе. Она еще на своемъ мѣстѣ по историческому развитію нравовъ. Во второмъ варіантѣ, цинизмъ Урраки кажется уже анахронизмомъ: она болѣе внушаетъ отвращеніе, нежели ужасъ: и если сколько-нибудь оставляетъ на своей сторонѣ сочувствія, то, какъ рѣшительная предвозвѣстница женской эманципаціи, въ постановкѣ вопроса о юридическихъ правахъ женщины, сравнительно съ мужчиною. При этомъ не надобно забывать, что и этотъ второй варіантъ ведетъ свое начало отъ эпохи, предшествовавшей XVI вѣку.

Чтобы оцѣнить всю поэтическую свѣжесть, жизненность и характеристичность этихъ трехъ варіантовъ, надобно сравнить съ ними переводъ Жуковскаго съ Гердерова перевода нѣмецкаго.

И уже свои онъ земли
Раздѣлилъ межъ сыновьями,
Какъ вошла его меньшая
Дочь Урака въ черномъ платьѣ,
Проливающая слезы.
Такъ ему она сказала:
«Есть ли гдѣ законъ, родитель,
«Человѣческій иль Божій,
«Позволяющій наслѣдство,
«Дочерей позабывая,
«Сыновьямъ лишь оставлять?»
Фердинандъ ей отвѣчаетъ:
Я даю тебѣ Замору,
Крѣпость, твердую стѣнами,
Съ нею вмѣстѣ и вассаловъ
Для защиты и услуги.
И да будетъ проклятъ мною,
то когда нибудь замыслитъ
У тебя отнять Замору. —

Предстоявшіе сказали
Всѣ: аминь. Одинъ Донъ-Санхо
Промолчалъ, нахмуря брови.

Характеръ Доньи Урраки окончательно обрисовывается въ романсахъ, имѣющихъ предметомъ осаду ея удѣла Заморы.

Что касается до Сида, то онъ вмѣнялъ себѣ въ долгъ служить Дону Санчо, какъ королю Кастильскому.

Мы уже знаемъ изъ обозрѣнія историческихъ событій, вошедшихъ въ эпосъ о Сидѣ, что Донъ Санчо Кастильскій отнималъ удѣлы у своихъ братьевъ и сестеръ.

«Едва король померъ [т. е., Донъ Фердинандо — такъ воспѣвается въ одномъ романсѣ[1])], какъ Замора была осаждена; съ одной стороны осадилъ ее король (т. е., Донъ Санчо), съ другой осадилъ ее Сидъ. Со стороны, гдѣ осадилъ король, Замору нельзя взять; а съ другой стороны, гдѣ осадилъ Сидъ, Замору взять можно. Видя такую бѣду, Донья Уррака показалась у окна на башнѣ и говорила такія слова: «прочь, прочь, Родриго, гордый Кастилецъ! Тебѣ бы припомнить доброе время прошлое! Мой отецъ далъ тебѣ оружіе; моя мать дала коня, а я надѣвала тебѣ золотыя шпоры, чтобъ было тебѣ больше чести. Думала я тогда выйти за тебя за мужъ, но не хотѣла того моя злая судьба: ты женился на Хименѣ Гомезъ, на дочери графа Лозано. Съ ней взялъ ты деньги, со мной взялъ бы почести: богатство хорошо, но честь дороже. Хорошо ты женился, Родриго, но еще бы лучше могъ пожениться: оставилъ ты дочь короля для дочери его вассала». Услыша это, Сидъ очень смутился, и въ смущеніи такъ отвѣчалъ: «если вамъ такъ кажется, моя госпожа, можно все уладить». Но на это отвѣчала Донья Уррака со спокойнымъ лицомъ: «не угодно Господу Богу такое дѣло! И предалъ бы онъ вѣчнымъ мукамъ мою душу, если бы я была причиной раздора»! Быстро воротился Родриго и въ тревогѣ вскричалъ: «прочь,

---

[1]) Rom. Castel. 1, 157. — Escob. 256. Якова Гримма. Silva de romances viejos. Стр. 304.

прочь, мои воины, и пѣхота, и конница! Вотъ съ этой башни пронзила меня стрѣла; хоть она и безъ желѣза, но прошла сквозь мое сердце. И нѣтъ мнѣ другаго исцѣленія, какъ только жизнь въ вѣчномъ мученіи».

Этотъ романсъ, отличающійся задушевнымъ тономъ, безъ сомнѣнія скрываетъ позади себя нѣкоторыя нѣжныя отношенія, въ истинѣ которыхъ слишкомъ поздно удостовѣрился Сидъ. Народная фантазія изображаетъ его податливымъ на сдѣлку съ совѣстію, но Донья Уррака является во всемъ благородствѣ своего правдиваго характера, хотя съ свойственною ей откровенностію сама высказываетъ Сиду, что̀ иная, менѣе пылкая натура держала бы про себя. Не разъ въ рыцарскихъ разсказахъ встрѣчаются два любящія существа между собою, раздѣленныя враждебными станами; но кажется трудно найти болѣе трогательную встрѣчу, которой откровенность придаетъ необыкновенную задушевность. Сидъ былъ такъ тронутъ этою встрѣчею, что не могъ осаждать города, гдѣ нашелъ для себя столько любви и нѣжныхъ воспоминаній».

Посмотрите, какъ все это сглажено, какъ безцвѣтно̀ и безжизненно въ переводѣ Жуковскаго съ варіанта, принятаго Гердеромъ.

Вдругъ всѣ улицы Заморы
Зашумѣли, взволновались;
Крикъ до за́мка достигаетъ,
И Урака, на ограду
Вышедъ, смотритъ.... тамъ могучій
Сидъ стоитъ передъ стѣной.
Онъ свои подъемлетъ очи,
Онъ Ураку зритъ на башнѣ,
Ту, которая надѣла
На него златыя шпоры.
И ему шепнула совѣсть:
«Стой, Родриго, ты вступаешь
«На безславную дорогу;
«Благородный Сидъ назадъ!»

И она ему на память
Привела тѣ дни, когда онъ
Государю Фердинанду
Обѣщался быть надежной
Дочерей его защитой,
Дни, когда они дѣлили
Ясной младости веселье
При дворѣ великолѣпномъ
Государя Фердинанда,
Дни прекрасныя Коимбры.
«Стой, Родриго, ты вступаешь
«На безславную дорогу;
«Благородный Сидъ, назадъ!»
Бодрый Сидъ остановился.
Онъ впервые Бабіеку
Обратилъ и въ размышленьи,
Прошептавъ: *назадъ!* поѣхалъ
Въ королевскій станъ обратно,
Чтобъ принесть отчетъ Донъ-Санху.

Прозаическая хроника[1]) тоже заставляетъ предполагать о дружескихъ отношеніяхъ Доньи Урраки къ Сиду. Сидъ былъ посредникомъ въ переговорахъ между Донъ Санчо и Доньей Урракой во время осады, и сверхъ того, какъ повѣствуетъ хроника, сначала неохотно бралъ на себя роль враждебнаго посла и отъ нея отказывался.

Намъ уже извѣстно изъ историческаго обозрѣнія, какъ Донъ Санчо предательски былъ убитъ однимъ жителемъ Заморы, по имени Беллидо Дольфосъ. Нѣсколько романсовъ посвящено этому предмету, и убійца Донъ Санчо въ народной поэзіи заклейменъ пятномъ гнуснаго предателя. Извѣстно также, что по смерти Донъ Санчо, Донъ Альфонсъ, дотолѣ скрывавшійся, былъ вызванъ въ Кастилью и сталъ единодержавнымъ королемъ.

Съ этого пункта начинается содержаніе разобранной нами поэмы XII вѣка. Въ параллель съ нею мы разсмотримъ и народ-

[1]) Гл. 55 и слѣд.

ные романсы; но сначала слѣдуетъ бросить взглядъ на стихотворную хронику и поискать, не найдется ли еще чего въ романсахъ сходнаго съ нею.

Надобно припомнить въ стихотворной хроникѣ явленіе Св. Лазаря Сиду въ видѣ прокаженнаго. Съ нѣкоторыми видоизмѣненіями тотъ же сюжетъ внесенъ и въ прозаическую хронику [1]), а оттуда уже въ народный романсъ [2]). Но въ стихотворной хроникѣ XII вѣка, этотъ эпизодъ скрашивается преданіемъ о сверхъестественной горячкѣ, чего нѣтъ уже ни въ позднѣйшей хроникѣ, ни въ романсахъ.

Стихотворная хроника оканчивается вымышленною борьбою Испаніи съ Франціею, разсказомъ, исполненнымъ сказочныхъ подробностей, очевидно сходныхъ съ французскими Chansons de Geste, но направленныхъ къ возвеличенію испанскаго оружія и особенно испанскаго національнаго героя. Тотъ же сюжетъ въ сокращенномъ видѣ и съ нѣкоторыми измѣненіями воспѣвается и въ романсѣ [3]). Съ этимъ романсомъ въ связи состоитъ другой [4]), тоже основанный на соревнованіи Испаніи съ Франціею, и то же передъ лицомъ римскаго папы, съ тою только разницею, что въ битвѣ съ Французами еще дѣйствуетъ король Фердинандъ, а въ этомъ послѣднемъ романсѣ является уже Донъ Санчо.

Однажды въ Римѣ Св. Отецъ (такъ въ романсахъ называется папа) собралъ соборъ, на который вмѣстѣ съ другими королями явился Донъ Санчо, а съ нимъ и Сидъ. Соборъ былъ собранъ въ храмѣ Св. Петра. Донъ Родриго, вошедши въ храмъ, увидѣлъ семь престоловъ для семи королей. Престолъ короля Французовъ рядомъ съ престоломъ Св. Отца, а престолъ Донъ Санчо ниже. Сиду стало это досадно, и онъ разбилъ на части престолъ Французскаго короля, а своего короля престолъ поставилъ на высшее мѣсто. Папа, разумѣется, пришелъ въ негодованіе, и Сидъ дол-

---

[1]) Глава 6.

[2]) Escob. 236.

[3]) Escob. 242.

[4]) Escob. 247.

женъ былъ просить прощеніе у Св. Отца. «Отпускаю тебѣ твой грѣхъ, Донъ Руи Діазъ — говорилъ папа: разрѣшаю тебя отъ всей души, только на моемъ совѣтѣ будь впередъ вѣжливъ и кротокъ».

Этотъ романсъ, возбуждавшій въ народѣ національную гордость въ отношеніи первенства Испаніи въ католическомъ мірѣ, не смотря на вымышленное содержаніе, отзывается поэтическою, и именно эпическою правдою. По смыслу наивныхъ эпическихъ сказаній, народный герой ниспровергаетъ престолы и переставливаетъ царства не дипломатическими хитростями, а силою своего кулака и своею геройскою удалью, и этотъ испанскій романсъ вполнѣ напоминаетъ намъ русскія былины о томъ, какъ Илья Муромецъ, не участвованный на пиру Князя Владиміра, погнулъ всѣ сваи желѣзныя, отдѣлявшія богатырей, и помѣшалъ всѣ мѣста *ученыя*, т. е., нарушилъ обычный церемоніалъ при дворѣ Князя Владиміра, какъ Сидъ перемѣшалъ на римскомъ Соборѣ престолы королевскіе и нарушилъ церемоніалъ священнаго совѣта самого папы.

Наконецъ изъ того же разряда романсовъ, въ которыхъ видна связь испанскаго эпоса съ французскими Chansons de Geste, надобно упомянуть о романсѣ, въ которомъ чудеснымъ образомъ является Апостолъ Sant-Jago Компостельскій. Извѣстно, что мѣстное преданіе сѣверо-восточной Испаніи объ этомъ Апостолѣ составляетъ главную идею знаменитой Лже-Турпиновой хроники, давшей начало столькимъ пѣснямъ и разсказамъ о Карлѣ Великомъ. Въ испанскомъ романсѣ С. Яго является, какъ христіянскій воитель, Caballero de Christo, помощникъ Христіянамъ въ борьбѣ противъ Мавровъ.

Теперь приступимъ къ романсамъ, соотвѣтствующимъ по содержанію древней поэмѣ. Предварительно замѣчу, что гдѣ поэма сходится съ прозаической хроникой, тамъ романсъ состоитъ въ ближайшей связи съ этимъ послѣднимъ источникомъ.

Согласно съ исторіей, романсы находятъ Донъ Альфонса въ Толедо, когда Беллидо Дольфосъ убилъ Донъ Санчо подъ стѣнами

Заморы. Будто бы инфанта Донья Уррака дала ему знать о случившейся катастрофѣ, вызывая его на престолъ Кастильи и Леона. Жители признали его своимъ королемъ[1]): «Оставался одинъ Родриго, не желая его признать, потому что онъ очень любилъ короля» (Донъ Санчо) и требовалъ, чтобъ Альфонсъ поклялся, что не принималъ участія въ смерти своего брата. «Всѣ цѣловали у короля руку, Сидъ не хотѣлъ цѣловать, а съ нимъ вмѣстѣ его Кастильскіе *родственники*»[2]). Сидъ согласится тогда только исполнить вассальскій обрядъ цѣлованія руки у Альфонса, когда этотъ король поклянется, что онъ чистъ отъ крови своего брата. Скрѣпя сердце, Альфонсъ поклялся, и Сидъ смирился, но съ тѣхъ поръ, по свидѣтельству романса, король постоянно питалъ къ нему нерасположеніе.

По другому варіанту[3]), Альфонсъ принялъ присягу, а Сидъ все же не поцѣловалъ его руки. При этомъ романсъ заставляетъ Сида повторить тоже, что сказалъ онъ нѣкогда королю Фердинанду: «поцѣловать руку у короля я не ставлю себѣ въ честь, а что цѣловалъ у него руку мой отецъ, то ставлю себѣ въ безчестіе». — «Ступай изъ моихъ земель, Сидъ, рыцарь невѣрный — говорилъ король: и ты не будешь въ нихъ отъ этого дня ровно годъ» — «Пріятно мнѣ — отвѣчалъ Сидъ: очень пріятно мнѣ, что первое повелѣніе твое, какъ ты сталъ королевствовать, обращено на меня: ты меня изгоняешь одного, а я удаляюсь въ четверомъ« (?). И отправился Сидъ, не поцѣловавъ у короля руки, съ тремя стами всадниковъ, съ могущественными дворянами, съ людьми молодыми; «между ними не было ни одного стараго, ни сѣдаго». «Друзья, говорилъ Сидъ своимъ воинамъ: если угодно будетъ Богу, чтобъ мы воротились въ Кастилью, обѣщаю вамъ, что воротимся всѣ съ богатствами и почестями»[4]).

Тонъ романсовъ въ описаніи того, какъ Сидъ оставлялъ ро-

---

[1]) Escobar., стр. 73.

[2]) Вѣроятно, такъ названы здѣсь его вассалы.

[3]) Escob., стр. 82—3.

[4]) Escob., стр. 84.

диву, гораздо правдивѣе, нежели въ поэмѣ XII. Тамъ онъ горюетъ и плачетъ, какъ малодушный; будто бы ему нестерпимо грустна немилость короля. Въ романсахъ онъ переноситъ эту бѣду, согласно съ своимъ характеромъ, воздержно и хладнокровно. Но романсъ [1]) о томъ, какъ онъ оставилъ въ монастырѣ San Pedro de Cardeña свое семейство, отзывается позднѣйшею сентиментальностью и вѣжливымъ взглядомъ вассала на свои отношенія къ королю. Молился Сидъ у Святаго Петра въ Карденьѣ: «Потому что христіанскій рыцарь долженъ вооружить свою грудь оружіемъ Церкви, если хочетъ побѣдить въ битвахъ». Сидъ снисходительно прощаетъ короля въ неправдѣ, которую тотъ ему сдѣлалъ, обвиняя завистниковъ и клеветниковъ и обѣщаетъ посылать ему добычу, которую онъ добудетъ отъ враговъ: «потому что — говоритъ онъ пословицею: месть вассала противъ своего короля подобна измѣнѣ, и выстрадать свою неправду — есть знакъ хорошей крови». Давъ такую клятву, Сидъ обнялъ Донью Химену и обѣихъ своихъ дочерей, и оставилъ ихъ безмолвными въ слезахъ.

Для продовольствія своей дружины, Сидъ, и по романсамъ также занимаетъ у жидовъ деньги (2,000 флориновъ) подъ залогъ двухъ сундуковъ, наполненныхъ пескомъ [2]). При этомъ случаѣ, позднѣйшій романсъ не можетъ умолчать, чтобъ не извинить героя слѣдующими словами: «О безчестная нужда! Сколько честныхъ людей вынуждаешь ты дѣлать дурныя дѣла, только бы спастись отъ тебя». Впослѣдствіи, посылая королю Альфонсу дары, Сидъ, по романсамъ, не забылъ о жидахъ, какъ онъ забывалъ въ поэмѣ XII вѣка, и возвращаетъ имъ деньги, присовокупляя, чтобъ они его, Сида, простили, что онъ, скрѣпя сердце, это сдѣлалъ, будучи вынужденъ великою необходимостью, и что, «хотя они нашли въ обоихъ сундукахъ песокъ, но что въ томъ пескѣ было золото его правды».

---

[1]) Escobar., стр. 92.
[2]) Escobar., стр. 111.

Эти вѣжливыя отношенія ведутъ свое начало отъ прозаической хроники, на основаніи которой романсы разсказываютъ этотъ эпизодъ, украшая его разными сентенціями болѣе развитой эпохи.

Не смотря на вассальскую преданность и уваженіе Сида къ королю, какъ мы замѣтили это въ поэмѣ XII вѣка, все же, въ отношеніи перваго къ послѣднему, кое-гдѣ нельзя не видѣть нѣкоторой ироніи, которая, можетъ быть, противъ воли автора поэмы, проникнутаго придворнымъ духомъ, могла остаться, какъ явный слѣдъ народныхъ романсовъ, послужившихъ основою для поэмы.

Какъ бы то ни было, только и въ романсахъ [1]) мы замѣчаемъ ту же самую смѣсь вассальской вѣжливости и покорности съ явною ироніею, и притомъ, иронія выступаетъ въ романсахъ въ бо̀льшей ясности и силѣ, нежели въ поэмѣ.

Такъ, послѣ одной побѣды, посылая королю Альфонсу дары, Сидъ говоритъ посланному: «Скажи, другъ мой, королю Альфонсу, да пріиметъ его величество отъ изгнаннаго дворянина его покорность и приношеніе: и пусть этотъ малый даръ будетъ для него зна̀комъ, что онъ купленъ у Мавровъ цѣною хорошей крови; и что въ эти два года своимъ мечомъ я добылъ больше земель, нежели оставилъ ему въ наслѣдство король Фернандо (да будетъ славно имя его)... И да не вмѣнитъ онъ мнѣ въ гордость, *что я данью чужихъ королей плачу долгъ королю своему: какъ господинъ, онъ отнялъ у меня имѣніе, и потому я, какъ бѣднякъ, плачу ему чужимъ добромъ*».

Это драгоцѣнное мѣсто такъ нравилось и пѣвцамъ, и публикѣ, что не разъ повторяется въ романсахъ [2]). Оно напоминаетъ простодушную народную иронію нашихъ пѣсенъ, въ которыхъ иногда также является намѣренное *униженіе паче гордости* и намекъ себѣ на умѣ, которые тѣмъ обиднѣе, что, кажется, будто не направлены прямо къ цѣли.

---

[1]) Escobar., стр. 113.
[2]) Escobar., стр. 117.

Мы уже знаемъ изъ стихотворной хроники, что король, желая поддѣлаться къ своимъ вассаламъ, величалъ ихъ своею родней; такъ и въ романсѣ[1]), Донъ Альфонсъ, въ отвѣтъ на подданническое приношеніе Сида, говоритъ, что онъ принимаетъ отъ Сида подарки не какъ дань вассала[2]), но какъ отъ *родственника* подарокъ.

Припомнимъ въ поэмѣ, какъ Сидъ, будучи осажденъ Маврами въ Валенсіи, повелъ свою жену и дочерей на высокую башню Алькazаръ и оттуда показывалъ имъ враговъ. То же самое встрѣчается и въ романсѣ[3]), даже на той же самой башнѣ Альказаръ происходитъ сцена: «Донья Химена и ея дочери были въ великомъ страхѣ, потому что никогда не видали столько народу на бранномъ полѣ. И ободрялъ ихъ Сидъ, говоря слова: «Не бойся, Донья Химена, и вы дочери — такъ я люблю васъ: пока я живъ, будьте во всемъ спокойны; всѣ эти Мавры, что̀ вы видите, будутъ побѣждены, и добыча отъ нихъ пойдетъ вамъ, мои дочери, на приданое, потому, чѣмъ больше будетъ Мавровъ, тѣмъ больше будетъ намъ и добыча».

При другомъ случаѣ[4]), тоже въ Валенсіи, выступая въ бой съ Маврами, Сидъ трогательно прощается съ своею женою, завѣщая ей, если онъ падетъ въ битвѣ, похоронить въ С. Педро де Карденья. Онъ боится, чтобъ сѣтованіе по немъ не обрадовало Мавровъ, и совѣтуетъ не оплакивать его; онъ боится, чтобъ его любимый мечъ не попалъ въ недостойныя руки. Но особенно трогательно говоритъ о своемъ конѣ: «А если угодно будетъ Богу, что мой конь Бабіека останется безъ своего господина, и постучится у вашихъ воротъ, впусти его и приласкай, и дай ему корму полную порцію; потому что кто служитъ хорошему господину, того ждетъ хорошая награда». На прощаньи Химена благословила своего супруга, и онъ отправился въ бой.

---

[1]) Escobar., стр. 130.

[2]) No en feudo vueso.

[3]) Escobar., стр. 121.

[4]) Escobar., стр. 140.

Въ поэмѣ XII вѣка мы уже видѣли, какъ унизительно грамотный поэтъ той эпохи трактовалъ примиренiе Сида съ королемъ, какъ Сидъ падалъ ницъ и готовъ былъ цѣловать у короля ноги, такъ что самому королю стало совѣстно и стыдно. Народъ не могъ допустить такого униженiя въ своемъ любимомъ героѣ, да и вообще оно было не въ характерѣ Сида и сверхъ того не могло быть вызвано обстоятельствами. Это чрезмѣрное униженiе, безъ сомнѣнiя, обязано своимъ происхожденiемъ излишней услужливости искусственнаго направленiя, которое уже очевидно въ поэмѣ XII вѣка.

Совсѣмъ не такъ примиряется Сидъ съ королемъ въ романсахъ[1]). Онъ готовъ у короля поцѣловать руку, только на тѣхъ условiяхъ, если онъ дастъ вассаламъ, городамъ и всему народу льготы. Именно только въ такомъ смыслѣ народъ могъ допустить сближенiе съ королевскою властiю своего героя, представителя своихъ интересовъ: только во имя общей пользы всего народа, ради освобожденiя угнетенныхъ, ради всеобщихъ льготъ, могъ народный герой простить королю его обиды.

Какъ въ самомъ началѣ Сидъ не хотѣлъ признать Альфонса королемъ, пока онъ не поклянется, что чистъ отъ крови своего брата, такъ и теперь вновь требуетъ отъ него условiй, на которыхъ соглашается цѣловать его руку, то-есть, ему покориться и признать надъ собою его королевскую власть. Вотъ эти условiя: дать дворянамъ сроку тридцать дней, чтобъ оставить земли, если они совершатъ какое-либо преступленiе (вѣроятно, политическое) и никогда не изгонять ихъ изъ отечества, не услышавъ сначала ихъ оправданiя; не разгонять судовъ (los fueros, или не нарушать правъ), которые учреждены будутъ вассалами; не налагать большихъ налоговъ противъ того, сколько слѣдуетъ: и если король того не исполнитъ, то вассалы должны отъ него требовать. Все это обѣщалъ король и ни въ чемъ не перечилъ Сиду»[2]).

---

[1]) Escobar., стр. 128.

[2]) Escobar., стр. 128.

Дѣло о выданьѣ за мужъ дочерей Сида, составляющее, какъ мы видѣли, главный предметъ второй части поэмы XII вѣка, въ романсахъ составляетъ только эпизодъ, нисколько не заслоняющій собою другихъ эпизодовъ. Вообще въ романсахъ Сидъ менѣе дорожитъ знатнымъ родствомъ, больше уважаетъ себя и сознаетъ свое высокое достоинство, какъ и подобаетъ народному герою.

Какъ князь Владиміръ, въ нашихъ былинахъ, по дѣламъ женскимъ, совѣтуется съ своею княгинею Апраксѣевной, напримѣръ о выданьѣ за мужъ своей племянницы Запавы Путятишны, такъ и Сидъ, получивъ отъ короля предложеніе о сватовствѣ графовъ карріонскихъ къ его дочерямъ, тотчасъ же сообщилъ Хименѣ; «потому что — съ важностью присовокупляетъ романсъ: въ такомъ дѣлѣ женщины больше знаютъ»[1]). И что особенно служитъ къ чести Доньи Химены, эта партія ей очень не понравилась, хотя и надобно было согласиться на предложеніе самого короля.

Не буду останавливаться на томъ, какъ зятья Сида не оправдали его надежды, какъ вели себя они трусливо и при извѣстномъ случаѣ со львомъ, и въ битвѣ съ Маврами около Валенсіи. Въ этомъ романсы сходны и съ поэмою, и съ прозаической хроникою. Но эпизодъ въ дубровѣ Корпесъ, гдѣ безчестно выместили свою обиду графы корріонскіе надъ беззащитными своими женами, — въ романсахъ трактуется слабѣе, чѣмъ въ поэмѣ, которая въ этомъ случаѣ, вѣроятно, слѣдовала старинной пѣснѣ, во всей свѣжести передававшей жестокія сцены суровой эпохи, еще столь близкой къ крайнему варварству.

Если позднѣйшіе романсы не могли уже войти во вкусъ суровыхъ сценъ ранняго варварства, то, съ другой стороны, они отлично дополняютъ эпизодъ объ обидѣ, нанесенной Сиду, въ лицѣ его дочерей, тѣмъ живѣйшимъ, дѣятельнымъ участіемъ, какое въ этомъ дѣлѣ принимаетъ Химена. Какъ любящая мать, она неутѣшно плачетъ о бѣдствіи своихъ дочерей, и, какъ оскорб-

[1]) Escobar., стр. 132.

ленная въ своемъ достоинствѣ женщина, она внушаетъ своему мужу месть противъ злодѣевъ[1]).

Память о судѣ, произведенномъ надъ графами карріонскими, до позднѣйшаго времени сохранилась въ одномъ древнемъ романсѣ[2]), едва ли не отъ XII вѣка. Какъ въ поэмѣ XII вѣка говорится, что этотъ судъ (cortes) въ Толедо былъ третій, созванный Альфонсомъ въ его царствованіе, такъ и въ этомъ романсѣ воспѣвается: «Три суда созвалъ, или вооружилъ король[3]), всѣ въ одинъ годъ, одинъ судъ въ Бургосѣ, другой въ Леонѣ, третій въ Толедо».

Порядокъ и ходъ суда по романсамъ тотъ же, что и въ поэмѣ. Сидъ также сначала возвращаетъ отъ своихъ зятьевъ свои мечи, потомъ отбираетъ приданое и наконецъ дѣло рѣшается поединкомъ. Инфанты карріонскіе также приводятъ себѣ въ оправданіе, что они ставили своей чести униженіемъ жениться на дочеряхъ Сида. Къ обвиненію инфантовъ въ жестокости и несправедливости романсы[4]) присовокупляютъ позднѣйшій рыцарскій мотивъ: «налагать руку на женщинъ — не рыцарское дѣло». При разборѣ поэмы было уже замѣчено, что романсы не приписываютъ такой важности, какъ поэма, блистательной партіи, которую сдѣлали себѣ дочери Сида вторичнымъ бракомъ съ инфантами королей Наваррскаго и Арагонскаго. Объ этомъ въ романсахъ намекается вскользь[5]).

Кончина Сида, о которой въ поэмѣ упомянуто въ немногихъ словахъ, воспѣвается въ цѣломъ рядѣ романсовъ, и притомъ съ значительною примѣсью чудеснаго. Эти романсы состоятъ въ согласіи съ прозаическою хроникою, и частію, безъ сомнѣнія, изъ нея заимствованы, частію, вѣроятно, изъ общихъ съ нею источниковъ[6]).

---

1) Escobar., стр. 154 и 166.
2) Escobar., стр. 172.
3) Tres cortes armara el Rey.
4) Escobar., стр. 191.
5) Escobar., стр. 194.
6) Гл. 279, 281, 283, 284, 288, 291, 292.

За тридцать дней до смерти Сида [1]) явился ему въ несказанномъ свѣтѣ самъ Апостолъ Петръ, *Князь Апостоловъ*, и увѣдомилъ его о приближающейся смерти, а также предсказалъ, что онъ и мертвый побѣдитъ Мавровъ, при помощи Апостола Санъ-Яго, и по смерти будетъ причисленъ къ лику праведниковъ. «Господь Богъ изъ любви ко мнѣ — присовокупилъ Апостолъ Петръ: такъ соизволилъ за то, что ты почтилъ мой домъ, называемый *де Карденья*». Въ этомъ монастырѣ были положены, какъ увидимъ, и смертные останки великаго героя.

Съ святынями этого монастыря, одного изъ древнѣйшихъ въ Испаніи, связаны были, вѣроятно, фамильныя преданія Сида, что̀ видно уже и по тому, что этотъ монастырь отстоялъ на полторы мили отъ Бургоса, гдѣ издавна процвѣтала фамилія Сида, его дѣды и прадѣды. Въ этомъ монастырѣ Сидъ оставлялъ свое семейство во время своего изгнанія, туда онъ посылалъ богатые дары. Этотъ же монастырь впослѣдствіи былъ источникомъ, откуда распространились въ романсахъ чудеса, производимыя отъ останковъ Сида. Можетъ быть, въ этомъ-же монастырѣ составлена была и прозаическая хроника о національномъ героѣ.

Когда Сидъ умиралъ въ Валенсіи, этотъ городъ былъ осажденъ Маврскимъ королемъ Букаромъ. Чтобъ не ободрить враговъ, надобно было скрыть смерть великаго героя. Потому, по завѣщанію самого Сида, когда онъ умеръ, его тѣло бальзамировали и, вооруживъ съ ногъ до головы, какъ живаго, посадили на коня Бабіеку, крѣпко привязавъ его къ сѣдлу.

На утро, мертвый Сидъ на конѣ, будто живой, выѣхалъ изъ воротъ Валенсіи, окруженный своими родными и свитою, впереди храброй арміи, которая, имѣя передъ собою великаго героя, разбила на голову войско Мавританское.

Привезши тѣло Сида въ монастырь Святаго Петра де Карденья, его не похоронили, а посадили, будто живаго, по правую сторону главнаго алтаря въ церкви; что же касается до коня

---

[1]) Escobar., стр. 285.

Сидова, Бабіеки, то, по завѣщанію героя, его холили и кормили, а когда онъ околѣлъ, то кости его погребли во вратахъ того же монастыря де Карденья. Въ томъ же монастырѣ была погребена впослѣдствіи и Донья Химена.

Въ такомъ сидячемъ положеніи тѣло Сида будто бы находилось болѣе десяти лѣтъ, и каждый годъ въ память героя справлялась торжественно годовщина. Изъ чудесъ отъ останковъ Сида и хроника и романсы особенно заинтересованы были слѣдующимъ, которое приведу собственными словами романса[1]).

«Въ Санъ Петро де Карденья находился набальзамированный Сидъ, непобѣдимый побѣдитель Мавровъ и Христіянъ. По приказанію короля Альфонса онъ былъ посаженъ на скамью; его благородная и могущественная особа была украшена нарядомъ; величавое лицо было открыто, съ длинною бѣлою бородою, какъ человѣка достопочтеннаго; при немъ былъ добрый мечъ Тизонъ. Не казался Сидъ мертвымъ, былъ точно живой. Уже въ теченіе семи лѣтъ былъ онъ въ такомъ видѣ, и ежегодно справлялись въ его память празднества. Увидать его останки стекалось много народу. Во время празднества тѣло его оставалось одно, никто не охранялъ его. Случилось, что пришелъ одинъ жидъ и такъ разсуждалъ про себя: «Вотъ тѣло Сида, такого пресловутаго героя, и разсказываютъ, что никто при жизни его не смѣлъ прикоснуться къ его бородѣ. А вотъ теперь я возьму его за бороду и посмотрю, какъ онъ меня испугаетъ». И жидъ протянулъ было уже руку, чтобъ исполнить свое намѣреніе, какъ вдругъ мертвый Сидъ хватается за рукоять своего меча и сталъ обнажать его изъ ноженъ. Жидъ, видя это, такъ испугался, что палъ на землю еле живой». Это чудо такъ поразило жида, что онъ потомъ, принявши христіянскую вѣру, постригся въ монахи и окончилъ свои дни въ томъ же монастырѣ Санъ Петро де Карденья.

Таково содержаніе народнаго испанскаго эпоса о Сидѣ.

Къ народной основѣ уже рано присоединены были элементы

---

[1]) Escobar., стр. 295.

цивилизованной литературы, давшей сказаніямъ новое политическое направленіе; но, не смотря на временныя направленія, романсы до позднѣйшей эпохи въ значительной чистотѣ сохранили типъ великаго героя. Не миѳическія преданія, а чистая исторія дала содержаніе испанскому эпосу, и въ этомъ отношеніи эпосъ о Сидѣ есть самый блистательный образецъ историческаго рода эпической поэзіи.

Чудесное является въ самой незначительной примѣси, и только впослѣдствіи изъ монастыря Санъ Петро де Карденья усердные монахи успѣли пустить въ народѣ нѣсколько сказокъ легендарнаго содержанія.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о внѣшней формѣ романсовъ, то-есть, объ ихъ эпическомъ стилѣ въ связи съ бытомъ народнымъ и исторіей культуры.

Такъ какъ романсы о Сидѣ относятся по своему происхожденію къ разнымъ эпохамъ, отъ XII до XVI вѣка, то въ нихъ встрѣчается, какъ по воззрѣніямъ и понятіямъ, такъ и по внѣшнему выраженію, смѣсь новизны съ стариною. Иные романсы сначала до конца удержали характеръ древній, другіе — не иное что, какъ вполнѣ искусственныя стихотворенія, въ родѣ тѣхъ, какія могъ бы написать и въ наше время кабинетный поэтъ. Тѣмъ не менѣе и тѣ, и другіе романсы расходились въ устахъ народа, и искусственность романсовъ позднѣйшихъ болѣе и болѣе сглаживалась, чѣмъ больше эти романсы распространялись въ простонародьѣ.

Въ романсахъ древнѣйшихъ и чисто народныхъ или же въ отдѣльныхъ отрывкахъ, впослѣдствіи вставленныхъ въ новую общую раму — мы встрѣчаемъ эпическія формы, соотвѣтственныя раннему быту. Напримѣръ, припомнимъ въ поэмѣ XII вѣка суровую подробность въ описаніи битвы, какъ кровь льется съ руки Сида и окровавляетъ его одѣяніе; такъ и въ романсѣ, когда Сидъ поражаетъ враговъ: «его руки по локоть въ крови»[1]). По-

---

[1]) Escobar., стр. 107, 124.

тому, вмѣсто того, чтобъ сказать — едва Сидъ успѣлъ вздохнуть отъ своихъ воинскихъ подвиговъ, говорится: «едва повысохли на рукахъ его пятна мавританской крови»[1]). Вмѣсто живемъ плохо, въ бездѣльѣ: «ѣдимъ хлѣбъ, плохо заработанный»[2]).

Борода, игравшая такую важную роль въ понятіяхъ и нравахъ XII вѣка, какъ мы видѣли въ поэмѣ о Сидѣ, и такъ часто упоминаемая въ эпическихъ выраженіяхъ, въ романсахъ вообще уже потеряла свое значеніе. Кромѣ упомянутаго чуда съ жидомъ при останкахъ Сида, только кое-гдѣ случайно сохранились древнія выраженія, напримѣръ клятва бородою[3]). Въ другомъ мѣстѣ, требуя отъ инфантовъ карріонскихъ удовлетворенія въ обидѣ, нанесенной его дочерямъ, Сидъ, окончивъ грозную вызывающую рѣчь, встаетъ со скамьи и берется рукою за свою бороду[4]).

Кромѣ Святаго Михаила (то-есть, Архангела), мы видѣли въ хроникѣ, что особенною почестью пользовался въ Испанскомъ народѣ Святой Лазарь, сообщившій Сиду сверхъестественное могущество въ какой-то неземной горячкѣ. Сверхъ того Святой Петръ былъ покровителемъ фамиліи Сида, его отца и дѣда. Поэтому позволительно видѣть слѣдъ глубокой старины въ томъ романсѣ, гдѣ при описаніи нарядовъ Доньи Химены, между прочимъ упоминается, что на шеѣ у ней были повѣшены двѣ медали (панагіи) съ изображеніемъ Святаго Лазаря и Святаго Петра[5]).

Впрочемъ, нѣкоторыя черты ранняго быта въ романсахъ совсѣмъ стерлись. Въ поэмѣ XII вѣка еще отличаются двѣ степени въ положеніи замужней женщины, выражаемыя словами *barragana* и *muger;* и, желая унизить званіе дочерей Сида, карріонскіе графы зовутъ ихъ не *mugeres*, а *barraganas;* что касается до романсовъ, то это отличіе уже въ памяти народа изгладилось, и инфанты зовутъ своихъ женъ — *mugeres*[6]).

---

1) Escobar., стр. 112.
2) Escobar., стр. 97.
3) Por la barba. Escobar., стр. 65.
4) Escobar., стр. 186.
5) Escobar., стр. 33.
6) Escobar., стр. 189.

По свидѣтельству древнихъ источниковъ народнаго эпоса о Сидѣ, испанская народность еще слагается изъ Мавровъ и Христіянъ, и чтобъ сказать вся Испанія — употребляется выраженіе: *и Христіяне и Мавры.* Самъ Сидъ является еще не воителемъ христіянскимъ въ борьбѣ съ невѣрными, и потому находится въ дружбѣ съ Мавританскими королями. Въ романсахъ Сидъ совершаетъ подвиги уже ради Христіанской религіи: «por la fe christiana»[1]), и такъ прославляется: «о забрало христіянъ, небесный лучъ на землѣ, бичъ Мавровъ и защита Божіей вѣры».

Въ древнихъ источникахъ Испанскаго эпоса встрѣчаются еще самыя незначительныя черты зачинающагося рыцарства. Позднѣйшіе романсы уже внушаютъ рыцарское поклоненіе дамамъ, утверждая, «что налагать руку на женщину — не рыцарское дѣло»; они даже знаютъ *Законъ рыцарства* [la ley de Caballeria][2]).

Наконецъ намеки на античную классическую миѳологію внесены въ романсы, безъ всякаго сомнѣнія, не изъ преданій народныхъ, а изъ ученаго запаса поэтовъ-художниковъ. Напримѣръ, отецъ Сида, смотря на отрубленную голову своего врага, графа Лозанскаго, вспоминаетъ о головѣ *Медузы.* Рѣчи клеветниковъ, поносившихъ Сида передъ королемъ Альфонсомъ, названы *пѣснями Сирены.* О судѣ надъ инфантами карріонскими Сидъ выражается, какъ сказалъ-бы витіеватый поэтъ эпохи возрожденія: «на *театрѣ* моего безчестія разыгрывается *трагедія*, въ которой актерами мои зятья». Въ одномъ позднѣйшемъ романсѣ солнце названо *Аполлономъ*, а вѣтерокъ — *Зефиромъ*[3]).

Надобно имѣть въ виду позднѣйшее происхожденіе этихъ наносныхъ воспоминаній античнаго міра для того, чтобы, встрѣтивъ подобное выраженіе въ какомъ-нибудь историческомъ романсѣ испанскомъ, не придти къ убѣжденію, что или Испанская народность рано подверглась искусственности и порчѣ, или что самый

---

[1]) Escobar., стр. 187, 223.
[2]) Escobar., стр. 191, 60.
[3]) Escobar., 9, 93, 171, 279.

испанскій эпосъ обязанъ своимъ происхожденіемъ уже искусственному періоду развитію литературы. Напротивъ того, эту мутную струю искусственности очень легко отдѣлить отъ чистаго теченія народнаго эпоса.

Чисто эпическій древній тонъ романсамъ придаютъ *пословицы*, которыя тамъ и сямъ въ разсказѣ событій помѣщаются, какъ непреложныя истины, или изрѣченія здраваго смысла народнаго. Иногда въ романсѣ прямо упоминается, что такъ говоритъ пословица (proverbio, refran). Напримѣръ: «здѣсь исполнилась пословица, всѣмъ извѣстная: кто станетъ подъ хорошее дерево, будетъ въ хорошей тѣни». Понося инфантовъ карріонскихъ за ихъ трусость, Сидъ говоритъ: «хорошо говоритъ пословица, что бываютъ рьяные воины не одними руками, но и ногами: и вы именно изъ такихъ»[1]).

Чтобы дать понятіе объ образѣ мыслей, которыя проводятся черезъ разсказъ въ романсахъ — въ установленной формѣ пословицъ, по изданію Эскобара, привожу нѣсколько примѣровъ. Предварительно замѣчу, что пословица связывается съ повѣствованіемъ о событіи обыкновенно союзомъ *que* (потому что).

«Гдѣ живетъ любовь, тамъ забываютъ печали и заботы» стр. 21.

«Во время печали много значитъ совѣтъ», стр. 48.

«Добрый вассалъ обязанъ доброму королю имуществомъ, жизнію и славою», стр. 68.

«Кто великъ своими дѣлами, тотъ великъ во всемъ», стр. 135.

«Запятнанная честь омывается только кровью», стр. 186.

«На благородное сердце оскорбленіе дѣйствуетъ сильнѣе времени», на стр. 220, сказано по случаю болѣзни, приведшей Сида на смертный одръ.

«Кто плохо идетъ, плохо оканчиваетъ», стр. 278.

Въ раннюю эпоху развитія народной словесности, эпическій языкъ обрабатывается въ постоянной связи съ составленіемъ

---

[1]) Escobar., 108, 183.

пословицъ, и если, съ одной стороны, пословица, какъ разумное изреченіе, скрѣпляетъ общею мыслію какой-нибудь разсказъ, и, такимъ образомъ, вносится въ эпическую рапсодію, то, съ другой стороны, и изъ самого разсказа иногда выводится, какъ его результатъ, общая мысль, которая потомъ ходитъ въ народѣ, какъ пословица. Потому, связь Испанскихъ романсовъ съ пословицею указываетъ на эпическую свѣжесть ихъ стиля.

Отличительнымъ признакомъ безъискусственной поэзіи, слагающейся въ устахъ народа, какъ минутная импровизація, обыкновенно бываетъ повтореніе одного и того же слова или цѣлаго выраженія — въ концѣ одного стиха и въ началѣ другаго, за нимъ слѣдующаго. Напримѣръ, въ русской Былинѣ у Кирши Данилова:

Выбѣгали, выгребали *тридцать кораблей.*
Тридцать кораблей — единъ корабль. Стр. 1.
А и конь подъ нимъ (подъ Дюкомъ), какъ бы *лютой звѣрь,*
Лютой звѣрь — конь — и буръ, косматъ. Стр. 22.

Это свойство народной поэзіи объясняется тѣмъ, что пѣвецъ, повторяя цѣлое выраженіе, въ то время надумывается, что̀ сказать дальше. Во всей первобытности этотъ способъ народнаго творчества доселѣ сохранился въ обычаѣ Финскихъ пѣвцовъ. Воспѣваютъ руны изъ Калевалы обыкновенно двое, а не одинъ человѣкъ, то-есть, какъ бы мастеръ и его помощникъ. Оба сидятъ другъ противъ друга, сцѣпившись рука съ рукою и покачиваясь. Начинаетъ пѣть мастеръ. Когда онъ пропоетъ одинъ стихъ, подхватываетъ голосомъ и его товарищъ, и тогда оба они пропоютъ еще разъ тотъ же стихъ, только вмѣстѣ: въ это время, повторяя стихъ, мастеръ какъ бы надумывается для слѣдующаго стиха, и его поетъ опять одинъ, потомъ подхватываетъ его товарищъ, и они опять повторяютъ вмѣстѣ этотъ второй стихъ и т. д. Въ этомъ оригинальномъ способѣ пѣнья пѣсенъ Финнами надобно видѣть драгоцѣнный остатокъ первобытнаго эпическаго творчества изъ той эпохи, когда впервые слагались рапсодіи народнаго эпоса.

Этимъ же самымъ объясняется и повтореніе словъ въ концѣ одного стиха и въ началѣ слѣдующаго. Само собой разумѣется, что стихотворный размѣръ и пѣніе воспользовались этимъ мотивомъ для своей цѣли, облегчая тѣмъ кадансъ стиха и давая извѣстный тонъ самой музыкѣ.

Испанскіе романсы предлагаютъ намъ множество примѣровъ точно такого же способа составленія стиховъ, давая тѣмъ разумѣть о своемъ народномъ безъискусственномъ происхожденіи непосредственно изъ устъ пѣвцовъ [1]). Напримѣръ:

Entrado ha el Cid *en Zamora*,
En Zamora aquesa villa. Стр. 47.
Que allà ha solido *Bellido*,
Bellido un traidor malvado. Стр. 56.
Mal ferido le ha *en el hombro*,
En el hombro, y en el brazo. Стр. 72.

Иногда къ повторяемому слову во второмъ стихѣ прилагается эпитетъ (какъ и у насъ):

Ruegovos por Dios *el Conde*,
El buen Conde Arias Gonsalo. Стр. 68.

Иногда повторяется и не послѣднее слово, съ присовокупленіемъ къ нему эпитета:

Pedro Arias habia por nombre,
Pedro Arias el Castellano. Стр. 69.

Еще совершенно такой же складъ:

Martin Pelaez ha por nombre,
Martin Pelaez, Asturiano. Стр. 102.

Или же къ повторяемому слову присовокупляется синонимъ:

Firiendo van en los Moros,
Firiendo van y matando. Стр. 124.

---

[1]) Такой складъ стиховъ встрѣчается и въ пѣсняхъ Древней Эдды.

Какъ импровизаторъ вообще, ораторъ или профессоръ на каѳедрѣ, говоря безъ приготовленія, чтобъ не дѣлать паузъ или не мямлить, иногда прибѣгаетъ къ повторенію одной и той же мысли, только въ разныхъ словахъ, такъ и народный пѣвецъ прибѣгаетъ къ такому же наивному средству, повторяя себя синонимами. Такой способъ выраженія называется тавтологическимъ или тавтологіею (тождесловіемъ). Напримѣръ:

Decilles á los cuitados,
Y alos cuitadas contad. Стр. 109.

Заключая о народномъ испанскомъ эпосѣ, надобно сказать нѣсколько словъ о чуждыхъ вліяніяхъ, которымъ испанская народность могла подвергаться въ ранній періодъ ея эпической дѣятельности, то-есть, въ XI и XII вѣкахъ. Обыкновенно, говоря объ Испаніи, входятъ въ подробности арабскаго вліянія. Оно, дѣйствительно, становится замѣтно съ XIII вѣка и потомъ усиливается до того, что, какъ уже замѣчено выше, въ испанскомъ Romancero general образовался цѣлый разрядъ романсовъ Мавританскихъ. Точно также и въ языкѣ Испанскомъ, даже въ его современномъ видѣ, осталось довольно замѣтное количество словъ арабскихъ, но они вошли уже позднѣе. Что же касается до Кастильской поэзіи XII вѣка, и именно до поэмы и хроники о Сидѣ, то въ нихъ почти незамѣтно вліяніе Арабской національности вообще и тѣмъ менѣе Арабской поэзіи. Отдѣльныя арабскія слова, и то въ самомъ незначительномъ количествѣ, иногда встрѣчаются, какъ, напримѣръ, *barragana.*

Въ прежнее время ученые такъ много приписывали вліянію Арабскому, что имъ объясняли даже процвѣтаніе Провансальской литературы, развитіе въ ней лирики, и, что всего важнѣе, отъ Арабовъ вели распространеніе въ Европейской поэзіи *риѳмы* чрезъ Провансъ.

Но такъ какъ самая Испанская поэзія, болѣе прочихъ подверженная по самой мѣстности вліянію Арабскому, оставалась

ему чужда въ XI и XII вѣкахъ, то тѣмъ менѣе можно предположить это вліяніе въ Провансѣ. Въ хроникѣ и поэмѣ XII вѣка есть уже наклонность къ риѳмѣ, но она не есть необходимость стиха, какъ и въ древнихъ романсахъ о Сидѣ. Напротивъ того, въ поэзіи Провансальской той же эпохи находимъ уже совершенно звучную, рѣшительно опредѣлившуюся риѳму.

Что касается до вліянія Французскаго, то оно несравненно значительнѣе было Арабскаго въ эту эпоху..

Уже раннія эпическія преданія французскія отъ временъ Пепина и Карла Великаго указываютъ на тѣсную связь Франціи съ Испаніей съ VIII вѣка. Послѣ того, какъ Пепинъ (въ 735 году) изгналъ Арабовъ изъ Франціи, девять бароновъ изъ Гвіены, съ 25 тысячами народу, поселились въ Испаніи. При Карлѣ Великомъ Французы утвердились въ Каталоніи, и съ тѣхъ поръ образовалась Франко-Испанская марка, пограничная страна, служившая посредницею обоюдныхъ вліяній между Испаніей и Франціею. При Людовикѣ Благочестивомъ (въ 820 году) Франки заселили многіе города Каталоніи. Карлъ Лысый (въ 844 году) далъ жителямъ Барселоны привилегіи, которыми пользовались Французы, и вообще въ Каталоніи такъ сильно было вліяніе французское, что къ концу IX вѣка вошелъ обычай между Каталонцами вести лѣтосчисленіе по королямъ Французскимъ.

Въ началѣ XI вѣка, король Наваррскій въ борьбѣ съ Альмансуромъ призвалъ на помощь Французовъ, и высшее дворянство и простонародье.

Въ связи съ этимъ внѣшнимъ вліяніемъ Франціи, шло другое вліяніе, глубже проникавшее нравственныя основы жизни. При королѣ Санчо Великомъ (въ 1025 году) монастыри Испанскіе преобразовались по образцу знаменитаго французскаго монастыря Клюни, которому потомъ Фердинандъ Великій подчинилъ всѣ монастыри Испаніи.

Въ эпоху Сида, при Альфонсѣ VI, Французское вліяніе съ новой силою отразилось на Испаніи. Альфонсъ былъ женатъ на Констансѣ, дочери Роберта, герцога Бургонскаго. Самый важ-

ный подвигъ, совершенный Альфонсомъ, было возвращеніе отъ Мавровъ Толедо, древней столицы Испаніи. Въ этомъ великомъ дѣлѣ Альфонсу помогали два принца Бургонскіе, Ремондезъ и Генрихъ Безансонскій. Признательный за ихъ помощь въ войнѣ съ Маврами, Альфонсъ выдалъ за нихъ своихъ дочерей. Первый былъ родоначальникомъ домовъ Кастильскаго и Арагонскаго, а второй — Португальскаго. Въ отнятіи отъ Арабовъ Толедо участвовало такое множество Французовъ, что потомъ цѣлые кварталы во многихъ городахъ Испанскихъ заселились Французами, о чемъ память и доселѣ сохранилась почти во всѣхъ болѣе важныхъ городахъ Испаніи, въ которыхъ встрѣчаются названія улицы или квартала — *французскими*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Альфонсъ, слѣдуя уже укоренившимся преданіямъ, еще болѣе усилилъ вліяніе французскаго монашества въ Испаніи, давая ему высшія епископскія мѣста. Такимъ выходцемъ изъ Франціи былъ и Іеронимъ, епископъ Валенсіи, упоминаемый въ поэмѣ о Сидѣ.

Тѣмъ сильнѣе было политическое и религіозное вліяніе Франціи на Испанію въ XI и XII вѣкахъ, что оно постоянно поддерживалось вліяніемъ общественнымъ, образованностью, которая съ замѣчательною энергіею развилась въ Провансѣ, и, въ слѣдствіе сказанныхъ обстоятельствъ, быстро охватила всѣ сѣверныя провинціи Испаніи — Наварру, Арагонію и Каталонію, такъ что дѣятельность Провансальскихъ Трубадуровъ простиралась отъ Аквитаніи по всѣмъ этимъ провинціямъ точно также, какъ и въ сѣверной Италіи, въ Савойѣ и Ломбардіи.

Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, въ эпоху возникновенія рыцарства, всѣ лучшіе, избранные умы, вся знать, разсѣянная по замкамъ, подчинилась одному общему уровню утонченной образованности и удовольствіямъ общественной жизни — уровню, который былъ проведенъ такъ называемою Провансальскою литературою.

1864 г.

РУССКІЕ ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, составленный В. Варенцовымъ. С.-Петербургъ, 1860.

Калѣки перехожіе. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова. Москва, 1861 г.

Пришло наконецъ время, когда словесность перестали ограничивать тѣснымъ кругомъ общественныхъ интересовъ, когда постигли, что настоящая ея опора и твердая основа состоитъ въ нравственныхъ убѣжденіяхъ всего народа. Эти результаты, добытые изученіемъ народности, особенно важны для насъ, Русскихъ, потому, что они примиряютъ новое время со всѣмъ нашимъ прошедшимъ, выставляя въ непривѣтливой наготѣ исключительное, чуждое народной жизни положеніе нашей искусственной, Петровской литературы, возникшей вслѣдствіе самаго враждебнаго разрыва между свѣжими силами народа и искусственною, антинаціональною цивилизаціею такъ называемаго образованнаго общества. Всякая искусственность, вносимая насильственно, съ болью, въ живой организмъ, производитъ въ немъ болѣзненное раздраженіе, сопровождаемое, то упадкомъ силъ, то лихорадочнымъ возбужденіемъ къ дѣятельности: и конечно, смотря безпристрастнымъ взглядомъ на русскую жизнь послѣднихъ ста лѣтъ, всякій согласится, что фальшивая искусственность, какъ выраженіе насильно и неправильно воспитываемаго общества, составляетъ главную характеристическую черту литературы этого періода. Оторванная отъ народныхъ массъ, Петров-

ская литература не могла однако стать въ уровень и съ обществомъ въ высшихъ его слояхъ, которые, составившись изъ иностранныхъ элементовъ, немедленно усвоили себѣ иностранный языкъ и иностранные нравы; такъ что можно признать за историческій уже фактъ, что въ то время, какъ высшее общество на Руси находило соотвѣтственное себѣ литературное выраженіе на Западѣ, и интересовалось только Западомъ, русская литература, сжавшись въ малыхъ кружкахъ грамотнаго чиновничества, находилась въ унизительномъ, подначальномъ состояніи, будучи заправляема, педагогически руководима, поощряема благоволеніемъ или исправляема разными внушеніями, и потому естественно вращалась въ своемъ тѣсномъ кругу между заученою фразою и грубымъ словцомъ, между уклончивою лестью и задорною сатирою, между обдуманнымъ доносомъ и необдуманнымъ обличеніемъ. Не находя внутри себя самодовольнаго спокойствія, необходимаго для всякаго художественнаго творчества, могла ли такая литература безпристрастно и съ ясностью взгляда относиться къ дѣйствительности? Какъ межеумокъ, оторванный и отъ низшихъ и отъ высшихъ слоевъ русскаго населенья, наша искусственная литература или презирала все то, надъ чѣмъ думала господствовать, и все народное называла *подлымъ*, или благоговѣла и боялась того, что было недоступно для ея скромной сферы, и усердно расточала свои напыщенныя, бездушныя фразы на похвальныя и разныя торжественныя оды, а если иногда и принимала на себя тонъ благороднаго негодованья, то развѣ на столько, на сколько ей дозволялось, и тогда она въ своихъ сатирахъ и комедіяхъ съ радости позлословить забывала народную пословицу, что лежачаго не бьютъ.

Почитаю лишнимъ распространяться, что въ этой темной картинѣ, которую развертываетъ безпристрастному взгляду наша искусственная литература, было довольно и свѣтлыхъ полосъ, но онѣ не въ силахъ были захватить большаго пространства, и только увеличивали мракъ окружающаго ихъ фона. Вѣрнымъ доказательствомъ тому служитъ крайняя бѣдность въ истинныхъ

идеалахъ, которые были бы созданы неподкупною, свободною фантазіею русскаго творчества. Болѣзненность искусственной жизни и литературы оказывалась въ жолчномъ раздраженіи, для котораго идеалъ возможенъ только въ карикатурѣ.

Впрочемъ, при всѣхъ недостаткахъ въ самостоятельномъ творчествѣ, новая литература оказывала благотворное дѣйствіе на образованіе, внося въ оборотъ русской жизни какія бы то ни было западныя идеи, хотя безъ логической послѣдовательности и обыкновенно безъ прямаго отношенія къ мѣстнымъ и временнымъ потребностямъ. Поспѣшная прививка послѣднихъ результатовъ чужой мысли и намѣренное, усиленное, и потому скороспѣлое ихъ развитіе необходимо должны были постоянно поддерживать несовершеннолѣтнюю опрометчивость западнаго образованія на Руси. Конечно, образованіе это, сосредоточиваясь въ тѣхъ же кружкахъ, гдѣ знали искусственную литературу, было совершенно чуждо и безплодно для народа. Хорошо ли это было или нѣтъ — покажетъ будущее; теперь же можно сказать только то, что простой народъ, къ счастію, не успѣлъ еще заразиться тою болѣзненною искусственностію, черезъ которую новая литература провела высшіе слои русскаго населенья.

Но что такое Русскій простой народъ? Въ чемъ его отличительныя свойства? Гдѣ искать его — вблизи ли къ намъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, между фабричными и извощиками, или гдѣ-то далеко въ деревенской глуши за сохою и бороною? На югѣ, на сѣверѣ или на отдаленномъ востокѣ нашего великаго отечества? Въ двоевѣріи ли послѣдователей Никона, или въ кичливомъ фанатизмѣ расколовъ и сектъ? За гражданскою азбукою въ нѣмецкой воскресной школѣ, съ казенною указкою, или за часословомъ съ раскольничьею лѣстовкою[1]) въ обученіи у старицы-мастерицы? — Русскій простой народъ — не призракъ ли это, составившійся въ разстроенномъ воображеніи чиновнаго барства, которое, то славянофильствуя, поклоняется ему въ образѣ золо-

---

[1]) Такъ раскольники называютъ четки.

таго кумира, украшеннаго ореоломъ святости и всѣхъ добродѣтелей, то, западничая, цѣлыя сто лѣтъ собирается его обучать по Домострою, какъ въ людяхъ умѣть вѣжливо откашливаться, плевать и сморкаться, но до сихъ поръ, боясь приступиться къ русскому медвѣдю, оставляетъ его въ рукахъ доморощенныхъ поводильщиковъ? — И что же — темное ли, непроходимое невѣжество, смѣсь всякихъ предразсудковъ и суевѣрій составляетъ существо этого необъятнаго страшилища, или же можно найдти въ немъ кое-что человѣческое, по истинѣ достойное и наставительное для пошлаго ханжества и индеферентнаго приличія, которыми спасаетъ себя отъ скандала такъ называемая образованнѣйшая на Руси публика? — Этотъ многовѣковой Протей не есть ли уже фантастическое олицетвореніе нашей цивилизованной совѣсти, которая свои малые успѣхи въ дѣлѣ образованія, свое равнодушіе къ національнымъ основамъ русской жизни и свою преступную роскошь, питаемую грѣшнымъ прибыткомъ, взваливаетъ на невѣжество, язычество и пьяную лѣнь простаго народа?

Всякая жизнь состоитъ въ безконечномъ разнообразіи ея органическихъ отправленій, въ безконечномъ развѣтвленіи цѣлаго на его органы. Только отвлеченное понятіе и безжизненная формула могутъ быть подведены подъ пошлый уровень однообразія. Потому всѣ попытки и славянофиловъ, и западниковъ постигнуть русскій народъ были одною дѣтскою игрою, забавою досужаго воображенія. Это великое, неизвѣстное цѣлое, по частямъ открываемое наукою о народности, живетъ раздробленною жизнію, видоизмѣняемою тысячами мѣстныхъ особенностей и историческихъ обстоятельствъ: и чтобъ открыть общее и существенное въ этихъ развѣтвленіяхъ, нужно ихъ усмотрѣть и привести въ извѣстность; а для этого необходимо усилить тѣ ученыя средства, которыя наше время открываетъ въ изслѣдованьяхъ по народности. И только тогда можно надѣяться на успѣхъ, когда наука откажется отъ своихъ закоренѣлыхъ предразсудковъ.

Исходя отъ внѣшняго, поверхностнаго взгляда на современное намъ состояніе русской жизни въ высшихъ ея проявленьяхъ

жизни государственной, церковной, общественной и литературной, русскіе историки все разнообразіе въ нравственномъ и политическомъ развитіи нашего отечества, по всѣмъ его древнимъ мѣстностямъ, подчиняли кажущемуся однообразію позднѣйшихъ центровъ исторической дѣятельности, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, и слѣдовательно все вниманіе свое обращали на послѣднія два столѣтія, когда усилившееся значеніе этихъ центровъ давало внѣшнее однообразіе оффиціальнымъ проявленьямъ русской жизни. Эта оффиціальность могла быть усвоена только высшими слоями русскаго народа, которые, принявъ на себя условную форму чиновничества, замѣнявшаго на Руси аристократію, съ XVII в. стали распространять повсюду въ областяхъ единообразіе внѣшнихъ пріемовъ московскаго преобладанья, которыми должно было сплотиться наше отечество въ одно политическое цѣлое. Воеводы съ своими чиновниками, разсылаемые изъ Москвы въ XVII столѣтіи, не мало способствовали этому внѣшнему однообразію, которое только по видимости тянуло къ московскому центру, но въ сущности служило болѣе къ тому, чтобъ заглушать мѣстные интересы областей, нравственные и даже религіозные, въ пользу московскихъ гостей, становившихся незваными хозяевами. Ненависть провинцій къ московскимъ воеводамъ и чиновникамъ, тамъ и сямъ проглядывая въ литературѣ мѣстныхъ житій и въ народныхъ сатирахъ XVII в., перешла по наслѣдству въ сатирическую литературу XVIII в. Язва чиновничества, ставшая со временъ Гоголя избитою темою, есть явленіе не вчерашнее въ русской жизни; и историкъ имѣетъ полное право воздать должное уваженіе смышлености древнихъ московскихъ подъячихъ, умѣвшихъ въ пользу своего кармана подводить подъ общій уровень мѣстныя разногласія древней Руси, вошедшія въ существо русской народности.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе историческаго развитія московской политики, областное, и слѣдовательно народное, то-есть, все разнообразіе въ развѣтвленьяхъ русской жизни — было признано враждебнымъ формальному, чиновному единству, и под-

чинено ему, какъ грубое невѣжество, вредное московской благонамѣренности.

Со временъ Петра Великаго найдено было новое и болѣе удобное средство къ уравненію шероховатостей въ разнообразныхъ отклоненьяхъ областной жизни по всему великому протяженію нашего отечества. — Русскій народъ былъ грубъ и невѣжественъ, сравнительно съ Европою, которую стали узнавать тогда. Надобно было его просвѣтить на образецъ западный, но такъ какъ это стоило бы многихъ хлопотъ и даже было невозможно по разнымъ причинамъ, то ограничились только его верхушками, и просвѣщали однихъ баръ да чиновниковъ; и западное начало, усвоенное только высшими же слоями, какъ и чиновничество XVII в., послужило новымъ и сильнѣйшимъ средствомъ къ упроченію форменнаго однообразія въ высшихъ проявленьяхъ русской жизни и въ ея литературномъ выраженіи. Стоять за просвѣщенье западное противъ доморощенной народности — значило тогда поддерживать барскіе интересы въ распространеньи однообразныхъ формъ, которыми хотѣли замѣнить внутреннее содержанье русской народности. Западники торжествовали, какъ партія, покровительствуемая чиновничествомъ, и всякое славянофильство казалось вреднымъ для общественнаго порядка расколомъ.

Идя однажды принятымъ путемъ, высшіе классы народа должны были совсѣмъ отказаться отъ русской народности, и въ видахъ чиновнаго однообразія усвоить себѣ чужой языкъ, какой бы то ни было, только не русскій, но усвоили себѣ наконецъ языкъ французскій, звуки котораго въ ту пору еще навѣвали аристократическую спѣсь временъ Лудовика XIV. По странному извращенію человѣческой природы, испорченной ложными принципами, составилось даже убѣжденье, что можно быть отличнымъ русскимъ патріотомъ, и не только не умѣть говорить порусски, но даже презирать все русское. Религія, отодвинутая на задній планъ въ дѣлѣ совѣсти, стала впрочемъ необходимымъ

условіемъ внѣшняго приличія, и недостатокъ вѣры тѣмъ сильнѣе восполнялъ себя формальнымъ ханжествомъ.

Однако, чѣмъ больше развивалось на Руси западное господство, чѣмъ больше образованные умы сближались съ интересами текущей европейской жизни; тѣмъ сильнѣе чиновничій принципъ чувствовалъ себя въ ложномъ положеніи, потому что оффиціально не могъ и не долженъ былъ сочувствовать многому, что дѣлалось и говорилось на Западѣ. Сношенія русскихъ людей съ Европою, нѣкогда желанныя и покровительствуемыя Петровскою реформою, были наконецъ заподозрѣны и по возможности задерживаемы. Самыя науки и легкая литература, нѣкогда съ заботою пересаживаемыя къ намъ съ Запада, стали возбуждать вовсе незаслуженное, а при общемъ невѣжествѣ даже нѣсколько лестное опасенье, чтобъ русскій человѣкъ не научился больше того, сколько ему надобно. Ясно, слѣдовательно, что чиновничій принципъ не могъ наконецъ ужиться съ безусловнымъ западнымъ направленіемъ, но отказаться отъ него также не могъ, потому что изстари разошелся съ элементами народными, и, вслѣдствіе того, предсталъ во всемъ своемъ обнаженномъ видѣ, въ полномъ отвлеченіи и отъ русской національности и отъ западныхъ тенденцій, потому что то и другое призналъ одинаково вреднымъ, будучи запуганъ и такъ называемымъ славянофильствомъ, поднимавшимъ знамя народности съ ея доморощеными расколами и ересями, запуганъ и крайнимъ европействомъ, отвергнувшимъ всѣ историческія преданья русской жизни и признавшимъ русскій народъ едва ли не за краснокожихъ дикарей, которымъ можно дать какую угодно религію и новое устройство.

Легко было славянофиламъ, въ наивную эпоху ихъ борьбы съ поклонниками Запада, составлять радужный, идеальный образъ какого-то оторваннаго отъ жизни, русскаго народа, съ его великими нравственными доблестями. Но когда западный принципъ оказался несостоятельнымъ и въ русской жизни, и въ литературѣ, и когда потребовалось съ бо́льшею проницательностью и добросовѣстно взглянуть на себя: тогда всѣ историческія основы

и преданья русской жизни, составляющія нравственную физіономію народности, предстали безпристрастному взгляду въ жалкихъ, безобразныхъ развалинахъ, сглаженныхъ подъ общій уровень поддерживаемаго въ народѣ невѣжества. Идеальный образъ русскаго народа, взлелѣянный славянофильствомъ — какъ тотъ библейскій колоссъ, со скудельными ногами — распался на части; потому что сами создатели этого свѣтлаго и единаго образа были въ пріятномъ заблужденіи, признавъ московскую цивилизацію XVI и XVII в. за чистую монету народнаго чекана, и противопоставивъ Русь московскую Петровской, между тѣмъ, какъ та и другая дѣйствовали по одной системѣ въ сообщеніи русскому народу внѣшняго, форменнаго единообразія, которое и славянофилы, и западники принимали за цѣльный, органическій составъ.

Впрочемъ, какъ ни гибельно было западное образованіе для русской народности, все же Западу обязаны мы самою мыслію обратиться наконецъ съ уваженіемъ къ своей народности, изслѣдовать ее и дать ей права гражданства въ будущемъ развитіи русской жизни. Западные же ученые дали намъ образецъ, какъ собирать и приводить въ систему памятники народной словесности. Изученіе ихъ по областямъ и мѣстностямъ признается самымъ удобнымъ. Русское Географическое Общество примѣнило эту систему къ изслѣдованію русской жизни во всѣхъ ея проявленьяхъ. Второе отдѣленіе Академіи Наукъ въ изданіи Областнаго Словаря и Народныхъ пѣсенъ слѣдовало той же системѣ; точно также и издатели двухъ сборниковъ, обозначенныхъ въ заглавіи этой статьи, признавая всю важность мѣстнаго развѣтвленія русской народности, постоянно означаютъ, гдѣ можно, ту мѣстность, откуда идетъ издаваемый ими стихъ.

Само собою разумѣется, что только тогда составитъ наука ясное понятіе о мѣстныхъ оттѣнкахъ русской народности, когда прослѣдитъ историческое развитіе каждой изъ важнѣйшихъ областей нашего отечества. Стихи, пѣсни, сказки, пословицы, собираемыя изъ устъ народа въ новѣйшее время, будутъ только заключительнымъ результатомъ историческаго развитія, и можетъ

быть не вездѣ удовлетворительнымъ, потому что московщина XVII вѣка слишкомъ тяжело налегала на свободное развѣтвленье областной жизни.

Говоря собственно о народной поэзіи, надобно имѣть въ виду и то, что не во всѣхъ своихъ отдѣлахъ одинаково способна она была видоизмѣняться по мѣстностямъ. Особую упругость и стойкость представляютъ въ этомъ отношеніи Духовные стихи, и потому именно, что заимствуя свое содержаніе преимущественно изъ книжныхъ запасовъ, и усвоивъ себѣ даже нѣкоторыя формы книжнаго языка, эти произведенія народной фантазіи служатъ тою обобщающею средою, въ которой сходятся мѣстные интересы разныхъ концевъ нашего отечества.

I.

Совокупнымъ, собирательнымъ творчествомъ цѣлыхъ народныхъ массъ и многихъ поколѣній и отсутствіемъ личнаго взгляда и личнаго направленья народная поэзія, не смотря на различіе въ основахъ и во всемъ своемъ составѣ, сближается съ прочими искусствами, съ музыкою, живописью, скульптурою и зодчествомъ тѣхъ раннихъ эпохъ, когда эти искусства, служа выраженьемъ религіозныхъ идей, составляли неотъемлемую принадлежность всего народа. Какъ представленіе мистеріи было общимъ дѣломъ цѣлаго города, и какъ участвовали въ этомъ представленіи дѣйствующими лицами городскія сословія и цехи; такъ и сооруженіе готическаго собора принадлежало цѣлому городу и производилось совокупными силами общества каменьщиковъ, которые бывали и творцами художественныхъ идеаловъ, и искусными исполнителями техническихъ работъ. Какъ готическіе каменьщики, воодушевляясь общими для всѣхъ и каждаго религіозными идеями, украшали стѣны собора барельефами для общаго назиданія и удовольствія благочестивыхъ людей всего города; такъ и средневѣковые иконописцы расписывали стѣны храмовъ разными

священными исторіями, преимущественно для назиданія безграмотныхъ, то-есть, для простаго народа. Художественная дѣятельность, сосредоточиваясь въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, посвящала свое служеніе мѣстно чтимымъ святынямъ, святому патрону города или чудодѣйственной иконѣ. Такъ было на западѣ, и у насъ. Литература присоединяла свои средства къ прославленію мѣстной святыни въ памяти народа. У насъ въ старину обыкновенно читались житія мѣстныхъ угодниковъ въ сооруженныхъ во имя ихъ храмахъ или въ день празднованья ихъ папяти [1]); на Западѣ, при болѣе свободномъ развитіи художественной формы, на мѣстные праздники сходились къ церквамъ поэты и въ стихахъ воспѣвали святочтимое воспоминаніе. Епископы и князья снискивали себѣ популярность не столько щедростью въ угощеньяхъ и милостынѣ, сколько сооруженіемъ храмовъ и монастырей для общей благочестивой потребы цѣлаго города. Св. князь Всеволодъ-Михаилъ Псковскій, оплошный въ междоусобныхъ стычкахъ, оставилъ по себѣ въ житіи свѣтлую память покровительствомъ духовенству и украшеньемъ церквей. Имя Св. Іоанна, архіепископа новгородскаго было популярно въ Новѣгородѣ не только по устнымъ о немъ преданьямъ, но и по монументальнымъ памятникамъ, то-есть, церквамъ и монастырямъ, которые онъ сооружалъ, принадлежа къ одной изъ богатѣйшихъ фамилій новгородскихъ. Не говоря о древнѣйшихъ князьяхъ, упрочивавшихъ свою популярность удовлетвореньемъ общихъ религіозныхъ стремленій въ сооруженіи храмовъ, какъ напримѣръ дѣлалъ старый Ярославъ Владиміровичъ или Владиміръ Мономахъ, — укажу на эпоху московскихъ властителей, Василія Ивановича и сына его Ивана Грознаго, на эпоху, оставившую по себѣ особенно свѣтлую память въ народѣ сооруженьемъ множества храмовъ и открытіемъ мѣстныхъ святынь, или же признаніемъ за ними всероссійскаго авторитета.

---

[1]) Напримѣръ: «Въ тоже время въ церкви чтутъ житіе его праведнаго Прокопія» — сказано о Прокопіи Устюжскомъ. Костомарова, Памятн. старинной русской литературы, I, стр. 158.

Симпатіи къ родной мѣстности были такъ сильны, что самыя житія святыхъ и повѣствованія о мѣстныхъ святыняхъ составлялись по городамъ и областямъ. Такъ, кромѣ общеизвѣстнаго Кіево-печерскаго Патерика, составлялись житейники — новгородскій, владимірскій, смоленскій, устюжскій и т. д. Даже въ началѣ XVIII в., когда все же чувствовалось еще вѣяніе русской старины, было составлено общее обозрѣніе всѣхъ русскихъ святыхъ по городамъ и мѣстностямъ, подъ названьемъ *Книги, глаголемой о россійскихъ святыхъ*.

Соотвѣтственно литературѣ, и русская иконопись развѣтвлялась по мѣстнымъ школамъ, каковы — кіевская, суздальская, новгородская, московская. Иконописцы составляли такую же корпорацію, какъ и западные каменьщики, и столько же чужды были личнаго направленія, какъ списатели житій святыхъ или народные пѣвцы, воспѣвающіе убогаго Лазаря и Алексѣя Божьяго человѣка. Даже такъ называемые царскіе иконописцы второй половины XVII вѣка имѣли своимъ назначеньемъ не случайную, минутную забаву какого-либо лица, а общее служеніе религіознымъ стремленьямъ всего православнаго народа.

И такъ, и у насъ до XVIII в., и на Западѣ въ средніе вѣка, народные интересы, выражаемые не личнымъ, а совокупнымъ творчествомъ, группировались по мѣстностямъ; съ тою только разницею, что на Западѣ раннее развитіе личности уже издавна нарушало общій строй народнаго творчества, тогда какъ у насъ и доселѣ господствуетъ въ народѣ безразличіе и отсутствіе личнаго направленія, какъ въ поэзіи и вообще въ книжномъ просвѣщеніи, такъ и въ искусствѣ, ограниченномъ извѣстными напѣвами въ свѣтской и церковной музыкѣ, а въ иконописи—стародавними типами.

Переломъ, совершившійся въ художественномъ творчествѣ на Руси, вслѣдствіе Петровской реформы, соотвѣтствуетъ на Западѣ эпохѣ такъ называемаго *Возрожденія*, то-есть, концу XV-го и началу XVI-го вѣка. Развитіе личности по всѣмъ путямъ нравственной и умственной дѣятельности отразилось въ политической жизни сосредоточиваньемъ власти въ рукахъ немно-

гихъ лицъ. Города, потерявши свою независимость, естественно должны были отказаться отъ прежней литературной и художественной дѣятельности, замышляемой и исполняемой общиною, всѣмъ міромъ. Съ упадкомъ религіознаго вдохновенья массы народныя потеряли ту нейтральную среду, въ которой они находили себѣ общеніе, и которая ставила ихъ духовные интересы въ независимомъ положеніи отъ всякихъ постороннихъ притязаній исключительной личности. Поэтъ и художникъ перестали быть органами гласа народнаго, который былъ нѣкогда дѣйствительно гласомъ Божіимъ, потому что въ своихъ высшихъ звукахъ постоянно восходилъ онъ до восторженной молитвы, источника, откуда и поэтъ, и художникъ черпали свое вдохновеніе. Мистерія и народная комедія были изгнаны съ площади и заперты въ тѣсный балаганъ, который потомъ позднѣйшая роскошь передѣлала въ великолѣпный театръ, соотвѣтствовавшій уже инымъ потребностямъ, и не имѣвшій ничего общаго съ грубыми вкусами простонародья. Наконецъ ухитрились будто намѣренно исказить даже поэтическую правду драматическихъ представленій различными единствами и другими чопорными приличіями, какъ бы для того, чтобъ только высшая публика, посвященная въ эти условныя правила, могла вполнѣ наслаждаться удовольствіями театра. Переставъ выражать интересы толпы, поэтъ сталъ подъ защиту патрона-мецената, и восхвалялъ его не только въ одахъ и сонетахъ, но даже въ сказкѣ о какомъ-нибудь Неистовомъ Орландѣ. Въ прежнія времена общаго религіознаго воодушевленія живописецъ собиралъ толпу своихъ благочестивыхъ цѣнителей въ храмѣ, стѣны котораго расписывалъ; еще популярнѣе была дѣятельность зодчаго и ваятеля, которые украшали всю внѣшность храма тысячью прилѣповъ и статуй, какъ бы для того, чтобъ во всякое время дня проходящіе мимо поучались въ благочестивыхъ идеяхъ и вмѣстѣ вкушали эстетическое удовольствіе. Но потомъ, какъ драматическія представленія, потерявъ свое всенародное значеніе, скрылись изъ-подъ открытаго неба, сжавшись въ четырехъ стѣнахъ, такъ и произведенья

художественныя роскошный меценатъ сталъ ревниво запирать отъ грубой толпы въ своихъ великолѣпныхъ палатахъ, постройка которыхъ навсегда отвлекла уже вниманіе и силы мастеровъ отъ сооруженія церквей, нѣкогда столь плодотворнаго для нравственнаго воспитанія жизни народной.

Такимъ образомъ, и поэтъ, и художникъ очутились на откупу у мецената, который вполнѣ завладѣлъ ими, какъ скоро искусство и литература, утративъ религіозный характеръ, оказались не нужными для народа, и стали не существенною потребностью всѣхъ и каждаго, а роскошью празднаго богача. Ему нужны уже были не аскетическія сцены изъ жизни подвижниковъ, не видѣнія загробной жизни, которыя нарушали бы его досугъ, не выспренніе образы небесныхъ ликовъ, которые не годились для раздраженія его чувственности. Нѣтъ, вмѣсто иконы для общаго поклоненья, художникъ почтительнѣйше писалъ портреты съ своихъ милостивцевъ, раболѣпствуя самъ, пріучая къ лести и другихъ; въ угоду изысканной чувственности онъ возобновилъ всю античную миѳологію, и особенно въ тѣхъ ея соблазнительныхъ сценахъ, которыя были по вкусу людей, которымъ онъ продавалъ свое вдохновеніе.

Выставляя на видъ темныя стороны въ развитіи литературы и искусства, я вовсе не имѣю намѣренія утверждать, что по художественному достоинству и по внѣшнему исполненію прежнія народныя произведенія были лучше послѣдующихъ, предназначавшихся для аристократическаго вкуса; и заключаю только то, что первыя были полезны для народа, а послѣднія ему недоступны, и что именно съ тѣхъ поръ между народомъ и произведеніями литературы и искусства произошелъ рѣшительный разрывъ, какъ скоро религія перестала служить главнѣйшимъ источникомъ вдохновенія.

И у насъ, какъ на Западѣ, этотъ разрывъ оказался, но при другихъ, еще менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, именно, вслѣдствіе Петровской реформы, когда литераторъ и художникъ, обученные кое-чему наскоро и оторванные отъ интересовъ род-

ной жизни своимъ иностраннымъ воспитаньемъ, естественно должны были прибѣгнуть къ покровительству милостивцевъ, не хотѣвшихъ знать ничего народнаго. Почитаю излишнимъ повторять общеизвѣстную и всѣми признанную истину, что этотъ путь все же довелъ на Руси образованность, въ высшихъ ея представителяхъ, до удовлетворительныхъ результатовъ; но никто не будетъ отрицать, что онъ былъ недоступенъ для народа, потому что оскорблялъ его преданія и религіозныя убѣжденія, и вообще по своей необычайности былъ ему не подъ силу. Народъ не понялъ писателя, который въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ ушелъ отъ него впередъ на нѣсколько столѣтій, выучившись по иноземнымъ книгамъ; онъ отказался и отъ иконъ, которыя давала ему академическая живопись, вооруженная всѣми пособіями искусства, за исключеніемъ истиннаго религіознаго вдохновенья и уваженья къ національнымъ преданьямъ иконописной старины. Какъ бы кому ни казалось русское простонародье — двоевѣрнымъ ли и даже языческимъ, съ точки зрѣнія западной, или глубоковѣрующимъ и по истинѣ православнымъ, съ точки зрѣнія славянофильской: во всякомъ случаѣ ему необходима какая бы то ни была религія, и только подъ условіемъ религіозной идеи возможны для него интересы литературные и художественные; а интересовъ этихъ не потрудилась удовлетворить наша западная образованность, потому ли, что не способна была это сдѣлать по своему анти-національному направленью, или потому, что ей сначала предоставлялось образовать мецената и чиновника, и потомъ уже подумать о народѣ. А между тѣмъ народъ пробавлялся своими прежними скудными средствами, читалъ Прологи и Житія святыхъ, пѣлъ и слушалъ духовные стихи, а иконы вымѣнивалъ у Палеховскихъ иконописцевъ, боясь приступиться и къ писателю, и къ академику-художнику, потому что въ своей наивности видѣлъ въ томъ и другомъ только чиновника.

На сторонѣ такъ называемыхъ передовыхъ нѣмецкихъ людей стала образованность, но поверхностная и преждевременная; на сторонѣ простаго народа — историческая правда, вѣрная по-

слѣдовательному развитію, но безъ дѣятельнаго руководства, на время закоснѣвшая.

Было бы смѣшно утверждать, что въ эстетическомъ и литературномъ отношеніи наша западная образованность не далеко ушла впередъ отъ древне-русскаго застоя, которымъ до сихъ поръ довольствуется простонародная жизнь. Но не содержитъ ли въ себѣ этотъ кажущійся застой болѣе прочныя и плодовитыя сѣмена для самостоятельнаго и твердаго развитія, нежели та иноземная прививка, которая давала до сихъ поръ только пустоцвѣтъ и скоросиѣлые плоды, пріучивъ такъ называемаго образованнаго человѣка къ поверхностнымъ взглядамъ, къ легкомысленной самонадѣянности и опрометчивости? Уже въ самомъ отношеніи новѣйшей образованности къ простому народу видна ея крайняя незрѣлость; потому что и боярское презрѣніе къ грубой народности, и старообрядческое чествованье ея мнимыхъ доблестей обличаютъ только слабую мыслительность судей, привыкшихъ рѣшать безъ умственнаго труда и безъ точныхъ справокъ.

Русскій народъ, въ его прошедшемъ и настоящемъ — неизвѣстная для насъ величина, для опредѣленія которой напрасно будемъ справляться съ иностранными книжками. Только онъ самъ, въ разнообразныхъ явленіяхъ своей нравственной жизни, можетъ открыть себя пытливому взгляду. Можетъ быть, онъ выскажетъ намъ не одни свои достоинства, но и многіе недостатки; вѣдь человѣческая жизнь слагается изъ свѣта и тѣни: надобно, слѣдовательно, оцѣнить и темныя стороны русской народности, и вмѣсто того, чтобъ противъ нихъ юношески донкихотствовать, слѣдуетъ безпристрастно указать имъ надлежащее, законное мѣсто въ экономіи прочнаго, безъ крутыхъ скачковъ, историческаго хода русской жизни.

Духовные стихи въ двухъ упомянутыхъ выше сборникахъ обнаружатъ передъ читателями много свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ русской народности, имѣющихъ одинаковое достоинство въ глазахъ безпристрастнаго изслѣдователя; потому что самые недостатки народной жизни, выработанные исторически, получаютъ

монументальный характеръ непреложнаго историческаго факта: они не изсякаютъ съ теченіемъ вѣковъ, а только ложатся въ глубину будущаго историческаго теченія.

II.

Калѣки, иначе калики перехожіе — это бродячіе пѣвцы, воспѣвающіе духовные стихи, то-есть, пѣсни, имѣющія религіозное содержаніе, заимствованное изъ библіи, житій святыхъ и другихъ церковныхъ источниковъ, съ примѣсью разныхъ постороннихъ элементовъ. Въ старину калики ходили ватагами, и, какъ самостоятельное общество, имѣли своего вожака или атамана. Вооруженные клюками, они не только просили себѣ подаянія, но и брали его съ бою[1]). Это было общество кочевое, непосѣдное, постоянно идущее къ святымъ мѣстамъ, даже въ Іерусалимъ, или оттуда возвращавшееся во-свояси. Безъ сомнѣнія, случались между ними обманщики, которые подъ видомъ благочестиваго хожденья къ святымъ мѣстамъ скрывали свою охоту къ бродяжничеству. Исторію каликъ перехожихъ можно прослѣдить на разстояніи многихъ вѣковъ; но впослѣдствіи мѣсто ихъ заступаютъ *слѣпые старцы* — нищіе, которые и доселѣ обходятъ селы и деревни съ своими духовными стихами. Надобно полагать, что первоначально слѣпые старцы не входили въ корпорацію каликъ перехожихъ; потому что этихъ послѣднихъ русскія преданія изображаютъ удалыми молодцами.

Было время, когда духовные стихи пѣлись не одними хожалыми пѣвцами и слѣпыми старцами. Отъ XVII и начала XVIII в. дошло до насъ нѣсколько нотныхъ сборниковъ, въ которыхъ между псалмами встрѣчаются стихи о Страшномъ Судѣ, объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ, Похвала Пустынѣ. По подписямъ видно, что такіе сборники принадлежали духовнымъ людямъ, по-

[1]) Смотр. Стихъ Сорокъ каликъ съ каликою.

садскимъ и другимъ лицамъ, не промышлявшимъ ремесломъ бродячихъ пѣвцовъ, а въ первой половинѣ XVIII в. даже еще чиновникамъ [1]. Въ настоящее время духовные стихи въ большомъ употребленіи между нѣкоторыми сектантами. Такъ называемые *Люди Божіи*, въ своемъ еретическомъ служеніи, сверхъ церковныхъ пѣсней и псалмовъ, поютъ иногда и народные духовные стихи, напр. объ Іосифѣ Прекрасномъ, объ Іоасафѣ царевичѣ и друг. [2] Нѣкоторымъ изъ этихъ стиховъ расколъ и ереси давно уже приписывали особенное значеніе. Въ подложномъ посланіи Сергія и Германа Валаамскихъ [3], написанномъ въ обличительномъ духѣ противъ духовенства, неоднократно совѣтуется царямъ и боярамъ *внимати* какой-то *бесѣдѣ Іосифа Прекраснаго* и *Царя Египетскаго*. Стихъ о Голубиной Книгѣ, имѣющій предметомъ народную космогонію, содержитъ въ себѣ нѣкоторые догматы духоборцевъ.

Такимъ образомъ, слѣпые старцы, разносящіе теперь по всей Руси духовные стихи, должны быть разсматриваемы только какъ представители религіозно-поэтическихъ интересовъ всего русскаго простонародья. Можетъ, нѣкоторые стихи обязаны своимъ происхожденьемъ бродячему нищенству; но они пришлись по вкусу всему русскому люду, и вошли въ общую сокровищницу его религіозной, христіанской поэзіи, которою онъ переводитъ на понятный для себя языкъ священную исторію и церковныя преданья.

Гомерическая личность слѣпаго старца, ходящаго по міру съ своими духовными стихами, имѣетъ существенное значеніе въ русской жизни. Пѣсни свѣтскія — свадебныя, подблюдныя и другія обрядныя, составляя неотъемлемую часть текущей жизни, входя въ ежедневные обычаи и обряды, поются всѣми и каж-

---

[1] Такъ напр. на сборникѣ духовныхъ стиховъ, принадлежащемъ мнѣ, двѣ подписи начала XVIII в. одна *московскаго купца Ильи Томилина*, другая *копеиста Александра Никитина Поморцова.*

[2] Общество Людей Божіихъ въ Правосл. Собесѣдн. 1858 г. іюль, стр. 376.

[3] Смотр. объ этомъ сочиненіи въ Историч. Очерк. 2, стр. 306.

дымъ. Духовный стихъ по своему религіозному содержанію стоитъ внѣ текущихъ мелочей дѣйствительности. Онъ уже не забава и не досужее препровожденье времени, не застарѣлый обрядъ, сросшійся съ ежедневными привычками. Какъ церковная книга, онъ поучаетъ безграмотнаго въ вѣрѣ, въ священныхъ преданьяхъ, въ добрѣ и правдѣ. Онъ даже замѣняетъ молитву, особенно въ умильныхъ плачахъ и душеполезныхъ назиданьяхъ. Потому духовный стихъ изъятъ изъ общаго, ежедневнаго употребленья, и предоставленъ, какъ особая привилегія такимъ лицамъ, которыя, тоже будучи изъяты изъ мелочныхъ хлопотъ дѣйствительности, тѣмъ способнѣе были сохранять для народа назидательное содержаніе его религіозной поэзіи. Эти избранныя личности — не просто нищіе, то-есть, бродяги и лѣнивые, но люди, дѣйствительно не могущіе работать: это *слѣпые старцы.* Слѣпота, отдѣливши ихъ отъ текущей жизни, скрывши отъ нихъ всѣ ея развлеченья и забавы, только сосредоточивала ихъ въ самихъ себѣ и воспитывала ту энергію, съ какою передаютъ они русскому люду въ духовныхъ стихахъ свои неземныя видѣнія.

Г. Безсонову пришла счастливая мысль отдѣлить изъ массы духовныхъ стиховъ такіе, въ которыхъ слѣпцы и калѣки перехожіе поютъ о самихъ себѣ: каковы эти пѣвцы были въ старину и каковы стали теперь, и какъ они просятъ милостыню: сидючи при торгу, въ храмовые праздники; у порога и подъ окномъ, или идучи на богомолье; какъ они благодарятъ за милостыню въ стихахъ заздравныхъ и заупокойныхъ. Къ отдѣлу стиховъ, лично относящихся къ пѣвцамъ, г. Безсоновъ присовокупляетъ еще тѣ, въ которыхъ они воспѣваютъ Лазаря, Алексѣя Божьяго человѣка, Іосифа Прекраснаго и царевича Іоасафа, на томъ основаніи, что эти священные идеалы служатъ какъ бы образцами для перехожихъ слѣпцовъ.

Слѣдуя принятой системѣ, г. Безсоновъ открываетъ свое собранье стихомъ о происхожденьи на землѣ богатства и бѣдности. Этотъ стихъ, извѣстный въ народѣ подъ названьемъ *Вознесенья* или *Ивана Богослова*, поражаетъ глубиною мысли и вы-

сокимъ поэтическимъ творчествомъ, и только изъ опасенья быть заподозрѣнными въ пристрастіи къ народности, мы не рѣшаемся этотъ стихъ признать лучшимъ въ нашей поэзіи христіанскимъ произведеньемъ, далеко оставляющимъ позади себя все, что̀ доселѣ писали въ религіозномъ родѣ Ломоносовъ, Державинъ и другіе позднѣйшіе поэты.

Содержаніе стиха, по свободѣ въ обращеніи съ священными преданьями, напоминаетъ наивныя фрески средневѣковыхъ западныхъ живописцевъ. Когда Христосъ возносился на небо, окруженный небесными силами, расплакались всѣ бѣдные-убогіе, сироты безродныя и вся нищая братія, слѣпые и хромые. «Куда это Ты возлетаешь? — въ слезахъ говорили они Христу: «на кого же Ты насъ покидаешь? Кто безъ Тебя будетъ насъ поить — кормить, одѣвать — обувать и укрывать отъ темной ночи?»

— «Не плачьте вы, нищая братія» отвѣтствовалъ Христосъ: «Не плачьте, бѣдные-убогіе и малыя сироты безродныя! Оставлю я вамъ гору золотую, дамъ я вамъ рѣку медвяную, дамъ вамъ сады-винограды, дамъ вамъ манну небесную. Умѣйте только тою горою владѣти и промежду собою раздѣлити: и будете вы сыты и пьяны, будете обуты и одѣты и отъ темной ночи пріукрыты.»

Тогда возговорилъ Иванъ Богословецъ: «Гой еси, Ты, Истинный Христосъ Царь Небесный! Позволь мнѣ сказать словечко, и не возьми Ты моего слова въ досаду! Не давай Ты имъ золотой горы, не давай медвяной рѣки и саду-винограду, не давай небесной манны! Не умѣть имъ горою владѣти, не умѣть имъ ее поверстати и промежду собой раздѣлити; винограду имъ не собрати, манны небесной не вкусити. Зазнаютъ ту гору князья и бояре, пастыри и власти и торговые гости; и отымутъ они у нихъ гору золотую и рѣку медвяную, сады-винограды и небесную манну: по себѣ они золотую гору раздѣлятъ, по себѣ разверстаютъ, а нищую братью не допустятъ. И много тутъ будетъ убійства, много будетъ кровопролитья; и не чѣмъ будетъ

бѣднымъ питаться, не чѣмъ будетъ пріодѣться и отъ темной ночи пріукрыться: помрутъ нищіе голодною смертью, позябнутъ холодною зимою. А Ты дай имъ лучше имя свое святое и свое слово Христово; и пойдутъ бѣдные по всей землѣ, будутъ тебя величати, а православные станутъ подавать милостыню, и будутъ нищіе сыты и пьяны, будутъ обуты и одѣты, и отъ темной ночи пріукрыты».

— «Исполать тебѣ, Иванъ Богословецъ!» — возговорилъ самъ Христосъ Царь Небесный: «умѣлъ ты слово сказати, умѣлъ ты слово разсудити, умѣлъ ты по нищимъ потужити!»

Этотъ прекрасный стихъ распространенъ по всей Великой Россіи. Въ изданіяхъ г. Безсонова и Варенцова онъ записанъ въ новгородской, олонецкой, пермской и вятской губерніяхъ.

Изъ идеальныхъ образцовъ своихъ слѣпые пѣвцы всего больше сочувствуютъ убогому Лазарю, о которомъ стихъ съ глубиною поэтическаго творчества, доходящаго до трагическихъ мотивовъ, соединяетъ безпощадную иронію.

Жили-были два брата; одна матушка ихъ породила, но не однимъ счастьемъ надѣлилъ ихъ Господь Богъ; живши-бывши они раздѣлились: старшему брату досталось богатство, меньшему Лазарю убожество *съ святымъ кошелемъ.* Старшій братъ живетъ во всякой роскоши, и знается только съ князьями и боярами и съ *пестрыми* властями. Улучилъ его бѣдный Лазарь и проситъ себѣ подаянія, ссылаясь на свою проторь на нищенскую, и называя себя его роднымъ братомъ. Богачъ приходитъ въ негодованье и велитъ на несчастнаго напустить злыхъ собакъ. Какой онъ ему братъ! Князья да бояра — вотъ братья его; гости торговые, да церковные попы — вотъ его друзья: съ ними у него хлѣбъ-соль одна. А угрозы бѣдняка ему не почемъ. Что ему — богачу раскаиваться и кого бояться? — «Много у меня золота и серебра — говоритъ онъ: отъ Бога я отмолюсь, отъ лютой смерти казной откуплюсь!»

Особенно глубоко задумано сокрушенное состояніе духа убогаго Лазаря, который такъ притерпѣлся къ бѣдствіямъ, что,

умирая, и въ будущемъ вѣкѣ не ждетъ себѣ облегченія. Въ простотѣ своего истерзаннаго сердца, онъ увѣренъ, что *не чѣмъ* ему убогому въ рай войдти, *не чѣмъ* ему въ убожествѣ душу свою спасти.

Умираетъ и богачъ. Друзья и бояре отъ него разъѣзжались, сильное войско его пораздвинулось, шло его богатство — близко не дошло, прахомъ его разнесло и вѣтромъ раздуло. И остался умирающій богачъ одинъ одинешенекъ, какъ *голый перстъ*, лежалъ онъ день до вечера, во всю темную ночь до бѣлой зари, на зарѣ образумился. «Матерь Божія — застоналъ онъ: при винной чарѣ друзья и бояре, при злой годинѣ нѣтъ никого, нѣтъ никого и нѣтъ ничего! А какъ жилъ я богатый на вольномъ свѣту, не такъ моя душенька маялась. Понѣжилась моя душенька, поцарствовала; пила-ѣла душенька, все тѣшилась; пилъ я ѣлъ сладко, ходилъ хорошо, бархаты да атласы завсегда носилъ, на добрыхъ коняхъ разъѣзживалъ. Есть мнѣ *чѣмъ*, богатому, въ рай войдти; есть мнѣ *чѣмъ*, богатому, душу свою спасти! Много у меня имѣнья-житья, много у меня серебра и золота, а больше того цвѣтнаго платья; создай же мнѣ, Владыко, получше того!»

Характеръ убогаго Лазаря дополняется необыкновенно трогательною, деликатною чертою. Онъ простилъ своему брату, когда тотъ мучился въ вѣчномъ огнѣ, и, называя его уже своимъ милымъ братцемъ, умолялъ его, чтобъ не помнилъ его *грубости*. «Ой ты, мой братецъ, славенъ-богатъ!» — откликнулся ему убогій Лазарь: «Не прогнѣвался я на то, что ты затравилъ меня лютыми псами. Я бы прохладилъ тебя не только что перстикомъ, я бы всею рукою вытащилъ тебя изъ глубокаго ада, зачерпнулъ бы я полное ведро и погасилъ бы огонь, не далъ бы тебѣ, братецъ, всему горѣть: но нельзя, мой родимый, тебѣ пособить, и радъ бы, да воля то теперь ужь не моя: тутъ, братецъ, волюшка самого Христа, Царя Небеснаго».

Въ исторіи народной поэзіи этотъ стихъ особенно важенъ потому, что служитъ неоспоримымъ доказательствомъ тому, какъ

вѣрно и глубоко понялъ народъ тѣ евангельскія истины, которыя доступны его разумѣнью, будучи постоянно примѣняемы и оправдываемы въ дѣйствительности. Достаточно двухъ такихъ стиховъ, какъ раздѣлъ богатства и убогій Лазарь, чтобъ съ уваженьемъ отнестись къ народу, который, не смотря на господствующія въ немъ суевѣрья и предразсудки, все же сталъ на столько озаренъ человѣколюбивыми идеями Евангелія, что въ крайней нищетѣ и бѣдствіяхъ умѣлъ открыть величіе человѣческой души. Идеи о богатствѣ и бѣдности, въ разное время занимавшія мыслителей, и въ настоящее время давшія содержаніе многимъ филантропическимъ утопіямъ, эти идеи, въ ихъ первобытной простотѣ и свѣжести были глубоко прочувствованы простымъ народомъ, и выразились въ высокихъ, поэтическихъ созданьяхъ народной фантазіи.

Тотъ бы очень грубо и тупо понялъ эти прекрасные стихи, кто увидѣлъ бы въ нихъ похвалу нищенству и оправданье вреднаго тунеядства. На такихъ гнилыхъ подпоркахъ ничего бы не создалось. Сущая ложь не способна была бы разшевелить тѣ благородныя ощущенія, которыя такъ глубоко западаютъ въ душу. Не временная, случайная доктрина, а благородное состраданье къ постояннымъ человѣческимъ бѣдствіямъ вдохновляло фантазію, для того, чтобъ всегда внушать любовь и уваженье къ несчастью ближняго.

По очевидному вліянію книжному на составъ духовныхъ стиховъ, надобно полагать, что они обязаны своимъ происхожденьемъ не простонародью вообще, а избранной массѣ, которая, впрочемъ, не составляла особаго сословія, а только случайно являлась въ видѣ корпораціи. Всякій книжный человѣкъ могъ входить въ эту корпорацію, но, безъ сомнѣнія, не всѣ члены ея были людьми грамотными, такъ какъ и теперь поютъ духовные стихи безграмотные слѣпцы. Можетъ быть также, что духовная поэзія, получившая особенное развитіе въ нашей литературѣ въ XVII в., и бывшая тогда достояньемъ по преимуществу людей грамотныхъ, впослѣдствіи спустилась въ низшіе слои простона-

родья; точно такъ же, какъ и вообще вся народная поэзія, забавлявшая нѣкогда князей и бояръ, удержалась теперь только между крестьянами. Въ этомъ отношеніи простой народъ является въ настоящее время хранителемъ преданій не однихъ низшихъ сословій, но и князей и бояръ старой, еще не преобразованной Руси. Слѣдовательно, безусловное презрѣнье къ вымысламъ народнаго творчества, довольно распространенное въ наше время, есть не столько боярская спѣсь, сколько легкомысленное неуваженіе къ своимъ предкамъ вообще.

Мысль о присутствіи не однихъ простонародныхъ элементовъ въ народной поэзіи, надобно особенно имѣть въ виду при разсужденіи о духовныхъ стихахъ, книжные элементы которыхъ ясно свидѣтельствуютъ о вліяніи болѣе образованныхъ слоевъ древней Руси. Потому эти стихи и достались въ удѣлъ ватагамъ избранныхъ, искусныхъ пѣвцовъ, которые поучали народъ въ евангельскихъ притчахъ, въ житіяхъ святыхъ и въ разныхъ книжныхъ мудростяхъ даже вымышленнаго, апокрифическаго содержанія, подобно тому, какъ средневѣковые каменьщики и иконописцы на Западѣ все это изображали на стѣнахъ храмовъ въ назиданіе безграмотной толпѣ. Какимъ бы путемъ народъ ни воспитывалъ свои убѣжденья — внѣшними ли формами барельефовъ и стѣнописи, или только духовными стихами и устными легендами: то и другое въ исторіи цивилизаціи имѣетъ равное право на просвѣщенное вниманіе, хотя, разумѣется, искусственность въ техникѣ зодчаго, ваятеля и живописца свидѣтельствуетъ о несравненно бо̀льшемъ развитіи, нежели безыскусственная и свободная, непосредственная форма поэтическаго слова.

III.

Поэзія въ своемъ историческомъ теченіи соотвѣтствуетъ развитію прочихъ искусствъ, развѣ немного отъ нея отстающихъ по бо̀льшей трудности въ технической обработкѣ внѣшнихъ формъ.

Древнѣйшая смѣсь полуобращеннаго язычества съ христіанствомъ выразилась въ искусствѣ такою же смѣсью христіанскихъ идей съ языческими преданьями и формами: въ искусствѣ древне-христіанскомъ, возникшемъ на почвѣ классической — смѣсь съ классическою миѳологіею; въ искусствѣ романскомъ, внесшемъ въ свой составъ варварскіе элементы — смѣсь съ языческими преданьями средневѣковыхъ племенъ. Какъ въ древне-христіанской живописи встрѣчаемъ явственныя воспоминанія о типахъ классическаго искусства; такъ въ романскихъ барельефахъ, между сценами изъ священной исторіи, помѣщаются грубѣйшіе намеки на языческія преданья сѣверныхъ племенъ.

Не смотря на хаотическое смѣшеніе разнообразныхъ элементовъ и на темноту и запутанность смысла въ ихъ сочетаніи, *романскій стиль* можетъ быть опредѣленъ однимъ общимъ понятіемъ, подъ которое подводится все кажущееся въ немъ разнообразіе. Это именно — чудовищность, вполнѣ соотвѣтствующая грубымъ нравамъ эпохи и младенчеству художественной техники. Чудовищности романскаго стиля въ литературѣ соотвѣтствуютъ народныя сказанья объ огненныхъ драконахъ, многоглавыхъ зміяхъ, объ уродливыхъ существахъ получеловѣческихъ, полуживотныхъ, и множество эпизодовъ такъ называемаго *Животнаго эпоса*, — а въ книжной литературѣ *Бестіаріи*, или *Физіологи*, то-есть, какъ бы систематическое описаніе животныхъ, съ точки зрѣнія символической, и постоянно съ тревожнымъ и смутнымъ настроеніемъ духа, запуганнаго необъяснимыми, страшными силами окружающей природы. Съ принятіемъ христіанства, разорвавъ дружескую, непосредственную связь съ природою, человѣкъ прежде всего съ ужасомъ и отвращеньемъ взглянулъ на нее, и этотъ внезапный ужасъ выразилъ въ своихъ чудовищныхъ видѣньяхъ, которыми наполнилъ поэтическія легенды и барельефы романскихъ порталовъ. Эта чудовищность состояла преимущественно въ изображеніи страшныхъ звѣрей и диковищъ, слѣдовательно — въ формахъ звѣриныхъ. Человѣкъ изображался опутаннымъ этими грозными страшила-

ми, то многоглавымъ зміемъ, то хвостомъ какого-нибудь чудовища. Человѣкъ былъ одержимъ темными силами природы, находился у нихъ въ плѣну. Для пущаго ужаса самыя чудовища изображались въ непрестанной борьбѣ: они терзаютъ другъ друга и пожираютъ. Этотъ стиль, самыми очертаньями выражавшій наглядно полную зависимость человѣка отъ тяжелыхъ узъ внѣшней природы, обозначился даже въ письменности, которая въ заставкахъ и заглавныхъ буквахъ изображала человѣческія фигуры, перевитыя какъ бы цѣпями, сдѣланными изъ змѣиныхъ хвостовъ и звѣриныхъ хоботовъ. Иногда человѣческія фигуры, въ самыхъ напряженныхъ позахъ, отчаянно дерутся съ чудовищами, запуская имъ мечъ въ гортань, или изнемогая въ этой сверхъестественной борьбѣ.

Нѣжныя ощущенія, проникнутыя ложной сентиментальностью, которыя вошли въ моду отъ влюбчивыхъ трубадуровъ, много способствовали смягченію грубыхъ формъ романскаго стиля. Служеніе дамѣ, хотя исполненное смѣшной экзальтаціи и фальшивыхъ фразъ, стало привлекать вниманіе къ болѣе нѣжнымъ, человѣческимъ интересамъ, а въ искусствѣ дало возможность съ любовью обратиться къ изяществу въ изображеніи человѣческихъ формъ. Сознаніе личности, гордо предъявляемое рыцарствомъ, хотя и смѣшиваемое съ необузданностью самоуправства — естественно должно было противодѣйствовать боязливой сжатости романскаго стиля. Какъ бы то ни было, только усилившееся вліяніе рыцарскихъ нравовъ и поэзіи трубодуровъ вызвало новый художественный стиль, дававшій больше простору человѣческой личности, стиль готическій. Нѣжнымъ легендамъ о Мадоннѣ этотъ стиль нашелъ приличное выраженіе въ благородныхъ, гибкихъ фигурахъ, исполненныхъ женственной граціи, которыми онъ украсилъ порталы и наружныя стѣны храмовъ. Чудовищные звѣри грубой эпохи, съ своимъ темнымъ, загадочнымъ значеньемъ, уступаютъ мѣсто человѣку съ опредѣленнымъ смысломъ въ его человѣческихъ дѣлахъ и ощущеньяхъ. Становятся возможными лирика и драма, возбуждающія участіе къ

личности. Природа перестала уже пугать своими чудовищными страшилами, и звѣриныя формы романскаго стиля смѣнились формами растительными стиля готическаго, который украшаетъ капители коллонъ самою роскошною и разнообразною листвою; и слѣдовательно уже не пугается, а любуется природою, выставляя на показъ ея роскошь. Тутъ уже замѣтна нѣкоторая сентиментальность въ обращеніи къ природѣ; тогда какъ стиль предшествовавшій, какъ бы возникшій на чудовищномъ основаніи, наглядно выражалъ идею своего происхожденья, ставя свои колонны на звѣряхъ и другихъ страшилахъ. Готическій стиль выражаетъ во всей послѣдовательности высвобожденье человѣческой личности изъ-подъ гнета природы. Онъ отказался отъ формъ звѣриныхъ, но еще не достигъ до полнаго артистическаго господства надъ природою, которое создало впослѣдствіи ландшафтъ. Онъ только успокоилъ встревоженное воображеніе, примиривъ его съ природою постояннымъ напоминаніемъ о ея безвредности въ нѣжной растительности, которую разнообразилъ съ такою любовью въ своихъ прилѣпахъ.

Главнымъ недостаткомъ въ нравственномъ развитіи русской народности было отсутствіе эпохи, соотвѣтствующей готическому стилю. Пересадка католическихъ легендъ съ Запада черезъ Польшу на Русь въ XVII в. не успѣла пустить глубокихъ корней, будучи застигнута врасплохъ Петровскою реформою; звѣриный же, чудовищный стиль (тератологическій), соотвѣтствующій романскому, широко захватившій древне-русскую жизнь, и столь же сильно господствовавшій у насъ и въ XVII в., оставилъ свои неизгладимые слѣды въ народной поэзіи религіознаго содержанія. И этимъ-то стилемъ преимущественно отличаются и мистическія гаданія раскола *О звѣриномъ вѣкѣ семиглаваго звѣря* антихриста, и лубочныя сказки о борьбѣ съ чудовищными страшилами, наконецъ и духовные стихи, которые воспитаны тѣмъ же смутнымъ, боязливымъ расположеньемъ духа, хотя иногда и отличаются, какъ мы видѣли, глубиною христіанскихъ идей: подобно тому, какъ возвышенная поэма Данта съ

самымъ искреннимъ христіанскимъ воодушевленьемъ соединяетъ мутный мистицизмъ полу-романской, чудовищной символики.

Въ доказательство *звѣринаго* стиля нашихъ духовныхъ стиховъ указываю на одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ и особенно распространенныхъ, именно *о Голубиной книгѣ*.

Извѣстно, что въ этомъ стихѣ Давидъ Іессеевичъ и князь Владиміръ, или по другимъ варіантамъ Волотъ Волотовичъ, иначе Волотоманъ Волотомановичъ, состязаются въ преніи о космогоническихъ свѣдѣніяхъ и преданіяхъ. Хотя этотъ споръ долженъ быть рѣшенъ съ точки зрѣнія христіанской, по Голубиной книгѣ, то-есть, по священному писанію, но содержаніе спора исполнено миѳическихъ и апокрифическихъ преданій. Уже это самое даетъ стиху характеръ романскаго стиля, не свободнаго отъ миѳологіи средневѣковыхъ варваровъ. Такъ напримѣръ, ученіе Голубиной книги о происхожденіи сословій г. Варенцовъ (стр. 22) справедливо сближаетъ съ индійскимъ вѣрованьемъ о происхожденіи главнѣйшихъ кастъ изъ устъ, изъ рукъ и изъ ногъ Брамы. По стиху о Голубиной книгѣ —

Зачàдились [1]) цари со царицами
Отъ честнòй главы отъ Адамовой·
Зачàдились князья со боярами
Отъ честныхъ мощей отъ Адамовыхъ;
Завелось крестьянство православное
Отъ того колѣна отъ Адамова.

Такая же смѣсь романскаго стиля въ ученіи этого стиха о происхожденіи всей природы:

Солнце красное отъ *лица* Божія,
Зори ясныя отъ *ризъ* Божіихъ,
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ *грудей* Божіихъ (варіантъ: *отъ затылочка*);
Ночи темныя отъ *думъ* Божіихъ,
Буенъ вѣтеръ отъ *вздоховъ*,
Дробенъ дождикъ отъ *слезъ* Его.
(Сборникъ г. Варенцова, стр. 12

[1]) То-есть зародились.

Въ состязаніи о томъ, какое озеро всѣмъ озерамъ мать, какая рѣка всѣмъ рѣкамъ мать, какой звѣрь, какая рыба и какая птица всѣмъ прочимъ мать и т. п., явственно уже выступаютъ въ стихѣ слѣды Бестіаріевъ, или физіологовъ:

Левъ-звѣрь — всѣмъ звѣрямъ мати:
Левъ поворотится —
Всѣ звѣри ему поклонятся.

Иначе:

Единорогъ-звѣрь [1]) всѣмъ звѣрямъ звѣрь.
Живетъ единорогъ во Святой горѣ;
Онъ проходъ имѣетъ по подзѐмелью,
Прочищаетъ всѣ ключи источные.
Когда единорогъ звѣрь поворотится,
Воскипятъ ключи всѣ подземельные. (Варенц. 18, 26).
У насъ *китъ*-рыба надъ рыбамъ (sic) мать:
На трехъ китахъ, на рыбинахъ,
На тридцати было на малыихъ,
Основана на нихъ вся сыра земля. (стр. 26).
А *Стрефилъ* (варіантъ: *Страфель*) — птица надъ птицамъ (sic) мать:
Сидитъ Стрефилъ — птица посредѣ моря;
Она плодъ плодитъ во сине морѐ,
А полетъ сама держитъ по поднéбесью.
Послѣ полуночи во второмъ часу,
Какъ стрефилъ-птица — она трепéхнется,
Запоютъ куры у насъ по всей земли;
Просвѣщается тогда вся вселенная и т. п. (стр. 26).

Не входя въ разсужденіе объ апокрифическихъ источникахъ этого стиха [2]), и не вдаваясь въ археологическое изслѣдованье о характерѣ символическихъ животныхъ, здѣсь упоминаемыхъ, обращу вниманіе читателей на то, что эти отрывочные мотивы звѣринаго стиля служатъ только образчиками очень распространенныхъ у насъ книгъ того же содержанія. Уже съ ранней эпохи

[1]) Иначе: *инорогъ, инрогъ*, и потомъ испорчено *индрикъ*.

[2]) Которые указаны мною въ разныхъ мѣстахъ моихъ Историческихъ Очерковъ.

были извѣстны на Руси источники Бестіаріевъ, состоявшіе въ Шестодневѣ Василія Великаго и Іоанна Дамаскина, въ физіологической поэмѣ Георгія Писида, въ сочиненіи Козмы Индикоплова и во многихъ другихъ писаніяхъ, которыя въ XVII в. распространялись въ особенныхъ сборникахъ бестіарнаго содержанія, и, какъ кажется, были тогда любимымъ чтеніемъ.

Чтобъ дать понятіе объ этомъ характеристическомъ чтеніи нашихъ предковъ, привожу нѣсколько выдержекъ, по рукописи XVII в., принадлежащей мнѣ, изъ извѣстнаго Физіолога, подъ названіемъ: Дамаскина архіерея Студита собраніе отъ древнихъ философовъ о нѣкихъ собствахъ естества животныхъ, да изъ книгъ Георгія Писида, да Василія Великаго изъ Шестоднева, да изъ книгъ же Обѣда и Вечери.

Объ орлѣ. Имѣетъ же орелъ таковую мудрость отъ Бога: когда родитъ орлица птенцовъ, тогда орелъ идетъ на гнѣздо малыхъ птенцовъ, и поставляетъ ихъ предъ солнцемъ; и внимаетъ прилежно: если они станутъ твердо и взглянутъ на солнечные лучи, тогда орелъ познаетъ, что это истинныя его дѣти. Если же закроютъ они свои глаза и не возмогутъ взглянуть на солнце, то познаетъ, что это не его дѣти. Тогда ударяетъ онъ ихъ своимъ крыломъ и низвергаетъ изъ гнѣзда. Когда бываетъ ловитва его велика и онъ насытится довольно; тогда устами своими дохнетъ на остатки мяса, и такъ оставляетъ ихъ на деревѣ: и только отъ обонянія этого дуновенія ни одна птица не дерзнетъ приблизиться къ мясу тому. Иные говорятъ, если вложить орлиное перье въ тулъ, гдѣ лежатъ стрѣлы съ перьями отъ иныхъ птицъ, то эти перья сами собою спадаютъ отъ стрѣлъ. Когда орелъ состарѣется и по немощи питаться не можетъ, тогда — по словамъ нѣкоторыхъ естествословцевъ — возлетаетъ выше облаковъ, и тамъ горячестью горнею перье его возжигается; самъ же онъ на воды оттуда падаетъ, и плавая въ водѣ, обновляетъ юность свою.

О пѣтухѣ. Имѣетъ же такой обычай: борется съ инымъ пѣтухомъ о женѣ своей, да не поиметъ ее иной; и если побѣдитъ,

то радуется и вопіетъ велегласно; если же бываетъ побѣжденъ, то присмирѣетъ, и не мощствуетъ многіе дни. Онъ такъ гордъ, что когда хочетъ войти въ какую дверь — будь она высотою хоть въ пять саженъ: то и тогда преклоняетъ свою голову, боясь попортить красоту ея.

О соловьѣ. Иные говорятъ, что соловей учитъ пѣть своихъ птенцовъ, какъ добрый мастеръ пѣвецъ учениковъ.

Объ аспидѣ. Аспидъ есть животное двуногое, съ крыльями, голова же его какъ у змія, только шире, и хвостъ тоже змѣиный. Имѣетъ въ себѣ ядъ. Говорятъ, что самая сладкая смерть бываетъ отъ угрызенія аспидова. Потому царица Клеопатра, жена Птоломея царя Александрійскаго, когда былъ убитъ мужъ ея на войнѣ, припустила къ себѣ аспида, чтобъ умереть сладкою смертью и избавиться отъ втораго замужества. Имѣетъ же аспидъ свой ядъ и въ хвостѣ, и въ зубахъ. Когда хотятъ поймать аспида, копаютъ двѣ ямы, недалеко одну отъ другой, и въ той и другой полагаютъ органы, и ударяютъ въ нихъ, то въ той, то въ другой ямѣ, и всякій разъ умолкаютъ, какъ аспидъ подходитъ къ ямѣ. И такъ, ходя взадъ и впередъ, аспидъ раздражается, и отъ гнѣва влагаетъ хвостъ свой въ ухо свое и отравляетъ себя и умираетъ, яко же глаголетъ и Давитъ: яко аспида глуха и замыкающаго уши своя, иже не услышитъ гласа обавающихъ, обавается обаваемый[1]).

О лисицѣ. Лисица есть животное лукавѣйшее. Есть супротивница волку, и боится его. Очень любитъ куръ; и если онѣ сидятъ высоко, и не можетъ она пожрать ихъ, то становится внизу, и смотритъ на нихъ зорко, и очи ея сверкаютъ, какъ огонь. Тогда куры отъ страха падаютъ внизъ, а лисица хватаетъ ихъ за горло, чтобъ не кричали. А когда охотники ловятъ ее, тогда волочитъ по землѣ хвостъ, заметая свои слѣды.

Объ еродіи. Еродій есть птица, какъ лебедь бѣлый, только меньше тѣломъ. Живетъ и въ морѣ, и на сушѣ. Прежде всѣхъ

---

[1]) Соотвѣтствующее этому изображеніе изъ лицевой псалтыри см. въ моихъ Историч. Очеркахъ, въ главѣ о *Символикѣ*.

другихъ птицъ вьетъ гнѣздо свое, яко же глаголетъ пророкъ Давидъ: еродіево жилище водитъ я. Гнѣздится же не на деревахъ, но въ каменистыхъ мѣстахъ и въ приморскихъ. Живутъ еродіи и въ заливѣ венеціанскомъ. Имѣютъ такой обычай: ни къ одному латинину и ни къ какому иновѣрцу не приближаются; а если по случаю увидятъ нѣкоего христіанина, знающаго греческій языкъ, то другъ передъ дружкой спѣшатъ къ нему, и даже подходятъ къ его трапезѣ, и съѣдаютъ у него хлѣбъ. Такую имѣютъ мудрость отъ Бога, что если бросаетъ имъ хлѣбъ какой иноплеменникъ, то никогда не возьмутъ, а если броситъ Грекъ, возьмутъ тотчасъ.

Объ ехиднѣ. Говорятъ, что когда ехидна хочетъ совокупляться съ подругою своею, тогда влагаетъ главу свою во уста ея, и та отъ сладости стягивается и откусываетъ его голову и умерщвляетъ его. Когда же придетъ время родить ей дѣтей, то не имѣетъ естества родить ихъ: только дѣти, въ отмщеніе отца своего, проѣдаютъ чрево матери, и такъ выходятъ на свѣтъ. Она же, прежде чѣмъ умереть ей — гоняется за дѣтьми своими, и котораго достигнетъ, пожираетъ.

Объ оленѣ. Когда олень состарѣется, идетъ и находитъ змѣиное гнѣздо, которое пахнетъ мускусомъ. Полагаетъ уста свои въ змѣиную нору и втягиваетъ въ себя свое дыханіе нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока не привлечетъ того запаху. Потомъ бѣжитъ искать воды напиться, и если не найдетъ, умираетъ; яко же глаголетъ и Давидъ: имъ же образомъ желаетъ елень на источники водные и т. д.

О воронѣ. Разсказываютъ, что если кто найдетъ въ гнѣздѣ яица его и сваритъ ихъ, чтобъ не вывелись птенцы; тогда воронъ отыскиваетъ нѣкоторое зеліе и тѣмъ зельемъ возвращаетъ тѣмъ яицамъ плодовитость. А зелье это — вещь драгоцѣннѣйшая: въ трудныхъ родахъ женщина только возьметъ его въ руку, тотчасъ родитъ дѣтище безъ всякой болѣзни. Потому зеліе то держали у себя многія царицы, какъ великую драгоцѣнность.

О лебедѣ. Лебедь есть птица морская, съ долгими ногами

и бѣлыми крыльями. Имѣетъ же такой обычай — провидитъ смерть свою. И когда увѣдаетъ, что приближается къ смерти, то за трое сутокъ день и ночь поетъ сладко, и такъ съ пѣньемъ умираетъ, и такимъ образомъ надругается надъ человѣкомъ, боящимся смерти.

О крокодилѣ. Когда крокодилъ хочетъ съѣсть человѣка, то сначала хватаетъ его голову и растерзаетъ, и тогда сидитъ надъ нимъ и плачетъ притворными слезами, а потомъ ужь съѣдаетъ. Потому кого видимъ плачущаго притворными слезами, уподобляемъ его крокодилу.

О львѣ. Левъ есть царь всѣхъ четвероногихъ, какъ орелъ всѣхъ пернатыхъ. Зрѣніе его царское и грозное; хожденіе его гордое. Когда ловитъ животное, не преклоняетъ голову свою, но держитъ ее высоко, какъ царь непокоримый. Боится же двухъ вещей: когда видитъ огонь близь себя и когда слышитъ пѣтуха. Когда спитъ, очи имѣетъ отверсты. Оставляя недоѣденное мясо, дуетъ на него, и отъ обонянія того дуновенія ни одно животное не смѣетъ прикоснуться къ мясу тому, и т. д.

О пчелѣ. Каждая пчела имѣетъ въ ульѣ свою службу. Одна носитъ въ устахъ своихъ воду; другая, какъ трубачъ, встаетъ въ раннюю зорю и поетъ, чтобъ вставали всѣ прочія и летѣли на цвѣты; иная выноситъ вонъ мертвыхъ пчелъ, чтобъ не смердили меду, иная караулитъ всю ночь. Царь же пчелъ больше ихъ всѣхъ тѣломъ и красенъ видомъ. Иногда отягчеваетъ отъ мятежа и убѣгаетъ на пустое мѣсто. Тогда всѣ пчелы разлетаются туда и сюда, пока его не найдутъ, и опять сажаютъ въ своемъ ульѣ. Полата же, въ которой сидитъ пчелиный царь, на высочайшемъ мѣстѣ, украшена художествомъ, какъ полата царская. А около той полаты дома старыхъ пчелъ, а пониже молодыхъ. Имѣетъ же тотъ царь обычай: нисходитъ изъ полаты своей и обходитъ весь улій, чтобъ наблюдать за пчелами. Когда умретъ, старѣйшія пчелы берутъ его тѣло, выносятъ изъ улья и полагаютъ въ цвѣты. Потомъ всѣ пчелы, какъ безцарственныя, разлетаются по другимъ ульямъ.

Объ уткѣ. Утка имѣетъ такую премудрость отъ Бога: когда входитъ въ озеро или въ рѣку, плаваетъ какъ корабль, держа одну ногу, какъ кормило, а другую, какъ весло.

Объ инорогѣ. Инорога по его крѣпости и жестокости невозможно поймать. Если же выходитъ къ нему дѣва чистая, ту онъ за чистоту возлюбивъ, удобно отъ нея бываетъ прикосновенъ и осязаемъ.

О многоножицѣ. Когда ее хотятъ поймать, тогда она бываетъ подобна той вещи, которая случится подъ нею: если камень, и она становится бѣла, какъ камень; если трава — и она становится зелена, какъ трава; если море, и она становится синя, какъ море.

О струфѣ или струфокамилѣ. Яица его велики. Ихъ вѣшаютъ въ церкви. Когда снесетъ ихъ, не согрѣваетъ своимъ тѣломъ, какъ прочія птицы, но кладетъ ихъ передъ собою и смотритъ на нихъ въ теченіе сорока дней. Говорятъ, если раздерешь струфа, то въ устахъ его найдешь камень цѣлительный отъ болѣзни очей.

О саламандрѣ. Если положить саламандру на горящее уголье, то ничего ей не повредишь. Своими ногами топчетъ она угліе и пепелъ.

О скарѣ. Скаръ есть рыба морская. А имѣетъ такой обычай. Если въ сѣти попадетъ мужескій полъ, то рыбаки поймаютъ; если же попадется женскій полъ, тогда собираются всѣ скары мужеска пола, просѣкаютъ сѣти, и освобождаютъ своихъ самокъ.

О павѣ. Павлинъ есть прегордое животное. Когда видитъ человѣка, простираетъ свои крылья и показываетъ красоту свою, и не только простираетъ ихъ, но и потрясаетъ ими и производитъ шумъ, будто герой, вооруженный туломъ со стрѣлами. Когда идетъ павлинъ, слышитъ шумъ и радуется. Когда станетъ, обращаетъ къ солнцу перья свои и даетъ ими своему тѣлу тѣнь. Имѣетъ и такое чувство: кто похвалитъ красоту его, онъ разумѣетъ человѣческія слова, и больше раскрываетъ свои перья, являя красоту свою. Впрочемъ, Творецъ, создавъ его

столь прекраснымъ, далъ ему безобразныя ноги, дабы тѣмъ смирялся павлинъ, и смотря внизъ, видѣлъ бы свои ноги и вопіялъ велегласно.

О горлицѣ. Горлица цѣломудренна, потому что никогда не совокупляется съ чужимъ подружіемъ. Имѣетъ же такой обычай: овдовѣвши, до сорока дней, отъ печали своей, иначе не пьетъ воду, какъ сначала смутитъ ее своими ногами. Любитъ пустыню, и не летитъ въ многолюдныя, шумныя мѣста.

О ласточкѣ. Когда приспѣетъ зима, ласточка смолкаетъ и скрывается въ деревѣ, нашедши себѣ тамъ храмину, умираетъ, скинувъ съ себя пернатую одежду; а потомъ въ новую одежду облекается, будто мертвецъ, изъ гроба возставшій: весна приноситъ ей воскресеніе; и поетъ она тогда и щебечетъ по вся дни. Итакъ и въ птицахъ вложено отъ Бога почитать воскресеніе: научися тому отъ глаголивой ластовицы.

Объ онокентаврѣ. Есть животное въ Индіи, глаголемое онокентавръ, сверху до поясу, какъ человѣкъ, съ человѣчьею головою и волосами, только безъ бороды, а отъ поясу, какъ оселъ. Онъ не ходитъ, какъ другія животныя, но всегда бѣгаетъ. Когда устанетъ, останавливается и дышетъ, какъ человѣкъ. Когда поймаютъ его, онъ не хочетъ больше жить, ничего не ѣстъ и умираетъ, предпочитая смерть порабощенью отъ рукъ человѣческихъ.

О верблюдѣ. Слонъ и верблюдъ не пьютъ чистой воды, но сначала возмущаютъ ее ногами, чтобъ не видѣть своего безобразія въ потокахъ.

О фениксѣ птицѣ. Фениксъ смертію своею другаго рождаетъ феникса, умирая возрождается. Когда чувствуетъ приближеніе смерти, созидаетъ себѣ гнѣздо изъ цвѣтовъ и благовонныхъ вѣтвей, и посреди ихъ возлегаетъ. Обращаетъ очи къ палящему солнцу, и, махая крыльями, воспаляется отъ лучей, сгараетъ и въ пепелъ обращается. Потомъ выходитъ червь и становится фениксомъ, и возстаетъ изъ пепла.

О птицѣ сиринѣ. Птица сиринъ обрѣтается на морѣ; сладко

поетъ, наводя на пловцевъ тяжкій сонъ. Когда они спятъ, корабль сокрушается о камень, и они становятся пищею сиринамъ.

Таково содержаніе нашихъ Физіологовъ. Соотвѣтствуя ранней эпохѣ чудовищнаго стиля, они не теряли своего значенія для нашихъ предковъ и въ XVII в. По кіевской теоріи духовнаго краснорѣчія, перешедшей отъ католиковъ, наши проповѣдники того времени заимствовали изъ Бестіаріевъ свои свѣдѣнія о природѣ, для уподобленій и объясненій назидательнаго ученія. Съ другой стороны народная сатира, высвобождаясь насмѣшкою изъ-подъ звѣриной символики, отъ того же времени сохранилась въ рукописныхъ сказкахъ о лисѣ и курѣ, о волкѣ и лисѣ и т. п. Не смотря однако на успѣхи народнаго сознанія, въ общей массѣ господствовало смутное расположеніе духа ранняго чудовищнаго стиля, который символическимъ ужасомъ и мистическимъ невѣжествомъ держалъ человѣческую личность подъ темною властію враждебныхъ силъ природы.

По мнѣнію нашихъ предковъ, человѣческое существо даже распадалось на свои звѣриные составы, или точнѣе — *разсѣкалось*, какъ въ подробности учило объ этомъ слово *О разсѣченіи человѣческаго естества*, заимствованное изъ тѣхъ же бестіарныхъ источниковъ. Даже въ XVIII в. слово это встрѣчается въ раскольничьихъ сборникахъ, украшенное миніатюрами.

Оно состоитъ изъ параллели между человѣкомъ и всею окружающею природою, взятою по частямъ. Начинается сравненіемъ человѣка съ небомъ, землею, свѣтилами, и потомъ, въ особенной подробности, съ различными животными, даже подъ особыми заглавіями: *слово о звѣряхъ*, *слово о птицахъ* и прочее.

Это произведеніе такъ типично для характеристики опредѣляемаго мною стиля, что почитаю необходимымъ привести изъ него нѣсколько выдержекъ[1]).

Человѣкъ не человѣкъ еси, левъ не левъ еси, человѣкъ[2]). Левъ

---

[1]) По рукописи XVII в., принадлежащей мнѣ.

[2]) Послѣ каждой темы идетъ *толкованіе*.

убо звѣрь лютъ есть, и царствуетъ надо всѣми звѣрьми: сицевый нравъ и земнымъ человѣкамъ, злымъ властителямъ.

Человѣкъ не человѣкъ еси, рысь не рысь еси, человѣкъ. Рысь пестра, и своею пестротою преобразуетъ *пестротное* житіе и ученіе. Такой нравъ приличенъ еретикамъ и злымъ учителямъ.

Человѣкъ не человѣкъ еси, медвѣдь не медвѣдь еси, человѣкъ. Медвѣдь обжорливъ, такъ и человѣкъ, когда объѣдается, не человѣкъ, а медвѣдь. И потомъ, медвѣдь лютъ когтями драть; такъ и человѣкъ, когда деретъ подобныхъ себѣ, свою братію, не человѣкъ, а медвѣдь.

Человѣкъ не человѣкъ еси, песъ не песъ еси, человѣкъ. Песъ три нрава въ себѣ имѣетъ: первое, добропамятливъ; второе, завистливъ; третье, сторожливъ. Такъ и человѣкъ: сего ради песъ нарицается, добръ или золъ.

Человѣкъ не человѣкъ еси, свинья не свинья еси, человѣкъ. Свинья смирна, а къ калу желательна: такъ и человѣкъ, если похотливъ, не человѣкъ, а свинья.

Человѣкъ не человѣкъ еси, ёжъ не ёжъ еси, человѣкъ. Ежъ острую кожу имѣетъ, и нельзя его поймать голыми руками, ни съѣсть его какому звѣрю: такъ и человѣкъ, когда обростетъ богатствомъ и грѣхами: нельзя его умомъ исправить, какъ ежа поймать. А также, кто обростетъ добродѣтелями, не удобь отъ бѣсовъ снѣденъ бываетъ.

Человѣкъ не человѣкъ еси, мышь не мышь еси, человѣкъ. Мышь бо есть плюгава, и пакости дѣетъ роду человѣческому, одежду грызетъ и иныя вещи. Такъ и человѣкъ, аще поганью учинится, сирѣчь отступитъ отъ вѣры, и угрызаетъ отъ святыхъ писаній, таковой не человѣкъ, а мышь, яко же глаголетъ Іоаннъ Златоустъ.

Человѣкъ не человѣкъ еси, саламандръ не саламандръ еси, человѣкъ. Есть звѣрокъ въ Индѣйской странѣ, величиною съ собаку. Такую силу имѣетъ: когда разожжешь печь, и бросишь въ нее саламандра, то вся сила огненная угаснетъ. Такъ и чело-

вѣкъ, если разожженъ будетъ дьявольскими грѣхами, и вверженъ въ любовь, то всю силу ея угашаетъ.

Человѣкъ не человѣкъ еси, пава не пава еси, человѣкъ. Пава птица кичливая; любуется своею красотою. Такъ и человѣкъ гордъ и разное украшеніе любитъ и кичится. Такой не человѣкъ, а пава.

Человѣкъ не человѣкъ еси, щуръ не щуръ еси, человѣкъ. Щуръ летая поетъ и дождь предзнаменуетъ. Такъ и человѣкъ, если Христова ради имени съ мѣста на мѣсто гонимъ бываетъ, дождь предзнаменуетъ, еже есть сошествіе Св. Духа.

Само собою разумѣется, что самыя изображенія животныхъ, толкуемыя символически, возбуждали цѣлый рядъ идей, болѣе или менѣе теперь необъяснимый, по смутности душевнаго расположенія той темной эпохи. Но такъ какъ эти чудовищныя изображенія входили въ составъ полныхъ религіозныхъ представленій, какъ бы цѣлыхъ поэмъ, назначавшихся для возбужденія и вкорененья вѣры; то, безъ сомнѣнія, всякій символическій знакъ казался чѣмъ-то оживленнымъ, способнымъ на реальную силу въ дѣйствительности; могъ — какъ бы — слетѣть со стѣны изъ ряда барельефовъ или изъ рамки миніатюры съ листовъ рукописи, и оказать свое таинственное дѣйствіе на человѣка.

Какъ ни странно теперь для насъ кажется такое отношенье суевѣрныхъ умовъ къ внѣшней формѣ этого мрачнаго стиля; но дѣйствительно надобно усвоить себѣ это представленье, чтобъ объяснить мистическое вѣрованье въ реальную силу символическихъ знаковъ, которые чертила себѣ боязливая фантазія. Раскольники и доселѣ убѣждены, что змѣи на жезлѣ патріарха Никона прообразуютъ потребленіе православной вѣры треклятымъ и пагубнымъ зміемъ, въ котораго нѣкогда скрылся сатана, прельстившій первыхъ человѣковъ.

На темномъ вѣрованьи въ чудесное оживотворенье символическихъ знаковъ этого звѣринаго стиля основана одна повѣсть или притча, особенно распространенная на Руси въ рукописяхъ XVII и начала XVIII в. Это притча о *Вавилонѣ градѣ.*

Царь Навходоносоръ повелѣлъ построить себѣ новый городъ Вавилонъ о семи стѣнахъ, на семи верстахъ, а въѣздъ и выѣздъ — одни только ворота, сдѣланныя въ головѣ громаднаго каменнаго *змія*, которымъ окруженъ былъ городъ, подобно всемірному змію, охватывающему всю вселенную, по ученію сѣверной миѳологіи. Потомъ повелѣлъ Навходоносоръ всѣмъ жителямъ Вавилона учинить *знамя*, то-есть, символическій знакъ, и на платьѣ, и на оружіи, и на коняхъ, и на уздахъ, и на сѣдлахъ, и на хоромахъ — на всякомъ бревнѣ; и на дверяхъ, и на окнахъ, и на сосудахъ, и на блюдахъ, и на ложкахъ, и на всякомъ имѣніи и на всякомъ скотѣ; а знамя то было изображеніе *змія*, такъ что повсюду въ Вавилонѣ были *знамена зміевыя*. Такъ полюбилось царю то знамя. Велѣлъ онъ себѣ выковать и мечъ *самосѣкъ, аспидъ-змій*.

Какъ придутъ послы изъ чужихъ земель, и будутъ у городскихъ воротъ вавилонскихъ, тогда триста кузнецовъ начнутъ дуть въ мѣхи, разжигать уголье, съ дымомъ и искрами. А какъ послы войдутъ въ ворота — во главу зміеву, тогда огонь и поломя опалятъ ихъ, и ужаса исполнятся послы, Навходоносору царю покорятся, и, трепещучи сердцами своими, едва посольство справятъ.

И собрались войною на вавилонскаго царя многіе цари съ сильнымъ ополченьемъ, приступили къ городу и производили великое опустошеніе въ вавилонскихъ полкахъ. Тогда царь Навходоносоръ повелѣлъ себѣ осѣдлать коня, опоясалъ мечъ самосѣкъ, *аспидъ-змій*, и, взявши съ собою двѣсти тысячъ дружины, отправился къ своимъ на помощь: а на всемъ войскѣ его были *знамена — зміи*. Едва подошелъ онъ ко врагамъ, тотчасъ выпорхнулъ изъ ноженъ его мечъ-самосѣкъ, аспидъ-змій, и началъ сѣчь ихъ безъ милости; а что *знамя* было у вавилонскаго войска — *зміи стали живы*, изъ коней, изъ сѣделъ, изъ платья — все *стали живые зміи*, и поѣли пришедшихъ къ Вавилону царей со всѣми ихъ силами. Потомъ тѣ зміи опять вошли въ свои знамена, а мечъ-самосѣкъ, аспидъ-змій самъ собою влетѣлъ въ ножны.

Передъ своею смертію царь Навходоносоръ повелѣлъ тотъ мечъ свой замуравить въ городскую стѣну, и положилъ заклятіе, чтобъ никто не вынималъ его оттуда до скончанія вѣка. По смерти его сталъ царствовать въ Вавилонѣ сынъ его, Василій Навходоносоровичъ.

И узнали иноземные цари, что Навходоносора не стало, и осмѣлились идти на Вавилонъ съ великими силами. Вавилонскіе воины, поражаемые врагами, не находили иного себѣ спасенія, какъ мечъ-самосѣкъ, аспидъ-змій, и просили царя Василія Навходоносоровича, чтобъ онъ вынулъ его. Вынули мечъ, царь Василій опоясалъ его и отправился въ бой. Но тотчасъ же мечъ-самосѣкъ, аспидъ-змій выпорхнулъ изъ ноженъ, и сначала отсѣкъ голову Василію Навходоносоровичу, а потомъ перебилъ всѣхъ царей съ ихъ силами. А что у витязей вавилонскихъ было знамя на платьѣ, на оружіи, на коняхъ, на уздахъ и на сѣдлахъ и на всякой воинской сбруѣ — зміи, *всѣ тѣ зміи стали живы* и поѣли вавилонское войско; а что было зміево знамя въ городѣ — *стали тѣ зміи тоже живы*, и поѣли всѣхъ женъ и дѣтей и всякій скотъ; а что былъ вокругъ Вавилона каменный змій, и *тотъ сталъ живъ*, свистя и рыкая: и съ тѣхъ поръ и донынѣ запустѣлъ царствующій Вавилонъ градъ новый [1]).

Согласно такимъ чудовищнымъ страшиламъ изображается въ романскомъ стилѣ знамя въ видѣ змія, водруженнаго на древкѣ, напр. въ Санъ-Галльской Псалтыри [2]).

Было уже замѣчено, что вслѣдствіе смягченія нравовъ и очищенія христіанскихъ понятій отъ языческой примѣси, литература и искусство на Западѣ должны были перейдти отъ грубаго стиля варварской эпохи на высшую степень стиля готическаго, служившаго также переходомъ къ дальнѣйшему развитію, какъ умственному и нравственному, такъ и художественному. Борьба человѣка съ физическими преградами, такъ типически изображен-

---

[1]) Въ изложеніи этой повѣсти пользовался я синодальною рукописью XVII в., подъ № 850, л. 55 и слѣд.

[2]) Rahn, Das Psalt. Aureum von S. Gallen. 1878. Taf. X. *Прибавлено въ 1887 г.*

ная въ стихѣ о Егоріи Храбромъ, который на святой Руси встрѣчаетъ только лѣса дремучіе, болота топучія, да змѣиныя стада, пасомыя сверхъестественными, миѳическими существами — эта борьба съ дикими силами природы, соотвѣтствующая звѣринымъ типамъ романскаго стиля, продолжалась на Руси до позднѣйшихъ временъ. Даже въ концѣ XIV в., когда на Западѣ процвѣталъ готическій стиль во всемъ его блескѣ, Москва была окружена тѣми дремучими лѣсами, о которыхъ поетъ стихъ о Егоріи Храбромъ; и если не стада змій преграждали путь предпріимчивому герою, то дѣйствительно приходилось жить съ волками, медвѣдями и другими лютыми звѣрьми, какъ свидѣтельствуютъ намъ житія первыхъ благочестивыхъ подвижниковъ, поселившихся въ XIV столѣтіи въ московской глуши. Самые демоны иногда мерещились имъ въ видѣ лютыхъ звѣрей; волки и медвѣди жили въ ихъ обществѣ, и, какъ въ египетскихъ и синайскихъ скитахъ, иногда, будто ручныя, домашнія животныя, исполняли для нихъ разныя потребы по хозяйству. Описаніе такихъ первобытныхъ сценъ, составленныя въ XV и XVI вѣкахъ, поддерживали въ умахъ то же мрачное настроеніе духа. Расколы XVII в. всего меньше способны были къ выходу изъ этого заколдованнаго круга; а между тѣмъ слѣпые пѣвцы поучали православный людъ о томъ, какъ земля основана на трехъ китахъ великихъ и на тридцати малыхъ, какъ подъ землею ходитъ звѣрь Индрикъ, и какъ Егорій Храбрый спугнулъ съ кіевскихъ воротъ какую-то Черногаръ-птицу, которая въ когтяхъ держитъ осетра-рыбу.

Западное образованіе, хотя умѣренно и осторожно вводимое на Русь въ XVII в., черезъ Кіевъ, все же какъ результатъ позднѣйшаго развитія, не могло прочно ложиться на почву для того не подготовленную; впрочемъ надобно отдать справедливость грамотнымъ людямъ того времени, что они больше интересовались не современными интересами Европы, а тѣмъ, что на Западѣ отживало уже свой вѣкъ, то-есть, такими сочиненіями, которыя, возникнувъ въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ, потомъ въ старопечатныхъ книгахъ XV и XVI в., спустились въ низшіе

классы и стали народнымъ чтеніемъ. Но не усвоивъ себѣ, какъ слѣдуетъ, этого запаса новыхъ идей, не внеся его въ нравственные и умственные интересы, наша Русь должна была отъ него отказаться, будучи застигнута врасплохъ петровской реформою. Впрочемъ, не будемъ входить въ подробности той уже избитой мысли, что въ развитіи русской литературы и вообще образованности не было прочной и твердой осадки, что позднѣйшіе слои ложились кое-какъ, на рыхлой почвѣ, и потому всегда давали трещины и пустыя продушины. Твердымъ на Руси остался только тотъ первобытный, наивный стиль духовныхъ стиховъ, котораго характеристику старался я изложить.

Народное сознаніе, остановившееся на грубыхъ начаткахъ христіанской цивилизаціи, которымъ на Западѣ соотвѣтствуетъ XII вѣкъ или уже много XIII, встрѣтило петровскую реформу съ тѣмъ оторопѣлымъ, тупымъ изумленіемъ, которое съ давнихъ временъ воспитывала русская фантазія мрачнымъ стилемъ, господствовавшимъ не въ однихъ духовныхъ стихахъ. Это сознаніе могло обнаружиться только между раскольниками и еретиками, то-есть, въ томъ только простонародьи, которое вслѣдствіе петровской реформы еще не совсѣмъ отупѣло, и не разучилось мыслить и читать. Эти фанатики поняли разрывъ между жизнію народною и вносимою на Русь нѣмецкою образованностью — конечно самымъ нелѣпымъ образомъ, въ отсталыхъ формахъ того романскаго, чудовищнаго стиля, и эпоху, обновленную реформою, назвали *звѣринымъ* вѣкомъ нарождающагося антихриста: слѣдовательно въ самомъ просвѣщеньи, приносимомъ къ намъ съ Запада, и вообще во всѣхъ явленіяхъ новѣйшей исторіи находили они только новую пищу своимъ мрачнымъ, чудовищнымъ видѣніямъ.

Съ другой стороны, какъ бы въ возмездіе за такую грубую себѣ встрѣчу, новѣйшая образованность русская, поддерживаемая сословною гордостью и барскою спѣсью, въ тѣхъ же грубыхъ, не человѣческихъ формахъ поняла все народное, и отказавъ ему въ человѣческомъ достоинствѣ, уравняла простой людъ

съ вещью и относилась къ нему, какъ къ домашнему скоту и дикому звѣрю.

Такимъ образомъ, не въ однихъ расколахъ и ересяхъ, не въ однѣхъ простонародныхъ массахъ на Руси въ XVIII и даже XIX в. господствовало чудовищное, безчеловѣчное отношеніе къ человѣку, объясняемое мною варварскимъ, звѣринымъ стилемъ средневѣковыхъ прилѣповъ и нашихъ духовныхъ стиховъ; это отношеніе — въ той же мѣрѣ, только прикрытое нѣмецкимъ кафтаномъ, давало о себѣ знать повсюду, гдѣ только сталкивались своекорыстные интересы сословнаго чванства и любостяжанья.

IV.

Послѣ Лазаря съ его великими страданьями и бѣдствіями, разставанье души съ тѣломъ, смерть, приближеніе антихристова вѣка, кончина міра и страшный судъ — вотъ предметы, которые особенно любитъ слушать отъ слѣпыхъ стариковъ русскій простой народъ, питая въ себѣ этими безотрадными сюжетами то смутное расположеніе духа, котораго значеніе, въ литературномъ и художественномъ отношеніи, я старался опредѣлить въ предшествовавшей главѣ.

Грустная дѣйствительность, не давая никакого утѣшенія на землѣ, увлекала воображенье въ другой міръ. Горе великое, безъисходное, ни отколь взялось, привязалось къ доброму молодцу, какъ поется о немъ въ стихѣ, имѣющемъ общій источникъ съ знаменитою повѣстью XVII в. о Горе-Злочастіи [1]). Въ лаптяхъ-отопочкахъ идетъ горе горькое, мочалами пріопутавшись, лыкомъ опоясавшись. «Постой, удача-добрый-молодецъ!» — говоритъ оно: «никуда отъ горюшка не сбѣжать тебѣ, великаго горюшка не измыкати!» Молодецъ отъ горя въ чисто поле, а горе за нимъ во слѣдъ съ буйнымъ вѣтромъ: «Постой» — кричитъ: «не убѣ-

---

[1]) Сборникъ Варенцова, стр. 127 и слѣд. Слич. Историч. Очерки Русск. Народн. Словесн. I. 548.

жать тебѣ отъ меня!» Молодецъ отъ горя въ темны́ лѣса̀, а горе за нимъ съ топоромъ идетъ; молодецъ отъ горя въ ковыль-траву, а горе за нимъ съ косой идетъ; молодецъ отъ горя въ быстру̀ рѣку, а горе за нимъ съ неводомъ; молодецъ отъ горя въ старцы пошелъ, а горе за нимъ съ рясою идетъ и костыль несетъ; молодецъ отъ горя въ солдатушки, а горе за нимъ съ ружьемъ идетъ и ранецъ несетъ. Молодецъ отъ горя въ царевъ кабакъ, а горе за нимъ съ кошелькомъ бѣжитъ и грошами брянчитъ, стоитъ за винною бочкою со стаканчикомъ, со хрустальнымъ. Молодецъ отъ горя въ постелю слегъ, а горе за нимъ въ головахъ сидитъ, ему изголовье кладетъ, одѣваетъ, и все твердитъ свое роковое слово: «Постой, удача-добрый-молодецъ! ни куда отъ меня не дѣнешься!» Молодецъ отъ горя преставился, а горе у него въ головахъ стоитъ, причитая все одно и тоже. Понесли молодца отъ горя въ Божью церковь, а горе за нимъ со свѣчей идетъ. Опускали молодца въ сыру землю, а горе за нимъ съ лопатою, и передъ нимъ горе низко кланяется: «Спасибо тебѣ — говоритъ — удача-добрый-молодецъ, что носилъ ты горе, не кручинился, не печалился».

Пошолъ молодецъ въ сыру́ землю,
А горюшко по бѣлу свѣту,
По вдовушкамъ и по сиротушкамъ,
И по бѣднымъ по головушкамъ.
Горю слава во вѣкъ не минуется!

Не отчаянная отвага могла внушить этотъ простонародный гимнъ злосчастному горю, а выстраданное вѣками, окрѣпшее и воздержанное терпѣніе, которое не боится взглянуть прямо въ глаза этому демону, и съ спокойною увѣренностью пророчитъ, что *горю слава во вѣкъ не минуется.*

Только смерть спасаетъ отъ этого неотвязчиваго демона. Ни богатырскія силы, ни слава, ни богатство не избѣгнутъ ее. «Мрутъ на землѣ сильные и богатые» — говоритъ она Аникѣ воину: «мрутъ всѣ православные христіане: и еслибъ они всѣ со мной казною

подѣлились, и отъ меня, отъ смерти, казною откупались, еслибъ мнѣ со всякаго человѣка казны брать: была бы у меня золотая гора накладена отъ востока солнца до запада»! Потому смерть въ народныхъ стихахъ величается *гордою:* она никого не боится и никого не щадитъ. Воинъ Аника, чтобъ умилостивить ее, готовъ воздать ей даже божескія почести. «У меня — говоритъ Аника — много золота и серебра: я построю тебѣ соборную церковь, спишу твой ликъ на икону, поставлю твой ликъ на престолѣ: отовсюду станутъ къ тебѣ сходиться сильные и богатые, станутъ на тебя молиться, станутъ тебѣ молебны служить, и украшать твой образъ драгоцѣнными каменьями»! — Не сдалась на лесть гордая смерть и отвергла всякія сдѣлки съ трусливою жизнію. «Рабъ-человѣкъ, Аника-воинъ»! — говоритъ она: «у тебя казна не трудовая, у тебя казна *слезовая*, съ кроволитья нажитая, у тебя казна праховая: Святъ Духъ дохнетъ — твоя казна прахомъ пойдетъ, провалится! Не будетъ твоей душѣ пользы и на второмъ суду, на пришествіи»!

Чѣмъ глубже и возвышеннѣе этотъ торжественный тонъ народной поэзіи въ устахъ смерти, тѣмъ разительнѣе контрастъ между поэтическимъ творчествомъ безъискусственной фантазіи и тѣми чудовищными формами звѣринаго стиля, въ которыя одѣваетъ она образъ смерти. Это было — *чудо чудное*, диво дивное: у чуда туловище *звѣриное*, ноги *лошадиныя*, а голова и руки человѣчьи, волоса у чуда до пояса. Однако, не смотря на этотъ чудовищный видъ, какъ олицетворенье высшей на землѣ силы и правды, гордая смерть господствуетъ надъ всѣмъ, и торжественно говоритъ о себѣ: «Меня Господь возлюбилъ — и по землѣ попустилъ»[1]).

Эта страшная гроза, неостанавливающаяся въ своихъ опустошеньяхъ никакими препятствіями, попущена на землѣ самимъ Господомъ Богомъ, чтобъ водворять нравственное равновѣсіе въ той житейской неурядицѣ, которую съ глубокой скорбію изо-

---

[1]) Сборникъ г. Варенцова, стр. 110—127.

бражаютъ русскіе духовные стихи. Слѣпой пѣвецъ приглашаетъ своихъ слушателей мысленно взойдти на Сіонъ-гору и взглянуть на то, что дѣлается на землѣ: «Взойди, человѣче, на Сіонъ-гору, посмотри, человѣче, на мать сыру землю: посмотри, чѣмъ мать земля изукрашена, и чѣмъ она изнаполнена? Изукрашена земля Божьими церквами, солнцемъ праведнымъ, а наполнена она беззаконниками»[1]).

Въ описаніи грѣховъ мы оставимъ въ сторонѣ всѣ общія мѣста, имѣющія предметомъ одинаковыя для всѣхъ вѣковъ и народовъ беззаконія, и остановимся только на тѣхъ, которыя рисуютъ русскій бытъ. Одни характеристическія беззаконія возникли въ условіяхъ сельскаго быта, другія — изъ отношеній къ неправеднымъ судьямъ.

Беззаконія сельскаго быта являются въ таинственной обстановкѣ колдовства, выражаемаго иногда въ чудовищныхъ формахъ звѣринаго стиля.

Вотъ какъ кается въ своихъ грѣхахъ душа сельская:

Изъ коровушекъ молока я *выкликивала*,
Во сырое коренье я выдаивала....
Въ полюшкахъ душа много хаживала,
Не по-праведну землю роздѣливала:
Я межу черезъ межу перекладывала,
Съ чужой нивы земли украдывала....
Не по-праведну покосы я раздѣливала,
Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
Чужую полосу позакашивала....
Въ соломахъ я *заломы заламывала*,
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала....
Проворы въ поляхъ порасклaдывала,
Скотину въ поле понапущивала,
И добрыхъ людей оголаживала....
По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьями оборачивала.

(Варенц., стр. 145 и слѣд.).

---

[1]) Тамъ-же. Стр. 150.

Надобно отдать справедливость безпристрастію народной фантазіи въ томъ, что она съ одинаковымъ отвращеньемъ гнушается и этихъ мелкихъ грѣшковъ деревенскаго простаго быта, перепутанныхъ съ разными суевѣрьями, и тѣхъ вопіющихъ злодѣяній, которыми, по поламъ съ кровью, собирается казна слезовая. Поэтъ съ развитыми тенденціями личнаго взгляда и извѣстнаго направленія никакъ бы не утерпѣлъ, чтобъ не внести хотя бы частицу пристрастія въ мрачную картину грѣховъ и заблужденій своего времени. Конечно, это лирическое пристрастіе свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ нравственнаго развитія личности, и особенно важно въ послѣдовательномъ теченіи литературныхъ идей, какъ напримѣръ протесты Данта противъ злоупотребленій папской власти. Даже можно сказать больше: только длиннымъ рядомъ пристрастій и столкновеній между личными интересами вырабатываются благодѣтельные результаты истинной цивилизаціи. Но безыскусственная поэзія народная не знаетъ еще личнаго пристрастія, и свои недостатки въ нравственномъ развитіи выкупаетъ невозмутимымъ спокойствіемъ, пріобрѣтеннымъ вѣковою увѣренностью, что всякое на землѣ зло, и мелкое и крупное, равно постыдно, и рано ли, поздно ли, получитъ должное себѣ возмездіе. Эта ровность эпическаго взгляда особенно прилична такимъ сюжетамъ первобытной эпохи христіанскаго искусства и литературы, какъ изображеніе страшнаго суда и послѣднее воздаяніе за добрыя и злыя дѣла. Только неподкупная, стоящая выше всякихъ минутныхъ лирическихъ раздраженій, народная фантазія умѣла себя постановить на неприступной высотѣ *неподсуднаго* Судіи, и его грознымъ и праведнымъ взглядомъ взглянуть на дѣла человѣческія.

Въ этомъ состоитъ высокое нравственное достоинство и ничѣмъ несокрушимая нравственная сила духовныхъ стиховъ о Страшномъ Судѣ. Въ нихъ торжественный гласъ народа восходитъ до самыхъ возвышенныхъ своихъ тоновъ, и, изрекая правду всѣмъ и каждому устами самого вѣчнаго Судіи, становится гласомъ Божіимъ.

Нѣтъ лицепріятія въ этомъ судѣ духовныхъ стиховъ, нѣтъ и тѣни сословнаго пристрастія, хотя и идетъ онъ только отъ простаго народа. Въ томъ же ровномъ тонѣ, въ какомъ сельская душа наивно разсказываетъ свои мелкіе грѣхи, осуждаются на страшномъ судѣ и неправедные судьи, въ слѣдующихъ словахъ самого Михаила Архангела, грозныхъ силъ воеводы:

Гой еси многогрѣшные рабы, беззаконные!
У васъ тамъ было на вольномъ свѣту,
У васъ были судьи немилостивые,
Судъ судили не по-праведному,
Дѣлали не повелѣнное:
Праваго ставили въ виноватые,
Виноватаго ставили во правые;
Съ виноватаго брали злата-серебра,
Копили казну себѣ несчетную:
Ваша казна будетъ явитися
На второмъ на Христовомъ пришествіи.
(Варенцова Сборн., стр. 139—140)

Въ отношеніи историческаго развитія народной жизни и литературы, стихи о Страшномъ Судѣ во всей точности соотвѣтствуютъ той эпохѣ, когда впервые пробудилось въ народѣ сознаніе о нравственномъ долгѣ, съ точки зрѣнія христіанской цивилизаціи. Много чистоты и величія въ этомъ благотворномъ пробужденьи, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется и какая-то робость мысли, запуганной и треволненьями дѣйствительности, и чудовищными страшилами воображенья. Потому самое благородство въ безпристрастномъ взглядѣ на человѣческія дѣла отзывается чѣмъ-то отвлеченнымъ отъ жизни, чѣмъ-то фантастическимъ. Это не сатира на нравы, а фантастическое убѣжденіе въ необходимости близкаго конца всему міру. Фантазія, не справившись съ неурядицею дѣйствительности, не умѣя еще покорить себѣ эту неурядицу ни насмѣшкою, ни сатирическимъ негодованьемъ, боязливо отказалась отъ міра сего, и ищетъ себѣ примиренья съ идеею правды и добра — гдѣ-то далеко, въ воздуш-

ныхъ пространствахъ, въ будущемъ. Это не смѣлая рѣшимость сатирика, надмѣнно объявляющаго свой вызовъ на борьбу съ падшими нравами: нѣтъ, въ этомъ побѣгѣ отъ житейскихъ беззаконій въ воздушную область будущаго суда видна скорѣе трусость запуганной мысли, осмѣлившейся внезапно пробиться сквозь грубую кору невѣжества. Это невѣжество, питающееся неправдою и суевѣрьемъ, обладаетъ страшною силою, съ которой не сладить боязливой фантазіи: и вотъ оно представляется воображенью въ исполинскихъ размѣрахъ антихристова вѣка.

Будущее, котораго чаетъ фантазія духовныхъ стиховъ, оскорбляемая грустнымъ настоящимъ — не есть дальнѣйшее развитіе, не обновленіе жизни успѣхами цивилизаціи, съ плодотворною, идущею впередъ дѣятельностью. Нѣтъ, это уже послѣднее для всего человѣчества будущее: это безмятежное спокойствіе достигнутой цѣли — это лоно Авраамле, или же безвыходное мученіе, гдѣ уже нѣтъ мѣста успѣхамъ раскаивающейся совѣсти. Слѣдовательно, по роковому убѣжденію нашихъ духовныхъ стиховъ, будущаго на землѣ уже нѣтъ; а есть только одно гнетущее, тоскливое настоящее, изъ котораго одинъ, и уже рѣшительный выходъ — безапелляціонный судъ, безъ малѣйшихъ проволочекъ и безъ всякихъ исправительныхъ мѣръ. Русская фантазія, создавшая духовные стихи, не знаетъ милосердной, исправительной тюрьмы; она не хочетъ на время отложить казнь и сострадательно позаботиться объ исправленіи грѣшниковъ, потому что разумныхъ и гуманныхъ средствъ для того не указала и не дала ей дѣйствительность.

Не было для русской фантазіи чистилища, которое въ поэзіи западныхъ народовъ, можетъ быть, потворствовало человѣческимъ слабостямъ, но давало надежду для будущности, даже за предѣлами смерти. Стремленью идти впередъ и усовершенствоваться средневѣковой Западъ открывалъ безграничное поприще, переходящее изъ временной жизни въ вѣчную. Напротивъ того, наши духовные стихи съ какою-то безпощадною жестокостью описываютъ тѣ воздушныя заставы, оцѣпленныя ва-

тагами бѣсовъ, тѣ судейскія мытницы, черезъ которыя, какъ подсудимый отвѣтчикъ, влечется, подъ стражею, оторопѣлая отъ ужаса душа:

Ступила душа грѣшная на первую ступень, —
Пятьдесятъ бѣсовъ возрадовались, сами къ ней бѣгутъ,
Грѣхи раскатываютъ и расказываютъ и т. д.
(Варенц. Сборн., стр. 143—144).

Духовные стихи о Страшномъ Судѣ, ведущіе свое начало, вѣроятно, отъ ранней эпохи распространенья христіанства на Руси, и постоянно поддерживаемые въ народѣ любимымъ чтеніемъ такого же содержанія, даже до позднѣйшей эпохи состоятъ въ связи съ народною письменностью, которая въ XVII и даже въ XVIII вѣкѣ особенно богата лицевыми списками слова Палладія Мниха о второмъ пришествіи, житія Василія Новаго, толковыхъ апокалипсисовъ и другихъ сочиненій, изображающихъ загробную жизнь.

Строгій стиль духовныхъ стиховъ въ изображеніи Страшнаго Суда образовался, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ этого суроваго чтенія. Все грозно и мрачно въ этомъ изображеніи. Даже появленіе ангеловъ не озаряетъ привѣтливымъ свѣтомъ темной картины, составленной больше съ тою цѣлью, чтобъ устрашить грѣшниковъ, нежели порадовать людей праведныхъ. Какъ нечистые бѣсы мерещутся народной фантазіи въ какихъ-то неопредѣленныхъ очеркахъ, сливающихся съ мракомъ темнаго фона картины; такъ и поэтическіе образы свѣтлыхъ ангеловъ являются только какъ символическіе знаки, будучи лишены жизненнаго содержанья въ ихъ характеристикѣ. Чтобъ дать эту жизненность, фантазія должна была бы идеалы безплотныхъ духовъ сблизить съ дѣйствительностью и надѣлить ихъ человѣческими качествами: а это было невозможно при господствующемъ строгомъ стилѣ. Какъ бѣсъ, низведенный фантазіею до ежедневнаго быта, принялъ бы пошлый характеръ фламандской живописи, характеръ, такъ сказать, семейный и уличный; такъ и свѣтлые

духи, низведенные въ человѣческую среду и ставшіе доступными человѣческимъ симпатіямъ, согласно суровому стилю, только бы унизили свое горнее достоинство земною красотою. А гдѣ было взять красокъ для красоты не земной? Потому и русская поэзія и живопись пробавлялись извѣстнымъ, опредѣленнымъ типомъ, дошедшимъ по наслѣдству изъ Византіи. Въ духовныхъ стихахъ являются ангелы *грозные* и *милостивые*. Смотрѣть на нихъ страшно и умилительно, какъ страшна и умилительна благоговѣйная молитва съ сокрушеннымъ раскаяньемъ. Наша иконопись не умѣла рѣшить задачи въ изображеніи *грозныхъ ангеловъ*, потому что копья, которыми они низвергаютъ сатану или грѣшниковъ въ адъ—только внѣшнія аттрибуты грозы: а когда русское искусство вооружилось техникою, способною внести эту грозу во внутренній составъ художественнаго типа, тогда перестало оно трепетать передъ бѣсами и грозными ангелами, и потому не могло уже съ искреннимъ воодушевленьемъ взяться за кисть иконописца.

Можетъ быть самая задача — изобразить неизобразимое, дать земныя формы неземнымъ идеямъ — была неисполнима для искусства. Но уже одно только стремленье западныхъ мастеровъ и поэтовъ среднихъ вѣковъ разрѣшить эту задачу внушало бодрыя силы и вело къ дальнѣйшему развитію. Вѣрующій художникъ не затруднялся никакими препятствіями, и вносилъ кроткій ликъ Мадонны въ семейныя сцены, а прекрасныхъ ангеловъ заставлялъ, въ своей наивной фантазіи—сцѣпляться рука съ рукой съ душами праведныхъ, и вмѣстѣ съ ними вести воздушный хороводъ по цвѣтущимъ лугамъ открывающагося въ облакахъ рая. Но строгій стиль, усвоенный нашими духовными стихами, не допускалъ такихъ наивныхъ вольностей. Онъ упорно остановился на романской, варварской эпохѣ, и только закоснѣлъ, будучи скованъ теологическимъ началомъ, которому Византія строго подчинила и поэзію, и искусство. Всякое свободное творчество, удалявшееся отъ писанія, казалось оскорбленьемъ святыни, казалось ложью и преступною игрою: а *передъ Богомъ нельзя лгать*,

ни вышнимъ играть, какъ выразился одинъ русскій человѣкъ XIII вѣка, отлично понимавшій русскую жизнь, но воспитанный въ тѣхъ же суровыхъ понятіяхъ [1]).

V.

Г. Варенцовъ совершенно справедливо внесъ въ свой сборникъ раскольничьи и еретическія пѣсни, потому что онѣ составляютъ одно цѣлое со всѣми прочими духовными стихами. Иные стихи, какъ напримѣръ *о Голубиной Книгѣ*, до сихъ поръ разсматриваются, какъ общее достояніе всего русскаго народа, между тѣмъ какъ они поются и сектантами. Въ сборникѣ XVIII в., самаго злостнаго раскольничьяго содержанія, принадлежащемъ мнѣ, помѣщены два духовныхъ стиха: *Плачъ Адама и Еввы о прекрасномъ раѣ* и *Плачъ Іосифа прекраснаго и цѣломудреннаго*.

Но особенно имѣютъ внутреннюю связь пѣсни сектантовъ съ духовными стихами о Страшномъ Судѣ. Фанатическое воображеніе, разгорячаемое чтеньемъ толковыхъ апокалипсисовъ, видитъ въ современности вѣкъ антихристовъ:

Охъ увы, увы благочестіе,
Увы древнее правовѣріе!
Кто лучи твоя вскорѣ потемни?
Кто блистаніе тако измѣни?
Десято-рожный звѣрь сіе погуби,
Семиглавый змій тако учини —
(Варенц., стр. 181).

Такъ плачетъ Поморецъ, облекая свою ненависть къ текущему порядку вещей въ символическія формы звѣринаго стиля. Морельщикъ присоединяетъ свой зловѣщій вой:

Послушайте, мои свѣты:
Послѣднія пришли лѣта.
Народился злой антихристъ,

[1]) Даніилъ Заточникъ, въ своемъ моленіи къ князю Ярославу Всеволодовичу.

Напустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ,
Наложилъ онъ печать свою на людей,
На главы ихъ и на руки,
Что на руки и на персты...
Убирайтесь, мои свѣты,
Во лѣса, во дальныя пустыни,
Засыпайтесь, мои свѣты,
Рудожелтыми песками,
Вы песками, пепелами!
Умирайте, мои свѣты, [1])
За крестъ святой, за молитву,
За свою браду честную —
(Варенц., стр. 197—8).

Самосожигатель Глухой Нѣтовщины ищетъ спасенья отъ антихриста въ пылающемъ кострѣ:

Не сдавайтесь вы, мои свѣты,
Тому змію седмиглаву,
Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.
(Варенц., стр. 185).

И такъ, фантазія сектантовъ не способна уже къ спокойному, эпическому творчеству. Оторопѣлая отъ мнимыхъ страшилъ антихристова вѣка, наскоро схватываетъ она нѣсколько смутныхъ, мрачныхъ образовъ и тревожныхъ ощущеній, и передаетъ ихъ то въ жалобныхъ вопляхъ изнемогающаго мученія, то въ грозныхъ крикахъ отчаянья, то наконецъ въ торжественной пѣснѣ какого-то символическаго обряда, который посторонняго зрителя переноситъ въ первобытные вѣка зарожденія и созданія какой-то небывалой религіи. Это поэзія, возникшая, какъ

---

[1]) Въ другомъ стихѣ Морельщиковъ: «Помирайте-ка всѣ гладомъ». Варенц., стр. 203.

тотъ символическій фениксъ звѣринаго стиля—на пылающемъ кострѣ самосожигателя; это нечеловѣческій вой умирающаго съ голода морельщика; это дикіе крики въ вихрѣ вертящагося демоническаго хоровода скопцовъ.

Для исторіи народной литературы поэзія сектантовъ имѣетъ двоякій интересъ. Вопервыхъ, она свидѣтельствуетъ, что творчество народной фантазіи, двинутое нѣкогда двоевѣріемъ, не прекращается и до позднѣйшихъ временъ, къ которымъ относятся сочиненія большей части раскольничьихъ и еретическихъ пѣсенъ; и вовторыхъ, она предлагаетъ намъ образцы собственно народной **лирики**, существенно отличающейся отъ пѣсенъ свадебныхъ и другихъ обрядныхъ, оставшихся въ народѣ отъ ровнаго эпическаго періода.

Какъ поэзія, возникшая въ кругу грамотнаго простонародья, она соединяетъ въ себѣ традиціонныя формы древнѣйшей эпической поэзіи съ элементами книжными, пользуется литературными средствами и иногда употребляетъ даже позднѣйшій размѣръ и риѳму. Какъ лирика, выражающая, не личность еще одного автора, но все же извѣстное направленіе отдѣльнаго общества, она наклонна къ сатирическому раздраженью, а въ прозѣ переходитъ даже въ насмѣшку. Въ этой поэзіи есть стимулы къ развитію, но недостаетъ для того умственныхъ и нравственныхъ средствъ. Она выражаетъ только непрестанное недовольство, вѣчно вращающееся въ вихрѣ какого-то символическаго хоровода, и не имѣющее силъ выйдти изъ этого очарованнаго круга. Для такой поэзіи нѣтъ даже настоящаго: она какъ бы наканунѣ великаго дня послѣдняго на землѣ суда. И съ эту роковую минуту только одно обращеніе къ прошедшему связываетъ ее еще съ землею.

Потому **поминовеніе** есть единственная утѣха этому безотрадному состоянію души. Раскольничьи помянники содержатъ въ себѣ длинный поименный перечень всѣхъ ересіарховъ и сектантовъ, будто бы, пострадавшихъ и сожженныхъ *благочестія ради*. Для вящщаго раздраженья раскольничьяго фанатизма, къ собственнымъ именамъ присоединяются сотнями и тысячами

какіе-то безыменные страдальцы. Это собственно раскольничье поминанье составляетъ послѣднія главы общаго помянника, и какъ бы вставляется въ общую раму историческихъ воспоминаній обо всѣхъ погибшихъ въ землѣ русской.

Для любопытствующихъ предлагаю выдержки изъ такого помянника, по упомянутой выше моей рукописи раскольничьяго содержанія.

За поминовеньемъ всѣхъ святыхъ и всего духовнаго чина русской земли слѣдуетъ:

«Помяни, Господи, прародителей и родителей нашихъ, по́ плоти отцовъ и матерей, и братію и сестеръ, мужескій полъ и женскій, старцевъ и младенцевъ, и сиротъ, и вдовицъ, и убогихъ, и плачущихъ, и не имущихъ, гдѣ главы подклонити въ храминѣ».

«Помяни, Господи, князей и бояръ, хотѣвшихъ добра святымъ Божіимъ церквамъ и великимъ княземъ всея Руссіи».

«Помяни, Господи, посадниковъ новгородскихъ и тысяцкихъ и боляръ и всѣхъ православныхъ христіянъ, хотѣвшихъ добра святымъ Божіимъ церквамъ, и великимъ князьямъ всея Руссіи».

«Помяни, Господи, князей и бояръ, и братій нашихъ единовѣрныхъ, во Христа избіенныхъ за святыя Божіи церкви и за Русскихъ князей и за православную вѣру, за кровь христіянскую, отъ Татаръ, отъ Литвы и отъ Нѣмецъ, и отъ иноплеменникъ, и отъ своей братіи, отъ крещеныхъ, за Дономъ и на Москвѣ, и на Бергѣ, и на Бѣлевѣ, и на Калкахъ, и на езерѣ Галицкомъ, и въ Ростовѣ, и подъ Казанью, и подъ Рязанью, и подъ Тихой Сосною».

«Помяни, Господи, избіенныхъ братій нашихъ за имя твое и за вся святыя твоя церкви и за все православное христіянство, на Югрѣ, и на Печерѣ, въ Воцкой землѣ, на Мурманехъ, и на Невѣ, и на Ледовомъ побоищѣ, и на Ракоборѣ, и у Вѣнца города, и у Выбора, и на Наровѣ рѣкѣ, и на Иванѣ городѣ, и подъ Ямою городкомъ, и подъ Яжборомъ, и на Русѣ, и на Шелонѣ, и подъ Орѣшкомъ, и подъ Корельскимъ городкомъ, и подъ Псковомъ, и подъ Торжкомъ, и подъ Тверью, и на Дону, и въ Новомъ городкѣ, и за Волокомъ, и на морѣ, и на рѣкахъ, и въ

пустыняхъ, и на всякомъ мѣстѣ избіенныхъ братій нашихъ, и подъ Великимъ Новымъ городомъ избіенныхъ бояръ и всѣхъ православныхъ христіянъ, и иныхъ, братію нашу, въ полону скончавшихся». . . .

«Помяни, Господи, работныхъ рабъ и рабынь, послуживших отцамъ и братіямъ нашимъ, ихъ же нѣсть кому помянути ихъ», и т. п.

Къ этому-то лѣтописному Помяннику, поддерживающему въ народѣ историческія преданья, присоединяется собственно раскольничье поминанье, очевидно, проникнутое фанатическимъ увлеченьемъ, что явствуетъ изъ крайнихъ преувеличеній. Поминанье начинается именами коноводовъ: «священно протопопа Аввакума, священно іерея Лазаря, священно діякона Ѳеодора, инока Епифанія, Кипріяна юродиваго» и т. д. Особенно отличается сильными увлеченьями статья о сожженыхъ, будто бы, благочестія ради. Напримѣръ: «Инока Игнатія и иже съ нимъ Терентія и прочихъ 2700». —«Иларіона, Іоанна, и иже съ ними 1000», и т. д.

Не смотря на всѣ крайности въ увлеченіяхъ, расколъ старообрядства въ исторіи русской литературы, библіографіи и археологіи заслуживаетъ вниманія изслѣдователя въ томъ отношеніи, что старообрядцы перечитали множество рукописей и книгъ и пересмотрѣли множество иконъ и церковныхъ утварей, и обо всѣхъ своихъ наблюденьяхъ давали письменный отчетъ и тѣмъ полагали начало русской библіографіи и археологіи, хотя съ своимъ узкимъ взглядомъ и имѣли они при этомъ самые мелочные интересы, ограничивавшіеся ихъ догматами о перстосложеньи, объ аллилуѣ и т. п. Эти ученые труды составляютъ какъ бы эпоху схоластики, которая отъ XVII в. во всей своей свѣжести дошла и до нашихъ временъ.

Въ отношеніи художественнаго стиля поэзія сектантовъ отличается тою безсмысленною символикою, которая на Западѣ возможна была по крайней мѣрѣ лѣтъ шестьсотъ или пятьсотъ до нашихъ временъ. Еретическая фантазія, ободряемая невѣже-

ствомъ, и воспитанная простонародною поэзіею, отличается большею свободою, и, не затрудняясь ни какими стѣснительными соображеньями, творитъ новые образы и небывалые типы символическаго характера.

Для примѣра указываю на одну изъ самыхъ замѣчательныхъ пѣсенъ въ сборникѣ г. Варенцова; это пѣсня объ *Аллилуевой женѣ* (стр. 174). Глухая Нѣтовщина развиваетъ въ этой пѣснѣ догматъ самосожженія въ его историческомъ, традиціонномъ происхожденіи. Будто бы Христосъ, будучи еще младенцемъ, скрылся отъ преслѣдованья жидовъ къ какой-то женѣ Аллилуевой, въ которой Фантазія олицетворила церковную пѣснь: аллилуія. Эта символическая личность иногда просто называется *милостивой женой, милосердой.* Въ то время, какъ явился къ ней Христосъ, она топила печку, а въ рукахъ держала своего младенца. По повелѣнью Христа, она взяла на руки Его Самого, а младенца бросила въ печь. Пришли жиды и обманулись, принявъ сожженнаго младенца за Христа. Но когда они ушли, жена Аллилуева отворила заслонку печи, и увидѣла тамъ вертоградъ прекрасный, а дитя ея гуляетъ по травѣ-муравѣ, съ ангелами пѣсни воспѣваетъ, читаетъ золотую книгу евангельскую и за отца съ матерью Бога молитъ.

Какъ возговоритъ Аллилуевой женѣ
Христосъ, Царь Небесный:
«Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда!
Ты скажи мою волю всѣмъ моимъ людямъ,
Всѣмъ православнымъ христіянамъ,
Чтобы ради меня они въ огонь кидались,
И кидали бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ,
Пострадали бы всѣ за имя Христа свѣта,
Не давались бы въ прелесть *хищнаго волка*,
Хищнаго волка, антихриста злаго», и проч.

Въ пѣсняхъ еретиковъ особенно распространенъ символъ *корабля,* имѣвшій, какъ извѣстно, смыслъ церкви, въ древнехристіанской и средневѣковой символикѣ и на Западѣ. Самые

отдѣлы храма на архитектурномъ языкѣ названы кораблями. Этотъ средневѣковой символъ особенно усвоенъ такъ называемыми Людьми Божіими, которые называютъ *кораблемъ* каждое отдѣльное общество изъ своихъ, отправляющее вмѣстѣ свое богослуженье; а правитель такой общины или нȁбольшій называется *кормщикомъ корабля*.

Самый фантастическій образъ символическаго корабля предлагаетъ извѣстная скопческая пѣсня о какой-то *Сладимъ-рѣкѣ*, текущей изъ рая.

Пѣсня такъ оригинальна, что почитаю не лишнимъ привести ее всю сполна:

Взбранный воевода нашъ, сударь батюшка,
Взбранный воевода нашъ, Царь Небесный!
Радуйся, Сладимъ-рѣка — изъ рая течетъ,
Радуйся, Сладимъ-рѣка съ Искупителемъ,
Радуйся, Сладимъ-рѣка со Спасителемъ,
Радуйся, со Святымъ Духомъ Утѣшителемъ,
Радуйся, Сладимъ-рѣка, гласъ вѣщанія,
Радуйся, Сладимъ-рѣка, гласъ ученія,
Во всѣ концы земли подвселенныя!
Долинȁ Сладимъ рѣки — Саваоѳъ Господь,
Ширина Сладимъ-рѣки — сударь Сынъ Божій,
Глубина Сладимъ-рѣки — сударь Духъ Святый[1]).
Плыветъ по Сладимъ-рѣкѣ да царскій корабль;
Вокругъ царскаго корабля легкія лодочки,
Плывутъ легкія лодочки все фрегатушки;
Возлюбленныя вѣрныя царскія дѣтушки,
Матросы — бѣльцы, стрѣльцы, донскіе козаки,
Воины заграничные, слуги вѣрные.
Восплываетъ батюшка сударь Сынъ Божій,
Поправляетъ батюшка сударь Духъ Святый.
По синему морю поплавываютъ,

---

[1]) Этотъ мотивъ взятъ изъ слѣдующаго мѣста извѣстной апокрифической бесѣды св. отцовъ: «*вопросъ:* что есть высота небесная, широта земная, глубина морская? *Отвѣтъ:* Высота небесная — Отецъ, широта земная — Сынъ, глубина морская — Духъ Святой».

И бѣлыми парусы размахиваютъ,
И въ гусли Давыдовы выигрываютъ,
Глаголы Господни вычитываютъ,
Жениться они батюшкѣ совѣтываютъ.
Сосватался батюшка на Сіонъ-горѣ,
Женился нашъ батюшка на Голгоѳъ-горѣ,
Вѣнчался нашъ батюшка на Святомъ Крестѣ.
Радуйся, Сіонъ-гора превысокая,
Радуйся, Голгоѳъ-гора, мѣсто лобное!
Женихъ къ тебѣ идетъ, жениться грядетъ.
Невѣсту взялъ, батюшка, Саваоѳа дочь,
Саваоѳа дочь, дочку ближнюю,
Дочку ближнюю, Небо высшее,
А землю нашъ батюшка во приданствѣ взялъ:
За то Саваоѳъ отдалъ, что кровью страдалъ,
За то Саваоѳъ уступилъ, что кровью купилъ.

Эту и многія другія пѣсни, входящія въ составъ еретической службы, надобно разсматривать въ двоякомъ отношеніи: съ точки зрѣнія христіанской цивилизаціи вообще, и съ точки зрѣнія поэтической, художественной.

До сихъ поръ всю эту поэзію разсматривали обыкновенно только въ первомъ отношеніи, и совершенно справедливо видѣли въ ней нелѣпую чепуху, служащую препятствіемъ къ распространенію здравыхъ понятій. Но въ отношеніи литературномъ можно быть нѣсколько снисходительнѣе къ этой наивной поэзіи потому, что заблужденья творческой фантазіи, воспитанной суевѣрьями и ученьями разныхъ сектъ, были во всемъ христіанскомъ мірѣ естественнымъ путемъ, по которому развивались народныя массы. Пѣснями мистиковъ, бичующихся и другихъ фанатиковъ, имѣющими замѣчательное сходство съ русскою еретическою поэзіею, очень дорожатъ историки западныхъ литературъ, открывая въ нихъ слѣды умственнаго и поэтическаго развитія [1]). Чтобъ въ отношеніи поэтическомъ прими-

[1]) Смотр. Hoffmann von Fallersleben, Geschichte des Deutschen Kirchenliedes. 1854 г., стр. 86, 130.

риться съ пѣснями нашихъ сектантовъ и найдти въ нихъ литературное значеніе, надобно только въ своей оцѣнкѣ спустить ихъ изъ современности, примѣрно, къ XIV вѣку европейской поэзіи, и, не обманывая себя внѣшнимъ уровнемъ новѣйшаго русскаго просвѣщенья съ западнымъ, надобно въ невѣжествѣ простонародья и въ этой еретической поэзіи признать вопіющую улику нашему европейскому просвѣщенью въ томъ, что оно само не было на столько просвѣщеньемъ европейскимъ, чтобъ озарить свѣтомъ человѣколюбиваго ученія эту заматорѣлую, вѣковую тьму. Нельзя въ такомъ живомъ организмѣ, какъ народъ, довольствоваться однѣми крайними оконечностями, и только по нимъ судить о здоровьѣ всего жизненнаго состава. Невѣжество и суевѣрье толпы свидѣтельствуютъ о томъ, что еще не успѣла русская цивилизованная современность воспитать хорошихъ учителей. Потому-то въ этихъ поэтическихъ воплях русскаго доморощеннаго фанатизма слышится горькій упрекъ просвѣщенью Петровской Руси, которая только съ презрѣньемъ отвращала взоры отъ своей отсталой, заблудшейся братіи, съ средневѣковою увѣренностью, что темныя заблужденья и суевѣрья можно истребить какими-нибудь крутыми мѣрами, а не перевоспитать путемъ послѣдовательнаго, осмотрительнаго и гуманнаго образованія.

Обратимся же къ указанью тѣхъ успѣховъ, какіе сдѣлала простонародная фантазія въ поэзіи сектантовъ.

Мы видѣли, какъ ограниченъ книжнымъ преданьемъ стиль обще-народныхъ духовныхъ стиховъ. Фантазіи недоставало той игривости, которую она пріобрѣтаетъ свободнымъ обращеньемъ съ предметами своего творчества. Правда, что и византійская литература въ своихъ апокрифическихъ басняхъ давала нѣкоторый выходъ свободному творчеству изъ того сомкнутаго круга, который опредѣлялся строгимъ наблюденьемъ догматовъ теологическаго ученія. Но это были не болѣе какъ полумѣры, съ которыми трудно было вполнѣ примириться, потому что самое раздѣленье поэтическаго матеріала на дозволенный и не дозволен-

ный было стѣснительно для фантазіи. Поэзія сектантовъ, черпая свои силы изъ народныхъ источниковъ, умѣла усвоить себѣ ту наивную свободу въ обращеніи съ религіозными сюжетами, какою отличается католическая поэзія средневѣковаго Запада.

Извѣстны, напримѣръ, страстныя обращенія, какія позволяли себѣ въ поэтическихъ молитвахъ Францискъ Ассизскій и другіе фанатическіе поэты. Соотвѣтственныя этому католическому обычаю страстныя, наивныя выраженья религіознаго восторга можно найдти на Руси только въ пѣсняхъ сектантовъ. Такова, напримѣръ, слѣдующая богослужебная пѣснь людей Божіихъ, въ сборникѣ г. Варенцова, стр. 199:

Тошнымъ было мнѣ тошнехонько,
Грустнымъ мнѣ было грустнехонько,
Мое сердце растоскуется,
Мнѣ къ Батюшкѣ въ гости хочется:
Я пойду, млада, ко Батюшкѣ...
Мое сердце растоскуется,
Сердечный ключъ подымается:
Мнѣ къ Матушкѣ въ гости хочется,
Съ любезною повидатися,
Съ любезною побесѣдовать.
И мнѣ къ *вѣрнымъ* въ гости хочется,
Съ вѣрными повидатися;
Съ любезными побесѣдовать.

Въ дополненіе къ этому, укажу на одну скопческую пѣсню, переходящую предѣлы наивности, какъ случается и съ поэзіею католическою. Вотъ выдержка изъ этой пѣсни, менѣе оскорбляющая приличіе:

Утенушка по рѣчушкѣ плыветъ,
Выше бережку головушку несетъ,
Про меня, младу, худу славу кладетъ...
Я спать лягу, мнѣ не хочется:
Животъ скорбью осыпается,
Уста кровью запекаются.
Мнѣ къ Батюшкѣ въ гости хочется,
У родимова побывать, побесѣдовать...

Изящество раскольничьихъ пѣсенъ опредѣляется двумя господствующими въ нихъ художественными формами. Это — или обычные мотивы народнаго творчества, основанные на живописныхъ уподобленіяхъ, или же символика мистической поэзіи, ведущая свое начало отъ древне-христіанскаго и византійскаго стиля. То и другое предлагается въ видѣ аллегоріи, которую, какъ загадку, слѣдуетъ разгадать, съ тою только разницею, что уподобленіе уже само по себѣ удовлетворяетъ художественное чувство, какъ цѣльная, самостоятельная картина, подробности которой освѣщены одною общею имъ всѣмъ идеею, тогда какъ символическіе образы въ своей фантастической необычайности остались бы недосказанными, если бы не былъ данъ объяснительный ключъ къ ихъ уразумѣнію.

Вотъ напримѣръ граціозная пѣсенка совсѣмъ во вкусѣ народной лирики.

Ой во саду, саду, во саду зеленомъ
Стояло тутъ древо отъ земли до неба.
На это на древо птица солетала,
Птица голубица древо любовала,
Древо любовала, гнѣздышко свивала,
Гнѣздышко свивала, дѣтей выводила,
Дѣтей выводила, дѣткамъ говорила:
— «Ужъ вы, мои дѣтки, дѣтки голубятки!
«Клюйте вы пшеничку, клюйте — не роняйте,
«Въ поле не летайте, въ пыли не пылитесь,
«Въ пыли не пылитесь, росой не роситесь!»
Дѣтки не стерпѣли, въ поле полетѣли,
Въ пыли запылились, росой заросились.
Ужъ какъ-то намъ быть, къ Батюшкѣ придтить!
Къ Батюшкѣ придтить, слезами залиться,
Авось нашъ Батюшка до насъ умилится!

Типическій образецъ стиля символическаго въ выспреннемъ строѣ мистическаго воодушевленія предлагаетъ слѣдующій торжественный гимнъ такъ называемыхъ Людей Божіихъ.

У насъ было, други, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, во царскомъ дому,
Стояла тамъ церковь соборная,
Соборная церковь, богомольная.
Во той во церкви Люди Божіи:
Они сходятся, Богу молятся.
Во той во церкви пробилъ быстрый ключъ;
Растворились двери — рѣка протекла.
По той по рѣкѣ суденца плывутъ,
Суденца плывутъ, все судомъ судятъ:
Разсудили судъ, кораблемъ пошли.
Ходитъ-гуляетъ добрый мо́лодецъ,
Добрый мо́лодецъ, сынъ царскій, гребецъ.
На главѣ его смарагдовый вѣнецъ,
Во рукѣ держитъ лазоревый цвѣтъ:
Съ руки на руку перекидываетъ,
Вѣрныхъ, праведныхъ поманиваетъ,
Дорого́й товаръ показываетъ.
Этому товару цѣны, други, нѣтъ:
Денегъ не берутъ, даромъ не даютъ;
Раненько встаютъ, трудомъ достаютъ.
Сказать ли вамъ, братцы про тотъ быстрый ключъ?
Этотъ быстрый ключъ — Благодать съ неба;
Растворились двери — дана вамъ Вѣра;
Рѣка протекла — рѣчи Божіи,
Рѣчи Божіи, суды грозные! Аминь!

Само собою разумѣется, что религіозный стиль, низведенный сектантами до простонародной грубости, долженъ былъ иногда нарушать свое величіе тривіальностью выраженій, которою не умѣетъ оскорбляться наивное простонародье.

Другой признакъ развитія народной поэзіи въ пѣсняхъ сектантовъ — это болѣе или менѣе сознательное преслѣдованье извѣстнаго направленья. Уже самое сложеніе обрядныхъ и догматическихъ пѣсенъ какого-нибудь еретическаго толка свидѣтельствуетъ о намѣреніи и цѣли слагателей. Потому почти за каждою такою пѣснею скрывается задняя мысль. Такъ, напримѣръ, пѣсня странниковъ, бѣжащихъ изъ пагубнаго Вавилона,

состоитъ въ связи съ протестомъ бѣглецовъ противъ паспортовъ. Это дикое возмущеніе противъ гражданственности прикрываетъ себя внѣшнимъ выраженьемъ фанатическаго благочестья:

Ни что не можетъ воспретити,
Отъ странства мя отлучити.
Пищи тако не алкаю,
Странствоваться понуждаюсь.
Всему міру въ смѣхъ являюся,
Токмо странства не лишуся.
Бѣжи, душа, Вавилона,
Постигай спѣшно Сіона и проч.

(Варенц., стр. 188).

Въ параллель съ этою пѣснею привожу еретическій паспортъ, замѣчательный столько же по нелѣпой тенденціи, сколько и по необузданности сильныхъ выраженій:

«Объявитель сего, Іерусалима града вышняго, азъ рабъ Христовъ, уволенъ въ разные города и селенія, для ради себя прокормленія, всякими трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а есть съ воздержаніемъ; противъ всѣхъ чтобъ не прекословить, но токмо Бога славословить; убивающихъ тѣло не бояться, но Бога бояться и терпѣніемъ укрѣпляться. Утверди мя, Господи, во святыхъ твоихъ заповѣдяхъ стояти, и отъ Востока, тебѣ, Христе, къ Западу не отступати. Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой: кого ся убою. Господь защититель животу моему: кого ся устрашу. И гдѣ я буду пребывать, всѣхъ я буду подражать. А кто держать меня будетъ бояться, тотъ не хощетъ съ царемъ моимъ знаться. Ты покой мнѣ, Богъ, и прибѣжище мнѣ, Христосъ; покровитель и просвѣтитель мнѣ Духъ Святый. А какъ я сего не буду наблюдать, то послѣ много буду плакать и рыдать. Егда день Христовъ явится, тогда дѣло наше объявится. Дано сіе отъ нижеписаннаго числа впредь на одинъ вѣкъ, а по прошествіи онаго числа явиться мнѣ въ мѣсто нарочито. Сей пашпортъ явленъ въ части святыхъ, и въ книгу животну подъ номеромъ будущаго вѣка записанъ».

Но вотъ попали наконецъ въ тюремную облаву разные бѣгуны, скопцы и Люди Божіи, паспортные и безпаспортные, и, изнывая въ своемъ заточеніи, оглашаютъ крѣпкія стѣны темницы бряцаньемъ кандаловъ и умильными пѣснопѣньями, въ которыхъ услаждаютъ себя мистическимъ общеніемъ съ самимъ Господомъ Богомъ.

Благослови, вышній Творецъ,
Насъ «Христосъ воскресъ» воспѣть,
Искупителя вострѣть.
Полно, пташечки, сидѣть,
Приходитъ время летѣть
Изъ затворовъ, изъ остроговъ,
Изъ темничныихъ запоровъ.
Караулятъ, стерегутъ —
Христа Бога берегутъ;
Крѣпки двери затворили,
Христа Бога заключили,
Будто радость получили.
То не знаютъ Іудеи
И всѣ злые фарисеи,
Како чудо претворится.
Крѣпкая дверь отворится,
Тяжолъ камень отвалится,
А нашъ Батюшка родной
Воскресеніемъ явится,
Чудеса будетъ творить.
Въ злату трубушку вострубитъ
Ото сна вѣрныхъ разбудитъ.
Погонятъ его гонцы
Во всѣ стороны-концы;
Будутъ вѣрныихъ вѣстить,
Что нашъ Батюшка родной
Много съ нами погоститъ.
Такъ намъ надобно, любезны,
Къ той порѣ себя исправить:
Всѣмъ нарядъ Божій достать,
Какъ предъ Батюшкой бы стать.
Пора, други, украситься,

Чтобъ не стыдно намъ явиться,
Другъ на друга не вредиться,
Добрымъ дѣломъ не хвалиться,
А богатствомъ не гордиться.
Всѣ къ Батюшкѣ припадите
И сердцами воздохните.
Спѣшитъ Батюшка, катитъ,
Онъ со Страшнымъ Судомъ,
Со рѣшеньемъ и прощеньемъ,
Со небесными дарами,
Со разными со вѣнцами,
Съ знаменами и крестами,
Со златыми со трубами,
Съ богатырскими конями.
Будетъ Батюшка дарить,
По плечамъ ризы кроить:
Къ вѣрнымъ, праведнымъ — съ наградой,
Со небеснымъ покровомъ.

Существеннымъ дополненіемъ къ господствующей здѣсь мистической идеѣ служитъ слѣдующій эпизодъ.

Сокатала наша Матушка,
Наша Матушка, помощница,
Пресвятая Богородица,
Сокатала съ неба на землю,
Къ Государю Искупителю,
Къ нему свѣту — *во неволюшку.*
Со слезами наша Матушка
Его свѣта уговаривала.
— «Государь, родимый Батюшка!
Полно тебѣ во неволюшкѣ сидѣть,
Пора тебѣ съ земли на небо катить.
Пожалуй, свѣтъ, сударь Батюшка родной,
Ко мнѣ въ гости, въ седьмое небо,
Во седьмое небо, въ блаженный рай.
Я тамъ тебя утѣшать буду,
Утѣшать буду, ублажать стану,
Со ангелами, архангелами,
Съ херувимами, серафимами.»

Глаголуетъ Государь Батюшка родной:
— «Сударыня моя Матушка,
Родная Матушка, помощница,
Пресвятая Богородица!
Мнѣ не время катить на небо,
Мнѣ нельзя оставить дѣтушекъ,
Своихъ вѣрныихъ, избранныихъ сиротъ,
Избранныихъ, Богомъ званыихъ,
На землѣ ихъ безъ защитушки,
Безъ защитушки, безъ оградушки.
На нихъ нападутъ звѣри лютые,
Разгонятъ ихъ по темны̀мъ лѣсамъ —
По темны̀мъ лѣсамъ, по крутымъ горамъ.
Сударыня моя Матушка,
Родная Матушка, помощница,
Пресвятая Богородица!
Дай мнѣ сроку хошь на шесть лѣтъ:
Соберу я своихъ дѣтушекъ,
Своихъ вѣрныихъ, избранныихъ,
Избранныихъ, Богомъ званыихъ.
Соберу ихъ въ одно мѣстышко,
Совью имъ теплое гнѣздышко;
Совершу на землѣ Божій Судъ,
Тогда кончу превеликой свой трудъ.» —
Свѣтъ аминь Царю Небесному
И Святому Духу блаженному!

Грубая смѣсь невѣжественнаго фанатизма съ безсознательнымъ недовольствомъ дѣйствительностью придаетъ еретической поэзіи какой-то двуличневый колоритъ, переходящій отъ религіознаго восторга къ раздражительной сатирѣ и насмѣшкѣ. Потому эта поэзія очень богата сатирическими произведеніями, которыя возникаютъ въ ней и до нашихъ временъ. Въ рукахъ грамотныхъ сектантовъ сохраняются вообще простонародныя сатиры, хотя бы онѣ и не имѣли прямаго отношенья къ раскольничьимъ догматамъ.

Такова, напримѣръ, Просьба на исправника, состоящая

въ обличеніи взяточничества. Вотъ нѣсколько изъ нея выдержекъ [1]).

Всепресвѣтлѣйшій и Милостивый Творецъ,
Создатель небесныхъ и словесныхъ овецъ!
Просимъ мы слезно, нижайшія твари,
Однодворцы и экономическіе крестьяне,
О чемъ, тому слѣдуютъ пункты:
1) Не было въ сердцахъ нашихъ болѣсти,
Когда не раздѣлены были мы на волости,
И всякому крестьянину была свобода;
Когда управлялъ нами воевода,
Тогда съ каждаго жи́ла
По копѣйкѣ съ души выходило:
2) А какъ извѣстно всему свѣту,
Что отъ исправника и секретаря житья нѣту,
По наукѣ ихъ го́ловы и сотскіе воры
Поминутно дѣлаютъ поборы,
Поступаютъ съ нами безчеловѣчно,
Чего не слыхать было вѣчно....
Прежде тиранили, не навидя Христовой вѣры,
А сіи мучатъ, какъ не дашь денегъ или овса мѣры.
Всѣ наши прибытки и доходы
Потребляемъ земскому суду на расходы.
3) Суди насъ, Владыко, по человѣчеству:
Какіе же слуги будемъ мы отечеству?
До крайности дошли, что не чѣмъ и одѣться,
Въ большіе праздники не чѣмъ разговѣться.
Работаемъ, трудимся до поту лица,
А не съѣдимъ въ Христовъ день куринаго яйца
Ѣдимъ мякину, обще съ лошадьми:
Какими жъ можемъ назваться мы людьми?...
А какъ придетъ весна,
То жены наши начнутъ ткать кросна
Исправнику, секретарю и приказнымъ,
Чтобъ не быть бабамъ нашимъ празднымъ.

---

[1]) Какъ это сочиненіе, такъ и другія, приведенныя мною, взяты изъ позднѣйшихъ списковъ, переписанныхъ съ раскольничьихъ рукописей.

Съ каждаго домишку
Берутъ по полупуду льнишку,
И сверхъ того для своей чести
Сбираютъ по полуфунту овечьей шерсти,
Даже со двора по мотку и нитокъ,
Каковъ бы ни былъ нашъ пожитокъ.
И какъ они взъѣзжаютъ,
То плутъ десятскій съ сотскимъ изъ дому всѣхъ выгоняютъ,
А тѣхъ только оставляютъ, которыя помоложе —
Да ужъ и говорить о томъ непригоже!
Пріѣзды ихъ весьма для насъ обидны —
Тебѣ, Владыко нашъ, самому очень видны.
Просимъ мы тебя слезно, простирая руки —
Какъ нынѣ страждутъ Адамовы внуки —
Отъ властителей такихъ велика намъ бѣда:
Избавь насъ, Господи, отъ земскаго суда!

Наконецъ, какъ бы ни была груба среда, изъ которой выходитъ разбираемая мною поэзія, какъ бы ни былъ безъисходенъ тотъ узкій горизонтъ, подъ которымъ эта поэзія вращается, все же въ самомъ развѣтвленіи ея на секты и толки видно нѣкоторое движенье, если уже нельзя по качеству самыхъ идей назвать этого явленія развитіемъ. Въ самой грубости надобно видѣть не одно только неподвижно коснѣющее варварство, но и нѣкоторое броженіе жизненныхъ соковъ. Поэзія сектантовъ, развѣтвившаяся на множество толковъ, явственно содержитъ въ себѣ это броженіе и даже не столько варварское, судя по многимъ идеямъ сектантовъ, встрѣчающимся, то съ ученьемъ протестантскимъ, то съ различными утопіями даже современныхъ западныхъ энтузіастовъ и мечтателей. Иныя изъ этихъ идей могутъ быть ложны, нелѣпы, даже вредны, но не варварскій застой составляетъ ихъ существенное качество.

1861 г.